

عزيم
باشماتيك

Избранные сказки,
рассказы и повести

из „Альсали и
одной ночи“

Перевод с арабского
М. Ж. Салве

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1986

84(0)9

М 29

Составление, вступительная статья и примечания

И. М. Фильштинского

Иллюстрации

Н. А. Ушина

М 4703000000—1169 1169—86
080(02)—86

© Издательство «Правда». 1986. Составление.
Вступительная статья.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Одна из популярнейших книг мира — знаменитый свод сказок, рассказов и повестей, известный под названием «Тысяча и одна ночь», впитал в себя творения многих народов и многих поколений. В эту сокровищницу народной фантазии и мудрости наряду с главными ее творцами — арабами внесли свой вклад индусы и иранцы, греки, евреи, древние египтяне, вавилоняне и другие народы и племена древнего и средневекового Востока. В этом этническом разнообразии источников отразилась историческая реальность арабского халифата, культура которого создавалась не только арабами, но и покоренными ими, исламизированными и арабизированными народами и успешно абсорбировала как местные традиции, так и другие, мигрировавшие на Востоке духовные ценности.

В арабской народной литературе — особом роде словесности, отличном от авторской прозы, — устное творчество взаимодействовало с письменной традицией. На протяжении всего средневековья своеобразные концерты-чтения, на которых исполнялись произведения народной литературы: романы-эпопеи, сказки, рассказы, стихи-песни, — были излюбленным развлечением населявшего мусульманские города простонародья. В странах Арабского Востока традиция публичного исполнения народной литературы не прерывалась вплоть до XX века, о чем свидетельствуют воспоминания и путевые заметки многочисленных путешественников, ученых и дипломатов, многие годы проводивших в различных провинциях Османской империи и побывавших на этих, в те времена еще очень популярных «чтениях-концертах». До самого недавнего времени в ярмарочные дни, во время мусульманских празднеств или в дни каких-либо других сборищ на городских рынках, в кофейнях или закусочных можно было увидеть профессиональных чтецов — мухаддисов или шаиrow, выступавших со своим искусством перед людьми простого звания — ремесленниками, мелкими торговцами и другими не слишком образованными горожанами.

Выступления мухаддисов и шаиrow не были сказительской импровизацией. Во время представления перед ними лежал текст, который они декламировали «с выражением». Поскольку сложившиеся в традицию народные вкусы требовали, чтобы текст изобиловал отрывками рифмованной прозы, а также стихами, которые по ходу повествования вкладывались в уста героев, исполнитель периодически прерывал чтение, дабы пропеть тот или иной стихотворный отрывок под аккомпанемент музыкальных инструментов, причем иногда функции певца и аккомпаниатора брали на себя специальные артисты. Таким образом, выступления мухаддиса и его помощников были не просто «художественным чтением», но целым музыкально-драматическим представлением, включавшим также элементы театра, что придавало их искусству своеобразный синкретический характер.

В отличие от сказителей, исполнителей фольклорных произведений, мухаддисы, опиравшиеся во время «чтений» на заранее подготовленный текст, способствовали созданию и развитию письменной традиции и вместе с тем активно перерабатывали произведения своих анонимных предшественников. Создавая свой репертуар, они либо записывали бытовавшие в среде горожан разнообразные истории, сказки и народные предания, либо пользовались письменными источниками (историческими хрониками, географическими сочинениями, описаниями путешествий, сборниками сказок и притч назидательного содержания и т. д.), трансформируя этот материал в соответствии со вкусами своих слушателей. Но чаще всего они создавали некий сплав, соединяя материалы письменных источников с фольклорными рассказами. Пройдя обработку в руках многих поколений сочинителей, переписчиков и мухаддисов, произведения народной литературы обрести все новыми эпизодами и вместе с тем обрели большую целостность и стройность.

Так сложилась и «Тысяча и одна ночь» — огромный свод арабской народной литературы, время формирования которого исследователи датируют IX—XVII веками. В начале XVIII века французский ориенталист А. Галлан перевел текст «Тысячи и одной ночи» на французский язык, тем самым введя этот замечательный памятник арабской народной словесности в европейский культурный обиход. Перевод А. Галлана вызвал большой интерес — «Тысячу и одну ночь» начали переводить и изучать. В XIX веке «Тысяча и одна ночь» неоднократно переводилась на русский язык с европейских языков. Мы публикуем первый и единственный перевод с оригинала, сделанный М. А. Салье в 20-х годах нашего века.

В результате исследования сюжетов и мотивов, исторических реалий, лексики и стиля «Тысячи и одной ночи» удалось просле-

дить историю создания свода и выделить три основных его слоя — индо-иранский, багдадский и египетский, различающихся не только местом и временем создания, но соответственно сюжетами, манерой построения фабулы, а в известной мере и системой ценностей, в которых отразилось влияние тех или иных социальных и культурно-исторических особенностей и местных традиций словесного искусства. Разумеется, это деление условно, поскольку многие тексты создавались веками, мигрируя из одного региона в другой и обрастая новыми наслоениями. Подчас в одной и той же сказке соседствуют этнически, хронологически и типологически разнородные элементы: индийские и иранские истории арабизируются и исламизируются, багдадские новеллы «модернизируются» в позднейший египетский период и т. д.

Древнейшую основу «Тысячи и одной ночи» составляет перевод персидского сборника индо-иранских сказок «Хезар эфсане» («Тысяча сказок»). Текст этого перевода не сохранился, однако известно, что он был сделан в VIII веке, когда, после завоевания Ирана, арабо-мусульманская культура интенсивно впитывала иранские, а через них и индийские традиции. Мы не знаем, был ли арабский перевод полным или частичным, но, по-видимому, само обрамление «Тысячи и одной ночи» и некоторые входящие в свод волшебные сказки были заимствованы из «Хезар эфсане».

Композиция с обрамляющей новеллой, восходящая к индийскому фольклору и древнеиндийской литературе, получила название обрамленной повести. Весь свод «Тысячи и одной ночи» представляет собой такую гигантскую обрамленную повесть, начинающуюся рассказом о жестоком царе Шахрияре, обманутом женой и решившем казнить каждую новую жену после первой брачной ночи, и «целомудренной, чистой, благородной и богобоязненной» дочери везира Шахразаде, начавшей рассказывать царю увлекательную историю, которую она к рассвету довела до самого интересного места, таким образом заставив его отложить казнь. Так продолжалось «тысячу и одну ночь» — истории (короткие, длинные, фантастические, героические, любовно-бытовые, назидательные) следовали одна за другой, и каждый раз Шахразаду «застигало утро», и она «прекращала дозволенные речи», чтобы возобновить их с наступлением следующей ночи. Завершается «Тысяча и одна ночь» рассказом о том, как царь помиловал родившую ему за это время троих сыновей Шахразаду и «раскаялся в убиении чужих дочерей». Вставки, прерывающие повествование, в нашем издании опущены.

Согласно свидетельству арабского библиографа X века Ибн ан-Надима, багдадский литератор аль-Джахшьяри (ум. в 942 г.) начал составлять по образцу, а отчасти и по материалам персидского сборника сказок свой собственный сборник, назвав его «Тысяча

ночей», добавляя к иранским сказкам арабские и объединив их с рассказом о Шахразаде и Шахрияре. По словам Ибн ан-Надима, он имел намерение включить в свой сборник «тысячу сказок арабов, персов и греков», но сумел собрать лишь четыреста восемьдесят. В XII—XIII веках в свод вошли новые сказки как азиатского, так и египетского происхождения, а название его заменилось на «Тысячу и одну ночь», по-видимому, как полагают исследователи, под влиянием тюркского идиома «бин бир» (тысяча один)—синонима множества. Однако впоследствии число «тысяча один» стало восприниматься буквально, что потребовало включения в сборник все новых и новых, бытовавших в народной литературе материалов. Формирование сборника продолжалось вплоть до XV—XVI веков, когда в него вошли большие эпосы типа народных романов, в которых нашли отражение войны арабов-мусульман против крестоносцев и Византии, а также рассказы дальневосточного происхождения, проникшие в страны ислама в период монгольского нашествия в XIII веке. Дошедшие до наших дней рукописные варианты «Тысячи и одной ночи» датируются XVI—XVII веками.

В «Тысяче и одной ночи» действуют различные исторические личности (халифы, эмиры, мусульманские юристы, поэты, музыканты и т. д.), но самую большую роль играет в ней халиф Харун ар-Рашид, реально правивший в Багдаде с 786 по 809 г. и превращенный народной фантазией в легенду, вовсе не соответствующую тому, что известно об историческом халифе из источников. Трудно сказать, почему именно этот халиф удостоился такого интереса со стороны народа. Скорее всего идеализация его образа была связана с теми ностальгическими чувствами, которые жители халифата времен гражданских войн, дворцовых переворотов, упадка престижа правящей династии, произвола иранских и тюркских военачальников (X—XI вв.) испытывали по отношению ко времени экономического и культурного расцвета, на которое пришлось его правление. Харун ар-Рашид фигурирует не только в багдадских сказках, где он часто главенствует, но и во многих египетских, где образ его более схематичен, а роль сводится к «устроению судеб» — соединению любящих («Рассказ об Абдаллахе ибн Фадиле», «Рассказ об Ибрахиме и Джамиле») или коррекции событий в нужном направлении («Рассказ об Ала ад-Дине Абу-ш-Шамате»).

Современному читателю сказки «Тысячи и одной ночи» могут показаться примитивными, он не найдет в них психологических мотиваций поведения героев и убедительных причинно-следственных связей, соответствующих требованиям, которые он привык предъявлять произведениям художественной литературы. Однако к сказкам Шахразады, как и ко всякому произведению искусства, необходимо подходить исторически, учитывая психоло-

гию, характер художественного мышления и жизненный опыт его создателей и потребителей. Рассказчик и слушатель «Тысячи и одной ночи» в значительной мере верил и былям, и небылицам. В арабской средневековой прозе еще сохранялась презумпция достоверности, которая в авторской прозе оформлялась ссылками на источники, откуда та или иная история была почерпнута (некоторые сказки «Тысячи и одной ночи» также начинаются такой ссылкой). Поэтому еще не выработалось представление о необходимости убедительно мотивировать и логически обосновывать происходящее — такая потребность возникнет позднее, когда автор будет нести ответственность за психологическое и причинно-следственное правдоподобие сочиненных им характеров и ситуаций. Кроме того, необходимо учитывать структуру художественного сознания средневекового человека, привыкшего мыслить сложившимися устойчивыми стереотипами. Поэтому кочующие из текста в текст персонажи народной литературы (халифы и эмиры, иногда великодушные и щедрые, иногда злобные и мстительные, их советники — мудрые и благородные в индо-иранских сказках, коварные и корыстные в арабских, богатые купцы, бедные ремесленники, благонравные или, наоборот, коварные и развратные жены, находчивые и энергичные невольницы, страдающие, любящие, испорченные или добродетельные отпрыски в царских или купеческих семьях, маги-огнепоклонники, сводни, колдуньи и т. д.) — всегда скорее типы или амплуа, чем характеры, были ему хорошо знакомы. Слушая какую-либо новую сказку, средневековый горожанин как бы узнавал давно известных ему действующих лиц, заранее понимал, как им надлежит вести себя в том или ином случае и не испытывал потребности в убедительной мотивации их поступков. Это была особая знаковая система, веками складывавшийся особый мир, от авторов-компиляторов и рассказчиков требовались только изобретательность и мастерство в оперировании готовыми компонентами и в словесном оформлении материала.

В сознании средневекового горожанина здравый смысл соседствовал с верой в волшебные силы и в «вероятность невероятного». Представление о том, что человека на каждом шагу подстерегают непредсказуемые опасности и препятствия, соответствовало повседневному опыту жителей Ирака, мамлюкского Египта и других областей халифата, постоянно страдавших от произвола властей и от политической нестабильности. А вера в возможность счастливого поворота судьбы, благого случая, в котором реализовывалась, согласно мировоззрению средневекового мусульманина, милость всемогущего аллаха, помогала сносить бесправие, невзгоды и житейские трудности — поэтому удивительные события, рисуемые

Шахразадой в ее сказках, обладали для него внутренней достоверностью.

В огромном общем «фонде», из которого черпали творцы народной литературы, накопилось множество разнообразных сказочных и новеллистических сюжетов и мотивов, создалась целая галерея стереотипных персонажей и выработались общепринятые композиционные и стилистические приемы. Язык и стиль «Тысячи и одной ночи» сложился под влиянием характерного для арабского средневековья культа красноречия. В вычурных сравнениях и красочных описаниях, которыми создатели «Тысячи и одной ночи» щедро украшали свои истории, сказались богатейшая фантазия и замечательное словесное искусство. Однако все эти однотипные, повторяющиеся из сказки в сказку описания, эпитеты, сравнения носили условный характер. Элементы конкретизации можно обнаружить лишь в бытовых сценах и деталях, выписанных под воздействием реальных жизненных впечатлений (в основном в египетском слое свода), но и они носят стереотипный характер. Однако интересно, что при всей условности и клишированности портретных характеристик в некоторых сказках (чаще всего иранского происхождения или сложившихся под иранским влиянием) они играют фабулообразующую роль, вселяя в сердца героев или героинь любовь и, таким образом, составляя основу завязки (например, в «Сказке о Бадр Басиме и Джаухаре» и в «Рассказе об Ибрахиме и Джамиле»).

Поскольку тексты «Тысячи и одной ночи» часто компилировались из готовых «блоков», при создании больших сказок особое значение приобретало мастерство композиции. С этой точки зрения творчество авторов арабских сказок можно было бы сравнить с трудом средневековых ремесленников, создающих ковер из сложной комбинации разнообразных и многокрасочных орнаментов и геометрических фигур. Сказки строятся по-разному: в одних (как во всем своде в целом) использована структура обрамленной повести, то есть повествование, в которое под тем или иным предлогом вводятся другие, имеющие самостоятельное значение рассказы, в других композиция естественно диктуется сюжетом (например, в «Сказке об Абдаллахе земном и Абдаллахе морском», в «Сказке об Абу Кире и Абу Сире» и в других), а в третьих — самый разнообразный материал нанизывается на некую, порой весьма условную, сюжетную нить (поиски возлюбленной, путешествия и прочее).

Включенная в наш сборник нравоучительная «Сказка о Джиллиаде и Шимасе» относится к древнейшему слою свода и в соответствии с индийской традицией строится как обрамленная повесть. Обрамлением в ней служит рассказ о царевице Вирдхане, которого «ошеломила земная жизнь своими уладами и опутала своими узами» и который, отступив от заве-

тов своего отца Джиллиада и пренебрегая советами благоразумного везиря Шимаса, увлекся женщинами и поддался их влиянию. Он перестал заботиться о делах своего царства и своих подданных и в конце концов по настоянию глупых и легкомысленных жен приказал казнить мудрых советчиков-везирей во главе с Шимасом, что привело к пагубным последствиям для его царства, оказавшегося жертвой сильного соседа. Однажды случайно он подслушал на улице разговор двух мальчиков, из которых один оказался сыном Шимаса, и, поняв из разговора, сколь мудр сын убитого им везиря, приблизил его к себе и с его помощью спас государство, а жен, дававших ему дурные советы, приказал заточить в темницу. В это обрамление вставлено множество небольших назидательных притч, которые по тому или иному поводу рассказывают различные персонажи сказки. Каждая из этих несложных по содержанию и композиции притч, как это было принято в индийской дидактической литературе, завершается несложной моралью. Так, Шимас рассказывает историю о рыбаке, который, увидев в реке большую рыбу — символ житейских соблазнов, — поплыл за ней и поймал ее, но попал «в пучину водоворота», а когда стал молить о помощи, то услышал ответ: «О такой-то, как же ты покинул путь спасения и ввел себя в погибель? Что же помешало тебе выбросить то, что было у тебя в руке, и спастись». «Я привел тебе, о царь, эту притчу, — завершает свой рассказ мудрый царский советник, — лишь для того, чтобы ты оставил эти ничтожные дела, которые отвлекают тебя от дел полезных, и подумал бы о том, что ты обязан делать, управляя подданными и поддерживая порядок в своем царстве...» Особый интерес представляют напоминающие зеркало «собеседования» Шимаса с юным царевичем, в котором в популярной форме излагаются основные религиозно-философские проблемы, волновавшие средневековых мусульманских мыслителей и теологов (о сотворении мира, об истинном и ложном, о причине грехопадения, природе добра и зла и т. д.).

Сказка завершается сентенцией в духе идей исламских средневековых рационалистов-мутазилитов: когда царь пытается свалить вину за им содеянное на козни женщин, мудрый везирь останавливает его словами: «Знай, о царь, что вина не на одних женщинах, ибо они подобны хорошему товару... кто хочет и покупает — тому продают, а кто не покупает — того никто не заставляет купить, и вина на том, кто купил, в особенности если он знал о вреде этого товара... Аллах великий сотворил для нас возможность и дал нам желание и свободную волю, и если мы желаем, то делаем, а если не желаем, то не делаем». Таким образом в индийскую сказку арабский рассказчик вводит мотив свободы воли и ответственности человека за его поступки, что не вполне согласовывалось с доминирующими в «Тысяче и одной ночи» традиционными исламскими представи-

ями о предопределенности всех человеческих действий. Как основной, обрамляющий рассказ, так и вставные истории проникнуты — и это характерно для вошедших в «Тысячу и одну ночь» индийских сказок — духом назидания и дидактики, а индийское негативное отношение к «земным страстям» переплетается с этическими представлениями исламского рационализма.

Четкую разграничительную линию между первоначальной индийской основой «Тысячи и одной ночи», попавшей на арабскую почву посредством персидских переводов, и собственно персидским вкладом в собрание провести трудно. В некоторых сказках встречаются персидские имена, упоминаются персидские должностные лица, цари Сасанидской династии, иранские географические и топографические наименования (Шираз, Хорасан и т. д.) и разнообразные реалии персидской жизни. Вполне логично предположить, что позднейший арабский рассказчик, дабы быть более понятным слушателям, мог заменить индо-иранские имена и реалии на соответствующие им арабские, но менее вероятно, чтобы он, для придания повествованию занимательности и необычности, заменял знакомые всем арабские имена и названия на иранские или индийские. Поэтому есть все основания полагать, что наличествующие в рассказах индо-иранские элементы — реликты их древнейшей основы, позволяющие пролить свет на их первоначальное происхождение.

В отличие от индийских сказок, историческая почва которых в материале ощущается довольно слабо, в сказках иранского происхождения реалии доисламской действительности проступают более отчетливо. Однако почти во всех как индийских, так и иранских сказках заметную роль играют позднейшие чисто арабские элементы, что ощущается не только в исламской дидактике и арабских бытовых реалиях, но и в появлении специфически арабских художественных тем и мотивов.

Основу фабулы большинства иранских сказок составляет любовная коллизия, причем ее главной типологической особенностью служит мотив зарождения любовного чувства к незнакомой девушке либо по рассказу о ее замечательной красоте, либо по случайно увиденному героем ее изображению или изделию ее рук, либо, наконец, по слуху о необычности ее поведения. Так, Ардешир, сын царя Шираза в «Повести об Ардешире и Хайят ан-Нуфус» влюбляется в иракскую царевну, услышав лишь молву о том, что она известна своей неприступностью и отвергает всех сватающихся к ней женихов. Этот мотив во всех его вариантах (возникновение любовного чувства при виде изображения возлюбленной, по описанию ее прелестей или простому упоминанию о них) постоянно встречается в древнеиндийской литературе, однако в сказках

«Тысяча и одна ночь», восходящих к иранской традиции, он приобретает особенно важное значение и составляет исходную основу для развития всего повествования.

Герой-влюбленный иранских сказок — обычно юноша знатного происхождения, чаще всего царевич, а его возлюбленная — царевна. Случайно узнав о существовании красавицы и влюбившись, герой отправляется на ее поиски и в конце концов, преодолев бесчисленные трудности, счастливо соединяется с нею. Типичным примером сказки такого рода в нашем сборнике может послужить простая по фабуле и по композиции «Повесть об Ардешире и Хайят ан-Нуфус». Некоторое разнообразие в завязку и развязку повести вносит эпизод с фресками, на которых с дополнением картины убиения птицы-самца изображен сон Хайят ан-Нуфус, побудивший ее отвергать всех женихов, — мотив, возможно, навеянный многочисленными образцами настенной живописи, сохранявшимися в Иране с доисламских времен. К позднейшим, уже арабским вставкам относятся поэтическое состязание между влюбленными и забавный рассказ о проникновении Ардешира во дворец. Иранские и арабские мотивы так органически слились, что повесть воспринимается как единое произведение.

Гораздо сильнее работа компилятора ощущается в «Сказке о Бадр Басиме и Джаухаре», в которой иранского происхождения лишь завязка (герой загорается любовью к дочери подводного царя, случайно подслушав разговор о ее невиданной красоте). В этой части сказки фантастический элемент не играет существенной роли, сообщается лишь, что новорожденного царевича его дядя Салих носил на дно моря, предварительно «насурьмив его и прочитав над ним имена, начертанные на перстне царя Сулеймана». Отметим, что этот мотив путешествия землянина на дно морское неоднократно встречается в индийском «Океане сказаний» и блистательно обыгрывается в одном из шедевров позднего египетского слоя «Тысячи и одной ночи» — «Сказке об Абдаллахе земном и Абдаллахе морском», включенной в наш сборник.

Центральная часть сказки — причудливая фантасмагория, отдельные части которой слабо связаны между собой и с предшествующим повествованием, — посвящена описанию приключений ставшего правителем Ирана Бадр Басима, который отправляется, как и полагается в сказке, на поиски возлюбленной. Здесь древнеиндийские мотивы (например, превращение человека в животное или птицу) перемешаны с эпизодами более позднего происхождения (кораблекрушение и чудесное спасение героя, его приключения в стране магов-огнепоклонников и другие).

Существенно различаются части сказки и в композиционном отношении. Первая древнейшая часть проста и стройна, ни одна из

ее деталей не могла бы быть удалена из повествования без нарушения общей сюжетной канвы, столь излюбленный авторами багдадских новелл эротический мотив представлен в ней слабо, а интерес к необычайным приключениям не играет сколько-нибудь значительной роли. Напротив, вторая часть изобилует повторами, слабо увязанными между собой эпизодами и, видимо, была включена в сказку позднейшими компиляторами, чтобы ее удлинить и лишний раз подчеркнуть обилие трудностей, которые герою пришлось преодолеть на пути к возлюбленной. При этом автор-компилятор оперирует устойчивыми клишированными мотивами, заимствованными из общего фонда народной повествовательной литературы. Нет единства и в трактовке образа возлюбленной, которая сперва изображается как некая абстрактная красавица, затем как злая, мстящая за отца колдунья, а в конце — как послушная дочь, готовая выйти замуж за бывшего врага. Разнообразные приключения, в том числе и любовные, занимают во второй части центральное место, а основа фабулы — поиски возлюбленной, превращается из жизненной цели героя во второстепенный связующе-композиционный мотив.

По тому же «лоскутному» принципу комбинирования многочисленных «блоков» построен «Рассказ об Абдаллахе ибн Фадиле», первоначально сложившийся, по-видимому, в Багдаде, но окончательную редакцию получивший позднее, уже в Египте. Редактор этой сказки проявил большое композиционное мастерство, увязав между собой ряд популярных сказочных мотивов, которыми в ходе «функционирования» рассказа оброс его традиционный сюжет о праведном юноше, которого пытаются погубить его злые братья, в наказание превращенные посредством волшебства в животных. В рассказе встречаются традиционные исламские мотивы: легенда о городе огнепоклонников, наказанных аллахом за отказ порвать с многобожием, упоминается предшественник пророка Мухаммеда, легендарный пророк Хидр, согласно исламской легенде нашедший источник живой воды и обретший бессмертие, вводится мотив спасения праведного героя по приказу самого аллаха дельфином и т. д. Как и во многих позднейших историях «Тысячи и одной ночи», Харун ар-Рашид не фигурирует в рассказе в роли активного участника происходящих событий наравне с другими героями, но, как и подобает могущественному правителю, вмешивается в их судьбы лишь иногда, дабы учинить справедливый суд, вознаградить праведников и наказать злодеев. Эта характерная для более поздних частей собрания типологическая особенность собственно и позволяет нам отнести его окончательную редакцию к позднему египетскому периоду.

«Рассказ об Абдаллахе ибн Фадиле» занимает промежуточное место между фантастической сказкой и городской новеллой, в которой уже намечается интерес к мотивации поведения персонажей и к обрисовке характеров. Злокозненные братья Абдаллаха уже не просто условные схемы злодеев, но живые люди со своими психологическими особенностями. Чем больше любви проявляет к ним благородный, добрый и снисходительный Абдаллах, тем сильнее их гложет ненависть. Уже само существование в мире доброго начала вызывает в их корыстных и завистливых душах дикуую злобу. При описании их поведения сказочный фантастический элемент постепенно отходит на задний план, образы злых братьев конкретизируются, а причинно-следственная связь между их чувствами и поступками прослеживается все с большей достоверностью.

В нашем сборнике широко представлен поздний египетский слой собрания. Кроме внешних признаков, дающих основание для атрибуции каирских сказок (частые упоминания кофе, различные географические и топографические названия, исторические реалии и т. д.), можно наметить ряд характерных для них типологических черт. В отличие от багдадских новелл, в которых в основном царит дух веротерпимости, в рассказах египетского периода формирования свода гораздо больше исламского пафоса и религиозной нетерпимости, явившихся результатом воспоминаний о войнах с Византией и крестоносцами и того враждебного отношения к христианской Европе, которое было свойственно Египту и другим мусульманским областям в различные периоды позднего средневековья (см., напр., «Сказку о Нур ад-Дине и Мариам-кушачнице»).

В позднейшем слое иное сравнительно с индо-иранским и даже багдадским соотношение фантастического и реального: конкретные жизненные впечатления как бы вытесняют и подчиняют себе сказочные элементы, хотя, разумеется, многие традиционные сказочные элементы и мотивы индо-иранского и багдадского происхождения «перекочевали» и на египетскую почву. Отсюда возросшая роль бытописательного реализма, обилие сцен и деталей, в целом дающих яркую картину жизни позднесредневековых египетских городов. Более отчетливое звучание приобретают социальные мотивы, в какой-то мере меняется и типаж: во многих сказках главную роль играет бедняк — ремесленник или торговец, добивающийся успеха благодаря своей изобретательности и здравому смыслу («Сказка об Абу Кире и Абу Сире», «Рассказ о Маруфе-башмачнике»).

С отступлением на второй план фантастического элемента связан еще один структурный признак египетских сказок: изме-

нение характера и функции действующих в них волшебных сил, переосмысленных в соответствии с жизненным опытом горожанина, подданного огромной империи, управляемой разветвленным бюрократическим аппаратом, всякий чиновник которого готов выполнять приказания постоянно меняющихся и меняющих свои намерения властителей, как бы противоречивы и произвольны они ни были. Соответственно и сверхъестественные существа в каирских сказках уже не самостоятельные духи индо-иранских сказок, переименованные на арабский лад в джиннов и ифритов, но, как правило, послушные, нравственно индифферентные исполнители, готовые служить любому владельцу талисмана, исполняя любые его приказания («Рассказ о Маруфе-башмачнике»). Иногда они играют в повествовании чисто служебную «техническую» роль и вводятся рассказчиком для увязывания фабулы («Рассказ об Ала ад-Дине Абу-ш-Шамате»).

При сохранении общей для арабской народной литературы нормативной поэтики в поздних сказках, кроме бóльшей реалистичности как в описаниях бытовых сцен и деталей, так и в характеристиках персонажей, следует отметить более зрелое мастерство композиции.

Сложный монтаж различных сказочных и новеллистических мотивов представляет собой «Рассказ об Ала ад-Дине Абу-ш-Шамате», возникший не ранее XIV века на египетской почве, но впитавший также многие традиционные элементы багдадского фольклора. В умело увязанных трех частях рассказа повествуется о молодом и красивом каирском купце Ала ад-Дине, воспротивившемся порочным притязаниям злого мага-огнепоклонника, сумевшем воспользоваться случаем и взять в жены полюбившуюся ему разведенную Зубейду, ставшем жертвой злой интриги, но в конце концов оправданном и возвратившемся в родной город. Герой рассказа наделяется автором всеми чертами средневекового купца: он способен пойти на риск во время своих торговых предприятий, строг в вопросах морали и благочестия. Вместе с тем он ловко использует исламскую казуистику, чтобы, нарушив соглашение с отцом своей жены, отказаться дать ей развод, а когда того требуют обстоятельства, достаточно безжалостен и по требованию одной из своих жен, перешедшей в ислам царской дочери Хусн Мариам, убивает ее отца. Как и подобает купцу, он не слишком воинствен и при виде преследующего его войска отказывается сражаться, заявив, что «он не знает мечей и копий». Успеху в жизни он обязан не столько своей отваге и энергии, сколько случаю — встрече с оказавшим ему покровительство Харун ар-Рашидом и волшебным силам — джинам, действующим в соответствии с предначертанием судьбы. Как и во многих рассказах арабского происхождения,

большую активность проявляют женские персонажи, его жены, выступающие часто инициаторами тех или иных их действий. Характерное для позднего слоя «Тысячи и одной ночи» деление мира на добрый (исламский) и злой (иноверческий) определяет поведение персонажей, позволяющих себе ничем не оправданные жестокости по отношению к немусульманам. Рассказ изобилует бытовыми сценами и деталями, дающими картину жизни и нравов горожан Египта в эпоху позднего средневековья. Функция сверхъестественных сил в рассказе чисто техническая: они вводятся, чтобы мотивировать повороты фабулы (избавление героев от грозящей им опасности или их перемещения в пространстве).

В «Сказке о Нур ад-Дине и Мариам-кушачнице» частое в египетских историях соотношение энергичной героини и в той или иной мере пассивного героя обостряется до разительного контраста. Мариам совершает множество подвигов и преодолевает бесчисленные препятствия: она побуждает Нур ад-Дина купить ее, зарабатывает деньги изготовлением поясов, совершает побег из земли франков, убив матросов и захватив корабль, убивает конокрада, побеждает в поединке трех своих братьев, обращает в бегство армию своего отца. Она истинная героиня рассказа. В глазах автора и его аудитории Мариам хороша уже одним тем, что она мусульманка, готовая защищать «истинную веру» против франков — своих родных и соотечественников. Именно преданностью исламу объясняются ее замечательные качества воительницы.

Иным представлен в рассказе Нур ад-Дин, изнеженный купеческий сынок: в критическую минуту он засыпает и тем самым дает конокраду возможность забрать лошадей и увезти возлюбленную, а когда Мариам убивает конокрада, Нур ад-Дин оказывается не в состоянии снять с него одежду и забрать его оружие. На предложение Мариам вступить в поединок с настигающими беглецов франками Нур ад-Дин отвечает шуточным стихотворением, в котором признается в своей трусости. Однако поведение никчемного Нур ад-Дина не вызывает презрения или осуждения ни у Мариам, ни у автора рассказа. Оно представляется им естественным: именно так, по их понятиям, должен вести себя избалованный и непрактичный купеческий сынок, единственное достоинство которого — приятная внешность.

Вместе с тем Нур ад-Дин весьма строг в вопросах благопристойности: когда, бежав из земли франков, возлюбленные прибывают в Александрию, он отказывается вывести Мариам в город без покрывала и оставляет ее на корабле одну, в результате чего франки ее вновь похищают. Характерный для позднего средневековья религиозный пафос сочетается в рассказе с удивительным моральным

безразличием (достаточно вспомнить отношение героя и героини к своим родителям).

В финале сказки вводится перекочевавший из Багдада традиционный Харун ар-Рашид, который выносит оправдательный вердикт Мариам, выслушав ее страстную речь о преданности исламу.

«Сказка о Камар аз-Замане и жене ювелира», сложившаяся в Египте не ранее XVI века, носит дидактический характер. Она «реалистична», в ней полностью отсутствует фантастический элемент, но есть много мотивов более раннего происхождения (иранский — влюбленность по описанию, греческий — испытание дервиша, багдадский — женские плутни). Завязкой сказки служит история о благонравном купце, у которого родились сын и дочь редкой красоты. Опасаясь сглаза, отец четырнадцать лет скрывал детей в доме и никому не показывал. Этот мотив встречается и в «Рассказе об Ала ад-Дине Абу-ш-Шамате». Отметим, что обычай беречь детей от сглаза сохранялся в Египте еще и в XIX веке, о чем подробно рассказывал известный английский путешественник Лэн. В сказке без труда можно выделить три части. Вводная, повествующая об испытании дервиша и увлечении юноши красивой женщиной «по описанию», должна выявить нравственный облик всех действующих лиц — отца: благопристойного каирского купца, сына, воспитанного в строгих моральных правилах юноши, полюбившего чистой любовью красавицу по одному лишь описанию, и странника-дервиша, не имевшего греховных помыслов, лишь поведавшего юноше историю о капризной красавице из Басры.

В иных тонах выдержана вторая часть сказки, в которой повествуется о женских кознях, сюжете, восходящем к индийскому фольклору и весьма популярном как в Багдаде, так и в Каире, и о всепобеждающей злонамеренности женщины (жены ювелира), перед которой не может устоять неопытный юноша. Описание хитростей и уловок, на которые пускается жена ювелира, сделано занимательно и с выдумкой, в духе египетских плутовских новелл.

Наконец, в третьей части юношу наставляет на путь истинный его опытный и благочестивый отец-купец, которому ведомо женское коварство. Порочная женщина наказывается, и ей противопоставляется женщина благочестивая, дочь купца, вышедшая замуж за ювелира, а после его смерти отказавшаяся вступить с царем во второй брак.

Таким образом, традиционный иранский мотив, в котором два чистых существа влюбляются друг в друга «по рассказу» и после многих испытаний соединяются в браке, на египетской почве полностью переосмыслен, любовь юноши к незнакомке оказалась лишь заблуждением неопытного молодого человека, толкнувшим его на греховное поведение, и только благоразумный отец сумел

подыскать юноше подходящую невесту, обладавшую высокими моральными качествами. Так исламская мораль и житейский опыт позднесредневековых египтян внесли свои коррективы в древний иранский мотив. Назидательный смысл всей истории подчеркивается в сказке соответствующими сентенциями и рассуждениями.

В трех поздних египетских сказках — «Сказке об Абу Кире и Абу Сире», «Сказке об Абдаллахе земном и Абдаллахе морском» и «Рассказе о Маруфе-башмачнике», принадлежащих к числу лучших историй Шахразады, в разных вариантах разрабатывается сюжет о чудесным образом разбогатевшем и возвысившемся бедняке (ремесленнике, рыбаке, сапожнике), отразивший затаенные мечты влачившего жалкое существование простолюдина.

«Сказка об Абу Кире и Абу Сире», судя по содержащимся в ней реалиям, была сочинена не ранее конца XVI века и представляет собой бытовую новеллу с назиданием. В отличие от других больших рассказов «Тысячи и одной ночи» она проста и едина по композиции. Герои ее — два ремесленника, живущие по соседству в Александрии, — цирюльник Абу Сир и красильщик Абу Кир отправляются в путешествие, причем по условию тот, кому удастся найти заработок, должен помогать другому. Возникают разнообразные ситуации, в которых оба героя выявляют свой характер и свои нравственные качества, в результате честному, трудолюбивому и доброму Абу Сиру судьба благоприятствует, а ленивый и злой Абу Кир опозорен и казнен. Но, как и во всех других поздних рассказах, условный сюжет обрастает большим числом жизненных деталей, превращающих его в «реалистическую» новеллу, чему ничуть не препятствует мотив волшебного перстня, всплывающий в конце повествования как известная дань традиции.

Прибыв в чужой город, и Абу Кир и Абу Сир как бы выступают в роли «культурных героев»: Абу Кир обучает жителей ремеслу крашения, а цирюльник Абу Сир строит для жителей баню, и их предприимчивость щедро вознаграждается — они обретают богатство и почет. Подобный взгляд на деятельность ремесленника естественен для труженика-горожанина. Любопытно, что автор рассказа не осуждает Абу Кира за нарушение традиционных цеховых правил, он считает вполне естественной как реакцию членов замкнутой корпорации на появление чужака, так и стремление деятельного человека вырваться за пределы сковывающего его регламента.

Есть в рассказе и обычные для египетских авторов комические сценки и характеристики. С отвращением автор повествует о том, как жадный Абу Кир ведет себя во время еды, «словно пес, оскаливший зубы», «глотая куски, точно слон, и пихает в рот кусок, прежде чем проглотит предыдущий, и таращит глаза и пыхтит...

словно голодный бык над соломой с бобами...». Зато с симпатией говорит он о наивной «практичности» цирюльника, просящего царя заменить подаренных ему рабов на динары, ибо невольников надо кормить и одевать и никаких денег не хватит на их содержание. В рассказе поразительно реалистичны детали описаний: росписи бани, сцены омования царя при помощи мочалки, когда с царя удаляются «катышки грязи», процедуры раскраски тканей и т. д.

Со сложным сочетанием увязанных в единое стройное повествование реалистического, назидательного и фантастического элементов мы встречаемся в «Сказке об Абдаллахе земном и Абдаллахе морском». В центре повествования бедный благочестивый рыбак по имени Абдаллах, который однажды вытащил из моря живое существо — человека из числа «детей моря», также исповедующих ислам, которого также звали Абдаллахом. Житель моря предложил рыбаку дружбу, и рыбак отпустил его обратно в море. При этом автор делает тонкое наблюдение — отпустив Абдаллаха морского, бедняк испытывает сомнение в разумности своего поступка, ибо понимает, что мог бы хорошо заработать, показывая морского жителя в богатых домах, и жалеет о содеянном, однако тут же получает за него воздаяние. Когда рыбака, пытающегося продать драгоценности — дары своего морского друга, — обвиняют в воровстве, царь, защищая его, говорит: «О мерзавцы, разве вы считаете слишком многим благоденствие правоверного? Почему же вы его не спросили? Может быть, Аллах великий наделил его, когда он не ожидал?» — формулируя таким образом робкую надежду простолюдина на чудесное и неожиданное обретение богатства и на право им пользоваться. При этом даже сам царь понимает, сколь небезопасно право собственности в его государстве. «Для денег нужен сан, — говорит он. — Я защищу тебя от посягательства людей в эти дни, но, может быть, я буду низложен или умру, и власть получит другой, и тогда он убьет тебя из любви к здешней жизни и из жадности. Я хочу женить тебя на моей дочери и сделать тебя моим везирем и завещать тебе власть после себя». Теперь мечты бедняка-египтянина должны полностью осуществиться.

Однако лишь после этого разворачивается центральный эпизод сказки — путешествие Абдаллаха земного на дно морское, которое он решает предпринять, прежде чем отправиться в паломничество. Описание морского царства, в котором многое подобно земной жизни, но многое удивительно и необычно, напоминает арабские сказки о путешествиях типа «Синдбада-морехода», а в обмене дарами двух Абдаллахов чувствуется опыт торговли с заморскими странами. Сопоставление двух царств выявляет, с одной стороны, единство мира, подчеркнутое единообразием имени четырех добрых персонажей сказки (Абдаллах — раб Аллаха), с другой стороны,

разнообразие форм бытия. Автор умело пользуется приемом остра-нения: Абдаллах земной дивится тому, что он видит, а морских жителей забавляет вид «куцего» (бесхвостого) землянина. Столкновение двух представлений о нормальном достигает кульминации в сцене, когда Абдаллах земной становится свидетелем ликования обитателей моря по поводу смерти одного из них. Увидав недоумение землянина и услышав от него о траурных обычаях в его стране, Абдаллах морской забирает обратно «залог», который просил друга отнести на могилу пророка, и разрывает с ним всякие отношения. На вопрос удивленного этим поворотом дела Абдаллаха земного он отвечает: «Разве вы, о люди земли, не залог Аллаха?.. Почему же вы, когда приходит к вам новорожденный, радуетесь ему, хотя Аллах великий вкладывает в него душу, как залог, а когда он берет ее обратно... почему вы плачете и печалитесь?» Так благочестивый автор рассказа выявляет абсурдное противоречие между естественной привязанностью людей к жизни и к близким и религиозной концепцией жизни, как временного испытания, а смерти, как возвращения к божеству.

Основные персонажи сказки, четыре Абдаллаха,— люди добрые и благородные. Пекарь бескорыстно кормит рыбака и его семью, Абдаллах морской охотно снабжает рыбака драгоценностями и оказывает ему в своей стране гостеприимство, рыбака волнует не нищета, а страх, что он не сможет расплатиться с пекарем, царь защищает рыбака, обвиненного без всякого основания в краже, и конфликт между Абдаллахом земным и его другом возникает отнюдь не на корыстной почве. Таким образом в сказке сформулирован некий идеал, в который «критика» Абдаллаха морского вносит свои коррективы.

Одно из самых совершенных произведений позднеегипетского слоя—«Рассказ о Маруфе-башмачнике», занимательная, стройно скомпонованная, изобилующая комическими ситуациями фабула которого разворачивается на фоне яркой, богатой разнообразными реалистическими деталями картины жизни. Действующие лица рассказа уже не просто схематичные и абстрактные носители нормативных черт, но наделенные определенными психологическими характеристиками персонажи. Таков главный герой—Маруф—простодушный, но вместе с тем и не лишенный некоторой хитрости, порой плутоватый горожанин, щедрый и великодушный, такова его изобретательная и предприимчивая жена—царевна, способная постоять за интересы свои и своего мужа, жадный и глуповатый царь, гостеприимный крестьянин, завистливый и жестокий везирь, готовый нарушить предписания ислама, и т. д. Особое очарование повествованию придает тонкий флер волшебной фантастики, сквозь который проступает жизнь большого средневеко-

вого арабо-мусульманского города, с его сложными социальными взаимоотношениями, и его основных обитателей — бедных ремесленников, мелких торговцев, богатых купцов, чиновников и т. д. Присущее египетским сказкам назидание выражено здесь лишь финалом, который должным образом венчает все приключения и злоключения героя; справедливость торжествует, злые персонажи (везирь, первая жена героя) наказаны, а честные, щедрые и благочестивые ремесленник и крестьянин, благодаря послушным талисману джиннам, становятся богатыми и знатными.

Собранные в настоящем сборнике сказки, равно как и сказки, изданные в предыдущих сборниках, дают представление о разных слоях и жанрах «Тысячи и одной ночи» от древнейшего индоиранского до позднейшего — каирского, от волшебной сказки до бытовой новеллы. Веками накапливались и складывались в законченные формы детали замечательного памятника многогранного народного гения, и поныне увлекающего читателя и восхищающего его своей поэтичностью и образным богатством.

Предлагаемый читателю сборник — четвертый и последний в серии «Избранные сказки, рассказы и повести из «Тысячи и одной ночи». Три предыдущих сборника вышли под названиями: «Халиф на час», «Синдбад-мореход» и «Царевич Камар аз-Заман и царевна Будур».

И. Фильштинский

Избранные
сказки,
рассказы и повести

из "Тысячи и
одной ночи"

РАССКАЗ ОБ АЛА АД-ДИНЕ АБУ-Ш-ШАМАТЕ

ошло до меня, о счастливый царь,—сказала Шахразада,— что был в древние времена и минувшие века и годы один человек, купец в Каире, которого звали Шамс ад-Дин, и был он из лучших купцов и самых правдивых в речах, имел слуг, и челядь, и рабов, и невольниц, и невольников, и большие деньги и состоял старшиной купцов в Каире. И была у него жена, и он любил ее, и она его любила, но только он прожил с ней сорок лет, и не досталось ему от нее ни дочери, ни сына. И вот, в один из дней, он сидел в своей лавке, и увидел он, что у каждого из купцов был сын, или двое сыновей, или больше, и они сидели в лавках, как их отцы. А в тот день была пятница, и этот купец пошел в баню и вымылся, как моются в пятницу, а выйдя, он взял зеркало цирюльника и посмотрел в него на свое лицо и воскликнул: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед — посланник Аллаха!» — а потом взглянул на свою бороду и увидел, что белое в ней покрыло черное; и вспомнил он, что седи́на — посланец смерти.

А его жена знала время его возвращения и мылась и приводила себя для него в порядок; и когда купец вошел к ней, она сказала ему: «Добрый вечер!» Но он отвечал ей: «Я не видел добра!»

А жена купца сказала невольнице: «Поддай столик с ужином!» И невольница принесла еду, и жена купца сказала: «Поужинай, господин мой»; а купец отвечал: «Я не стану ничего есть!» — и пихнул столик ногой и отвернул лицо от жены.

«Почему это и что тебя опечалило?» — спросила его жена; и купец сказал: «Ты причина моей печали!» — «Почему?» — спросила его жена. «Потому, — отвечал купец, — что, когда я сегодня открыл лавку, я увидел у каждого из купцов сына, или двух сыновей, или больше, и они сидели в лавках, как их отцы, и я сказал себе: «Поистине, тот, кто взял твоего отца, тебя не оставит! А в ту ночь, когда я вошел к тебе, ты взяла с меня клятву, что я не женюсь ни на ком, кроме тебя, и не возьму себе в наложницы ни абиссинскую, ни румскую, ни какую-нибудь другую невольницу и не проведу ночи вдали от тебя, — но дело в том, что ты бесплодная и жить с тобой — все равно что с камнем». — «Имя Аллаха да будет надо мною! — воскликнула жена купца. — Поистине, задержка от тебя, а не от меня, потому что твое семя прозрачное». — «А что с тем, у кого семя прозрачное?» — спросил купец; и его жена отвечала: «Он не делает женщин беременными и не приносит детей». — «А где то, чем замутить семя? Я куплю это, — может быть, оно замутит мне семя?» — спросил купец; и жена его сказала: «Поищи у москательщиков».

И купец проспал ночь, и утром он раскаялся, что упрекал свою жену, а она раскаялась, что упрекала его. И он отправился на рынок и нашел одного москательщика и сказал ему: «Мир с вами!» И москательщик ответил на его привет, и купец спросил его: «Найдется у тебя чем замутить мне семя?» — «У меня это было, да вышло, но спроси у соседа», — ответил москательщик; и купец ходил и спрашивал, пока не опросил всех (а они над ним смеялись), и потом он вернулся к себе в лавку и сидел огорченный.

А на рынке был один человек, гашишеед, началь-

ник маклеров, который принимал опиум и барш ^{*1} и употреблял зеленый гашиш, и звали этого начальника шейх Мухаммед Симсим, и жил он в бедности. И всякий день он обычно приходил утром к этому купцу. И вот он пришел, как обычно, и сказал ему: «Мир с вами!» И купец ответил на его приветствие сердито. «О господин, почему ты сердит?» — спросил Мухаммед; и купец рассказал ему обо всем, что случилось у него с женой, и сказал: «Я сорок лет женат, и моя жена не забеременела от меня ни сыном, ни дочерью, и мне сказали: «Она не беременеет потому, что у тебя семя прозрачное». И я стал искать чего-нибудь, чтобы замутировать себе семя, и не нашел».

«О господин,— сказал Мухаммед,— у меня есть чем замутировать семя. Что ты скажешь о том, кто сделает твою жену беременной от тебя после этих сорока лет, что минули?» — «Если ты это сделаешь, я окажу тебе милость и облагодетельствую тебя!» — отвечал купец. И Мухаммед сказал: «Дай мне динар!» — «Возьми эти два динара!» — воскликнул купец; и Мухаммед взял их и сказал ему: «Подай мне эту фарфоровую миску». И купец дал ему миску, и Мухаммед отправился к торговцу травами и взял у него унции две румского мукаркара и немного китайской кубебы, и корицы, и гвоздики, и кардамона, и имбиря, и белого перцу, и горную ящерицу и истолок все это и вскипятил в хорошем растительном масле. И еще он взял три унции крупинки ладана и с чашку чернушки и размочил, и сделал из всего этого тесто с румским пчелиным медом и, положив его в миску, вернулся к купцу и отдал ему миску.

«Вот чем можно замутировать семя,— сказал он ему.— Тебе следует, после того как ты поешь мяса барашка и домашнего голубя, положив туда много горячительных приправ и пряностей, съесть этого теста на конце лопаточки, а потом поужинать и запить чистым разведенным сахаром».

И купец велел принести все это и отослал своей жене вместе с барашком и голубем, и сказал: «Приготовь это хорошенько и возьми замутитель семени и храни его у себя, пока он мне не понадобится и я его у тебя не потребую».

¹ Пояснения к словам, помеченным звездочкой, см. в примечаниях в конце книги.

И жена купца сделала так, как он приказал ей, и поставила ему еду, и купец поел, а потом он потребовал ту миску и поел из нее, и ему понравилось, и он съел остаток, а затем он познал свою жену, и она зачала от него в ту ночь.

И над ней прошел первый месяц, и второй, и третий, и крови прекратились и перестали идти, и жена купца узнала, что она понесла, и дни ее прошли до конца, и ее схватили потуги, и поднялись крики, и повитухе пришлось потрудиться при родах.

И повитуха охраняла новорожденного именами Мухаммеда и Али и сказала: «Аллах велик» — и пропела ему в уши азан*, а потом она завернула младенца и передала его матери. И та дала ему грудь и стала его кормить, и младенец попил и насытился и заснул. И повитуха оставалась у них три дня, пока не сделали мамунию* и халву, и ее раздали на седьмой день. А потом рассыпали соль, и купец пришел и поздравил свою жену с благополучием и спросил ее: «Где залог Аллаху?» И она подала ему новорожденного редкой красоты — творение промыслителя вечносущего; и было ему семь дней, но тот, кто видел его, говорил, что ему год.

И купец посмотрел младенцу в лицо и увидел сияющий месяц (а у него были родинки на обеих щеках) и спросил свою жену: «Как ты его назвала?» А она ответила: «Будь это девочка, ее назвала бы я, но это сын, и никто не назовет его, кроме тебя». А люди в те времена давали своим детям имя по предзнаменованию.

И вот, когда они советовались об имени, кто-то сказал своему товарищу: «О господин мой, Ала ад-Дин», и купец сказал жене: «Назовем его Ала ад-Дин Абу-ш-Шамат»*. И он назначил младенцу кормилиц и нянек, и младенец пил молоко два года, а потом его отняли от груди, и он стал расти и крепнуть и начал ходить по земле. А когда мальчик достиг семилетнего возраста, его отвели в подвал, боясь для него дурного глаза; и купец сказал: «Он не выйдет из подвала, пока у него не вырастет борода», и он назначил ему невольницу и раба, и невольница готовила ему стол, а раб носил ему пищу.

А потом купец справил обрезание мальчика и сделал великий пир, и после этого он позвал учителя,

чтобы учить его, и тот учил мальчика письму и чтению Корана и наукам, пока он не стал искусным и сведущим.

И случилось, что раб принес Ала ад-Дину в какой-то день скатерть с кушаньем и оставил подвал открытым, и тогда Ала ад-Дин вышел из подвала и вошел к своей матери (а у нее было собрание знатных женщин). И когда женщины разговаривали с его матерью, вдруг вошел к ним этот ребенок, подобный пьяному мамлюку из-за своей чрезмерной красоты. И, увидав его, женщины закрыли себе лица и сказали его матери: «Аллах да воздаст тебе, о такая-то! Как же ты приводишь к нам этого постороннего мамлюка? Разве ты не знаешь, что стыд — проявление веры?» — «Побойтесь Аллаха! — воскликнула мать мальчика. — Поистине, это мой ребенок и плод моей души. Это сын старшины купцов, Шамс ад-Дина, дитя кормилицы, украшенное ожерельем, вскормленное корочками и мякишем». — «Мы в жизни не видали у тебя ребенка», — сказали женщины. И мать Ала ад-Дина молвила: «Его отец побоялся для него дурного глаза и велел воспитывать его в подвале, под землей. Может быть, евнух оставил подвал открытым, и он вышел оттуда, — мы не хотели, чтобы он выходил из подвала, пока у него не вырастет борода».

И женщины поздравили мать Ала ад-Дина, а мальчик ушел от женщин во двор при доме, а потом поднялся в беседку и сел там.

И когда он сидел, вдруг пришли рабы с мулом его отца, и Ала ад-Дин спросил их: «Где был этот мул?» И рабы сказали: «Мы доставили на нем товары в лавку твоего отца (а он ехал верхом) и привели его». — «Каково ремесло моего отца?» — спросил Ала ад-Дин. «Твой отец — старшина купцов в земле египетской и султан оседлых арабов», — сказали ему.

И Ала ад-Дин вошел к своей матери и спросил ее: «О матушка, каково ремесло моего отца?» — «О дитя мое, — отвечала ему мать, — твой отец — купец, и он старшина купцов в земле египетской и султан оседлых арабов, и его невольники советуются с ним, когда продают, только о тех товарах, которые стоят самое меньшее тысячу динаров, а товары, которые стоят девятьсот динаров или меньше, — о них они с ним не советуются и продают их сами. И не приходит из

чужих земель товаров, мало или много, которые не попадали бы в руки твоему отцу, и он распоряжается ими, как хочет; и не увязывают товаров, уходящих в чужие земли, которые не прошли бы через руки твоего отца. И Аллах великий дал твоему отцу, о дитя мое, большие деньги, которых не счесть». — «О матушка, — сказал Ала ад-Дин, — хвала Аллаху, что я сын султана оседлых арабов и что мой отец — старшина купцов! Но почему, о матушка, вы сажаете меня в подвал и оставляете там запертым?» — «О дитя мое, мы посадили тебя в подвал только из боязни людских глаз; ведь сглаз — это истина, и большинство жителей могил умерли от дурного глаза», — ответила ему мать.

И Ала ад-Дин сказал: «О матушка, а куда бежать от судьбы? Осторожность не помещает predetermined, и от того, что написано, нет убежища. Тот, кто взял моего деда, не оставит и меня и моего отца: если он живет сегодня, то не будет жить завтра; и когда мой отец умрет и я приду и скажу: «Я — Ала ад-Дин, сын купца Шамс ад-Дина», — мне не поверит никто среди людей, и старики скажут: «Мы в жизни не видели у Шамс ад-Дина ни сына, ни дочери». И придут из казны и возьмут деньги отца. Да помилует Аллах того, кто сказал: «Умрет муж, и уйдут его деньги, и презреннейший из людей возьмет его женщин». А ты, о матушка, поговори с отцом, чтобы он взял меня с собой на рынок и открыл мне лавку: я буду сидеть там с товаром, и он научит меня продавать и покупать, брать и отдавать». И мать Ала ад-Дина сказала: «О дитя мое, когда твой отец приедет, я расскажу ему об этом».

И когда купец вернулся домой, он увидел, что его сын, Ала ад-Дин Абу-ш-Шамат, сидит подле своей матери, и спросил ее: «Почему ты вывела его из подвала?» И она сказала ему: «О сын моего дяди, я его не выводила, но слуги забыли запереть подвал и оставили его открытым. И я сидела (а у меня собрались знатные женщины), и вдруг он вошел к нам». И она рассказала мужу, что говорил его сын. И Шамс ад-Дин сказал ему: «О дитя мое, завтра, если захочет Аллах великий, я возьму тебя на рынок; но только, дитя мое, чтобы сидеть на рынках и в лавках, нужна пристойность и совершенство при всех обстоятельствах».

И Ала ад-Дин провел ночь, радуясь словам своего отца; а когда настало утро, Шамс ад-Дин сводил своего сына в баню и одел его в платье, стоящее больших денег, и после того как они позавтракали и выпили питье, он сел на своего мула и посадил сына на мула позади себя и отправился на рынок.

И люди на рынке увидели, что едет старшина купцов, а позади него ребенок мужского пола, подобный луне в четырнадцатую ночь, и кто-то сказал своему товарищу: «Посмотри на этого мальчика, который позади старшины купцов. Мы думали о нем благое, а он точно порей — сам седой, а сердце у него зеленое».

И шейх Мухаммед Симсим, начальник, прежде упомянутый, сказал купцам: «О купцы, мы больше не согласны, чтобы он был над нами старшим. Никогда!»

А обычно, когда старшина купцов приезжал из дому и садился в лавке, приходил начальник рынка и читал купцам Фатиху, и они поднимались и шли к старшине купцов и читали Фатиху и желали ему доброго утра, и затем каждый из них уходил к себе в лавку. Но в этот день, когда старшина купцов сел, как всегда, в своей лавке, купцы не пришли к нему согласно обычаю.

И он крикнул начальника и спросил его: «Отчего купцы не собираются, как обычно?» И начальник ответил: «Я не люблю доносить о смутах, но купцы сговорились отстранить тебя от должности старшины и не читать тебе Фатиху». — «А какая тому причина?» — спросил Шамс ад-Дин. И начальник сказал: «Что это за мальчик сидит рядом с тобою, когда ты старик и глава купцов? Что этот ребенок — твой невольник или он в родстве с твоей женой? Я думаю, что ты его любишь и имеешь склонность к мальчику».

И Шамс ад-Дин закричал на него и сказал: «Молчи, да обезобразит Аллах тебя самого и твои свойства! Это мой сын». — «Мы в жизни не видели у тебя сына», — воскликнул Мухаммед Симсим. И купец сказал: «Когда ты принес мне замутитель семени, моя жена понесла и родила этого мальчика, но из боязни дурного глаза я воспитывал его в подвале, под землей, и мне хотелось, чтобы он не выходил из подвала, пока не сможет схватить рукою свою бороду. Но его мать не согласилась, и он потребовал, чтобы я открыл ему лавку и положил там товары и научил его покупать и продавать».

И начальник пошел к купцам и осведомил их об истине в этом деле, и они все поднялись и вместе с начальником отправились к старшине купцов и, став перед ним, прочитали Фатиху и поздравили его с этим мальчиком.

«Господь наш да сохранит корень и ветку,— сказали они,— но когда бедняку среди нас достается сын или дочка, он обязательно готовит для своих друзей блюдо каши и приглашает знакомых и родственников, а ты этого не сделал». — «Это вам с меня причитается, и встреча наша будет в саду».

И когда наступило утро, он послал слугу в беседку и в дом, которые были в саду, и велел постлать там ковры и отправил припасы для стряпни: баранов, масла и прочее, что было нужно по обстоятельствам, и сделал два стола: стол в доме и стол в беседке.

И приготовился купец Шамс ад-Дин, и приготовился его сын Ала ад-Дин, и отец сказал ему: «О дитя мое, когда войдет человек седой, я его встречу и посажу его за стол, который в доме, а ты, дитя мое, когда увидишь, что входит безбородый мальчик, возьми его и приведи в беседку и посади за стол». — «Почему, о батюшка? — спросил Ала ад-Дин. — Отчего ты готовишь два стола: один для мужчин, а другой для мальчиков?» — «О дитя мое, безбородый стыдится есть около мужей», — ответил Шамс ад-Дин. И его сын одобрил это.

И когда купцы стали приходить, Шамс ад-Дин встречал мужчин и усаживал их в доме, а его сын Ала ад-Дин встречал мальчиков и усаживал их в беседке. А потом поставили кушанья и стали есть и пить, наслаждаться и радоваться, и пили напитки и зажигали куренья, и старики сидели и беседовали о науках и преданиях.

И был между ними один купец, по имени Махмуд аль-Балхи, — мусульманин по внешности, маг втайне, который стремился к скверному и любил мальчиков. Он посмотрел в лицо Ала ад-Дину взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов, и сатана украсил в его глазах лицо мальчугана жемчужиной, и купца охватила страсть, волнение и увлечение, и любовь привязалась к его сердцу. (А этот купец, которого звали Махмуд аль-Балхи, забирал ткани и товар у отца Ала ад-Дина.)

И Махмуд аль-Балхи встал пройтись и свернул к мальчикам, и те поднялись к нему навстречу. А Ала ад-Дину не терпелось отлить воду, и он поднялся, чтобы исполнить нужду, и тогда купец Махмуд обернулся к мальчикам и сказал им: «Если вы уговорите Ала ад-Дина поехать со мной путешествовать, я дам каждому из вас платье, стоящее больших денег», — и потом он ушел от них в помещение мужчин. И пока мальчики сидели, вдруг вошел к ним Ала ад-Дин. И они поднялись ему навстречу и посадили между собою, на возвышение, и один из мальчиков сказал своему товарищу: «О Сиди Хасан, расскажи мне, откуда пришли к тебе твои деньги, на которые ты торгуешь?»

И Хасан отвечал: «Когда я вырос и стал взрослым и достиг возраста мужей, я сказал своему отцу: «О батюшка, приготовь мне товаров»; и он мне ответил: «О дитя мое, у меня ничего нет, но пойдя возьми денег у кого-нибудь из купцов и торгуй на них, и учись продавать и покупать, брать и давать».

И я отправился к одному из купцов и занял у него тысячу динаров и купил на них тканей и отправился с ними в Дамаск. И я нажил в два раза больше и забрал в Дамаске товаров и поехал с ними в Халеб, и продал их и получил свои деньги вдвойне, а потом я забрал товаров в Халебе и поехал в Багдад, и продал их и нажил вдвое больше, и до тех пор торговал, пока у меня не стало около десяти тысяч динаров денег».

И каждый из мальчиков говорил своему товарищу то же самое, пока не настала очередь и не пришлось говорить Ала ад-Дину Абу-ш-Шамату. И ему сказали: «А ты, о Сиди Ала ад-Дин?» И он ответил: «Меня воспитывали в подвале, под землей, и я вышел оттуда в эту пятницу, и я хожу в лавку и возвращаюсь домой». — «Ты привык сидеть дома и не знаешь сладости путешествия, и путешествовать надлежит лишь мужам», — сказали ему. И он ответил: «Мне не нужно путешествовать, и нет для меня цены в удовольствиях». И кто-то сказал своему товарищу: «Он точно рыба: когда расстанется с водой, то умирает».

«О Ала ад-Дин, — сказали ему, — гордость детей купцов лишь в том, чтобы путешествовать ради наживы». И Ала ад-Дина охватил из-за этого гнев,

и он ушел от мальчиков с плачущими глазами и опечаленной душой и, сев на своего мула, отправился домой.

И его мать увидела, что он в великом гневе, с плачущими глазами, и спросила: «Что ты плачешь, о дитя мое?» И Ала ад-Дин отвечал: «Все дети купцов поносили меня и говорили мне: «Гордость детей купцов лишь в том, чтобы путешествовать ради наживы». — «О дитя мое, — спросила его мать, — разве ты хочешь путешествовать?» И Ала ад-Дин отвечал: «Да!» И тогда она сказала: «А в какой город ты отправишься?» — «В город Багдад, — отвечал Ала ад-Дин. — Человек наживает там на том, что у него есть, вдвое больше».

И мать Ала ад-Дина сказала: «О дитя мое, у твоего отца денег много, а если он не соберет тебе товаров из своих денег, тогда я соберу тебе товары от себя». — «Лучшее благо — благо немедленное, и если будет ваша милость, то теперь для нее время», — сказал Ала ад-Дин. И его мать призвала рабов и послала их к тем, кто увязывает ткани, и их увязали для Ала ад-Дина в десять тюков.

Вот что было с его матерью. Что же касается до его отца, то он огляделся и не нашел своего сына Ала ад-Дина в саду и спросил про него, и ему сказали, что Ала ад-Дин сел на мула и уехал домой.

И тогда купец сел и отправился за ним, а войдя в свое жилище, он увидал связанные тюки и спросил о них; и жена рассказала ему, что произошло у детей купцов с ее сыном Ала ад-Дином. «О дитя мое, — сказал купец, — да обманет Аллах пребывающего на чужбине! Сказал ведь посланник Аллаха, — да благословит его Аллах и да приветствует: «Счастье мужа в том, чтобы ему достался надел в его земле»; а древние говорили: «Оставь путешествие, будь оно даже на милью». Ты твердо решил путешествовать и не отступишься от этого?» — спросил он потом своего сына. И его сын ответил ему: «Я обязательно поеду в Багдад с товарами, а иначе я сниму с себя одежду и надену одежду дервишей и уйду странствовать по землям». — «Я не нуждаюсь и не терплю лишений, — наоборот, у меня много денег, — сказал его отец и показал ему все бывшее у него имущество, товары и ткани. — У меня есть для всякого города подходящие ткани

и товары,—сказал он потом, и, между прочим, он показал ему сорок связанных тюков, и на каждом тюке было написано: «Цена этому тысяча динаров».—О дитя мое,—сказал он,—возьми эти сорок тюков и те десять, которые у твоей матери, и отправляйся, хранимый Аллахом великим; но только, дитя мое, я боюсь для тебя одной чащи на твоём пути, которая называется Чаща Львов, и одной долины также, называемой Долина Собак,—души погибают там без снисхождения».—«А почему, о батюшка?»—спросил Ала ад-Дин; и его отец ответил: «Из-за бедуина, преграждающего дороги, которого зовут Аджлан».—«Мой удел—от Аллаха, и если есть у него для меня доля, меня не постигнет беда»,—отвечал Ала ад-Дин.

А затем Ала ад-Дин с отцом сели и поехали на рынок вьючных животных; и вдруг один верблюжатник сошел со своего мула и поцеловал руку старшине купцов, говоря: «Клянусь Аллахом, давно, о господин мой, ты не нанимал нас для торговых дел».—«Для всякого времени своя власть и свои люди,—отвечал Шамс ад-Дин,—и Аллах да помилует того, кто сказал:

Вот старец на земле повсюду бродит,
И вплоть до колен его борода доходит.

Спросил я его: «Зачем ты так согнулся?»
И молвил он, ко мне направив руки:

«Я юность потерял свою во прахе
И вот согнулся, и ищу я юность»¹.

А окончив эти стихи: он сказал: «О начальник, никто не хочет этого путешествия, кроме моего сына»; и верблюжатник ответил: «Аллах да сохранит его для тебя!»

А затем старшина купцов заключил союз между верблюжатником и своим сыном и сделал верблюжатника как бы отцом мальчика, и поручил ему заботиться о нем, и сказал: «Возьми эти сто динаров для твоих слуг».

¹ Здесь и далее стихотворные вставки, не отмеченные звездочкой, приводятся в переводе М. Салье, отмеченные двумя звездочками—в переводе Д. Самойлова, тремя звездочками—А. Ревича.

И старшина купцов купил шестьдесят мулов, и светильник, и покрывало для Абд аль-Кадира Гилянского* и сказал Ала ад-Дину: «О сын мой, в мое отсутствие этот человек будет тебе отцом вместо меня, и во всем, что он тебе скажет, повинуйся ему».

И в этот вечер он устроил чтение Корана и праздник в честь шейха Абд аль-Кадира Гилянского, а когда настало утро, старшина купцов дал своему сыну десять тысяч динаров и сказал ему: «Когда ты вступишь в Багдад и увидишь, что дела с тканями идут ходко, продавай их; если же увидишь, что дела с ними стоят на месте, расходи эти деньги».

И потом нагрузили мулов, и распрощались друг с другом, и отправились в путь, и выехали из города.

А Махмуд аль-Балхи тоже собрался ехать в сторону Багдада и вывез свои тюки и поставил шатры за городом и сказал себе: «Ты насладишься этим мальчиком только в уединении, так как там ни доносчик, ни соглядатай не смутят тебя».

А отцу мальчика причиталась с Махмуда аль-Балхи тысяча динаров — остаток одной сделки, и Шамс ад-Дин отправился к нему и простился с ним и сказал: «Отдай эту тысячу динаров моему сыну Ала ад-Дину». И он поручил Махмуду о нем заботиться и молвил: «Он будет тебе как сын».

И Ала ад-Дин встретился с Махмудом аль-Балхи, и Махмуд аль-Балхи поднялся и велел повару Ала ад-Дина ничего не стряпать и стал предлагать Ала ад-Дину и его людям кушанья и напитки, а потом они отправились в путь.

А у купца Махмуда аль-Балхи было четыре дома: один в Каире, один в Дамаске, один в Халебе и один в Багдаде; и путники ехали по степям и пустыням, пока не приблизились к Дамаску.

И когда Махмуд аль-Балхи послал к Ала ад-Дину своего раба и тот увидел, что юноша сидит и читает, подошел и поцеловал ему руки. «Чего ты просишь?» — спросил Ала ад-Дин; и раб ответил: «Мой господин тебя приветствует и требует тебя на пир к себе в дом». — «Я посоветуюсь с моим отцом, начальником Камаль ад-Дином, верблюжатником», — сказал Ала ад-Дин; и когда он посоветовался с ним, идти ли ему, верблюжатник сказал: «Не ходи!»

А потом они уехали из Дамаска и вступили в Халеб, и Махмуд аль-Балхи устроил пир и послал просить Ала ад-Дина, но юноша посоветовался с начальником, и тот опять запретил ему.

И они выступили из Халеба и ехали, пока до Багдада не остался всего один переход, и Махмуд аль-Балхи устроил пир и прислал просить Ала ад-Дина.

И юноша посоветовался с начальником, и тот снова запретил ему, но Ала ад-Дин воскликнул: «Я обязательно пойду!»

И он поднялся и, подвязав под платье меч, пошел и пришел к Махмуду аль-Балхи, и тот поднялся ему навстречу и приветствовал его.

И он велел подать великолепную скатерть, уставленную кушаньями, и они поели и попили и вымыли руки. И Махмуд аль-Балхи склонился к Ала ад-Дину, чтобы взять у него поцелуй, но Ала ад-Дин поймал поцелуй в руку и спросил: «Что ты хочешь делать?» — «Я тебя позвал,—ответил Махмуд,—и хочу сделать себе с тобой удовольствие в этом месте».

И затем Махмуд аль-Балхи хотел насильничать над Ала ад-Дином, и Ала ад-Дин поднялся и обнажил меч и воскликнул: «Горе твоим сединам! Ты не боишься Аллаха, хоть и жестоко его наказание! Да помилует Аллах того, кто сказал:

Храни седины твои от скверны, грязнящей их:
Поистине, белое легко принимает грязь».

А произнеся этот стих, Ала ад-Дин сказал Махмуду аль-Балхи: «Поистине, этот товар поручен Аллаху, и он не продается, и если бы я продавал этот товар другому за золото, я бы продал его тебе за серебро. Но, клянусь Аллахом, о скверный, я никогда больше не буду тебе товарищем!» Потом Ала ад-Дин вернулся к начальнику Камаль ад-Дину и сказал ему: «Поистине, этот человек развратник, и я никогда больше не буду ему товарищем и не пойду с ним по одной дороге». — «О дитя мое,—отвечал Камаль ад-Дин,—не говорил ли я тебе: не ходи к нему. Однако, дитя мое, если мы с ним расстанемся, нам грозит гибель; позволь же нам остаться в одном караване». — «Мне никак невозможно быть ему спутником в дороге»,—сказал Ала

ад-Дин, а затем он погрузил свои тюки и отправился дальше вместе с теми, кто был с ним.

И они ехали до тех пор, пока не спустились в долину; и Ала ад-Дин хотел там остановиться, но верблюжатник сказал: «Не останавливайтесь здесь! Продолжайте ехать и ускорьте ход: может быть, мы достигнем Багдада раньше, чем там запрут ворота. Ворота в Багдаде отпирают и запирают всегда по солнцу,—из боязни, что городом овладеют рафидиты* и побросают богословские книги в Тигр».—«О батюшка,—ответил Ала ад-Дин,—я выехал и отправился с товаром в этот город не для торговли, а чтобы посмотреть чужие страны».—«О дитя мое, мы боимся для тебя и для твоих денег беды от кочевников»,—сказал верблюжатник; и Ала ад-Дин воскликнул: «О человек, ты слуга или тебе служат? Я не войду в Багдад иначе как утром, чтобы багдадские юноши увидели мои товары и узнали меня».—«Делай, как хочешь, я тебя предупредил, и ты сам знаешь, в чем твое избавленье»,—сказал начальник. И Ала ад-Дин велел складывать тюки с мулов, и тюки сложили, и поставили шатер, и все оставались на месте до полуночи.

И Ала ад-Дин вышел исполнить нужду и увидел, как что-то блестит вдали, и спросил верблюжатника: «О начальник, что это такое блестит?»

И начальник сел прямо и взглянул, и, всмотревшись как следует, увидел, что блестят зубцы копий и железо оружия и бедуинские мечи; и вдруг оказалось, что это арабы* и начальника арабов зовут шейх Аджлан Абу Наиб. И когда арабы приблизились к ним и увидели их тюки, они сказали друг другу: «Вот ночь добычи!»

И, услышав, что они говорят это, начальник Камаль ад-Дин, верблюжатник, воскликнул: «Прочь, о ничтожнейший из арабов!» Но Абу Наиб ударил его копьем в грудь, и оно вышло, блистая, из его спины.

И Камаль ад-Дин упал у входа в палатку убитый; и тогда водонос воскликнул: «Прочь, о презреннейший из арабов!», но его ударили по руке мечом, который прошел, блистая, через его сухожилия, и водонос упал мертвый. И пока все это происходило, Ала ад-Дин стоял и смотрел.

А потом арабы повернулись и бросились на караван и перебили людей, не пощадив никого из отряда

Ала ад-Дина, и взвалили тюки на спину мулов и уехали.

И Ала ад-Дин сказал себе: «Тебя убьет только твой мул и вот эта одежда», — и стал снимать с себя одежду и бросил ее на спину мула, пока на нем не остались рубаха и подштанники, и только.

И он повернулся ко входу в палатку и увидел перед собой пруд из крови, в котором струилась кровь убитых, и начал валяться в ней в рубахе и подштанниках, так что стал точно убитый, утопающий в крови.

Вот что было с Ала ад-Дином. Что же касается шейха арабов Аджлана, то он спросил у своих людей: «О арабы, этот караван идет из Каира или выходит из Багдада?» И ему ответили: «Он идет из Каира в Багдад». — «Вернитесь к убитым, я думаю, что владелец каравана не умер», — сказал он; и арабы вернулись к убитым и снова стали бить мертвых мечами и копьями и дошли до Ала ад-Дина, который бросился на землю среди убитых. И дойдя до него, они сказали: «Ты притворился мертвым, но мы убьем тебя до конца», — и бедуин вынул копье и хотел вонзить его в грудь Ала ад-Дину. И тогда Ала ад-Дин воскликнул про себя: «Благослови, о Абд аль-Кадир, о гилянец!» — и увидел руку, которая отвела копье от его груди к груди начальника Камаль ад-Дина, верблюжатника, и бедуин ударил его копьем и не прикоснулся к Ала ад-Дину.

И потом они взвалили тюки на спину мулов и ушли, и Ала ад-Дин посмотрел и увидел, что птицы улетели со своей добычей. И он сел прямо и поднялся и побежал; и вдруг бедуин Абу Наиб сказал своим товарищам: «О арабы, я вижу что-то вдали»; и один из бедуинов поднялся и увидел Ала ад-Дина, который убежал. «Тебе не поможет бегство, раз мы сзади тебя!» — воскликнул Аджлан и, ударив своего коня пяткой, поспешил за Ала ад-Дином.

А Ала ад-Дин увидал перед собой пруд с водой и рядом с ним водохранилище, и влез на решетку водохранилища, и растянулся, и притворился спящим, говоря про себя: «О благой покровитель, опусти твой покров, который не совлекается».

И бедуин остановился перед водохранилищем и, поднявшись на стремянах, протянул руку, чтобы схватить Ала ад-Дина. И Ала ад-Дин воскликнул: «Благослови, о госпожа моя Нафиса*, вот время

оказать помощь!» И вдруг бедуина ужалил в руку скорпион, и он закричал и воскликнул: «Ах, подойдите ко мне, о арабы, я ужален».

И бедуин сошел со спины коня, и его товарищи пришли к нему и опять посадили его на коня и спросили: «Что с тобой случилось?» И он отвечал: «Меня ужалил детеныш скорпиона»; и арабы увели караван и ушли.

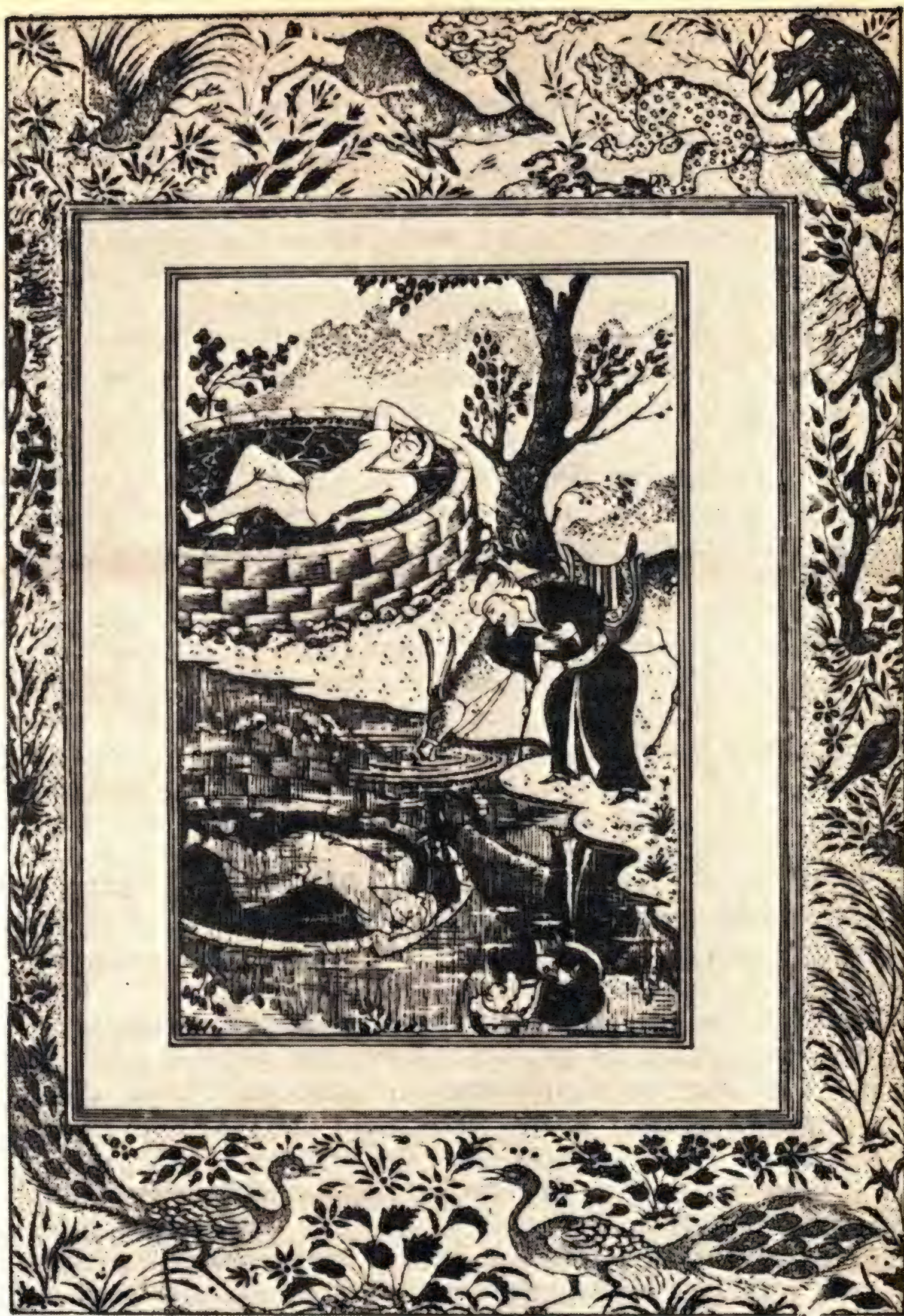
Вот что было с ними. Что же касается Ала ад-Дина, то он продолжал лежать на решетке водохранилища, а что до купца Махмуда аль-Балхи — то он велел грузить тюки и поехал, и ехал до тех пор, пока не достиг Чащи Львов. И он нашел всех слуг Ала ад-Дина убитыми и обрадовался этому и, спешившись, дошел до водохранилища и пруда. А мулу Махмуда аль-Балхи хотелось пить, и он нагнулся, чтобы напиться из пруда, и увидел отражение Ала ад-Дина и шарахнулся от него. И Махмуд аль-Балхи поднял глаза и увидел, что Ала ад-Дин лежит голый, в одной только рубашке и подштанниках. «Кто сделал с тобою такое дело и оставил тебя в наихудшем положении?» — спросил Махмуд. И Ала ад-Дин отвечал: «Кочевники». — «О дитя мое, — сказал Махмуд, — ты откупился мулами и имуществом. Утешься словами того, кто сказал:

Когда голова мужей спасется от гибели,
То все их имущество — обрезок ногтей для них.

Но спустись, о дитя мое, не бойся беды».

И Ала ад-Дин спустился с решетки водохранилища, и Махмуд посадил его на мула, и они ехали, пока не прибыли в город Багдад, в дом Махмуда аль-Балхи. И Махмуд велел свести Ала ад-Дина в баню и сказал ему: «Деньги и тюки — выкуп за тебя, о дитя мое; и если ты будешь меня слушаться, я верну тебе твои деньги и тюки вдвойне».

А когда Ала ад-Дин вышел из бани, Махмуд отвел его в комнату, украшенную золотом, где было четыре портика, и велел принести скатерть, на которой стояли всякие кушанья. И они стали есть и пить, и Махмуд склонился к Ала ад-Дину, чтобы взять у него поцелуй, но Ала ад-Дин поймал поцелуй рукой и воскликнул: «Ты до сих пор следуешь насчет меня твоему заблуждению! Разве я не сказал тебе, что если бы я про-

давал этот товар другому за золото, я бы, наверное, продал его тебе за серебро?» — «Я даю тебе и товары, и мула, и одежду только ради такого случая,— отвечал Махмуд.— От страсти к тебе я в расстройстве».

«Это вещь невозможная,— сказал Ала ад-Дин.— Возьми твоё платье и твоего мула и открой мне двери, чтобы я мог уйти».

И Махмуд открыл ему двери, и Ала ад-Дин вышел, и собаки лаяли ему вслед. И он пошел и шел в темноте, и вдруг увидал ворота мечети, и вошел в проход, ведущий в мечеть, и укрылся там,— и вдруг видит: к нему приближается свет. И он всмотрелся и увидел два фонаря в руках рабов, предшествовавших двум купцам, один из которых был старик с красивым лицом, а другой — юноша. И Ала ад-Дин услышал, как юноша говорил старику: «Ради Аллаха, о дядюшка, возврати мне дочь моего дяди»; а старик отвечал ему: «Разве я тебя не удерживал много раз, а ты сделал развод своей священной книгой».

И старик взглянул направо и увидал юношу, подобного обрезку луны, и сказал ему: «Мир с тобою!» И Ала ад-Дин ответил на его приветствие, а старик спросил: «О мальчик, кто ты?» — «Я Ала ад-Дин, сын Шамс ад-Дина, старшины купцов в Каире,— отвечал юноша.— Я попросил у отца товаров, и он собрал мне пятьдесят тюков товаров и тканей и дал мне десять тысяч динаров, и я отправился и ехал, пока не достиг Чащи Львов. И на меня напали кочевники и забрали мои деньги и тюки; и я вошел в этот город, не зная, где переночевать, и увидал это место и укрылся здесь».— «О дитя мое,— молвил старик,— что ты скажешь, если я дам тебе тысячу динаров, и платье в тысячу динаров, и мула в тысячу динаров».— «За что ты дашь мне это, о дядюшка?» — спросил Ала ад-Дин. И старик сказал: «Этот мальчик, который со мною, сын моего брата, и у его отца никого нет, кроме него, а у меня есть дочь, кроме которой у меня никого не было, и зовут ее Зубейда-лютнистка, и она красива и прелестна. Я выдал ее замуж за этого юношу, и он ее любит, но она ненавидит его, и однажды он не сдержал клятву, трижды поклявшись тройным разводом; и едва только его жена уверилась в этом, она покинула его. И он согнал ко мне всех людей, чтобы я вернул ему жену, и я сказал ему: «Это удастся только через

заместителя»*. И мы сговорились, что сделаем заместителем какого-нибудь чужеземца, чтобы никто не корил моего зятя этим делом, и раз ты чужеземец — ступай с нами. Мы напишем тебе договор с моей дочерью, и ты проведешь с ней сегодняшнюю ночь, а наутро разведешься с ней, и я дам тебе то, о чем говорил».

И Ала ад-Дин сказал про себя: «Клянусь Аллахом, провести ночь с невестой, в доме и на постели, мне лучше, чем ночевать в переулках и проходах!» — и отправился с ними к кади. И когда кади взглянул на Ала ад-Дина, любовь к нему запала ему в сердце, и он спросил отца девушки: «Что вы хотите?» — «Мы хотим сделать его заместителем этого юноши для моей дочери, — отвечал отец девушки, — и напишем на него обязательство дать в приданое десять тысяч динаров. И если он переночует с нею, а наутро разведется, мы дадим ему одежду в тысячу динаров, а если не разведется, пусть выкладывает десять тысяч динаров».

И они написали договор с таким условием, и отец девушки получил в этом расписку, а затем он взял Ала ад-Дина с собою и одел его в ту одежду, и они пошли с ним и пришли к дому девушки. И отец ее оставил Ала ад-Дина стоять у ворот дома и, войдя к своей дочери, сказал ей: «Возьми обязательство о твоём приданом — я написал тебе договор с красивым юношей по имени Ала ад-Дин Абу-ш-Шамат; заботься же о нём наилучшим образом». И потом купец отдал ей расписку и ушел к себе домой.

Что же касается двоюродного брата девушки, то у него была управительница, которая заходила к Зубейде-лютнистке, дочери его дяди, и юноша оказывал ей милости.

«О матушка, — сказал он ей, — когда Зубейда, дочь моего дяди, увидит этого красивого юношу, она после уже не примет меня. Прошу тебя, сделай хитрость и удержи от него девушку». — «Клянусь твоей юностью, я не дам ему приблизиться к ней», — отвечала управительница, а затем она пришла к Ала ад-Дину и сказала ему: «О дитя мое, я тебе кое-что посоветую ради Аллаха великого; прими же мой совет. Я боюсь для тебя беды от этой девушки; оставь ее спать одну, не прикасайся к ней и не подходи к ней близко». —

«А почему?» — спросил Ала ад-Дин. И управительница сказала: «У нее на всем теле проказа, и я боюсь, что она заразит твою прекрасную юность». — «Нет мне до нее нужды», — сказал Ала ад-Дин. А управительница отправилась к девушке и сказала ей то же самое, что сказала Ала ад-Дину. И девушка молвила: «Нет мне до него нужды! Я оставлю его спать одного, а наутро он уйдет своей дорогой».

Потом она позвала невольницу и сказала ей: «Возьми столик с кушаньем и подай его ему, пусть ужинает»; и невольница снесла Ала ад-Дину столик с кушаньем и поставила его перед ним, и Ала ад-Дин ел, пока не насытился, а потом он сел и, затянув красивый напев, начал читать суру Я-Син. И девушка прислушалась и нашла, что его напев похож на псалмы Давида, и сказала про себя: «Аллах огорчил эту старуху, которая сказала, что юноша болен проказой! У того, кто в таком положении, голос не такой. Эти слова — ложь на него».

И потом она взяла в руки лютню, сделанную в землях индийских, и, настроив струны, запела под нее прекрасным голосом, останавливающим птиц в глубине неба, и проговорила такие стихи:

Люблю газеленка я, чей темен и черен глаз;
Когда он появится, ветвь ивы завидует.

Меня отвергает он, другая с ним счастлива,—
То милость господняя: дает, кому хочет, он.

И Ала ад-Дин, услышав, что она проговорила такие слова, запел сам, когда закончил суру, и произнес такой стих:

Приветствую ту, чей стан одеждою служит ей,
И розы, в садах ланит привольно цветущие.

И девушка встала (а любовь ее к юноше сделалась сильнее) и подняла занавеску; и, увидав ее, Ала ад-Дин произнес такое двустишие:

Являет луну и гнется она, как ива,
Газелью глядит, а дышит как будто амброй.

И мнится: горе любит мое сердце
И в час разлуки с ним соединится.

И потом она прошлась, трясая бедрами и изгибая бока — творенье того, чьи милости скрыты, и оба они посмотрели друг на друга взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов; и когда стрела ее взора утвердилась у него в сердце, он произнес такие стихи:

Увидев на небе луну, я вспомнил
Ту ночь, когда мы близки с нею были.

Мы оба видели луну, но глазом
Она моим, а я — ее глазами.

А когда она подошла к нему и между ними осталось лишь два шага, он произнес такие стихи:

Распустила три она локона из волос своих
Ночью темною — и четыре ночи явила нам.

И к луне на небе лицом она обратилась —
И явила мне две луны она одновременно.

И девушка приблизилась к Ала ад-Дину, и он сказал: «Отдались от меня, чтобы меня не заразить!» И тогда она открыла кисть своей руки, и кисть ее разделялась надвое и белела, как белое серебро. «Отойди от меня, чтобы меня не заразить, ты болен проказой», — сказала она. И Ала ад-Дин спросил ее: «Кто тебе рассказал, что у меня проказа?» — «Старуха мне рассказала», — ответила девушка. И Ала ад-Дин воскликнул: «И мне тоже старуха рассказывала, что ты поражена проказой!»

И они обнажили руки, и девушка увидала, что его тело — чистое серебро, и сжала его в объятиях, и он тоже прижал ее к груди, и они обняли друг друга. А потом девушка взяла Ала ад-Дина и легла на спину и развязала рубашку, и у Ала ад-Дина зашевелилось то, что оставил ему отец, и он воскликнул: «На помощь, о шейх Закария, о отец жил!»

И он положил руки ей на бок и ввел жилу сладости в ворота разрыва и толкнул и достиг врат завесы (а он вошел через ворота победы), а потом он пошел на рынок второго дня и недели, и третьего дня, и четвертого, и пятого дня, и увидел, что ковер пришелся как раз по портику, и ларец искал себе крышку, пока не нашел ее.

А когда настало утро, Ала ад-Дин сказал своей жене: «О радость незавершенная! Ворон схватил ее и улетел». — «Что значат эти слова?» — спросила она. И Ала ад-Дин сказал: «Госпожа, мне осталось сидеть с тобою только этот час». — «Кто это говорит?» — спросила она; и Ала ад-Дин ответил: «Твой отец взял с меня расписку на приданое за тебя, на десять тысяч динаров, и если я не верну их в сегодняшний день, меня запрут в доме кади, а у меня сейчас коротки руки даже для одной серебряной полушки из этих десяти тысяч динаров». — «О господин мой, власть мужа у тебя в руках или у них в руках?» — спросила Зубейда. «Она в моих руках, но у меня ничего нет», — отвечал Ала ад-Дин. И Зубейда сказала: «Это дело легкое, и не бойся ничего, а теперь возьми эти сто динаров; и если бы у меня было еще, я бы, право, дала тебе то, что ты хочешь, но мой отец из любви к своему племяннику перенес все свои деньги от меня в его дом, даже мои украшения он все забрал. А когда он придет к тебе завтра посланного от властей, и кади и мой отец скажут тебе: «Разводись!», спроси их: «Какое вероучение позволяет, чтобы я женился вечером и развелся утром?» А потом ты поцелуешь кади руку и дашь ему подарок, и каждому свидетелю ты также поцелуешь руку и дашь десять динаров, — и все они станут говорить за тебя. И когда тебя спросят: «Почему ты не разводишься и не берешь тысячу динаров, мула и одежду, как следует по условию, которое мы с тобою заключили?», ты скажи им: «Для меня каждый ее волосок стоит тысячи динаров, и я никогда не разведусь с нею и не возьму одежды и ничего другого». А если кади скажет тебе: «Давай приданое!», ты ответь: «Я сейчас в затруднении»; и тогда кади со свидетелями пожалеют тебя и дадут тебе на время отсрочку».

И пока они разговаривали, вдруг посланный от кади постучал в дверь, и Ала ад-Дин вышел к нему, и посланный сказал: «Поговори с эфенди *; твой тесть тебя требует».

И Ала ад-Дин дал ему пять динаров и сказал: «О пристав, какой закон позволяет, чтобы я женился вечером и развелся утром?» — «По нашему, это никак не допускается, — ответил пристав, — и если ты не знаешь закона, то я буду твоим поверенным». И они отправились в суд, и кади спросил Ала ад-Дина:

«Почему ты не разводишься и не берешь того, что установлено по условию?» И Ала ад-Дин подошел к кади и поцеловал ему руку и, вложив в нее пятьдесят динаров, сказал: «О владыка наш, кади, какое учение позволяет, чтобы я женился вечером и развелся утром, против моей воли?» — «Развод по принуждению не допускается ни одним толком из толков мусульман», — отвечал кади. А отец женщины сказал: «Если ты не разведешься, давай приданое — пятьдесят тысяч динаров». — «Дайте мне отсрочку на три дня», — сказал Ала ад-Дин; а кади воскликнул: «Срока в три дня недостаточно! Он отсрочит тебе на десять дней!»

И они согласились на этом и обязали Ала ад-Дина через десять дней либо отдать приданое, либо развестись.

И он ушел от них с таким условием и взял мяса и рису, и топленого масла, и всего, что требовалось из съестного, и отправился домой и, войдя к женщине, рассказал ей обо всем, что с ним случилось. «От вечера до дня случаются чудеса, — сказала ему женщина, — и от Аллаха дар того, кто сказал:

Будь же кротким, когда испытан ты гневом,
Терпеливым — когда постигнет несчастье.

В наше время беременны ночи жизни
Тяжкой ношей, — они ведь рожают диво».

А потом она поднялась и приготовила еду и принесла скатерть, и они стали есть и пить, и наслаждаться, и веселиться; а после этого Ала ад-Дин попросил ее сыграть какую-нибудь музыку, и она взяла лютню и сыграла музыку, от которой развеселится каменная скала, и струны взывали в помещении: «О любимый», и женщина пела и заливалась.

И так они наслаждались, шутили и веселились и радовались, — и вдруг постучали в ворота.

И женщина сказала Ала ад-Дину: «Встань посмотри, кто у ворот»; и он пошел и открыл ворота и увидел, что перед ним стоят четыре дервиша. «Чего вы хотите?» — спросил он их; и дервиши сказали: «О господин, мы дервиши из чужих земель, и пища нашей души — музыка и нежные стихи. Мы хотим отдохнуть у тебя сегодня ночью, до утра, а потом пойдем своей дорогой, а тебе будет награда от Аллаха

великого. Мы любим музыку, и среди нас нет никого, кто бы не знал наизусть касид, стихов и строф». — «Я посоветуюсь», — сказал им Ала ад-Дин и вошел и осведомил женщину, и она сказала: «Открой им ворота!»

И Ала ад-Дин открыл дервишам ворота и привел их и посадил и сказал им: «Добро пожаловать!», а затем он принес еду; но они не стали есть и сказали: «О господин, наша пища — поминание Аллаха в сердцах и слушание певиц ушами, и от Аллаха дар того, кто сказал:

Желаем мы одного: чтоб встретились мы с тобой,
А есть — то особенность, животным присущая.

Мы слышали у тебя нежную музыку, а когда мы вошли, музыка прекратилась. О, если бы увидеть, кто та, что играла музыку: белая или черная невольница или же дочь родовитых?» — «Это моя жена, — ответил Ала ад-Дин и рассказал им обо всем, что с ним случилось, и сказал: — Мой тесть наложил на меня десять тысяч динаров ей в приданое, и мне дали десять дней отсрочки». — «Не печалься, — сказал один из дервишей, — и держи в мыслях только хорошее. Я шейх дервишской обители, и мне подчинены сорок дервишей, над которыми я властвую. Я соберу тебе от них десять тысяч динаров, и ты сполна выплатишь приданое, которое причитается с тебя твоему тестю. Но прикажи жене сыграть нам музыку, чтобы мы насладились и почувствовали бодрость, музыка для некоторых людей — пища, для некоторых — лекарство, а для некоторых — опахало».

А эти четыре дервиша были халиф Харун ар-Рашид, везирь Джафар аль-Бармак, Абу Нувас (аль-Хасан ибн Хани) и Масрур — палач мести; и проходили они мимо этого дома потому, что халиф почувствовал стеснение в груди и сказал своему везирю: «О везирь, мы хотим выйти и пройтись по городу, так как я чувствую стеснение в груди». И они надели одежду дервишей и вышли в город и проходили мимо этого дома, и, услышав музыку, захотели узнать истину об этом деле.

И гости Ала ад-Дина проводили ночь в радости и согласии, обмениваясь словами, пока не настало утро, и тогда халиф положил сто динаров под молитвен-

ный коврик, и они попрощались с Ала ад-Дином и ушли своею дорогою.

И женщина подняла коврик и увидела под ним сто динаров и сказала своему мужу: «Возьми эти сто динаров, которые я нашла под ковриком, дервиши положили их, прежде чем уйти, и мы не знали об этом».

И Ала ад-Дин взял деньги и пошел на рынок и купил на них мяса, и рису, и топленого масла, и всего, что было нужно.

А на другой день он зажег свечи и сказал своей жене: «Дервиши-то не принесли десяти тысяч динаров, которые они мне обещали. Это просто нищие».

И пока они разговаривали, дервиши вдруг постучали в ворота. И жена Ала ад-Дина сказала: «Выйди, открой им»,—и Ала ад-Дин открыл ворота и, когда они вошли, спросил: «Вы принесли десять тысяч динаров, которые вы мне обещали?» — «О, ничего из них не удалось достать,—отвечали дервиши,—но не бойся дурного: если захочет Аллах великий, мы сварим тебе завтра химический состав*. Прикажи твоей жене дать нам послушать музыку, от которой ободрятся бы наши сердца, так как мы любим музыку».

И Зубейда сыграла им на лютне музыку, от которой заплясала бы каменная скала, и они провели время в наслаждении, радости и веселье, рассказывая друг другу разные истории; и когда взошло утро и засияло светом и заблестало, халиф положил под коврик сто динаров, а потом они простились с Ала ад-Дином и ушли своею дорогою.

И они продолжали ходить к нему таким образом в течение девяти вечеров, и каждый вечер халиф клал под коврик сто динаров. А когда подошел десятый вечер, они не пришли, и причиною их отсутствия было то, что халиф послал за одним большим купцом и сказал ему: «Приготовь мне пятьдесят тюков материй, которые приходят из Каира, и пусть цена каждого тюка будет тысяча динаров. Напиши на каждом тюке, сколько он стоит, и пришли мне абиссинского раба».

И купец доставил все, что халиф приказал ему, и потом халиф дал рабу таз и кувшин из золота, и путевые припасы, и пятьдесят тюков, и написал письмо от имени Шамс ад-Дина, старшины купцов

в Каире, отца Ала ад-Дина, и сказал рабу: «Возьми эти тюки и то, что есть с ними, ступай в такой-то квартал, где дом старшины купцов, и спроси, где господин Ала ад-Дин Абу-ш-Шамат; люди укажут тебе и квартал и его дом».

И раб взял тюки и то, что было с ними, как велел ему халиф, и отправился.

Вот что было с ним. Что же касается двоюродного брата женщины, то он отправился к ее отцу и сказал ему: «Идем сходим к Ала ад-Дину, чтобы развести с ним дочь моего дяди»; и они вышли и пошли с ним и отправились к Ала ад-Дину.

А достигнув его дома, они увидели пятьдесят мулов и на них пятьдесят тюков тканей, и раба, сидевшего на муле, и спросили его: «Чьи это тюки?» — «Моего господина Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата, — ответил раб. — Его отец собрал для него товары и отправил его в город Багдад, и на него напали арабы и взяли его деньги и тюки, и весть об этом дошла до его отца, и он послал меня к нему с другими тюками вместо тех, и прислал ему со мною мула, на которого нагружены пятьдесят тысяч динаров, и узел с платьем, стоящим больших денег, и соболью шубу, и золотой таз и кувшин». — «Это мой зять, и я проведу тебя к его дому», — сказал отец девушки.

А Ала ад-Дин сидел в своем доме сильно озабоченный, и вдруг постучали в ворота. «О Зубейда, — сказал Ала ад-Дин, — Аллах лучше знает! Поистине, твой отец прислал ко мне посланца от кади или от вали». — «Выйди и посмотри, в чем дело», — сказала Зубейда. И Ала ад-Дин спустился и открыл ворота и увидел своего тестя — старшину купцов, отца Зубейды, и абиссинского раба с коричневым лицом, приятного видом, который сидел на муле.

И раб спешился и поцеловал ему руки, и Ала ад-Дин спросил его: «Что ты хочешь?» И раб сказал: «Я раб господина Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата, сына Шамс ад-Дина, старшины купцов в земле египетской, и его отец послал меня к нему с этим поручением», — и он подал ему письмо; и Ала ад-Дин взял его и развернул, и увидел, что в нем написано:

О посланье, когда увидишь любимых,
Поцелуй ты сапог и пол перед ними.

Дай отсрочку, не будь ты с ними поспешен,—
Ведь и дух мой у них в руках и мой отдых.

После совершенного приветствия и привета и уважения от Шамс ад-Дина его сыну Абу-ш-Шамату. Знай, о дитя мое, что до меня дошла весть об убиении твоих людей и ограблении твоего имущества и поклажи, и я послал тебе вместо нее эти пятьдесят тюков египетских тканей, и одежду, и соболью шубу, и таз и кувшин из золота. Не бойся же беды! Деньги — выкуп за тебя, о дитя мое, и да не постигнет тебя печаль никогда. Твоей матери и родным живется хорошо, они здоровы и благополучны и приветствуют тебя многими приветами. И дошло до меня, о дитя мое, что тебя сделали заместителем у девушки Зубейды-лютнистики и наложили на тебя ей в приданое пятьдесят тысяч динаров. Эти деньги едут к тебе вместе с тюками и твоим рабом Селимом».

Окончив читать письмо, Ала ад-Дин принял тюки и, обратившись к своему тестю, сказал ему: «О мой тесть, возьми пятьдесят тысяч динаров — приданое за твою дочь Зубейду, и возьми также тюки и распорядись ими: прибыль будет твоя, а основные деньги верни мне». — «Нет, клянусь Аллахом, я ничего не возьму, а что до приданого твоей жены, то о нем сговорись с ней», — отвечал купец; и Ала ад-Дин поднялся, и они с тестем вошли в дом, после того как туда внесли поклажу.

И Зубейда спросила своего отца: «О батюшка, чьи это тюки?» И он отвечал ей: «Это тюки Ала ад-Дина, твоего мужа, их прислал ему его отец вместо тех тюков, которые забрали арабы, и он прислал ему пятьдесят тысяч динаров, и узел с платьем, и соболью шубу, и мула, и таз и кувшин из золота, а что касается приданого, то решать о нем предстоит тебе».

И Ала ад-Дин поднялся и, открыв сундук, дал Зубейде ее приданое; и тогда юноша, ее двоюродный брат, сказал: «О дядюшка, пусть Ала ад-Дин разведется с моей женой»; но ее отец ответил: «Это уже больше никак не удастся, раз власть мужа в его руках».

И юноша ушел огорченный и озабоченный, и слег у себя дома, больной, и было в этом исполнение его судьбы, и он умер.

Что же касается Ала ад-Дина, то, приняв тюки, он пошел на рынок и взял всего, что ему было нужно:

кушаний, напитков и топленого масла, и устроил пир, как и всякий вечер, и сказал Зубейде: «Посмотри на этих лгунов дервишей: они обещали нам и нарушили обещание». — «Ты сын старшины купцов, и у тебя были коротки руки для серебряной полушки, так как же быть бедным дервишам?» — сказала Зубейда; и Ала ад-Дин воскликнул: «Аллах великий избавил нас от нужды в них, но я больше не открою им ворот, когда они придут к нам!» — «Почему?» — сказала Зубейда. — «Ведь благо пришло к нам после их прихода, и всякую ночь они клали нам под коврик сто динаров. Мы обязательно откроем им ворота, когда они придут».

И когда свет дня угас и пришла ночь, зажгли свечи, и Ала ад-Дин сказал: «О Зубейда, начни, сыграй нам музыку». И вдруг постучали в ворота. «Встань посмотри, кто у ворот», — сказала Зубейда; и Ала ад-Дин вышел и открыл ворота и увидел дервишей. «А, добро пожаловать, лжецы, входите!» — воскликнул он; и дервиши вошли с ним, и он посадил их и принес им скатерть с кушаньем, и они стали есть и пить, радоваться и веселиться.

А после этого они сказали ему: «О господин наш, наши сердца заняты тобою: что у тебя произошло с твоим тестем?» — «Аллах возместил нам превыше желания», — ответил Ала ад-Дин; и дервиши сказали: «Клянемся Аллахом, мы за тебя боялись и нас удерживало лишь то, что у нас в руках не было денег». — «Ко мне пришла помощь от моего господина, и мой отец прислал мне пятьдесят тысяч динаров и пятьдесят тюков тканей, ценою каждый в тысячу динаров, и платье, и соболью шубу, и мула, и раба, и таз и кувшин из золота, и между мной и моим тестем наступил мир, и жена моя мне принадлежит по праву, и хвала Аллаху за все это», — ответил Ала ад-Дин.

А затем халиф поднялся, чтобы исполнить нужду, и везирь Джафар наклонился к Ала ад-Дину и сказал ему: «Соблюдай пристойность: ты находишься в присутствии повелителя правоверных». — «Что я сделал непристойного в присутствии повелителя правоверных и кто из вас повелитель правоверных?» — спросил Ала ад-Дин; и Джафар сказал: «Тот, кто разговаривал с тобой и поднялся, чтобы исполнить нужду, — повелитель правоверных, халиф Харун ар-Рашид, а я — ве-

зирь Джафар, а это — Масрур, палач мести, а это Абу Нувас аль-Хасан ибн Хани. Обдумай разумом, о Ала ад-Дин, и посмотри: на расстоянии скольких дней пути Каир от Багдада?» — «Сорока пяти дней», — ответил Ала ад-Дин; и Джафар сказал: «Твои тюки отняли у тебя только десять дней назад, так как же весть об этом достигла до твоего отца и он собрал тебе тюки, которые покрыли расстояние сорока пяти дней в эти десять дней?» — «О господин мой, откуда же это пришло ко мне?» — спросил Ала ад-Дин. «От халифа, повелителя правоверных, по причине его крайней любви к тебе», — ответил Джафар.

И пока они разговаривали, халиф вдруг вошел к ним. И Ала ад-Дин поднялся и поцеловал перед ним землю и сказал: «Аллах да сохранит тебя, о повелитель правоверных, и да сделает вечной твою жизнь и да не лишит людей твоих милостей и благодеяний!» — «О Ала ад-Дин, — молвил халиф, — пусть Зубейда сыграет нам музыку ради сладости твоего благополучия». И Зубейда играла им на лютне музыку, чудеснейшую среди всего существующего, пока не возликовали каменные стены и не воззвали струны в комнате: «О любимый!»

И они провели ночь до утра в самом радостном состоянии, а когда наступило утро, халиф сказал Ала ад-Дину: «Завтра приходи в диван*», и Ала ад-Дин ответил: «Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных, если захочет Аллах великий и ты будешь в добром здоровье!» Ала ад-Дин взял десять блюд и, положив на них великолепный подарок, пошел с ними на другой день в диван; и когда халиф сидел на престоле в диване, вдруг вошел в двери дивана Ала ад-Дин, говоря такие стихи:

Приветствует пусть удача тебя в день всякий
С почетом, хоть завистник недоволен.

И будут дни твои всегда пусть белы,
А дни врагов твоих да будут черны.

«Добро пожаловать, о Ала ад-Дин», — сказал халиф; и Ала ад-Дин ответил: «О повелитель правоверных, пророк — да благословит его Аллах и да приветствует! — принимал подарки, и эти десять блюд с тем, что есть на них, — подарок тебе от меня». И халиф принял от него это и велел дать ему почетную одежду

и сделал его старшиной купцов и посадил его в диване, и когда он там сидел, вдруг вошел его тесть, отец Зубейды.

И, увидев, что Ала ад-Дин сидит на его месте и на нем почетная одежда, он сказал повелителю правоверных: «О царь времени, почему этот молодец сидит на моем месте?» — «Я назначил его старшиной купцов, — сказал халиф. — Должности жалуются на срок, а не навеки, и ты отстранен». — «От нас и к нам идет благо! — воскликнул отец Зубейды. — Прекрасно то, что ты сделал, о повелитель правоверных, и да поставит Аллах лучших из нас властителем наших дел. Сколько малых стало великими!» Потом халиф написал Ала ад-Дину грамоту и дал ее вали, и вали отдал грамоту факелоносцу, и тот возгласил в диване: «Нет старшины купцов, кроме Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата! Его слова должно слушать и хранить к нему почет, и ему подобает уважение и почтение и высокое место!»

А когда диван разошелся, вали пошел с глашатаем перед Ала ад-Дином, и глашатай кричал: «Нет старшины купцов, кроме господина Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата!» И они ходили с ним кругом по площадям Багдада, и глашатай кричал и говорил: «Нет старшины купцов, кроме господина Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата!»

А когда наступило утро, Ала ад-Дин открыл для раба лавку и посадил его в ней продавать и покупать, а что касается самого Ала ад-Дина, то он каждый день садился на коня и отправлялся в должность, в диван халифа.

И случилось однажды, что он сидел, как всегда, на своем месте, и, когда он сидел, вдруг кто-то сказал халифу: «О повелитель правоверных, да живет твоя голова после такого-то твоего сотрапезника, — он представился к милости Аллаха великого, а твоя жизнь да будет вечна». — «Где Ала ад-Дин Абу-ш-Шамат?» — спросил халиф; и Ала ад-Дин предстал перед ним, и халиф, увидев Ала ад-Дина, наградил его великолепной одеждой, сделал его своим сотрапезником и предписал выдавать ему содержание в тысячу динаров каждый месяц, и Ала ад-Дин жил у халифа, разделяя его трапезы.

И случилось так, что в один из дней он сидел, как всегда, на своем месте, служа халифу, и вдруг вошел в диван эмир с мечом и щитом и сказал: «О повелитель правоверных, да живет твоя голова после главы шестидесяти*, — он умер в сегодняшний день». И халиф велел дать Ала ад-Дину почетную одежду и назначил его главой шестидесяти, на место умершего.

А у главы шестидесяти не было ни жены, ни сына, ни дочери, и Ала ад-Дин пошел и наложил руку на его имущество; и халиф сказал Ала ад-Дину: «Похорони его в земле и возьми все, что он оставил из денег, рабов, невольниц и слуг».

А затем халиф взмахнул платком, и диван разошелся, и Ала ад-Дин вышел, и у его стремени был начальник Ахмед ад-Данаф — начальник правой стороны у халифа, со своими сорока приспешниками, а слева от Ала ад-Дина был Хасан Шуман, начальник левой стороны у халифа, со своими сорока приспешниками.

И Ала ад-Дин обернулся к Хасану Шуману и его людям и сказал: «Будьте ходатаями перед начальником Ахмедом ад-Данафом, — может быть, он примет меня в сыновья по обету Аллаху». И начальник принял его и сказал: «Я и мои сорок приспешников будем ходить перед тобою в диван каждый день».

И Ала ад-Дин оставался на службе у халифа в течение нескольких дней, и в какой-то день случилось, что Ала ад-Дин вышел из дивана и пошел к себе домой, отпустив Ахмеда ад-Данафа и тех, кто был с ними, идти своей дорогой. И он сел со своей женой Зубейдой-лютнисткой и зажег свечи, и после этого она поднялась, чтобы исполнить нужду, а Ала ад-Дин сидел на месте. И вдруг он услышал великий крик, и поспешно поднялся, чтобы посмотреть, кто это кричал, и увидел, что кричала его жена Зубейда-лютнистка и что она лежит на земле. И Ала ад-Дин положил руку ей на грудь, и оказалось, что она мертва.

А дом ее отца был перед домом Ала ад-Дина, и отец услышал ее крики и спросил: «В чем дело, господин мой Ала ад-Дин?» — «Да живет твоя голова, о батюшка, после твоей дочери Зубейды, — ответил Ала ад-Дин, — но уважение к мертвому, о батюшка, состоит в том, чтобы зарыть его».

И когда настало утро, Зубейду схоронили в земле, и Ала ад-Дин стал утешать ее отца, а отец утешал Ала ад-Дина.

Вот что было с Зубейдой-лютнисткой. Что же касается Ала ад-Дина, то он надел одежды печали и удалился из дивана, и глаза его стали плачущими, а сердце печальным.

И халиф спросил: «О везирь, по какой причине Ала ад-Дин удалился из дивана?» И везирь ответил: «О повелитель правоверных, он горюет по своей жене Зубейде и занят, принимая соболезнования». — «Нам следует выказать ему соболезнование», — сказал халиф везирю; и везирь ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И халиф с везирем и несколькими слугами вышли и сели верхом и отправились к дому Ала ад-Дина.

И Ала ад-Дин сидел и вдруг видит — халиф и везирь и те, кто был с ними, приближаются к нему. И он встал им навстречу и поцеловал землю перед халифом, и халиф сказал ему: «Да возместит тебе Аллах благом!» А Ала ад-Дин отвечал: «Да продлит Аллах для нас твою жизнь, о повелитель правоверных». — «О Ала ад-Дин, — спросил халиф, — почему ты удалился из дивана?» — «Из-за печали по моей жене Зубейде, о повелитель правоверных», — ответил Ала ад-Дин; и халиф сказал: «Прогони от души заботу. Твоя жена умерла по милости великого Аллаха, и печаль тебе ничем не поможет». — «О повелитель правоверных, я оставляю печаль по ней только тогда, когда умру и меня зароят возле нее», — сказал Ала ад-Дин; и халиф молвил: «Поистине, в Аллахе замена всему минувшему, и не освободят от смерти ни ухищрения, ни деньги! От Аллаха дар того, кто сказал:

Ведь всех, кто женой рожден, хоть длительно счастье их,
Когда-нибудь понесут на ложе горбатым.

И как веселиться тем и жить в наслаждении,
Кому на ланиты прах и землю насыплют?»

И халиф, кончив утешать Ала ад-Дина, наказал ему не удаляться из дивана и отправился в свое жилище, а Ала ад-Дин проспал ночь, а когда наступило утро, сел на коня и поехал в диван. И он вошел к халифу и поцеловал перед ним землю, и халиф

пошевелился ради Ала ад-Дина на престоле и сказал ему: «Добро пожаловать! — и приветствовал его и посадил его на место и молвил:— О Ала ад-Дин, ты мой гость сегодня вечером».

И потом он пошел с ним к себе во дворец и, призвав одну невольницу по имени Кут аль-Кулуб, сказал ей: «У Ала ад-Дина была жена по имени Зубейда, которая развлекала его в горе и заботе. Она умерла по милости великого Аллаха, и я хочу, чтобы ты сыграла ему музыку на лютне, чудеснейшую среди всего существующего, и он бы утешился в заботе и печали».

И невольница начала и сыграла диковинную музыку; и халиф молвил: «Что скажешь, Ала ад-Дин, о голосе этой невольницы?» — «У Зубейды голос лучше, чем у нее, но она искусница в игре на лютне, так что из-за нее ликут каменные скалы»,— ответил Ала ад-Дин. И халиф спросил: «Она тебе нравится?» — «Нравится, о повелитель правоверных»,— ответил Ала ад-Дин; и халиф воскликнул: «Клянусь жизнью моей головы и могилой моих дедов, она подарок тебе от меня — и она и ее невольницы».

И Ала ад-Дин подумал, что халиф шутит с ним, а наутро халиф вошел к своей невольнице Кут аль-Кулуб и сказал ей: «Я подарил тебя Ала ад-Дину»; и она обрадовалась этому, так как видела Ала ад-Дина и полюбила его.

Потом халиф перешел из дворцового помещения в диван и, призвав носильщиков, сказал им: «Перенесите пожитки Кут аль-Кулуб в дом Ала ад-Дина и посадите ее в носилки вместе с ее невольницами»; и они перевезли ее с невольницами и пожитками в дом Ала ад-Дина и привели ее во дворец, а халиф просидел в помещении суда до конца дня, и затем диван разошелся, и он ушел к себе во дворец.

Вот что было с халифом; что же касается Кут аль-Кулуб, то, войдя во дворец Ала ад-Дина со своими невольницами (а их было сорок невольниц, кроме евнухов), она сказала двум евнухам: «Один из вас сядет на скамеечку справа от ворот, а другой сядет на скамеечку слева, и когда придет Ала ад-Дин, поцелуйте ему руки и скажите ему: «Наша госпожа, Кут аль-Кулуб, просит тебя во дворец. Халиф подарил ее тебе вместе с ее невольницами».

И евнухи ответили: «Слушаем и повинуемся!» — и сделали так, как она им велела. И когда Ала ад-Дин пришел, он увидел двух евнухов халифа, которые сидели у ворот.

И он нашел это диковинным и сказал про себя: «Может быть, это не мой дом? А иначе в чем же дело?» И евнухи, увидав его, поднялись и поцеловали ему руки и сказали: «Мы люди халифа, невольники Кут аль-Кулуб. Она приветствует тебя и говорит тебе, что халиф подарил ее тебе вместе с ее невольницами. И она просит тебя к себе». — «Скажите ей: «Добро пожаловать тебе, но только, пока ты у него, он не войдет во дворец, в котором ты находишься, так как то, что принадлежит господину, не годится для слуг», — отвечал Ала ад-Дин, — и спросите ее: «Как велики были твои расходы у халифа каждый день»».

И евнухи пошли к ней и спросили ее об этом, и она сказала: «Каждый день сто динаров». И Ала ад-Дин подумал про себя: «Не было мне нужды, чтобы халиф дарил мне Кут аль-Кулуб и я тратил бы на нее такие деньги, но, однако, тут не ухитришься». И Кут аль-Кулуб провела у него несколько дней, и он выдавал ей каждый день сто динаров. И в один из дней Ала ад-Дин не явился в диван, и халиф сказал: «О везирь Джафар, я подарил Кут аль-Кулуб Ала ад-Дину лишь для того, чтобы она его утешала в потере жены; почему же он удалился от нас?» — «О повелитель правоверных, — отвечал везирь, — правду сказал сказавший: кто встретит любимых, забудет друзей». И халиф молвил: «Может быть, его отсутствию есть оправдание. Мы навестим его».

А за несколько дней до этого Ала ад-Дин сказал везирю: «Я пожаловался халифу, что чувствую печаль по моей жене Зубейде-лютнистке, и он подарил мне Кут аль-Кулуб». — «Если бы халиф не любил тебя, он бы тебе ее не подарил, — сказал везирь. — А ты уже входил к ней, о Ала ад-Дин?» — «Нет, клянусь Аллахом, я еще не входил к ней», — ответил Ала ад-Дин; и везирь спросил: «Почему это?» А Ала ад-Дин молвил: «То, что годится господину, не годится для слуг».

Потом халиф и Джафар перерядились и пошли навестить Ала ад-Дина, и шли до тех пор, пока не пришли к нему.

И Ала ад-Дин узнал их и, поднявшись, поцеловал халифу руки; халиф, увидя его, обнаружил в нем признаки печали и сказал: «О Ала ад-Дин, какова причина печали, что охватила тебя? Разве ты еще не входил к Кут аль-Кулуб?» — «О повелитель правоверных,— ответил Ала ад-Дин,— что годится господину, не годится для слуг, и я до сих пор не входил к ней и не отличаю в ней длины от ширины. Избавь же меня от нее!» — «Я желаю с ней повидаться и спросить ее о ее положении»,— сказал халиф. И Ала ад-Дин ответил: «Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных!» И халиф вошел к Кут аль-Кулуб, и, увидав его, она поднялась и поцеловала перед ним землю. «Входил к тебе Ала ад-Дин?» — спросил ее халиф; и она ответила: «Нет, о повелитель правоверных. Я послала просить его, чтобы он вошел, но он не согласился».

И халиф велел ей возвратиться во дворец и сказал Ала ад-Дину: «Не удаляйся от нас!»

И потом халиф отправился к себе домой, а Ала ад-Дин проспал эту ночь, а утром он сел на коня и отправился в диван и занял место главы шестидесяти.

А халиф велел своему казначею выдать везирю Джафару десять тысяч динаров; и казначей дал ему это количество денег, и халиф сказал Джафару: «Поручаю тебе сходить на рынок невольниц и купить Ала ад-Дину невольницу на эти десять тысяч динаров». И Джафар последовал приказу халифа и вышел и, взяв с собою Ала ад-Дина, пошел с ним на рынок невольниц.

И случилось, что в этот день вали Багдада, назначенный халифом (а звали его эмир Халид), пошел на рынок, чтобы купить невольницу для своего сына, и причиной этого было вот что. У вали была жена по имени Хатун, и ему достался от нее сын, безобразный видом, которого звали Хабазлам Баззаза. И он достиг возраста двадцати лет и еще не умел ездить на коне, а его отец был смельчак, неприступный владыка, и ездил на конях, и погружался в море ночного боя.

И однажды ночью Хабазлам Баззаза спал и осквернился, и он рассказал об этом своей матери; и та обрадовалась и сообщила об этом его отцу и сказала: «Я хочу, чтобы мы его женили: он стал годен для брака». — «Он безобразен видом, дурно пахнет, грязен и дик, и его не примет ни одна женщина»,— ответил

отец Хабазлама; и мать его сказала: «Мы купим ему невольницу».

И по велению, predetermined Аллахом великим, в тот день, когда пошли на рынок везирь и Ала ад-Дин, туда пошел и эмир Халид, вали, со своим сыном Хабазламом Баззасой; и когда они были на рынке, вдруг появилась с одним из посредников невольница — красивая, прелестная, стройная и соразмерная, и везирь сказал: «О посредник, предложи за нее тысячу динаров!»

И посредник прошел с нею мимо вали, и Хабазлам Баззаза посмотрел на нее взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов, и любовь к ней овладела им. «О батюшка,— сказал он,— купи мне эту невольницу». И посредник стал зазывать, а вали спросил, как зовут девушку; и она отвечала: «Мое имя Ясмин». — «О дитя мое,— сказал ему отец,— если она тебе нравится, набавляй цену». — «О посредник, какова твоя цена?» — спросил он. «Тысяча динаров», — отвечал посредник. «С меня тысяча динаров и динар», — сказал юноша. А когда очередь дошла до Ала ад-Дина, тот предложил за девушку две тысячи, и всякий раз, как юноша, сын вали, набавлял цену на динар, Ала ад-Дин прибавлял тысячу динаров.

И сын вали рассердился и спросил: «О посредник, кто набавляет против меня цену за эту девушку?» И посредник ответил: «Везирь Джафар хочет купить ее для Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата».

И Ала ад-Дин предложил за невольницу десять тысяч динаров, и хозяин уступил ему девушку и получил за нее деньги; и Ала ад-Дин взял невольницу и сказал ей: «Я освобождаю тебя ради лика Аллаха великого», — и затем он написал свой брачный договор с нею и отправился домой.

И посредник вернулся с платой за посредничество, и сын вали позвал его и спросил: «Где невольница?» — «Ее купил Ала ад-Дин за десять тысяч динаров, и он освободил ее и написал свой договор с нею», — отвечал посредник. И юноша огорчился, и печаль его увеличилась, и он вернулся домой больным от любви к ней, и бросился на постель, и расстался с пищей, и его любовь и страсть усилились.

И, увидев, что он заболел, мать его спросила: «Сохрани тебя Аллах, о дитя мое, какова причина

твоей болезни?» — «Купи мне Ясмин, о матушка», — ответил он; и его мать сказала: «Когда пройдет человек с цветами, я куплю тебе корзинку жасмину». — «Это не тот жасмин, который нюхают, это невольница по имени Ясмин, которую мне не купил отец!» — воскликнул юноша. И его мать спросила мужа: «Почему ты не купил ему эту невольницу?» — «Что годится господину, не годится для слуг. И у меня нет власти взять ее: ее купил не кто иной, как Ала ад-Дин, глава шестидесяти», — ответил вали.

И болезнь юноши усилилась, так что он перестал спать и расстался с пищей. И его мать повязалась повязками печали.

И когда она сидела в своем доме, горюя из-за сына, вдруг вошла к ней одна старуха, которую звали «мать Ахмед Камакима-вора». А этот вор просверлил средние стены, и карабкался на верхние стены, и похищал сурьму с глаз, и эти мерзкие качества были у него с самого начала; а потом его сделали начальником стражи, и он украл вещь и попался с нею, и вали напал на него и захватил его и доставил к халифу.

И халиф велел убить его на поляне крови, но Ахмед прибегнул к защите везиря (а ходатайство везиря перед халифом не отвергалось), и везирь заступился за него. И халиф спросил: «Как ты заступаешься за бедствие, которое вредит людям?» — «О повелитель правоверных, — сказал везирь, — заключи его в тюрьму. Тот, кто построил тюрьму, был мудрец, так как тюрьма — могила для живых и радость для врагов».

И халиф велел наложить на Ахмеда цепи и написать на его цепях: «Навеки, до смерти, и он будет раскован лишь на скамье обмывальщика»; и Ахмеда посадили, закованного, в тюрьму.

А его мать была вхожа в дом эмира Халида, вали, и заходила к своему сыну в тюрьму и говорила ему: «Не говорила ли я тебе: «Отступись от запретного!» А он отвечал ей: «Это предопределил мне Аллах, но когда ты, о матушка, пойдешь к жене вали, пусть она заступится за меня перед ним».

И когда старуха вошла к жене вали, она увидела, что та повязана повязками печали, и спросила: «О чем ты печалишься?» — «О гибели моего сына Хабазлама Баззазы», — ответила жена вали. «Сохрани Аллах твоего сына! А что с ним случилось?» — спросила

старуха, и жена вали рассказала ей всю историю, и старуха спросила: «Что ты скажешь о том, кто сыграет шутку, в которой будет спасение твоего сына?» — «А что ты сделаешь?» — спросила жена вали; и старуха сказала: «У меня есть сын по имени Ахмед Камаким-вор, и он сидит закованный в тюрьме, и на цепях у него написано: «Навеки, до смерти». Встань и надень лучшее, что у тебя есть, и украсься самыми лучшими украшениями, и встреть своего мужа весело и приветливо, а когда он потребует от тебя того, что требуют мужчины от женщин, откажи ему и не давай этого сделать и скажи: «О диво Аллаха! Когда мужчине есть нужда до жены, он пристаёт к ней, пока не удовлетворит нужду с нею, а когда жене что-нибудь нужно от мужа, он не исполняет этого». И муж спросит тебя: «А что тебе нужно?» И ты скажи: «Сначала поклянись мне»; и когда он тебе поклянется жизнью своей головы и Аллахом, скажи ему: «Поклянись разводом со мною», — и не соглашайся, пока он не поклянется тебе разводом; а когда он поклянется тебе разводом, скажи ему: «У тебя в тюрьме заключен один начальник по имени Ахмед Камаким, и у него есть бедная мать, и она упала передо мной ниц и направила меня к тебе и сказала: «Пусть вали заступится за него перед халифом, чтобы халиф простил его, и ему бы досталась награда»».

И мать Хабазлама ответила ей: «Слушаю и повинуюсь!» И когда вали вошел к своей жене, она сказала ему все это, и он поклялся ей разводом, и тогда она позволила ему, и он провел подле нее ночь, а когда наступило утро, вали омылся и, совершив утреннюю молитву, пришел в тюрьму и сказал: «О Ахмед Камаким, о вор, раскаиваешься ли ты в том, что сделал?» — «Я раскаялся перед Аллахом и отступился и прошу сердцем и языком прощения у Аллаха», — ответил Ахмед. И вали выпустил его из тюрьмы и взял его с собой в диван, закованного в цепи.

И он подошел к халифу и поцеловал перед ним землю, и халиф спросил: «О эмир Халид, чего ты просишь?» И вали поставил Ахмеда Камакима, который шел в цепях, перед халифом, и халиф спросил: «О Камаким, ты до сих пор жив?» — «О повелитель правоверных, — ответил Ахмед, — жизнь несчастного медлительна»; и халиф молвил: «О эмир Халид, зачем

ты его привел сюда?» — «У него бедная, одинокая мать, у которой никого нет, кроме него,— ответил эмир,— и она пала ниц перед твоим рабом, чтобы он походатайствовал у тебя, о повелитель правоверных, и ты бы освободил от цепей ее сына. Он расскается в том, что было, и ты сделаешь его начальником стражи, как прежде». — «Ты раскаялся в том, что было?» — спросил халиф Ахмеда Камакима; и тот ответил: «Я раскаялся перед Аллахом, о повелитель правоверных»; и тогда халиф велел привести кузнеца и расковать цепи Ахмеда на скамье обмывальщика.

Он сделал Ахмеда начальником стражи и наказал ему хорошо вести себя и поступать прямо, и Ахмед поцеловал халифу руки и вышел с одеждой начальника стражи, и про него прокричали о том, что он начальник. И он пробыл некоторое время в своей должности, а потом его мать пришла к жене вали, и та сказала ей: «Слава Аллаху, который освободил твоего сына из тюрьмы здоровым и благополучным! Почему же ты не говоришь ему, чтобы он что-нибудь устроил и привел бы невольницу Ясмин к моему сыну Хабазламу Баззазе?» — «Я скажу ему»,— ответила старуха и, уйдя от нее, пришла к своему сыну. И она нашла его пьяным и сказала: «О дитя мое, причина того, что ты освободился из тюрьмы, только в жене вали, и она хочет от тебя, чтобы ты что-нибудь для нее устроил и убил бы Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата и привел бы невольницу Ясмин к ее сыну Хабазламу Баззазе». — «Это легче всего, что бывает»,— ответил Ахмед. — Я обязательно устрою что-нибудь сегодня ночью».

А эта ночь была первой ночью месяца, и у халифа был обычай проводить ее подле госпожи Зубейды по случаю освобождения невольницы, или невольника, или чего-нибудь подобного этому, и еще у халифа был обычай снимать царское платье и оставлять четки и кортик и перстень власти и класть все это на престол в приемной комнате.

А у халифа был золотой светильник с тремя драгоценными камнями, нанизанными на золотую цепочку, и этот светильник был халифу дорог. И халиф поставил евнухов сторожить одежду и светильник и остальные вещи и вошел в комнату госпожи Зубейды.

А Ахмед Камаким-вор выждал, пока пришла полночь, и засияла звезда Канопус, и твари заснули, и творец опустил на них покрывало, а затем он обнажил меч и взял его в правую руку, а в левую взял крюк и, подойдя к приемной комнате халифа, взял веревочную лестницу, закинул крюк на стену приемной комнаты, взобрался по лестнице на крышу, и поднял подъемную доску над комнатой, и спустился туда.

И он нашел евнухов спящими и, одурманив их, взял одежду халифа, четки, кортик, платок, перстень и светильник, на котором были камни, и вышел через то место, откуда вошел, и отправился к дому Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата. А Ала ад-Дин в эту ночь был занят свадьбой с девушкой, и он вошел к ней, и она ушла от него беременной.

И Ахмед Камаким-вор спустился в комнату Ала ад-Дина и, выломав мраморную доску в нижней части комнаты, выкопал под ней яму и положил туда часть вещей, а часть оставил у себя. Потом он заделал мраморную доску, как было, и вышел через то место, откуда вошел, говоря про себя: «Я сяду и напьюсь, и поставлю светильник перед собой, и буду пить чашу при его свете».

И потом он отправился домой, а когда наступило утро, халиф вошел в приемную комнату и увидел, что евнухи одурманены, и разбудил их и протянул руку, но не нашел ни одежды, ни перстня, ни четок, ни кортика, ни платка, ни светильника.

И халиф разгневался из-за этого великим гневом и надел одежду ярости (а это была красная одежда), и сел в диване; и везирь подошел и поцеловал перед ним землю и сказал: «Да избавит Аллах от зла повелителя правоверных!» И халиф воскликнул: «О везирь, зло велико». — «Что произошло?» — спросил везирь; и халиф рассказал ему обо всем, что случилось. И вдруг подъехал вали, и у его стремени был Ахмед Камаким-вор.

И вали нашел халифа в великом гневе, а халиф, увидев вали, спросил его: «О эмир Халид, как дела в Багдаде?» — «Все благополучно и безопасно», — отвечал вали. «Ты лжешь», — сказал халиф; и вали спросил: «Почему, о повелитель правоверных?» И халиф рассказал ему, что случилось, и молвил: «Ты обязан принести мне все это!» — «О повелитель правовер-

ных,—сказал вали,—червяки в уксусе оттуда происходят и там остаются*, и чужой никак не может забраться в это место». — «Если ты не принесешь мне эти вещи, я убью тебя»,—сказал халиф; и вали молвил: «Прежде чем убивать меня, убей Ахмеда Камакима-вора, так как никто не знает воров и обманщиков, кроме начальника стражи».

И Ахмед Камаким поднялся и сказал халифу: «Заступись за меня перед вали, и я отвечаю тебе за того, кто украл, и буду выискивать его след, пока не узнаю, кто он. Но только дай мне двух судей и двух свидетелей: тот, кто сделал это дело, не боится ни тебя, ни вали, ни кого-нибудь другого». — «Тебе будет то, что ты просишь,—сказал халиф,—но только первый обыск будет в моем дворце, а потом во дворце везиря и во дворце главы шестидесяти». — «Ты прав, о повелитель правоверных, может быть окажется, что тот, кто сотворил эту проделку, воспитался во дворце повелителя правоверных или во дворце кого-нибудь из его приближенных»,—сказал Ахмед Камаким. И халиф воскликнул: «Клянусь жизнью моей головы, всякий, у кого объявятся эти вещи, будет обязательно убит, хотя бы это был мой сын!»

И затем Ахмед Камаким взял то, что он хотел, и получил грамоту на право врываться в дома и обыскивать их. И он пошел, держа в руках трость, треть которой была из бронзы, треть из меди и треть из железа, и обыскал дворец халифа и дворец везиря Джафара и обходил дома царедворцев и привратников, пока не прошел мимо дома Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата.

И, услышав шум перед домом, Ала ад-Дин поднялся от Ясмин, своей жены, и вышел, и, открыв ворота, увидел вали в большом смущении. «В чем дело, о эмир Халид?» — спросил он; вали рассказал ему все дело, и Ала ад-Дин сказал: «Входите в дом и обыщите его». Но вали воскликнул: «Прости, господин! Ты верный, и не бывать тому, чтобы верный оказался обманщиком». — «Обыскать мой дом необходимо»,—сказал Ала ад-Дин. И вали вошел с судьями и свидетелями, и тогда Ахмед Камаким пошел в нижнюю часть комнаты и, подойдя к мраморной плите, под которой он зарыл вещи, нарочно опустил на плиту трость. И плита разбилась, и вдруг увидели, что под нею

что-то светится, и начальник воскликнул: «Во имя Аллаха! Как захочет Аллах! По благословению нашего прихода, нам открылось сокровище. Вот я спущусь к этому кладу и посмотрю, что там есть».

И судья со свидетелями посмотрели в это место и нашли все вещи полностью и написали бумажку, в которой стояло, что они нашли вещи в доме Ала ад-Дина, и приложили к этой бумажке свою печать.

И Ала ад-Дина приказали схватить, и сняли у него с головы тюрбан, и все его имущество и достояние записали в опись, и Ахмед Камаким схватил невольницу Ясмин (а она была беременна от Ала ад-Дина) и отдал ее своей матери и сказал: «Передай ее Хатун, жене вали».

И старуха взяла Ясмин и привела ее к жене вали. И когда Хабазлам Баззаза увидел ее, к нему снова пришло здоровье, и он в тот же час и минуту встал и сильно обрадовался.

И он приблизился к девушке, но она вытаскала из-за пояса кинжал и сказала: «Отдались от меня, или я тебя убью и убью себя!»

И мать его Хатун воскликнула: «О распутница, дай моему сыну достигнуть с тобою желаемого!» А Ясмин сказала: «О сука, какое вероучение позволяет женщине выйти замуж за двоих и кто допустит собак войти в жилище львов?»

И страсть юноши еще увеличилась, и он так ослаб от любви и волнения, что расстался с едой и слег на подушки; и тогда жена вали сказала Ясмин: «О распутница, как это ты заставляешь меня печалиться о моем сыне? Тебя непременно надо помучить, а что до Ала ад-Дина, то его обязательно повесят». — «Я умру и буду любить его», — воскликнула невольница. И тогда жена вали сняла с нее бывшие на ней драгоценности и шелковые одежды и одела ее в парусиновые штаны и волосяную рубашку и поселила на кухне, сделав ее одной из девушек-прислужниц.

«В наказание ты будешь колоть дрова, чистить овощи и подкладывать огонь под горшки», — сказала она; и Ясмин ответила: «Я согласна на всякую пытку и работу, но не согласна видеть твоего сына». И Аллах смягчил к ней сердца невольниц, и они стали исполнять за нее работу на кухне.

Вот что было с Ясмин. Что же касается Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата, то его взяли с вещами халифа и повели, и вели до тех пор, пока не дошли с ним до дивана.

И халиф сидел на престоле и вдруг видит, что они ведут Ала ад-Дина, и с ним те вещи. «Где вы их нашли?» — спросил халиф; и ему сказали: «Посреди дома Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата».

И халиф пропитался гневом и взял вещи, но не нашел среди них светильника. И он спросил: «О Ала ад-Дин, где светильник?» И Ала ад-Дин отвечал: «Я не крал, и не знаю, и не видел, и нет у меня об этом сведений». И халиф воскликнул: «Как, обманщик, я приближаю тебя к себе, а ты меня от себя отдаляешь, и я тебе доверяю, а ты меня обманываешь?» И затем он велел его повесить.

И вали вышел, а глашатай кричал об Ала ад-Дине: «Вот возмездие, и наименьшее возмездие тем, кто обманывает прямоидущих халифов!» И люди собрались около виселицы.

Вот что было с Ала ад-Дином. Что же касается Ахмеда ад-Данафа, старшего над Ала ад-Дином, то он сидел со своими приспешниками в саду; и пока они сидели, наслаждаясь и радуясь, вдруг вошел к ним один человек — водонос из водоносов, которые в диване, и поцеловал Ахмеду ад-Данафу руку и сказал: «О начальник Ахмед ад-Данаф, ты сидишь и веселишься, а беда у тебя под ногами, но ты не знаешь, что произошло». — «В чем дело?» — спросил Ахмед ад-Данаф; и водонос сказал: «Твоего сына по обету Аллаху, Ала ад-Дина, повели на виселицу». — «Какая будет у тебя хитрость, о Хасан Шуман?» — спросил Ахмед ад-Данаф; и Хасан сказал: «Ала ад-Дин невиновен в этом деле, и это проделки какого-нибудь врага». — «Что, по-твоему, делать?» — спросил Ахмед ад-Данаф. «Спасение его лежит на нас, если захочет владыка», — ответил Хасан; а затем Хасан Шуман пошел в тюрьму и сказал тюремщику: «Выдай нам кого-нибудь, кто заслуживает смерти». И тюремщик выдал ему одного человека, более всех тварей похожего на Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата, и Хасан закрыл ему голову, и Ахмед ад-Данаф повел его между собою и Али Зейбаком, каирцем.

А Ала ад-Дина повели, чтобы повесить; и тут Ахмед ад-Данаф подошел к палачу и наступил ногою ему на ногу, и палач сказал ему: «Дай мне место, чтобы я мог сделать свое дело!»; а Ахмед ад-Данаф молвил: «О проклятый, возьми этого человека и повесь его вместо Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата: он несправедливо обижен, и мы выкупим Исмаила барашком *».

И палач взял того человека и повесил его вместо Ала ад-Дина, а потом Ахмед ад-Данаф и Али Зейбак, каирец, взяли Ала ад-Дина и отвели в комнату Ахмеда ад-Данафа.

И когда они вошли, Ала ад-Дин сказал: «Да воздаст тебе Аллах благом, о старший!» И Ахмед спросил его: «О Ала ад-Дин, что это за дело ты сделал? Аллах да помилует сказавшего: того, кто тебе доверился, не обманывай, даже если ты обманщик. Халиф дал тебе у себя власть и назвал тебя верным и надежным, почему же ты поступаешь с ним так и берешь его вещи?» — «Клянусь величайшим именем Аллаха, о старший,— воскликнул Ала ад-Дин,— это не моя проделка, и я в ней неповинен и не знаю, кто это сделал!» — «Это дело сделал не кто иной, как явный враг,— сказал Ахмед ад-Данаф,— и кто это сделал, тому воздастся за это. Но тебе, Ала ад-Дин, нельзя больше пребывать в Багдаде: с царями не враждуют, о дитя мое; и кого ищут цари — о, как долги для того тягостны!» — «Куда я пойду, о старший?» — спросил Ала ад-Дин; и Ахмед ад-Данаф молвил: «Я доставлю тебя в аль-Искандарию — это город благословенный, и подступы к нему зеленые, и жизнь там приятная». И Ала ад-Дин отвечал: «Слушаю и повинуюсь, о старший!» И тогда Ахмед ад-Данаф сказал Хасану Шуману: «Будь сторожею, и когда халиф спросит обо мне, скажи ему: он уехал объезжать земли».

После этого Ахмед взял Ала ад-Дина и вышел из Багдада, и они шли до тех пор, пока не достигли виноградников и садов. И они увидели двух евреев из откупщиков халифа, которые ехали верхом на мулах, и Ахмед ад-Данаф сказал евреям: «Давайте плату за охрану». — «За что мы будем давать тебе плату?» — спросили евреи; и Ахмед сказал: «Я сторож в этой долине». И каждый из евреев дал ему сто динаров, а после этого Ахмед ад-Данаф убил их и, взяв мулов, сел на одного, и Ала ад-Дин тоже сел на мула.

И они поехали в город Айяс * и отвели мулов в хан и проспали там ночь, а когда настало утро, Ала ад-Дин продал своего мула и поручил мула Ахмеда ад-Данафа привратнику; и они взошли на корабль в гавани Айяса и достигли аль-Искандарии.

И Ахмед ад-Данаф с Ала ад-Дином вышли и пошли по рынку — и вдруг слышат: посредник предлагает лавку с комнатой внутри за девятьсот пятьдесят динаров.

«Даю тысячу», — сказал тогда Ала ад-Дин, и продавец уступил ему (а лавка принадлежала казне); и Ала ад-Дин получил ключи, и отпер лавку, и отпер комнату, и оказалось, что она устлана коврами и подушками, и он увидел там кладовую, где были паруса, мачты, канаты, сундуки и мешки, наполненные скорлупками и раковинами, стремяна, топоры, дубины, ножи, ножницы и другие вещи, так как владелец лавки был старьевщиком.

И Ала ад-Дин Абу-ш-Шамат сел в лавке, и Ахмед ад-Данаф сказал ему: «О дитя мое, лавка и комната и то, что в ней есть, стали твоим достоянием. Сиди же в ней, покупай и продавай — и не сомневайся, ибо Аллах великий благословил торговлю».

И Ахмед ад-Данаф оставался у Ала ад-Дина три дня, а на четвертый день он простился с ним и сказал: «Живи здесь, пока я съезжу и вернусь к тебе с вестью от халифа о пощаде и высмотрю, кто проделал с тобой такую штуку».

И потом Ахмед ад-Данаф отправился в путь и, достигнув Айяса, взял своего мула из хана и поехал в Багдад. И он встретился там с Хасаном Шуманом и его приспешниками и сказал: «О Хасан, халиф спрашивал обо мне?» И Хасан отвечал: «Нет, и мысль о тебе не приходила ему на ум». И Ахмед ад-Данаф остался служить халифу и стал разведывать новости. И он увидел, что халиф обратился в один из дней к везиру Джафару и сказал ему: «Посмотри, о везирь, какое дело сделал со мной Ала ад-Дин». И везирь ответил ему: «О повелитель правоверных, ты воздал ему за это повешением, и возмездие ему то, что его постигло». — «О везирь, я хочу выйти и посмотреть на него, повешенного», — сказал халиф; и везирь молвил: «Делай, что хочешь, о повелитель правоверных». И тогда

халиф и с ним везирь Джафар пошли в сторону виселицы.

И халиф поднял глаза и увидел, что повешен не Ала ад-Дин Абу-ш-Шамат, верный, надежный.

«О везирь, это не Ала ад-Дин»,—сказал он; и везирь спросил: «Как ты узнал, что это не он?» А халиф ответил: «Ала ад-Дин был короткий, а этот длинный». — «Повешенный удлинняется»,—отвечал везирь; и халиф сказал: «Ала ад-Дин был белый, а у этого лицо черное». — «Разве не знаешь ты, о повелитель правоверных, что смерти присуща чернота?» — молвил везирь; и халиф приказал спустить повешенного с виселицы, и когда его спустили, оказалось, что у него на обеих пятках написаны имена двух старцев *. «О везирь,—сказал халиф,—Ала ад-Дин был суннит, а этот рафидит». И везирь воскликнул: «Слава Аллаху, знающему сокровенное! Мы не знаем, Ала ад-Дин ли это, или кто другой». И халиф приказал зарыть повешенного, и его зарыли, и Ала ад-Дин стал забытым и забвенным. И вот то, что было с ним.

Что же касается Хабазлама Баззазы, сына вали, то его любовь и страсть продлились, и он умер, и его закопали и схоронили в земле. А что до невольницы Ясмин—то ее беременность пришла к концу, и ее схватили потуги, и она родила дитя мужского пола, подобное месяцу.

«Как ты его назовешь?» — спросили ее невольницы. И она отвечала: «Будь с его отцом все благополучно, он бы дал ему имя, а я назову его Асланом *».

И потом она вскармливала его молоком два года подряд и отлучила его от груди, и мальчик стал ползать и ходить. И случилось так, что в один из дней его мать занялась работой на кухне, и мальчик пошел и увидел лестницу в комнату и поднялся по ней.

А эмир Халид сидел там, и он взял мальчика, и посадил его на колени, и прославил своего владыку за то, что он сотворил и создал в его образе, и он всмотрелся мальчику в лицо и увидел, что он больше всех тварей похож на Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата.

А потом мать мальчика, Ясмин, стала искать его, и она поднялась в комнату и увидела, что эмир Халид сидит там, а ребенок играет у него на коленях (а Аллах закинул любовь к мальчику в сердце эмира). И мальчик увидел свою мать и бросился к ней, но эмир

Халид удержал его на коленях и сказал Ясмин: «Подойди, девушка!» И когда она подошла, спросил ее: «Этот мальчик чей сын?» И она ответила: «Это мой сын, плод моего сердца». — «А кто его отец?» — спросил вали. «Его отец — Ала ад-Дин Абу-ш-Шамат, а теперь он стал твоим сыном», — ответила Ясмин. «Ала ад-Дин был обманщик», — сказал вали; и Ясмин воскликнула: «Да сохранит его Аллах от обмана! Невозможно и не бывать тому, чтобы верный был обманщиком». — «Когда этот ребенок станет взрослым и вырастет и спросит тебя: «Кто мой отец?» — скажи ему: «Ты сын эмира Халида, вали, начальника стражи», — молвил эмир; и Ясмин ответила: «Слушаю и повинуюсь!»

А потом эмир Халид, вали, справил обрезание мальчика, и стал его воспитывать, и хорошо воспитал его. И он привел ему учителя чистописца, и тот научил его чистописанию и чтению, и мальчик прочитал Коран в первый и второй раз и прочитал его полностью; и он называл эмира Халида: «батюшка».

И вали начал устраивать ристалища и собирал всадников и выезжал, чтобы учить мальчика способам боя, и показывал ему, в какие места бить копьем и мечом, пока Аслан не изучил до конца искусства ездить верхом и не обучился доблести, и не достиг возраста четырнадцати лет, и не дошел до степени эмира.

И случилось, что Аслан встретился в какой-то день с Ахмедом Камакимом-вором, и они стали друзьями, и мальчик проводил его в кабак; и вдруг Ахмед Камаким-вор вынул светильник с драгоценностями, который он взял из вещей халифа, и, поставив его перед собой, стал пить чашу при свете его, и напился. «О начальник, дай мне этот светильник», — сказал ему Аслан. «Я не могу тебе его дать», — ответил Ахмед. И Аслан спросил: «Почему?» И Ахмед молвил: «Из-за него пропадали души». — «Чья душа из-за него пропала?» — спросил Аслан; и Ахмед сказал: «Был тут один, он приехал к нам сюда и сделался главой шестидесяти, и звали его Ала ад-Дин Абу-ш-Шамат, и он умер из-за этого светильника». — «А какова его история, и по какой причине он умер?» — спросил Аслан; и Ахмед сказал: «У тебя был брат, по имени Хабазлам Баззаза, и он достиг шестнадцати лет и стал годен для женитьбы и потребовал от отца, чтобы тот купил ему невольницу...»

И Ахмед рассказал Аслану всю историю с начала до конца и осведомил его о болезни Хабазлама Баззазы и о том, что, по несправедливости, случилось с Ала ад-Дином. И Аслан сказал про себя: «Может быть, эта девушка Ясмин — моя мать; а отец мой не кто иной, как Ала ад-Дин Абу-ш-Шамат?»

И мальчик Аслан ушел от Ахмеда печальный и встретил начальника Ахмеда ад-Данафа; и, увидав его, Ахмед ад-Данаф воскликнул: «Слава тому, на кого нет похожего». — «О старший, чему ты удивляешься?» — спросил его Хасан Шуман; и Ахмед ад-Данаф ответил: «Наружности этого мальчика Аслана. Он больше всех тварей похож на Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата».

И Ахмед ад-Данаф позвал: «Эй, Аслан!» И когда тот отозвался, спросил его: «Как зовут твою мать?» — «Ее зовут невольница Ясмин», — отвечал мальчик. И Ахмед ад-Данаф воскликнул: «О Аслан, успокой твою душу и прохлади глаза! Никто тебе не отец, кроме Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата. Но пойдь к твоей матери и спроси у нее про твоего отца». — «Слушаю и повинуюсь!» — ответил Аслан и пошел к своей матери и спросил ее; и она сказала: «Твой отец — эмир Халид»; а юноша воскликнул: «Никто мне не отец, кроме Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата!»

И мать Аслана заплакала и спросила: «Кто тебе рассказал об этом, дитя мое?» И Аслан отвечал: «Мне рассказал об этом начальник Ахмед ад-Данаф». И тогда Ясмин поведала ему обо всем, что случилось, и сказала: «О дитя мое, истинное стало явным, и скрылось ложное. Знай, что твой отец — Ала ад-Дин Абу-ш-Шамат, но только воспитал тебя один лишь эмир Халид, и он сделал тебя своим сыном. О дитя мое, если ты встретишься с начальником Ахмедом ад-Данафом, скажи ему: «О старший, прошу тебя ради Аллаха, отомсти вместо меня убийце моего отца Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата». И Аслан вышел от своей матери и пошел и, войдя к начальнику Ахмеду ад-Данафу, поцеловал ему руку.

«Что тебе, о Аслан?» — спросил Ахмед ад-Данаф. И Аслан сказал: «Я узнал и убедился, что мой отец — Ала ад-Дин Абу-ш-Шамат, и хочу, чтобы ты отомстил вместо меня его убийце». — «Кто убил твоего отца?» — спросил Ахмед ад-Данаф. «Ахмед Камаким-

вор», — ответил Аслан. «А кто тебя осведомил об этом деле?» — спросил Ахмед; и Аслан сказал: «Я увидел у него светильник с драгоценностями, который пропал в числе вещей халифа, и сказал ему: «Дай мне этот светильник»; но он не согласился и сказал: «Из-за этого светильника пропадали души», — и рассказал, что это он спустился и украл вещи и положил их в доме моего отца».

«Когда ты увидишь, что эмир Халид, вали, надевает одежду войны, — сказал Ахмед ад-Данаф, скажи ему: «Одень меня так же». И когда ты выедешь вместе с ним и покажешь перед повелителем правоверных какой-нибудь диковинный способ боя и халиф скажет тебе: «Пожелай от меня чего-нибудь, о Аслан», — а ты скажи ему: «Я желаю, чтобы ты отомстил вместо меня за моего отца его убийце». И халиф тебе скажет: «Твой отец жив — это эмир Халид»; а ты скажи: «Мой отец Ала ад-Дин Абу-ш-Шамат, а эмиру Халиду я обязан только воспитанием». Расскажи ему все, что произошло у тебя с Ахмедом Камакимом-вором, и скажи: «О повелитель правоверных, вели его обыскать», — и я выну светильник у него из-за пазухи».

И Аслан сказал Ахмеду ад-Данафу: «Слушаю и повинуюсь!» — и затем он ушел и увидел, что эмир Халид собирается выехать в диван халифа.

«Я хочу, чтобы ты одел меня в одежды войны, такие же, как у тебя, и взял меня с собой в диван халифа», — сказал он. И эмир одел его и взял с собою в диван.

И халиф выехал с войсками за город и расставил шатры и палатки, и ряды выстроились, и выехали всадники с шаром и молотком, и когда какой-нибудь всадник ударял по шару молотком, другой всадник возвращал его к нему.

А среди войска был один лазутчик, которого подговорили убить халифа, и он взял шар и ударил по нему молотком, направив его в лицо халифу. И вдруг Аслан поймал шар вместо халифа и ударил им того, кто его бросил, и шар попал ему между плеч, и он упал на землю. И халиф воскликнул: «Да благословит тебя Аллах, о Аслан!»

А потом они сошли со спин коней и сели на седалища, и халиф велел привести того, кто ударил по шару, и, когда тот человек предстал пред ним, спросил

его: «Кто подговорил тебя на это дело? Ты враг или любящий?» — «Я враг и задумал убить тебя», — ответил лазутчик; и халиф сказал: «Какова причина этого? Разве ты не мусульманин?» — «Нет, я рафидит», — ответил лазутчик. И халиф велел его убить и сказал Аслану: «Пожелай от меня чего-нибудь!» А Аслан сказал: «Я желаю, чтобы ты отомстил вместо меня убийце моего отца». — «Твой отец жив, и он стоит на ногах», — сказал халиф; и Аслан спросил: «Кто мой отец?» — «Эмир Халид, вали», — ответил халиф; и Аслан воскликнул: «О повелитель правоверных, он мой отец только по воспитанию, и никто мне не родитель, кроме Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата». — «Твой отец был обманщик», — сказал халиф. «О повелитель правоверных», — ответил Аслан, — не бывать тому, чтобы верный стал обманщиком. И в чем он тебя обманул?» — «Он украл мою одежду и то, что при ней было», — сказал халиф; и Аслан спросил: «О господин, когда ты лишился своей одежды и она вернулась к тебе, видел ли ты, что и светильник тоже к тебе возвратился?» — «Мы его не нашли», — ответил халиф; и Аслан молвил: «Я увидел светильник у Ахмеда Камакима-вора и попросил его у него, но он его мне не дал и сказал: «Из-за него пропадали души». И он поведал мне про болезнь Хабазлама Баззазы, сына эмира Халида, и про его любовь к невольнице Ясмин, и про то, как он сам был освобожден от цепей, и рассказал мне, что это он украл одежду и светильник. И ты, о повелитель правоверных, отомсти вместо меня убийце моего отца». — «Схватите Ахмеда Камакима!» — сказал халиф. И когда его схватили, халиф спросил: «Где начальник Ахмед ад-Данаф?» И тот явился, и халиф сказал ему: «Обыщи Камакима!» И Ахмед ад-Данаф положил руку ему за пазуху и вынул оттуда светильник с драгоценностями.

И халиф воскликнул: «Подойди, обманщик! Откуда у тебя этот светильник?» — «Я купил его, о повелитель правоверных», — ответил Ахмед Камаким; и халиф спросил: «Где ты его купил и кто мог обладать подобным ему, чтобы продать его тебе?»

И Ахмеда Камакима побили, и он сознался, что это он украл одежду и светильник, и халиф воскликнул: «Зачем ты сделал такое дело, обманщик, и погубил Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата, когда он верный, надежный?»

Потом халиф приказал схватить Ахмеда Камакима и вали, и тот сказал: «О повелитель правоверных, я обижен! Ты приказал мне его повесить, и я не имел сведений об этой проделке. Это устроили старуха — мать Ахмеда Камакима — и моя жена, и я ничего не знал. Я под твоей защитой, о Аслан».

И Аслан заступился за него перед халифом; и потом повелитель правоверных спросил: «Что сделал Аллах с матерью этого мальчика?» И вали ответил: «Она у меня». — «Я приказываю тебе, — сказал халиф, — чтобы ты велел твоей жене одеть его мать в ее прежнюю одежду и украшения и вернуть ей положение госпожи. Сними печати с дома Ала ад-Дина и отдай сыну деньги и имущество его отца». И вали отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» — и вышел и отдал своей жене приказание, и та одела Ясмин в ее прежнюю одежду, и вали снял печати с дома Ала ад-Дина и передал Аслану ключи.

И потом халиф сказал: «Пожелай от меня чего-нибудь, о Аслан». И Аслан воскликнул: «Я желаю, чтобы ты соединил меня с отцом».

И халиф заплакал и сказал: «Самое вероятное, что твой отец и есть тот, кого повесили, и он умер. Но клянусь жизнью моих дедов, всякому, кто порадует меня вестью о том, что Ала ад-Дин еще в оковах жизни, я дам все, чего он попросит».

И Ахмед ад-Данаф выступил вперед и поцеловал землю перед халифом и сказал: «Дай мне безопасность, о повелитель правоверных!» — «Ты в безопасности», — молвил халиф. И Ахмед ад-Данаф сказал: «Я обрадую тебя вестью о том, что Ала ад-Дин Абу-ш-Шамат здоров и пребывает в оковах жизни». — «Что это ты говоришь!» — воскликнул халиф. «Клянусь жизнью твоей головы, — отвечал Ахмед ад-Данаф, — мои слова истина! Я выкупил его другим человеком, который заслуживал смерти, и доставил в аль-Искандарию и открыл ему лавку старьевщика». — «Поручаю тебе привести его», — сказал халиф, и Ахмед ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И халиф велел дать ему десять тысяч динаров, и Ахмед ад-Данаф поехал, направляясь в аль-Искандарию.

Вот что было с Асланом. Что же касается его отца, Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата, то он продавал все, что было у него в лавке, и там осталось лишь немного, и

между прочим один мешок. И Ала ад-Дин развязал мешок, и оттуда выпал камень, наполняющий горсть, на золотой цепочке, и он был о пяти сторонах, на которых были написаны имена и талисманы, похожие на ползающих муравьев.

И Ала ад-Дин потерял эти пять сторон, но никто ему не ответил, и он сказал про себя: «Может быть, этот камень простой оникс?» — и он повесил камень в лавке.

И вдруг прошел по дороге консул* и поднял глаза и увидел, что висит этот камень. И он сел у лавки Ала ад-Дина и спросил его: «О господин, этот камень продается?» — «Все, что у меня есть, продается», — ответил Ала ад-Дин; и консул спросил: «Продашь ты мне его за восемьдесят тысяч динаров?» — «Аллах поможет!» — ответил Ала ад-Дин; и консул сказал: «Продашь ли ты его за сто тысяч динаров?» — «Я продам его тебе за сто тысяч динаров, плати деньги», — сказал Ала ад-Дин; и консул сказал: «Я не могу принести деньги с собой, когда в аль-Искандарии воры и стражники. Ты пойдешь со мной на корабль, и я дам тебе деньги, а также кипу ангорской шерсти, кипу атласа, кипу бархата и кипу сукна».

И Ала ад-Дин поднялся и запер лавку, вручив сначала консулу камень, и отдал ключи своему соседу и сказал: «Возьми эти ключи к себе на сохранение, а я пойду на корабль с этим консулом и принесу деньги за мой камень. А если я задержусь и к тебе приедет начальник Ахмед ад-Данаф, который поселил меня в этом месте, отдай ему ключи и расскажи ему об этом». И затем Ала ад-Дин отправился с консулом на корабль, и консул, приведя его на корабль, поставил скамеечку, посадил на нее Ала ад-Дина и сказал: «Подайте деньги!» — и отдал ему плату и те пять кип, которые он ему обещал. «О господин, — сказал он ему, — прошу тебя, утешь меня, съев кусочек или выпив глоток воды». И Ала ад-Дин сказал: «Если у тебя есть вода, дай мне напиться». И консул велел принести питье, и вдруг в нем оказался дурман, и, выпив его, Ала ад-Дин опрокинулся на спину.

И тогда убрали сходни и опустили багры и распустили паруса, и ветер был им благоприятен, пока они не оказались посреди моря. И капитан велел поднять Ала ад-Дина из трюма, и его подняли и дали ему

понюхать средство против дурмана, и Ала ад-Дин открыл глаза и спросил: «Где я?» — «Ты со мною, связанный и под моей охраной, и если бы ты тогда еще раз сказал: «Аллах поможет!», я бы, наверное, прибавил тебе», — ответил капитан.

И Ала ад-Дин спросил его: «Какое твоё ремесло?» И капитан ответил: «Я капитан и хочу отвезти тебя к возлюбленной моего сердца».

И пока они разговаривали, вдруг появился корабль, где было сорок купцов из мусульман, и капитан направил к ним свой корабль и зацепил их корабль крючками и сошел на него со своими людьми, и они ограбили их корабль и забрали его и отправились с ним в город Геную.

И капитан, с которым был Ала ад-Дин, направился к воротам одного дворца, выходящим на море, и вдруг оттуда вышла девушка, закрывшаяся покрывалом, и спросила его: «Привез ли ты камень и его владельца?» — «Я привез их», — отвечал капитан. И девушка сказала: «Поддай сюда камень». И капитан отдал ей камень, а потом он направился в гавань и выстрелил из пушек благополучия, и царь города узнал о прибытии этого капитана.

И он вышел к нему навстречу и спросил его: «Какова была твоя поездка?» — «Было очень хорошо», — отвечал капитан, — и мне достался корабль, где был сорок один купец из мусульман». — «Выведи их», — сказал царь; и капитан вывел купцов в цепях, и среди них был Ала ад-Дин. И царь с капитаном сели на коней и погнались купцов впереди себя, а прибыв в диван, они сели, и первого из купцов подвели к ним, и царь спросил: «Откуда ты, о мусульманин?» — «Из аль-Искандарии», — отвечал купец; и царь сказал: «Эй, палач, убей его!» И палач ударил его мечом и отрубил ему голову, и второму и третьему также, до конца всем сорока.

А Ала ад-Дин был последним из них, и он испытал печаль по ним и сказал про себя: «Да помилует тебя Аллах, Ала ад-Дин, кончилась твоя жизнь». — «А ты из какой страны?» — спросил его царь, и Ала ад-Дин ответил: «Из аль-Искандарии»; и тогда царь сказал: «Эй, палач, отруби ему голову»; и палач поднял руку с мечом и хотел отрубить голову Ала ад-Дину, и вдруг какая-то старуха, величественная видом, выступила

пред лицо царя, и царь поднялся из уважения к ней, а она сказала: «О царь, не говорила ли я тебе, чтобы, когда капитан привезет пленников, ты вспомнил о монастыре и подарил туда пленника или двух, чтобы прислуживать в церкви?» — «О матушка,— отвечал царь,— если бы ты пришла на минуту раньше! Но возьми этого пленника, который остался».

И старуха обернулась к Ала ад-Дину и сказала ему: «Будешь ли ты прислуживать в церкви, или я позволю царю убить тебя?» — «Я буду прислуживать в церкви»,— отвечал Ала ад-Дин, и старуха взяла его и, выйдя с ним из дивана, направилась в церковь.

«Какую я буду делать работу?» — спросил Ала ад-Дин; и старуха ответила: «Утром ты встанешь и возьмешь пять мулов и отправишься с ними в рощу, и нарубишь сухого дерева и наломаешь его и привезешь на монастырскую кухню, а после этого ты свернешь ковры и подметешь и вытрешь плиты и мраморный пол и положишь ковры обратно, как было. Ты возьмешь полардебба* пшеницы и просеешь, и замесишь, и сделаешь из нее сухари для монастыря, и возьмешь меру чечевицы и просеешь ее, и смелешь на ручной мельнице, и сваришь, а потом наполнишь четыре водоема, и будешь поливать из бочек, и наполнишь триста шестьдесят шесть мисок и размоchiшь в них сухари, и польешь их чечевицей, и снесешь каждому монаху или патриарху его чашку...» — «Верни меня к царю, и пусть он меня убьет,— это мне легче, чем такая работа!» — воскликнул Ала ад-Дин; и старуха сказала: «Если ты будешь работать и исполнишь работу, возложенную на тебя, ты избавишься от смерти, а если не исполнишь, я дам царю убить тебя». И Ала ад-Дин остался сидеть, обремененный заботой.

А в церкви было десять увечных слепцов, и один из них сказал Ала ад-Дину: «Принеси мне горшок»; и Ала ад-Дин принес его горшок, и слепец наделал в него и сказал: «Выброси кал!» И Ала ад-Дин выбросил его, и старец воскликнул: «Да благословит тебя мессия, о служитель церкви!»

И вдруг старуха пришла и спросила: «Почему ты не исполнил работу в церкви?» И Ала ад-Дин сказал: «У меня сколько рук, чтобы я мог исполнить такую работу?» — «О безумный,— сказала старуха,— я привела тебя только для того, чтобы ты работал. О сын

мой,— молвила она потом,— возьми эту палку (а палка была из меди, и на конце ее был крест) и выйди на площадь, и когда встретишь вали города, скажи ему: «Я призываю тебя послужить церкви ради господина нашего Мессии»,— и он не будет прекословить. И пусть возьмет пшеницу и просеет и провеет и замесит и испечет из нее сухари, а всякого, кто будет тебе прекословить, ты бей и не бойся никого». И Ала ад-Дин ответил: «Слушаю и повинуюсь!» — и сделал так, как она сказала, и так он принуждал работать даром и великих и малых семнадцать лет.

И однажды он сидел в церкви, и вдруг та старуха вошла к нему и сказала: «Уходи вон из монастыря». — «Куда я пойду?» — спросил Ала ад-Дин; и старуха сказала: «Переночуй эту ночь в кабаке или у кого-нибудь из твоих друзей». И Ала ад-Дин спросил ее: «Почему ты гонишь меня из церкви?» И старуха ответила: «Хусн Мариам, дочь царя Юханны, царя этого города, хочет посетить церковь, и не подобает, чтобы кто-нибудь сидел на ее пути».

И Ала ад-Дин послушался старуху и поднялся и показал ей, будто он уходит из церкви, а сам говорил про себя: «О, если бы увидеть, такая ли дочь царя, как наши женщины, или лучше их! Я не уйду, пока не посмотрю на нее». И он спрятался в одной комнате, где было окно, выходящее в церковь. И когда он смотрел в окно, вдруг пришла дочь царя, и Ала ад-Дин посмотрел на нее взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов, так как он увидел, что она подобна луне, выглядывающей из-за облаков. И с царевной была женщина и царевна говорила этой женщине: «Ты развеселила нас, о Зубейда».

И Ала ад-Дин внимательно посмотрел на женщину и увидел, что это его жена, Зубейда-лютница, которая умерла. А потом дочь царя сказала Зубейде: «Сыграй нам на лютне»; и Зубейда ответила: «Я не сыграю тебе, пока ты не осуществишь мое желание и не исполнишь то, что ты мне обещала». — «А что я тебе обещала?» — спросила царевна; и Зубейда ответила: «Ты обещала мне свести меня с моим мужем, Ала ад-Дином Абу-ш-Шаматом, верным, надежным». — «О Зубейда,— сказала царевна,— успокой свою душу и прохлади глаза и сыграй нам ради сладости единения с мужем твоим Ала ад-Дином». И Зубейда спросила:

«А где он?» И царица молвила: «Он в этой комнате и слушает наши речи».

И Зубейда сыграла на лютне музыку, от которой заплещет каменная скала; и когда Ала ад-Дин услышал это, горести взволновались в нем, и он вышел из комнаты, ринулся к женщинам и схватил свою жену Зубейду-лютнистку в объятия.

И Зубейда узнала его, и они обнялись и упали на землю в обмороке, и царица Хусн Мариам подошла к ним и брызнула на них розовой водой и привела их в чувство и воскликнула: «Аллах соединил вас!» — «Благодаря твоей любви, госпожа», — ответил Ала ад-Дин, и затем он обратился к своей жене Зубейде-лютнистке и сказал ей: «Ты же умерла, о Зубейда, и мы зарыли тебя в могилу! Как же ты ожила и пришла сюда?» — «О господин, — отвечала Зубейда, — я не умерла, меня похитил злой дух из джиннов и прилетел со мной в это место, а та, которую вы похоронили, — джинния, принявшая мой образ и прикинувшаяся мертвой; и после того, как вы ее похоронили, она прошла сквозь могилу и вышла из нее и улетела служить своей госпоже Хусн Мариам, дочери царя.

А что до меня, то меня оглушило, и, открыв глаза, я увидела себя возле Хусн Мариам, дочери царя (а она — вот эта женщина), и спросила ее: «Зачем ты принесла меня сюда?» И она сказала: «Мне обещано, что я выйду замуж за твоего мужа, Ала ад-Дина Абу-ш-Шамата. Примешь ли ты меня, о Зубейда, чтобы я была ему другой женой и чтобы мне была ночь и тебе была ночь?» И я отвечала ей: «Слушаю и повинуюсь, госпожа моя, но где же мой муж?» А она сказала: «У него на лбу написано то, что предопределил ему Аллах, и когда он исполнит то, что написано у него на лбу, он непременно прибудет в это место, а мы станем развлекаться в разлуке с ним песнями и игрой на инструментах, пока Аллах не соединит нас с ним». И я провела у нее все это время, пока Аллах не соединил меня с тобою в этой церкви».

И после этого Хусн Мариам обратилась к Ала ад-Дину и сказала: «О господин мой Ала ад-Дин, примешь ли ты меня, чтобы я была тебе женою, а ты мне мужем?» — «О госпожа, я мусульманин, а ты христианка, как же я на тебе женюсь?» — ответил Ала

ад-Дин. И Хусн Мариам воскликнула: «Не бывать, ради Аллаха, чтобы я была неверной! Нет, я мусульманка и уже восемнадцать лет крепко держусь веры ислама, и я не причастна ни к какой вере, противной вере ислама». — «О госпожа, — сказал Ала ад-Дин, — я хочу отправиться в свои земли». — «О Ала ад-Дин, — отвечала царевна, — я видела, что у тебя на лбу написаны дела, которые ты должен исполнить, и ты достигнешь своей цели. Аллах да поздравит тебя, о Ала ад-Дин: у тебя появился сын по имени Аслан, который теперь сидит на твоём месте возле халифа, и достиг он возраста восемнадцати лет. Знай, что явной стала правда и сокрылось ложное, и господь наш поднял покровы с того, кто украл вещи халифа, — это Ахмед Камаким — вор и обманщик, и он теперь заточен в тюрьме и закован в цепи. Узнай, что это я послала тебе камень и положила его для тебя в мешок, который был в лавке, и это я прислала капитана, который привез тебя и камень. Знай, что этот капитан любит меня и привязан ко мне и требовал от меня близости, но я не соглашалась дать ему овладеть собою и сказала ему: «Я отдамся тебе во власть лишь тогда, когда ты привезешь мне камень и его обладателя». И я дала ему сто мешков денег и послала его в обличье купца, хотя он капитан, а когда тебя подвели для убийства, после того как убили сорок пленников, с которыми был и ты, я послала к тебе ту старуху». — «Да воздаст тебе Аллах за нас всяким благом, и прекрасно то, что ты сделала!» — воскликнул Ала ад-Дин.

А после этого Хусн Мариам снова приняла ислам с помощью Ала ад-Дина; и, узнав истинность ее слов, Ала ад-Дин сказал ей: «Расскажи мне, каково достоинство этого камня и откуда он». А Хусн Мариам сказала: «Этот камень — из сокровища, охраняемого талисманом, и в нем пять достоинств, которые будут нам полезны при нужде в свое время. Моя госпожа и бабка, мать моего отца, была колдуньей, разгадывавшей загадки и похищавшей то, что хранится в кладях, и к ней попал этот камень из одного клада. И когда я выросла и достигла возраста четырнадцати лет, я прочитала евангелие и другие книги и увидела имя Мухаммеда — да благословит его Аллах и да приветствует! — в четырех книгах: в Торе, в Евангелии, в

псалмах и в аль-фуркане*, и уверовала в Мухаммеда и стала мусульманкой, и убедилась разумом, что не должно поклоняться, поистине, никому, кроме Аллаха великого, и что господу людей неугодна никакая вера, кроме ислама. А моя бабушка, когда заболела, подарила мне этот камень и осведомила меня о том, какие в нем пять достоинств. И прежде чем моей госпоже и бабке умереть, мой отец сказал ей: «Погадай мне на доске с песком и посмотри, каков будет исход моего дела и что со мною случится». И она сказала ему: «Далекий умрет, убитый пленным, который прибудет из аль-Искандарии». И мой отец поклялся, что убьет всякого пленника, который прибудет оттуда, и осведомил об этом капитана и сказал ему: «Непременно налетай на корабли мусульман и нападай на них, и всякого, кого ты увидишь из жителей аль-Искандарии, убивай или приводи ко мне». И капитан последовал приказанию царя и убил столько людей, сколько волос у него на голове.

И моя бабка умерла, и я выросла и погадала для себя на песке и задумала про себя кое-что и сказала: «Увидать бы, кто на мне женится!» И мне вышло, что на мне не женится никто, кроме одного человека по имени Ала ад-Дин Абу-ш-Шамат, верный, надежный. И я подивилась этому и ждала, пока не пришла пора и я не встретилась с тобою».

Потом Ала ад-Дин женился на царевне и сказал ей: «Я хочу отправиться в свои земли»; и она ответила: «Если так, вставай, пойдем со мной!» — и она взяла Ала ад-Дина и спрятала его в одной из комнат дворца. А затем она вошла к своему отцу, и тот сказал ей: «О дочь моя, я сегодня очень удручен. Садись же, мы с тобой напьемся!»

И она села, а царь велел подать вина, и царевна стала наливать, и поила его, пока он не исчез из мира, а потом она положила ему в кубок дурмана, и царь выпил кубок и опрокинулся навзничь.

И тогда царевна пришла к Ала ад-Дину, вывела его из той комнаты и сказала: «Вставай, пойдем, твой противник лежит навзничь, делай же с ним, что захочешь, я напоила его и одурманила».

И Ала ад-Дин вошел и, увидев, что царь одурманен, крепко скрутил ему руки и заковал его, а потом он дал ему средство против дурмана, и царь очнулся и увидел

Ала ад-Дина и свою дочь сидящими верхом у него на груди. «О дочь моя, почему ты делаешь со мною такие дела?» — сказал царь своей дочери; и она ответила: «Если я твоя дочь, то прими ислам. Я сделалась мусульманкой, и мне стала ясна истина, которой я придерживаюсь, и ложь, которой я сторонюсь. Я предала свой лик Аллаху, господу миров, и я не причастна ни к какой вере, противной вере ислама, ни в здешней жизни, ни в будущей. И если ты примешь ислам — в охоту и в удовольствие, а если нет — быть убитым тебе подобает более, чем жить».

И Ала ад-Дин тоже стал убеждать царя, но тот отказался и был непокорен, и тогда Ала ад-Дин вынул кинжал и перерезал царю горло от одной вены до другой вены. И он написал бумажку с изложением того, что было, и положил ее царю на лоб, а потом он взял то, что легко снести и дорого ценится, и они пошли из замка и отправились в церковь.

И царевна принесла камень и положила руку на ту сторону, где было вырезано ложе, и потерла ее, и вдруг ложе встало перед нею.

И царевна с Ала ад-Дином и с его женой Зубейдой-лютнисткой села на это ложе и воскликнула: «Заклинаю тебя теми именами, талисманами и волшебными знаками, что написаны на этом камне, поднимись с нами, о ложе!»

И ложе поднялось и полетело с ними до долины, где не было растительности; и тогда царевна подняла к небу остальные четыре стороны камня и повернула вниз ту сторону, где было написано «ложе», и ложе опустилось с ними на землю вниз.

И царевна повернула камень той стороной, где было нарисовано изображение шатра, и ударила по ней и сказала: «Пусть встанет в этой долине шатер!» И шатер встал перед ними, и они уселись в нем.

А это была долина пустынная, без всякой растительности и воды. И царевна обратила камень четырьмя сторонами к небу и воскликнула: «Во имя Аллаха, пусть вырастут здесь деревья и потечет возле них море!» И деревья тотчас же выросли, и возле них потекло шумное море, где бьются волны. И путники омылись в нем и помолились и напились, а затем царевна обратила к небу три стороны камня, кроме той, на которой было изображение скатерти с кушань-

ями, и сказала: «Ради имени Аллаха, пусть накроется скатерть!» И вдруг появилась накрытая скатерть, где были всякие роскошные кушанья, и путники стали есть и пить и насладились и возликовали.

Вот что было с ними. Что ж касается сына царя, то он пришел разбудить отца и увидел, что тот убит. Он нашел бумажку, которую написал Ала ад-Дин, и прочитал ее и понял, что там было; а затем он стал искать свою сестру и не нашел ее. И он отправился к старухе в церковь и нашел ее и спросил про сестру; и старуха сказала: «Со вчерашнего дня я ее не видела».

И тогда царевич вернулся к войскам и воскликнул: «На коней, о владельцы их!» — и рассказал воинам о том, что случилось; и они сели на коней и ехали, пока не приблизились к тому шатру. И Хусн Мариам поднялась и увидела пыль, которая заслонила края земли, и после того, как пыль поднялась, улетела и рассеялась, вдруг появился брат царевны со своими воинами, и они кричали: «Куда ты направляешься, когда мы сзади вас?»

И женщина спросила Ала ад-Дина: «Насколько крепки твои ноги в боях?» И Ала ад-Дин ответил: «Как колышек в отрубях: я не умею биться и сражаться и не знаю мечей и копий».

И тогда Хусн Мариам вынула камень и потерла ту сторону, на которой был изображен конь и всадник, — и вдруг из пустыни появился всадник, и он до тех пор дрался с воинами и бил их мечом, пока не разбил их и не прогнал.

И после этого та женщина сказала Ала ад-Дину: «Поедешь ты в Каир или в аль-Искандарию?» Ала ад-Дин отвечал: «В аль-Искандарию». И тогда они сели на ложе, и женщина произнесла заклинания, и ложе прилетело с ними и в мгновение ока опустилось в аль-Искандарию.

И Ала ад-Дин привел женщин в пещеру и пошел в аль-Искандарию, и принес им одежду и надел ее на них, и отправился в ту лавку с комнатой; а потом он вышел, чтобы принести им обед, и вдруг видит: начальник Ахмед ад-Данаф едет из Багдада.

И Ала ад-Дин увидал его на дороге и встретил его объятиями и приветствовал его и сказал: «Добро пожаловать!» А потом начальник Ахмед ад-Данаф обрадовал его вестью о его сыне Аслане и рассказал ему, что тот достиг возраста двадцати лет.

И Ала ад-Дин поведал ему обо всем, что с ним случилось, от начала до конца, и взял его в лавку с комнатой; и Ахмед ад-Данаф удивился всему этому до крайних пределов.

И они проспали эту ночь до утра, а утром Ала ад-Дин продал лавку и приложил плату за нее к тому, что у него было. А затем Ахмед ад-Данаф рассказал Ала ад-Дину, что халиф его требует, и Ала ад-Дин сказал: «Я еду в Каир, чтобы пожелать мира моему отцу и матери и родным». И они все сели на ложе и отправились в Каир-счастливый.

Они спустились по Желтой улице, так как их дом находился в этом квартале, и постучали в ворота своего дома.

И мать Ала ад-Дина спросила: «Кто у ворот после утраты любимых?» И Ала ад-Дин ответил: «Я, Ала ад-Дин!» И его родные вышли и заключили его в объятия, а потом он ввел в дом свою жену и внес то, что с ним было, и после этого вошел сам вместе с Ахмедом ад-Данафом.

И они отдыхали три дня, и затем Ала ад-Дин пожелал отправиться в Багдад, и отец его сказал ему: «Останься, сын мой, у меня!» Но Ала ад-Дин ответил: «Я не могу быть в разлуке с моим сыном Асланом».

И он взял отца и мать с собою, и они отправились в Багдад. И Ахмед ад-Данаф вошел к халифу и обрадовал его вестью о прибытии Ала ад-Дина и рассказал ему его историю, и халиф вышел его встречать и взял с собой его сына Аслана.

И они встретили Ала ад-Дина объятиями, и халиф велел привести Ахмеда Камакима-вора, и его привели; и когда он предстал перед халифом, тот сказал: «О Ала ад-Дин, вот тебе твой противник!» И Ала ад-Дин вытащил меч и, ударив Ахмеда Камакима, отрубил ему голову.

И халиф устроил Ала ад-Дину великолепную свадьбу, после того как явились судьи и свидетели и был написан его договор с Хусн Мариам. И Ала ад-Дин вошел к ней и увидел, что она жемчужина, еще несверленная.

А потом халиф сделал его сына Аслана главой шестидесяти и наградил их всех роскошными одеждами, и жили они блаженнейшей и приятнейшей жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний».

ПОВЕСТЬ
ОБ АРДЕШИРЕ
И ХАЙЯТ АН-НУФУС

ассказывают также, о счастливый царь, что был в городе Ширазе великий царь по имени ас-Сейф аль-Азам-Шах, и до великих дожил он годов, и не был наделен сыном. И собрал он врачей и лекарей и сказал им: «Мои годы стали велики, и вы знаете, каково мое состояние и состояние царства и его устройство. Я боюсь за участь подданных после меня, ведь до сих пор не досталось мне сына». — «Мы изготовим тебе зелье, от которого будет польза, если захочет Аллах великий», — сказали лекари. И они приготовили для него зелье, и царь употребил его, а затем он пал на свою жену, и она понесла, по изволению Аллаха великого, который говорит вещи: «Будь!» — и она возникает. И когда исполнились ее месяцы, она родила дитя мужского пола, подобное луне, и царь назвал его Ардеширом*, и мальчик рос и развивался и изучал богословие и светские науки, пока не стало ему пятнадцать лет жизни.

А был в Ираке один царь по имени Абд аль-Кадир, и была у него дочь, подобная восходящей луне, и звали ее Хайят ан-Нуфус. И она ненавидела мужчин, и никто не отваживался упоминать о мужчинах в ее присутствии, и сватались к ней у ее отца владыки Хосрой, и говорил с нею ее отец, но девушка отвечала: «Я не сделаю этого никогда, а если ты меня к этому принудишь, я убью себя».

И услышал царевич Ардешир молву о ней и осведомил об этом своего отца, и посмотрел царь на его состояние и пожалел его и пообещал ему, что поможет на ней жениться. А затем он послал своего везиря к отцу девушки, чтобы к ней посвататься, но тот отказал. И когда везирь вернулся от царя Абд аль-Кадира и рассказал, что у него с ним случилось, и осведомил царя Шираза об отказе, царю стало из-за этого тяжело, и он разгневался великим гневом и воскликнул: «Когда подобный мне посылает к кому-нибудь из царей с просьбой, разве тот может ее не исполнить!»

И он велел глашатаю кричать в войсках, чтобы выставили палатки и делали многие приготовления, хотя бы пришлось для этого занять денег на расходы, и воскликнул: «Я не вернусь, пока не разрушу земель Абд аль-Кадира, не перебью его людей, не сотру его следов и не захвачу его имущества!»

И когда дошла весть об этом до сына его Ардешира, он поднялся с постели и вошел к своему отцу царю и, поцеловав перед ним землю, сказал: «О царь величайший, не затрудняй себя ничем, не собирай богатырей и воинов и не расходуй своих денег. Ты сильнее его. Когда ты соберешь против него это войско, которое с тобою, и разрушишь его землю и страну, убьешь его мужей и богатырей, захватишь его достояние, и убьешь его самого, дойдет эта весть и о том, что досталось ему и другим из-за тебя, до его дочери, и она убьет себя, а я умру из-за нее и никогда не буду жить после нее». — «Каков же будет твой замысел, о дитя мое?» — спросил тогда царь. И Ардешир ответил: «Я отправлюсь за тем, что мне нужно, сам и оденусь в одежду купцов и ухитрюсь добратся до девушки, и посмотрю, как удовлетворить мое желание и сблизиться с ней». — «Ты избрал этот замысел?» — спросил его отец. И царевич ответил: «Да, о батюшка».

И тогда царь позвал везиря и сказал ему: «Поезжай с моим сыном, радостью моего сердца, и помогай ему в его намерениях и береги его и направляй твоим верным мнением. Ты будешь ему вместо меня». И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» А потом царь дал своему сыну триста тысяч динаров золотом и дал ему яхонтов, драгоценных камней, золотых изделий, товаров и сокровищ и того, что с этим сходно. И после того юноша вошел к своей матери и поцеловал ей руки и попросил ее помолиться, и она помолилась за него и тотчас поднялась и, открыв свою казну, вынула для сына сокровища, ожерелья, изделия из золота, одежды, редкости и все то, что сохранялось со времени прежних царей и чего не уравновесить деньгами. И царевич взял с собой невольников, слуг, животных и все, что бывает нужно в пути, со всем прочим, и принял обличье купца, вместе с везирем и теми, кто был с ними, и простился с родителями, родными и близкими. И они поехали, пересекая пустыни и степи в часы ночи и дня.

И когда продлилась для юноши дорога, он произнес такие стихи:

Влюблен и тоскую я, и боль моя все сильней,
И нет против злой судьбы мне ныне помощника.

Плеяды я стерегу, взойдут лишь, и ас-Симак*,
Как будто от крайней страсти стал богомольцем я.

За утренней я звездой слежу, а как явится,
Бросаюсь блуждать в тоске, и страсть лишь сильней
моя.

Я вами клянусь! — любовь на ненависть не сменил,
И вечно не спит мой глаз, и страстью охвачен я.

Мне трудно желанного достигнуть, я изнурен,
И мало терпения без вас и помощников.

Я все же терплю, пока Аллах не сведет с тобой,
И ввергнет тем в горести врагов и завистников.

А когда он окончил свои стихи, его ненадолго покрыло беспамятство, и везирь побрызгал на него розовой водой. А когда Ардешир очнулся, он сказал ему: «О царевич, укрепи свою душу — за стойкостью следует облегчение — и вот ты идешь к тому, чего хочешь!» И везирь до тех пор уговаривал царевича и

утешал его, пока не успокоил его волнения, и они ускорили ход. Когда же показался путь царевичу долгим, он вспомнил любимую и произнес такие стихи:

Продлен отдаленья срок, тоска и любовь сильна,
И сердце мое горит в огне пламенеющем.

Седа голова моя — так сильно испытан я
Любовью, и слезы глаз струею текут теперь.

Тебе, о мечта моя, желаний моих предел,
Клянусь я творцом вещей — среди них и листок и ветвь,

Я страстью обременен к тебе, о мечта моя, —
Которую вынести не могут влюбленные.

Вы ночь обо мне спросите — ночь вам поведает,
Смежались ли веки глаз дремотой в часы ночей.

А окончив говорить стихи, он заплакал сильным плачем и стал жаловаться на великую страсть, которую он испытывает, и начал везирь его уговаривать и утешать и обещал ему достижение желаемого. И они проехали немного дней и приблизились к Белому городу после восхода солнца, и тогда везирь сказал царевичу: «Радуйся, о царевич, полному благу и посмотри на этот Белый город, к которому ты направляешься». И царевич обрадовался сильной радостью и произнес такие стихи:

О други мои, влюблен я сердцем, безумен я,
Любовь продолжается, и вечно со мною страсть.

Как друга утративший, не спящий, рыдаю я,
Когда опустилась ночь, нет милостивых в любви.

А если подуют ветры, с вашей земли несясь,
Прохладу я чувствую, на душу сходящую.

И веки мои текут, как тучи, дождь льющие,
И в море излитых слез душа моя плавает.

А достигнув Белого города, они вошли и спросили, где хан купцов и квартал денежных людей. И когда их провели к хану, они поселились там и взяли для себя три амбара и, получив ключи, открыли амбары и внесли туда свои товары и вещи. И они оставались в хане, пока не отдохнули, а потом везирь стал приду-

мывать, как ухитриться в деле царевича, и сказал ему: «Мне кое-что пришло на ум, и я думаю, что в этом будет для тебя благо, если захочет Аллах великий». — «О везирь благого разумения, делай то, что пришло тебе на ум, да направит Аллах твое мнение!» — ответил царевич. И везирь сказал: «Я хочу нанять для тебя лавку на рынке торговцев материей, и ты будешь в ней сидеть. Всякому — и знатному и простому — нужен рынок, и я думаю, что, когда ты сядешь в лавке и люди взглянут на тебя глазами, сердца склонятся к тебе, и ты станешь сильнее для достижения желаемого. Ибо образ твой красив, и умы склоняются к тебе, и возвеселятся из-за тебя глаза». — «Делай то, что ты избереешь и хочешь», — сказал царевич, и везирь тотчас же поднялся и надел свое самое роскошное платье, и царевич тоже, и спрятал за пазуху кошель, где была тысяча динаров, и затем они вышли и пошли по городу. И люди смотрели на них и были ошеломлены красотой царевича и говорили: «Слава тому, кто сотворил этого юношу из ничтожной воды! Благословен Аллах, лучший из творцов».

И умножались разговоры о юноше, и люди говорили: «Это не человек, это не кто иной, как вышний ангел». А некоторые люди говорили: «Наверно отвлекся Ридван, хранитель рая, от райских ворот, и вышел из них этот юноша». И люди следовали за ними на рынок материй, пока они не дошли и не остановились. И тогда подошел к ним старец, внушавший почтение и полный достоинства, и приветствовал их, и когда они ответили на приветствие, он спросил: «О господа, есть ли у вас какая-нибудь нужда, которую мы будем иметь честь исполнить?» — «А кто ты будешь, о старец?» — спросил везирь. И старец ответил: «Я надзиратель рынка». И тогда везирь сказал: «Знай, о старец, что этот юноша — мой сын, и я желаю взять для него лавку на этом рынке, чтобы он сидел там и учился продавать, и покупать, и брать, и отдавать, и усвоил бы свойства купцов». И надзиратель отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

А потом в тот же час и минуту он принес им ключи от одной из лавок и приказал посредникам ее вынести, и те вынесли лавку и почистили ее, а везирь послал принести для лавки высокое кресло, набитое перьями страусов, на котором лежал маленький молитвенный

коврик, обшитый вокруг червонным золотом, и принес также подушку, и принес столько товаров и материй из тех, которые прибыли с ним, что они наполнили лавку.

И когда настал следующий день, юноша пришел и отпер лавку, и сел на кресло, и поставил перед собой двух невольников, одетых в лучшие одежды, а в глубине лавки он поставил двух рабов из прекраснейших абиссинцев. А везирь наказал юноше скрывать свою тайну от людей, чтобы найти этим помощь для свершения своих дел, и затем он оставил его и отправился в амбары, наказав юноше, чтобы он осведомлял его обо всем, что будет происходить в лавке, день за днем.

И юноша сидел в лавке, подобный луне в ее полноте, и люди прослышали о нем и об его красоте и заходили к нему без нужды, чтобы посмотреть на его красоту и прелесть и стройность его стана, и прославляли Аллаха великого, который сотворил его и соразмерил, и никто не мог пройти по этому рынку из-за чрезмерного скопления людей перед юношей. А царевич осматривался направо и налево, не зная, что ему делать из-за людей, которые были им ошеломлены, и надеялся, что завяжет дружбу с кем-нибудь из приближенных к правителю, и, может быть, это приведет к упоминанию о царской дочери, но не находил к этому пути, и его грудь стеснилась, а везирь каждый день обнадеживал его, что он добьется желаемого.

И царевич провел таким образом очень долгий срок, и когда в один из дней он сидел в лавке, вдруг подошла старуха, чинная, почтенная и достойная, одетая в одежды праведности, и за нею шли две невольницы, подобные паре лун. И она остановилась возле лавки и некоторое время смотрела на юношу, а затем воскликнула: «Слава тому, кто сотворил это явление и завершил это творение!» И она пожелала юноше мира, и тот возвратил ей приветствие и посадил ее рядом с собою, и старуха спросила: «Из какой ты страны, о прекрасный лицом?» И царевич ответил: «Я из краев индийских, о матушка, и пришел в этот город, чтобы развлечься». — «Да будешь ты почтен среди приходящих!» — воскликнула старуха. И затем она спросила: «Какие есть у тебя товары, вещи и материи? Покажи мне что-нибудь красивое,

подходящее для царей». И, услышав ее слова, юноша спросил ее: «Ты хочешь красивого? Я покажу его тебе. У меня есть все вещи, подходящие для их обладателей». — «О дитя мое, — сказала старуха, — я хочу что-нибудь дорогое ценой и красивое видом — самое высокое, что у тебя есть». И юноша воскликнул: «Ты непременно должна меня осведомить, для кого ты требуешь товар, чтобы я показал тебе вещь по сану покупателя!» — «Твоя правда, о дитя мое, — сказала старуха. — Я хочу чего-нибудь для моей госпожи Хайят ан-Нуфус, дочери царя Абд аль-Кадира, владыки этой земли и царя этой страны». И когда царевич услышал слова старухи, его ум взлетел от радости и сердце его затрепетало. Он протянул руку назад, не приказывая ни рабам, ни невольникам, и, достав кошелек с сотнею динаров, дал его старухе и сказал: «Этот кошелек тебе на стирку одежды». А затем он протянул руку к узлу, вынул из него платье, стоящее десять тысяч динаров или больше, и сказал: «Это часть того, что я привез в вашу землю».

И когда старуха увидела платье, оно ей понравилось, и она спросила: «За сколько продашь это платье, о совершенный качествами?» И царевич ответил: «Бесплатно». И старуха поблагодарила его и повторила вопрос, и царевич воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не возьму за него платы! Это — подарок тебе от меня, если царевна его не примет, и оно будет тебе от меня в знак гостеприимства. Слава Аллаху, который свел меня с тобою! Если мне когда-нибудь что-нибудь понадобится, я найду в тебе помощницу».

И старуха удивилась этим прекрасным словам и великой щедрости царевича и большому его вежеству и спросила его: «Как твое имя, о господин?» И царевич ответил: «Ардешир». И старуха воскликнула: «Клянусь Аллахом, это имя диковинное, которым называют детей царских, а ты в обличье сыновей купцов!» — «Из любви ко мне называл меня мой родитель этим именем, и имя ни на что не указывает», — ответил царевич. И старуха удивилась ему и сказала: «О сынок, возьми плату за твой товар», — но царевич поклялся, что ничего не возьмет, и тогда старуха сказала: «О мой любимый, знай, что правда — самая великая вещь, и эти милости, которые ты мне оказываешь, не иначе как из-за дела. Дай же мне

узнать твое дело и тайные твои мысли — может быть, у тебя есть в чем-нибудь нужда, и я помогу тебе ее исполнить».

И тогда царевич положил свою руку в руку старухи, и взял с нее обет скрывать тайну, и поведал ей всю свою историю, и рассказал о своей любви к царевне и о том, что с ним из-за нее происходит. И старуха покачала головой и сказала: «Вот она — правда! Но только, о дитя мое, сказали разумные в ходячей пословице: «Если хочешь, чтобы тебя не слушались, проси того, что невозможно». Твое имя, о дитя мое, — купец, и будь у тебя ключи от волшебных кладов, тебя бы не называли иначе, как купцом. Если ты хочешь достичь ступени выше, чем твоя ступень, проси дочери кади или дочери эмира; почему, о дитя мое, ты просишь только дочери царя времени и века? Она девушка невинная, девственная, которая ничего не знает о мирских делах и в жизни не видела ничего, кроме дворца, где она находится, но, при малых своих годах, она умная, разумная, острая, понятливая, с превосходным разумом, благими поступками и пронзительным мнением. Ее отцу досталась только она, и она для него дороже души. Он каждый день приходит к ней и желает ей доброго утра, и все, кто есть во дворце, ее боятся. Не думай же, о дитя мое, что кто-нибудь может заговорить с ней о чем-нибудь из этого, и нет для меня к этому пути. Клянусь Аллахом, о дитя мое, мое сердце и мои члены любят тебя, и я бы хотела, чтобы ты с ней остался. Я научу тебя кое-чему, может быть, Аллах сделает это исцелением твоего сердца; я подвергну опасности мою душу и мое достояние, чтобы исполнить твою нужду». — «А что это такое, о матушка?» — спросил царевич. И старуха ответила: «Проси у меня дочь везиря или дочь эмира. Если ты у меня этого попросишь, я соглашусь на твою просьбу, — ведь никто не может подняться с земли на небо одним прыжком». И юноша ответил старухе разумно и вежливо: «О матушка, ты женщина умная и знаешь, как происходят дела. Разве человек, когда у него болит голова, перевязывает себе руку?» — «Нет, клянусь Аллахом, о дитя мое», — отвечала старуха. И Ардешир сказал: «Также и мое сердце не просит никого, кроме нее, и меня убивает одна лишь любовь к ней. Клянусь Аллахом, я буду в числе погибающих,

если не найду себе наставления и помощи! Ради Аллаха, о матушка, пожалей меня, чужеземца, и моих льющихся слез». И старуха ответила: «Клянусь Аллахом, о дитя мое, мое сердце разрывается из-за твоих слов, и нет у меня в руках хитрости, чтобы ее устроить». — «Я хочу от твоей милости, чтобы ты взяла этот листок и доставила его царевне и поцеловала ей за меня руки», — сказал Ардешир. И старуха сжалилась над ним и молвила: «Пиши на нем что хочешь, а я доставлю его царевне».

И когда юноша услышал это, он едва не взлетел от радости и, потребовав чернильницу и бумагу, написал девушке такие стихи:

Будь ты щедрой, о жизнь души, на сближенье
Со влюбленным, растаявшим от разлуки.

В наслажденье я раньше жил, жил прекрасно,
Но сегодня взволнован я и растерян.

Не покинут бессонницей во всю ночь я,
Развлекает всю ночь меня только горе.

Пожалей же влюбленного, что горюет
И тоскою разъедены его веки.

А наступит рассвет, когда в самом деле
Опьяненным найдет его влагой страсти.

А окончив писать письмо, Ардешир свернул его и поцеловал и отдал старухе, и затем он протянул руку к сундуку и, вынув другой кошелек с сотней динаров, подал его женщине и сказал: «Раздай это невольницам». Но старуха отказалась и воскликнула: «Клянусь Аллахом, о дитя мое, я с тобою не из-за чего-нибудь такого!» И юноша поблагодарил ее и сказал: «Это обязательно!» И старуха взяла у него кошелек и поцеловала ему руки и ушла.

И она вошла к царевне и сказала: «О госпожа, я принесла тебе что-то, чего нет у жителей нашего города, и оно от красивого юноши, лучше которого нет на лице земли». — «О няня, а откуда этот юноша?» — спросила царевна. И старуха сказала: «Он из краев индийских, и он дал мне эту одежду, шитую золотом, украшенную жемчугом и драгоценностями, которая стоит царства Кисры и Кесаря». И когда она развернула эту одежду, дворец осветился из-за нее,

так она была хорошо сделана и так много было на ней камней и яхонтов, и стали дивиться на нее все, кто был во дворце, и царица посмотрела на нее и не нашла за нее цены или платы, кроме подати с земли царства ее отца за целый год.

«О нянюшка,—спросила она старуху,—это платье — от него или не от него?» — «Оно от него», — ответила старуха. И девушка молвила: «О няня, этот купец — из нашего города или иноземец?» — «Он иноземец, о госпожа, и поселился в нашем городе только недавно», — ответила старуха. — «Клянусь Аллахом, у него есть слуги и челядь, и он прекрасен лицом, строен станом и благороден по качествам, с широкою грудью, и я не видела никого лучше, разве кроме тебя». — «Поистине, это удивительно!» — сказала царица. — «Как может быть такая одежда, цены которой не покрыть деньгами, у купца из купцов? А каков размер платы за нее, о которой он тебе говорил, о нянюшка?» — «О госпожа», — ответила старуха, — он не говорил мне о плате, а только сказал: «Я не возьму за нее платы, и эта одежда — подарок от меня царице: она никому не подходит, кроме нее». И он отдал назад золото, которое ты со мной послала, и поклялся, что не возьмет его, и сказал: «Оно твое, если царица его не примет». — «Клянусь Аллахом, это большое великодушие и великая щедрость, и я боюсь, что исход этого дела приведет к беде», — сказала царица. — «Почему ты не спросила его, о нянюшка, нет ли у него в чем-нибудь нужды, чтобы мы ему исполнили ее?» — «О госпожа», — ответила старуха, — я спрашивала его и говорила: «Есть у тебя нужда?» И он сказал: «У меня есть нужда», — но не осведомил меня о ней и только дал мне этот листок и сказал: «Передай его царице».

И девушка взяла у старухи листок и развернула его и прочитала до конца, и изменился ее вид, и исчезло ее разумение, и пожелтел цвет ее лица, и она сказала старухе: «Горе тебе, о няня, как зовут этого пса, который говорит такие слова царской дочери, и какая связь между мною и этим псом, что он мне пишет. Клянусь великим Аллахом, владыкой Земзема и аль-Хатима *, если бы я не боялась Аллаха, — велик он! — я бы послала к этому псу, чтобы связать ему руки, вырвать ноздри и отрезать нос и уши, и изуродовала бы его, а потом распяла бы на воротах рынка, в котором находится его лавка».

И когда старуха услышала эти слова, цвет ее лица пожелтел, и у нее задрожали поджилки, и оцепенел язык, но потом она укрепила свое сердце и сказала: «Добро, о госпожа! А что же такое в этом листке, что он тебя так взволновал? Разве там не прошение, которое купец подал тебе, жалуясь на свое положение из-за бедности или несправедливости и надеясь на милость от тебя или раскрытие обиды?» — «Нет, клянусь Аллахом, о нянюшка, — ответила царевна, — наоборот, это стихи и бесчестные слова. Этот пес, о нянюшка, видно пребывает в одном из трех положений. Либо это бесноватый, у которого нет разума, и он стремится к убиению своей души, либо ему в его нужде оказывает помощь человек с большою силою и великой властью, либо он услышал, что я — одна из блудниц этого города, которые ночуют у того, кто их позовет, одну ночь или две, — он ведь посылает мне бесчестные стихи, чтобы смутить этим мой разум». — «Клянусь Аллахом, о госпожа, ты права! — сказала старуха. — Но не занимай себя этим глупым песом. Ты живешь в своем дворце, высоком, возвышенном и неприступном, до которого не поднимаются птицы и не пролетает над ним воздух, смущенный его высотой. Напиши ему письмо и выбрани его, не оставляя ни одного из способов брани, угрожай ему крайними угрозами и предложи ему смерть. Скажи ему: «Откуда ты меня знаешь, что пищешь мне, о пес из купцов, о тот, что весь век мечется в степях и пустынях для наживы дирхема или динара? Клянусь Аллахом, если ты не проснешься от сна и не очнешься от опьянения, я распну тебя на воротах рынка, где находится твоя лавка!» — «Я боюсь, что, если я напишу ему, он на меня позарится», — отвечала царевна, и старуха воскликнула: «А каков его сан и какова его степень, чтобы он на нас позарился! Мы напишем ему только для того, чтобы пресеклось его желание и усилился его страх».

И она до тех пор хитрила с царевной, пока та не приказала принести чернильницу и бумагу и не написала юноше такие стихи:

О ты, притязающий на страсть и тоску, без сна
Ночами страдающий в мечтах и волнении,

Ты требуешь от луны, обманутый, близости,
Но разве получит кто желанное от луны?

Тебя я наставила словами, так слушай же:
Брось это! Поистине меж смертью ты и бедой!

И если вернешься вновь ты к просьбам, поистине
Постигнет тебя мученье очень жестокое.

Разумным будь, вежливым, догадливым, сведущим!
Тебе я совет дала в стихах и речах моих.

Клянусь сотворившим я все вещи из ничего,
Лик неба украсившим блестящими звездами,—

Коль вновь возвратишься ты к словам, тобой сказанным,
Тебя на стволе распну я крепкого дерева!

И потом она свернула письмо и отдала его старухе, и та взяла его и шла, пока не отдала его юноше, который был у себя в лавке. «Читай ответ,—сказала она ему,—и знай, что, когда царевна прочитала письмо, она разгневалась великим гневом, и я смягчала ее разговорами, пока она не дала тебе ответа». И юноша с радостью взял письмо, и прочитал его, и понял его смысл, а окончив чтение, он заплакал сильным плачем, и сердце старухи заболело, и она воскликнула: «О дитя мое, да не заставит Аллах плакать твои глаза и да не опечалит твое сердце! Что может быть мягче, чем ответить на твое письмо, раз ты совершил такие поступки?» — «О матушка, а какую мне сделать хитрость, тоньше этой, раз она присылает мне угрозы убить меня и распять и запрещает писать ей? — сказал юноша.—Клянусь Аллахом, я считаю, что смерть лучше, чем жизнь. Но я хочу от твоей милости, чтобы ты взяла этот листок и доставила его царевне». — «Пиши, а на мне лежит ответ», — сказала старуха. «Клянусь Аллахом, я подвергну опасности свою душу, чтобы достигнуть желаемого, даже погибну, чтобы тебя удовлетворить».

И юноша поблагодарил старуху и поцеловал ей руки и написал царевне такие стихи:

Вы мне угрожаете убийством за страсть мою,—
Убитым я отдохну, а смерть суждена мне.

Влюбленному смерть приятней, если продлилась жизнь,
И гонят всегда его и вечно ругают.

Придите к влюбленному, защиты лишенному,—
Стремленья людей к добру всегда прославляют,

А если решитесь вы на дело, так делайте —
Я раб ваш, а все рабы в плену пребывают.

Как быть мне, коль без тебя терпенья не нахожу?
Как сердцу влюбленного при этом быть целым?

Владыки, помилуйте в любви к вам болящего,
Ведь всякий, кто полюбил свободных, — оправдан.

И затем он свернул письмо и отдал его старухе и дал ей два кошелька, в которых было двести динаров, но она отказалась их взять, и юноша стал заклинять ее, и она взяла деньги и сказала: «Я обязательно приведу тебя к желаемому, наперекор носу твоих врагов!»

И старуха пошла и вошла к Хайят ан-Нуфус и отдала ей письмо, и царевна спросила: «Что это такое, о нянюшка? Мы оказались в обмене посланиями, а ты ходишь туда и назад! Я боюсь, что наше дело раскроется, и мы будем опозорены». — «А как так, о госпожа, и кто может говорить такие слова?» — сказала старуха, и девушка взяла у нее письмо, прочитала его и поняла его смысл, и тогда она ударила рукой об руку и воскликнула: «Поразило нас это бедствие! Мы не знаем, откуда пришел к нам этот юноша». — «О госпожа, — сказала старуха, — ради Аллаха, напиши ему письмо, но только будь с ним груба в словах и скажи ему: «Если ты пришлешь письмо после этого, я отрублю тебе голову!» — «О нянюшка, — ответила царевна, — я знаю, что это таким образом не кончится, и самое подходящее — не писать. И если этот пес не отступится из-за прежних угроз, я отрублю ему голову». — «Напиши ему письмо и осведоми его об этом», — сказала старуха. И царевна потребовала чернильницу и бумагу и написала, угрожая ему, такими стихами:

«О ты, забывающий превратности злой судьбы,
Чье сердце влюбленное желает сближенья,

Взгляни, о обманутый, — достигнешь ли неба ты,
И можешь ли ты достать до месяца светлого.

Я сжарю тебя в огне, где пламя всегда горит,
И будешь мечами ты разящими умерщвлен.

До месяца расстоянье, друг мой, предальнее,
И станет седой глава от дел, здесь таящихся.

Прими же ты мой совет и страсть позабудь свою,
От дел откажись таких,—они не подходят нам.

И она свернула письмо и подала его старухе, а сама была в диковинном состоянии из-за этих слов, и старуха взяла письмо и шла, пока не принесла его юноше. И она отдала ему письмо, и Ардешир взял его и прочитал и опустил голову к земле, чертя по полу пальцем и ничего не говоря. И старуха спросила: «О дитя мое, почему это ты не обращаешься с речью и не даешь ответа?» — «О матушка,—отвечал Ардешир,— что я скажу, когда она угрожает и становится лишь более жестокой и неприязненной?» — «Напиши ей в письме что хочешь, а я буду тебя защищать, и станет твоему сердцу вполне хорошо, и я непременно сведу вас»,—сказала старуха. И Ардешир поблагодарил ее за милость и поцеловал ей руки и написал царевне такие стихи:

«Аллах, защити сердца, к влюбленным не мягкие,
И любящего, сближенья с милым ждущего!

И веки очей, от слез покрытые язвами,
Когда покрывает их спустившейся ночи мрак.

Так сжальтесь и смилуйтесь и будьте щедры к тому,
Кого изнурила страсть в разлуке с любимой!

Лежит он всю ночь, не зная сна или отдыха,
Сгорел он, хоть в море слез давно погрузился он.

Желаний не пресекай ты сердца! Поистине
Тоскует в плену оно, трепещет в руках любви!

И затем он свернул письмо, и отдал его старухе, и дал ей триста динаров, говоря: «Это тебе на мытье рук». И старуха поблагодарила его и поцеловала ему руки и отправилась, и она вошла к царевне и отдала ей письмо. И девушка взяла его и прочитала до конца, и отшвырнула прочь, и поднялась на ноги, и пошла в башмачках из золота, украшенных жемчугами и драгоценными камнями. И она прошла во дворец к своему отцу (а жила гнева поднялась у нее меж глаз, и никто не отваживался спросить ее, что с ней) и, придя ко дворцу, спросила, где царь, ее родитель, и не-

вольницы и наложницы сказали: «О госпожа, он выехал на охоту и ловлю».

И она возвратилась, точно кровожадный лев, и ни с кем не заговорила раньше чем через три часа, когда ее лицо прояснилось и утих гнев. И когда старуха увидела, что прошло охватившее ее огорчение и гнев, она подошла к ней и поцеловала землю меж ее рук и спросила: «О госпожа, куда направляла ты свои благородные шаги?» — «Во дворец моего отца», — ответила царевна, и старуха молвила: «О госпожа, а разве никто не мог исполнить твоего повеления?» — «Я выходила только для того, чтобы осведомить его о том, что случилось у меня с этим псом из купцов, и отдать его во власть моему отцу, чтобы он его схватил и всех, кто есть на рынке, и распял бы их на лавках и не позволил бы никому из купцов и чужеземцев оставаться в нашем городе», — отвечала девушка. «Ты ходила к твоему отцу, о госпожа, только по этой причине?» — спросила старуха. И девушка ответила: «Да, но я не нашла его здесь, а увидела, что он отсутствует и выехал на охоту и ловлю, и ожидаю его возвращения». — «Прибегаю к Аллаху, слышащему, знающему! — воскликнула старуха. — О госпожа, слава Аллаху, ты самая умная из людей, и как ты осведомишь царя об этих вздорных словах, которых никому не подобает разглашать?» — «А почему нет?» — спросила царевна, и старуха сказала: «Допустим, что ты нашла бы царя в его дворце и осведомила бы его об этих речах, он послал бы за купцами и велел бы их повесить на их лавках, и люди увидели бы их, и все стали бы спрашивать и говорить: «Почему их повесили?» И мы им сказали бы в ответ: «Они хотели испортить дочь царя». И люди станут передавать о тебе разные рассказы, и некоторые скажут: «Она сидела у них десять дней, исчезнув из дворца, пока они ею не насытились», — а другие скажут иное, а честь, о госпожа, как молоко — малейшая пыль ее грязнит, и как стекло — когда оно треснет, его не скрепить. Берегись же рассказывать твоему отцу или кому другому об этом деле, чтобы не опорочить свою честь, о госпожа, и осведомление людей об этом деле не принесет тебе никакой пользы. Разберись в этих словах своим совершенным разумом, и если не найдешь их правильными, делай что пожелаешь».

И когда царевна услышала от старухи эти слова, она обдумала их и нашла до крайности верными и молвила: «То, что ты сказала, о нянюшка, правильно, и гнев ослепил мне сердце». — «Твое намерение прекрасно для Аллаха великого, раз ты никому не расскажешь, — сказала старуха, — но осталась еще одна вещь. Мы не станем молчать о бесстыдстве этого пса, нижайшего из купцов. Напиши ему письмо и скажи ему: «О нижайший из купцов, если бы не случилось так, что царь отсутствует, я бы тотчас же приказала распять тебя и всех твоих соседей. Ничто из этого тебя не минует. Клянусь великим Аллахом, если ты вернешься к подобным речам, я срежу твой след с лица земли». И будь с ним грубой в речах, чтобы отвратить его от такого дела, и пробуди его от беспечности». — «А разве он отступится от того, что делает, из-за таких слов?» — сказала царевна. И старуха ответила: «А как ему не отступить, когда я поговорю с ним и осведомлю его о том, что случилось?»

И царевна потребовала чернильницу и бумагу и написала юноше такие стихи:

Надеждою привязался к близости с нами ты
И хочешь от нас теперь желанное получить.

Убит человек бывает лишь слепотой своей,
И то, чего жаждет он, его приведет к беде.

Султаном ведь не был ты и не был наместником.
Ни силы нет у тебя, ни мощных сторонников,

И если бы сделал так один из подобных нам,
От ужасов и боев он стал бы совсем седым.

Но все же прощу теперь я то, что содеял ты, —
Быть может, от сей поры во всем ты раскаешься.

И она подала письмо старухе и сказала ей: «О нянюшка, удержи этого пса, чтобы я не отрубила ему голову и мы бы не впали из-за него в грех». И старуха воскликнула: «Клянусь Аллахом, о госпожа, я не оставлю ему бока, чтобы перевернуться».

И она взяла письмо и пошла с ним и, придя к юноше, приветствовала его. И Ардешир возвратил ей приветствие, и тогда она подала ему письмо. И юноша взял его, и прочитал, и покачал головой, и восклик-

нул: «Поистине мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! — А потом сказал:— О матушка, что мне теперь делать, когда малым стало мое терпение и ослабла моя стойкость?» — «О дитя мое,— сказала старуха,— внуши себе терпение: может быть, Аллах свершит после этого дело. Напиши ей то, что у тебя на душе, а я принесу тебе ответ. Успокой свою душу и прохлади глаза, я непременно сведу тебя с ней, если захочет Аллах великий».

И Ардешир пожелал старухе блага и написал девушке письмо, в котором заключались такие стихи:

Когда не найду в любви и страсти я лекаря,—
А страсть убиение и смерть мне приносит,—

Мне пламя огня в груди придется тогда терпеть
Порою дневной, а в ночь не лягу на ложе я,

Почто не боюсь тебя, желаний моих предел,
И то, что в любви терплю, терпеть соглашаюсь?

Просил я у господы престола прощения—
Ведь страстью к красавице повергнут я в гибель,—

Чтоб скоро сближение послал он на радость мне,
Ведь ужасами любви теперь поражен я.

И затем он свернул письмо и отдал его старухе и выложил ей кошелек с четырьмястами динаров, и она взяла все это и ушла. И она пришла к царской дочери и отдала ей письмо, но девушка не взяла его от нее и спросила: «Что это за листок?» И старуха ответила: «Это ответ на письмо, которое ты послала этому псу купцу». — «Ты запрещала ему, как я тебя учила?» — спросила царевна. И старуха молвила: «Да, и вот его ответ».

И царевна взяла от нее письмо и прочитала его до конца, а потом она обернулась к старухе и сказала: «Где же польза от твоих слов?» — «О госпожа, в том, что он говорит в ответе, что отступился и раскаялся и извиняется за прежнее», — ответила старуха. И царевна воскликнула: «Нет, клянусь Аллахом! Наоборот, он еще прибавил!» — «О госпожа,— сказала старуха,— напиши ему письмо, и ты скоро узнаешь, что я с ним сделаю». — «Мне нет нужды ни в письме, ни в ответе», — молвила девушка. И старуха воскликнула: «Необходимо ответить, чтобы я его выбрала и

пресекла его надежду». — «Пресеки его надежду, не беря с собою письма», — сказала царевна. И старуха молвила: «Чтобы выбрать его и пресечь надежду, мне надо захватить письмо».

И царевна потребовала чернильницу и бумагу и написала Ардеширу такие стихи:

Продлились укоры, но упрек не сдержал тебя,
А сколько писала я стихов, запрещая!

Скрывай же свою любовь, ее не высказывай,
А будешь послушником, — тебя не покрою.

И если вернешься ты к речам, тобой сказанным,
Глашатай о гибели твоей возвестит нам.

И ветры ты над собой увидишь летящие,
И птицы в песках пустынь к тебе соберутся.

Вернись же к делам благим, — наступит спасение,
А хочешь ты мерзости, — тебя погублю я.

А окончив писать, она бросила листок, гневная, и старуха взяла его и пошла. И она пришла к юноше, и тот взял у нее письмо и, прочитав его до конца, понял, что царевна не смягчилась к нему и стала лишь еще более гневной и что он ее не достигнет. И пришла ему в сердце мысль написать ей ответ и призвать на нее зло, и он написал ей такие стихи:

Господь, пятью старцами молю я — спаси меня
От той, что повергла меня любовью в несчастья!

Ты знаешь ведь, что во мне любовный огонь горит,
И болен я из-за той, в ком нет ко мне жалости.

Она не смягчается ко мне в моих бедствиях —
Продлятся ль над слабостью моей притеснения?

Блуждаю в пучинах я любви и влечения к ней,
Помощника не найду, о люди; чтоб мне помочь.

И часто на ложе сна, как спустится мрак ночной.
Лежу и рыдаю я и тайно и явно.

В любви к вам не вижу я ни в чем утешения,
И как мне утешиться, коль стойкости нет в любви?

О птица разлуки, расскажи мне — свободна ли
Она от превратностей судьбы и несчастья!

И затем он свернул письмо и отдал его старухе и дал ей кошелек с пятью сотнями динаров, и она взяла листок и ушла. И она вошла к царевне и отдала ей листок, и когда девушка прочитала его и поняла, она бросила его и сказала: «Осведоми меня, о злая старуха, о причине всего того, что случилось со мною из-за тебя и твоих козней и похвал ему! Я пишу для тебя листок за листком, и ты все время носишь от нас послания, так что устроила ему с нами переписку и всякие истории. Ты все время говоришь: «Я избавлю тебя от его зла и прерву его речи к тебе,— но говоришь это только для того, чтобы я написала ему письмо, и ты ходишь между нами туда и сюда, так что опорочила мою честь. Горе вам, эй, слуги, схватите ее!»

И она велела слугам бить старуху, и те били ее до тех пор, пока кровь не потекла из всего ее тела и ее не покрыло беспамятство. И тогда царевна велела невольницам ее вытащить, и старуху вытащили за ноги в конец дворца. И царевна приказала одной из невольниц стоять возле старухи и, когда она очнется от забытья, сказать ей: «Царевна дала клятву, что ты не вернешься в этот дворец и не войдешь в него, а если ты вернешься, она велит тебя убить, разрубив на куски». И когда старуха очнулась от забытья, невольница передала ей, что сказала царевна, и старуха ответила: «Внимание и повиновение!» А потом невольницы принесли корзину и велели носильщику снести старуху к ней, и носильщик поднял старуху и доставил ее домой, и царевна послала к ней лекаря и велела ему заботливо лечить старуху, пока она не поправится. И лекарь послушался ее приказания, и когда старуха оправилась, она села и поехала к юноше, а тот сильно опечалился из-за того, что она его покинула, и тосковал по вестям о ней. И, увидев старуху, он поднялся и встал для нее и встретил ее и пожелал ей мира, и увидел, что она ослабела. И он спросил ее, что с ней, и старуха рассказала ему обо всем, что случилось у нее с царевной, и юноше стало из-за этого тяжело, и он ударил рукою об руку и воскликнул: «Клянусь Аллахом, тяжело мне то, что с тобою случилось! Но какова причина того, о матушка, что царевна ненавидит мужчин?»

«О дитя мое,— сказала старуха,— знай, что у нее прекрасный сад, лучше которого нет на лице земли, и

случилось, что она спала в нем в одну ночь из ночей. И когда царевна была в сладком сне, она вдруг увидела сновидение: как спустилась она в сад и заметила охотника, который расставил сети и рассыпал вокруг пшено и сел поодаль, смотря, какая попадет в сети дичь. И прошло не более часа, и собрались птицы, подбирая пшено, и попала в сети птица-самец и стала в них биться. И птицы разлетелись от него, и в числе их была его самка, но она удалилась от него на недолгое время и вернулась к нему и, подлетев к сети, стала трудиться над той петелькой, в которую попала нога птицы, и до тех пор старалась над ней клювом, пока не разорвала ее и не освободила своего самца. А охотник при всем этом сидел и дремал. И он очнулся и посмотрел на сеть и, увидев, что она испорчена, поправил ее и снова рассыпал пшено и сел вдалеке от сети. И через некоторое время птицы собрались возле нее, и в числе их была та самка с самцом. И птицы подошли клевать зернышки, и вдруг самка попала в сеть и стала в ней биться, и все голуби отлетели от нее, и среди них был ее самец, которого она спасла, и он к ней не вернулся. А охотника одолел сон, и он проснулся только через долгое время, и, проснувшись от сна, он увидел птицу, которая была в сети, и поднялся и, подойдя к ней, высвободил ее ноги из сети и убил ее. И царевна проснулась, испуганная, и сказала: «Так-то поступают мужчины с женщинами! Женщина жалеет мужчину и бросается к нему, когда он в беде, а потом, когда определит ей владыка и она попадает в беду, мужчина проходит мимо нее, не освобождая ее, и пропадает благо, которое она ему сделала. Прокляни же, Аллах, того, кто доверяется мужчинам! Они не помнят блага, которое оказывают им женщины». И с того дня она стала ненавидеть мужчин».

«О матушка,—спросил царевич старуху,—разве она никогда не выходит на дорогу?» — «Нет, о дитя мое,—отвечала старуха,—но у нее есть сад (а это лучшее место для прогулок в наше время), и каждый год, когда созреют в нем плоды, она сходит и гуляет там один день. А ночует она только в своем дворце и входит в сад только через потайную дверь, которая ведет в сад. Я хочу кое-чему научить тебя, и если захочет Аллах, для тебя будет в этом благо. Знай, что

до времени плодов остался один месяц, и тогда царевна спустится погулять в сад, и я наказываю тебе: сегодня же пойди к садовнику этого сада и завяжи с ним дружбу и любовь. Он не дает никому из созданий Аллаха великого войти в этот сад, так как он примыкает ко дворцу царевны, а когда царевна сойдет в сад, я осведомлю тебя об этом за два дня, и ты пойдешь туда, по твоему обычаю, и войдешь в сад и ухитришься там переночевать. И когда царевна сойдет, ты будешь там и спрячешься в каком-нибудь месте. Когда ты увидишь ее — выходи к ней; увидев тебя, она тебя полюбит, а любовь покрывает все. И знай, о дитя мое, что, если бы она тебя увидела, она бы наверное пленилась любовью к тебе, так как ты красив видом. Прохлади же глаза и успокой свою душу, о дитя мое, — я непременно сведу тебя с нею».

И царевич поцеловал старухе руку и поблагодарил ее и дал ей три отреза александрийского шелка и три отреза атласа разных цветов, и с каждым отрезом был и другой кусок на шальвары и платок на повязку и баальбекская материя на подкладку, так что у старухи оказались три полных перемены платья, одна лучше другой. И царевич дал ей кошелек с шестьюстами динаров и сказал: «Это на шитье». И старуха взяла все это и спросила: «О дитя мое, хочешь ли ты знать дорогу к моему дому, и чтобы я тоже знала, где ты живешь?» И царевич отвечал: «Да». И послал с ней невольника, чтобы тот узнал, где ее жилище, и показал ей его дом. И когда старуха отправилась, царевич вышел и велел своим слугам запираť лавку и пошел к везирю и осведомил его о том, что случилось у него со старухой, от начала до конца, и, услышав слова царевича, везирь сказал: «О дитя мое, а если Хайят ан-Нуфус выйдет и не будет тебе от нее благоприятной встречи, что ты тогда сделаешь?» — «У меня не будет в руках иной хитрости, как перейти от слова к делу, — ответил царевич. — Я подвергну себя с нею опасности и похищу ее среди ее слуг и посажу ее, сзади, на моего коня и направлюсь с ней в ширь пустынной степи, и если я спасусь, — желаемое достигну, а если погибну, то отдохну от этой жалкой жизни». — «О дитя мое, — сказал везирь, — разве с таким умом ты проживешь? Как мы поедem, когда между нами и нашей страной далекое расстояние, и

как ты сделаешь такие дела с царем из царей времени, под властью которого сто тысяч поводов? Нам, может быть, грозит, что он прикажет кому-нибудь из своих войск пресечь нам дороги. Это не полезное дело, и его не совершит разумный». — «Как же поступить, о везирь благого разумения? Я несомненно умру», — молвил царевич, и везирь сказал: «Потерпи до завтра, пока мы не увидим этого сада и не узнаем, каковы там обстоятельства и что произойдет у нас с садовником».

И когда наступило утро, везирь поднялся с царевичем и положил за пазуху тысячу динаров, и они шли, пока не дошли до сада, и увидели, что стены его высоки и крепко сложены, и деревья в нем многочисленны, и каналы полноводны, и плоды прекрасны, и цветы в нем благоухали, и птицы в нем распевали, и был он подобен саду из райских садов. А за воротами его был человек — престарелый старец, который сидел на скамье. И когда он увидел их и заметил их почтенный вид, он поднялся на ноги, после того как они пожелали ему мира, и вернул им пожелание и сказал: «О господа мои, может быть, у вас есть нужда, которую я почту за честь исполнить?» И везирь ответил: «Знай, о старец, что мы люди чужеземные, и зной опалил нас, и жилище наше далеко, в конце города. Мы желаем, чтобы ты, твоя милость, взял эти два динара и купил нам чего-нибудь поесть и открыл бы нам ворота этого сада, и мы бы могли посидеть в тени, где есть холодная вода, и прохладиться, пока ты принесешь нам еду. Мы поедем с тобою и тем временем отдохнем и уйдем своей дорогой».

И потом везирь сунул руку за пазуху и, вынув два динара, положил их в руку садовника, а этому садовнику было семьдесят лет жизни, и он не видывал у себя в руке ничего такого. И когда он увидал динары в своей руке, его разум улетел, и он сейчас же поднялся и отпер ворота и ввел везиря с юношей и посадил их под дерево, покрытое плодами и дававшее большую тень, и сказал: «Сидите в этом месте, но ни за что не входите в сад. Там есть потайная дверь, которая ведет в дворец царевны Хайят ан-Нуфус». — «Мы не сойдем с места», — сказали они ему.

И старик садовник пошел купить им то, что они велели, и отсутствовал некоторое время, а потом он пришел к ним с носильщиком, у которого на голове

был жареный барашек и хлеб, и они поели вместе и выпили и поговорили немного, а потом везирь осмотрелся и стал оборачиваться направо и налево, смотря во все стороны сада, и увидел в глубине его дворец, который был высоко построен, но обветшал, и со стен его облупилась известка, и углы его обвалились. «О старец,—спросил тогда везирь,—этот сад—твоя собственность или ты его нанимаешь?» — «О владыка,—ответил садовник,—он не моя собственность, и я его не нанимаю. Я его только сторожу».— «А какое у тебя жалованье?» — спросил везирь. И садовник ответил: «О господин, каждый месяц—динар».— «Тебя обидели, особенно если ты семейный»,—сказал везирь. И старец воскликнул: «Клянусь Аллахом, о господин, у меня семья—восемь детей да я сам».— «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!»—воскликнул везирь.— «Клянусь Аллахом, ты обременил меня своей заботой, о бедняга! Но что ты скажешь о том, кто сделает с тобой благое ради твоей семьи, которая с тобою?» — «О владыка,—отвечал старец,—что бы ты ни сделал благого, это будет для тебя сокровищем у Аллаха великого».— «Знай, о старец,—сказал везирь,—что этот сад—красивое место и в нем стоит этот дворец, но только он ветхий, развалившийся. Я хочу его поправить и выбелить и выкрасить, чтобы это место стало самым прекрасным во всем саду. И когда придет хозяин сада и увидит, что дворец отстроен и стал красивым, он непременно спросит тебя, кто его отстроил, и если он тебя спросит, скажи ему: «Это я, о владыка, его отстроил. Я видел, что он развалился и никто им не пользуется и не может в нем жить, так как он разрушен и заброшен, и вот я и отстроил его и потратился». А если он тебе скажет: «Откуда у тебя деньги, которые ты на него истратил?» — скажи: «Из моих собственных денег. Я хотел обелить перед тобою лицо и надеялся на твою милость». И он непременно наградит тебя за то, что ты потратил на дворец. А завтра я позову строителей, штукатуров и маляров, чтобы они привели это место в порядок, и дам тебе то, что обещал». И он вынул из-за пазухи мешок, в котором было пятьсот динаров, и сказал садовнику: «Возьми эти динары и трать их на твою семью, и пусть они призовут благо на меня и на моего сына».

И царевич спросил его: «Какая этому причина?» И везирь сказал: «Тебе скоро станет ясна польза от этого». И старик посмотрел на золото, и его ум вышел, и он бросился к ногам везиря и стал их целовать, желая блага везирю и его сыну, а когда они уходили, он сказал им: «Завтра я буду вас ожидать, и пусть не разлучит меня с вами Аллах великий ни ночью, ни днем!»

И наступил следующий день, и везирь пошел на то место и велел позвать начальника строителей. И когда тот явился, везирь взял его и отправился в сад, и, увидев его, садовник обрадовался. А везирь дал начальнику денег на содержание рабочих и на то, что им было нужно для починки дворца, и они его отстроили, побелили и покрасили, и тогда везирь сказал малярам: «О мастера, прислушайтесь к моим словам и поймите мою цель и намерения. Знайте, что у меня есть сад, такой же, как это место, и я спал в нем однажды ночью и увидел во сне, что охотник расставил сети и насыпал вокруг них пшено. И собрались птицы, чтобы клевать пшено, и попал один самец в сеть, и все птицы разлетелись от него, и между ними была самка этого самца. И самка исчезла на некоторое время, а потом вернулась одна и разорвала петлю, в которой была нога самца, и освободила его, и он улетел. А охотник в это время спал, и, проснувшись от сна, он увидел, что сеть не в порядке, и поправил ее, и снова, во второй раз, насыпал пшено и сел поодаль, ожидая, пока в его сеть попадет дичь. И птицы прилетели клевать зерно и подошли к сети, и самка была среди них, и она запуталась в сети, и улетели от нее все птицы, среди которых был и ее самец. И он не вернулся к ней, и охотник подошел и взял птичку и зарезал ее. А что касается самца, то, когда он улетел с птицами, его схватил хищник из хищников и убил его и выпил его кровь и съел его мясо. И я желаю от вас, чтобы вы нарисовали мне весь этот сон в том виде, как я вам говорил, хорошим маслом. Изобразите эту картину в саду, с его стенами, деревьями и птицами, и нарисуйте изображение охотника и его сети и все, что случилось у самца с хищником, когда тот его схватил. И когда вы сделаете то, что я вам объяснил, и я увижу картину и она мне понравится, я награжу вас, сверх платы, тем, что обрадует вам сердце». И когда маляры

услышали слова везиря, они стали трудиться над раскраской и сделали ее совершенной до предела. И когда это было кончено и завершено, они показали картину везирю, и она ему понравилась, и он увидел, что сон, который он описал малярам, нарисован словно это на самом деле, и поблагодарил их и наградил обильными наградами.

А потом пришел царевич, по своему обычаю, и подошел к этому дворцу (а он не знал о том, что сделал везирь) и посмотрел на него, и увидел изображение сада и охотника, сети, и птиц, и самца, который был в когтях хищника, и тот убил его и выпил его кровь и съел его мясо. И смутился ум царевича, и он вернулся к везирю и сказал ему: «О везирь благого разума, я увидел сегодня такое чудо, что, будь оно написано иглами в уголках глаза, оно было бы назиданием для поучающихся». — «А каково оно, о господин?» — спросил везирь, и юноша ответил: «Рассказывал ли я тебе о сне, который видела царица, и о том, что он был причиной ее ненависти к мужчинам?» — «Да, рассказывал», — отвечал везирь. И юноша воскликнул: «Клянусь Аллахом, о везирь, я увидел этот сон изображенным среди того, что нарисовано здесь маслом, так, будто вижу его воочию, и увидал я нечто другое, что осталось скрытым от царицы и чего она не видела, и на это следует опираться, чтобы достичь желаемого!» — «А что же это, о дитя мое?» — спросил везирь. И юноша сказал: «Я увидел, что самца, который улетел от самки, когда она попала в сеть, и не вернулся к ней, схватил хищник и убил его и выпил его кровь и съел его мясо. О, если бы царица увидела весь сон целиком и всю историю до конца и увидала бы, что самца схватил хищник, и в этом причина того, что он не вернулся к самке и не освободил ее из сети!» — «О счастливый царь, — воскликнул везирь, — клянусь Аллахом, это поистине дивное дело, и принадлежит оно к диковинам!» А царевич дивился этому рисунку маслом и жалел, что царица не увидела сна до конца, и говорил про себя: «О, если бы она увидала этот сон до конца или увидала бы его целиком второй раз, хотя бы в пучках сновидений!» А везирь сказал ему: «Ты спрашивал меня: «Почему ты строишь в этом месте?» И я ответил: «Тебе станет ясна польза от этого». И теперь тебе стало ясно, в чем тут

польза. Это я сделал такое дело, и я велел малярам изобразить тот сон и нарисовать самца в когтях хищника, который убил его и выпил его кровь и съел его мясо. И когда царевна спустится и посмотрит на этот рисунок, она увидит изображение сна и увидит самца, которого убил хищник, и простит его и перестанет ненавидеть мужчин».

И царевич, услышав эти слова, поцеловал везиру руки и поблагодарил его за его дело и воскликнул: «Подобный тебе да будет везирем царя величайшего! Клянусь Аллахом, если я достигну желаемого и вернусь радостный к царю, я осведомлю его об этом, чтобы он оказал тебе еще большее уважение и возвысил твой сан и слушал бы твои слова». И везирь поцеловал у него руку, и потом они пошли к старику садовнику и сказали ему: «Посмотри на это место — как оно прекрасно!» И старик воскликнул: «Все это по вашему счастью!» — «О старец, — сказали они потом, — если спросят тебя хозяева этого места, кто отстроил этот дворец, скажи им: «Я отстроил его на свои деньги, чтобы досталось тебе благо и награда». И старик отвечал: «Слушаю и повинуюсь».

И царевич не оставлял этого старика, и вот что случилось с везирем и царевичем.

Что же касается Хайят ан-Нуфус, то, когда прекратились письма к ней и послания и исчезла старуха, она обрадовалась сильной радостью и подумала, что юноша уехал в свою страну. И когда наступил какой-то день, принесли ей покрытое блюдо от ее отца. И, открыв его, она нашла в нем прекрасные плоды. И она спросила и сказала: «Разве пришло время для этих плодов?» И ей ответили: — «Да». И тогда она воскликнула: «Что, если бы мне приготовиться к прогулке в саду!» И ее невольницы сказали ей: «Прекрасная мысль, о госпожа! Клянемся Аллахом, мы стосковались по этому саду». И царевна спросила: «Как же поступить? Ведь каждый год нас водит по саду и показывает нам в нем разные деревья только няня, а я прибила ее и запретила ей ходить ко мне. Я раскаиваюсь в том, что из-за меня с нею было, так как она, при всех обстоятельствах, моя няня и я обязана ей воспитанием. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!»

И когда невольницы услышали от царевны такие слова, они все поднялись и поцеловали землю меж ее рук и сказали: «Ради Аллаха, о госпожа, прости ее и прикажи ее привести!» И царевна ответила: «Клянусь Аллахом, я решилась на это дело! Кто же из вас пойдет к ней? Я приготовила ей роскошную одежду».

И подошли к царевне две невольницы, одну из которых звали Бульбуль, а другую звали Савад аль-айн* (а это были старшие невольницы царевны и приближенные к ней, и они обладали красотой и прелестью), и сказали: «Мы пойдем к ней, о царевна». И девушка молвила: «Делайте, что вам вздумается!»

И они пошли к дому няньки и постучали в ворота и вошли к ней, и, узнав их, старуха встретила их объятиями и приветствовала их, и когда невольницы уселись, они сказали: «О нянюшка, царевна произнесла прощение и смиловалась над тобой». И старуха воскликнула: «Не будет этого никогда, хотя бы меня напоили из чаш смерти! Разве я забыла, как меня пытали перед любящими и ненавистниками, когда окрасилась моя одежда кровью и я чуть не умерла от жестоких побоев, а затем меня потащили за ноги, точно дохлую собаку, и выбросили за ворота! Клянусь Аллахом, я не вернусь к ней никогда и не наполню моих глаз ее видом!» И невольницы сказали ей: «Не делай нашего старания напрасным! Где же твое уважение к нам? Посмотри, кто к тебе явился и вошел к тебе,— разве ты хочешь кого-нибудь, кто выше нас по положению у царевны?» И старуха воскликнула: «Прибегаю к Аллаху! Я знаю, что мой сан меньше вашего, но только царевна возвысила мой сан в глазах своих невольниц и слуг, и когда я сердилась на самую старшую из них, она умирала живьем». — «Дело осталось как было и ни в чем не изменилось — напротив, оно еще лучше, чем ты думаешь,— сказали невольницы.— Царевна унизилась перед тобой и ищет мира без посредников». — «Клянусь Аллахом,— воскликнула старуха,— если бы не ваш приход ко мне, я бы к ней не вернулась, хотя бы она приказала меня убить!»

И невольницы поблагодарили ее за это, и старуха тотчас же поднялась и надела свою одежду и вышла с ними. И они шли вместе, пока старуха не вошла к царевне, и когда она вошла к ней, царевна поднялась на ноги, а нянька воскликнула: «Аллах, Аллах, о

царевна,—ошибка от меня или от тебя?» — «Ошибка от меня, а прощение и милость — от тебя,— сказала царевна.— Клянусь Аллахом, о нянюшка, твой сан у меня высок, и я обязана тебе воспитанием. Но ты знаешь, что Аллах — велик он и славен! — определил тварям четыре вещи: сотворение, жизнь, надел и срок, и не во власти человека отвратить приговор. Я не совладала со своей душой и не могла удержать ее, и я раскаялась в том, что сделала, о нянюшка!»

И тогда прошел гнев, охвативший старуху, и она поднялась и поцеловала землю меж рук царевны, и та приказала подать роскошную одежду и облачила в нее старуху, и старуха до крайности обрадовалась этой одежде,—ведь евнухи и невольницы стояли перед ней. И когда собрание закончилось, царевна спросила: «О нянюшка, как обстоит дело с плодами и нашими плодовыми рощами?» И старуха ответила: «Клянусь Аллахом, о госпожа, я видела большинство плодов в городе, и сегодня я разузнаю об этом деле и дам тебе ответ». И она вышла от царевны, удостоившись величайшего почета, и отправилась и пришла к царевичу, и тот радостно встретил старуху и обнял ее и возвеселился из-за ее прихода. И сердце его расправилось, так как он долго ожидал, когда ее увидит. И старуха рассказала ему о том, что случилось у нее с царевной, и о том, что та спустится в сад в такой-то день, и спросила: «Сделал ли ты то, что я тебе велела с привратником сада и достигло ли его что-нибудь из твоей милости?» — «Да,—отвечал царевич.— Он стал моим другом, и его путь — мой путь, и у него на уме, чтобы случилось у меня какое-нибудь до него дело». И потом он рассказал ей, что произошло у него с везирем и как тот велел нарисовать сон, виденный царевной, и дело с охотником, сетью и хищником, и когда старуха услышала его речи, она обрадовалась сильной радостью и сказала царевичу: «Заклинаю тебя Аллахом, пусть будет твой везирь посредине твоего сердца — его поступки указывают на полноту его ума, и он помог тебе в достижении желаемого. Поднимайся сейчас же, о дитя мое, сходи в баню и надень самую роскошную твою одежду — у нас не осталось хитрости больше этой — и ступай к привратнику и сделай с ним хитрость, чтобы он дал тебе переночевать в саду — если бы ему наполнили всю землю золотом, он бы не дал

никому войти в сад. А когда войдешь, спрячься, чтобы не видели тебя глаза, и сиди, спрятавшись, пока не услышишь, как я скажу: «О тайно милостивый, спаси нас от того, что нас страшит!» И тогда выйди из-под прикрытия и покажи свою красоту и прелесть и спрячься между деревьями, ведь твоя красота смущает луны. Когда царевна Хайят ан-Нуфус увидит тебя, ее сердце и члены наполнятся любовью к тебе и ты достигнешь того, чего хочешь и желаешь, и забота твоя пройдет». И юноша сказал: «Слушаю и повинуюсь!» И вынул кошелек, в котором была тысяча динаров, и старуха взяла его и ушла. А царевич в тот же час и минуту вышел и пошел в баню и вымылся и надел лучшую одежду из одежд царей Хосроев и подпоясался поясом, в который он набрал всяких драгоценных камней, и надел тюрбан, вышитый нитками червонного золота и окаймленный жемчугом и яхонтами. И щеки его горели, и уста его алели, и глаза его пленяли газелей, и он покачивался словно захмелевший, и покрывала его красота и прелесть, и позорил ветви его гибкий стан.

И царевич положил за пазуху мешок, в котором была тысяча динаров, и пришел к саду. Он постучал в ворота, и привратник откликнулся и отпер ворота и, увидав царевича, сильно обрадовался и приветствовал его самым пышным приветом. И он увидел, что лицо юноши нахмурено, и спросил его, что с ним, и царевич сказал: «Знай, о старец, что я у моего отца в почете и он никогда не касался меня рукой до сегодняшнего дня. У нас с ним случился разговор, и он выбранил меня и ударил меня по лицу и побил палкой и выгнал, и я не знал ни одного друга и испугался обмана времени, а ты знаешь, что гнев родителей — дело не маленькое. И я пришел к тебе, о дядюшка, — мой отец о тебе осведомлен, — и хочу от твоей милости, чтобы я мог остаться в саду до конца дня или переночевать в нем, пока не исправит Аллах дело между мной и моим отцом».

И когда садовник слышал слова юноши, он огорчился из-за того, что случилось у него с отцом, и сказал: «О господин, позволишь ли ты мне сходить к твоему отцу и войти к нему и быть причиной примирения между вами?» И юноша сказал: «О дядюшка, знай, что у моего отца нрав непосильный, и если ты

заговоришь с ним о мире, когда он будет в пылу гнева, он к тебе не повернется». — «Слушаю и повинуюсь! — сказал садовник. — Но пойдем, о господин, со мною ко мне домой — я положу тебя на ночь между детьми и женой, и никто нас не осудит». — «О дядюшка, я всегда остаюсь один, когда я в гневе», — отвечал царевич, и садовник сказал: «Мне тяжело, что ты будешь спать один, в саду, когда у меня есть дом». — «О батюшка, я делаю это с целью, чтобы прошел у меня приступ гнева, и я знаю, что мой отец простит меня из-за этого и его сердце ко мне смягчится», — сказал царевич. «Если уж это неизбежно, — молвил садовник, — я принесу тебе постель, чтобы на ней спать, и одеяло, чтобы покрыться». — «О дядюшка, в этом нет дурного», — ответил царевич. И старик поднялся и отпер ворота сада и принес ему постель и одеяло (а старик не знал, что царевна хочет выйти в сад).

Вот что было с царевичем. Что же касается до няньки, то она отправилась к царевне и рассказала ей, что плоды стали хороши на деревьях, и девушка сказала: «О няня, сойдем со мной в сад и погуляем завтра, если захочет Аллах великий. Пошли к сторожу и осведоми его, что мы будем завтра у него в саду». И старуха послала сказать садовнику, что царевна будет завтра у него в саду и чтобы он не оставлял в саду поливальщиков или рабочих и не давал никому из всех созданий Аллаха войти в сад. И когда пришло к старику известие от царевны, он привел протоки в порядок и встретился с царевичем и сказал ему: «Царевна — владелица этого сада, и ты, о господин мой, простишь, и это место — твое место, а я живу только твоими милостями, но мой язык у меня под ногами. И я уведомляю тебя, что царевна Хайят ан-Нуфус хочет спуститься в сад завтра в начале дня и приказала мне не давать никому в саду ее увидеть. И я хочу от твоей милости, чтобы ты вышел сегодня из сада; царевна останется здесь только сегодняшней день до послеполуденного времени, а потом сад будет твой на месяцы, века и годы». — «О старец, — сказал царевич, — может быть, тебе досталось из-за нас дурное?» И садовник воскликнул: «Нет, клянусь Аллахом, о мой владыка, мне достался из-за тебя один почет!» И тогда юноша молвил: «Если так, то тебе достанется от нас только всяческое благо. Я спрячусь в этом саду, и

никто меня не увидит, пока царица не уйдет к себе во дворец». — «О господин, — сказал садовник, — если она увидит тень человека из созданий Аллаха великого, она отрубит мне голову». И юноша молвил: «Я не дам никому увидеть себя вообще и совершенно. Нет сомнения, что тебе сегодня не хватает на расходы для твоей семьи». И он протянул руку к мешку и вынул оттуда пятьсот динаров и сказал старику: «Возьми это золото и трать на твоих родных, и пусть твое сердце за них успокоится». И когда старик взглянул на золото, его душа стала для него ничтожной, и он подтвердил царевичу, чтобы тот не появлялся в саду, и оставил его сидеть там. И вот что было с садовником и сыном царя.

Что же касается царицы, то, когда наступило утро следующего дня, к ней вошли ее слуги и она приказала открыть потайную дверь, которая вела в сад, где стоял дворец, и надела царственную одежду, украшенную жемчугом, яхонтами и драгоценностями, и под одежду она надела тонкую рубашку, украшенную яхонтами, а под всем этим было то, что бессилён описать язык, от чего смущается душа и от любви к чему становится храбрым трус. А на голове у нее был венец из червонного золота, украшенный жемчугом и драгоценными камнями, и она ходила в башмачках со свежим жемчугом, сделанных из червонного золота и украшенных драгоценными камнями и металлами. И она положила руку на плечо старухи и велела выходить через потайную дверь, и вдруг старуха посмотрела в сад и увидела, что он наполнился слугами и невольницами, которые ели плоды и мутили каналы, желая насладиться в этот день игрой и прогулкой, и сказала царице: «Ты обладаешь обильным умом и полной сообразительностью и знаешь, что тебе не нужны в саду эти слуги. Если бы ты выходила из дворца твоего отца, их выход с тобою был бы, конечно, для тебя почетом, но ведь ты, о госпожа, выходишь через потайную дверь в сад, так что не видит тебя никто из тварей Аллаха великого». — «Ты права, о нянюшка. Как же нам поступить?» — спросила царица, и старуха сказала ей: «Прикажи слугам, чтобы они вернулись. Я говорю тебе об этом только из уважения к царю». И царица велела слугам вернуться, и нянька сказала ей: «Остались еще некоторые слуги, которые хотят порчи на земле; отпусти их и оставь при себе

только двух невольниц, чтобы мы повеселились с ними». И когда нянька увидела, что сердце царевны прояснилось и время стало для нее безоблачным, она сказала: «Вот теперь мы сделаем хорошую прогулку. Пойдем сейчас в сад». И царевна поднялась и положила руку няньке на плечо и вышла через потайную дверь, и ее невольницы шли перед нею, и царевна смеялась над ними, покачиваясь в своих одеждах. А нянька шла впереди нее и показывала царевне деревья и кормила ее плодами. И она ходила с места на место и шла до тех пор, пока не дошла до дворца. И когда царевна посмотрела на него, она увидела, что он обновлен, и воскликнула: «О нянюшка, разве ты не видишь, что колонны дворца отстроены и стены выбелены?» — «Клянусь Аллахом, о госпожа, — сказала нянька, — я слышала разговоры, будто садовник взял у некоторых торговцев материю и продал ее и купил на вырученные деньги кирпича, известки, гипса, камней и прочего, и я спросила его, что он с этим сделает, и он сказал мне: «Я отстроил дворец, который был заброшен», а потом старик говорил: «Купцы потребовали с меня то, что я им должен, и я сказал им: «Вот царевна спустится в сад и увидит постройку, и она ей понравится. И когда царевна придет, я возьму то, что она мне пожалует, и отдам купцам долг и все, что им следует». И я спросила его: «Что побудило тебя к этому?» И он сказал мне: «Я увидел, что дворец развалился и колонны его разрушены и штукатурка на нем облупилась, и ни в ком не видел я щедрости, чтобы отстроить его. И тогда я занял денег на свой страх и отстроил его и надеюсь, что царевна сделает то, что ее достойно». И я сказала ему: «Царевна вся — благо и возмещение». И он сделал все это, только желая от тебя милости». — «Клянусь Аллахом, — воскликнула царевна, — он отстроил дворец из благородства и сделал дело великодушных! Позови ко мне казначейшу!»

И нянька позвала казначейшу, и та тотчас же явилась к царевне, и царевна приказала ей дать садовнику две тысячи динаров, и старуха послала к садовнику человека, и посланный, придя к нему, сказал: «Тебе надлежит исполнить приказание царевны». И когда садовник услышал от посланного эти слова, суставы его задрожали, и сила его ослабла, и он

сказал про себя: «Нет сомнения, что царевна увидела юношу, и будет этот день для меня днем самым злосчастливым». И он вышел и пошел домой и осведомил обо всем свою жену и детей и сделал завещание и простился с ними, и они стали его оплакивать, а он пошел и остановился перед царевной, и лицо его было как шафран, и он едва не падал во всю длину. И старуха заметила это и помогла ему словами и сказала: «О старец, целуй землю, благодари Аллаха великого и вознеси молитвы за царевну. Я осведомила ее о том, что ты сделал, отстроив заброшенный дворец, и она обрадовалась и пожаловала тебе за это две тысячи динаров. Возьми их у казначейши и молись за царевну и поцелуй перед ней землю, а потом возвращайся своей дорогой».

И садовник, услышав от няньки эти слова, взял две тысячи динаров и поцеловал землю меж рук царской дочери и пожелал ей блага, а потом он вернулся в свое жилище, и его родные обрадовались и пожелали блага тому, кто был причиною всего этого, и вот что было с ними.

Что же касается старухи, то она сказала: «О госпожа, это место стало красивым, и я никогда не видела известки чище этой и масла лучше этого. Посмотреть бы, поправил ли он дворец снаружи и внутри, или покрыл его снаружи штукатуркой, а внутри сажай. Войдем посмотрим на него внутри».

И нянька вошла, а сзади нее царевна, и они увидели, что дворец разрисован и украшен внутри самыми лучшими рисунками. И царевна посмотрела направо и налево и дошла до середины портика, и тогда она взглянула на него и долго на него смотрела, и нянька поняла, что ее глаза заметили изображение сна. И она подозвала обеих невольниц к себе, чтобы они не отвлекали царевны. Когда царевна увидела изображение сна, она обратилась к старухе, удивленная, ударяя рукой об руку, и сказала: «О няня, пойди посмотри на вещь столь удивительную, что будь она написана иглами в уголках глаз, она была бы назидающим для поучающихся». — «А что это такое, о госпожа?» — спросила старуха, и царевна сказала: «Войди в середину портика и посмотри, и о том, что увидишь, осведоми меня». И старуха вошла и всмотрелась в изображение сна и вышла, удивленная, и воскликну-

ла: «Клянусь Аллахом, о госпожа, это изображение сада, охотника и сетей и всего, что ты видела во сне. И удержало самца, когда он улетел, от возвращения к самке и освобождения ее из сетей охотника только великое препятствие. Я увидела, что он в когтях хищника и тот его убил, выпил его кровь, разорвал его мясо и съел его, и в этом, о госпожа, причина того, что он задержался и не вернулся к самке и не освободил ее из сети. Но диво, о госпожа моя, в том, что этот сон нарисован красками, и если бы ты захотела это сделать, ты была бы не в силах его изобразить. Клянусь Аллахом, это вещь диковинная, которую должно записать в книгах! Но, может быть, о госпожа, ангелы, приставленные к сынам Адама, узнали, что птица-самец обижена, так как мы ее обидели, упрекая ее за то, что она не вернулась, и выставили доказательство за самца и показали, в чем его оправдание. Вот я его сию минуту увидела убитого, в когтях хищника».— «О нянюшка,—сказала царевна,—это птица, над которой исполнился суд и приговор, а мы ее обидели».— «О госпожа, меж рук Аллаха великого встретятся тяжущиеся,—ответила старуха.—Но нам стала видна истина, о госпожа, и выяснилось, в чем оправдание птицы-самца. Если бы в него не вцепились когти хищника, который убил его и выпил его кровь и съел его мясо, он бы не задержался и вернулся к своей самке. Наоборот, он возвращался к ней, чтобы освободить ее из сети, но против смерти нет хитрости. А сын Адама—тем более: он будет морить себя голодом и накормит жену, и разденет себя, а жену оденет; он прогневит своих родных, а ее умилоstit, и послушается и откажет родителям, а жене даст. Она знает его тайные и скрытые помыслы и не может вытерпеть без него одну минуту, и если бы он отлучился на одну ночь, ее глаза бы не заснули. У нее нет никого дороже его, и она дорожит им больше, чем родителями, и, ложась спать, они обнимаются, и муж кладет руку под голову жены, и она кладет руку под голову мужу.

А после этого муж целует жену, а жена целует мужа. Среди того, что случилось у одного царя с его женой, было то, что она заболела и умерла и он похоронил себя с нею, будучи жив, и согласился на смерть из любви к жене и крайней привязанности,

бывшей между ними. То же случилось, когда один царь заболел и умер и его захотели похоронить, и его жена сказала родным: «Дайте мне похоронить себя с ним заживо, а иначе я убью себя и это будет на вашей совести». И когда поняли, что она не отступится от этого, ее оставили, и она бросилась в могилу к мужу от крайней любви к нему и сожаления о нем».

И старуха до тех пор рассказывала царевне истории, повествующие о мужчинах и женщинах, пока не прошла бывшая у нее в сердце ненависть к мужчинам. И когда старуха поняла, что у царевны вновь возникла любовь к мужчинам, она сказала: «Теперь настало нам время погулять в саду». И они вышли из дворца и стали ходить между деревьями и царевич бросил взгляд, и его взор упал на царевну, и он увидал ее облик и стройный ее стан, и ее розовые щеки, черные глаза, великое изящество, блестящую красоту и полное совершенство, и его ум был ошеломлен, и взор его устремился к ней, и исчезло в любви его здоровое разумение. И страсть перешла в нем предел, и все внутри его запылало огнем страсти, и его покрыло беспамятство, и он упал на землю в забытьи. А очнувшись, он увидел, что царевна исчезла с его глаз и скрылась от него среди деревьев.

А старуха до тех пор водила царевну по саду, пока не дошла до того места, где был царевич. И тогда старуха вдруг сказала: «О тайно милостивый, избавь нас от того, что нас страшит!» И когда царевич услышал знак, он вышел из-под прикрытия и принял самодовольный и высокомерный вид и стал ходить среди деревьев, смущая своим станом ветви, и лоб его был окаймлен капельками пота, а щеки его стали как заря — слава Аллаху великому за то, что он создал! И царевна бросила взгляд и увидела юношу. И, увидев его, она надолго устремила на него взор и увидела его красоту и прелесть, и его глаза, которые пленяли газелей, и его стройный стан, позоривший ветви ив. И царевич ошеломил ее ум и похитил ее разум и поразил ее стрелами глаз в сердце, и царевна спросила старуху: «О няня, откуда у нас этот юноша, прекрасный видом?» — «Где он, о госпожа?» — спросила старуха, и царевна ответила: — «Вот он, близко, среди деревьев».

И старуха стала оглядываться направо и налево, словно она ничего о нем не ведала, и спросила: «А кто

показал этому юноше дорогу в этот сад?» И Хайят ан-Нуфус воскликнула: «О, кто расскажет нам об этом юноше — слава тому, кто создал мужчин! А ты, о няня, знаешь его?» — «О госпожа, это тот юноша, который посылал тебе со мной послания», — ответила старуха, и царица (а она потонула в море любви и в огне страсти и увлечения) воскликнула: «О нянюшка, как этот юноша прекрасен! Поистине он красив видом, и я думаю, что на лице земли нет никого лучше».

И когда старуха поняла, что любовь к юноше овладела царицей, она молвила: «Разве я не говорила тебе, о госпожа, что это красивый юноша со светлым ликом?» И царица сказала ей: «О нянюшка, царские дети не знают обстоятельств земной жизни и не знают качеств тех, кто есть на земле, и они ни с кем не общаются, не берут и не дают. О нянюшка, как до него добраться и какой хитростью обратить мне к нему лицо, и что я скажу ему, и он мне скажет?» — «А какая есть теперь у меня в руках хитрость?» — ответила старуха. — «Мы не знаем, как поступить в этом деле из-за тебя». — «О нянюшка, — воскликнула царица, — знай, что никто не умер от страсти, кроме меня! Я уверена, что умру сейчас же, и все это из-за огня любви».

И когда старуха услышала слова девушки и увидела ее страсть в любви к юноше, она сказала: «О госпожа, что касается до его прихода к тебе, то к этому нет пути, а тебе простительно, что ты не пошла к нему, потому что ты молоденькая. Но идем со мной, и я буду идти впереди, пока ты не дойдешь до него, и я стану с ним разговаривать, так что тебе не будет стыдно, и в один миг у вас с ним возникнет дружба». — «Иди впереди меня — приговора Аллаха не отворотить», — сказала царица. И нянька с царицей пошли и подошли к царевичу, который сидел, подобный луне в ее полноте. И когда они подошли к нему, старуха сказала: «Посмотри, о юноша, кто пришел к тебе — это дочь царя времени, Хайят ан-Нуфус. Узнай же ей цену и значение того, что она пошла и пришла к тебе. Встань из уважения к ней и стой перед нею на ногах». И царевич в тот же час и минуту поднялся на ноги, и его взор встретился с ее взором, и оба они стали как пьяные, без вина, и еще увеличилась любовь царевича и его страсть к ней. И царица раскинула руки, и

юноша также, и они обнялись, охваченные крайним томлением, и одолела их любовь и страсть, и покрыло их беспамятство, и они упали на землю, и оставались без чувств долгое время. И старуха испугалась позора и внесла их во дворец и села у дверей его, а невольницам она сказала: «Пользуйтесь и гуляйте,—царевна спит». И невольницы снова пошли гулять. А влюбленные очнулись от забытья и увидели себя внутри дворца, и юноша сказал царевне: «Заклинаю тебя Аллахом, о владычица красавиц,—сон ли это, или пучки сновидений?» И затем они обнялись и опьянели без вина и стали жаловаться на волнение страсти, и юноша произнес такие стихи:

Восходит с лица ее сияющий солнца лик,
И так же со щек ее румянец зари блеснит.

Когда появляется смотрящим лицо ее,
Смущенно скрывается звезда в небесах пред ним.

Когда же появятся улыбки ее лучи,
Свет утра блеснет, и мрака тучи рассеет он.

А если свой гибкий стан склонить она вздумает,
Ревнует ее тогда ветвь ивы в листве своей.

Достаточно видеть мне ее, и доволен я,
Спаси, сохрани ее людей и зари господь!

Луне она в долг дала частицу красот своих,
Хотело с ней сходным солнце быть—не могло оно.

Откуда взять солнцу мягкость нежных боков ее,
Откуда взять месяцу и внешность и нрав ее?

Кто может меня корить за то, что я весь в любви,
И то разделяюсь в ней, то вновь безразделен я?

Моим овладела сердцем, раз лишь взглянув она,
И что уберечь могло бы сердце влюбленное?

Когда царевич окончил свои стихи, царевна прижала его к груди и поцеловала в уста и меж глаз, и душа вернулась к юноше, и он принялся сетовать ей на силу страсти, которую испытывал, и жестокость любви и великую тоску и волнение и на то, что случилось с ним из-за суровости ее сердца. И царевна, услышав его слова, стала целовать ему руки и ноги, обнажила голову, и потемнело на земле, и засияла над ней луна. «О любимый, о предел моих желаний,—да не

будет дня разлуки и да не заставит его Аллах к нам вернуться!» — сказала царевна. И они обнялись и стали плакать, и царевна произнесла такие стихи:

О солнце дня смутивший и лик луны,
Велел убить чертам меня дивным ты.

Сразил мечом он глаз меня режущим,
Куда бежать от глаз меча острого?

С бровей, как лук, мне в сердце разящая
Стрела огня и страсти вонзилася,

А щек плоды мне рай сулят розовых —
Стерпеть могу и их не рвать разве я?

Твой гибкий стан — расцветшая ивы ветвь,
Плоды ее срывать должно любящим.

Влечешь меня насильно ты, сна лишив,
Забыла стыд в любви к тебе всякий я.

Аллах тебе поможет пусть светом дня,
Приблизив даль и миг, когда свидимся!

Так сжался же над сердцем страдающим
И помощи высот твоих ищущим!

А когда она окончила свои стихи, любовь залила ее, и она обезумела и стала плакать слезами обильными, струящимися и сожгла сердце юноши. И он сделался пленником любви к ней и обезумел и подошел к царевне и стал целовать ей руки и плакать сильным плачем. И они, не переставая, обменивались укорами, беседовали и говорили стихи, пока не раздался призыв к предвечерней молитве, и не было между ними ничего, кроме этого.

И они собрались уходить, и царевна сказала юноше: «О свет моего глаза и последний вздох моего сердца, теперь время разлуки, но когда же будет встреча?» А юноша, которого пронзили стрелы ее слов, воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не люблю упоминания о разлуке!» И затем царевна вышла из дворца, и Ардешир посмотрел на нее и увидел, что она издает стоны, от которых расплавится камень, и плачет слезами, подобными дождю, и он потонул от любви в море бедствий и произнес такие стихи:

Желанная сердца, все больше я занят
Любовью к тебе, как теперь ухитриться?

Твой лик, точно утро, когда оно встанет,
А кудри напомнили цветом мрак ночи.

Твой стан — точно ветвь, когда гнется она,
Коль северный ветер ее закачает.

А глаз твоих взоры — газелям подобны,
Когда на них взглянут достойные люди.

Твой стан изнурен отягчающим задом —
Ведь тяжек он так, а твой стан легковесен.

Вино влаги уст твоих — лучший напиток,
Как мускус пахуч он и чист и прохладен.

Газель из степей, перестань же грустить,
Будь щедрой ко мне и пришли мне хоть призрак.

И когда царица услышала эти слова, сказанные для восхваления ее, она вернулась к юноше и обняла его с горящим сердцем, где разлука разжигала огонь, который гасили лишь поцелуи и объятия, и молвила: «Сказал сложивший ходячую поговорку — терпеть без любимого, но не утратить его, — и я непременно придумаю хитрость, чтобы нам встретиться». И потом она простилась с юношей и ушла, не зная, от сильной любви, куда она ставит ноги, и шла до тех пор, пока не увидела себя в своей комнате.

Что же касается юноши, то тоска и безумие его усилились, и он лишился сладости сна. А царица не вкушала пищи, и истощилось ее терпение, и стойкость ее ослабела. Когда наступило утро, она позвала няньку, и та явилась и увидела, что состояние царицы изменилось. «Не спрашивай, что со мной: все, что со мной — дело твоих рук», — сказала царица. И потом она спросила: «Где любимый моего сердца?» — «О госпожа, — сказала старуха, — а когда он с тобой расстался? Разве он был вдали от тебя дольше, чем одну ночь?» — «А разве мне возможно вытерпеть без него и одну минуту! — воскликнула царица. — Поднимайся, придумай хитрость и сведи меня с ним поскорее, — душа моя почти из меня выходит». — «Продли терпение, о госпожа, пока я не придумаю для вас тонкого дела, о котором никто не узнает», — сказала нянька, и царица воскликнула: «Клянусь великим Аллахом, если ты не приведешь его сегодня, я обязательно скажу царю и расскажу ему, что ты меня испортила, и он сбросит тебе голову!» — «Прошу тебя ради Аллаха, потерпи со

мной, ибо это дело опасное», — сказала старуха. И она до тех пор унижалась перед царевной, пока не уговорила ее потерпеть три дня, и потом царевна сказала ей: «О няня, эти три дня стоят для меня трех лет. Если пройдет четвертый день и ты его ко мне не приведешь, я постараюсь тебя убить».

И нянька вышла от царевны и отправилась в свое жилище, а когда наступило утро четвертого дня, она позвала всех горничных города и потребовала от них хороших красок, чтобы раскрасить невинную девушку, разрисовать и расписать ее, и они принесли ей требуемое, лучшего, какой только есть, сорта. А затем она позвала юношу, и когда тот явился, открыла сундук и вынула из него узел, в котором было платье из женских одежд, стоящее пять тысяч динаров, и повязку, обшитую всевозможными драгоценными камнями, и сказала: «О дитя мое, хочешь ли ты встретиться с Хайят ан-Нуфус?» И царевич ответил: «Да!» И тогда старуха взяла щипчики и выщипала на лице у царевича волосы и насурмила его и потом она обнажила его и наложила узоры ему на руки, от ногтей до плеча, и на ноги, от плюсны до бедер, и расписала ему все тело, и узоры стали подобны красной розе на плитках мрамора. А после этого, через небольшое всемя, она вымыла юношу и почистила его и вынесла ему рубаху и исподнее и потом одела его в ту царственную одежду с повязкой и покрывалом и научила его, как ходить, и сказала: «Выставляй левую ногу, и отставляй правую». И юноша сделал так, как она ему велела, и пошел перед ней, и стал он подобен гурии, вышедшей из рая. И старуха сказала ему: «Укрепи свое сердце — ты идешь к царскому дворцу, и обязательно будут у ворот солдаты и слуги. И если ты их испугаешься или охватит тебя страх, они начнут в тебя всматриваться и узнают тебя, — постигнет нас вред, и пропадут наши души. И если нет у тебя силы на это, осведоми меня». — «Это дело меня не страшит, будь же спокойна душою и прохлады глаза», — ответил царевич. И старуха вышла, идя впереди него, и они дошли до ворот дворца, перед которыми было полно евнухов, и старуха обернулась к юноше, чтобы посмотреть, охватил его страх или нет, и увидела, что он все такой же и не изменился. И когда старуха подошла, главный евнух посмотрел на нее и узнал ее, а

позади нее он увидел девушку, описание которой смущает умы, и сказал про себя: «Что до старухи, то это нянька, а что до той, которая сзади, то нет в нашей земле девушки, похожей на нее внешностью и близкой к ней по красоте и изяществу, если только это не царевна Хайят ан-Нуфус, но она взаперти и никогда не выходит. Если бы узнать, как она вышла на дорогу! Посмотреть бы, вышла ли она с позволения царя или без его позволения!»

И он поднялся на ноги, чтобы выяснить это дело, и за ним последовали около тридцати евнухов, и когда старуха увидела их, ее ум улетел, и она воскликнула: «Поистине мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Пропали наши души сейчас, нет сомнения!»

И когда главный евнух услышал слова старухи, его охватил страх, так как он знал ярость царевны и знал, что отец под ее властью. «Может быть, царь велел няньке взять свою дочь с собой, чтобы исполнить какое-нибудь дело, и не хочет, чтобы кто-нибудь о ней знал,—сказал он про себя.—Если я стану ей противодействовать, у нее в душе будет из-за меня нечто великое, и она скажет: «Этот евнух встал передо мною, чтобы раскрыть мои обстоятельства»,—и постарается меня убить. Нет мне нужды до этого дела». И он повернул назад, и тридцать евнухов вернулись с ним к воротам дворца и отогнали людей от дворцовых ворот, и тогда старуха вошла и поздоровалась с ними головой, и тридцать евнухов встали из уважения к ней и возвратили ей приветствие, и старуха вошла, и царевич вошел сзади, и они входили в разные двери, и прошли через все помещения, и покрывал их покрывающий, пока они не дошли до седьмой двери,—а это была дверь самого большого дворца, в котором находился царский престол, и через нее можно было пройти в комнаты наложниц, помещение гарема и дворец царской дочери. И старуха остановилась там и сказала: «О дитя мое, вот мы пришли сюда, да будет же хвала тому, кто привел нас к этому месту! О дитя мое, встреча придет к нам не раньше чем ночью, так как ночь — покров для боящегося». — «Ты права. Как же ухитриться?» — спросил царевич, и старуха сказала: «Спрячься в этом темном месте».

И царевич сел в колодец, а старуха отправилась в другое место и оставила юношу в колодце до тех пор,

пока день не повернул на закат, и тогда она пришла к нему и вытащила его из колодца, и они вошли в ворота дворца и входили в двери, пока не подошли к комнате Хайят ан-Нуфус. И нянька постучала в дверь, и вышла маленькая невольница и спросила: «Кто у дверей?» И нянька ответила: «Я». И тогда невольница вернулась и спросила у своей госпожи позволения няньке войти, и царевна сказала: «Открой ей и дай ей войти и тому, кто с нею». И оба вошли.

И когда они явились, нянька обернулась к Хайят ан-Нуфус и увидела, что та уже приготовила помещение и расставила светильники и покрыла скамеечки и портики коврами и положила подушки и зажгла свечи в золотых и серебряных подсвечниках. И она поставила трапезу и плоды и сладости и зажгла мускус, алоэ и амбру и села среди свечей и светильников, и свет ее лица был сильнее всего их света. И, увидев няньку, она спросила: «О няня, где возлюбленный моего сердца?» И старуха ответила: «О госпожа, я его не встречала, и мой глаз не падал на него, но я привела к тебе его сестру по отцу и по матери». — «Что ты — бесноватая? Нет мне нужды в его сестре! Разве, когда болит у человека голова, он перевязывает себе руку!» — воскликнула царевна. И нянька ответила: «Нет, клянусь Аллахом, о госпожа, но взгляни на нее, и если она тебе понравится, оставь ее у себя».

И она открыла лицо юноши, и когда царевна узнала его, она поднялась на ноги и прижала его к груди, и они упали на землю, покрытые беспамятством на долгое время. И нянька брызнула на них розовой водой, и они очнулись, и царевна поцеловала его в уста более чем тысячей поцелуев и воскликнула: «Разве правда, что я вижу тебя в моем жилище и ты мой собеседник и друг?»

И затем усилилась ее любовь, и измучило ее волнение, так что ум ее едва не улетел от радости.

А когда наступило утро, она ввела царевича в одну из своих комнат, и он не входил к ней, пока не пришла ночь. И тогда царевна привела его к себе, и они сели и стали беседовать. «Я хочу, — сказал царевич, — вернуться в мои земли и осведомить отца о твоих обстоятельствах, чтобы он послал к твоему отцу своего везиря и тот бы посватался к тебе у него». — «О любимый, — сказала царевна, — я боюсь, что ты

уйдешь в свою страну к власти и отвлечешься и забудешь любовь ко мне, или твой отец не будет согласен с твоими словами, и тогда я умру, и конец. Правильное решение, чтобы ты остался со мной, в моих руках и смотрел бы на мое лицо, и я смотрела бы на твое лицо, пока я не придумаю для тебя хитрости и мы не выйдем, и я и ты, в одну ночь и не отправимся в твою страну. Я уже отчаялась и не надеюсь больше на моих родных».

И Ардешир отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И они продолжали, как раньше, пить вино. И в какую-то ночь вино было им приятно, и они не задремали и не заснули, пока не заблистала заря. И вдруг случилось, что один из царей прислал отцу царевны подарки, среди которых было ожерелье из бесподобных драгоценных камней, состоявшее из двадцати девяти зерен, цену которых не покрыли бы сокровищницы царя, и царь сказал: «Это ожерелье подходит только для моей дочери Хайят ан-Нуфус!» И он обратился к одному евнуху, у которого царевна вырвала зубы из-за обстоятельств, требовавших этого, и позвал его и сказал: «Возьми это ожерелье и доставь его к Хайят ан-Нуфус и скажи ей: «Один царь прислал его в подарок твоему отцу, и не найдется денег, которые бы покрыли его стоимость. Надень же его себе на шею».

И слуга взял ожерелье, говоря: «Пусть сделает его Аллах великий последним, что она наденет в жизни—она лишила меня пользы от моих зубов!» И пошел и пришел к дверям комнаты царевны. И он увидал, что двери закрыты и старуха спит у дверей, и разбудил ее, и она проснулась, испуганная, и спросила: «Что тебе нужно?» — «Царь послал меня с делом к своей дочери,—ответил евнух. И старуха сказала: «Ключа нет; уходи, а я принесу ключ».— «Я не могу пойти к царю»,—сказал евнух. И старуха ушла, чтобы принести ключ, и ее охватил страх, и она убежала, ища спасения своей души. И когда евнух заждался ее, он побоялся заставить ждать царя и толкнул дверь и потряс ее, и защелка сломалась, и дверь распахнулась. И евнух вошел и входил в двери, пока не дошел до седьмых дверей, и, войдя в комнату царевны, он увидал, что она устлана великолепными коврами, и там стоят свечи и кувшины. И евнух удивился этому делу и шел, пока не дошел до ложа, перед которым

была парчовая занавеска и сетка из драгоценных камней, и, подняв занавеску, евнух увидел царевну, которая лежала, держа в объятиях юношу, прекраснее ее. И евнух прославил Аллаха великого, который создал его из ничтожной воды, и воскликнул: «Вот прекрасные дела для той, кто ненавидит мужчин! Как она добралась до этого? Я думаю, что она вырвала мне зубы только из-за него!» И он опустил занавес на место и вышел, направляясь к дверям, и царевна проснулась, испуганная, и увидела евнуха Кафура и кликнула его, но он не отозвался. Тогда она спустилась с ложа и догнала Кафура и, схватив край его одежды, положила его себе на голову и поцеловала евнуху ноги, говоря: «Покрой то, что покрыл Аллах!» — «Аллах да не покроет тебя и того, кто покрывает тебя!» — воскликнул евнух. — Ты вырвала мне зубы и говорила: «Пусть никто не упоминает мне ни о каких качествах мужчин». И он вырвался от нее и вышел бегом и запер дверь и поставил у двери евнуха сторожить ее. И он вошел к царю, и царь спросил его: «Отдал ты ожерелье Хайят ан-Нуфус?» — «Клянусь Аллахом, ты достоин большего, чем все это!» — сказал евнух. И царь воскликнул: «А что случилось? Скажи мне и говори скорее!» — «Я скажу тебе не иначе как в уединении», — ответил евнух. Но царь вскричал: «Говори не в уединении!» — «Дай мне пощаду», — сказал тогда евнух. И царь бросил ему платок пощады, и евнух сказал: «О царь, я вошел к царевне Хайят ан-Нуфус и нашел ее в комнате, устланной коврами, и она спала, держа в объятиях юношу. И я запер их и явился к тебе».

И когда царь услышал его слова, он поднялся на ноги и взял в руку меч и кликнул главного евнуха и сказал ему: «Возьми твоих молодцов, войди к Хайят ан-Нуфус и принеси и ее и того, кто у ней, лежащими на ложе, и закройте их обоих одеялами». Евнух со своими людьми вышел, и они вошли к ней и увидели, что Хайят ан-Нуфус стоит на ногах и совсем растаяла от плача и стенаний и царевич тоже. И главный евнух сказал юноше: «Ложись на ложе, как раньше, и царевна тоже». И царевна испугалась за юношу и сказала ему: «Сейчас не время прекословить». И оба легли, и их понесли и принесли к царю. И когда царь открыл их, царевна поднялась на ноги, и царь посмот-

рел на нее и хотел отрубить ей голову, но юноша поспешил и бросился царю на грудь и воскликнул: «О царь, на ней нет греха — грех на мне. Убей же меня прежде нее». И царь направил на него меч, чтобы убить его, и тогда Хайят ан-Нуфус бросилась к отцу и воскликнула: «Убей меня, но не убивай его. Он сын величайшего царя, который владеет всей землей и вдоль и вширь».

И, услышав слова своей дочери, царь обратился к великому везирю (а он был скопищем зла) и спросил его: «Что ты скажешь, о везирь, об этом деле?» И везирь ответил: «Вот, что я скажу: «Всякому, кто попал в это дело, нужно лгать, и нет для них ничего, кроме отсечения головы, после того как ты их помучаешь разными мучениями».

И тогда царь позвал меченосца своей мести, и тот пришел со своими молодцами, и царь сказал ему: «Возьмите этого негодяя и отрубите ему голову, а после него — этой распутнице и сожгите их и не спрашивайте меня о них второй раз». И палач положил руку на спину девушки, чтобы схватить ее, и царь закричал на него и бросил в него чем-то, что было у него в руке, так что чуть не убил его, и сказал: «О пес, как ты можешь быть кротким, когда я в гневе? Возьми ее рукой за волосы и тащи ее за них, чтобы она упала на лицо».

И евнух сделал так, как приказал царь, и потащил царевну, и юношу тоже, и притащил их к месту крови. И он отрезал кусок от края своей одежды и завязал юноше глаза и вынул меч (а он был острый), отложив казнь царевны, в надежде, что для нее последует смягчение. И он занялся царевичем и трижды поиграл мечом (а вся свита плакала и молилась Аллаху, чтобы для обоих вышло смягчение) и поднял руку, и вдруг взвилась пыль, которая застлала края неба.

А причиною этого было то, что, когда царь, отец юноши, заждался вестей о своем сыне, он собрал большое войско и отправился с ним сам, чтобы разыскать своего сына, и вот что было с ним.

Что же касается до царя Абд аль-Кадира, то, когда появилась эта пыль, он сказал: «О люди, в чем дело и что это за пыль, которая затмила взоры?» И великий везирь поднялся и вышел от царя, направляясь к этой пыли, чтобы узнать о ней истину, и увидел людей,

точно саранчу, число которых не исчислялось и подкрепление которым не истощалось, и наполнили они горы, долины и холмы. И везирь вернулся к царю и рассказал ему об этом деле, и царь сказал везирю: «Пойди и узнай, что это за войско и какова причина его прихода в нашу страну, и спроси, кто предводитель войска, и передай ему от меня привет. Спроси о причине его прихода, и если ему надо исполнить какое-нибудь дело, мы ему поможем, а если он должен отомстить кому-нибудь из царей, мы выедем вместе с ним. Если же он хочет подарка, мы одарим его, ибо их великая численность и большое войско и мы боимся его ярости для нашей земли». И везирь вышел и пошел среди палаток, солдат и воинов и шел от начала дня до приближения заката. И тогда он подошел к обладателям золоченых мечей и расшитых звездами шатров, а после этого он дошел до эмиров, везирей, царедворцев и наместников, и шел до тех пор, пока не дошел до султана. И он увидел, что это великий царь, и когда увидели везиря вельможи правления, они закричали ему: «Целуй землю! Целуй землю!» И он поцеловал землю и поднялся, и закричали на него во второй раз и в третий, и, наконец, он поднял голову и хотел встать, но упал во всю длину от сильного страха и почтения, а встав, наконец, меж рук царя, он сказал ему: «Да продлит Аллах твои дни, да возвеличит твою власть, и да возвысит твой сан, о счастливый царь! — А после того: — Царь Абд аль-Кадир приветствует тебя и целует перед тобою землю и спрашивает тебя, с какой заботой ты пришел? Если ты хочешь отомстить царям, он выедет, чтобы служить тебе, а если ты стремишься к цели, которую ему возможно осуществить, он станет служить тебе в этом деле».

И царь сказал ему: «О посланник, пойди к твоему господину и скажи ему: «У царя величайшего есть сын, который отсутствует долгое время, и вести о нем заставляют себя ждать, и исчезли следы его. Если он находится в этом городе, царь возьмет его и уедет от вас; если же случилось с ним какое-нибудь зло или поразило его у вас что-нибудь запретное, его отец разрушит ваши земли, ограбит ваше имущество, убьет ваших мужчин и уведет в плен ваших женщин. Возвращайся же скорее к твоему господину и осведоми его об этом, прежде чем постигнет его бедствие».

И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И хотел уходить, но царедворцы закричали ему: «Целуй землю! Целуй землю!» И он поцеловал землю двадцать раз и встал лишь тогда, когда душа его подошла к носу. И затем он вышел из царской залы и шел, размышляя о деле этого царя и о многочисленности его войск, пока не дошел до царя Абд аль-Кадира, и краска сошла с его лица, и был он в величайшем страхе, и поджилки у него тряслись. И он осведомил царя о том, что с ним случилось (а краска сошла с его лица, и у него тряслись поджилки от сильного страха), и царь Абд аль-Кадир сказал ему, охваченный беспокойством и страхом за себя и за своих людей: «О везирь, а кто же будет сын этого царя?» — «Его сын — тот, кого ты велел убить, и слава Аллаху, который не ускорил его убиения — его отец разрушил бы тогда наши земли и ограбил бы наше имущество», — отвечал везирь. И царь воскликнул: «Посмотри, как порочно было твое мнение, когда ты посоветовал нам его убить! Где же юноша, сын этого доблестного царя?» — «О доблестный царь, ты приказал его убить», — сказал везирь. И когда царь услышал эти слова, они ошеломили его разум, и он закричал из глубины сердца и головы: «Горе вам, поспешите к палачу, чтобы он не подверг его казни!» И палача тотчас же привели, и, явившись, он сказал царю: «О царь времени, я отрубил его голову, как ты приказал мне». — «О пес, — воскликнул царь, — если это правда, я непременно отправлю тебя за ним следом». — «О царь, — сказал палач, — ты велел мне убить его, не спрашивая тебя о нем второй раз». — «Я был в гневе! Говори правду, прежде чем погибнет твоя душа!» — воскликнул царь. И палач сказал: «О царь, он в оковах жизни!»

И царь обрадовался, и успокоилось его сердце, и он велел привести юношу. И когда тот явился, царь встал на ноги и поцеловал его в уста и сказал: «О дитя мое, я прошу у великого Аллаха прощения за то, что случилось из-за меня с тобою. Не говори же о том, что унижит твой сан в глазах твоего отца, царя величайшего». — «О царь времени, а где царь величайший?» — спросил юноша. И царь сказал: «О дитя мое, он пришел из-за тебя». — «Клянусь моим уважением к тебе, я не двинусь, пока не очищу мою честь и честь

твоей дочери от того, что ты нам приписал! — воскликнул царевич. — Она девушка невинная! Позови нянек-повитух, чтобы они ее осмотрели перед тобой, и если ты увидишь, что невинность ее пропала, я сделаю мою кровь тебе дозволенной, а если она невинна, объяви, что моя честь и ее честь свободны от позора».

И царь позвал повитух, и, осмотрев девушку, они нашли ее невинной и рассказали об этом царю и потребовали от него награды, и царь наградил их и надел на них то, что было на нем надето, и наградил также всех, кто был в гареме. И вынесли подносы с благовониями и надушили вельмож правления и обрадовались до крайней степени. А потом царь обнял юношу и обошелся с ним почтительно и с уважением и велел свести его в баню вместе с ближайшими его слугами. А когда он вышел, царь облачил его в роскошную одежду и надел ему на голову венец из драгоценных камней и обвязал ему стан парчовым поясом, вышитым червонным золотом и украшенным жемчугом и драгоценностями. И он посадил его на коня из лучших коней, под золотым седлом, украшенным жемчугами и драгоценностями, и приказал вельможам правления и главарям своего царства ехать, служа царевичу, пока не приедет к своему отцу, а юноше он поручил сказать своему отцу, царю величайшему: «Царь Абд аль-Кадир — под твоей властью, послушен и покорен тебе во всем, что ты ему прикажешь или запретишь». И юноша молвил: «Это непременно будет сделано!»

И затем он простился с царем и поехал, направляясь к своему отцу. И когда отец его увидел, ум его взлетел от радости, и он поднялся на ноги и прошел несколько шагов и обнял сына, и распространилось веселье и радость в войске царя величайшего. И явились все везири и царедворцы и все воины и предводители и поцеловали землю перед юношей и порадовались его приходу, и был это для них, в радости, великий день. И царевич позволил тем, кто был с ним и прочим жителям города царя Абд аль-Кадира, смотреть, каковы войска царя величайшего, и приказал, чтобы никто им не препятствовал и они могли бы видеть многочисленность его войска и силу его власти. И все, кто ходил на рынок торговцев материей и видел юношу раньше, когда он сидел там в

своём помещении, удивлялись, как он мог согласиться на это при своём благородстве и высоком положении, но принудила его к этому любовь и склонность к царевне. И распространились вести о многочисленности его войска, и дошло это до Хайят ан-Нуфус, и она поднялась на вышку дворца и посмотрела на горы и увидела, что они наполнены солдатами и воинами. А она была во дворце своего отца, заточенная, под присмотром, до тех пор пока не узнают, что прикажет о ней царь — либо простить ее и выпустить, либо убить и сжечь.

И когда Хайят ан-Нуфус увидела этих воинов и поняла, что это воины отца Ардешира, она испугалась, что царевич ее забудет и отвлечется от нее со своим отцом, с которым он уедет от нее, и ее отец ее убьет, и послала к нему свою невольницу, которая была с нею в комнате, чтобы прислуживать, и сказала: «Сходи к Ардеширу, сыну царя, и не бойся, а когда придешь к нему, поцелуй перед ним землю и осведоми его о себе и скажи: «Моя госпожа приветствует тебя, и она теперь заперта в замке своего отца, под присмотром, и он либо захочет ее простить, либо захочет ее убить. И она просит тебя не забывать ее и не оставлять — ведь ты теперь обладаешь властью и, что бы ты ни посоветовал, никто не может ослушаться твоего приказания. И если ты сочтешь хорошим освободить ее от власти ее отца и взять к себе, это будет от тебя милостью. Она ведь перенесла эти тяготы из-за тебя. А если ты не сочтешь этого хорошим, так как желание до нее у тебя прошло, скажи твоему отцу, царю величайшему — может быть, он заступится за нее перед отцом и не уедет раньше, чем освободит ее от отца, и возьмет от него обещание и заверение, что он не сделает ей дурного и не вознамерится ее убить. И вот конец речи, и да не заставит тебя Аллах тосковать. Мир с тобою». А невольница пришла к нему и передала ему слова своей госпожи. И царевич, услышав от нее эти слова, горько заплакал и сказал невольнице: «Знай, что Хайят ан-Нуфус — моя госпожа и я ее раб и пленник любви к ней, и я не забыл того, что было между нами, и горечи дня разлуки. Передай же ей, после того как поцелуешь ей ноги, что я сказал: «Я поговорю с моим отцом о тебе, и он пошлет своего везиря, который раньше сватался к тебе у твоего отца, чтобы он опять к тебе посватался,

и твой отец не сможет перечить. И если он пришлет к тебе, чтобы посоветоваться об этом, не прекословь ему,—я уеду в мою страну не иначе, как с тобою».

И невольница вернулась к госпоже и поцеловала ей руки и передала ей послание царевича, и Хайят ан-Нуфус, услышав его, заплакала от сильной радости и прославила Аллаха великого.

Вот что было с нею. Что же касается юноши, то он остался ночью наедине с отцом, и тот спросил его, как он поживает и что с ним случилось, и царевич рассказал ему обо всем, что с ним случилось, с начала до конца. И тогда отец спросил: «Что ты хочешь, чтобы я для тебя сделал, о дитя мое? Если ты хочешь его погубить, я разрушу его земли и ограблю его имущество и опозорю его жен». — «Я не хочу ничего такого, о батюшка, так как он ничего со мной не сделал, чтобы этого требовало,—ответил царевич. — Напротив, я хочу сближения с царевной. И я желаю от твоей милости, чтобы ты собрал подарок и поднес его ее отцу, но пусть это будет подарок ценный, и пошли его с твоим везирем, обладателем правильного мнения».

И отец его отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» А потом он направился к тому, что он припрятал с давнего времени, и вынул из этого все дорогое и показал сокровища сыну, и они ему понравились. Потом он позвал везиря и послал всё это с ним и велел отнести эти вещи к царю Абд аль-Кадиру и посвататься у него к его дочери и сказать ему: «Прими этот подарок и дай царю ответ». И везирь пошел и направился к царю Абд аль-Кадиру, а царь Абд аль-Кадир был печален с той минуты, как расстался с царевичем, и его ум был все время занят, и он ожидал разрушения своей страны и захвата своих деревень. И вдруг везирь пришел к нему и приветствовал его и поцеловал перед ним землю, и царь поднялся для него на ноги и встретил его с почетом, и везирь поспешно припал к его ногам и стал их целовать и сказал: «Прощение, о царь времени! Подобный тебе не встает для подобного мне, и я ничтожнейший из рабов твоих слуг. Знай, о царь, что царевич говорил со своим отцом и осведомил его о части твоих милостей к нему и благодеяний, и царь благодарит тебя за это. Он отправил с твоим слугой, который меж твоих рук,

подарок, и он желает тебе мира и выделяет тебя особым приветом и почетом».

И когда царь услышал от везиря эти слова, он не поверил ему от сильного страха, пока ему не принесли подарка, и когда ему показали подарок, он увидал, что цены его не покрыть деньгами, и ни один царь из царей земли не в силах собрать подобного, и душа его показалась ему ничтожной. И он поднялся на ноги и прославил Аллаха великого и восхвалил его и поблагодарил юношу, и везирь сказал ему: «О благородный царь, прислушайся к моим словам и знай, что царь величайший пришел к тебе и избрал близость к тебе, а я явился к тебе послом, желая твоей дочери, госпожи охраняемой и жемчужины скрываемой, Хайят ан-Нуфус, брака с его сыном Ардеширом. И если ты согласен на это дело и оно угодно тебе, стоворись со мной о приданом».

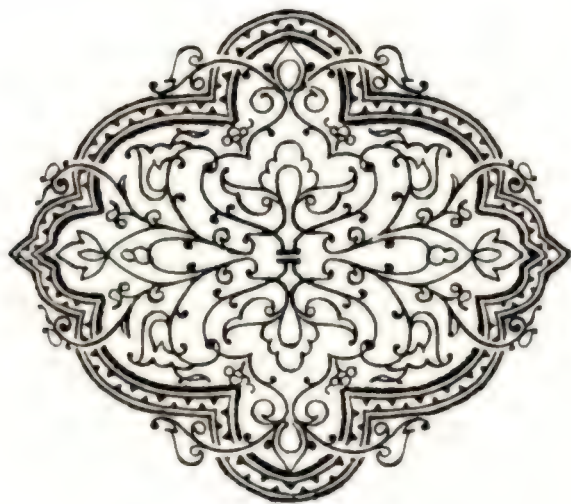
И, услышав от везиря эти слова, царь ответил: «Слушаю и повинуюсь! С моей стороны нет прекословия, и он — самый любезный мне человек. Что же касается дочки, то она достигла зрелости и благоразумия, и власть над нею — в ее собственных руках. Знай, что это дело относится к дочери — она сама для себя избирает». И он обратился к главному евнуху и сказал ему: «Войди к моей дочери и осведоми ее об этих обстоятельствах». И главный евнух отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И прошел до помещения гарема и, войдя к царевне, поцеловал ей руки и рассказал ей, о чем говорил царь, и спросил: «Что ты скажешь в ответ на эти слова?» И царевна отвечала: «Слушаю и повинуюсь!» И, услышав эти слова, главный евнух гарема вернулся к царю и осведомил его об ответе. И царь обрадовался сильной радостью и велел подать роскошную одежду и облачил в нее везиря, приказав дать ему десять тысяч динаров, и сказал: «Доставь ответ царю и спроси у него для меня позволения прийти к нему». И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И затем он вышел от царя Абд аль-Кадира и шел, пока не дошел до царя величайшего. И он доставил ему ответ и передал ему слова, которые имел передать, и царь обрадовался этому, а что касается царевича, то ум его взлетел от радости, и грудь его расширилась и расправилась. А потом царь величайший позволил царю Абд аль-Кадиру прийти к нему и

встретиться с ним. И когда наступил следующий день, царь Абд аль-Кадир сел на коня и явился к царю величайшему. И тот встретил его и возвысил его место и приветствовал его и сел с ним, а царевич стоял перед ними, а затем поднялся оратор из приближенных царя Абд аль-Кадира и произнес речь красноречивую, поздравляя царевича с доставшимся ему осуществлением желаемого и женитьбой на царевне, госпоже царевен. А потом царь величайший, после того как оратор сел, приказал принести сундук, наполненный жемчугом и драгоценностями, и пятьдесят тысяч динаров и сказал царю Абд аль-Кадиру: «Я поверенный моего сына во всем, на чем утвердилось дело». И царь Абд аль-Кадир признал, что получил приданое, в числе которого было пятьдесят тысяч динаров на свадьбу его дочери, госпожи царских дочерей, Хайят ан-Нуфус.

И после этих речей призывали судей и свидетелей и написали запись дочери царя Абд аль-Кадира с сыном царя величайшего, Ардеширом, и был это день торжественный, когда радовались все любящие и гневались все ненавидящие и завистники. И затем устроили пиршество и званые трапезы. И царевич вошел к девушке и нашел ее жемчужиной несверленной и кобылицей, другим не езженной, единственной, охраняемой, драгоценностью сокрываемой, и стало это ясно для ее отца. И затем царь величайший спросил своего сына, осталось ли у него в душе желание перед отъездом, и царевич ответил: «Да, о царь. Знай, я хочу отомстить везирю, который причинил нам зло, и евнуху, который выдумал о нас ложь». И царь величайший сейчас же послал к царю Абд аль-Кадиру, требуя от него этого везиря и евнуха, и тот послал их к нему, и когда они явились, царь велел их повесить на воротах города.

А после того они оставались небольшое время и попросили царя Абд аль-Кадира позволить своей дочери собираться в путь. И отец снарядил ее, и царевну посадили на ложе из червонного золота, украшенное жемчугом и драгоценностями, которое влекли чистокровные кони, и она взяла с собой всех своих невольниц и евнухов, а нянька вернулась на свое место, после бегства, и стала жить, как обычно. И сели на коней царь величайший с сы-

ном, и сели также царь Абд аль-Кадир и все жители его царства, чтобы проститься с его зятем и дочерью, и был это день, считавшийся одним из лучших дней. И когда они удалились от города, царь величайший стал заклинать свояка, чтобы тот вернулся в свою страну, и царь Абд аль-Кадир простился с царевичем и возвратился, прижав его сначала к груди и поцеловав его меж глаз, поблагодарив его за милости и благодеяния и поручив ему свою дочь. А после прощания с царем величайшим и его сыном он обратился к своей дочери и обнял ее, а она поцеловала ему руки, и они оба заплакали на месте прощания. И царь Абд аль-Кадир вернулся в свое царство, а сын царя величайшего ехал с женой и отцом, пока они не прибыли в свою землю, и тогда они снова справили свадьбу. И они жили самой усладительной, приятной, радостной и сладостной жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, разрушающая дворцы и населяющая могилы, и вот конец этой повести.

СКАЗКА О БАДР БАСИМЕ И ДЖАУХАРЕ

ассказывают также, о счастливый царь, что был в древние времена и в минувшие века и годы в земле персов царь, которого звали Шахраман. И было его местопребывание в Хорасане. И имел он сто наложниц, но не досталось ему от них в течение всей его жизни ни мальчика, ни девочки, и вспомнил он об этом в один из дней и начал печалиться, так как прошла большая часть его жизни и не досталось ему ребенка мужского пола, который бы унаследовал после него царство, как он унаследовал его от своих отцов и дедов, и охватило царя из-за этого крайнее огорчение и забота и великая грусть. И когда он сидел в один день из дней, вдруг вошел к нему кто-то из его невольников и сказал: «О господин, у ворот купец с невольницей, лучше которой не видано». — «Ко мне купца и невольницу!» — воскликнул царь. И купец с невольницей явились к нему, и когда царь взглянул на девушку, он увидел, что она походит на рудейнийское копье и закутана в шелковый изар, вышитый золотом. И купец открыл лицо девушки, и

осветилось помещение от ее красоты, и с головы ее спускались семь кос, которые достигали ее ножных браслетов, подобные хвостам коней. И у нее были насурмленные глаза, тяжелые бедра и тонкий стан, и она исцеляла недуги больного и гасила огонь в жаждущем.

И подивился царь виду девушки и ее прелести, и красоте, и стройности ее стана, и спросил купца: «О шейх, за сколько эта невольница?» И купец ответил: «О господин, я купил ее за две тысячи динаров у купца, который владел ею прежде меня, и вот уже три года с нею путешествую и истратил, пока не достиг этого места, три тысячи динаров. Она будет подарком тебе от меня». И царь пожаловал ему роскошную одежду и велел ему дать десять тысяч динаров, и купец взял их и поцеловал руки царя и поблагодарил его за его милость и благодеяние и ушел. А царь отдал невольницу горничным и сказал: «Приведите эту девушку в порядок и украсьте ее. Уберите для нее комнату и отведите ее туда». И велел своим придворным принести ей все, что было нужно. А царство, в котором он жил, находилось на берегу моря, и назывался его город Белым городом. И девушку отвели в ее комнату, и были в этой комнате окна, выходившие на море. А потом царь вошел к девушке, но она не заговорила с ним и не подумала о нем, и царь сказал: «Похоже, что она была у людей, которые не научили ее хорошему обхождению».

И потом царь посмотрел на эту невольницу и увидел, что она на редкость красива, прелестна, стройна и соразмерна, а лицо ее подобно кругу луны в день полноты или незакрытому солнцу на чистом небе, и подивился ее красоте и прелести, стройности и соразмерности, и прославил Аллаха-создателя — велико могущество его! А потом царь подошел к невольнице и сел с нею рядом и прижал ее к своей груди. Он посадил ее себе на ногу и начал сосать влагу ее уст и нашел ее слаще меда, а потом он велел подать столы с роскошнейшими яствами, состоявшими из всевозможных блюд, и стал царь есть и клал куски в рот невольнице, пока она не насытилась, и девушка не произнесла ни одного слова. И начал царь с ней разговаривать и спрашивать, как ее зовут, но девушка молчала, не произнося ни одного слова и не давая ему ответа, и все время си-

дела, опустив голову к земле, и охраняла ее от гнева царя ее избыточная красота и прелесть и изнеженность, присущая ей. И царь воскликнул в душе: «Хвала Аллаху, создателю этой девушки! Как она прекрасна! Правда, она ничего не говорит, но совершенство присуще Аллаху великому».

И потом царь спросил невольниц, говорила ли что-нибудь девушка, и они сказали: «С минуты ее прибытия и до сего времени она не произнесла ни одного слова, и мы не слышали от нее речей». И царь позвал некоторых невольниц и наложниц и велел им петь девушке и веселиться с нею — быть может, она заговорит. И невольницы и наложницы играли перед ней на всяких инструментах и в разные игры, и по-иному, и пели, так что взволновались все, кто был в помещении, но девушка смотрела на них молча, не смеялась и не говорила. И стеснилась грудь у царя, и он отпустил невольниц и остался наедине с той девушкой и снял с себя одежду и обнажил девушку от одежды своей рукой и, посмотрев на ее тело, увидел, что оно подобно слитку серебра, и полюбил ее великой любовью. И потом царь встал и уничтожил ее девственность и увидел, что она невинная девушка, и обрадовался сильной радостью и воскликнул про себя: «О диво Аллаха! Как это девушку, прекрасную стройностью и видом, оставили купцы невинной, как она была!»

И он склонился к ней совсем и не смотрел на других и оставил всех своих наложниц и любимиц, и он провел с девушкой целый год точно один день, а она все не говорила. И сказал ей царь в один день из дней (а увеличилась его страсть и любовь к ней): «О желание души, моя любовь к тебе велика, и я покинул из-за тебя всех моих невольниц, наложниц, жен и любимиц и сделал тебя моей долей в жизни. Я был терпелив с тобою целый год, и я прошу от милости Аллаха великого, чтобы он смягчил ко мне твое сердце и ты бы заговорила со мной, а если ты немая — осведоми меня знаком, чтобы я пресек надежду, что ты заговоришь. Я прошу Аллаха — хвала ему! — чтобы он наделил меня от тебя ребенком мужского пола, который бы наследовал мое царство после меня — я один и одинок, и нет у меня никого, кто бы мне наследовал, и года мои стали велики. Заклинаю тебя Аллахом, — если ты меня любишь, дай мне ответ».

И девушка опустила голову к земле, размышляя, а потом подняла голову и улыбнулась в лицо царю (и показалось царю, что молния наполнила комнату) и сказала: «О доблестный царь и неустрашимый лев, внял Аллах твоей молитве, и я ношу от тебя, и наступило время разрешения, но я не знаю, мужской ли плод, или женский. И если бы я не понесла от тебя, я бы не сказала тебе ни единого слова». И когда услышал царь слова девушки, его лицо просияло от радости и счастья, и он стал целовать ей голову и руки от сильной радости и воскликнул: «Слава Аллаху, который послал мне то, чего я желал: во-первых, ты заговорила, а во-вторых, сказала, что носишь от меня!» И затем царь поднялся и вышел от девушки и сел на престол своего царства, охваченный великим весельем, и велел везирю выдать беднякам, нищим, вдовам и другим сто тысяч динаров в благодарность Аллаху великому и как милостью от него. И везирь сделал то, что приказал ему царь, а потом, после этого, царь вошел к девушке и сидел у нее, держа ее в объятиях и прижимая ее к груди, и говорил ей: «О госпожа моя и владычица моего рабства, почему это молчание? Ты у меня уже целый год, ночью и днем, и лежишь и ходишь, а заговорила со мною за этот год только в сегодняшний день. Какова же причина твоего молчания?»

И сказала невольница: «Слушай, о царь времени, и узнай, что я — бедная чужеземка с разбитым сердцем и покинула мать и родных и брата».

И когда услышал царь ее слова, он понял, что она хотела сказать, и молвил: «Что до твоего слова: «Бедная», — то нет таким речам места, ибо вся моя власть и достояние и то, что я имею, — служат тебе, и я тоже сделался твоим невольником; что же касается твоих слов: «Я покинула мою мать, родных и брата», — то осведоми меня, в каком они месте и я пошлю за ними и приведу их к тебе». — «Знай, о счастливый царь, — сказала девушка, — что меня зовут Джулланар-морская *, и мой отец был из царей моря, и он умер и оставил нам царство. И мы жили в нем, и вдруг двинулся на нас царь из царей и отнял у нас царство. А у меня есть брат по имени Салих, и мать моя из женщин моря, и мы поспорили с братом, и я дала клятву, что выброшусь к человеку из людей

суши. И я вышла из моря и села на краю острова, при свете луны, и проходил мимо меня человек, и он взял меня и увел в свое жилище и стал меня соблазнять. И я ударила его по голове, так что он едва не умер, и он вышел со мною и продал меня человеку, у которого ты меня взял, а это человек отличный и праведный, верующий, честный и благородный. И если бы твое сердце не полюбило меня, и ты бы не поставил меня впереди всех твоих наложниц, я бы не пробыла у тебя и одного часа и бросилась бы в море из этого окна и пошла бы к моей матери и родным. Но мне было стыдно пойти к ним, когда я ношу от тебя, и они подумали бы про меня дурное и не поверили бы мне, хотя бы я поклялась, если бы я рассказала им, что меня купил царь на деньги и сделал своим уделом в жизни и избрал меня вместо своих жен и всего того, чем владеет его десница. И вот моя повесть, и конец».

И царь, услышав ее слова, поблагодарил ее и поцеловал между глаз и сказал ей: «Клянусь Аллахом, о госпожа моя и свет моего глаза, я не могу расстаться с тобой ни на один час, а если ты со мной расстанешься, я сейчас же умру. Как же быть?» — «О господин,— отвечала невольница,— приблизилось мое время родить, и мои близкие обязательно должны явиться, чтобы ходить за мной, так как женщины суши не знают, как происходят роды у женщин моря, а женщины моря не знают, как происходят роды у женщин суши. И когда мои родные явятся, я помирюсь с ними, и они помирятся со мной». — «А как они ходят в море и не мокнут?» — спросил царь. И Джуллар сказала: «Мы ходим в море, как вы ходите по земле, по благодати имен, написанных на перстне Сулеймана, сына Дауда—мир с ними обоими! Но только, о царь, когда придут мои родные и братья, я скажу им, что ты меня купил деньгами и оказал мне милость и благодеяние, и тебе надлежит подтвердить им мои слова, чтобы они своими глазами увидели, каковы твои обстоятельства, и узнали, что ты царь, сын царя». — «О госпожа,— воскликнул тут царь,— дай, что тебе вздумается и будет любезно—я послушен тебе во всем, что ты делаешь». — «Знай, о царь времени,— сказала невольница,— что мы ходим в море с открытыми глазами и видим то, что там есть, и видим солнце, месяц, звезды и небо, как будто все это

на лице земли, и это нам не вредит. И узнай также, что в море много племен и разнообразные виды всяких тварей, которые есть на суше, а также узнай, что все, что есть на земле, в сравнении с тем, что есть в море,— очень мало».

И удивился царь ее словам, а затем невольница вынула у себя из плеча два куска камарского алоэ * и, взяв часть его, зажгла жаровню с огнем и бросила на нее эту частицу и засвистела великим свистом и начала говорить слова, которых не понимает никто, и поднялся из рукава ее великий дым, а царь смотрел. И потом она сказала царю: «О владыка, встань, спрячься в каком-нибудь месте, и я покажу тебе моего брата и мать и близких, так что они тебя не увидят. Я хочу их вызвать, и ты сейчас увидишь на этом месте диво и удивишься, какие создал Аллах великий разнообразные обличия и необычайные образы».

И царь поднялся в тот же час и минуту и вошел в одно помещение и стал смотреть, что Джулланар будет делать. А она зажигала куренья и колдовала, пока море не вспенилось и не взволновалось. И вышел оттуда юноша прекрасной внешности, красивый видом, подобный луне в ее полноте — с блестящим лбом, румяными щеками и устами, как жемчуг и яхонты, и он был больше всех тварей похож на свою сестру, и язык обстоятельств говорил о нем такие стихи:

Луна бывает полной каждый месяц раз,
А краса твоя — та бывает полной во всякий день.

Луна нисходит в сердце лишь одной звезды*,
А себе жилище в сердцах найдешь ты у всех людей.

А затем вышла из моря поседевшая старуха, с которой было пять девушек, подобных лунам, которые имели сходство с девушкой по имени Джулланар, и царь увидел, что юноша, старуха и девушки идут по водной поверхности и дошли до Джулланар. И когда они приблизились к окошку и Джулланар увидела их, она поднялась и встретила их, радостная и счастливая, и, увидав ее, они ее узнали и вошли к ней и обняли ее и заплакали сильным плачем, а потом спросили ее: «О Джулланар, как ты могла нас оставить на четыре года, и мы не знали, где ты? Клянемся Аллахом, мир стеснился над нами от горести разлуки с тобой, и мы

ни одного дня не наслаждались ни едой, ни питьем и плакали ночью и днем от великой тоски по тебе».

И потом Джулланар стала целовать руку юноши, своего брата, а также руки своей матери и двоюродных сестер, и они посидели с ней немного, расспрашивая ее, как она поживает, что с ней случилось и каково ей теперь, и Джулланар сказала им: «Знайτε, что, когда я оставила вас и вышла из моря, я села на краю острова и взял меня один человек и продал купцу, а купец привел меня в этот город и продал царю за десять тысяч динаров. И царь стал заботиться обо мне и оставил из-за меня всех своих наложниц, жен и любимиц и, занявшись мной, забыл обо всем, что у него было и что было в его городе».

И, услышав слова Джулланар, ее брат воскликнул: «Слава Аллаху, который свел нас с тобою, но я хочу, о сестрица, чтобы ты поднялась и пошла с нами в нашу страну, к нашим близким». И когда царь услышал слова брата девушки, его ум улетел от страха, что Джулланар согласится со словами своего брата, и он не сможет ей помешать, хотя он охвачен любовью к ней, и он был растерян и очень боялся, что расстанется с девушкой.

Но Джулланар, услышав слова своего брата, отвечала: «Клянусь Аллахом, о брат мой, человек, который меня купил,—царь этого города, и это великий царь и человек разумный, великодушный и превосходный и до крайности щедрый. Он оказал мне уважение и обладает благородством и большими деньгами, и нет у него ребенка — ни мальчика, ни девочки. Он был ко мне добр и оказал мне всякое благо. И со дня, когда я к нему пришла, до сего времени я не слышала от него дурного слова, которое бы огорчило мое сердце. И он всегда со мной ласков и ничего не делает, не посоветовавшись со мной, и я у него в прекраснейшем положении и в полнейшем довольстве, и к тому же, если я его покину, он погибнет,—он ведь совсем не может со мной расстаться, ни на одну минуту. А я, если расстанусь с ним, тоже умру от сильной любви к нему, так как он был со мной до крайности милостив во время моей жизни у него, и если бы был жив мой отец, моя жизнь у него не была бы подобна жизни у этого великого царя, значительного саном. Вы видите, что я ношу от него, и слава

Аллаху, который сделал меня дочерью царя моря, а моим мужем — величайшего царя земли. Не воспрепятствовал мне Аллах великий и воздал мне взамен благом. У царя нет ребенка, ни мальчика, ни девочки, и я прошу Аллаха великого, чтобы он наделил меня сыном, который бы унаследовал от этого великого царя то, чем наделил его Аллах великий из строений, владений и дворцов».

И когда услышали слова Джулланар ее брат и двоюродные сестры, их глаза прохладились от таких речей, и они сказали: «О Джулланар, тебе известно твое место у нас, ты знаешь нашу любовь к тебе и уверена, что ты нам дороже всех людей, и убеждена, что мы хотим для тебя счастья, без затруднений и тягот. Если ты несчастлива, пойдем с нами в нашу страну, к близким, а если ты здесь счастлива и живешь в величии и радости, то именно этого мы жаждем и желаем, и мы хотим только твоего счастья при всех обстоятельствах». — «Клянусь Аллахом, — отвечала Джулланар, — я живу в полном счастье, наслаждении, величии и довольстве».

И когда царь услышал от нее эти слова, он обрадовался, и сердце его успокоилось, и он поблагодарил Джулланар за это и полюбил ее еще сильнее, и любовь к ней вошла в глубину его сердца, и он понял, что она так же его любит, как он любит ее, и хочет у него жить, чтобы увидеть его ребенка.

А затем девушка по имени Джулланар-морская приказала своим невольницам подать столы и яства из всевозможных блюд (а Джулланар сама готовила кушанья на кухне), и невольницы принесли кушанья, сладости и плоды, и она поела со своими родными, а потом они сказали: «О Джулланар, твой господин — человек нам чужой, и мы вошли к нему в дом без его позволения, и он не знает нас, а ты восхваляешь нам его милости и к тому же принесла нам его пищи, и мы поели и не встретились с ним и не видали его, и он нас не видел и не пришел к нам и не поел с нами, чтобы были между нами хлеб и соль».

И они все перестали есть и рассердились на Джулланар, и огонь стал выходить из их ртов, точно факел, и когда царь увидал это, ум его улетел от сильного страха перед ними. А Джулланар подошла к ним и успокоила их сердца, и затем она вошла в то

помещение, где был царь, ее господин, и сказала ему: «О господин, видел ли ты и слышал ли, как я тебя благодарила и прославляла моим родным, и слышал ли ты, как они мне сказали, что хотят взять меня с собой к нашим близким, в нашу страну?» — «Я слышал и видел, — да воздаст тебе Аллах за нас благом! И клянусь Аллахом, я узнал, какова твоя любовь ко мне, лишь в эту благословенную минуту и не сомневаюсь, что ты меня любишь», — ответил царь. И Джулланар сказала: «О господин, разве воздают за благо чем-нибудь, кроме блага? Ты был ко мне милостив и оказал мне великие благодеяния, и я вижу, что ты любишь меня величайшей любовью и сделал мне всякое добро, избрав меня среди всех, кого ты любишь и желаешь. Как же может быть приятно моему сердцу расстаться с тобой и уйти от тебя, и как это случится, когда ты ко мне добр и милостив? Я хочу от твоей милости, чтобы ты пришел и поздоровался с моими родными и увидел бы их, и они бы тебя увидели, и возникли бы между вами приязнь и дружба. И знай, о царь времени, что мой брат и мать и двоюродные сестры полюбили тебя великой любовью, когда я тебя перед ними восхваляла, и сказали: «Мы не уйдем от тебя в нашу страну, пока не встретимся с царем и не пожелаем ему мира». И они хотят тебя увидеть и подружиться с тобой».

И царь отвечал: «Слушаю и повинуюсь! Таково и мое желание».

И потом он поднялся с места и подошел к ним и приветствовал их наилучшим приветом. И родные Джулланар поспешили встать перед ним и встретили его наилучшим образом, и царь посидел с ними во дворце и поел с ними. И они оставались с ним в течение тридцати дней, а после этого захотели отправиться в свою страну и в свои жилища и попрощались с царем и с царицею Джулланар-морскою и ушли от них, после того как царь оказал им крайний почет.

Затем Джулланар завершила дни ношения, и пришло время родов, и она родила мальчика, подобного луне в ее полноте, и царя охватила из-за этого великая радость, так как ему в жизни не досталось ни сына, ни дочери, и устраивали торжества и украшали город в течение семи дней, будучи в величайшей радости и восторге. А на седьмой день явилась мать

царицы Джулланар и ее брат и все ее двоюродные сестры, когда узнали, что Джулланар родила. И ее родные пришли к ней, царь встретил их и обрадовался их приходу и сказал им: «Я говорил: «Не назову своего сына, пока вы не приедете и не назовете его, как знаете». И назвали ребенка Бадр Басим*, и все сошлись на этом имени. А потом они показали мальчика его дяде Салиху, и тот взял его на руки и поднялся и стал ходить с ним по дворцу, а потом вышел из дворца и спустился с ребенком к соленому морю и шел, пока не скрылся из глаз царя. И когда увидел царь, что Салих взял его ребенка и исчез в пучине моря, он потерял надежду его увидеть и начал плакать и рыдать. И, увидев его в таком состоянии, Джулланар сказала: «О царь времени, не бойся и не печалься о твоём сыне. Я люблю моего ребенка больше, чем ты, и мое дитя с моим братом. Не думай о море и не бойся, что он утонет. Если бы мой брат знал, что маленькому будет вред, он бы не сделал того, что сделал. И он сейчас принесет тебе твоего сына невредимым, если захочет Аллах». И прошло не более часа, и вдруг море забилося и взволновалось и вышел оттуда дядя младенца и с ним сын царя, невредимый, и полетел от моря и достиг их. А маленький был у него на руках, и он молчал, и походило его лицо на луну в день ее полноты. И дядя младенца посмотрел на царя и сказал ему: «Может быть, ты испугался вреда для твоего сына, когда я сошел в море, и он был со мной?» И царь ответил: «Да, о господин, я испугался за него и совсем не думал, что он спасется». — «О царь земли,—ответил Салих,—мы насурьмили его сурьмой, которую знаем, и прочитали над ним имена, написанные на перстне Сулеймана, сына Дауда — мир с ними обоими! — когда у нас рождается новорожденный, мы делаем с ним так, как я тебе сказал. Не бойся же, что он утонет или задохнется, и не опасайся для него никаких морей, когда он в них опустится,—как вы ходите по суше, так мы ходим по морю».

И затем он вынул из-за пазухи ларчик, исписанный и запечатанный, и сломал печать и рассыпал то, что было в ларце, и посыпались оттуда ожерелья, нанизанные из всевозможных яхонтов и жемчужин, и триста изумрудных прутьев и триста ниток крупных жемчужин, величиной с яйцо страуса, сияние

которых ярче сияния солнца и луны, и сказал: «О царь времени, эти жемчужины и яхонты — подарок тебе от меня, так как мы не принесли еще тебе никакого подарка — мы ведь не знали, в каком месте Джулланар, не видали ее следов и не имели о ней вестей. А когда мы увидели, что ты сблизился с ней, и мы стали одной семьей, мы принесли тебе этот подарок. Через каждые несколько дней мы будем приносить тебе такой же, если захочет великий Аллах, так как этих жемчужин и яхонтов у нас больше, чем на земле камешков. И мы различаем хорошие камни и скверные и знаем все к ним дороги и места, и нам нетрудно добывать их».

И когда царь посмотрел на эти камни и яхонты, его ум был ошеломлен, и смутился его разум, и он воскликнул: «Клянусь Аллахом, один камешек из этих камешков равняется по цене моему царству!» И царь поблагодарил Салиха-морского за его милость и посмотрел на царицу Джулланар и сказал ей: «Мне стыдно перед твоим братом, — он оказал мне милость и одарил меня этим роскошным подарком, который не в силах собрать жители земли».

И Джулланар поблагодарила своего брата за то, что он сделал, и ее брат сказал: «О царь времени, мы уже были обязаны тебе, и должно нам благодарить тебя, так как ты был милостив к моей сестре, и мы вошли в твое жилище и поели твоей пищи, а поэт сказал:

И если б заплакать мог я раньше ее в любви,
Душа исцелилась бы моя до раскаянья.

Но раньше заплакала она, и поднялся плач
От плача, и я сказал: «Заслуга у первого!»

И если бы, — говорил Салих, — мы тысячу лет простояли на наших лицах, служа тебе, о царь времени, мы не могли бы воздать тебе равным, и этого было бы по отношению к тебе мало». И царь поблагодарил его красноречивой благодарностью, и Салих со своей матерью и двоюродными сестрами оставался у царя сорок дней, а потом Салих, брат Джулланар, поднялся и поцеловал землю меж рук царя, мужа своей сестры, и когда тот спросил его: «Чего ты хочешь, о Салих?» — Салих сказал: «О царь времени, ты оказал нам благодеяния, и я хочу от твоей близости, чтобы ты подал нам милостыню и дал нам разрешение

уйти — мы стосковались по нашим родным, нашей стране и близким и родине, и мы не перестанем служить тебе и нашей сестре и сыну нашей сестры. Клянусь Аллахом, о царь времени, не любо моему сердцу с вами расстаться, но что же нам делать, когда мы воспитаны в море и не хороша для нас земля?»

И когда услышал царь его слова, он поднялся на ноги и попрощался с Салихом-морским и его матерью и двоюродными его сестрами, и все заплакали из-за разлуки и затем сказали царю: «Скоро мы будем у вас и никогда не порвем с вами, и через каждые несколько дней мы будем вас навещать». И потом они полетели и направились к морю и погрузились в него, скрывшись из глаз. И царь оказал Джулланар милости и величайшее уважение. И мальчик рос прекрасно, и его дядя, и бабка, и тетка, и двоюродные сестры его матери через каждые несколько дней приходили в жилище царя и оставались у него месяц или два месяца, а потом возвращались к себе, и увеличивалась с увеличением лет красота и прелесть юноши, пока не стало ему пятнадцать лет жизни, и был он единственным по совершенству, стройности и соразмерности. И он научился письму и чтению, преданиям и грамматике, и лексике, и метанию стрел, и научился играть копьем и научился верховой езде и всему, что нужно царским детям, и не осталось никого из жителей города, мужчин или женщин, кто бы не говорил о прелестях этого ребенка, так как он был на редкость красив и прелестен.

И любил его царь великой любовью, и вызвал он везиря, эмиров, вельмож правления и знатных людей царства и заставил их дать верные клятвы, что они поставят Бадр Басима царем над собой после его отца, и все поклялись ему верными клятвами и обрадовались этому. А царь был милостив к народу и мягок в речах, он был средоточием добра и говорил лишь о том, в чем для людей благо. И на следующий день царь сел на коня, с вельможами правления и всеми эмирами, и все воины пошли по городу и вернулись, и когда они приблизились ко дворцу, царь спешился, чтобы служить своему сыну, и вместе со всеми эмирами и вельможами правления понес перед ним чепрак, так что каждый из эмиров и вельмож правления нес чепрак некоторое время. И они шли до тех пор, пока не

дошли до входа во дворец, и царевич ехал на коне, а затем он спешился, и его отец и эмиры обняли его и посадили на престол царства, и отец его, как и все эмиры, стоял перед ним. И Бадр Басим стал творить суд между людьми и отставлял обидчика и назначал справедливого, и он продолжал творить суд, пока не приблизился полдень, а потом он поднялся с престола царства и вошел к своей матери Джулланар-морской, и был у него на голове венец, и походил он на луну. И когда мать увидела своего сына, перед которым шел царь, она поднялась, и поцеловала его, и поздравила со званием султана, и пожелала ему и его отцу долгой жизни и победы над врагами. И Бадр Басим посидел у своей матери и отдохнул.

А когда наступило время предвечерней молитвы, эмиры поехали перед мальчиком, и он приехал на ристалище и играл оружием до времени вечерней молитвы со своим отцом и вельможами правления, а потом он вернулся во дворец, и все люди шли перед ним. И он стал каждый день выезжать на ристалище, а по возвращении садился судить людей и оказывал справедливость и эмиру и бедняку. И он делал так в течение целого года, а после этого стал выезжать на охоту и ловлю и кружил по странам и климатам, которые были ему подвластны, возвещая о безопасности и спокойствии, и поступал так, как поступают цари. И был он единственным среди людей своего времени по величию, доблести и справедливости в делах людей.

И случилось, что царь, родитель Бадр Басима, заболел в один из дней, и затрепетало его сердце, и почувствовал он, что перейдет в обитель вечности, и усилилась его болезнь, так что он стал близок к смерти. И тогда призвал он своего сына и наказал ему заботиться о подданных и поручил ему его мать и всех вельмож правления и приближенных и взял с них второй раз обеты и клятвы, что они будут слушаться его сына, и заручился от них клятвами, и после этого он прожил немного дней и преставился к милости Аллаха великого. И стали горевать о нем его сын Бадр Басим, и жена его Джулланар, и эмиры, и везири, и вельможи правления, и сделали ему могилу и похоронили его в ней. А потом Джулланар просидела, принимая соболезнования, целый месяц, и пришел

Салих, ее брат, и ее мать,—и двоюродные сестры, и стали они ее утешать в утрате царя и сказали: «О Джулланар, если царь умер, то он оставил этого доблестного юношу, а кто оставил подобного ему, тот не умер. Вот он, этот бесподобный, равный сокрушающему льву и блестящему месяцу».

А потом вельможи правления и знатные люди вошли к царю Бадр Басиму и сказали ему: «О царь, не беда погоревать о царе, но горевать подобает только женщинам. Не занимай же своего сердца и наших сердец печалью о твоём родителе — он умер и оставил тебя, а кто оставил подобного тебе, тот не умер».

И они стали его уговаривать и утешать, а потом сводили в баню. И когда Бадр Басим вышел из бани, он надел роскошную одежду, вышитую золотом и украшенную драгоценностями и яхонтами, и возложил на голову царский венец и сел на престол власти и исполнил дела людей и воздал справедливость слабому против сильного и взял должное для бедняка от эмира. И полюбили его люди сильной любовью, и продолжал он так поступать в течение целого года. И через всякий небольшой срок его посещали морские его родственники, и приятна стала его жизнь, и глаз его прохладился.

И так он провел долгое время, и случилось, что его дядя вошел в одну ночь из ночей к Джулланар и поздоровался с нею. Джулланар поднялась и обняла его и посадила рядом с собой и спросила: «О брат мой, как ты поживаешь и как поживает моя матушка и дочери моего дяди?» И Салих ответил: «О сестрица, они здоровы и живут во благе и великом счастье, и недостает им только взгляда на твое лицо». И потом Джулланар подала Салиху угощение, и он поел, и завязалась между ними беседа, и они заговорили о царе Бадр Басиме, и его красоте, и прелести, и стройности, и соразмерности, и доблести, и уме, и образованности. А царь Бадр Басим лежал, и когда он слышал, что его мать и дядя упоминают о нем и разговаривают про него, он сделал вид, что спит, и стал слушать их разговор. И сказал Салих своей сестре Джулланар: «Твой сын прожил семнадцать лет и не женился. Мы боимся, что случится с ним что-нибудь и не будет у него сына, и я хочу женить его на какой-нибудь из морских царевен, такой же, как

он, красивой и прелестной». — «Назови мне их — я их знаю», — сказала Джулланар. И Салих принялся пересчитывать ей царевен, одну за другой, а она говорила: «Не хочу этой для моего сына, и я женю его только на той, что будет ему равна по красоте и прелести, уму и вере, образованию и благородству, и власти, и роду, и племени».

И сказал Салих: «Я не знаю больше ни одной морской царевны. Я перечислил тебе больше ста девушек, и ни одна из них тебе не понравилась. Но посмотри, о сестрица, спит твой сын или нет». И Джулланар потрогала Бадр Басима и увидела на нем признаки сна и сказала: «Он спит. Но что ты хочешь сказать и зачем тебе нужно, чтобы он спал?» — «О сестрица, — ответил Салих, — знай, что я вспомнил одну девушку из дочерей моря, которая годится для твоего сына, и боюсь, что, если я заговорю о ней, когда он не будет спать, любовь к ней привяжется к его сердцу, а нам, может быть, нельзя будет ее достигнуть, и утомимся и он, и мы, и вельможи правления, и будет в этом для нас забота».

И, услышав слова Салиха, его сестра молвила: «Скажи мне, что это за девушка и как ее имя, — я знаю дочерей моря от царей и других, и если я увижу, что она для него годится, я посватаюсь к ней, даже если истрачу на нее все, чем владеют мои руки. Расскажи же мне о ней и ничего не бойся — мой сын спит». — «Я боюсь, что он бодрствует», — ответил Салих.

«Говори и будь краток и не бойся, о брат мой», — сказала Джулланар. И Салих молвил: «Клянусь Аллахом, о сестрица, не подходит для твоего сына никто, кроме царевны Джаухары, дочери царя ас-Самандаля. Она подобна ему по красоте, прелести, блеску и совершенству, и не найти ни в море, ни на суше никого мягче ее и нежнее чертами. Она красива, прелестна, стройна и соразмерна, и у нее румяные щеки, блестящий лоб, и уста, подобные жемчугам, и темные очи, и тяжелые бедра, и тонкий стан, и прекрасное лицо. Если она взглянет, то смутит серн и газелей, и когда она идет, ревнует к ней ветвь ивы, а открывая лицо, она позорит солнце и луну и берет в плен всякого смотрящего, и уста ее нежны, и члены ее гибки».

И Джулланар, услышав слова своего брата, сказала: «Ты прав, о брат мой! Я видела ее много раз, и она была моей подругой, когда мы были маленькие, а сегодня мы не знаем одна другую по причине отдаления, и вот уже восемнадцать лет, как я ее не видела. Клянусь Аллахом, никто не годится для моего сына, кроме нее!»

И когда Бадр Басим услышал их слова и понял с начала до конца то, о чем они говорили, описывая девушку, о которой упомянул Салих, то есть Джаухару, дочь царя ас-Самандаля, он полюбил ее со слов и прикинулся спящим, и возникло из-за нее в его сердце пламя огня, и он погрузился в море, где не достигнуть ни берега, ни дна. А Салих посмотрел на свою сестру Джулланар и сказал: «Клянусь Аллахом, сестрица, нет среди царей моря никого глупее и яростнее, чем ее отец! Не осведомляй же своего сына об этой девушке, пока мы не посватаемся к ней у ее отца, и если он пожалует нам согласие, мы восхвалим Аллаха великого, а если он нас отвергнет и не выдаст ее замуж за твоего сына, мы избавимся от его зла и посватаемся к другой».

И, услышав слова своего брата, Джулланар сказала: «Прекрасное мнение, которое ты принял». И потом они замолчали и проспали эту ночь, а у царя Бадр Басима было в сердце огненное пламя из-за любви к царевне Джаухаре, но он скрыл свое дело и не сказал матери и дяде ничего о царевне, хотя был из-за любви к ней точно на сковородках с углем. А утром царь и его дядя пошли в баню и вымылись, а выйдя, напились питья, и перед ними поставили кушанья. И царь Бадр Басим с матерью и дядей ели, пока не насытились, а потом они вымыли руки, и после этого Салих поднялся на ноги и сказал царю Бадр Басиму и его матери Джулланар: «С вашего разрешения, я намерен отправиться к родительнице. Я у вас уже несколько дней, и сердце родных беспокоится обо мне, и они меня ожидают». — «Посиди у нас сегодня», — сказал царь Бадр Басим своему дяде Салиху, и тот послушался его слов, а затем Бадр Басим сказал: «Пойдем, о дядюшка, выйдем в сад».

И они пошли в сад и стали там ходить и гулять, и царь Бадр Басим сел под тенистое дерево и хотел отдохнуть и поспать, и вспомнил он о том, что говорил

его дядя Салих, описывая девушку и ее красоту и прелесть, и заплакал обильными слезами и произнес такие два стиха:

Когда бы сказали мне (а пламя огня бы жгло,
И в сердце и теле всем огонь бы и жар пылал):

«Что хочешь и жаждешь ты: увидеть возлюбленных
Иль выпить глоток воды?» В ответ я сказал бы: «Их!»

А потом он принялся жаловаться, стонать и плакать и произнес такие два стиха:

Кто заступник от страсти к девушке-лани,
Чей лик солнце — о нет, скажу — она лучше!

Мое сердце не знало к ней прежде страсти,
И любовью к царевне вод загорелось.

И когда дядя его Салих услышал слова юноши, он ударил рукою об руку и воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед — посол Аллаха, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И потом он спросил: «Разве ты слышал, о дитя мое, что мы говорили с твоей матерью о царевне Джаухаре и какие мы приписывали ей качества?» — «Да, о дядюшка, и я полюбил ее со слов, когда услышал то, что говорили, и мое сердце к ней привязалось, и не могу я вытерпеть без нее», — ответил Бадр Басим. И Салих сказал: «О царь, давай вернемся к твоей матери и осведоим ее о том, что случилось, и я попрошу у нее разрешения взять тебя с собой и посвататься к царевне Джаухаре, а потом мы простимся с ней и вернемся. Я боюсь, что, если я возьму тебя и пойду без ее позволения, твоя мать на меня рассердится и будет иметь право, так как я окажусь виновником вашей разлуки и ее ухода от нас. И город останется без царя, и не будет у подданных никого, кто бы ими управлял и рассматривал их обстоятельства. И расстроятся дела в царстве, и выйдет власть из твоих рук».

И Бадр Басим, услышав слова своего дяди Салиха, сказал ему: «Знай, о дядюшка, что, если я вернусь к моей матери и посоветуюсь с ней об этом, она мне этого не позволит. Я не вернусь к ней и не посоветуюсь с нею никогда!» И он заплакал перед своим дядей и сказал: «Я пойду с тобой, не осведомляя ее, а потом вернусь».

И Салих, услышав слова своего племянника, растерялся и воскликнул: «Прошу помощи у великого Аллаха при всех обстоятельствах!» И когда дядя Бадр Басима, Салих, увидел своего племянника в таком состоянии и понял, что он не хочет вернуться к своей матери и уведомить ее, а пойдет с ним, он снял с пальца перстень, на котором были вырезаны имена из имен великого Аллаха, и подал его царю Бадр Басиму и сказал: «Надень его себе на палец: ты будешь в безопасности от потопления и прочих бед и от зла морских животных и рыб». И царь Бадр Басим взял перстень у своего дяди Салиха и надел его на палец. И потом царь Бадр Басим и его дядя Салих нырнули в море, они пошли, и шли до тех пор, пока не пришли ко дворцу Салиха. И они вошли туда, и увидела Бадр Басима его бабушка, мать его матери, которая сидела со своими близкими, и, войдя, царевич с Салихом поцеловали им руки. Бабка Бадр Басима, увидав их, встала и обняла юношу и поцеловала его между глаз и сказала: «Благословенный приход, о дитя мое! Как ты оставил твою мать Джулланар?» — «Здоровой, во благе и благополучии, и она желает мира тебе и своим двоюродным сестрам», — сказал Бадр Басим.

И после этого Салих рассказал своей матери, что произошло между ним и его сестрой Джулланар и как царь Бадр Басим полюбил со слов царевну Джаухару, дочь царя ас-Самандаля, и сообщил ей всю историю с начала до конца.

«Он пришел лишь для того, чтобы посвататься к ней у ее отца и жениться на ней», — сказал Салих. И когда бабка царя Бадр Басима услышала слова Салиха, она разгневалась на него сильным гневом и встревожилась и огорчилась и воскликнула: «О дитя мое, ты ошибся, упомянув о царевне Джаухаре, дочери царя ас-Самандаля перед твоим племянником. Ты ведь знаешь, что царь ас-Самандаль — глупец и притеснитель, малоумный и сильно яростный и он скупится на свою дочь Джаухару перед ее женихами. Все цари моря сватались к ней, но он отказался и не согласился ни за кого из них отдать ее, напротив, отверг их и сказал: «Не ровня вы ей ни по красоте, ни по прелести, ни по чему другому». И мы боимся, что, если посватаемся к ней у ее отца, он нас отвергнет,

как отверг других, а мы обладаем благородством и вернемся с разбитыми сердцами».

И, услышав слова своей матери, Салих спросил ее: «О матушка, как же быть? Ведь царь Бадр Басим полюбил эту девушку, когда я говорил о ней с моей сестрой Джулланар, и он сказал: «Мы обязательно посватаемся к ней у ее отца, хотя бы я отдал все мое царство»,—и утверждает, что если он на ней не женится, то умрет от страсти и любви к ней».

И потом Салих сказал своей матери: «Знай, что мой племянник — красивей и прекрасней ее и что его отец был царем всей Персии, а теперь он сам царь, и не годится Джаухара никому, кроме него. Я решил взять драгоценных камней — яхонтов и других — и поднести царю подарок, подобающий ему, и посвататься у него к царевне, и если он укажет, что он царь, то Бадр Басим — тоже царь, сын царя; если же он нам укажет на красоту своей дочери, то Бадр Басим красивей ее, а если он нам укажет на обширность царства, то у Бадр Басима царство обширней, чем у нее и у ее отца, и у него больше войск и телохранителей. Его царство больше царства ее отца, и я непременно постараюсь исполнить желание моего племянника, хотя бы моя душа пропала. Я ведь был причиной этого дела, и так же, как я бросил его в моря любви к ней, я постараюсь его женить на ней. Аллах великий поможет мне в этом». — «Делай что хочешь,— сказала ему мать,—и берегись быть грубым в словах, когда будешь говорить с царем. Ты же знаешь его глупость и ярость, и я боюсь, что он бросится на тебя, так как он не признает ничьего сана». И Салих отвечал: «Внимание и повиновение!» А затем он поднялся и, взяв с собой два мешка, наполненные драгоценностями: яхонтами, изумрудными прутьями, дорогими металлами и всякими камнями, дал их нести своим слугам и пошел с ними и со своим племянником во дворец царя ас-Самандаля. Он попросил позволения войти, и царь позволил ему, и Салих, войдя, поцеловал землю меж его рук и приветствовал его наилучшим приветом. И, увидав Салиха, царь ас-Самандаль поднялся и оказал ему величайшее уважение и велел ему сесть, и Салих сел, и когда он уселся, царь сказал ему: «Благословенный приход! Ты заставил нас тосковать, о Салих! Какая у тебя

нужда, что ты пришел к нам? Расскажи мне о твоей нужде, чтобы я ее исполнил».

И Салих поднялся и поцеловал землю второй раз и сказал: «О царь времени, нужда моя — в Аллахе и в доблестном царе, льве неустрашимом, о ком прекрасную молву развозят едущие, и распространилась в климатах и странах весть о его щедрости, милости, прощении, извинении и благосклонности».

И потом он развязал мешки и, вынув из них камни и прочее, рассыпал их перед царем ас-Самандалем и сказал ему: «О царь времени, быть может, ты примешь мой подарок и окажешь мне милость и залечишь мое сердце, приняв это от меня». И царь ас-Самандалъ спросил его: «Почему ты даришь мне этот подарок? Расскажи мне твою историю и поведай о своей нужде, и если я властен ее исполнить, я исполню ее сию же минуту и не заставлю тебя трудиться, а если я бессилен исполнить ее, то Аллах возлагает на душу только то, что ей вмочь».

И Салих поднялся и поцеловал землю трижды и сказал: «О царь времени, нужду мою ты исполнить можешь, она под твоей властью, и ты ею владеешь. Я не возложу на царя трудности, и я не бесноватый, чтобы говорить с царем о том, чего он не может. Ведь сказал кто-то из мудрецов: «Если хочешь, чтобы тебя слушались, проси о том, что возможно». Что же касается моей нужды, о которой я пришел просить, то царь, да хранит его Аллах, на нее властен». — «Проси о твоей нужде, изложи твое дело и требуй то, чего хочешь», — сказал царь. И Салих молвил: «О царь времени, знай, что я пришел к тебе как сват и желаю единственной жемчужины и драгоценности, скрываемой — царевны Джаухары, дочери нашего владыки. Не обмани же, о царь, надежды того, кто к тебе направился». И когда услышал царь слова Салиха, он так засмеялся, что упал навзничь, издеваясь над ним, и воскликнул: «О Салих, я считал тебя человеком разумным и юношей достойным, который старается только со смыслом и говорит лишь здравое. Что же поразило твой разум и призвало тебя на это великое дело и значительную опасность; и ты сватаешься к дочерям царей, властителей стран и климатов? Разве дошел твой сан до этой высокой ступени и разве уменьшился твой ум до такого предела, что ты говоришь мне в лицо подобные слова?»

«Да направит Аллах царя! — воскликнул Салих. — Я сватаюсь к ней не для себя, а если бы я сватал ее для себя, я был бы ей ровнею — нет, больше ее, так как ты знаешь, что мой отец — царь из царей моря, хотя ты сегодня и наш царь. Но я сватаюсь к ней лишь для царя Бадр Басима, властителя климатов Персии, и его отец — царь Шахраман, ярость которого ты знаешь. И если ты утверждаешь, что ты великий царь, то царь Бадр Басим — еще больший царь, а если ты заявляешь, что твоя дочь красива, то царь Бадр Басим красивей ее и прекрасней лицом и достойней по роду и племени, ибо он витязь людей своих времен. И если ты согласишься на то, о чем я тебя просил, о царь времени, ты положишь вещь на ее место, а если ты станешь над нами величаться, то будешь к нам несправедлив и не пойдешь с нами по пути правому. Ты ведь знаешь, о царь, что царевне Джаухаре, дочери нашего владыки, царя, не избежать брака, и говорит мудрец: «Не избежать девушке брака или могилы». И если ты намерен выдать ее замуж, то сын моей сестры более достоин ее, чем все люди».

И когда услышал царь слова царя Салиха, он разгневался сильным гневом, и его ум едва не пропал, и душа его чуть не вышла у него из тела, и он воскликнул: «О пес среди мужчин, разве подобный тебе обращается ко мне с такими словами! Ты упоминаешь о моей дочери в собраниях и говоришь, что сын твоей сестры Джулланар ей ровня, а кто ты сам такой и кто твоя сестра, кто ее сын и кто его отец, что ты говоришь мне такие слова и обращаешься ко мне с такими речами? Разве вы в сравнении с нею не псы?» И затем он закричал своим слугам и сказал им: «Эй, слуги, возьмите голову этого бродяги!»

И слуги схватили мечи и обнажили их и направились к Салиху, а тот повернулся, убегая, и направился к воротам дворца. А дойдя до ворот дворца, он увидел своих родичей, и близких, и дружинников, и слуг, которых было больше тысячи витязей, утопавших в железе и закованных в кольчуги, и были у них в руках копья и белые клинки.

И когда они увидели Салиха в таком состоянии, они спросили его: «Что случилось?» И он рассказал им свою историю. А его мать послала этих людей ему на помощь, и, услышав слова Салиха, они поняли, что

царь глуп и сильно яростен, и сошли с коней и, обнажив мечи, вошли к царю ас-Самандалю.

И они увидели, что он сидит на престоле своего царства, не замечая входящих, и сильно разгневан на Салиха, и увидели, что его слуги, прислужники и телохранители не вооружены, и когда царь увидел людей Салиха с обнаженными мечами в руках, он закричал своим людям и сказал им: «Горе вам! Возьмите головы этих псов!» И не прошло минуты, как побежали люди царя ас-Самандаля и положились на бегство, а Салих и его близкие схватили царя ас-Самандаля и скрутили его.

А Джаухара, когда проснулась, узнала, что ее отец взят в плен и телохранители его убиты, и вышла из дворца и убежала на какой-то остров и направилась к высокому дереву и спряталась на нем. А когда оба отряда начали сражаться, некоторые телохранители царя ас-Самандаля убежали. Их увидал Бадр Басим и спросил, в чем дело. И они сказали ему, что случилось, и, услышав, что царь ас-Самандаль схвачен, Бадр Басим пустился бежать и испугался за себя, говоря: «Эта смута случилась из-за меня, и преследуют лишь меня одного».

И обратился он в бегство, ища спасения, и не знал, куда направиться, и пригнали его извечные судьбы на тот остров, где была Джаухара, дочь царя ас-Самандаля. И он подошел к ее дереву и упал на землю, как убитый, чтобы отдохнуть, прилегши, и не знал он, что всякий, кого преследуют, не отдохнет, и не ведает никто, что скрыто для него в тайно predetermined. И когда Бадр Басим лег, он поднял взоры к дереву, и его глаз упал на глаз Джаухары, и царь посмотрел на нее и увидел, что она подобна месяцу, когда он сияет, и воскликнул: «Хвала создателю этого дивного лица, и он создатель всякой вещи и во всякой вещи властен! Хвала Аллаху великому, создателю, творцу, изобразителю! Клянусь Аллахом, если верно мое опасение, это Джаухара, дочь царя ас-Самандаля! Я думаю, она услышала, что начался между ними бой, и убежала и пришла на этот остров и спряталась на этом дереве. А если эта девушка не сама царевна Джаухара, то она прекраснее ее».

И Бадр Басим стал размышлять об этой девушке и сказал про себя: «Встану, схвачу ее и спрошу, что с

ней, и если это она, посватаюсь к ней у нее самой, а это и есть мое желание». И он поднялся и встал на ноги и сказал Джаухаре: «О предел желаний, кто ты и кто привел тебя в это место?» И Джаухара взглянула на Бадр Басима и увидела, что он подобен луне, когда она показывается из-за черных туч, и строен станом, и прекрасна его улыбка, и ответила: «О прекрасный чертами, я царица Джаухара, дочь царя ас-Самандаля, и я убежала в это место, потому что Салих и его войска сразились с моим отцом и убили его воинов и взяли в плен его самого и часть войска. А я убежала из страха за себя». И затем царица Джаухара сказала царю Бадр Басиму: «Я пришла в это место лишь из страха быть убитой и не знаю, что сделало время с моим отцом». И когда Бадр Басим услышал ее слова, он до крайности удивился этому дивному совпадению и воскликнул: «Нет сомнения, что я добился желаемого, раз ее отец взят в плен!» И он посмотрел на девушку и сказал ей: «Спустишься, о госпожа,—я убитый любовью к тебе, и глаза твои взяли меня в плен. Из-за меня и из-за тебя была эта смута и эти сражения. Знай, что я — царь Бадр Басим, царь персов, и что Салих — мой дядя по матери и что он пришел к твоему отцу и посватался к тебе. А я покинул из-за тебя мое царство, и наша встреча сейчас — чудесное совпадение. Вставай же и спустись ко мне. Мы пойдем с тобой во дворец твоего отца, и я попрошу моего дядю Салиха отпустить его и женюсь на тебе дозволенным образом».

И, услышав слова Бадр Басима, Джаухара подумала: «Из-за этого-то скверного негодяя произошли такие дела, и мой отец попал в плен, и перебиты его царедворцы и слуги, а я удалилась от моего дворца и убежала, как пленница, на это дерево! Если я не сделаю с ним хитрости, чтобы ею защититься, он овладеет мной и достигнет желаемого, так как он влюбленный, а влюбленного, что бы он ни делал, не порицают».

И она стала обманывать Бадр Басима разговором и мягкими речами (а тот не знал, какие козни она задумала) и сказала: «О господин мой и свет моего глаза, ты ли — царь Бадр Басим, сын царицы Джулланар?» — «Да, о госпожа моя», — отвечал Бадр Басим. И царица воскликнула: «Пусть замучит Аллах моего

отца и отнимет от него его царство и пусть не залечит его сердца и не вернет его с чужбины, если он хочет более прекрасного, чем ты, и что-нибудь прекраснее этих нежных черт! Клянусь Аллахом, мало у него ума и рассудительности! О царь времени,—сказала она потом,—не взыщи с моего отца за то, что он сделал, и если ты полюбил меня на пядь, то я полюбила тебя на локоть. Я попала в сети любви к тебе и оказалась в числе убитых тобою, и переместилась любовь, которая была в тебе, и оказалась во мне, и осталась в тебе лишь десятая доля того, что во мне».

И она спустилась с дерева и приблизилась к юноше и, подойдя к нему, обняла его и прижала к груди и стала его целовать. И когда царь Бадр Басим увидел, как она с ним поступает, его любовь к ней еще увеличилась, и страсть его стала еще сильнее, и он подумал, что царевна его любит, и доверился ей и стал ее обнимать и целовать. «О царевна,—сказал он ей,—клянусь Аллахом, мой дядя Салих не описал мне и четверти десятой доли твоей красоты, и ни четверти кирата из двадцати четырех киратов*».

А потом Джаухара прижала его к груди и произнесла слова непонятные и плюнула ему в лицо и воскликнула: «Перейди из образа человеческого в образ птицы, прекраснее всех птиц, с белыми перьями и красным клювом и ногами!» И не окончились еще ее слова, как царь Бадр Басим превратился в птицу,—прекраснейшую из птиц, какие бывают, и встряхнулся, и поднялся на ноги и стал смотреть на Джаухару. А у нее была невольница из числа ее невольниц по имени Марсина, и царевна посмотрела на нее и сказала: «Клянусь Аллахом, если бы меня не страшило то, что мой отец в плену у его дяди, я бы его убила! Да не воздаст ему Аллах благом! Как злосчастен его приход к нам. Вся эта смута—из-под его головы! Но возьми его, о невольница, и пойди с ним на безводный остров и оставь его там, чтобы он умер от жажды».

И невольница взяла Бадр Басима и привела его на остров и хотела уйти от него обратно, но затем она сказала про себя: «Клянусь Аллахом, обладатель такой красоты и прелести не заслуживает того, чтобы умереть от жажды!»

И она увела его с безводного острова и пришла с ним на остров, где было много деревьев, плодов и

каналов, и, оставив его там, вернулась к своей госпоже и сказала: «Я оставила его на безводном острове».

Вот что было с Бадр Басимом. Что же касается Салиха, дяди царя Бадр Басима, то, когда он овладел царем ас-Самандалем и убил его слуг и телохранителей и царь стал его пленником, Салих принялся искать Джаухару, дочь царя, но не нашел ее. И он вернулся во дворец, к своей матери, и спросил: «О матушка, где мой племянник, царь Бадр Басим?» И она ответила: «О дитя мое, клянусь Аллахом, я ничего о нем не знаю и не ведаю, куда он исчез. Когда до него дошло, что ты подрался с царем ас-Самандалем и случились между вами сражения и бои, он испугался и убежал».

И Салих, услышав слова своей матери, опечалился о своем племяннике и сказал: «Клянусь Аллахом, мы были небрежны с царем Бадр Басимом, и я боюсь, что он погибнет, или нападет на него кто-нибудь из воинов царя ас-Самандала, или же встретит его царевна Джаухара, и будем мы смущены перед его матерью, и не достанется нам от нее блага, так как я взял мальчика без ее позволения».

И затем он послал за Бадр Басимом телохранителей и лазутчиков к морю и в другую сторону, но они не напали на весть о нем и вернулись и осведомили об этом царя Салиха, и увеличились его забота и огорчение, и стеснилась его грудь тоской о царе Бадр Басиме.

Вот что было с царем Бадр Басимом и его дядей Салихом. Что же касается его матери, Джулланар-морской, то, когда ее сын Бадр Басим ушел со своим дядей Салихом, она ждала его, но он к ней не вернулся, и вести о нем не приходили к ней. И она провела много дней, ожидая его, а потом вышла и спустилась в море и пришла к своей матери, и, увидев ее, мать поднялась и поцеловала и обняла, и то же сделали ее двоюродные сестры. А потом Джулланар спросила свою мать про царя Бадр Басима, и та сказала ей: «О дочка, он приходил со своим дядей, и его дядя взял яхонтов и дорогих камней и пошел с ними к царю ас-Самандалю и посватался к его дочери, но ас-Самандал не согласился и был суров с твоим братом в речах. И я послала к твоему брату около тысячи витязей, и возникла война между ними и царем ас-Самандалем, и помог Аллах против него твоему брату, и он убил его

телохранителей и воинов и взял царя ас-Самандаля в плен. И дошла весть об этом до твоего сына, и похоже, что он испугался за себя, и он бежал от нас без нашего согласия и не возвращался к нам после этого, и мы не слыхали о нем вестей».

Потом Джулланар стала расспрашивать мать про своего брата Салиха, и та рассказала, что он сидит на престоле царства во дворце царя ас-Самандаля и послал во все стороны искать ее сына и царевну Джаухару, и, услышав слова своей матери, Джулланар сильно опечалилась о своем сыне, и увеличился гнев ее на брата Салиха, так как он взял ее сына и спустился с ним в море без ее позволения. «О матушка,—сказала она,—я боюсь за царство, которое принадлежит нам, так как я пришла к вам, не уведомив никого из жителей царства. Боюсь, что, если я замешкаюсь, испортятся дела в нашем царстве и выйдет власть у нас из рук, и правильно будет, если я вернусь управлять царством, пока Аллах не устроит для нас дела моего сына. Не забывайте же о моем сыне и не будьте небрежны в его деле—если с ним случится дурное, я несомненно погибну, так как я вижу жизнь лишь в нем одном и наслаждаюсь только его жизнью».

И мать Джулланар молвила: «С любовью и уважением, о дочка! не спрашивай, что с нами из-за разлуки с ним и его отсутствия». И потом она послала искать юношу, а его мать вернулась с печальным сердцем и плачущими глазами в свое царство, и тесен стал для нее мир».

Что же касается царя Бадр Басима, то, когда царевна Джаухара его заколдовала и послала его со своей невольницей на безводный остров, сказав ей: «Оставь его там умирать от жажды»,—невольница оставила его на острове зеленом и плодоносном, где были деревья и каналы. И Бадр Басим стал есть плоды и пить из каналов, и провел так несколько дней и ночей в образе птицы, не зная, куда направиться и как полететь. И вот, когда, в один день из дней, он был на этом острове, вдруг пришел туда охотник из охотников, чтобы поймать что-нибудь, чем прокормиться, и увидел царя Бадр Басима, который был в образе птицы с белыми перьями и красным клювом и ногами и пленял взоры и ошеломлял ум. И охотник посмотрел на птицу, и она ему понравилась, и он

воскликнул про себя: «Поистине эта птица прекрасна, и я не видал птицы, подобной ей по красоте и виду». И он накинул на птицу сеть и поймал ее и привел в город, думая про себя: «Я продам ее и возьму ее цену»,— и встретил его кто-то из жителей города и спросил: «Сколько за эту птицу, охотник?» И охотник сказал ему: «Когда ты ее купишь, что ты станешь с ней делать?» — «Я зарежу ее и съем»,— ответил горожанин. И охотник воскликнул: «Чье сердце согласится зарезать эту птицу и съесть ее? Я хочу подарить ее царю—он даст мне больше того количества денег, которое дашь мне ты за нее в уплату, и не зарежет ее, а будет смотреть на нее и на ее красоту и прелесть. Ведь за всю жизнь, пока я охотник, я не видел подобной ей среди дичи моря и дичи земли. А ты, если соблазнишься ею, дашь мне за нее самое большее дирхем, и клянусь Аллахом великим, я ее не продам».

И охотник пошел с птицей ко дворцу царя, и когда царь увидел птицу, ему понравилась ее красота и прелесть, и ее красный клюв и ноги. И он послал к охотнику евнуха, чтобы купить птицу, и евнух подошел к нему и спросил его: «Ты продаешь эту птицу?» — «Нет, но она будет царю от меня подарком»,— ответил охотник. И евнух взял птицу и отправился с ней к царю и рассказал ему о том, что говорил охотник, и царь взял птицу и дал охотнику десять динаров, и охотник взял их и поцеловал землю и ушел.

А евнух пришел с птицей в царский дворец и посадил ее в красивую клетку и повесил ее и поставил возле птицы корм и питье. И когда царь пришел, он спросил евнуха: «Где птица? Принеси ее, чтобы я на нее посмотрел. Клянусь Аллахом, она красива!» И евнух принес птицу и поставил перед царем, и тот увидел, что птица ничего не съела из корма, бывшего возле нее. «Клянусь Аллахом,—воскликнул царь,—я не знаю, что она ест и чем бы ее накормить!»

И он велел принести кушанья, и принесли столы, и царь стал есть кушанья, и когда птица увидела мясо, сладости и плоды, она поела всего, что было на скатерти, лежавшей перед царем, и царь оторопел и удивился, что она ест, и присутствующие также удивились.

И царь сказал бывшим вокруг него слугам и невольникам: «Я в жизни не видал, чтобы птица ела

так, как эта птица!» И потом он велел привести свою жену, чтобы она на нее посмотрела. И евнух пошел, чтобы привести царицу, и, увидев ее, сказал: «О госпожа, царь требует тебя, чтобы ты посмотрела на птицу, которую он купил. Когда мы принесли кушанья, она вылетела из клетки и села на стол и поела всего, что там было. Поднимись же, госпожа, и посмотри на нее, она красива видом и чудо из чудес времени».

И царица, услышав слова евнуха, поспешно пришла, но когда она посмотрела на птицу и как следует разглядела ее, она закрыла лицо и повернула обратно. И царь вышел за нею и спросил: «Почему ты закрыла лицо, когда возле тебя нет никого, кроме невольниц и евнухов, которые служат тебе, и твоего мужа?» И царица отвечала: «О царь, эта птица — не птица, — это такой же человек, как ты». — «Лжешь! — сказал царь, услышав слова жены. — Как ты много шутишь! Как это может быть не птица?» — «Клянусь Аллахом, я не шутила с тобой и сказала тебе только правду, — отвечала царица. — Эта птица — царь Бадр Басим, сын царя Шахрамана, властителя страны персов, а его мать — Джулланар-морская». Царь спросил ее: «А как же он оказался в таком виде?» И жена его ответила: «Его заколдовала царевна Джаухара, дочь царя ас-Самандаля».

И затем она рассказала ему о том, что случилось с Бадр Басимом, от начала до конца, и о том, как он посватался к Джаухаре у ее отца, но тот не согласился, и как его дядя Салих вступил в бой с царем ас-Самандалем и победил его и взял в плен, и, услышав слова своей жены, царь до крайности удивился. А эта царица, его жена, была самой искусной колдуньей своего времени, и царь сказал ей: «Ради моей жизни, освободи его от чар и не оставляй в мучениях. Отруби, Аллах великий, руку Джаухаре! Какая она скверная, как мала ее вера и как велики ее обманы и козни!» — «Скажи ему: «О Бадр Басим, войди в эту комнату!» И царь приказал юноше войти в комнату, и Бадр Басим, услышав слова царя, вошел в нее. И жена царя поднялась и закрыла себе лицо и, взяв в руки чашку с водой, вошла в комнату и произнесла над водой слова непонятные, а затем она сказала Бадр Басиму: «Заклинаю тебя этими великими именами

и благородными чудесами, заклинаю тебя Аллахом великим, творцом небес и земли, оживляющим мертвых и определяющим наделы и сроки,— выйди из того образа, в котором ты пребываешь, и вернись к образу, в котором сотворил тебя Аллах!» И не закончились еще ее слова, как Бадр Басим встряхнулся и снова принял человеческий образ, и царь увидел, что это красивый юноша, прекрасней которого нет на лице земли. И когда Бадр Басим увидел себя в таком виде, он воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед—посол Аллаха! Слава творцу тварей, определяющему их удел и конец!» И затем он поцеловал царю руку и пожелал ему долгой жизни, а царь поцеловал Бадр Басима в голову и сказал: «О Бадр Басим, расскажи мне твою историю с начала до конца».

И царь Бадр Басим рассказал ему свою историю и ничего от него не утаил, и царь удивился всему этому и сказал: «О Бадр Басим, теперь Аллах освободил тебя от чар! Чего же требует твое мнение и что ты хочешь делать?» — «О царь времени,—ответил Бадр Басим,— я хочу от твоей милости, чтобы ты снарядил для меня корабль и несколько слуг и дал мне все, что мне нужно. Я уже долгое время в отсутствии и боюсь, как бы не ушло от меня царство, и не думаю я, что моя мать жива, так как она в разлуке со мною. Сильнее всего во мне предположение, что она умерла от горя обо мне, так как ей неизвестно, что со мной случилось и не знает она, жив я или умер. И я прошу тебя, о царь, завершить твою милость ко мне, дав мне то, о чем я тебя прошу».

И царь, увидев красоту, прелесть и красноречие Бадр Басима, согласился и сказал: «Слушаю и повинуюсь!» А затем он снарядил ему корабль и перенес туда то, что было ему нужно, и отправил с ним нескольких своих слуг. И Бадр Басим сошел на корабль после того, как простился с царем, и они поехали по морю, и ветер сопутствовал им. И они ехали десять дней подряд, и когда наступил одиннадцатый день, море взволновалось сильным волнением, и корабль начал подниматься и опускаться, и матросы не могли удержать его. И они оставались в таком положении, и волны играли ими, пока они не приблизились к скале. И эта скала упала на корабль, и он разбился, и утонуло все, что на нем

было, кроме царя Бадр Басима — он сел на одну из досок после того, как был близок к гибели. И доска бежала с ним по морю, и он не знал, куда плывет, и не было у него хитрости, чтобы удержать доску, а напротив, доска шла с ним, увлекаемая волнами и ветром. И он плыл таким образом в течение трех дней, а на четвертый день доска подплыла с ним к морскому берегу, и он увидел там белый город, подобный голубю яркой белизны, и был он построен на острове, который лежал в море, и были в нем высокие колонны и прекрасные постройки, и стены домов уходили ввысь, и море билось о стены города. И когда царь Бадр Басим увидал остров, на котором стоял этот город, он обрадовался сильной радостью, так как был близок к гибели от голода и жажды. Он сошел с доски и хотел подняться в город, и пришли к нему мулы, ослы и лошади бесчисленные, как песчинки, и стали его бить и мешать ему выйти из моря в город. И тогда Бадр Басим выплыл за город и вышел на сушу, но никого не нашел и удивился и воскликнул: «Посмотреть бы, чей это город, в котором нет царя и нет в нем никого, и откуда эти мулы, ослы и лошади, которые помешали мне выйти!»

И он стал размышлять о своем деле, идя и не зная, куда направиться, и потом увидел старика — торговца овощами, и, увидав этого старика, царь Бадр Басим приветствовал его, и он возвратил ему приветствие. И старик посмотрел на Бадр Басима и увидел, что он красив, и спросил его: «О юноша, откуда ты пришел и что привело тебя в этот город?» И Бадр Басим рассказал ему свою историю с начала до конца, и старик удивился ей и спросил: «О дитя мое, разве ты никого не видел на своем пути?» — «О родитель, — отвечал юноша, — я дивлюсь на этот город, потому что он пуст от людей». — «О дитя мое, войди в лавку, чтобы не погибнуть», — сказал старик. И Бадр Басим вошел и сел в лавке, а старик принес ему кое-какой пищи и сказал: «О дитя мое, войди внутрь лавки. Слава тому, кто спас тебя от этой шайтанши!»

И царь Бадр Басим испугался великим испугом и поел кушанья старика досыта и вымыл руки, а потом он посмотрел на старика и сказал ему: «О господин мой, какова причина этих слов? Ты внушил мне страх перед этим городом и его жителями».

«О дитя мое,—ответил старец,—знай, что этот город — город колдунов, и в нем есть царица-колдунья, подобная шайтану, и она кудесница и чародейка и злокозненная обманщица. Виденные тобой лошади, мулы и ослы — все, как ты и я, из сынов Адама, но они чужеземцы. Всякого, кто входит в город, если он юноша, как ты, эта нечестивая колдунья берет к себе и живет с ним сорок дней, а после сорока дней она его заколдовывает, и он превращается в мула, коня или осла из тех животных, которых ты видел на берегу моря, и когда ты хотел выйти на сушу, они испугались, что она тебя заколдует, как их, и говорили тебе знаками: «Не выходи, чтобы не увидела тебя колдунья,—так как они жалели тебя — ведь, может быть, она сделает с тобою то же, что сделала с ними. Она отняла у города его жителей колдовством,—говорил старик Бадр Басиму,—и ее имя—царица Лаб, а объяснение этого по-арабски—солнечный календарь».

И когда царь Бадр Басим услышал такие речи от старика, он испугался сильным испугом и стал дрожать, как тростинка на ветру, и сказал старцу: «Едва я поверил, что спасся от беды, которая постигла меня из-за колдовства, как судьба бросила меня в место еще более скверное!» И он стал размышлять о своем положении и о том, что с ним случилось, и старик посмотрел на него и увидел, что его страх усилился, и сказал ему: «О дитя мое, выйди, сядь на пороге лавки и посмотри на этих тварей, на их одежду и вид и на то, что они заколдованы, и не бойся. Царица и все, кто есть в городе, любят меня и почитают, и они не взволнуют мне сердце и не утомят моего ума».

И, услышав слова старика, царь Бадр Басим вышел и сел у дверей лавки и стал смотреть, и ходил мимо него народ, и видел он людей, числа которых не счесть, и, увидев его, люди подходили к старику и спрашивали его: «О старец, это твой пленник и твоя дичь в эти дни?» И старик отвечал им: «Это сын моего брата. Я услышал, что его отец умер, и послал за ним и призвал его, чтобы потушить огонь моей тоски». И люди сказали: «Это юноша, прекрасный юношью, но мы боимся для него зла от царицы Лаб. Как бы она не обратила на тебя обмана и не отняла его у тебя — она ведь любит красивых юношей». И старик отвечал им: «Царица не ослушается моего приказа. Она почитает

меня и любит, и когда она узнает, что это мой сын, она не станет ему вредить и не огорчит меня и не взволнует моего сердца».

И царь Бадр Басим провел у старика много месяцев за едой и питьем, и старик полюбил его великой любовью. И вот в некий день Бадр Басим сидел, по обычаю, у лавки старика, и вдруг появилась тысяча евнухов, с обнаженными мечами в руках, и были они одеты в разные одежды, и стан их охватывали пояса, украшенные драгоценными камнями. Они ехали на арабских конях и были опоясаны индийскими мечами, и, подъехав к лавке старика, они приветствовали его и удалились. А после них появилась тысяча девушек, подобных лунам и одетых в разные одежды из гладкого шелка, вышитые золотым шитьем и украшенные разными камнями. И у всех девушек были подвязаны копья, и посреди них ехала девушка на арабском коне под золотым седлом, украшенным всевозможными камнями и яхонтами. И они ехали до тех пор, пока не подъехали к лавке старика и приветствовали его и отправились дальше, и вдруг появилась царица Лаб в великолепном шествии. И она приближалась до тех пор, пока не подъехала к лавке старика. И она увидела царя Бадр Басима, который сидел возле лавки, подобный луне в ее полноте, и, увидав его, царица Лаб растерялась из-за его красоты и прелести и оторопела и взволновалась любовью к нему. И она подъехала к лавке и, сойдя с коня, села подле царя Бадр Басима и спросила старика: «Откуда у тебя этот красавец?» — «Это сын моего брата, недавно ко мне приехавший», — отвечал старик. И царица Лаб сказала: «Пусть он будет у меня сегодня вечером. и мы с ним поговорим». — Ты возьмешь его от меня и не заколдуешь?» — спросил старик. И царица ответила: «Да». — «Поклянись мне», — молвил старик. И царица поклялась ему, что не обидит юношу и не заколдует его. И потом она велела привести ему красивого коня, оседланного и взнузданного золотой уздечкой (а все, что было на коне, было золотое, украшенное драгоценными камнями), и подарила старику тысячу динаров, говоря: «Помогай себе этим!»

А затем царица Лаб взяла царя Бадр Басима и поехала с ним (а был он подобен луне в четырнадцатую ночь), и он отправился с нею, и все люди, смотря на него и на его красоту и прелесть, печалились о нем и

говорили: «Клянемся Аллахом, этот юноша не заслуживает того, чтобы его заколдовала эта проклятая». И царь Бадр Басим слышал слова людей, но молчал, вручив свое дело Аллаху великому.

Бадр Басим ехал с царицей Лаб и ее приближенными, пока они не подъехали к воротам дворца, и тогда эмиры, евнухи и вельможи правления спешили, и царица велела царедворцам приказать всем вельможам правления удалиться, и они поцеловали землю и удалились, а царица, с евнухами и невольницами, вошла во дворец. И, посмотрев на этот дворец, царь Бадр Басим увидел, что подобного этому он не видал: стены его были построены из золота, а посередине был полноводный пруд в большом саду. И царь Бадр Басим посмотрел в сад и увидел там птиц, которые щебетали на всех языках и пели голосами, веселящими и печальными, и были эти птицы всех видов и цветов. И увидал царь Бадр Басим царство великое и воскликнул: «Хвала Аллаху! По щедрости своей и кротости наделяет он тех, кто не ему поклоняется». А царица села у окна, выходящего в сад (а сидела она на ложе из слоновой кости, на котором была высокая постель), и царь Бадр Басим сел с нею рядом, и она стала его целовать и прижимать к груди, а затем приказала невольницам принести столик, и они принесли столик из червонного золота, украшенный жемчугом и дорогими камнями, на котором были всевозможные кушанья. И царица с Бадр Басимом поели досыта и вымыли руки, а потом невольницы принесли сосуды — золотые, серебряные и хрустальные — и принесли также всякого рода цветы и подносы с закусками. И царица велела позвать певиц, и явились десять невольниц, подобных лунам (а были у них в руках всякие музыкальные инструменты), а потом царица наполнила кубок и выпила его и, наполнив другой, подала его царю Бадр Басиму, и тот взял его и выпил, и они пили так, пока не напились вдоволь.

И царица велела девушкам петь, и они запели на разные голоса, и представилось царю Бадр Басиму, что дворец пляшет от восторга, и его разум пришел в смятение, и грудь у него расширилась, и он забыл, что находится на чужбине, и сказал себе: «Эта царица — молода, красива, и я уже никогда от нее не уйду, так как ее царство обширнее моего царства, и она лучше царевны Джаухары». И Бадр Басим пил с

царицей, пока не наступил вечер, и зажгли светильники и свечи и пустили куренья, и оба пили, пока не опьянели, а певицы продолжали петь. И когда царица Лаб опьянела, она поднялась со своего места и легла на ложе и приказала невольницам удалиться, а потом она велела царю Бадр Басиму лечь с ней рядом, и он спал с нею, в приятнейшей жизни, пока не наступило утро.

Когда царица поднялась от сна, она пошла в баню, бывшую во дворце, и царь Бадр Басим пошел с нею, и они вымылись. А выйдя из бани, царица одела Бадр Басима в самые лучшие одежды и велела подать прибор для питья, и невольницы принесли его, и они выпили. А потом царица взяла царя Бадр Басима за руку, и они сели на скамеечки, и царица велела принести кушанье, и оба поели и вымыли руки, а затем невольницы принесли им сосуды с вином, и плодами, и цветами, и закусками. И они не переставая ели и пили, а невольницы пели на разные голоса до вечера, и царица с юношей провели за едой, пеньем и музыкой сорок дней. А потом царица спросила: «О Бадр Басим, это место лучше или лавка твоего дяди, торговца овощами?» — И Бадр Басим ответил: «Клянусь Аллахом, о царица, тут лучше, потому что мой дядя — человек бедный и продает овощи». И царица засмеялась словам Бадр Басима, и потом они проспали в наилучшем положении до утра, и царь Бадр Басим пробудился от сна и не нашел царицы Лаб с собою рядом и воскликнул: «Посмотреть бы, куда она ушла!» И он расстроился из-за ее отсутствия и не знал, что делать, и царицы не было долгое время, и она не возвращалась, а Бадр Басим говорил себе: «Куда она девалась?»

И он надел свои одежды и стал искать царицу, но не нашел ее и подумал: «Может быть, она ушла в сад» — и отправился в сад и увидел там струившийся канал, а подле него — белую птицу. А на берегу канала стояло дерево, и на нем были птицы разных цветов. И Бадр Басим стал смотреть на птиц, и птицы его не видели. И вдруг одна черная птица опустилась на ту белую птицу и стала ее клевать, как клюются голуби, а потом черная птица прыгнула на белую три раза и через минуту белая птица приняла образ человека, и Бадр Басим всмотрелся в нее и вдруг видит — это царица Лаб! И понял он, что черная птица — заколдо-

ванный человек, и царица его любит и обращается в птицу, чтобы он покрыл ее. И взяла его ревность, и он рассердился на царицу Лаб из-за черной птицы.

И он вернулся на свое место в постель, и через минуту царица воротилась к нему, и стала царица Лаб целовать Бадр Басима и шутить с ним, но он был сильно на нее разгневан и не говорил ей ни единого слова. И царица поняла, что с ним, и уверилась, что он видел ее, когда она была птицей и та птица покрывала ее. Но она не показала Бадр Басиму ничего и скрыла то, что думала. И когда Бадр Басим удовлетворил ее нужду, он сказал ей: «О царица, я хочу, чтобы ты позволила мне пойти в лавку моего дяди. Я стосковался по нем и уже сорок дней его не видал». И царица ответила: «Сходи к нему, но не задерживайся,— я не могу с тобой расстаться и вытерпеть без тебя даже один час». И Бадр Басим отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И сел на коня и отправился к старику, торговцу овощами, и тот приветствовал его и встал для него и обнял его и спросил: «Каково тебе с этой нечестивой?» И Бадр Басим ответил: «Мне было хорошо, и я был во здравии и благополучии. Но только сегодня ночью она спала рядом со мной, и я проснулся и не увидел ее, и тогда я встал и надел одежду и ходил, разыскивая ее, пока не пришел в сад...» И он рассказал ему о том, что видел канал и птиц, которые были на дереве, и старик, услышав его слова, сказал: «Берегись ее! Знай,— птицы, что были на дереве,— это все юноши-чужеземцы, которых царица полюбила и заколдовала и обратила в птиц. А черная птица, которую ты видел, это один из ее невольников. Она любила его великой любовью, и он обратил взоры на одну из невольниц, и царица заколдовала его в образе черной птицы, и всякий раз, как царица его желает, она обращается в птицу, чтобы он ее покрыл, так как она любит его сильной любовью. И когда она поняла, что ты узнал об ее обстоятельствах, она затаила против тебя зло и больше тебе не друг. Но тебе не будет от нее вреда, пока я о тебе забочусь, не бойся ничего! Я мусульманин, и зовут меня Абдаллах, и нет в наше время лучшего колдуна, чем я. Но я пользуюсь колдовством, только когда вынужден к этому. Я часто уничтожал колдовство этой проклятой и освобождал от нее людей. Не думай же о ней, так как ей нет против меня пути. Наоборот, она меня боится сильным страхом, и все колдуны, что

есть в городе, подобные ей и такого же рода, тоже боятся меня. Все они одной с ней веры и поклоняются огню вместо всевластного владыки. Когда наступит завтрашний день, приходи ко мне и расскажи мне, что она с тобой сделает,—сегодня ночью она будет стараться тебя погубить, и я скажу тебе, что тебе надо с ней сделать, чтобы освободиться от ее ухищрений».

И потом царь Бадр Басим простился со стариком и вернулся к царице и увидел, что она сидит и ждет его. И, увидав юношу, она поднялась и посадила его и приветствовала и принесла ему еды и питья, и они ели, пока не насытились, и вымыли руки. А потом царица велела принести вино, и когда оно появилось, оба стали пить и пили до полуночи. И царица наклонялась к Бадр Басиму с кубком и давала ему пить, пока он не опьянел и не лишился чувств и разума, и, увидав, что он в таком состоянии, царица сказала: «Заклинаю тебя Аллахом и достоинством того, кому ты поклоняешься,—если я спрошу тебя об одной вещи, скажешь ли ты мне о ней правду и согласишься ли на то, что скажу?» И Бадр Басим, будучи пьян, ответил ей: «Да, о госпожа моя». И тогда царица сказала: «О господин мой и свет моего глаза, когда ты проснулся от сна и не увидел меня и пошел меня искать, ты пришел ко мне в сад и увидел меня в образе белой птицы и увидел черную птицу, которая прыгнула на меня. Я расскажу тебе истину об этой птице. Это был один из моих невольников, и я полюбила его великой любовью, и однажды он обратил взоры на одну из моих невольниц, и охватила меня ревность, и я заколдовала его в образе черной птицы, а невольницу я убила. И теперь я не могу вытерпеть без него и одной минуты. Всякий раз как я по нем стоскуюсь, я обращаюсь в птицу и иду к нему, чтобы он прыгнул на меня и овладел мной, как ты видел. Не из-за этого ли ты на меня разгневан, хотя я — клянусь огнем, и светом, и тенью, и жаром! — еще больше полюбила тебя и сделала тебя своей долей в жизни». И Бадр Басим ответил ей, пьяный: «То, что ты поняла о причине моего гнева,—правильно, и нет моему гневу причины, кроме этой». И царица стала его обнимать и целовать и проявила к нему любовь и легла, и он тоже лег рядом с нею. А когда наступила полночь, царица поднялась с постели, и царь Бадр Басим проснулся, но сделал вид, что спит, и стал украдкой поглядывать и смотреть, что она делает, и

увидел, что она вынула из красного мешка что-то красное и рассыпала это посреди дворца, и вдруг это превратилось в реку, которая бежала, как море. И царица взяла в руку горсть ячменя и рассыпала его по земле и полила той водой, и семена превратились в колоссящиеся злаки. И тогда царица взяла зерно и смолола его в муку и положила муку в одно место и вернулась и проспала возле Бадр Басима до утра. А когда наступило утро, царь Бадр Басим поднялся и вымыл лицо и потом попросил у царицы позволения отправиться к старику, и она ему позволила. И Бадр Басим пошел к старику и рассказал ему, что он видел, и старик, услышав его слова, засмеялся и сказал: «Клянусь Аллахом, эта нечестивая колдунья замыслила против тебя козни, но не думай о ней нисколько».

И потом он вынес ему с ритль савика* и сказал: «Возьми его с собой и знай, что, когда она увидит савик, она спросит: «Что это такое и что ты будешь с этим делать?» А ты скажи: «Увеличение блага — благо». И поешь его. А когда она вынесет тебе свой савик и скажет: «Поешь этого савика», — сделай вид, что ты ешь его, а сам ешь свой савик и берегись съесть сколько-нибудь ее савика, хотя бы одно зернышко. Если ты съешь его хоть одно зернышко, ее колдовство получит над тобой власть, и она тебя заколдует и скажет тебе: «Выйди из человеческого образа!» И ты перейдешь из твоего образа в образ, какой она пожелает. А если ты не поешь ее савика, ее колдовство уничтожится, и оно ничем тебе не повредит, и будет она смущена до пределов смущения. Она станет тебе говорить: «Я только с тобой пошутила». И признаваться тебе в любви и дружбе, но все это с ее стороны лицемерие и коварство, а ты тоже прояви к ней любовь и скажи ей: «О госпожа моя и свет моего глаза, поешь этого савика и посмотри, какой он сладкий». И если она съест его хоть одно зернышко, возьми в руку воды, брось ее ей в лицо и скажи: «Выйди из человеческого образа!» И она примет образ, какой ты хочешь. А потом отпусти ее и приходи ко мне, и я тебе что-нибудь придумаю».

И Бадр Басим простился со стариком и пошел и, придя во дворец, пошел к царице, и та, увидев его, воскликнула: «Семья, приют и простор!» А затем она поднялась и поцеловала Бадр Басима и сказала: «Ты заставил меня ждать, о господин». — «Я был у моего

дяди,—отвечал Бадр Басим,—и мой дядя накормил меня таким савиком».—«А у нас есть савик лучше этого»,—сказала царица, и потом она положила его савик на блюдо, а свой савик на другое блюдо и сказала: «Поешь вот этот, он лучше, чем твой савик».

И Бадр Басим сделал вид, что ест ее савик, и когда царица решила, что он съел его, она набрала воды и обрызгала юношу и сказала: «Выйди из твоего образа, о негодяй, о скверный, и будь в образе мула, одноглазого и скверного видом!» Но Бадр Басим не изменился. И когда царица увидела, что он все такой же и не изменился, она поднялась и поцеловала его меж глаз и сказала: «О мой любимый, я только пошутила с тобой. Не сердись на меня за это».—«Клянусь Аллахом, о госпожа,—ответил Бадр Басим,—я не рассердился на тебя нисколько и уверен, что ты меня любишь. Поешь же моего савика». И царица взяла кусочек и съела его, и когда савик утвердился у нее в желудке, она задрожала, а царь Бадр Басим взял в руку воды и брызнул ею в лицо женщины и сказал: «Выйди из твоего человеческого образа в образ пегого мула!» И не успела царица на себя оглянуться, как уже оказалась в таком виде, и слезы заструились у нее по лицу, и она стала тереться щеками о ноги Бадр Басима. И юноша встал, чтобы взнуздать ее, но она не принимала узды, и он оставил ее и пошел к старику и осведомил его о том, что случилось. И старик встал и вынес ему уздечку и сказал: «Возьми эту уздечку и взнуздай ею мула».

И Бадр Басим взял узду и пришел к царице, и, увидав его, она подошла к нему, и он вложил узду ей в рот и сел на мула и выехал из дворца и отправился к старику Абдаллаху. И, увидев царицу, Абдаллах поднялся и сказал ей: «Да посрамит тебя Аллах великий, о проклятая!» А затем старик сказал Бадр Басиму: «О дитя мое, не осталось тебе в этом городе пребывания. Садись на этого мула и поезжай на нем в какое хочешь место, но берегись отдать кому-нибудь уздечку».

И царь Бадр Басим поблагодарил его и поехал и ехал не переставая три дня и подъехал к одному городу. И его встретил старик, прекрасный сединой, и спросил его: «О дитя мое, откуда ты прибыл?» — «Из города этой колдуньи»,—отвечал Бадр Басим. И старик сказал: «Сегодня вечером ты мой гость». И Бадр

Басим согласился и поехал с ним по дороге. И вдруг появилась одна женщина-старуха, и, увидав мула, она заплакала и сказала: «Нет бога, кроме Аллаха! Этот мул похож на околевшего мула моего сына. Он умирает, и мое сердце из-за него расстроено; заклинаю тебя Аллахом, о господин, продай мне твоего мула». — «Клянусь Аллахом, о матушка, я не могу его продать», — ответил Бадр Басим. И старуха воскликнула: «Заклинаю тебя Аллахом, не отвергай моей просьбы. Мой сын, если я не куплю ему этого мула, умрет несомненно». И затем она распространилась в просьбах, и Бадр Басим сказал ей: «Я не продам его иначе, как за тысячу динаров». А про себя Бадр Басим думал: «Откуда этой старухе достать тысячу динаров?» И старуха вынула из-за пояса тысячу динаров, и, увидев это, царь Бадр Басим сказал: «О матушка, я только пошутил с тобой, я не могу продать тебе этого мула». Старуха посмотрела на него и сказала: «О дитя мое, в этом городе никто не лжет, и всякого, кто солжет в городе, убивают». И царь Бадр Басим сошел с мула и отдал его старой женщине, а та вынула уздечку изо рта мула и, взяв в руку воды, обрызгала его и сказала: «О дочь моя, перейди из этого образа в тот образ, в котором ты была прежде».

И мул тотчас же превратился и вернулся к своему прежнему образу, и обе женщины бросились друг к другу в объятия, и царь Бадр Басим понял, что эта старуха — мать царицы, и хотел бежать. И вдруг старуха издала великий свист, и предстал перед ней ифрит, подобный огромной горе. И царь Бадр Басим испугался и остался стоять, и старуха села ифриту на спину и посадила свою дочь сзади, а царя Бадр Басима впереди, и ифрит полетел с ними, и прошло не более часа, и они достигли дворца царицы Лаб. И когда царица села на престол царства, она обратилась к царю Бадр Басиму и сказала ему: «О негодный, я достигла этого места и получила то, что желала, и я покажу тебе, что сделаю с тобой и этим старым торговцем овощами! Сколько я делала ему добра, а он только зло, и ты достиг желаемого только при его посредстве». И потом она взяла воды и обрызгала ею Бадр Басима и сказала: «Перейди из того образа, в котором ты пребываешь, в образ птицы гадкого вида, самой гадкой, какая есть среди птиц». И Бадр Басим сейчас же превратился и сделался птицей гадкого

вида. И царица посадила его в клетку и лишила его пищи и питья. Но увидела его одна невольница и пожалела его и стала его кормить и поить без ведома царицы. И в один из дней невольница увидела, что ее госпожа не замечает, и вышла и отправилась к старику торговцу и осведомила его об этом деле и сказала ему: «Царица Лаб намерена погубить твоего племянника». И старик поблагодарил ее и сказал: «Я непременно отниму у нее город и сделаю тебя его царицей вместо нее».

И затем он свистнул великим свистом, и вышел к нему ифрит с четырьмя крыльями, и старик сказал ему: «Возьми эту девушку и отправляйся с нею в город Джулланар-морской к матери Фараши* — они колдуют лучше всех, кого можно найти на лице земли». А невольнице он сказал: «Когда ты прибудешь туда, расскажи им, что царь Бадр Басим в плену у царицы Лаб».

И ифрит поднял девушку и полетел с нею, и прошло не более часа, и он опустил ее на дворец царицы Джулланар-морской. И невольница спустилась с крыши дворца и вошла к царице Джулланар и, поцеловав землю, осведомила ее о том, что случилось с ее сыном, от начала до конца. И Джулланар поднялась перед ней и оказала ей уважение и поблагодарила ее, и в городе стали бить в литавры, и она осведомила его жителей и вельмож своего царства о том, что царь Бадр Басим нашелся. А затем Джулланар-морская и ее мать Фараша и брат ее Салих призвали все племена джиннов и войска моря, так как цари джиннов стали ей покорны после пленения царя ас-Самандаля, и они полетели по воздуху и опустились на город колдуньи, разграбили дворец и убили всех, кто там был из нечестивых, во мгновение ока. И Джулланар спросила невольницу: «Где мой сын?» И невольница взяла клетку и принесла ее Джулланар и указала ей на птицу, которая была в ней, и сказала: «Вот твой сын». И царица Джулланар вынула птицу из клетки и, взяв в руку воды, обрызгала ею птицу и сказала: «Перейди из этого образа в образ, в котором ты был». И не закончились еще ее слова, как Бадр Басим встряхнулся и стал человеком, как был. И когда его мать увидела его в первоначальном образе, она поднялась и обняла его, и Бадр Басим заплакал сильным плачем, так же, как его дядя Салих и бабка его Фараша и его двоюродные сестры, и они стали целовать ему руки и ноги.

А потом Джулланар послала за шейхом Абдаллахом и поблагодарила его за благой поступок с ее сыном и женила его на невольнице, которую он послал к ней с вестями о ее сыне. И шейх вошел к ней, а затем Джулланар сделала его царем этого города. И она призвала оставшихся жителей города из мусульман и заставила их присягнуть шейху Абдаллаху и взяла с них обеты и клятвы, что они будут ему повиноваться и служить ему, и они сказали: «Слушаем и повинуемся!»

А после того Джулланар и ее родные попрощались с шейхом Абдаллахом и отправились в свой город, и когда они вошли во дворец, жители города встретили их боем в литавры, радостные, и украшали город три дня, так сильно они радовались своему царю Бадр Басиму,— а они обрадовались ему сильной радостью. И потом царь Бадр Басим сказал своей матери: «О матушка, мне осталось только жениться, и мы все будем вместе». И его мать ответила: «О дитя мое, прекрасен замысел, который ты замыслил, но потерпи, пока мы расспросим, кто годится тебе в жены из царских дочерей». А бабка его Фараша и двоюродные сестры и дяди сказали: «О Бадр Басим, мы все сейчас же станем помогать тебе в том, что ты хочешь».

И потом каждая из женщин поднялась и пошла искать в странах, и Джулланар-морская тоже послала своих невольниц на шеях ифритов и сказала им: «Не оставляйте города или дворца из царских дворцов, не осмотрев всех, какие есть там, красивых девушек». И когда Бадр Басим увидел их усердие в этом деле, он сказал своей матери Джулланар: «О матушка, оставь это дело — никто меня не удовлетворит, кроме Джаухары, дочери царя ас-Самандаля, ибо она — драгоценность, как и обозначено в ее имени». — «Я поняла, к чему ты стремишься», — сказала его мать.

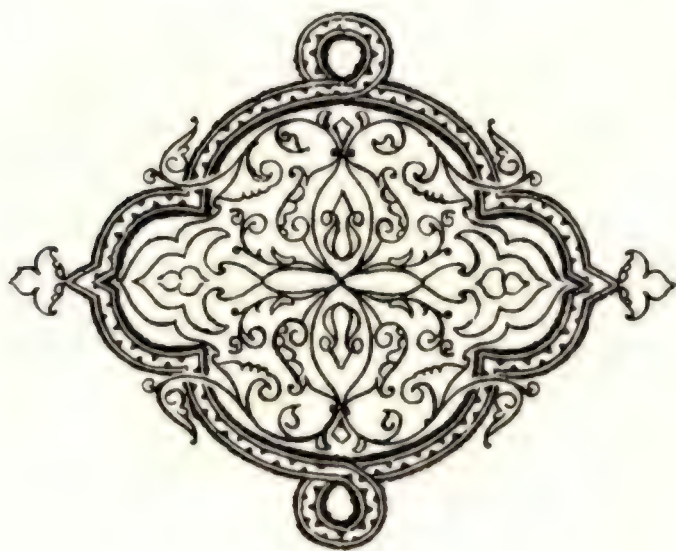
И затем она тотчас же послала людей, чтобы привести царя ас-Самандаля. И его в ту же минуту привели к ней. И затем она послала за Бадр Басимом, и когда Бадр Басим пришел, осведомила его о приходе царя ас-Самандаля. И Бадр Басим вошел к нему, и, увидев, что он подходит, царь ас-Самандаль поднялся и пожелал ему мира и приветствовал его, а потом царь Бадр Басим посватался у него к его дочери Джаухаре, и царь молвил: «Она к твоим услугам и твоя невольница и стоит перед тобой». И затем царь ас-Самандаль послал некоторых приближенных в

свою страну и велел им привести свою дочь Джаухару и осведомить ее о том, что он, ее отец, находится у царя Бадр Басима, сына Джулланар-морской.

И тогда посланные полетели по воздуху и скрылись на некоторое время, а потом вернулись, и с ними была царевна Джаухара. Увидав своего отца, она подошла к нему и обняла его, и царь посмотрел на нее и сказал: «О дочь моя, знай, что я выдал тебя замуж за этого доблестного царя и неустрашимого льва — царя Бадр Басима, сына царицы Джулланар. Он — прекраснейший из людей своего времени и самый красивый из них и выше их всех саном и благороднее родом, и годится он только тебе, а ты годишься только ему». — «О батюшка, — ответила царевна, — я не могу прекословить тебе, делай же что хочешь. Прекратились заботы и страдания, и я для него — одна из служанок».

И тогда призвали судей и свидетелей и написали запись царя Бадр Басима, сына царицы Джулланар-морской, с царевной Джаухарой. И жители города украсили его и стали бить в литавры и выпустили всех, кто был в тюрьмах, и царь одел вдов и сирот и наградил вельмож правления, эмиров и знатных. А затем устроили великое торжество и сделали пиры и провели в торжествах вечером и утром время десяти дней и невесту открывали перед царем Бадр Басимом в десяти одеяниях.

И потом царь Бадр Басим наградил царя ас-Самандаля и воротил его в его страну, к семье и родным. И жили они все самой сладостной жизнью, проводя приятнейшие дни в еде, питье и наслаждениях, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, и вот конец их истории, да будет милость Аллаха над ними всеми!

СКАЗКА
О НУР АД-ДИНЕ
И МАРИАМ-КУШАЧНИЦЕ

ассказывают также,—начала новую сказку Шахразада,—что был в древние времена и минувшие века и годы один человек — купец, в земле египетской, по имени Тадж ад-Дин, и был он из числа великих купцов и людей верных и благородных, но только он увлекался путешествиями во все страны и любил ездить по степям, пустыням, равнинам и кручам, и морским островам, ища дирхема и динара. И были у него рабы, невольники, слуги и рабыни, и долго подвергал он себя опасностям, и терпел он в путешествиях то, от чего седыми станут малые дети, и был он среди купцов того времени богаче всех деньгами и прекраснее всех речами. Он обладал конями, и мулами, и верблюдами, двугорбыми и одногорбыми, и были у него кули, мешки и товары, и деньги, и материи неподобные — свертки тканей из Химса *, баальбекские * одежды, куски шелкового полотна, одеяния из Мерва *, отрезы индийской материи, багдадские воротники, магрибинские бурнусы, турецкие

невольники, абиссинские слуги, румские рабыни и египетские прислужники, и были мешки для его поклажи — шелковые, так как у него было много денег. И был он редкостно красив, с гибкими движениями и, изгибаясь, вызывал желание.

И был у этого купца ребенок мужского пола по имени Али Нур ад-Дин, и был он подобен луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь месяца, редкостно красивый и прекрасный, изящный в стройности и соразмерности. И в один из дней этот мальчик сел, по обычаю, в лавке своего отца, чтобы продавать и покупать, брать и отдавать, и окружили его сыновья купцов, и стал он между ними подобен луне среди звезд, с блистающим лбом, румяными щеками, молодым пушком и телом, точно мрамор.

И сыновья купцов пригласили его и сказали: «О Сиди Нур ад-Дин, мы хотим сегодня погулять с тобой в таком-то саду». И юноша ответил: «Я только спрошусь у отца: я могу пойти лишь с его позволения». И когда они разговаривали, вдруг пришел его отец, Тадж ад-Дин, и его сын посмотрел на него и сказал: «О батюшка, дети купцов приглашают меня погулять с ними в таком-то саду. Позволишь ли ты мне это?» — «Да, о дитя мое», — ответил Тадж ад-Дин. И затем он дал сыну немного денег и сказал: «Отправляйся с ними».

И дети купцов сели на ослов и мулов, и Нур ад-Дин тоже сел на мула и отправился с ними в сад, где было все, что желательно душе и услаждает очи. Там были высокие колонны и строения, уходящие ввысь, и были у сада сводчатые ворота, подобные портику во дворце, и лазоревые ворота, подобные вратам райских садов, привратника которых звали Ридван*, а над ними было сто палок с виноградными лозами всевозможных цветов: красных, подобных кораллам, черных, точно носы негров, и белых, как голубиные яйца. И были там сливы, гранаты и груши, абрикосы и яблоки — все это разных родов и разнообразных цветов, купами и отдельно.

И потом юноши пришли к беседке в саду и увидели Ридвана, привратника сада, который сидел в этой беседке, точно он, Ридван, — стл аж райских садов. И

они увидели, что на этой беседке написаны такие стихи:

Аллах, напои тот сад, где кисти свисают вниз,
И ветки, упившись сильно, с ними склоняются.

Когда ж заплесать заставит ветки рука ветров,
Украсит их дождь с небес жемчужными точками.

А внутри беседки они увидели такие написанные стихи:

Войдем с тобой, приятель, в прекрасный сад —
Заботы ржу снять сможет он с сердца нам.

Там ветерок, идя, запинается,
И все цветы в руках улыбаются.

И были в этом саду плоды разнообразные и птицы всех родов и цветов: вяхири, соловьи, певчие куропатки, горлинки и голуби, что воркуют на ветвях, а в каналах его была вода текучая, и блистали эти потоки цветами и плодами услаждающими, подобно тому, как сказал поэт:

Ветерок в ветвях пролетел его, и сходство есть
В них с красавицей, что в одежде пышной качается.

А ручки его нам мечи напомнят, коль вынут их
Руки витязей из теснины ножен, хранящих их.

А на деревьях в этом саду было каждого плода по паре, и были в нем гранаты, похожие на кайраванские шарики, как сказал поэт и отличился:

Вот гранаты с тончайшей кожей; сходны
С грудями девы, выступают коль округло.

Когда очистишь их, они покажут
Нам яхонты, смущающие рассудок,

И были в этом саду яблоки — сахарные, мускусные и даманийские, ошеломляющие взор, как сказал о них поэт:

Вот яблоко двух цветов — напомним смотрящему
Любимого с любящим ланиты, что встретились.

На ветке они блестят, в чудесном несходные.
Один из них темен, а другой — в нем сияние.

Обнялись они, и вдруг доносчик их испугал:
Один покраснел, смутясь, другой побледнел в тоске.

И были в этом саду абрикосы, миндальные и камфарные, из Гиляна * и Айн-Таба, и сказал о них поэт:

Вот абрикос миндальный — как влюбленный он,
Когда пришел любимый и смутил его.

А влюбленного в нем довольно качеств, поистине:
Лицом он желт, и разбито сердце всегда его.

И сказал о них другой и отличился:

Взгляни на абрикос ты: цветы его —
Сады, чей блеск глаза людей радует.

Как яркие светила, блестят они,
Гордятся ветки блеском их средь листвы.

И были в этом саду сливы, вишни и виноград, исцеляющий больного от недугов и отводящий от головы желчь и головокружение, а смоквы на ветвях — красные и зеленые — смущали разум и взоры, как сказал о них поэт:

И мнится, что смоквы, когда видно в них белое
И вместе зеленое среди листвы дерева,—

То румов сыны на вышках грозных дворцов стоят,
Когда опустилась ночь, и настороже они.

И были в этом саду груши — тирские *, алепские и румские, разнообразных цветов, росшие купами и отдельно, желтые и зеленые, ошеломляющие взор. И поэт сказал о них:

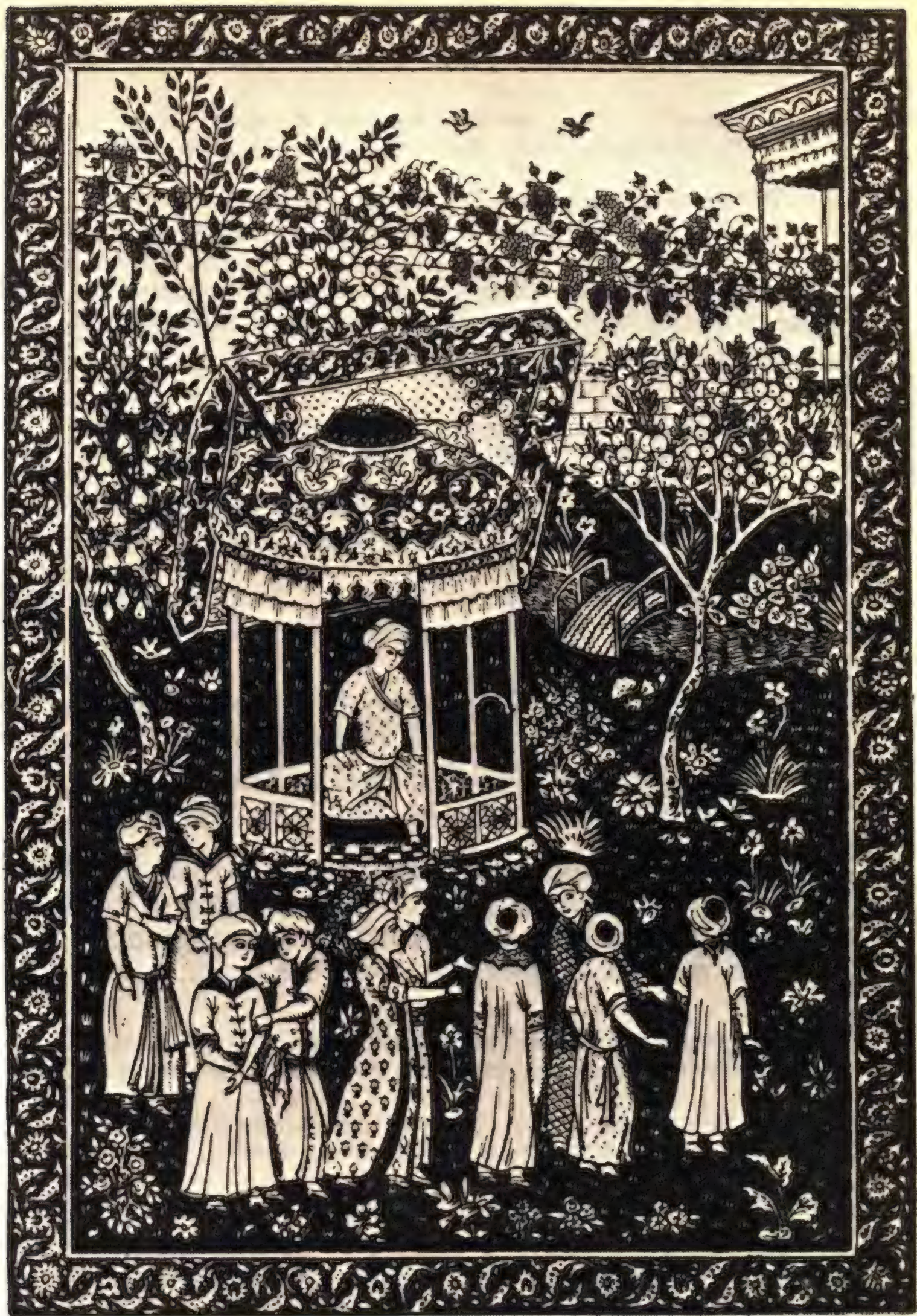
Порадуйся же груше ты! Цвет ее
Подобен цвету любящих — бледен он.

Сочтешь ее за деву в плаще ее,
Лицо свое завесой закрывшую.

И были в этом саду султанские персики разнообразных цветов, желтые и красные, как сказал о них поэт:

И кажется, что персики в их саду,
Когда румянцем ярким покроются,

Подобны ядрам золота желтого,
Которых кровью алой покрасили.

И был в этом саду зеленый миндаль, очень сладкий,
похожий на сердцевину пальмы, а косточка его — под
тремя одеждами, творением владыки одаряющего, как
сказал поэт:

Одежды есть три на теле нежном и сладостном,
Различен их вид — они владыкой так созданы.

Грозят они смертью телу ночью и каждый день,
Хотя заключенный в них и не совершил греха.

И был в этом саду боярышник разнообразной
окраски, купами и отдельно, и сказал о нем кто-то из
описывавших такие стихи:

Взгляни на боярышник, на ветках нанизанный,
Чванливо, как абрикос, гордится он на сучках.

И кажется желтизна его смотрящим подобною
Бубенчикам, вылитым из яркого золота.

И были в этом саду померанцы, подобные калгану,
и сказал о них поэт, от любви обезумевший:

Он красен, в ладонь размером, горд в красоте своей,
Снаружи его огонь, а внутренность — чистый снег,

Но дивным сочту я снег, не тающий близ огня,
И дивным сочту огонь, в котором нет пламени.

И были в этом саду лимоны, цветом подобные
золоту, и спустились они с высочайшего места и
свешиваются на ветвях, подобные слиткам золота, и
сказал о них поэт, безумно влюбленный:

Не видишь ли роци ты лимонной, что вся в плодах?
Склонились когда, страшна им гибель грозящая.

И кажется нам, когда пронесся в них ветерок,
Что ветви нагружены тростями из золота,

И были в этом саду лимоны с толстой кожей,
спускавшиеся с ветвей своих, точно груди девушек,
подобных газелям, и был в них предел желания, как
сказал о них и отличился поэт:

Прекрасный я увидел лимон среди садов сейчас.
На ветках зеленых, — с девы станом сравню я их.

Когда наклоняет ветер плод, он склоняется,
Как мячик из золота на палке смарагдовой.

И были в этом саду сладкие лимоны с прекрасным запахом, подобные куриным яйцам; и желтизна их — украшение плодов, а запах их несется к срывающему, как сказал кто-то из описывающих:

Не видишь ли лимон — когда явится,
Влечет к себе все очи сияньем

И кажется куриным яйцом он нам.
Испачканным рукою в шафране.

И были в этом саду всякие плоды, цветы и зелень и благовонные растения — жасмин, бирючина, перец, лаванда и роза, во всевозможных видах своих, и баранья трава, и мирта, и все цветы полностью, всяких сортов. И это был сад несравненный, и казался он смотрящему уголком райских садов: когда входил в него больной, он выходил оттуда, как ярый лев. И не в силах описать его язык, таковы его чудеса и диковинки, которые найдутся только в райских садах; да и как же нет, если имя его привратника — Ридван! Но все же между этими двумя садами — различие.

И когда дети купцов погуляли по саду, они сели, погуляв и походив, под одним из портиков в саду и посадили Нур ад-Дина посредине портика на ковре из вышитой кожи, и он облокотился на подушку, набитую перьями страусов, верх которой был из беличьего меха, и ему подали веер из перьев страуса, на котором были написаны такие стихи:

Вот веер навевает ароматы,
Подобные духам, в минуту счастья.

Всегда ведет тот благовонный запах
К лицу того, кто славен, благороден.

А потом юноши сняли бывшие на них тюрбаны и одежды и сели, и начали разговаривать и беседовать, соединяя друг с другом концы слов, и каждый из них вглядывался в Нур ад-Дина и смотрел на красоту его облика. И когда они спокойно просидели некоторое время, приблизился к ним черный раб, на голове которого была кожаная скатерть для кушанья, уставленная сосудами из хрусталя, так как один из сыновей

купцов наказал перед уходом в сад своим домашним, чтобы они прислали ее. И было на этой скатерти то, что бегают, и летает, и плавает в морях,—ката*, перепелки, птенцы голубей и ягнята и наилучшая рыба. И когда эту скатерть положили перед юношами, они подошли к ней и поели вдоволь, и, окончив есть, они поднялись от трапезы и вымыли руки чистой водой и мылом, надушенным мускусом, а потом обсушили руки платками, шитыми шелком и золотыми нитками. И они подали Нур ад-Дину платок, обшитый каймой червонного золота, и он вытер руки, а потом принесли кофе, и юноши выпили сколько кому требовалось и сели за беседу.

И вдруг садовник того сада ушел и вернулся с корзинкой, полной роз, и спросил: «Что вы скажете, господа наши, о цветах?» И кто-то из сыновей купцов сказал: «В них нет дурного, особенно в розах, от них не отказываются». — «Да,—ответил садовник,—но у нас в обычае давать розы только за стихи под вино, и тот, кто хочет их взять, пусть скажет какие-нибудь стихи, подходящие к месту». А сыновей купцов было десять человек, и один из них сказал: «Хорошо! Дай мне, и я скажу тебе стихи, подходящие к месту». И садовник дал ему пучок роз, и юноша взял его и произнес такие стихи:

Для роз у меня есть место,
Они не наскучат вечно.

Все прочие цветы—войско,
Они же—эмир преславный.

Как нет его, так гордятся,
Но явится—и смирятся.

Потом садовник подал пучок роз второму, и тот взял его и произнес такое двустишие:

Вот тебе роза, о мой господин,
Мускус напомнит дыханье ее.

То дева—влюбленный ее увидал,
И быстро закрылась она рукавом.

И потом садовник подал пучок роз третьему, и тот взял его и произнес такое двустишие:

Прекрасные розы! Сердце счастливо, видя их,
А запах напомнит нам о недде хорошем.

И обняли ветки их с восторгом своей листвою.

И словно целуют их уста неразлучно.

Потом садовник подал пучок роз четвертому, и тот взял его и произнес такое двустишие:

«Не видишь ли роз куста, в котором явились нам
Столь дивные чудеса, на ветках висящие?

Они — как бы яхонты, везде окруженные
Кольцом изумрудов, с ярким золотом смешанных».

Потом садовник подал пучок роз пятому, и тот взял его и произнес такое двустишие:

Изумруда ветви плоды несут, и видимы
Плоды на них, как слитки золотые.

И как будто капли, что падают с листвы ветвей,—
То слезы томных глаз, когда заплачут.

Потом садовник подал пучок роз шестому, и тот взял его и произнес такое двустишие:

О роза — все дивные красоты в ней собраны,
И в ней заключил Аллах тончайшие тайны.

Подобна она щекам возлюбленного, когда
Отметил их любящий при встрече динаром.

Потом садовник подал пучок роз седьмому, и тот взял его и произнес такое двустишие:

Вопрошал я: «Чего ты колешься, роза?
Кто коснется шипов твоих, тут же ранен».

Отвечала: «Цветов ряды — мое войско,
Я султан их и бьюсь шипом, как оружием».

Потом садовник подал пучок роз восьмому, и тот взял его и произнес такое двустишие:

Аллах, храни розу, что стала желта,
Прекрасна, цветиста и злато напомнит,

И ветви храни, что родили ее
И нам принесли ее желтые солнца.

Потом садовник подал пучок роз девятому, и тот взял его и произнес такое двустишие:

Желтых роз кусты — влечет всегда прелесть их
К сердцу любящих ликованье и радости.

Диво дивное этот малый кустик — напоен он
Серебром текучим, и золото принес он нам.

Потом садовник подал пучок роз десятому, и тот
взял его и произнес такое двустишие:

Ты видишь ли, как войско роз гордится
И желтыми и красными цветами?

Для розы и шипов найду сравнение:
То щит златой, и в нем смарагда стрелы.

И когда розы оказались в руках юношей, садовник
принес скатерть для вина и поставил между ними
фарфоровую миску, расписанную ярким золотом, и
произнес такие два стиха:

Возвещает заря нам свет, напои же
Вином старым, что делает неразумным,

Я не знаю — прозрачна так эта влага, —
В чаше ль вижу ее, иль чашу в ней вижу.

Потом садовник этого сада наполнил и выпил, и
черед сменялся, пока не дошел до Нур ад-Дина, сына
купца Тадж ад-Дина. И садовник наполнил чашу и
подал ее Нур ад-Дину, и тот сказал: «Ты знаешь, что
это вещь, которой я не знаю, и я никогда не пил этого,
так как в нем великое прегрешенье и запретил его в
своей книге * всевластный владыка». — «О господин
мой Нур ад-Дин, — сказал садовник сада, — если ты не
стал пить вино только из-за прегрешения, то ведь
Аллах (слава ему и величие!) великодушен, кроток,
всепрощающ и милостив и прощает великий грех. Его
милость вмещает все, и да помилует Аллах кого-то из
поэтов, который сказал:

Каким хочешь будь — Аллах поистине милостив,
И коль согрешишь, с тобой не будет дурного.

Лишь два есть греха, и к ним вовек ты не подходи:
Приданье товарищей * и к людям жестокость».

А потом один из сыновей купцов сказал: «Закли-
наю тебя жизнью, о господин мой Нур ад-Дин, выпей
этот кубок!» И подошел другой юноша и стал закли-
нать его разводом, и другой встал перед ним на ноги, и
Нур ад-Дин застыдился и взял у садовника кубок и
отпил из него глоток, но выплюнул его и воскликнул:

«Оно горькое!» И садовник сказал ему: «О господин мой Нур ад-Дин, не будь оно горьким, в нем не было бы этих полезных свойств. Разве ты не знаешь, что все сладкое, что едят для лечения, кажется вкушающему горьким, а в этом вине — многие полезные свойства и в числе их то, что оно переваривает пищу, прогоняет огорчение и заботу, прекращает ветры, просветляет кровь, очищает цвет лица и оживляет тело. Оно делает труса храбрым и усиливает решимость человека к совокуплению, и если бы мы упомянули все его полезные свойства, изложение, право, бы затянулось.

Потом садовник, в тот же час и минуту, поднялся на ноги и, открыв одну из кладовых под этим портиком, вынул оттуда голову очищенного сахара и, отломив от нее большой кусок, положил его в кубок Нур ад-Дина и сказал: «О господин мой, если ты боишься пить вино из-за горечи, выпей его сейчас, — оно стало сладким». И Нур ад-Дин взял кубок и выпил его, а потом чашу наполнил один из детей купцов и сказал: «О господин мой Нур ад-Дин, я твой раб!» И другой тоже сказал: «Я один из твоих слуг». И поднялся третий и сказал: «Ради моего сердца!» И поднялся еще один и сказал: «Ради Аллаха, о господин мой Нур ад-Дин, залечи мое сердце». И все десять сыновей купцов не отставали от Нур ад-Дина, пока не заставили его выпить десять кубков — каждый по кубку.

А нутро у Нур ад-Дина было девственное — он никогда не пил вина раньше этого часа — и вино закружилось у него в мозгу, и опьянение его усилилось. И он поднялся на ноги (а язык его отяжелел, и речь его стала непонятной) и воскликнул: «О люди, клянусь Аллахом, вы прекрасны и ваши слова прекрасны, и это место прекрасно, но только в нем недостает хорошей музыки».

И тогда поднялся юноша, хозяин сада, и, сев на мула из мулов детей купцов, скрылся куда-то и вернулся. И с ним была каирская девушка, подобная свежнему курдюку, или чистому серебру, или динару в фарфоровой миске, или газели в пустыне, и лицо ее смущало сияющее солнце: с чарующими глазами, бровями, как изогнутый лук, розовыми щеками, жемчужными зубами, сахарными устами и томными очами; с грудью, как слоновая кость, втянутым животом со свитыми складками, ягодицами, как набитые подушки, и бедрами, как сирийские таблицы, а между

ними была вещь, подобная кошельку, завернутому в кусок полотна.

И эта девушка была подобна луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь, и было на ней синее платье и зеленое покрывало над блистающим лбом, и ошеломляла она умы и смущала обладателей разума.

И юноша-садовник сказал девушке: «Знай, о владычица красавиц и всех блистающих звезд, что мы пожелали твоего прихода в это место только для того, чтобы ты развлекала этого юношу, прекрасного чертами, господина моего Нур ад-Дина. И он не приходил к нам в это место раньше сегодняшнего дня». — «О, если бы ты мне сказал об этом раньше, чтобы я принесла то, что у меня есть!» — воскликнула девушка. «О госпожа, я схожу и принесу тебе это», — сказал садовник. И девушка молвила: «Делай как тебе вздумалось!» — «Дай мне что-нибудь, как знак», — сказал садовник. И девушка дала ему платок.

И тогда садовник быстро ушел и отсутствовал некоторое время, а потом вернулся, неся зеленый мешок из гладкого шелка, с двумя золотыми подвесками. И девушка взяла мешок у садовника и развязала его и вытряхнула, и из него выпало тридцать два кусочка дерева, и девушка стала вкладывать кусочки один в другой, мужские в женские и женские в мужские, и, обнажив кисти рук, поставила дерево прямо, и превратилось оно в лютню, полированную, натертую, изделие индийцев. И девушка склонилась над ней, как мать склоняется над ребенком, и пощекотала ее пальцами руки, и лютня застонала, и зазвене-ла, и затосковала по прежним местам, и вспомнила она воды, что напоили ее, и землю, на которой она выросла и воспиталась. И вспомнила она плотников, которые ее вырубili, и лакировщиков, что покрыли ее лаком, и купцов, которые ее доставили, и корабли, что везли ее, и возвысила голос, и закричала, и стала рыдать, и запричитала, и казалось, что девушка спросила ее об этом, и она ответила языком обстоятельств, произнося такие стихи:

Была прежде деревом, пристанищем соловьев,
И ветви я с ними наклоняла свои в тоске.

Они на мне плакали, я плач их переняла,
И тайну мою тот плач теперь сделал явною.

Безвинно меня свалил на землю рубящий лес,
И сделал меня он лютней стройной, как видите.

Но только удар о струны пальцев вещает всем,
Что страстию я убита, ею пытаема.

И знай, из-за этого все гости застольные,
Услышав мой плач, пьянеют, в страсти безумствуют.

И вышний владыка их сердца умягчил ко мне,
И стали на высшие места возвышать меня,

Мой стан обнимает та, кто выше других красой,
Газель черноглазая с истомными взорами.

И пусть Аллах бдительный нас с нею не разлучит,
И пусть не живет влюбленный, милых бросающий.

И потом девушка немного помолчала, и положила
лютню на колени, и склонилась над ней, как мать
склоняется над ребенком. И потом она ударила по
струнам на много ладов, и вернулась к первому ладу, и
произнесла такие стихи:

О, если б влюбленного, свернув, посетили,
То тяжесть с него любви они бы сложили.

И вот соловей в кустах с ним перекликается,
Как будто влюбленный он, а милый далеко.

Проснись же и встань — ведь ночь сближения лунная,
И мнится, в миг близости сияют нам зори.

Сегодня завистники небрежны, забыв о нас,
И струны к уладам нас с тобой призывают.

Не видишь ты, для любви здесь четверо собраны:
То роза и мирты цвет, гвоздика и ландыш.

Сегодня для радости собрались здесь четверо:
Влюбленный, прекрасный друг, динар и напиток.

Бери же ты счастье в жизни — радости ведь ее
Исчезнут; останутся лишь слухи и вести.

И Нур ад-Дин, услышав от девушки эти стихи,
посмотрел на нее оком любви и едва мог владеть своей
душой от великой к ней склонности, и она тоже, так
как она посмотрела на всех собравшихся сыновей
купцов и на Нур ад-Дина и увидела, что он среди
них — как луна среди звезд, ибо он был мягок в словах,
и изнежен, и совершенен по стройности, соразмерно-

сти, блеску и красоте—нежнее ветерка и мягче Таснима *. Когда Нур ад-Дин услышал слова этой девушки и ее стихи, ему понравилась их стройность (а он уже склонился от опьянения), и он начал восхвалять ее, говоря:

Лютнистка наклонилась к нам—
Охмелела вдруг от вина она,—

И струны молвили ее:
«Нам речь внушил Аллах, и он...»

И когда Нур ад-Дин проговорил эти слова и сказал свои нанизанные стихи, девушка посмотрела на него оком любви, и увеличилась ее любовь и страсть к нему. Она удивилась его красоте, прелести, тонкости его стана и соразмерности и, не владея собой, еще раз обняла лютню и произнесла такие стихи:

Бранит он меня, когда на него смотрю я,
Бежит от меня, а дух мой в руках он держит.

Он гонит меня, но что со мной—он знает,
Как будто Аллах поведал ему об этом.

Я лик его в ладони начертала
И взору: «Утешайся им!» — сказала:

Мой глаз ему замены не увидит,
И сердце мне не даст пред ним терпенья.

О сердце, из груди тебя я вырву!
Ведь ты завидуешь, как и другие!

И как скажу я сердцу: «О, утешься!»
К нему лишь одному стремится сердце.

А когда девушка произнесла эти стихи, Нур ад-Дин удивился красоте ее стихотворения, красноречию ее слов, нежности ее выговора и ясности ее языка, и ум его улетел от сильной страсти, тоски и любовного безумия. Он не мог терпеть без нее ни минуты и, наклонившись к ней, прижал ее к груди, и она тоже бросилась к нему и вся оказалась близ него. Она поцеловала его между глаз, а он поцеловал ее в уста, сжав сначала ее стан, и начал играть с нею, целуясь, как клюются голубки. И девушка повернулась к нему и стала делать с ним то же, что он делал с нею, и присутствующие обезумели и поднялись на ноги,

и Нур ад-Дин застыдился и снял с нее руку. А потом девушка взяла лютню и, ударив по струнам на много ладов, вернулась к первому ладу и произнесла такие стихи:

Вот луна, что меч обнажает век, когда сердится,
А смотря, она над газелями издевается.

Вот владыка мой, чьи прелести—войска его,
И в сражении нам копьё напомним стан его.

Коль была бы нежность боков его в душе его,
Не обидел бы он влюбленного, не грешил бы он.

О жестокость сердца и бока нежность! Не можете ль
Поменяться местом—туда оттуда сдвинуться?

О хулитель мой, за любовь к нему будь прощающим!
Ведь тебе остаться с красой его, и погибнуть—мне!

И Нур ад-Дин, услышав слова девушки и ее дивно нанизанные стихи, наклонился к ней в восторге, и он не владел умом от сильного удивления. А потом он произнес такие стихи:

За солнце ее я счел—она мне привиделась,
Пожар ее пламени пылает в душе моей.

Что стоит ей знак подать нам иль нас приветствовать
Концами прекрасных пальцев и головой кивнуть?

Увидел он лик ее блестящий, и молвил он,
Смущенный красой ее, что выше красоты самой:

«Не это ли та, в кого влюблен так безумно ты?
Поистине, ты прощен!» И молвил я: «Это та,

Что бросила стрелы глаз в меня и не сжалилась
Над тем, как унижен я, и сломлен, и одинок».

И сделался я души лишенным, и я влюблен,
Рыдаю и плачу я весь день и всю ночь теперь.

И когда Нур ад-Дин окончил свои стихи, девушка удивилась его красноречию и тонкости и, взяв лютню, ударила по ней самыми лучшими движениями и снова перебрала все напевы, а потом она произнесла такие стихи:

Твоего лица поклянусь я жизнью, о жизнь души,—
Я тебя не брошу, лишусь надежды или не лишусь!

Коль суров ты будешь, то призрак твой со мной
сблизится,
А уйдешь когда, развлечет меня о тебе мечта.

О очей моих избегающий! Ведь знаешь ты,
Что не кто иной, лишь любовь к тебе, теперь мне друг.

Твои щеки — розы, слюна твоя — вина струя,
Не захочешь ли подарить мне их здесь в собрании?

Нур ад-Дин пришел от декламации девушки в величайший восторг и удивился ей величайшим удивлением, а потом он ответил на ее стихи такими стихами:

Едва показала лик мне солнца она в ночи,
Как скрылся сейчас же полный месяц на небесах,

Едва лишь явила утра оку чело свое,
Сейчас же заря стала быстро бледнеть.

Заимствуй у токов слез моих непрерывность их,
Предание о любви ближайшим путем веди.

Нередко говаривал я той, что разит стрелой:
«Потише со стрелами — ведь в страхе душа моя».

И если потоки слез моих я произведу
От Нила, то страсть твоя восходит к ангелу.

Сказала: «Все деньги дай!» Ответил я ей: «Бери!»
Сказала: «И сон твой также!» Я ей: «Возьми из глаз!»

И когда девушка услышала слова Нур ад-Дина и его прекрасное изъяснение, ее сердце улетело, и ум ее был ошеломлен, и юноша завладел всем ее сердцем. И она прижала его к груди и начала целовать его поцелуями, подобными клеванью голубков, и юноша тоже отвечал ей непрерывными поцелуями, но преимущество принадлежит начавшему прежде.

И Нур ад-Дин удивился красноречию ее языка и поблагодарил ее за изящество и разнообразие ее речей, а девушка, когда услышала похвалы Нур ад-Дина, поднялась в тот же час и минуту на ноги и сняла с себя бывшие на ней одежды и украшения и, обнажившись от всего этого, села Нур ад-Дину на колени и стала целовать его между глаз и целовать родинки на его щеках. Она подарила ему все, что было на ней, и сказала: «Знай, о возлюбленный моего сердца, что подарок — по сану дарящего». И Нур

ад-Дин принял от нее это и затем возвратил ей подарок обратно и стал ее целовать в рот, щеки и в глаза, а когда это окончилось (вечен только живой, самосущий, наделяющий и павлина и сову!), Нур ад-Дин поднялся от своего места и встал на ноги, и девушка спросила его: «Куда, о мой господин?» — «В дом моего отца», — ответил Нур ад-Дин. И сыновья купцов стали заклинять его, чтобы он спал у них, но Нур ад-Дин отказался и, сев на своего мула, поехал и ехал до тех пор, пока не достиг дома своего отца.

И его мать поднялась для него и сказала: «О дитя мое, какова причина твоего отсутствия до этого времени? Клянусь Аллахом, ты расстроил меня и твоего отца своим отсутствием, и наше сердце было занято тобою!» И затем его мать подошла к нему, чтобы поцеловать его в рот, и почувствовала запах вина и воскликнула: «О дитя мое, как это, после молитвы и набожности, ты стал пить вино и слушался того, в чьих руках творение и повеленье!»

И когда они разговаривали, вдруг пришел его отец, и Нур ад-Дин бросился на постель и лег. «Что это такое с Нур ад-Дином?» — спросил его отец. И мать его сказала: «У него как будто заболела голова от воздуха в саду». И тогда отец Нур ад-Дина подошел к нему, чтобы спросить, что у него болит и поздороваться с ним, и почувствовал от него запах вина. А этот купец, по имени Тадж ад-Дин, не любил тех, кто пьет вино, и он сказал своему сыну: «Горе тебе, о дитя мое, разве твоя глупость дошла до того, что ты пьешь вино!» И, услышав слова своего отца, Нур ад-Дин поднял руку, будучи пьян, и ударил его, и, по предопределенному велению, удар пришелся в правый глаз его отца, и он вытек ему на щеку, и отец Нур ад-Дина упал на землю, покрытый беспамятством, и пролежал без чувств некоторое время. И на него побрызгали розовой водой, и он очнулся от обморока и хотел побить Нур ад-Дина, но его мать удержала его. И Тадж ад-Дин поклялся разводом с его матерью, что, когда настанет утро, Нур ад-Дину обязательно отрубят правую руку.

И когда мать Нур ад-Дина услышала слова его отца, ее грудь стеснилась, и она испугалась за сына. Она до тех пор уговаривала его отца и успокаивала его сердце, пока Тадж ад-Дина не одолел сон, и, подождав, пока взошла луна, она подошла к своему сыну (а его

опьянение уже прошло) и сказала ему: «О Нур ад-Дин, что это за скверное дело ты сделал с твоим отцом?» — «А что я сделал с моим отцом?» — спросил Нур ад-Дин. И его мать сказала: «Ты ударил его рукой по правому глазу, и он вытек ему на щеку, и твой отец поклялся разводом, что, когда настанет утро, он обязательно отрубит тебе правую руку». И Нур ад-Дин стал раскаиваться в том, что из-за него произошло, когда не было ему от раскаянья пользы, и его мать сказала: «О дитя мое, это раскаянье тебе не поможет, и тебе следует сейчас же встать и бежать, ища спасения твоей души. Скрывайся, когда будешь выходить, пока не дойдешь до кого-нибудь из твоих друзей, а там подожди и посмотри, что сделает Аллах. Он ведь изменяет одни обстоятельства за другими».

И потом мать Нур ад-Дина отперла сундук с деньгами и, вынув оттуда мешок, в котором было сто динаров, сказала сыну: «О дитя мое, возьми эти динары и помогай себе ими в том, что для тебя полезно, а когда они у тебя выйдут, о дитя мое, пришли письмо и уведоми меня, чтобы я прислала тебе другие. И когда будешь присылать мне письма, присылай сведения о себе тайно: может быть, Аллах определит тебе облегчение, и ты вернешься в свой дом». И потом она простилась с Нур ад-Дином и заплакала сильным плачем, больше которого нет, а Нур ад-Дин взял у матери мешок с динарами и хотел уходить. И он увидел большой мешок, который его мать забыла возле сундука (а в нем была тысяча динаров), и взял его, и, привязав оба мешка к поясу, вышел из своего переулка. И он направился в сторону Булака, раньше чем взошла заря.

И когда наступило утро и люди поднялись, объявляя единым Аллаха, владыку открывающего, и все вышли туда, куда направлялись, чтобы раздобыть то, что уделил им Аллах, Нур ад-Дин уже достиг Булака. И он стал ходить по берегу реки и увидел корабль, с которого были спущены мостки, и люди спускались и поднимались по ним, а якорей у корабля было четыре, и они были вбиты в землю. И Нур ад-Дин увидел стоявших матросов и спросил их: «Куда вы едете?» — «В город Искандарию», — ответили матросы. «Возьмите меня с собой», — сказал Нур ад-Дин. И матросы ответили: «Приют, уют и простор тебе,

о юноша, о красавец!» И тогда Нур ад-Дин в тот же час и минуту поднялся и пошел на рынок и купил то, что ему было нужно из припасов, ковров и покрывал, и вернулся на корабль, а корабль был уже снаряжен к отплытию.

И когда Нур ад-Дин взошел на корабль, корабль простоял с ним лишь недолго и в тот же час и минуту поплыл, и этот корабль плыл до тех пор, пока не достиг города Рушейда *. И когда туда прибыли, Нур ад-Дин увидел маленькую лодку, которая шла в Искандарию, и сел в нее и, пересекая пролив, ехал до тех пор, пока не достиг моста, называемого мост Джамии. И Нур ад-Дин вышел из лодки и вошел через ворота, называемые Ворота Лотоса, и Аллах оказал ему покровительство, и не увидел его никто из стоявших у ворот. И Нур ад-Дин шел до тех пор, пока не вошел в город Искандарию и увидел, что это город с крепкими стенами и прекрасными местами для прогулок. И он услаждает обитателей и внушает желание в нем поселиться, и ушло от него время зимы с ее холодом, и пришло время весны с ее розами; цветы в городе расцвели, деревья покрылись листьями, плоды в нем дозрели и каналы стали полноводны. И это город, прекрасно построенный и расположенный, и жители его — солдаты из лучших людей. Когда запираются его ворота, обитатели его в безопасности.

И Нур ад-Дин пошел по этому городу и шел до тех пор, пока не пришел на рынок столяров, а потом пошел на рынок мянял, потом — на рынок торговцев сухими плодами, потом — на рынок фруктовщиков, потом — на рынок москательщиков, и он все дивился этому городу, ибо качества его соответствовали его имени.

И когда он шел по рынку москательщиков, вдруг один человек, старый годами, вышел из своей лавки и, пожелав Нур ад-Дину мира, взял его за руку и пошел с ним в свое жилище. И Нур ад-Дин увидал красивый переулок, подметенный и политый, и веял в нем ветер, и был приятен, и осеняли его листья деревьев. В этом переулке было три дома, и в начале его стоял дом, устои которого утвердились в воде, а стены возвысились до облаков небесных, и подмели двор перед этим домом, и полили его, и вдыхали запах цветов те, кто подходил к нему, и встречал их ветерок, точно из садов

блаженства, и начало этого переулка было выметено и полито, а конец — выложен мрамором.

И старец вошел с Нур ад-Дином в этот дом и предложил ему кое-что съестного, и они стали есть, и когда Нур ад-Дин покончил с едой, старец спросил его: «Когда было прибытие из города Каира в этот город?» — «О батюшка, сегодня ночью», — ответил Нур ад-Дин. «Как твое имя?» — спросил старец. И Нур ад-Дин ответил: «Али Нур ад-Дин». И тогда старец воскликнул: «О дитя мое, о Нур ад-Дин, тройной развод для меня обязателен! Пока ты будешь находиться в этом городе, не расставайся со мной, и я отведу тебе помещение, в котором ты будешь жить». — «О господин мой шейх, увеличь мое знакомство с тобой», — сказал Нур ад-Дин. И старец молвил: «О дитя мое, знай, что я в каком-то году пришел в Каир с товарами и продал их там и купил других товаров. И мне понадобилась тысяча динаров и их отвесил за меня твой отец Тадж ад-Дин, не зная меня, и он не написал о них свидетельства, и ждал этих денег, пока я не вернулся в этот город и не отослал их ему с одним из моих слуг, и с ними подарок. Я видел тебя, когда ты был маленький, и если захочет великий Аллах, я отчасти воздам тебе за то, что твой отец для меня сделал».

И когда Нур ад-Дин услышал эти слова, он проявил радость и улыбнулся и, вынув мешок, в котором была тысяча динаров, подал его старику и сказал: «Возьми их к себе на хранение, пока я не куплю на них каких-нибудь товаров, чтобы торговать ими».

И потом Нур ад-Дин провел в городе Искандарии несколько дней, и он каждый день гулял по какой-нибудь улице, ел, пил, наслаждался и веселился, пока не вышла сотня динаров, которую он имел при себе на расходы. И он пошел к старику москательщику, чтобы взять у него сколько-нибудь из тысячи динаров и истратить их, и не нашел его в лавке, и тогда он сел в лавке, ожидая, пока старик вернется. И он начал смотреть на купцов и поглядывал направо и налево.

И когда он так сидел, вдруг приехал на рынок персиянин, который сидел верхом на муле, а сзади него сидела девушка, похожая на чистое серебро, или на палтус в водоеме, или на газель в пустыне. Ее лицо смущало сияющее солнце, и глаза ее чаровали, а грудь

походила на слоновую кость; у нее были жемчужные зубы, втянутый живот и ноги, как концы курдюка, и была она совершенна по красоте, прелести, тонкости стана и соразмерности.

И персиянин сошел с мула и свел на землю девушку, а потом он кликнул посредника и, когда тот предстал перед ним, сказал ему: «Возьми эту девушку и покричи о ней на рынке». И посредник взял девушку и вывел ее на середину рынка. Он скрылся на некоторое время и вернулся, неся скамеечку из черного дерева, украшенную белой слоновой костью, и поставил скамеечку на землю, и посадил на нее девушку, а потом он поднял покрывало с ее лица, и явилось из-под него лицо, подобное дейлемскому щиту * или яркой звезде, и была эта девушка подобна луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь, и обладала пределом блестящей красоты.

И посредник спросил купцов: «Сколько вы дадите за жемчужину водолаза и за газель, ускользнувшую от ловца?» И один из купцов сказал: «Она моя за сто динаров!» А другой сказал: «За двести динаров». А третий сказал: «За триста динаров». И купцы до тех пор набавляли цену за эту девушку, пока не довели ее до девятисот и пятидесяти динаров. И тогда посредник подошел к персиянину, ее господину, и сказал ему: «Цена за твою невольницу дошла до девятисот пятидесяти динаров. Продашь ли ты ее, а мы получим для тебя деньги?» — «А девушка согласна на это? — спросил персиянин. — Мне хочется ее уважить, так как я заболел во время этого путешествия, и девушка прислуживала мне наилучшим образом. Я поклялся, что продам ее лишь тому, кому она захочет и пожелает, и оставляю ее продажу в ее руках. Спроси же ее, и если она скажет: «Согласна», продай ее кому она пожелает, а если скажет: «Нет», не продавай».

И посредник подошел к девушке и сказал: «О владычица красавиц, знай, что твой господин оставил дело продажи в твоих руках, а цена за тебя дошла до девятисот пятидесяти динаров; позволишь ли ты мне тебя продать?» — «Покажи мне того, кто хочет меня купить, прежде чем заключать сделку», — сказала девушка посреднику. И тот подвел ее к одному из купцов, и был это старик, престарелый и дряхлый.

И девушка смотрела на него некоторое время, а

потом обернулась к посреднику и сказала: «О посредник, что ты—бесноватый или твой разум поражен?» — «Почему, о владычица красавиц, ты говоришь мне такие слова?» — спросил посредник. И девушка воскликнула: «Разве дозволяет тебе Аллах продать меня этому дряхлому старику, о жене которого сказаны такие стихи:

Она говорит, сердясь в изнеженности своей
(А раньше звала меня к тому, что не вышло):

«Не можешь когда сойтись со мною, как муж с женой,
Тогда не брани меня, коль станешь рогатым.

И кажется мне твой айр по мягкости восковым,
И как я ни тру его рукою, он гнется».

И когда старшина купцов услышал от девушки эту безобразную насмешку, он разгневался великим гневом, больше которого нет, и сказал посреднику: «О сквернейший из посредников, ты привел к нам на рынок злосчастную невольницу, которая дерзит мне и высмеивает меня среди купцов!» И тогда посредник взял девушку, и ушел от него, и сказал девушке: «О госпожа, не будь невежливой: старик, которого ты высмеяла,—старшина рынка и надсмотрщик за ценами*, и купцы советуются с ним». И девушка засмеялась и произнесла такие стихи:

Всем судьям в век наш следует истинно —
И это судьям всем обязательно —

Повесить вали на воротах его
И плеткою надсмотрщика выпороть.

И потом девушка сказала посреднику: «Клянусь Аллахом, я не буду продана этому старику, продавай меня другому! Может быть, ему сделается передо мной стыдно, и он продаст меня еще кому-нибудь, и я стану работницей, а мне не подобает мучить себя работой, раз я узнала, что решать с моей продажей предоставлено мне». И посредник ответил ей: «Слушаю и повинуюсь!» И он пошел с нею к одному человеку из больших купцов и, дойдя до этого человека, сказал ей: «О госпожа, продать мне тебя этому моему господину, Шериф ад-Дину, за девятьсот пятьдесят динаров?»

И девушка посмотрела на него и увидела, что это старик, но борода у него крашеная, и сказала посред-

нику: «Бесноватый ты, что ли, или твой разум поврежден, что ты продаешь меня этому умирающему старику? Что я — очесок пакли или обрывок лохмотьев, что ты водишь меня от одного старика к другому, и оба они подобны стене, грозящей свалиться, или ифриту, сраженному падающей звездой. Что касается первого, то язык обстоятельств говорит словами того, кто сказал:

Хотел я поцеловать в уста, но она промолвила:

«О нет, я клянусь творцом всех тварей из ничего,

Охоты у меня нет до белых твоих седин».

Ужели при жизни мне набьют уже хлопком рот?

А что до другого, то он человек порочный и сомнительный и чернит лик седины. Покрасив седину, он совершил сквернейшее преступление, и сказал о нем язык его обстоятельств такие стихи:

Сказала: «Ты седину покрасил!» Ответил я:

«Ее от тебя хотел я скрыть, о мой слух и взор!»

Она засмеялась и сказала: «Вот диво то!

Подделка умножилась, проникла и в волосы».

И когда старик, выкрасивший себе бороду, услышал от девушки такие слова, он разгневался великим гневом, больше которого нет, и сказал посреднику: «О сквернейший из посредников, ты привел сегодня к нам на рынок глупую невольницу, которая объявляет дураками всех, кто есть на рынке, одного за другим, и осмеивает их стихами и пустыми словами!» И потом этот купец вышел из своей лавки и ударил посредника по лицу. И посредник взял девушку и пошел с нею обратно, рассерженный, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, я в жизни не видел невольницы более бесстыдной, чем ты! Ты сегодня обрезала мой достаток и свой достаток, и возненавидели меня из-за тебя все купцы!»

И их увидел на дороге один купец и прибавил за девушку десять динаров (а звали этого купца Шихаб ад-Дин), и посредник попросил у девушки разрешения продать ее, и она сказала: «Покажи мне его, я на него посмотрю и спрошу его про одну вещь. Если эта вещь есть у него в доме,—я продамса ему, а если нет, то — нет». И посредник оставил ее и, подойдя к купцу,

сказал ему: «О господин мой Шихаб ад-Дин, знай, что эта невольница сказала мне, что она тебя спросит об одной вещи, и если эта вещь у тебя есть, девушка будет тебе продана. Ты слышал, что она говорила твоим товарищам купцам. Клянусь Аллахом, я боюсь, что, когда я приведу ее к тебе, она сделает с тобою то же, что она сделала с твоими соседями, и я буду перед тобой опозорен. Если ты мне позволишь подвести к тебе девушку, я ее к тебе подведу». — «Подведи ее ко мне», — сказал купец. И посредник ответил: «Слушаю и повинуюсь!» — и пошел и подвел девушку к купцу. И девушка взглянула на него и сказала: «О господин мой Шихаб ад-Дин, есть у тебя в доме подушки, набитые кусочками беличьего меха?» — «Да, о владычица красавиц, у меня в доме десять подушек, набитых кусочками беличьего меха», — ответил купец. — «Заклинаю тебя Аллахом, что ты будешь делать с этими подушками?» — «Я подожду, пока ты заснешь, и положу их тебе на рот и на нос, чтобы ты умер», — ответила девушка.

А потом она обернулась к посреднику и сказала ему: «О гнуснейший из посредников, похоже, что ты бесноватый! Ты только что предлагал меня двум старикам, у каждого из которых по два порока, а после этого предлагаешь меня моему господину Шихаб ад-Дину, у которого три порока: во-первых, он коротенький, во-вторых, у него большой нос, а в-третьих, у него длинная борода».

И когда купец Шихаб ад-Дин услышал от девушки такие речи, он вышел из своей лавки и, схватив посредника за ворот, воскликнул: «О злосчастнейший из посредников, как это ты приводишь к нам невольницу, которая нас поносит и высмеивает, одного за другим, стихами и вздорными речами!» И посредник взял девушку и ушел от купца, говоря: «Клянусь Аллахом, я всю жизнь занимаюсь этим ремеслом, но не видел невольницы менее вежливой, чем ты, и звезды для меня несчастнее, чем твоя звезда. Ты прервала мой надел на сегодняшний день, и я ничего не нажил через тебя, кроме ударов по затылку и хватанья за ворот!»

И потом посредник опять остановился с девушкой около одного купца, обладателя рабов и невольников, и спросил: «Продавать ли тебя этому купцу, Сиди Ала

ад-Дину?» И девушка посмотрела на него и увидела, что он горбатый. «Это горбун! — сказала она, — и поэт сказал о нем:

Его плечи малы, зато длинны позвонки его:
Он похож на черта, когда звезду вдруг видит он,

Или первую получил он плетку и чувствует,
Что вторая тут, и как будто бы удивляется».

И тут посредник поспешил к девушке, и взял ее, и подвел к другому купцу, и спросил: «Продать ли тебя этому?» И девушка посмотрела на купца и увидела, что у него гноятся глаза, и воскликнула: «Он с гнойливыми глазами! Как ты продаешь меня ему, когда сказал кто-то из поэтов:

Трахома в нем! Болезнь его
Убьет до смерти силы в нем.

О люди, посмотрите же
На эту грязь в глазу его!»

И тогда посредник взял девушку, и подошел с ней к другому купцу, и спросил ее: «Продать ли тебя этому?» И девушка посмотрела на него и увидела, что у него большая борода. «Горе тебе! — сказала она посреднику, — этот человек — баран, но хвост вырос у него на горле! Как же ты продаешь меня ему, о злосчастнейший из посредников! Разве ты не слышал, что все длиннобородые малоумны, и насколько длинна борода, настолько недостает ума. Это дело известное среди разумных, как сказал один из поэтов:

Коль бороду имеет муж длинную,
Сильней тогда к нему уважение.

Но только вот — убавился ум его
Настолько же, насколько длинна она».

И тогда посредник взял девушку и пошел обратно, и она спросила его: «Куда ты со мной направляешься?» — «К твоему господину — персиянину, — ответил посредник. — Достаточно с нас того, что с нами сегодня из-за тебя случилось. Ты была причиной отсутствия дохода для меня и для него своей малой вежливостью».

И невольница посмотрела на рынок и взглянула направо, налево, и назад, и вперед, и ее взгляд, по предопределенному велению, упал на Нур ад-Дина Али каирского. И увидела она, что это красивый юноша с чистыми щеками и стройным станом, сын четырнадцати лет, редкостно красивый, прекрасный, изящный и изнеженный, подобный луне, когда она становится полной в ночь четырнадцатую,— с блестящим лбом, румяными щеками, шеей, точно мрамор, и зубами, как жемчуга, а слюна его была слаще сахара.

И когда девушка посмотрела на Нур ад-Дина, преграда встала меж нею и ее умом, и юноша поразил в ее душе великое место. Любовь к нему привязалась к ее сердцу. И она обернулась к посреднику и спросила его: «Разве этот юноша—купец, что сидит среди купцов и одет в фараджию* из полосатого сукна, не прибавил к цене за меня ничего?» И посредник ответил: «О владычица красавиц, этот юноша—чужеземец, каирец. Его отец—один из больших каирских купцов, и у него преимущество перед всеми тамошними купцами и вельможами, а юноша находится в нашем городе малый срок, и он живет у одного из друзей своего отца. Он не говорил насчет тебя ни о прибавке, ни об убавке».

И когда невольница услышала слова посредника, она сняла со своего пальца дорогой перстень с яхонтом и сказала посреднику: «Подведи меня к этому прекрасному юноше—если он меня купит, этот перстень будет тебе за твое утомление в сегодняшний день». И посредник обрадовался и пошел с нею к Нур ад-Дину, и когда невольница оказалась подле юноши, она увидела, что он подобен полной луне, так как он был изящен в красоте, строен станом и соразмерен.

Потом девушка посмотрела на Нур ад-Дина и сказала ему: «О господин мой, заклинаю тебя Аллахом, разве я не красива?» И Нур ад-Дин ответил: «О владычица красавиц, а разве есть в дольном мире кто-нибудь лучше тебя?» — «Почему же ты видел, что все купцы набавляют за меня цену, а сам молчал и ничего не сказал и не прибавил за меня ни одного динара, как будто я тебе не понравилась, о господин?» — сказала девушка. И Нур ад-Дин молвил: «О госпожа, если бы я был в моем городе, я бы купил тебя за все деньги, которыми владеют мои руки».—

«О господин,— сказала девушка,— я не говорила тебе: «Купи меня против твоего желания». Но если бы ты прибавил за меня что-нибудь, ты бы залечил мое сердце, даже если бы и не купил меня, потому что купцы бы сказали: «Не будь эта девушка красивой, этот каирский купец не прибавил бы за нее, так как жители Каира сведуци в невольницах».

И Нур ад-Дину стало стыдно из-за слов, которые сказала девушка, и его лицо покраснело. «До чего дошла цена за эту девушку?» — спросил он посредника. И тот ответил: «Цена за нее дошла до девятисот пятидесяти динаров, кроме платы за посредничество, а что касается доли султана*, то она с продающего». — «Пусть невольница будет моя за цену в тысячу динаров, вместе с платой за посредничество», — сказал посреднику Нур ад-Дин. И девушка поспешно отошла от посредника и сказала: «Я продала себя этому красивому юноше за тысячу динаров!» И Нур ад-Дин промолчал, и кто-то сказал: «Мы ему ее продали». И другой сказал: «Он достоин!» И кто-то воскликнул: «Проклятый! Сын проклятого тот, кто набавляет цену и не покупает!» А еще один сказал: «Клянусь Аллахом, они подходят друг к другу!»

И не успел Нур ад-Дин опомниться, как посредник привел судей и свидетелей и написали на бумажке условие о купле и продаже, и посредник подал его Нур ад-Дину и сказал: «Получай свою невольницу! Да сделает ее Аллах для тебя благословенной! Она подходит только для тебя, а тыходишь только для нее». И посредник произнес такие два стиха:

Пришла сама радость послушно к нему,
Подол волоча в унижении своем.

Подходит она для него одного,
И он для нее лишь подходит одной.

И Нур ад-Дину стало стыдно перед купцами, и он в тот же час и минуту поднялся и отвесил тысячу динаров, которую он положил на хранение у москательщика, друга его отца, а потом он взял невольницу и привел ее в дом, куда поселил его старик москательщик. И когда девушка вошла в дом, она увидела там дырявый ковер и старый кожаный коврик и воскликнула: «О господин мой, разве я не имею у тебя сана и не заслуживаю, чтобы ты привел меня в свой главный

дом, где стоят твои вещи? Почему ты не отвел меня к твоему отцу?» — «Клянусь Аллахом, о владычица красавиц,— ответил Нур ад-Дин,— это мой дом, в котором я живу, но он принадлежит старику москательщику, из жителей этого города, и москательщик освободил его для меня и поселил меня в нем. Я же сказал тебе, что я чужеземец и что я из сыновей города Каира». — «О господин мой,— отвечала невольница,— самого маленького дома будет достаточно до тех пор, пока ты не вернешься в свой город. Но заклинаю тебя Аллахом, о господин мой, поднимись и принеси нам немного жареного мяса, вина и плодов, сухих и свежих». — «Клянусь Аллахом, о владычица красавиц,— ответил Нур ад-Дин,— у меня не было других денег, кроме той тысячи динаров, которую я отвесил в уплату за тебя, и я не владею ничем, кроме этих динаров. Было у меня еще несколько дирхемов, но я истратил их вчера». — «Нет ли у тебя в этом городе друга, у которого ты бы занял пятьдесят дирхемов? Принеси их мне, а я тебе скажу, что с ними делать»,— молвила девушка. «Нет у меня друга, кроме москательщика»,— ответил Нур ад-Дин.

И затем он тотчас же пошел, и отправился к москательщику, и сказал ему: «Мир с тобою, о дядюшка!» И москательщик ответил на его приветствие и спросил: «О дитя мое, что ты сегодня купил на твою тысячу динаров?» — «Я купил на нее невольницу»,— ответил Нур ад-Дин. «О дитя мое,— воскликнул москательщик,— разве ты бесноватый, что покупаешь одну невольницу за тысячу динаров? О, если бы мне знать, какой породы эта невольница!» — «О дядюшка,— это невольница из дочерей франков *»,— ответил Нур ад-Дин. И старец молвил: «Знай, о дитя мое, что лучшей из дочерей франков цена у нас, в нашем городе, сто динаров. Но клянусь Аллахом, о дитя мое, над тобой устроили хитрость с этой невольницей. Если ты ее полюбил, проспи подле нее сегодняшнюю ночь и удовлетвори с нею свое желание, а утром отведи ее на рынок и продай, хотя бы тебе пришлось потерять на этом двести динаров. Считай, что ты потерпел кораблекрушение в море или что на тебя напали воры в дороге». — «Твои слова правильны»,— ответил Нур ад-Дин. — Но ты знаешь, о дядюшка, что со мной ничего не было, кроме тысячи динаров, на которые я купил

эту невольницу, и у меня ничего не осталось на расходы, ни одного дирхема. Я хочу от тебя милости и благодеяния,—одолжи мне пятьдесят дирхемов. Я буду расходовать их до завтра, а завтра я продам невольницу и верну их тебе из платы за нее». — «Я дам их тебе, о дитя мое!» — ответил старик.

И потом он отвесил Нур ад-Дину пятьдесят дирхемов и сказал: «О дитя мое, ты—юноша молодой годами, а эта невольница—красивая, и, может быть, твое сердце привязалось к ней и тебе нелегко ее продать. У тебя ничего нет на расходы, и эти пятьдесят дирхемов кончатся, и ты придешь ко мне, и я дам тебе займы в первый раз, и во второй раз, и в третий раз, до десяти раз, а если ты придешь ко мне после этого, я не отвечу тебе на законное приветствие, и пропадет наша дружба с твоим отцом». И затем старик дал ему пятьдесят дирхемов, и Нур ад-Дин взял их и принес невольнице, и та сказала: «О господин мой, пойди сейчас же на рынок и принеси нам на двадцать дирхемов цветного шелку пяти цветов, а на остальные тридцать дирхемов принеси нам мяса, плодов, вина и цветов».

И Нур ад-Дин отправился на рынок, и купил все, что потребовала невольница, и принес это к ней, и девушка в тот же час и минуту поднялась, и, засучив рукава, состряпала кушанье и приготовила его самым лучшим образом, а потом она подала кушанье Нур ад-Дину, и он стал есть, и она ела с ним, пока оба не насытились. Потом она подала вино и начала пить с ним, и она до тех пор поила и развлекала Нур ад-Дина, пока тот не опьянел и не заснул. И тогда девушка в тот же час и минуту поднялась, и, вынув из своего узла мешок из таифской кожи, развязала его, и вынула из него два гвоздя, и потом она села, и принялась за работу и работала, пока не кончила, и шелк превратился в красивый зуннар*. И девушка завернула зуннар в тряпицу, сначала почистив его и придав ему блеск, и положила его под подушку.

А потом она поднялась, оголилась и легла рядом с Нур ад-Дином. Она начала его растирать, и он пробудился от сна и увидел подле себя девушку, подобную чистому серебру, мягче шелка и свежее курдюка. Она была заметнее, чем знамя, и лучше красных верблюдов—в пять пядей ростом, с высокой грудью, бровями

точно луки для стрел и глазами, как глаза газелей. Щеки ее были точно анемоны, живот у нее был втянутый и со складками, пупок ее вмещал унцию орехового масла, и бедра походили на подушки, набитые перьями страусов, а между ними была вещь, которую бессилён описать язык, и при упоминании ее изливаются слезы. И как будто имел в виду поэт, говоря такие стихи:

И ночь — из ее волос, заря — из ее чела,
И роза — с ее щеки, вино — из ее слюны.

Сближение с ней — приют, разлука же с ней — огонь.
В устах ее — жемчуга, на лице ее — луна.

И Нур ад-Дин в тот же час и минуту повернулся к девушке, и прижал ее к своей груди, и стал сосать ее верхнюю губу, пососав сначала нижнюю, а затем он метнул язык между ее губ и поднялся к ней, и нашел он, что эта девушка — жемчужина несверленная и верблюдица, другим не объезженная. И он уничтожил ее девственность и достиг единения с нею, и завязалась меж ними любовь неразрывная и бесконечная. И осypал он щеки ее поцелуями, точно камешками, что падают в воду, и пронзал ее словно разя копьем при набеге врассыпную, ибо Нур ад-Дин любил обнимать черноглазых, сосать уста, распускать волосы, сжимать в объятиях стан, кусать щеки и сидеть на груди, с движениями каирскими, заигрываниями йеменскими, вскрикиваниями абиссинскими, истомой индийской и похотью нубийской, жалобами деревенскими, стонами дамиеттскими, жаром саидийским и томностью александрийской. А девушка соединяла в себе все эти качества вместе с избыточной красотой и изнеженностью.

И Нур ад-Дин с девушкой провели ночь до утра в наслаждении и радости, одетые в одежды объятий с крепкими застежками, в безопасности от бедствий ночи и дня, и спали они в наилучшем состоянии, не боясь при сближении долгих толков и разговоров.

А когда наступило утро и засияло светом и заблестало, Нур ад-Дин пробудился от сна и увидел, что девушка уже принесла воду. И они с девушкой умылись, и Нур ад-Дин совершил надлежащие молитвы своему господу, и затем девушка принесла ему то, что было под рукой из съестного и напитков, и Нур

ад-Дин поел и попил. А после этого невольница сунула руку под подушку и вытащила зуннар, который она сделала ночью, и подала его Нур ад-Дину, и сказала: «О господин, возьми этот зуннар». — «Откуда этот зуннар?» — спросил Нур ад-Дин. И девушка сказала: «О господин, это тот шелк, который ты купил вчера за двадцать дирхемов. Поднимайся, иди на рынок персиян и отдай его посреднику, чтобы он покричал о нем, и не продавай его меньше чем за двадцать динаров чистыми деньгами на руки». — «О владычица красавиц, — сказал Нур ад-Дин, — разве вещь в двадцать дирхемов, которая продается за двадцать динаров, делают в одну ночь?» — «О господин, — ответила девушка, — ты не знаешь цены этого зуннара. Но пойди на рынок и отдай его посреднику, и, когда посредник покричит о нем, его цена станет тебе ясной».

И тогда Нур ад-Дин взял у невольницы зуннар и пошел с ним на рынок персиян. Он отдал зуннар посреднику и велел ему кричать о нем, а сам присел на скамью перед одной из лавок, и посредник скрылся на некоторое время, а потом пришел к нему и сказал: «О господин, вставай, получи цену твоего зуннара. Она достигла двадцати динаров чистыми деньгами на руки». И Нур ад-Дин, услышав слова посредника, до крайности удивился, и затрясся от восторга, и поднялся, чтобы получить свои двадцать динаров, а сам и верил и не верил. Получив их, он тотчас же пошел и купил на все деньги разноцветного шелку, чтобы невольница сделала из него всего зуннары.

И затем он вернулся домой, и отдал девушке шелк, и сказал ей: «Сделай из него всего зуннары и научи меня также, чтобы я работал вместе с тобой. Я никогда в жизни не видел ни одного ремесла лучше и больше по заработку, чем это ремесло. Клянусь Аллахом, оно лучше торговли в тысячу раз!» И девушка засмеялась его словам и сказала: «О господин мой Нур ад-Дин, пойди к твоему приятелю москательщику и займи у него тридцать дирхемов, а завтра отдай их из платы за зуннар вместе с пятьюдесятью дирхемами, которые ты занял у него раньше».

И Нур ад-Дин поднялся, и пришел к своему приятелю москательщику, и сказал ему: «О дядюшка, одолжи мне тридцать дирхемов, а завтра, если захочет Аллах, я принесу тебе все восемьдесят дирхемов

разом». И старик москательщик отвесил ему тридцать дирхемов, и Нур ад-Дин взял их, и пошел на рынок, и купил на них мяса, хлеба, сухих и свежих плодов и цветов, как сделал накануне, и принес все это девушке; а имя ее было Мариам-кушачница. И, взяв мясо, она в тот же час и минуту поднялась и приготовила роскошное кушанье и поставила его перед своим господином Нур ад-Дином, и потом она приготовила скатерть с вином и начала пить вместе с юношей. И она стала наливать и поить его, и Нур ад-Дин наливал и поил ее. И когда вино заиграло в их уме, девушке понравилась прекрасная тонкость Нур ад-Дина и нежность его свойств, и она произнесла такое двустилие:

Спросила стройного, как поднял чашу,
Что пахнет мускусом его дыханья:

«Из щек ли выжали твоих ту влагу?»
Ответил: «Нет, вино из розы жмут ли?»

И девушка беседовала с Нур ад-Дином, и он беседовал с нею, и Мариам подавала ему кубок и чашу и требовала, чтобы он ей налил и напоил ее тем, от чего приятно дыханье, а когда он касался ее рукой, она не давалась из кокетства. И опьянение увеличило ее красоту и прелесть, и Нур ад-Дин произнес такие два стиха:

Вот стройная — любит пить и милому говорит
В покаях веселья — он страшится наскучить ей.

«Не пустишь коль чашу вокруг и не напоишь меня,
Один будешь ночью спать». И в страхе он налил ей.

И они продолжали пить, пока Нур ад-Дина не одолело опьянение и он не заснул, и тогда Мариам в тот же час и минуту поднялась и начала работать над зуннаром, следуя своему обычаю, а окончив, она почистила зуннар и завернула его в бумагу и, сняв с себя одежду, проспала подле Нур ад-Дина до утра, и было между ними из близости то, что было. А потом Нур ад-Дин поднялся и исполнил свои дела, и Мариам подала ему зуннар и сказала: «Снеси его на рынок и продай за двадцать динаров, как ты продал такой же вчера». И Нур ад-Дин взял зуннар, и отнес его на рынок, и продал за двадцать динаров, а потом он

пошел к москательщику и отдал ему восемьдесят дирхемов, и поблагодарил его за милость, и пожелал ему блага. «О дитя мое, продал ты невольницу?» — спросил москательщик. И Нур ад-Дин воскликнул: «Ты призываешь на меня зло! Как могу я продать дух из моего тела?»

И он рассказал ему всю историю, с начала до конца, и сообщил ему обо всем, что с ним случилось, и старик москательщик обрадовался сильной радостью, больше которой нет, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, о дитя мое, ты меня обрадовал, и если захочет Аллах, тебе всегда будет благо! Я хотел бы для тебя блага из любви к твоему отцу, и чтобы наша дружба с ним сохранилась!» И затем Нур ад-Дин расстался со старым москательщиком, и в тот же час и минуту пошел на рынок и, купив, как обычно, мясо, плоды и все необходимое, принёс это девушке.

И Нур ад-Дин с девушкой ели, пили, играли, веселились, и дружили, и развлекались за трапезой целый год. И каждую ночь девушка делала зуннар, а утром Нур ад-Дин продавал его за двадцать динаров и расходовал часть их на то, что ему было нужно, а остальное отдавал девушке, и та прятала деньги у себя до времени нужды.

А через год девушка сказала: «О господин мой Нур ад-Дин, когда ты завтра продашь зуннар, возьми мне на часть денег цветного шелку шести цветов; мне пришло на ум сделать тебе платок, который ты положишь себе на плечо. Не радовались еще такому платку ни сыновья купцов, ни сыновья царей». И тогда Нур ад-Дин пошел на рынок, и продал зуннар, и купил цветного шелку, как говорила ему невольница, и принес его ей, и Мариам-кушачница сидела и работала, вышивая платок, целую неделю (а каждую ночь, окончив зуннар, она работала немного над платком), и наконец окончила его. И она подала платок Нур ад-Дину, и тот положил его на плечо и стал ходить по рынку, и купцы, люди и вельможи города останавливались возле него рядами и смотрели на его красоту и на этот платок, так хорошо сделанный.

И случилось, что Нур ад-Дин спал в одну ночь из ночей и пробудился от сна и увидел, что его невольница плачет сильным плачем и произносит такие стихи:

Близка уж разлука с милым, близко она!
Увы, мне придет разлука скоро, увы!

Растерзано мое сердце, горестно мне
Прошедшие вспомнить ночи, радости их!

Завистники непременно взглянут на нас
Злым оком, и все достигнут цели своей.

Вреднее всего нам будет зависть других,
Доносчиков скверных очи, сплетников всех.

И Нур ад-Дин спросил ее: «О госпожа моя Мариам, что это ты плачешь?» И девушка сказала: «Я плачу от страданий разлуки—мое сердце почуяло ее». — «О владычица красавиц, а кто разлучит нас, когда я теперь тебе милей всех людей и сильнее всех в тебя влюблен?» — спросил Нур ад-Дин. И девушка ответила: «У меня любви во много раз больше, чем у тебя, но доверие к ночам ввергает людей в печаль».

«О господин мой Нур ад-Дин,—сказала она потом,—если ты желаешь, чтобы не было разлуки, остерегайся человека из франков, кривого на правый глаз и хромого на левую ногу (это старик с пепельным лицом и густой бородой). Он-то и будет причиной нашей разлуки. Я видела, что он пришел в наш город, и думаю, он явился только ища меня». — «О владычица красавиц,—сказал Нур ад-Дин,—если мой взгляд упадет на него, я его убью и изувечу!» И Мариам воскликнула: «О господин мой, не убивай его, не говори с ним, не продавай ему и не покупай у него. Не вступай с ним в сделку, не сиди с ним, не ходи с ним, не беседуй с ним и не давай ему никогда ответа законного. Молю Аллаха, чтобы он избавил нас от его зла и коварства!»

И когда наступило утро, Нур ад-Дин взял зуннар и пошел с ним на рынок. Он присел на скамью перед одной из лавок и начал разговаривать с сыновьями купцов, и взяла его сонная дремота, и он заснул на скамье перед лавкой. И когда он спал, вдруг прошел по рынку в это самое время тот франк, и с ним еще семь франков, и увидел Нур ад-Дина, который спал на скамье перед лавкой, закутав лицо платком и держа его конец в руке. И франк сел подле Нур ад-Дина и, взяв конец платка, стал его вертеть в руке, и вертел его некоторое время. И Нур ад-Дин почувствовал это, и пробудился от сна, и увидел, что тот самый франк, которого описала ему девушка, сидит подле него. И Нур ад-Дин закричал на франка громким криком,

который испугал его, и франк спросил: «Почему ты на нас кричишь? Разве мы у тебя что-нибудь взяли?» — «Клянусь Аллахом, о проклятый, — ответил Нур ад-Дин, — если бы ты у меня что-нибудь взял, я бы, наверное, отвел тебя к вали!» И тогда франк сказал ему: «О мусульманин, заклинаю тебя твоей верой и тем, что ты исповедуешь, расскажи мне, откуда у тебя этот платок». — «Это работа моей матери, она сделала его для меня своей рукой». — «Продашь ли ты мне его и возьмешь ли от меня его цену?» — спросил франк. И Нур ад-Дин воскликнул: «Клянусь Аллахом, о проклятый, я не продам его ни тебе, ни кому-нибудь другому! Моя мать сделала его только на мое имя и не станет делать другого». — «Продай его мне, и я дам тебе его цену сейчас же — пятьсот динаров, и пусть та, кто его сделала, сделает тебе другой, еще лучше этого», — сказал франк. «Я никогда не продам его, потому что ему нет подобного в этом городе», — ответил Нур ад-Дин, а франк молвил: «О господин мой, а ты не продашь его за шестьсот динаров чистым золотом?» И он до тех пор прибавлял сотню за сотней, пока не довел цену до девятисот динаров, но Нур ад-Дин сказал ему: «Аллах поможет мне и без продажи платка! Я никогда не продам его ни за две тысячи динаров, ни за больше!»

И франк продолжал соблазнять Нур ад-Дина деньгами за платок, пока не довел его цену до тысячи динаров, и тогда некоторые из присутствующих купцов сказали ему: «Мы продали тебе этот платок, давай за него деньги!» И Нур ад-Дин воскликнул: «Я не продам его, клянусь Аллахом!» И один из купцов сказал: «Знай, о дитя мое, что этому платку цена — сто динаров, даже если она станет большой и найдется на него охотник, а этот франк дал за него тысячу динаров сразу, так что твоя прибыль — девятьсот динаров. Какой же ты хочешь прибыли больше, чем эта? Мое мнение, что тебе следует продать платок и взять тысячу динаров. Скажи той, кто тебе его сделал, чтобы сделала тебе другой или еще лучше, а сам наживи тысячу динаров с этого проклятого франка, врага веры». И Нур ад-Дину стало стыдно купцов, и он продал франку платок за тысячу динаров, и франк тут же отдал ему деньги. И Нур ад-Дин хотел уйти, чтобы пойти к своей невольнице Мариам и обрадовать ее

вестью о том, какое было у него дело с франком, но франк сказал: «О собрание купцов, задержите Нур ад-Дина,— вы с ним мои гости сегодня вечером. У меня есть бочонок румийского вина, из выдержанных вин, и жирный барашек, и плоды, свежие и сухие, и цветы, и вы возвеселите нас в сегодняшний вечер. Пусть же ни один из вас не остается сзади». — «О Сиди Нур ад-Дин,— сказали купцы,— мы желаем, чтобы ты был с нами в вечер, подобный сегодняшнему, и мы могли бы с тобой побеседовать. Окажи милость и благодеяние и побудь с нами; мы с тобой — гости этого франка, так как он человек благородный».

И потом они стали заклинять Нур ад-Дина разводом, и силой не дали ему уйти домой, и в тот же час и минуту поднялись, и заперли свои лавки, и, взяв Нур ад-Дина, пошли с франком, и пришли в надушенную просторную комнату с двумя портиками. И франк посадил их в ней, и положил перед ними скатерть, диковинно сработанную и дивно сделанную, на которой было изображение сокрушающего и сокрушенного, любящего и любимого, спрашивающего и спрошенного, и затем поставил на эту скатерть дорогие сосуды из фарфора и хрусталя, и все они были наполнены прекрасными плодами, сухими и свежими, и цветами. А потом франк подал купцам бочонок, полный выдержанного румийского вина, и приказал нарезать жирного барашка и, разведя огонь, начал жарить мясо и кормить купцов и поить их вином, и он подмигивал им, чтобы они приставали к Нур ад-Дину с питьем. И купцы до тех пор поили Нур ад-Дина, пока тот не опьянел и не исчез из мира.

И когда франк увидел, что Нур ад-Дин погружен в опьянение, он сказал: «Ты возвеселил нас, о Сиди Нур ад-Дин, в сегодняшний вечер — простор тебе и еще раз простор!» И франк принялся развлекать Нур ад-Дина словами, и затем приблизился к нему, и сел с ним рядом, и некоторое время украдкой смотрел на него, разговаривая, а потом он спросил: «О Сиди Нур ад-Дин, не продашь ли ты мне твою невольницу? Год назад ты купил ее в присутствии этих купцов за тысячу динаров, а я теперь дам тебе в уплату за нее пять тысяч динаров, больше на четыре тысячи». И Нур ад-Дин отказался, а франк продолжал его угощать и поить и соблазнял его деньгами, пока не довел

цены за девушку до десяти тысяч динаров, и Нур ад-Дин в своем опьянении сказал перед купцами: «Я продал ее тебе, давай десять тысяч динаров!» И франк сильно обрадовался этим словам и призвал купцов в свидетели.

И они провели за едой, питьем и весельем всю ночь до утра, а затем франк крикнул своим слугам: «Принесите деньги!» И ему принесли деньги, и он отсчитал Нур ад-Дину десять тысяч динаров наличными и сказал ему: «О Сиди Нур ад-Дин, получи деньги в уплату за твою невольницу, которую ты продал мне вчера вечером в присутствии этих купцов мусульман». — «О проклятый, — воскликнул Нур ад-Дин, — я ничего тебе не продавал, и ты лжешь на меня, и у меня нет невольниц!» Но франк сказал: «Ты продал мне твою невольницу, и эти купцы свидетельствуют о продаже».

И все купцы тогда сказали: «Да, Нур ад-Дин, ты продал ему свою невольницу перед нами, и мы свидетельствуем, что ты ее продал за десять тысяч динаров. Поднимайся, получи деньги и отдай ему твою невольницу. Аллах даст тебе взамен лучшую. Разве не приятно тебе, Нур ад-Дин, что ты купил невольницу за тысячу динаров и вот уже полтора года наслаждаешься ее красотой и прелестью и всякий день и ночь услаждаешь себя беседой с нею и ее близостью, и после этого ты нажил на этой девушке девять тысяч динаров сверх ее первоначальной цены? А она ведь каждый день делала тебе зуннар, который ты продавал за двадцать динаров. И после всего этого ты отрицаешь продажу и считаешь прибыль малой. Какая прибыль больше этой прибыли и какая нажива больше этой наживы? А если ты любишь девушку, то ведь ты насытился ею за этот срок. Получи же деньги и купи другую невольницу, лучше ее, или мы женим тебя на одной из наших девушек, за приданое меньше половины этих денег, и девушка будет красивей ее, и остальные деньги окажутся у тебя в руках капиталом». И купцы до тех пор говорили с Нур ад-Дином, уговаривая и обнимая его, пока он не взял эти десять тысяч динаров в уплату за невольницу. И тогда франк в тот же час и минуту привел судей и свидетелей, и они написали ему свидетельство о покупке у Нур ад-Дина девушки, которую зовут Мариам-кушачница.

Вот что было с Нур ад-Дином. Что же касается Мариам-кушачницы, то она просидела, ожидая своего господина, весь день до заката и от заката до полуночи, но ее господин к ней не вернулся, и она опечалилась и стала горько плакать. И старик москательщик услышал, что она плачет, и послал к ней свою жену, и та вошла к ней, и увидела ее плачущей, и спросила: «О госпожа, почему ты плачешь?» И девушка ответила: «О матушка, я сижу и жду прихода моего господина, Нур ад-Дина, а он до сих пор не пришел, и я боюсь, что кто-нибудь сделал с ним из-за меня хитрость, чтобы он продал меня, и хитрость вошла к нему, и он продал меня». И жена москательщика сказала: «О госпожа моя Мариам, если бы твоему господину дали за тебя всю эту комнату, полную золота, он бы тебя не продал! Я ведь знаю его любовь к тебе. Но может быть, о госпожа моя Мариам, пришли люди из города Каира от его родителей, и он устроил им пир, в том помещении, где они стоят, и постыдился привести их в эту комнату, так как она не вместит их, или потому, что их степень мала для того, чтобы приводить их в дом. Или же он захотел скрыть от них твое дело и остался у них на ночь до утра, а завтра, если захочет великий Аллах, он придет к тебе в благополучии. Не обременяй же свою душу ни заботой, ни горем, о госпожа. Вот в чем причина его отсутствия сегодня ночью. Я останусь у тебя на сегодняшнюю ночь и буду тебя развлекать, пока не придет к тебе твой господин».

И жена москательщика забавляла и развлекала Мариам разговором, пока не прошла вся ночь, а когда наступило утро, Мариам увидела, что ее господин Нур ад-Дин входит с переулка, и тот франк идет сзади него, окруженный толпой купцов. И когда Мариам увидела их, у нее затряслись поджилки, и пожелтел цвет ее лица, и она начала дрожать, точно корабль посреди моря при сильном ветре. И, увидав это, жена москательщика спросила: «О госпожа моя Мариам, почему это, я вижу, ты изменилась, и пожелтело твое лицо, и стало оно еще хуже?» И девушка ответила: «О госпожа, клянусь Аллахом, мое сердце почувало разлуку и отдаленность встречи». И затем она начала охать, испуская глубокие вздохи, и произнесла такие стихи:

Не доверяйся разлуке ты —

Горька ведь, право, на вкус она.

Лик солнца в час заката, знай,
Желтеет от разлуки мук.

И также в час восхода, знай,
Белеет он, встрече радуясь.

И потом Мариам-кушачница заплакала сильным плачем, больше которого нет, и уверилась в разлуке, и сказала жене москательщика: «О госпожа, не говорила ли я тебе, что с моим господином Нур ад-Дином устроили хитрость, чтобы меня продать! Я не сомневаюсь, что он продал меня сегодня ночью этому франку, хотя я его от него предостерегала. Но не поможет осторожность против судьбы, и ясна тебе стала правдивость моих слов».

И когда они с женой москательщика разговаривали, вдруг вошел к ней в ту самую минуту ее господин Нур ад-Дин, и девушка посмотрела на него и увидела, что цвет его лица изменился, и у него дрожат поджилки, и видны на его лице следы печали и раскаяния. И она сказала ему: «О господин мой Нур ад-Дин, ты, кажется, продал меня?» И Нур ад-Дин заплакал сильным плачем, и заохал, и, глубоко вздохнув, произнес такие стихи:

Таков уж рок, и пользы нет беречься нам,
И если я ошибся — не ошибся рок.

Когда Аллах захочет сделать что-нибудь
С разумным мужем, видящим и слышащим,

Он ослепит его и уши оглушит
Ему, и ум его, как волос, вырвет он.

Когда ж исполнит он над ним свой приговор,
Он ум ему вернет, чтоб поучался он.

Не спрашивай о том, что было «почему?» —
Все так бывает, как судьба и рок велит.

И потом Нур ад-Дин стал просить у девушки прощения и сказал ей: «Клянусь Аллахом, о госпожа моя Мариам, записал калам то, что судил Аллах, и люди сделали со мной хитрость, чтобы я тебя продал, и хитрость вошла ко мне, и я продал тебя и пренебрег тобой с величайшим небрежением. Но, может быть, тот, кто сулил разлуку, пошлет нам встречу». — «Я предостерегала тебя от этого, и было у

меня такое предчувствие», — сказала девушка. И потом она прижала его к груди, и поцеловала между глаз.

И когда они были в таком состоянии, вдруг вошел к ним тот франк и подошел, чтобы поцеловать руки Ситт Мариам, и она ударила его рукою по щеке и воскликнула: «Удались, о проклятый! Ты неотступно ходил за мной, пока не обманул моего господина! Но только, о проклятый, если захочет великий Аллах, будет одно лишь благо!» И франк засмеялся словам невольницы, и удивился ее поступку, и попросил у нее прощения, и сказал: «О госпожа моя Мариам, а мой-то в чем грех? Это твой господин Нур ад-Дин продал тебя с своего согласия и со спокойным сердцем, и, клянусь Мессией, если бы он тебя любил, он бы не пренебрег тобою. Когда бы его желание обладать тобой не истощилось, Нур ад-Дин тебя не продал бы».

А эта невольница была дочерью царя Афранджи* (это город, распространенный во все стороны, где много ремесл, диковин и растений, и он похож на город аль-Кустантынию*), и причиною ее ухода из города ее отца была дивная история и удивительное дело, рассказ о котором мы поведем по порядку, чтобы возрадовался слышащий и возвеселился. Причиной ухода Мариам-кушачницы от ее отца и матери было удивительное обстоятельство и диковинное дело. Вот оно.

Воспитывалась Мариам у отца и матери в великой изнеженности и научилась красноречию, письму и счету, наездничеству и доблести и изучила все ремесла, как, например, вышиванье, шитье, тканье, выделывание зуннаров, обшивание галуном, золочение серебра и серебрение золота. И она изучила все ремесла мужчин и женщин, так что стала единственной в свое время и бесподобной в свой век и столетие. И Аллах (велик он и славен!) даровал ей такую красоту и прелесть, изящество и совершенство, что она превзошла всех людей своего века. И к ней сватались у ее отца властители островов, и за всякого, кто к ней сватался, он отказывался выдать ее замуж, так как он любил свою дочь великой любовью и не мог с ней расстаться ни на один час. И не было у него дочери, кроме нее, а детей мужеского пола у него было множество, но он был охвачен к ней большей любовью, чем к ним.

И случилось, что царевна заболела в каком-то году сильной болезнью, так что приблизилась к гибели, и тогда она дала обет, если выздоровеет от этой болезни, посетить такой-то монастырь, находящийся на таком-то острове. А этот монастырь считался у них великим, и они приносили ему, по обету, дары и получали в нем благодать. И когда Мариам выздоровела от болезни, она захотела исполнить обет, который дала, и ее отец, царь Афранджи, послал ее в этот монастырь на маленьком корабле и послал вместе с ней нескольких дочерей вельмож города, а также патрициев, чтобы прислуживать ей.

И когда Мариам приблизилась к монастырю, вышел корабль из кораблей мусульман, сражающихся на пути Аллаха, и они захватили всех, кто был на корабле из патрициев и девушек, и деньги, и редкости и продали свою добычу в городе Кайраване*. И Мариам попала в руки одного человека — персиянина, купца среди купцов, а этот персиянин был бессильный и не сходил с женщинами, и не обнажалась над женщиною его срамota, и он назначил Мариам для услуг. И заболел этот персиянин сильной болезнью, так что приблизился к гибели, и продлилась над ним болезнь несколько месяцев, и Мариам прислуживала ему и старалась, прислуживая, пока Аллах не исцелил персиянина от его болезни. И персиянин вспомнил ласку Мариам и ее участие, заботы и услуги, и захотел вознаградить ее за добро, которое она ему сделала, и сказал ей: «Попроси у меня чего-нибудь, о Мариам!» И Мариам сказала: «О господин, я прошу тебя, чтобы ты продал меня лишь тому, кому я захочу и пожелаю». — «Хорошо, это тебе от меня будет, — ответил персиянин. — Клянусь Аллахом, о Мариам, я продам тебя только тому, кому ты захочешь, и я вложил продажу в твои руки».

И Мариам обрадовалась сильной радостью. А персиянин предложил ей ислам, и она стала мусульманкой, и он стал учить ее правилам благочестия, и Мариам научилась у персиянина за этот срок делам веры и тому, что для нее обязательно, и он заставил ее выучить Коран и то, что легко дается из наук законоведения и преданий о пророке*. И когда персиянин вступил с ней в город Искандарию, он продал ее, кому она пожелала, и оставил дело продажи в ее

руках, как мы упоминали. И ее взял Али Нур ад-Дин, как мы рассказали, и вот то, что было причиной ухода Мариам из ее страны.

Что же касается ее отца, царя Афранджи, то когда до него дошло известие о захвате его дочери и тех, кто был с нею, поднялся перед ним день воскресенья, и царь послал за дочерью корабли с патрициями, витязями, мужами и богатырями, но они не напали на весть о ней, после розысков на островах мусульман, и возвратились к ее отцу, крича о горе и гибели и делах великих. И отец Мариам опечалился сильной печалью и послал за ней того кривого на правый глаз и хромого на левую ногу, так как он был величайшим из его везирей, и был это непокорный притеснитель, обладатель хитростей и обмана. И царь велел ему искать Мариам во всех землях мусульман и купить ее хотя бы за полный корабль золота, и этот проклятый искал девушку на морских островах и во всех городах, но не напал на весть о ней, пока не достиг города Искандарии. И он спросил про нее и напал на весть о том, что она у Нур ад-Дина Али каирского. И случилось у него с Нур ад-Дином то, что случилось, и он устроил с ним хитрость и купил у него девушку, как мы упоминали, после того как ему указал на нее платок, которого не умел делать никто, кроме нее. А этот франк научил купцов и сговорился с ними, что добудет девушку хитростью.

И Мариам, оказавшись у франка, проводила все время в плаче и стенаниях, и франк сказал ей: «О госпожа моя Мариам, оставь эту печаль и плач и поедem со мной в город твоего отца и место твоего царства, где обитель твоей славы и родина, чтобы была ты среди твоих слуг и прислужников. Оставь это унижение и пребывание на чужбине, довольно того, что пришлось мне из-за тебя утомляться, путешествовать и тратить деньги, а я ведь путешествую, утомляюсь и трачу деньги почти полтора года. А твой отец велел мне тебя купить хотя бы за полный корабль золота». И потом везирь царя Афранджи начал целовать девушке ноги и унижаться перед нею и все время возвращался к целованию ее рук и ног, и гнев Мариам все увеличивался, когда он делал это с нею из вежества, и она говорила: «О проклятый, да не приведет тебя великий Аллах к тому, в чем твое желанье!»

А затем слуги тотчас подвели мула с расшитым седлом и посадили на него Мариам и подняли над ее головой шелковый намет на золотых и серебряных столбах, и франки пошли, окружая девушку, и вышли с нею из Морских Ворот. И они посадили ее в маленькую лодку и начали грести, и подплыли к большому кораблю, и поместили на нем девушку, и тогда кривой везирь встал и крикнул матросам корабля: «Поднимите мачту!» И в тот же час и минуту мачту подняли, и распустили паруса и флаги, и растянули ткани из хлопка и льна, и заработали веслами, и корабль поплыл. А Мариам, при всем этом, смотрела в сторону Искандарии, пока город не скрылся из глаз. И тогда Мариам заплакала, и зарыдала, и пролила слезы, и всякий раз, как вспоминала Нур ад-Дина, все время рыдала и плакала, и подошли к ней патриции и стали ее уговаривать, но она не принимала их слов, и отвлекал ее призыв любви и страсти. И она заплакала, застонала и зажаловалась и произнесла такие стихи:

Язык моей страсти, знай, в душе говорит с тобой —
Вещает он обо мне, что страстно тебя люблю.

И печень моя углями страсти расплавлена,
А сердце трепещет и разлукой изранено.

Доколе скрывать мне страсть, которой расплавлен я?
Болят мои веки, и струятся потоки слез.

И Мариам все время была в таком состоянии, и не утверждался в ней покой, и не слушалась ее стойкость в течение всего путешествия, и вот то, что было у нее с кривым и хромым везирем.

Что же касается Али Нур ад-Дина каирского, сына купца Тадж ад-Дина, то, после того как Мариам села на корабль и уехала, земля стала для него тесна, и не утверждался в нем покой, и не слушалась его стойкость. И он пошел в комнату, в которой жил с Мариам, и увидел ее, перед лицом своим, черной и мрачной, и увидел он станок, на котором Мариам ткала зуннары, и одежды, что были у нее на теле, и прижал их к груди, и заплакал, и полились из-под его век слезы, и он произнес такие стихи:

Узнать ли, вернется ль близость после разлуки вновь
И после печали и оглядок в их сторону?

Далеко минувшее, оно не вернется вновь!
Узнать бы, достанется ль мне близость с любимой.

Узнать бы, соединит ли снова нас с ней Аллах,
И вспомнят ли милые любовь мою прежнюю.

Любовь, сохрани ты ту, кого неразумно так
Сгубил я, и мой обет и дружбу ты сохрани!

Поистине, я мертвец, когда далеко она.
Но разве любимая согласна, чтоб я погиб?

О горе, когда печаль полезна моя другим!
Растаял я от тоски и горя великого.

Пропало то время, когда близок я с нею был.
Узнать бы, исполнит ли желанье мое судьба?

О сердце, горюй сильнее, о глаз мой, пролей поток
Ты слез, и не оставляй слезы ты в глазах моих.

Далеко любимая и стойкость утрачена,
И мало помощников, беда велика моя!

И господа я миров прошу, чтоб послал он мне
Опять возвращенье милой с близостью прежнею.

И потом Нур ад-Дин в тот же час и минуту
поднялся, запер ворота дома и бегом побежал к морю
и стал смотреть, где находится корабль, который увез
Мариам.

И Нур ад-Дин зарыдал, заплакал, застонал, взвол-
новался и засетовал и вскрикнул: «О Мариам, о
Мариам, довелось ли тебе увидеть меня во сне или в
сплетениях грез?»

И когда Нур ад-Дин был в таком состоянии, и
плакал, и говорил: «О Мариам, о Мариам!», — вдруг
какой-то старик вышел из лодки, и подошел к нему, и
увидел, что он плачет, и произнес такое двестишье:

О Марьям красавица, вернись — ведь глаза мои,
Как облако дождевое, влагу струят свою.

Спроси ты хулителей моих прежде всех людей,
Увидишь, что тонут веки глаза в воде белков.

И старик сказал ему: «О дитя мое, ты, кажется,
плачешь о невольнице, которая уехала вчера с фран-
ком?» И когда Нур ад-Дин услышал старика, он упал
без сознания и пролежал час времени, а потом он
очнулся и заплакал сильным плачем, больше которо-
го нет, и произнес такие стихи:

Надеяться ль после дали вновь на сближение с ней,
И дружбы услада возвратится ли полностью?

Поистине, в моем сердце страсть и волнение,
И толки доносчиков тревожат и речи их.

Весь день пребываю я смущенным, растерянным,
А ночью надеюсь я, что призрак ее придет.

Аллахом клянусь, ко мне любви не забуду я!
И как же, когда душе наскучили сплетники?

Нежна она членами и впалы бока ее,
И глаз ее в мое сердце стрелы метнул свои.

Напомнит нам ивы ветвь в саду ее тонкий стан,
А прелесть красы ее свет солнца смутит совсем.

Когда б не боязнь Аллаха (слава славна его!),
Сказал бы я столь прекрасной: «Слава славна ее!»

И когда старик посмотрел на Нур ад-Дина и увидал его красоту, и стройность, и соразмерность, и ясность его языка, и тонкость его, и разнообразие, его сердце опечалилось о юноше, и он сжалился, увидя его состояние. А этот старик был капитаном корабля, шедшего в город той невольницы, и было на его корабле сто купцов из придворных мусульман. И он сказал Нур ад-Дину: «Терпи и будет одно лишь благо, и если захочет Аллах—величие ему и слава!—я доставлю тебя к ней». — «Когда отъезд?» — спросил Нур ад-Дин. И капитан ответил: «Нам осталось еще три дня, и мы поедem во благе и безопасности». И Нур ад-Дин, услышав слова капитана, обрадовался сильной радостью и поблагодарил его за его милость и благодеяние, а потом он вспомнил дни близости и единения со своей невольницей, не имеющей подобия, и заплакал сильным плачем.

И потом Нур ад-Дин в тот же час и минуту вышел, и пошел на рынок, и взял там все, что ему было нужно из пищи и припасов для путешествия, и пришел к тому капитану, и, увидев его, капитан спросил: «О дитя мое, что это у тебя такое?» — «Мои припасы и то, что мне нужно в пути»,—ответил Нур ад-Дин. И капитан засмеялся его словам и сказал: «О дитя мое, разве ты идешь полюбоваться на Колонну Мачт? * Между тобой и твоей целью—два месяца пути, если ветер хорош и время безоблачно». И потом старик взял у Нур ад-Дина немного денег, и пошел на рынок, и купил ему все, что ему было нужно для путешествия, в достаточном количестве, и наполнил ему бочонок пресной

водой. И Нур ад-Дин оставался на корабле три дня, пока купцы собрались и сделали свои дела, и затем они сошли на корабль, и капитан распустил паруса, и путники ехали пятьдесят один день.

А случилось потом, что напали на них корсары, преграждающие дорогу, и ограбили корабль, и взяли в плен всех, кто был на нем, и привели их в город Афранджу, и показали своему царю (а Нур ад-Дин был в числе их), и царь велел заключить их в тюрьму. И когда они шли от царя в тюрьму, прибыло то судно, на котором была царевна Мариам-кушачница и кривой везирь. И когда судно приплыло к городу, везирь поднялся к царю и обрадовал его вестью о благополучном прибытии его дочери, Мариам-кушачницы, и стали бить в литавры и украсили город наилучшими украшениями. И царь выехал со всем своим войском и вельможами правления, и они отправились к морю, навстречу царевне.

И когда корабль подошел, дочь царя, Мариам, вышла, и царь обнял ее и поздоровался с нею, и она поздоровалась с ним, и царь подвел ей коня, и она села. А когда она достигла дворца, ее мать встретила ее, и обняла, и поздоровалась с нею, и спросила, как она поживает и девушка ли она, какою была у них раньше, или стала женщиной, познавшей мужчину. И Мариам сказала: «О матушка, когда человека продают в странах мусульман от купца к купцу и он становится подвластным другому, как можно остаться невинной девушкой? Купец, который купил меня, грозил мне побоями и принудил меня, и уничтожил мою девственность, и продал меня другому, а тот продал меня третьему». И когда мать Мариам услышала от нее эти слова, свет стал перед лицом ее мраком, а потом девушка повторила эти слова отцу, и ему стало тяжело, и дело показалось ему великим. И он изложил эти обстоятельства вельможам правления и патрициям, и они сказали ему: «О царь, она стала нечистой у мусульман, и очистит ее только отсечение ста мусульманских голов».

И тогда царь велел привести пленных мусульман, которые были в тюрьме, и их всех привели к царю, и в числе их Нур ад-Дина, и царь велел отрубить им головы. И первый, кому отрубили голову, был капитан корабля, а потом отрубили головы купцам, одному за

другим, и остался только Нур ад-Дин. И оторвали кусок от его полы, и завязали ему глаза, и поставили его на коврик крови, и хотели отрубить ему голову. И вдруг, в эту минуту, подошла к царю старая женщина и сказала: «О владыка, ты дал обет отдать каждой церкви пять пленных мусульман, если бог возвратит твою дочь Мариам, чтобы они помогли прислуживать в ней. Теперь твоя дочь, Ситт Мариам, к тебе прибыла, исполни же обет, который ты дал». — «О матушка, — ответил царь, — клянусь Мессией и истинной верой, не осталось у меня из пленных никого, кроме этого пленника, которого собираются убить. Возьми его — он будет помогать тебе прислуживать в церкви, пока не доставят нам еще пленных мусульман, и тогда я пришлю тебе остальных четырех. А если бы ты пришла раньше, прежде чем отрубили головы этим пленным, мы бы дали тебе все, что ты хочешь».

И старуха поблагодарила царя за его милость, и пожелала ему вечной славы, и долгого века, и счастья, а затем она в тот же час и минуту подошла к Нур ад-Дину и свела его с коврика крови, и посмотрела на него, и увидела, что это нежный, изящный юноша, с тонкой кожей, и лицо его, подобно луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь месяца. И старуха взяла его и пошла с ним в церковь и сказала: «О дитя мое, сними одежду, которая на тебе: она годится только для службы султану». И потом она принесла Нур ад-Дину черный шерстяной кафтан, черный шерстяной платок и широкий ремень и одела его в этот кафтан, а платок повязала ему, как тюрбан, и подпоясала его ремнем, и затем она велела ему прислуживать в церкви. И Нур ад-Дин прислуживал там семь дней.

И когда это было так, старуха вдруг пришла к нему и сказала: «О мусульманин, возьми твою шелковую одежду, надень ее, возьми эти десять дирхемов и сейчас же уходи. Гуляй сегодня и не оставайся здесь ни одной минуты, чтобы не пропала твоя душа». — «О матушка, что случилось?» — спросил ее Нур ад-Дин. И старуха сказала: «Знай, о дитя мое, что царская дочь, Ситт Мариам-кушачница, хочет сейчас прийти в церковь, чтобы посетить ее и получить благодать и принять причастие ради сладости благополучия, так как она вырвалась из мусульманских стран, и испол-

нить обеты, которые она дала, на случай, если спасет ее Мессия. И с нею четыреста девушек, каждая из которых не иначе как совершенна по прелести и красоте, и в числе их — дочь везиря и дочери эмиров и вельмож правления. Сейчас они явятся, и, может быть, их взгляд упадет на тебя в этой церкви, и тогда они изрубят тебя мечами». И Нур ад-Дин взял у старухи десять дирхемов, надев сначала свою одежду, и вышел на рынок, и стал гулять по городу, и узнал все его стороны и ворота. А потом он увидел, что Мариамкушачница, дочь царя Афранджи, подошла к церкви и с нею четыреста девушек — высокогрудых дев, подобных лунам, и в числе их была дочь кривого везиря и дочери эмиров и вельмож правления.

И Мариам шла среди них точно луна среди звезд, и, когда упал на нее взор Нур ад-Дина, он не мог совладать со своей душой и закричал из глубины сердца: «Мариам, о Мариам!» И когда девушки услышали вопль Нур ад-Дина, который кричал: «О Мариам!», они бросились на него и, обнажив белые мечи, подобные громовым стрелам, хотели тотчас же убить его. И Мариам обернулась, и всмотрелась в Нур ад-Дина, и узнала его самым лучшим образом. И тогда она сказала девушкам: «Оставьте этого юношу: он, несомненно, бесноватый, так как признаки бесноватости видны на его лице». И Нур ад-Дин, услышав от Ситт Мариам эти слова, обнажил голову, выпучил глаза, замахал руками, скривил ноги и начал пускать пену из уголков рта. И Ситт Мариам сказала девушкам: «Не говорила ли я вам, что это бесноватый? Подведите его ко мне и отойдите от него, а я послушаю, что он скажет. Я знаю речь арабов и посмотрю, в каком он состоянии, и принимает ли болезнь его бесноватости лечение, или нет».

И тогда девушки подняли Нур ад-Дина и принесли его к царевне, а потом отошли от него, и Мариам спросила: «Ты приехал сюда из-за меня и подверг свою душу опасности и притворился бесноватым?» — «О госпожа, — ответил Нур ад-Дин, — разве не слышала ты слов поэта:

Сказали: «Безумно ты влюблен». И ответил я:
«Поистине, жизнь сладка одним лишь безумным!»

Подайте безумье мне и ту, что свела с ума.
И если безумье — объяснит, — не корите».

«Клянусь Аллахом, о Нур ад-Дин,— сказала Мариам,— поистине, ты сам навлекаешь на себя беду! Я предостерегала тебя от этого, прежде чем оно случилось, но ты не принимал моих слов и последовал своей страсти, а я говорила тебе об этом не по откровению, чтению по лицам или сновидению,— это относится к явной очевидности. Я увидела кривого везиря и поняла, что он пришел в тот город только ища меня». — «О госпожа моя Мариам,— воскликнул Нур ад-Дин,— у Аллаха прошу защиты от ошибки разумного!»

И Нур ад-Дин с госпожой Мариам-кушачницей все время обменивались упреками, излагать которые долго, и каждый из них рассказывал другому, что с ним случилось, и они говорили стихи, и слезы лились у них по щекам, как моря. И они сетовали друг другу на силу любви и муки страсти и волнения, пока ни у одного из них не осталось силы говорить, а день повернул на закат и приблизился мрак. И на Ситт Мариам было зеленое платье, вышитое червонным золотом и украшенное жемчугом и драгоценными камнями, и увеличилась ее красота, и прелесть, и изящество ее свойств.

И когда наступила ночь, Ситт Мариам обратилась к девушкам и спросила их: «Заперли ли вы ворота?» — «Мы их заперли»,— ответили они. И тогда Ситт Мариам взяла девушек и привела их в одно место, которое называлось место госпожи Мариам, девы, матери света, так как христиане утверждают, что ее дух и ее тайна пребывают в этом месте. И девушки стали искать там благодати и ходить вокруг всей церкви. И когда они закончили посещение, Ситт Мариам обратилась к ним и сказала: «Я хочу войти в эту церковь одна и получить там благодать— меня охватила тоска по ней из-за долгого пребывания в мусульманских странах. А вы, раз вы окончили посещение, ложитесь спать, где хотите». — «С любовью и уважением, а ты делай что желаешь»,— сказали девушки.

И затем они разошлись по церкви в разные стороны и легли. И Мариам обманула их бдительность, и, поднявшись, стала искать Нур ад-Дина, и увидела, что он в сторонке и сидит точно на сковородках с углем, ожидая ее. И когда Мариам подошла к нему, Нур

ад-Дин поднялся для нее на ноги и поцеловал ей руки, и она села и посадила его подле себя, а потом она сняла бывшие на ней драгоценности, платья и дорогие материи и прижала Нур ад-Дина к груди и посадила его к себе на колени. И они не переставая целовались, обнимались и издавали звуки: хак, бак, восклицая: «Как коротка ночь встречи и как длинен день разлуки!»

И когда они испытали это великое наслаждение и полную радость, вдруг один слуга из слуг пресвятой ударил в било на крыше церкви, поднимая тех, кто почитает обряды. И Мариам в тот же час и минуту встала и надела свои одежды и драгоценности, и это показалось тяжким Нур ад-Дину, и время для него замутилось. И он заплакал, и пролил слезы.

И потом Ситт Мариам прижала Нур ад-Дина к груди, и поцеловала его в щеку, и спросила: «О Нур ад-Дин, сколько дней ты в этом городе?» — «Семь дней», — ответил Нур ад-Дин. И девушка спросила: «Ходил ли ты по городу и узнал ли ты его дороги и выходы и ворота со стороны суши и моря?» — «Да», — ответил Нур ад-Дин. «А знаешь ли ты дорогу к сундуку с обетными приношениями, который стоит в церкви?» — спросила Мариам. И Нур ад-Дин ответил: «Да». И тогда она сказала: «Раз ты все это знаешь, когда наступит следующая ночь и пройдет первая треть ее, сейчас же пойдешь к сундуку с приношениями и возьми оттуда что захочешь и пожелаешь, а потом открой ворота церкви — те, что в проходе, который ведет к морю, — и увидишь маленький корабль и на нем десять человек матросов. И когда капитан увидит тебя, он протянет тебе руку, и ты подай ему свою, и он втащит тебя на корабль. Сиди у него, пока я не приду к тебе, и берегись и еще раз берегись, чтобы не охватил тебя в ту ночь сон: ты будешь раскаиваться, когда раскаянье тебе не поможет». И затем Ситт Мариам простилась с Нур ад-Дином и сейчас же вышла от него. Она разбудила своих невольниц и других девушек и увела их и, подойдя к воротам церкви, постучалась, и старуха открыла ей ворота, и когда Мариам вошла, она увидела стоящих слуг и патрициев. Они подвели ей пегого мула, и Мариам села на него, и над нею раскинули шелковый намет, и патриции повели мула

за узду, а девушки шли сзади. И Мариам окружили стражники с обнаженными мечами в руках, и они шли с нею, пока не довели ее до дворца ее отца.

Вот что было с Мариам-кушачницей. Что же касается Нур ад-Дина каирского, то он скрывался за занавеской, за которой они прятались с Мариам, пока не взошел день, и открылись ворота церкви, и стало в ней много людей, и Нур ад-Дин вмешался в толпу и пришел к той старухе, надсмотрщице над церковью. «Где ты спал сегодня ночью?» — спросила старуха. И Нур ад-Дин ответил: «В одном месте в городе, как ты мне велела». — «О дитя мое, ты поступил правильно, — сказала старуха. — Если бы ты провел эту ночь в церкви, царевна убила бы тебя наихудшим убиением». — «Хвала Аллаху, который спас меня от зла этой ночи!» — сказал Нур ад-Дин.

И Нур ад-Дин до тех пор исполнял свою работу в церкви, пока не прошел день и не подошла ночь с мрачной тьмой, и тогда Нур ад-Дин поднялся, и отпер сундук с приношениями, и взял оттуда то, что легко уносилось и дорого ценилось из драгоценностей, а потом он выждал, пока прошла первая треть ночи, и поднялся и пошел к воротам у прохода, который вел к морю, и он просил у Аллаха покровительства. И Нур ад-Дин шел до тех пор, пока не дошел до ворот, и он открыл их, и прошел через проход, и пошел к морю, и увидел, что корабль стоит на якоре у берега моря, недалеко от ворот. И оказалось, что капитан этого корабля — престарелый красивый старец с длинной бородой, и он стоял посреди корабля на ногах, и его десять человек стояли перед ним. И Нур ад-Дин подал ему руку, как велела Мариам, и капитан взял его руку и потянул с берега, и Нур ад-Дин оказался посреди корабля.

И тогда старый капитан закричал матросам: «Выверните якорь корабля из земли и поплывем, пока не взошел день!» И один из десяти матросов сказал: «О господин мой капитан, как же мы поплывем, когда царь говорил нам, что он завтра поедет на корабле по этому морю, чтобы посмотреть, что там делается, так как он боится за свою дочь Мариам из-за мусульманских воров?» И капитан закричал на матросов и сказал им: «Горе вам, о проклятые, разве дело дошло до того, что вы мне перечите и не принимаете моих

слов?» И потом старый капитан вытащил меч из ножен и ударил говорившего по шее, и меч вышел, блистая, из его затылка, и кто-то сказал: «А какой сделал наш товарищ проступок, что ты рубишь ему голову?» И капитан протянул руку к мечу и отрубил говорившему голову, и этот капитан до тех пор рубил матросам головы, одному за одним, пока не убил всех десяти.

И тогда капитан выбросил их на берег, и, обернувшись к Нур ад-Дину, закричал на него великим криком, который испугал его, и сказал: «Выйди, вырви, причальный кол! И Нур ад-Дин побоялся удара меча, и, поднявшись, прыгнул на берег, и вырвал кол, а потом он вбежал на корабль, быстрее разящей молнии. И капитан начал говорить ему: «Сделай то-то и то-то, поверни так-то и так-то и смотри на звезды!» И Нур ад-Дин делал все, что приказывал ему капитан, и сердце его боялось и страшилось. И потом капитан поднял паруса корабля, и корабль поплыл по полноводному морю, где бьются волны и ветер был хорош. И при всем этом Нур ад-Дин крепко держал в руках тали, а сам утопал в море размышлений, и он все время был погружен в думы и не знал, что скрыто для него в неведомом, и каждый раз, как он взглядывал на капитана, его сердце пугалось, и не знал он, в какую сторону капитан направляется. И он был занят мыслями и тревогами, пока не наступил рассвет дня.

И тогда Нур ад-Дин посмотрел на капитана и увидел, что тот взялся рукой за свою длинную бороду и потянул ее, и борода сошла с места и осталась у него в руке. И Нур ад-Дин всмотрелся в нее и увидел, что это была борода приклеенная, поддельная. И тогда он взгляделся в лицо капитана, и как следует посмотрел на него, и увидел, что это Ситт Мариам — его любимая и возлюбленная его сердца. А она устроила эту хитрость и убила капитана и содрала кожу с его лица, вместе с бородой, и взяла его кожу, и наложила ее себе на лицо. И Нур ад-Дин удивился ее поступку, и смелости и твердости ее сердца, и ум его улетел от радости, и грудь его расширилась и расправилась. «Простор тебе, о мое желание и мечта, о предел того, к чему я стремлюсь!» — воскликнул он. И Нур ад-Дина потрясла страсть и восторг, и он убедился в осуще-

ствлении желания и надежды. И он повторил голосом приятнейшие напевы и произнес такие стихи:

Тем скажи ты, кто не знает, что люблю
Я любимого, который не для них:

«Моих близких о любви спросите вы,
Сладок стих мой и нежны любви слова

К тем, кто в сердце поселился у меня».
Речь о них прогонит тотчас мой недуг

Из души и все мученья удалит,
И сильнее увлечение и любовь,

Когда сердце мое любит и скорбит,
И уж стало оно притчей среди людей.

Я за них упрека слышать не хочу,
Нет! И не стремлюсь забыть их вовсе я,

Но любовь в меня метнула горесть ту,
Что зажгла у меня в сердце уголек,—

От него пылает жаром все во мне.
Я дивлюсь, что всем открыли мой недуг

И бессонницу среди долгой тьмы ночей.
Как хотели грубостью стубить меня

И в любви сочли законным кровь пролить? —
В притеснение справедливы ведь они.

Посмотреть бы, кто же это вам внушил
Быть суровыми с юнцом, что любит вас!

Клянусь жизнью я и тем, кто создал вас,—
Коль о вас хулителю слово передал,

Он солгал, клянусь Аллахом, передав.
Пусть Аллах мои недуги не смягчит,

Жажду сердца моего не утолит,
В день, когда на страсть пеняю я в тоске,—

Не хочу я взять другого вам взамен,
Мучьте сердце, а хотите — сблизьтесь вы.

Мое сердце не уйдет от страсти к вам,
Хоть печаль в разлуке с вами узнаёт.

Это — гнев, а то — прощенье — все от вас,—
Ведь для вас не пожалеет он души.

Когда же Нур ад-Дин окончил свои стихи, Ситт Мариам до крайности удивилась и поблагодарила его за его слова и сказала: «Тому, кто в таком состоянии, надлежит идти путем мужей и не совершать поступков людей низких, презренных». А Ситт Мариам была сильна сердцем и сведуща в том, как ходят корабли по соленому морю, и знала все ветры и их перемены и знала все пути по морю. И Нур ад-Дин сказал ей: «О госпожа, если бы ты продлила со мною это дело, я бы, право, умер от сильного страха и испуга, в особенности при пыланье огня тоски и страсти и мучительных пытках разлуки». И Мариам засмеялась его словам, и поднялась в тот же час и минуту, и вынула кое-какую еду и питье, и они стали есть, пить, наслаждаться и веселиться.

А потом девушка вынула яхонты, дорогие камни, разные металлы и драгоценные сокровища и всякого рода золото и серебро, из того, что было легко на вес и дорого ценилось и принадлежало к сокровищам, взятым и принесенным ею из дворца и казны ее отца, и показала их Нур ад-Дину, и юноша обрадовался крайней радостью. И при всем этом ветер был ровный, и корабль плыл, и они до тех пор плыли, пока не приблизились к городу Искандарии. И они увидели ее вежи, старые и новые, и увидели Колонну Мачт. И когда они вошли в гавань, Нур ад-Дин в тот же час и минуту сошел с корабля и привязал его к камню из Камней Сукновалов. И он взял немного сокровищ из тех, которые принесла с собою девушка, и сказал Ситт Мариам: «Посиди, о госпожа, на корабле, пока я не войду с тобой в Искандарию так, как люблю и желаю». И девушка молвила: «Следует, чтобы это было скорее, так как медлительность в делах оставляет после себя раскаяние». — «Нет у меня медлительности», — ответил Нур ад-Дин. И Мариам осталась сидеть на корабле, а Нур ад-Дин отправился в дом москательщика, друга его отца, чтобы взять на время у его жены для Мариам покрывало, одежду, башмаки и изар, какие обычны для женщин Искандарии. И не знал он о том, чего не предусмотрел из превратностей рока, отца дивного дива.

Вот что было с Нур ад-Дином и Мариам-кушачницей. Что же касается ее отца, царя Афранджи, то, когда наступило утро, он хватился своей

дочери Мариам, но не нашел ее. Он спросил про нее невольниц и евнухов, и те сказали: «О владыка наш, она вышла ночью и пошла в церковь, и после этого мы не знаем о ней вестей». И когда царь разговаривал в это время с невольницами и евнухами, вдруг раздались под дворцом два великих крика, от которых вся местность загудела. И царь спросил: «Что случилось?» И ему ответили: «О царь, нашли десять человек убитых на берегу моря, а корабль царя пропал. И мы увидели, что ворота у прохода, которые около церкви, со стороны моря открыты, и пленник, который был в церкви и присутствовал в ней, пропал». — «Если мой корабль, что был в море, пропал, то моя дочь Мариам — на нем, без сомнения и наверное!» — воскликнул царь. И потом царь в тот же час и минуту позвал начальника гавани и сказал ему: «Клянусь Мессией и истинной верой, если ты сейчас же не настигнешь с войсками мой корабль и не приведешь его и тех, кто на нем есть, я убью тебя самым ужасным убийством и изувечу тебя!» И царь закричал на начальника гавани, и тот вышел от него, дрожа, и призвал ту старуху из церкви и спросил ее: «Что ты слышала от пленника, который был у тебя, о его стране и из какой он страны?» — «Он говорил: «Я из города Искандарии», — ответила старуха. И когда начальник услышал ее слова, он в тот же час и минуту вернулся в гавань и закричал матросам: «Собирайтесь и распускайте паруса!»

И они сделали так, как приказал им начальник, и поехали, и ехали непрерывно ночью и днем, пока не приблизились к городу Искандарии в ту минуту, когда Нур ад-Дин сошел с корабля и оставил там Ситт Мариам. А среди франков был тот везирь, кривой и хромой, который купил Мариам у Нур ад-Дина. И когда франки увидели привязанный корабль, они узнали его и, привязав свой корабль вдали от него, подъехали к нему на маленькой лодке из своих лодок, которая плавала по воде глубиной в два локтя. И в этой лодке была сотня бойцов, и в числе их хромой и кривой везирь (а это был непокорный притеснитель и непослушный сатана, хитрый вор, против хитрости которого никто не мог устоять), и он был похож на хитрого героя-воина Абу Мухаммеда аль-Батталя. И франки гребли и плыли до тех пор, пока не подъехали

к кораблю Мариам, и они бросились на корабль и напали на него единым нападением, но не нашли на нем никого, кроме Ситт Мариам, и тогда они захватили девушку и корабль, на котором она находилась, после того как вышли на берег и провели там долгое время. А потом они в тот же час и минуту вернулись на свои корабли, захватив то, что они хотели, без боя и не обнажая оружия, и повернули назад, направляясь в страны румов. И они поехали, и ветер был хорош, и они спокойно ехали до тех пор, пока не достигли города Афранджи.

И они привели Ситт Мариам к ее отцу, который сидел на престоле своей власти, и когда ее отец увидел ее, он воскликнул: «Горе тебе, о обманщица! Как ты оставила веру отцов и дедов и крепость Мессии, на которую следует опираться, и последовала вере бродяг (он разумел веру ислама), что поднялись с мечом наперекор кресту и идолам?» — «Нет за мной вины, — ответила Мариам. — Я вышла ночью в церковь, чтобы посетить госпожу Мариам и сподобиться от нее благодати, и когда я чем-то отвлеклась, мусульманские воры вдруг напали на меня и заткнули мне рот и крепко меня связали, и они положили меня на корабль и поехали со мной в свою сторону. И я обманула их и говорила с ними об их вере, пока они не развязали моих уз, и мне не верилось, что твои люди догнали меня и освободили. Клянусь Мессией и истинной верой, клянусь крестом и тем, кто был на нем распят, я радовалась тому, что вырвалась из их рук, до крайней степени, и моя грудь расширилась и расправилась, когда я освободилась из мусульманского плена». — «Ты лжешь, о распутница, о развратница! — воскликнул ее отец. — Клянусь тем, что стоит в ясном Евангелии из ниспосланных запрещений и разрешений, я неизбежно убью тебя наихудшим убийством и изувечу тебя ужаснейшим образом. Разве не довольно тебе того, что ты сделала сначала, когда вошли к нам твои козни, и теперь ты возвращаешься к нам с твоими обманами!»

И царь приказал убить Мариам и распять ее на воротах дворца, но в это время вошел к нему кривой везирь (он давно был охвачен любовью к Мариам) и сказал ему: «О царь, не убивай ее и жени меня на ней. Я желаю ее сильнейшим желанием, но не войду к ней

раньше, чем построю ей дворец из крепкого камня, самый высокий, какой только строят, так что никакой вор не сможет взобраться на его крышу. А когда я кончу его строить, я зарежу у ворот его тридцать мусульман и сделаю их жертвою Мессии от меня и от нее». И царь пожаловал ему разрешение на брак с Мариам и позволил священникам, монахам и патрициям выдать ее за него замуж, и девушку выдали за кривого везиря, и царь позволил начать постройку высокого дворца, подходящего для нее, и рабочие принялись работать.

Вот что было с царевной Мариам, ее отцом и кривым везирем. Что же касается Нур ад-Дина и старика москательщика, то Нур ад-Дин отправился к москательщику, другу своего отца, и взял у его жены на время изар, покрывало, башмаки и одежду — такую, как одежда женщин Искандарии, и вернулся к морю, и направился к кораблю, где была Ситт Мариам, но увидел, что место пустынно и цель посещения далека, его сердце стало печальным, и он заплакал слезами, друг за другом бегущими, и произнес слова поэта:

Летит ко мне призрак Суд, пугает меня, стучась,
С зарею, когда друзья спят крепко в пустыне.

Когда же проснулись мы и призрак унесся вдаль,
Увидел я — пусто все и цель отдаленна.

И Нур ад-Дин пошел по берегу моря, оборачиваясь направо и налево, и увидал людей, собравшихся на берегу, и они говорили: «О мусульмане, нет больше у города Искандарии чести, раз франки вступают в него и похищают тех, кто в нем есть, и они мирно возвращаются в свою страну, и не выходит за ними никто из мусульман или из воинов нападающих!» — «В чем дело?» — спросил их Нур ад-Дин. И они сказали: «О сынок, пришел корабль из кораблей франков, и в нем были войска, и они сейчас напали на нашу гавань и захватили корабль, стоявший там на якоре, вместе с теми, кто был на нем, и спокойно уехали в свою страну». И Нур ад-Дин, услышав их слова, упал, покрытый беспамятством, а когда он очнулся, его спросили о его деле, и он рассказал им свою историю, от начала до конца. И когда люди

поняли, в чем с ним дело, всякий начал его бранить и ругать и говорить ему: «Почему ты хотел увести ее с корабля только в изаре и покрывале?» И все люди говорили ему слова мучительные, а некоторые говорили: «Оставьте его, достаточно с него того, что с ним случилось». И каждый огорчал Нур ад-Дина словами и метал в него стрелами упреков, так что он упал, покрытый беспамятством.

И когда люди и Нур ад-Дин были в таком положении, вдруг подошел старик москательщик, и он увидел собравшихся людей и направился к ним, чтобы узнать, в чем дело, и увидел Нур ад-Дина, который лежал между ними, покрытый беспамятством. И москательщик сел подле него и привел его в чувство, и когда Нур ад-Дин очнулся, спросил его: «О дитя мое, что означает состояние, в котором ты находишься?» — «О дядюшка, — ответил Нур ад-Дин, — невольницу, которая у меня пропала, я привез из города ее отца на корабле и вытерпел то, что вытерпел, везя ее, а когда я достиг этого города, я привязал корабль к берегу и оставил невольницу на корабле, а сам пошел в твоё жилище и взял у твоей жены вещи для невольницы, чтобы привести ее в них в город. И пришли франки, и захватили корабль, и на нем невольницу, и спокойно уехали, и достигли своих кораблей».

И когда старик москательщик услышал от Нур ад-Дина эти слова, свет сделался перед лицом его мраком, и он опечалился о Нур ад-Дине великой печалью. «О дитя мое, — воскликнул он, — отчего ты не увез ее с корабля в город без изара? Но теперь не помогут уже слова! Вставай, о дитя мое, и пойдем со мной в город — может быть, Аллах наделит тебя невольницей более прекрасной, чем та, и ты забудешь с нею о первой девушке. Слава Аллаху, который не причинил тебе в ней никакого убытка, а наоборот, тебе досталась через нее прибыль! И знай, о дитя мое, что соединение и разъединение — в руках владыки возвышающегося». — «Клянусь Аллахом, о дядюшка, — воскликнул Нур ад-Дин, — я никак не могу забыть о ней и не перестану ее искать, хотя бы мне пришлось выпить из-за нее чашу смерти». — «О дитя мое, что ты задумал в душе и хочешь сделать?» — спросил москательщик. И Нур ад-Дин сказал: «Я имею намерение вернуться в страну румов и вступить в город Афранджу и подвер-

гнуть свою душу опасностям, и дело либо удастся, либо не удастся». — «О дитя мое, — молвил москательщик, — в ходячих поговорках сказано: «Не всякий раз останется цел кувшин». И если они в первый раз с тобой ничего не сделали, то, может быть, они убьют тебя в этот раз, особенно потому, что они тебя хорошо узнали». — «О дядюшка, — сказал Нур ад-Дин, — позволь мне поехать и быть убитым быстро из-за любви к ней, разве лучше не быть убитым, оставив ее в пытке и смущении».

А по соответствию судьбы, в гавани стоял один корабль, снаряжаемый для путешествия, и те, кто ехал на нем, исполнили все свои дела, и в эту минуту они выдергивали причальные колья. И Нур ад-Дин поднялся на корабль, и корабль плыл несколько дней, и время и ветер были для путников хороши. И когда они ехали, вдруг появились корабли из кораблей франков, кружившие по полноводному морю. А увидев корабль, они всегда брали его в плен, боясь за царевну из-за воров мусульман, и когда они захватывали корабль, то доставляли всех, кто был на нем, к царю Афранджи, и тот убивал их, исполняя обет, который он дал из-за своей дочери Мариам. И они увидели корабль, в котором был Нур ад-Дин, и захватили его, и взяли всех, кто там был, и привели к царю, отцу Мариам, и, когда пленников поставили перед царем, он увидел, что их сто человек мусульман, и велел их зарезать в тот же час и минуту, и в числе их Нур ад-Дина, а палач оставил его напоследок, пожалев его из-за его малых лет и стройности его стана.

И когда царь увидел его, он его узнал как нельзя лучше и спросил его: «Нур ад-Дин ли ты, который был у нас в первый раз, прежде этого раза?» И Нур ад-Дин ответил: «Я не был у вас, и мое имя не Нур ад-Дин, мое имя — Ибрахим». — «Ты лжешь! — воскликнул царь. — Нет, ты Нур ад-Дин, которого я подарил старухе, надсмотрщице за церковью, чтобы ты помогал ей прислуживать в церкви». — «О владыка, — сказал Нур ад-Дин, — мое имя Ибрахим». И царь молвил: «Когда старуха, надсмотрщица за церковью, придет и посмотрит на тебя, она узнает, Нур ад-Дин ли ты, или кто другой».

И когда они говорили, вдруг кривой везирь, который женился на царской дочери, вошел в ту самую

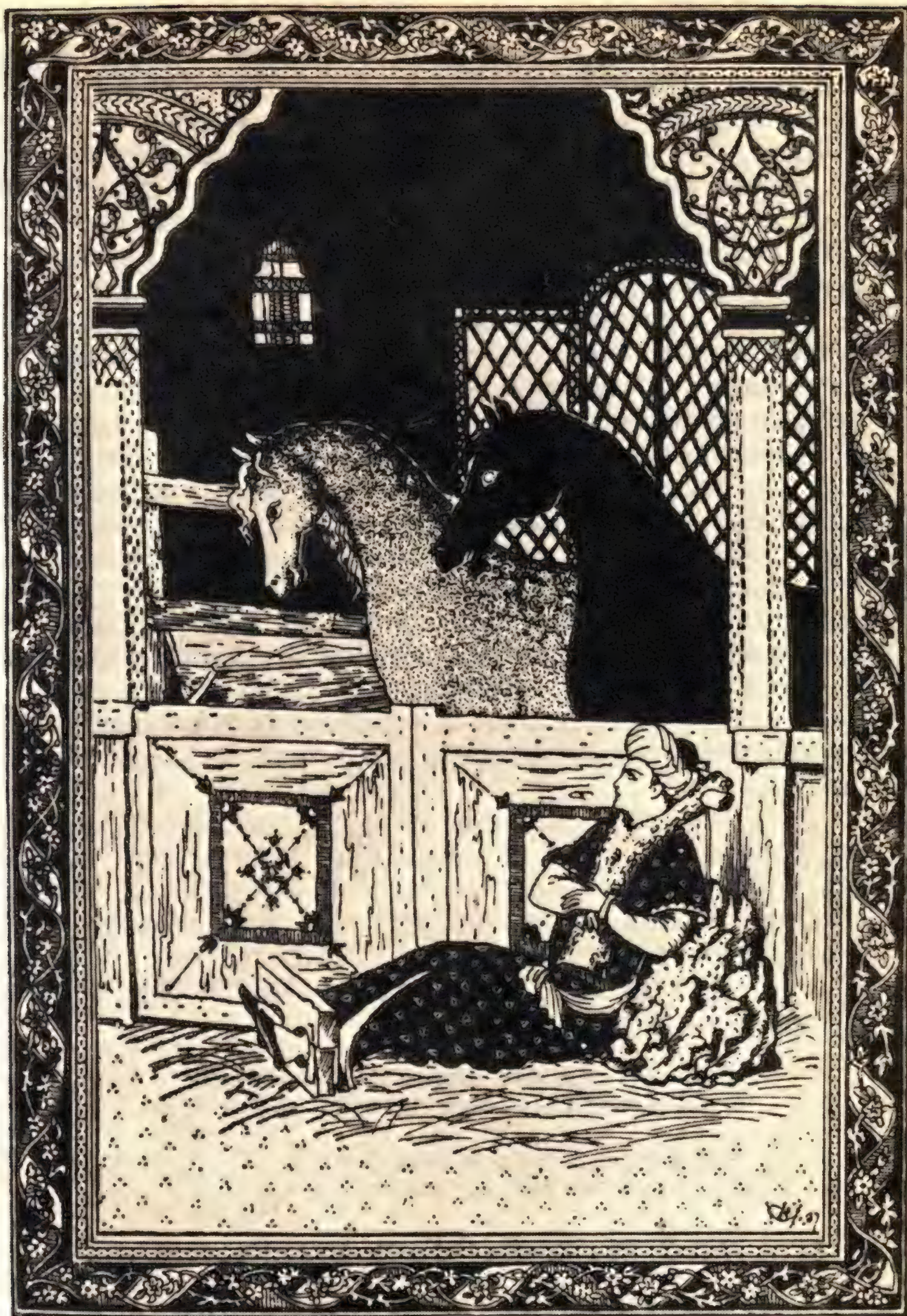
минуту и поцеловал перед царем землю и сказал: «О царь, знай, что постройка дворца окончена, а тебе известно, что я дал обет, когда кончу постройку, зарезать у дворца тридцать мусульман, и вот я пришел к тебе, чтобы взять у тебя тридцать мусульман и зарезать их и исполнить обет Мессии. Я возьму их под мою ответственность, в виде займа, а когда придут ко мне пленные, я дам тебе других, им взамен». — «Клянусь Мессией и истинной верой, — сказал царь, — у меня не осталось никого, кроме этого пленника». И он показал на Нур ад-Дина и сказал везирю: «Возьми его и зарежь сейчас же, а я пришлю тебе остальных, когда придут ко мне пленные мусульманы». И кривой везирь встал, и взял Нур ад-Дина, и привел его ко дворцу, чтобы зарезать его на пороге его дверей. И маляры сказали ему: «О владыка, нам осталось работать и красить два дня. Потерпи и подожди убивать этого пленника, пока мы не кончим красить. Может быть, к тебе придут недостающие до тридцати, и ты зарежешь их всех разом и исполнишь свой обет в один день». И тогда везирь приказал заточить Нур ад-Дина, его отвели, закованного, в конюшню, и он был голоден, и хотел пить, и печалился о себе, и увидел он смерть своими глазами. А по определенной судьбе и твердо установленному предопределению было у царя два коня, единоутробные братья одного из которых звали Сабик, а другого — Ляхик *, и о том, чтобы заполучить одного из них, вздыхали цари Хосрой *. И один из его коней был серый, без пятнышка, а другой — вороной, словно темная ночь, и все цари островов говорили: «Всякому, кто украдет одного из этих коней, мы дадим все, что он потребует из красного золота, жемчугов и драгоценностей», — но никто не мог украсть ни одного из этих коней.

И случилась с одним из них болезнь — пожелтение белка в глазах, и царь призвал всех коновалов, чтобы вылечить коня, и они все не смогли этого. И вошел к царю кривой везирь, который женился на его дочери, и увидел, что царь озабочен из-за этого коня, и захотел прогнать его заботу. «О царь, — сказал он, — отдай мне этого коня, я его вылечу». И царь отдал ему коня, и везирь перевел его в конюшню, в которой был заперт Нур ад-Дин. И когда этот конь покинул своего брата,

он закричал великим криком и заржал, и люди встревожились из-за его крика, и понял везирь, что конь испустил этот крик только из-за разлуки со своим братом. И он пошел и осведомил об этом царя, и когда царь как следует понял его слова, он сказал: «Если он — животное и не стерпел разлуки со своим братом, то каково же обладателям разума?» И потом он приказал слугам перевести второго коня к его брату, в дом везиря, мужа Мариам, и сказал им: «Скажите везирю: «Царь говорит тебе: «Оба коня пожалованы тебе от него, в угождение его дочери Мариам».

И когда Нур ад-Дин лежал в конюшне, скованный и в путах, он вдруг увидел обоих коней и заметил на глазах одного из них бельма. А у него были некоторые знания о делах с конями и применении к ним лечения, и он сказал про себя: «Вот, клянусь Аллахом, время воспользоваться случаем! Я встану, и солгу везирю, и скажу ему: «Я вылечу этого коня!» И я сделаю что-нибудь, от чего его глаза погибнут, и тогда везирь убьет меня, и я избавлюсь от этой гнусной жизни». И потом Нур ад-Дин дождался, пока везирь пришел в конюшню, чтобы взглянуть на коней, и когда он вошел, Нур ад-Дин сказал ему: «О владыка, что мне с тебя будет, если я вылечу этого коня и сделаю ему что-то, от чего его глаза станут хорошими?» — «Клянусь жизнью моей головы, — ответил везирь, — если ты его вылечишь, я освобожу тебя от убиения и позволю тебе пожелать от меня». — «О владыка, — сказал Нур ад-Дин, — прикажи расковать мне руки». И везирь приказал его освободить, и тогда Нур ад-Дин поднялся, взял свежесдутого стекла, истолок его в порошок, взял негашеной извести и смешал с луковой водой, и затем он приложил все это к глазам коня и завязал их, думая: «Теперь его глаза провалятся, и меня убьют, и я избавлюсь от этой гнусной жизни». И Нур ад-Дин проспал эту ночь с сердцем, свободным от нашептываний заботы, и взмолился великому Аллаху, говоря: «О господи, мудрость твоя такова, что избавляет от просьб».

А когда наступило утро и засияло солнце над холмами и долинами, везирь пришел в конюшню и снял повязку с глаз коня, и посмотрел на них, и увидел, что это прекраснейшие из красивых глаз по

могуществу владыки открывающего. И тогда везирь сказал Нур ад-Дину: «О мусульманин, я не видел в мире подобного тебе по прекрасному умению! Клянусь Мессией и истинной верой, ты удовлетворил меня крайним удовлетворением — ведь бессильны были излечить этого коня все коновалы в нашей стране». И потом он подошел к Нур ад-Дину и освободил его от цепей своей рукой, а затем одел его в роскошную одежду и назначил его надзирателем над своими конями, и установил ему довольствие и жалованье, и поселил его в комнате над конюшней.

А в новом дворце, который везирь выстроил для Ситт Мариам, было окно, выходившее на дом везиря и на комнату, в которой поселился Нур ад-Дин. И Нур ад-Дин просидел несколько дней за едой и питьем, и он наслаждался, и веселился, и приказывал, и запрещал слугам, ходившим за конями, и всякого из них, кто пропадал и не задавал корму коням, привязанным в том стойле, где он прислуживал, Нур ад-Дин валил и бил сильным боем и накладывал ему на ноги железные цепи. И везирь радовался на Нур ад-Дина до крайности, и грудь его расширилась и расправилась, и не знал он, к чему приведет его дело, а Нур ад-Дин каждый день спускался к коням и вытирал их своей рукой, ибо знал, как они дороги везирю и как тот их любит.

А у кривого везиря была дочь, невинная, до крайности прекрасная, подобная убежавшей газели или гибкой ветке. И случилось, что она в какой-то день сидела у окна, выходившего на дом везиря и на помещение, где был Нур ад-Дин, и вдруг она услышала, что Нур ад-Дин поет и сам себя утешает в беде, произнося такие стихи:

Хулитель мой, что стал в своей сущности
Изнеженным и весь цветет в радостях,—

Когда терзал бы рок тебя бедами,
Сказал бы ты, вкусив его горечи:

«Ах, прочь любовь и все ее горести—
Спалила сердце мне она пламенем!»

Но вот теперь спасен от обмана я,
От крайностей и бед ее спасся я,

Так не кори в смущение впавшего,
Что восклицает, страстью охваченный:

«Ах, прочь любовь и все ее горести—
Спалила сердце мне она пламенем!»

Прощающим влюбленных в их бедах будь,
Помощником хулителей их не будь,

И берегись стянуть ты веревку их
И страсти пить не принуждай горечь их.

Ах, прочь любовь и все ее горести—
Спалила сердце мне она пламенем!

Ведь был и я среди рабов прежде вас,
Подобен тем, кто ночью спит без забот.

Не знал любви и бдения вкуса я,
Пока меня не позвала страсть к себе.

Ах, прочь любовь и все ее горести—
Спалила сердце мне она пламенем!

Любовь познал и все унижения
Лишь тот, кто долго страстию мучим был,

Кто погубил рассудок свой, полюбив,
И горечь пил в любви одну долго он.

Ах, прочь любовь и все ее горести—
Спалила сердце мне она пламенем!

Как много глаз не спит в ночи любящих,
Как много век лишилось сна сладкого!

И сколько глаз, что слезы льют реками
Текущими от мук любви вдоль ланит!

Ах, прочь любовь и все ее горести—
Спалила сердце мне она пламенем!

Как много есть безумных в любви своей,
Что ночь не спят в волненье, вдали от сна;

Одели их болезни одеждою,
И грезы сна от ложа их изгнаны.

Ах, прочь любовь и все ее горести—
Спалила сердце мне она пламенем!

Истлели кости, мало терпения,
Течет слеза, как будто дракона кровь.

Как строен он! Все горьким мне кажется,
Что сладостным находит он, пробуя.

Ах, прочь любовь и все ее горести—
Спалила сердце мне она пламенем!

Несчастен тот, кто мне подобен по любви
И пребывает ночью темною без сна.

Коль в море грубости плывет и тонет он,
На страсть свою, вздыхая, он сетует.

Ах, прочь любовь и все ее горести—
Спалила сердце мне она пламенем!

Кто тот, кто страстью не был испытан век
И козней кто избег ее, тонких столь?

И кто живет, свободный от мук ее,
Где тот, кому досталось спокойствие?

Ах, прочь любовь и все ее горести—
Спалила сердце мне она пламенем!

Господь, направь испытанных страстию
И сохрани, благой из хранящих, их!

И надели их стойкостью явною
И кроток будь во всех испытаньях к ним.

Ах, прочь любовь и все ее горести—
Спалила сердце мне она пламенем!

И когда Нур ад-Дин завершил свои последние слова и окончил свои нанизанные стихи, дочь везиря сказала про себя: «Клянусь Мессией и истинной верой, этот мусульманин — красивый юноша, но только он, без сомнения, покинутый влюбленный. Посмотреть бы, возлюбленная этого юноши красива ли, как он, и испытывает ли она то же, что этот юноша, или нет? Если его возлюбленная красива, как и он, то этот юноша имеет право лить слезы и сетовать на любовь, а если его возлюбленная не красавица, то погубил он свою жизнь в печалях и лишен вкуса наслаждения».

А Мариам-кушачницу, жену везиря, перевели во дворец накануне этого дня, и дочь везиря увидела по ней, что у нее стеснилась грудь, и решила пойти к ней и рассказать о деле этого юноши и о том, какие она слышала от него стихи, и не успела она до конца подумать об этих словах, как Ситт Мариам, жена ее отца, прислала за ней, чтобы она развлекла ее разговором. И девушка пошла к ней и увидела, что грудь Мариам стеснилась, и слезы текут у нее по щекам,

и она плачет сильным плачем, больше которого нет, сдерживая слезы и произнося такие стихи:

Прошел мой век, а век любви все длится,
И грудь тесна моя от сильной страсти,

А сердце плавится от мук разлуки,
Надеется, что встречи дни вернутся

И будет близость стройной, соразмерной.
Не укоряй утратившего сердце,

Худого телом от тоски и горя,
И не мечи в любовь стрелой упреков —

Ведь в мире нет несчастнее влюбленных,
Но горечь страсти кажется нам сладкой.

И дочь везиря сказала Ситт Мариам: «Отчего, о царевна, у тебя стеснена грудь и рассеяны мысли?» И Ситт Мариам, услышав слова дочери везиря, вспомнила минувшие великие наслаждения и произнесла такие два стиха:

Терплю по привычке я разлуку с возлюбленным,
И слез жемчуга струю я россыпь за россыпью.

Быть может, придет Аллах мне помощь — поистине,
Все легкое он ведь свил под крыльями трудного.

«О царевна, — сказала ей дочь везиря, — не будь со стесненной грудью и пойдем сейчас к окну дворца — у нас в конюшне есть красивый юноша со стройным станом и сладкою речью, и, кажется, он покинутый влюбленный». — «По какому признаку ты узнала, что он покинутый влюбленный?» — спросила Ситт Мариам. И дочь везиря сказала: «О царевна, я узнала это потому, что он говорит касыды и стихи в часы ночи и части дня». И Ситт Мариам подумала про себя: «Если слова дочери везиря истинны, то это примета огорченного, несчастного Али Нур ад-Дина. Узнать бы, он ли тот юноша, про которого говорит дочь везиря!» И тут усилилась любовь Ситт Мариам, ее безумие, волнение и страсть, и она поднялась в тот же час и минуту, и, подойдя с дочерью везиря к окну, посмотрела в него и увидела, что тот юноша — ее возлюбленный и господин Нур ад-Дин. И она пристально всмотрелась в него и узнала его как следует, но только он был больной

от великой любви к ней и влюбленности в нее и от огня страсти, мук разлуки и безумия любви и тоски, и увеличилась его худоба, и он начал говорить и сказал:

В неволе сердце, но свободно глаз течет,
С ним не сравниться облаку текущему.

Я плачу, по ночам не сплю, тоскую я.
Рыдаю я, горюю о возлюбленных.

О пламя, о печаль моя, о страсть моя —
Теперь числом их восемь набралось всего,

За ними следом пять и пять еще идет.
Постойте же, послушайте слова мои!

То память, мысль, и вздох, и изнурение,
Страданье, и изгнание, и любовь моя,

И горе, и веселие, как видишь ты.
Терпения и стойкости уж нет в любви,

Ушло терпенье, и конец приходит мне.
Велики в сердце муки от любви моем,

О вопрошающий, каков огонь в душе!
Зачем пылает так в душе слеза моя?

То пламя в сердце пышет непрестанное.
В потоке слез я утопаю льющихся,

Но жаром страсти в пропасть ввергнут адскую.

И, увидев своего господина Нур ад-Дина и услышав его проникающие стихи и дивную прозу, Ситт Мариам убедилась, что это он, но скрыла свое дело от дочери везиря и сказала ей: «Клянусь Мессией и истинной верой, я не думала, что тебе ведомо о стеснении моей груди!»

А затем она в тот же час и минуту поднялась и отошла от окна и вернулась на свое место, и дочь везиря ушла к своему делу. И Ситт Мариам выждала некоторое время, и вернулась к окну, и, сев у окна, стала смотреть на своего господина Нур ад-Дина и вглядываться в его тонкость и нежность его свойств, и увидела она, что он подобен луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь, но только он вечно печален и струит слезы, так как воспоминает о том, что минуло. И он произносит такие стихи:

Я питал надежду на близость с милой, и нет ее,
Но близость к жизни горечью досталась мне.

Моих слез потоки напомним море течением,
Но когда я вижу хулителей, я скрываю их.

Ах, сгинул бы призвавший день разлуки к нам,
Разорвал бы я язык его, попадись он мне!

Упрека нет на днях за то, что сделали,—
Напиток мой они смешали с горечью.

К кому пойду, когда не к вам направляюсь я?
Ведь сердце в ваших я садах оставил вам.

Кто защитник мой от обидчика самовластного?
Все злее он, когда я власть даю ему.

Ему я дух мой отдал, чтоб хранил он дар,
Но меня сгубил он и то сгубил, что я дал ему.

Я истратил жизнь, чтоб любить его. О, если бы
Мне близость дали взамен того, что истратил я!

О газеленок, в сердце пребывающий,
Достаточно разлуки я испробовал!

Ты тот, чей лик красоты все собрал в себе,
Но все терпенье на него растратил я.

Поселил я в сердце его моем—поселилось там
Испытание, но доволен я поселившимся.

Течет слеза, как море полноводное,
Если б знал дорогу, поистине, я бы шел по ней.

И боялся я, и страшился я, что умру в тоске
И все уйдет, на что имел надежду я.

И когда Мариам услышала от Нур ад-Дина, влюбленного, покинутого, это стихотворение, пришло к ней из-за его слов сострадание, и она пролила из глаз слезы и произнесла такое двустиие:

Стремилась к любимым я, но лишь увидала их,
Смутилась я, потеряв над сердцем и взором власть.

Упреки готовила я целыми свитками,
Когда же мы встретились, ни звука я не нашла.

И Нур ад-Дин, услышав слова Ситт Мариам, узнал ее, и заплакал сильным плачем и воскликнул: «Клянусь Аллахом, это звук голоса Ситт Мариам-кушачницы—без сомнения и колебания и метания камней в неизвестное! Посмотреть бы, правильно ли мое предположение, действительно ли это она или кто-нибудь

другой!» И потом усилилась печаль Нур ад-Дина, и он заохал и произнес такие стихи:

Увидел раз хуливший за страсть меня,
Что встретил на просторе я милую

И не сказал ни слова упрека ей:
Упреки ведь — лечение тоскующих.

И молвил он: «Молчишь почему, скажи,
И верного не можешь ответа дать?»

И молвил я: «О ты, что не ведаешь
Чувств любящих и в них сомневаешься!

Влюбленных признак, страсти примета их —
Молчание при встрече с любимыми».

А когда он окончил свои стихи, Ситт Мариам принесла чернильницу и бумагу и написала в ней после священных слов: «А затем — привет на тебе Аллаха и милость его и благословенье! Сообщаю тебе, что невольница Мариам тебя приветствует и что велика по тебе ее тоска, и вот ее послание к тебе. В минуту, когда эта бумажка попадет к тебе в руки, тотчас же и немедленно поднимайся и займись тем, чего Мариам от тебя хочет, с крайней заботой, и берегись ослушаться ее или заснуть. Когда пройдет первая треть ночи (а этот час — самое счастливое время), у тебя не будет иного дела, кроме как оседлать обоих коней и выйти с ними за город, и всякому, кто спросит: «Куда ты идешь?», отвечай: «Я иду их поводить». Если ты так скажешь, тебя не задержит никто: жители этого города уверены, что ворота заперты».

И потом Ситт Мариам завернула бумажку в шелковый платок и бросила ее Нур ад-Дину из окна, и Нур ад-Дин взял ее, и прочитал, и понял, что в ней содержится, и узнал почерк Ситт Мариам. И он поцеловал записку, и приложил ее ко лбу между глаз, и вспомнил былую приятную близость, и, пролив слезы из глаз, произнес такое двестише:

Пришло к нам послание от вас в ночном сумраке,
Тоску взволновав по вас во мне, изнузив меня.

И жизнь мне напомнила, прошедшую в близости,
Хвала же владыке, мне разлуку пославшему!

А потом Нур ад-Дин, когда опустилась над ним ночь, занялся уборкой коней и выждал, пока прошла

первая треть ночи, и тогда в тот же час и минуту подошел к коням и положил на них два седла из лучших седел, а затем вывел их из ворот конюшни и запер ворота и, дойдя с конями до городских ворот, сел, ожидая Ситт Мариам.

Вот то, что было с Нур ад-Дином. Что же касается царевны Мариам, то она в тот же час и минуту направилась в помещение, приготовленное для нее во дворце, и увидела, что кривой везирь сидит в этом помещении, опершись на подушку, набитую перьями страуса (а он совестился протянуть к Ситт Мариам руку или заговорить с нею). И, увидав его, Ситт Мариам обратилась в сердцах к своему господину и сказала: «О боже, не дай ему достигнуть со мною желаемого и не суди мне стать нечистой после чистоты!» А потом она подошла к везирию и выказала к нему дружбу, и села подле него, и приласкала его, и сказала: «О господин мой, что это ты от нас отворачиваешься? Высокомерие ли это с твоей стороны и надменность ли к нам? Но говорит сказавший ходячую поговорку: «Когда приветствие не имеет сбыта, приветствуют сидящие стоящих». И если ты, о господин мой, не подходишь ко мне и не заговариваешь со мною, тогда я подойду к тебе и заговорю с тобой». — «Милость и благодеяние — от тебя, о владеющая землею и вдоль и поперек, и разве я не один из твоих слуг и ничтожнейших твоих прислужников? — ответил везирь. — Мне только совестно посягнуть на возвышенную беседу с тобой, о жемчужина бесподобная, и лицо мое перед тобой глядит в землю». — «Оставь эти слова и принеси нам еду и напитки», — сказала царевна.

И тогда везирь кликнул своих невольниц и евнухов и велел им принести скатерть, на которой было то, что ходит и летает и плавает в морях: катá, перепелки, птенцы голубей, молочные ягнята и жирные гуси, и были там подрумяненные куры и кушанья всех форм и видов. И Ситт Мариам протянула руку к скатерти, и стала есть, и начала класть в рот куски пальцами и целовать его в губы, и они ели до тех пор, пока не насытились едою, а потом они вымыли руки, и евнухи убрали скатерть с кушаньем и принесли скатерть с вином. И Мариам стала наливать и пить и поить везирия, и она служила ему, как подобает, и сердце везирия едва не улетело от радости, и его грудь расширилась и расправилась. И когда разум везирия

исчез для истины и вино овладело им, царица положила руку за пазуху и вынула кусок крепкого маграбинского банджа — такого, что если бы почуял малейший его запах слон, он бы проспал от года до года (Мариам приготовила его для подобного часа), и затем она отвлекла внимание везиря, и растерла бандж в кубке, и, наполнив кубок, подала его везирю. И ум везиря улетел от радости, и не верилось ему, что царица предлагает ему кубок, и он взял кубок и выпил его, и едва утвердилось вино у него в желудке, как он тотчас же упал на землю, поверженный.

И тогда Ситт Мариам поднялась на ноги и, направившись к двум большим мешкам, наполнила их тем, что легко весом и дорого стоит из драгоценных камней, яхонтов и всевозможных дорогих металлов, а потом она взяла с собой немного съестного и напитков и надела доспехи войны и сечи, снарядившись и вооружившись. И она взяла с собой для Нур ад-Дина, чтобы порадовать его, роскошные царственные одежды и набор покоряющего оружия, а затем подняла мешки на плечи и вышла из дворца (а она обладала силой и отвагой) и отправилась к Нур ад-Дину.

Вот то, что было с Мариам. Что же касается Нур ад-Дина, влюбленного, несчастного, то он сидел у ворот города, ожидая Мариам, и поводья коней были у него в руке, и Аллах (велик он и славен!) наслал на него сон, и он заснул — слава тому, кто не спит! А цари острова в то время не жалели денег на подкуп за кражу тех двух коней или одного из них, и в те дни существовал один черный раб, воспитавшийся на островах, который умел красть коней, и цари франков подкупали его большими деньгами, чтобы он украд одного коня, и обещали, если он украдет обоих, подарить ему целый остров и наградить его роскошной одеждой. И этот раб долгое время кружил по городу Афрандже, прячась, но не мог взять коней, пока они были у царя, а когда царь подарил коней кривому везирю и тот перевел их к себе в конюшню, раб обрадовался сильной радостью и стал надеяться их взять. И он воскликнул: «Клянусь Мессией и истинной верой, я их украду!»

И он вышел, в ту самую ночь, и направился к конюшне, чтобы украсть коней, и когда он шел по дороге, он вдруг бросил взгляд и увидел Нур ад-Дина, который спал, держа поводья коней в руке. И раб

снял поводья с головы коней и хотел сесть на одного из них и погнать перед собой другого, и вдруг подошла Ситт Мариам, неся мешки на плече. И она подумала, что раб — это Нур ад-Дин, и подала ему один мешок, и раб положил его на коня, а потом Мариам подала ему второй мешок, и он положил его на другого коня, а сам молчал, и Мариам думала, что это Нур ад-Дин. И они выехали за ворота города, а раб все молчал, и Мариам сказала ему: «О господин мой Нур ад-Дин, отчего ты молчишь?» И раб обернулся, сердитый, и сказал: «Что ты говоришь, девушка?» И Мариам, услышав бормотание раба, узнала, что это не речь Нур ад-Дина, и тогда она подняла голову, и посмотрела на раба, и увидела, что у него ноздри как кувшины. И когда Мариам посмотрела на раба, свет стал перед лицом ее мраком, и она спросила его: «Кто ты будешь, о шейх сыновей Хама *, и как твое имя среди людей?» — «О дочь скверных, — сказал раб, — мое имя — Масуд, что крадет коней, когда люди спят». И Мариам не ответила ему ни одним словом, но тотчас же обнажила меч и ударила его по плечу, и меч вышел, сверкая, через его связки. И раб упал на землю, поверженный, и стал биться в крови, и поспешил Аллах послать его душу в огонь (а скверное это обиталище!).

И тогда Ситт Мариам взяла коней и села на одного из них, а другого схватила рукой и повернула вспять, чтобы найти Нур ад-Дина. И она нашла его лежащим в том месте, где она условилась с ним встретиться, и поводья были у него в руке, и он спал, и храпел во сне, и не отличал у себя рук от ног. И Мариам сошла со спины коня и толкнула Нур ад-Дина рукой, и тот пробудился от сна, испуганный, и воскликнул: «О госпожа, слава Аллаху, что ты пришла благополучно!» — «Вставай, садись на этого коня и молчи!» — сказала ему Мариам. И Нур ад-Дин поднялся и сел на коня, а Ситт Мариам села на другого коня, и они выехали из города и проехали некоторое время, и потом Мариам обернулась к Нур ад-Дину и сказала: «Разве не говорила я тебе: «Не спи!» Ведь не преуспевает тот, кто спит». — «О госпожа, — воскликнул Нур ад-Дин, — я заснул только потому, что прохладилась моя душа, ожидая свиданья с тобой! А что случилось, о госпожа?» И Мариам рассказала ему историю с рабом от начала до конца, и Нур ад-Дин воскликнул: «Слава Аллаху за благополучие!»

И затем они старались ускорить ход, вручив свое дело милостивому, всеведущему, и ехали, беседуя, пока не доехали до раба, которого убила Ситт Мариам. И Нур ад-Дин увидел его, валявшегося в пыли, подобного ифриту, и Мариам сказала Нур ад-Дину: «Сойди на землю, обнажи его от одежд и возьми его оружие». — «О госпожа, — сказал Нур ад-Дин, — клянусь Аллахом, я не могу сойти со спины коня, встать около этого раба и приблизиться к нему!» И он подивился обличию раба и поблагодарил Ситт Мариам за ее поступок, изумляясь ее смелости и силе ее сердца. И они поехали и ехали жестоким ходом остаток ночи, а когда наступило утро и засияло светом и заблестало и распространилось солнце над холмами, они достигли обширного луга, где паслись газели, и края его зеленели, и плоды на нем всюду поспели. И цветы там были как брюхо змеи, и укрывались на лугу птицы, и ручьи текли на нем, разнообразные видом.

И Ситт Мариам с Нур ад-Дином остановились, чтобы отдохнуть в этой долине, они поели ее плодов и напились из ее ручьев и пустили коней поест на пастбище, и кони поели и попили в этой долине. И Нур ад-Дин с Мариам сели и начали беседовать и вспоминать свое дело и то, что с ними случилось, и всякий из них сетовал другому на то, какие он испытал мучения в разлуке и что он перенес в тоске и отдалении. И когда они так сидели, вдруг поднялась пыль, застилая края неба, и они слышали ржание коней и бряцание оружия.

А причиною этого было вот что. Когда царь выдал свою дочь замуж за везиря, и тот вошел к ней в ту же ночь, и настало утро, царь захотел пожелать им доброго утра, как бывает обычно у царей с их дочерьми. И он поднялся, и взял шелковые материи, и стал разбрасывать золото и серебро, чтобы его подхватывали евнухи и прислужницы, и царь до тех пор шел с несколькими слугами, пока не достиг нового дворца, и он увидел, что везирь брошен на постель и не отличает головы от ног. И царь огляделся во дворце направо и налево и не увидел своей дочери, и замутилось его состояние, и заняло это его мысли, и исчез его рассудок. И он велел принести горячей воды, крепкого уксуса и ладана, и когда ему принесли их, смешал все это вместе и впустил везирю в нос. И затем он потряс его, и бандж выпал у него из нутра, точно кусок сыру,

и тогда царь впустил смесь везирю в нос второй раз, и тот проснулся. И царь спросил его, что с ним и что с его дочерью Мариам, и везирь сказал ему: «О царь величайший, я ничего о ней не знаю, кроме того, что она своей рукой дала мне выпить кубок вина, и после того я пришел в сознание только сейчас и не знаю, какое с ней было дело».

И когда царь услышал слова везиря, свет стал мраком перед лицом его, и он вытащил меч и ударил им везиря по голове, и меч показался, блистая, между его зубов. А потом царь в тот же час и минуту послал за слугами и конюхами, и когда они явились, потребовал тех двух коней, и слуги сказали: «О царь, кони пропали сегодня ночью, и наш старший тоже пропал вместе с ними. Утром мы нашли все двери отпертыми». — «Клянусь моей религией и тем, что исповедует моя вера, — воскликнул царь, — коней взял не кто иной, как моя дочь, — она и тот пленный, что прислуживал в церкви! Он похитил мою дочь в первый раз, и я узнал его истинным образом, и освободил его из моих рук только этот кривой везирь, и ему уже воздано за его поступок!»

И потом царь тотчас же позвал своих трех сыновей — а это были доблестные богатыри, каждый из которых стоил тысячи всадников в пылу битвы и на месте боя и сражения, — и закричал на них, и велел им садиться на коней. И они сели, и царь сел на коня в числе их вместе с избранными своими патрициями, вельможами правления и знатными людьми, и они поехали по следам беглецов и настигли их в той долине.

Когда Мариам увидела их, она поднялась, села на своего коня, подвязала меч и надела доспехи и оружие, а потом она спросила Нур ад-Дина: «В каком ты состоянии и каково твое сердце в бою, сражении и стычке?» — «Я устойчив в стычке, как устойчив кол в отрубях», — ответил Нур ад-Дин, и затем он начал говорить и сказал:

О Марьям, брось корить меня так больно,
И смерти не ищи мне с долгой пыткой.

Откуда мне, скажи, воякой сделаться,
Когда пугаюсь я карканья вороны?

А когда увижу внезапно мышь, так пугаюсь я,
Что лью со страху я себе в одежду.

Люблю бои я только в одиночестве,
И знает кусс весь пыл и ярость зебба.

Вот это — правильное мнение! Всякое
Другое мнение правильным не будет.

И когда Мариам услышала от Нур ад-Дина эти слова и нанизанные стихи, она явила ему смех и улыбку и сказала: «О господин мой Нур ад-Дин, оставайся на месте, и я избавлю тебя от их зла, хотя бы их было числом столько, сколько песчинок». И она в тот же час и минуту приготовилась, и, сев на спину коня, выпустила из рук конец поводьев, и повернула копье острием вперед, и конь понесся под нею, точно дующий ветер или вода, когда она изливается из узкой трубы. А Мариам была из храбрейших людей своего времени, бесподобная в ее век и столетие, ибо отец научил ее, еще малолеткой, ездить на спине коней и погружаться в море боя темной ночью. И она сказала Нур ад-Дину: «Садись на коня и будь за моей спиной, а если мы побежим, старайся не упасть, ибо твоего коня не настигнет настигающий».

И когда царь увидел свою дочь Мариам, он узнал ее как нельзя лучше и, обернувшись к своему старшему сыну, сказал ему: «О Бартут, о прозванный Рас аль-Каллут! Это твоя сестра Мариам, наверное и без сомнения. Она понеслась на нас и хочет биться с нами и сражаться; выйди же к ней и понесись на нее. Во имя Мессии и истинной веры, если ты ее одолеешь, не убивай ее, не предложив ей христианскую веру, и если она вернется к своей древней вере, приведи ее пленницей, а если она не вернется к ней, убей ее самым скверным убиением и изувечь ее наихудшим способом, а также и того проклятого, который с нею, изувечь самым скверным способом». И Бартут ответил: «Внимание и повиновение!»

И затем он в тот же час и минуту выехал к своей сестре Мариам и понесся на нее, и она встретила его, и поднялась на него, и приблизилась к нему, и подъехала близко. И тогда Бартут сказал ей: «О Мариам, разве недостаточно того, что из-за тебя случилось, когда ты оставила веру отцов и дедов и последовала вере бродящих по землям? (Он подразумевал веру ислама.) Клянусь Мессией и истинной верой, — воскликнул он потом, — если ты не вернешься к вере царей, твоих

отцов и дедов, и не пойдешь к ней наилучшим путем, я убью тебя злейшим убийством и изувечу тебя наихудшим образом!» И Мариам засмеялась словам своего брата и воскликнула: «Не бывать, не бывать, чтобы вернулось минувшее или ожил бы умерший! Нет, я заставлю тебя проглотить сильнейшую печаль! Клянусь Аллахом, я не отступлю от веры Мухаммеда, сына Абд Аллаха, чье наставление всеобъемлюще, ибо это есть истинная вера, и не оставлю праведного пути, хотя бы пришлось мне испить чашу смерти!» И когда услышал проклятый Бартут от своей сестры эти слова, свет сделался пред лицом его мраком, и показалось ему это дело значительным и великим. И запылал между ними бой, и жестокой стала борьба и схватка, и погрузились они оба в долины, широкие и длинные, и терпели страдания, и устремились на них взоры, и поразила их оторопь. И они гарцевали продолжительное время и долго сражались. И всякий раз как открывал Бартут против своей сестры Мариам какой-нибудь способ боя, она уничтожала его и отражала своим прекрасным искусством, силой своего превосходства, умением и доблестью. И они сражались таким образом, пока не сомкнулась над их головами пыль и витязи не скрылись от взоров, и Мариам до тех пор обманывала Бартута и преграждала ему дорогу, пока он не утомился, и пропала тогда его решимость и разрушилась его твердость, и ослабела его сила. И Мариам ударила его мечом по плечу, и меч вышел, сверкая, через его связки, и поспешил Аллах послать его душу в огонь (а скверное это обиталище!).

И затем Мариам проскакала по полю, на месте боя и сражения, и стала требовать поединка и просить единоборства, и крикнула: «Есть ли боец, есть ли противник? Пусть же не выходит ко мне в сей день ленивый или слабый! Пусть выходят ко мне только богатыри врагов веры, чтобы напоила я их из чаши позорной пытки! О поклонники идолов, обладатели нечестия и непокорства, сегодня день, когда побелеют лица людей веры и почернеют лица тех, кто не верит во всемилостивого». И когда царь увидел, что его старший сын убит, он стал бить себя по лицу и разорвал на себе одежду и, кликнув своего среднего сына, сказал ему: «О Бартус, о прозванный Харас-Сус, выезжай, о дитя мое, скорее на бой с твоей сестрой Мариам! Отомсти ей за твоего брата Бартута и приведи ее ко мне пленницей, посрамленной, унижен-

ной». И Бартус отвечал: «О батюшка, слушаю и повинуюсь!»

И он выступил против своей сестры Мариам и понесся на нее, и Мариам встретила его и понеслась на него, и они начали сражаться сильным боем, сильнее, чем первый бой. И ее второй брат увидел, что он слаб для боя с нею, и захотел убежать и удрать, но не мог из-за ее сильной ярости, ибо всякий раз, как он хотел положиться на бегство, Мариам приближалась к нему и подъезжала вплотную и теснила его. И потом она ударила Бартуса мечом по шее, и меч вышел, сверкая, у него из глотки, и послала его вслед его брату, и проскакала по боевому полю, на месте боя и сражения, и крикнула: «Где витязи и храбрецы, где кривой и хромой витязь, обладатель искривленной веры?» И тогда царь, отец ее, закричал, с израненным сердцем и оком, слезами разъеденным: «Она убила моего среднего сына, клянусь Мессией и истинной верой!» И потом он кликнул своего меньшего сына и сказал ему: «О Фасьян, о прозванный Сельхас Сыбьян, выходи, о дитя мое, на бой с твоей сестрой и отомсти за твоих братьев! Сшибись с нею, и счастье либо тебе, либо против тебя. И если ты ее одолеешь, убей ее наихудшим убиением».

И тут выступил против Мариам ее меньшей брат и понесся на нее, и Мариам пошла на него с превосходным искусством, и понеслась на него с прекрасным умением, смелостью, знанием боя и доблестью, и крикнула: «О проклятый, о враг Аллаха и враг мусульман, я отправлю тебя вслед твоим братьям, а плох приют нечестивых!» И затем она вытащила меч из ножен и ударила своего брата, перерубив ему шею и руки, и отправила его вслед братьям, и поспешил Аллах послать его душу в огонь (а скверное это обиталище!).

И когда патриции и витязи, которые поехали с отцом царевны, увидели, что три его сына убиты (а они были самые храбрые люди своего времени), в их сердце запал страх перед Ситт Мариам, и ошеломила их боязнь, и они свесили головы к земле и убедились в своей смерти, уничтожении, унижении и гибели. И сгорели их сердца от гнева в пламени огня, и они повернули спину и положились на бегство. И когда увидел царь, что его сыновья убиты и войска побежали, взяло его недоумение и оторопь, и сгорело его сердце в пламени огня, и он сказал себе: «Поистине

Ситт Мариам нас уничтожила, и если я подвергну себя опасности и выступлю к ней один, она, может быть, меня одолеет и покорит, и убьет меня гнуснейшим убийством, и изувечит самым скверным образом, как она убила своих братьев, ибо не осталось у нее на нас надежды, и нечего нам желать ее возвращения. И, по-моему, надлежит мне сберечь мою честь и вернуться в мой город».

И потом царь отпустил поводья коня и вернулся в свой город, и когда он оказался у себя во дворце, в его сердце вспыхнул огонь из-за убийства его трех сыновей, бегства его войска и позора его чести. И, не просидев получаса, он потребовал к себе вельмож правления и больших людей царства и пожаловался им на то, что сделала с ним его дочь Мариам, которая убила своих братьев, и на горе и печаль, им перенесенную, и спросил у вельмож совета. И они все посоветовали ему написать письмо преемнику Аллаха на земле его, повелителю правоверных Харуну ар-Рашиду, и осведомить его об этом деле. И царь написал ар-Рашиду письмо такого содержания: «После приветствия повелителю правоверных: у нас есть дочь по имени Мариам-кушачница, и испортил ее против нас пленник из пленных мусульман по имени Нур ад-Дин Али, сын купца Тадж ад-Дина, каирца, и похитил ее ночью, и вышел с нею в сторону своей земли. И я прошу милости владыки нашего, повелителя правоверных, чтобы он написал во все мусульманские земли приказ отыскать ее и прислать к нам с верным посланцем из слуг его величества, повелителя правоверных. И между прочим в письме заключалось: «А за помощь нам в этом деле мы назначим вам половину города Румы великой*, чтобы вы строили там мечети для мусульман, и будет вам доставляться его подать».

И после того как царь написал это письмо, по совету знатных людей своего царства и вельмож правления, он свернул его и позвал везиря, который был назначен везирем вместо кривого везиря, и приказал ему запечатать письмо царской печатью, и вельможи правления тоже припечатали его, поставив на нем сначала подпись своей руки. А потом царь сказал своему везиру: «Если ты приведешь ее, тебе будет от меня надел двух эмиров, и я награжу тебя одеждой с двумя нашивками». И он отдал везиру письмо и приказал ему отправиться в город Багдад,

Обитель Мира*, и вручить письмо повелителю правоверных из рук в руки.

И везирь выехал с посланием и ехал, пересекая долины и степи, пока не достиг города Багдада. И, вступив в город, везирь провел там три дня, устраиваясь и отдыхая, а потом он спросил, где дворец повелителя правоверных Харуна ар-Рашида, и ему указали его. И, достигнув дворца, везирь попросил у повелителя правоверных разрешения войти, и халиф разрешил ему. И везирь вошел к ар-Рашиду и, поцеловав перед ним землю, подал ему письмо от царя Афранджи и с ним диковинные подарки и редкости, подходящие для повелителя правоверных. И когда халиф развернул письмо и прочитал его и понял его содержание, он тотчас же велел своим везирям написать письма во все мусульманские страны, и они это сделали, и изъяснили в письмах облик Мариам и облик Нур ад-Дина, и обозначили его имя и ее имя, и упомянули, что они беглецы, так что всякий, кто их обнаружит, пусть схватит их и отошлет к повелителю правоверных. И они предостерегли наместников, чтобы те не оказали в этом промедления, беспечности или небрежения. И затем письма запечатали и разослали с гонцами к наместникам, и те поспешили с исполнением приказа и принялись искать во всех городах тех, у кого был указанный облик.

Вот что было с этими правителями и их подчиненными. Что же касается Нур ад-Дина каирского и Мариам-кушачницы, дочери царя Афранджи, то после бегства царя и его войска они в тот же час и минуту сели на коней и направились в страны Сирии, и покрыл их покрывающий, и они достигли города Дамаска. А объявления о розыске, которые разослал халиф, опередили их в Дамаске на один день, и эмир Дамаска узнал, что ему приказано схватить обоих беглецов, когда он их найдет, и доставить их к халифу.

И когда был день их прибытия в Дамаск, подошли к ним соглядатаи и спросили их, как их имена, и беглецы сказали правду и рассказали свою историю и все, что с ними случилось, и их узнали, и схватили, и взяли, и привели их к эмиру Дамаска, и тот отправил их к халифу в город Багдад, Обитель Мира.

И по прибытии туда, попросили разрешения войти к повелителю правоверных Харуну ар-Рашиду, и тот позволил, и прибывшие вошли, и поцеловали землю меж его руками, и сказали: «О повелитель право-

верных, эта девушка — Мариам-кушачница, дочь царя Афранджи, а это — Нур ад-Дин, сын купца Тадж ад-Дина каирского, пленник, который испортил ее против воли ее отца и украл ее из его страны и царства и уехал с нею в Дамаск. Мы нашли их, когда они вступили в Дамаск, и спросили их, как их зовут, и они ответили нам правду, и тогда мы привели и доставили их к тебе».

И повелитель правоверных взглянул на Мариам и увидел, что она стройна ростом и станом, говорит ясной речью, красавица среди людей своего времени, единственная в свой век и столетие, и обладает сладостным языком, твердым духом и сильным сердцем. И когда Мариам подошла к халифу, она поцеловала землю меж его руками и пожелала ему вечной славы и счастья и прекращения бед и напастей. И халифу понравилась красота ее стана, нежность ее речи и быстрота ее ответов, и он спросил ее: «Ты ли — Мариам-кушачница, дочь царя Афранджи?» И Мариам ответила: «Да, о повелитель правоверных и имам единобожников, охранитель в боях веры и сын дяди господина посланных». И тогда халиф обернулся и увидел, что Али Нур ад-Дин — красивый юноша, прекрасно сложенный, подобный светящейся луне в ночь ее полноты, и спросил его: «Ты — Нур ад-Дин, пленник, сын купца Тадж ад-Дина каирского?» И Нур ад-Дин ответил: «Да, о повелитель правоверных и опора всех к нему направляющихся». — «Как ты похитил эту женщину из царства ее отца и убежал с нею?» — спросил халиф. И Нур ад-Дин принялся рассказывать ему обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и, когда он кончил свой рассказ, халиф удивился всему этому до крайней степени, и его охватил от удивления великий восторг, и он воскликнул: «Сколь много приходится терпеть мужам! — а потом обратился к Ситт Мариам и сказал ей: — О Мариам, знай, что твой отец, царь Афранджи, написал нам о тебе. Что ты скажешь?» — «О преемник Аллаха на земле его, поддерживающий установления его пророка и предписания его! — ответила Мариам. — Да увековечит Аллах над тобою счастье и да защитит тебя от бед и напастей! Ты — преемник Аллаха на земле его! Я вступила в вашу веру, ибо она есть вера твердо стоящая, истинная, и оставила религию нечестивых, которые говорят ложь о Мессии,

и стала верующей в Аллаха великодушного, и считаю правдой то, с чем пришел его милосердый посланник. Я поклоняюсь Аллаху (слава и величие ему!), объявляю его единым богом, падаю перед ним ниц, в смирении, и прославляю его, и я говорю, стоя меж руками халифа: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед — посол Аллаха; послал он его с наставлением на правый путь и верую истинной, чтобы поставил он ее превыше всякой веры, хотя бы было это отвратительно многобожникам. И разве дозволено тебе, о повелитель правоверных, внять письму царя еретиков и отослать меня в страну нечестивых, которые предают товарищей владыке всезнающему и возвеличивают крест, и поклоняются идолам, и веруют в божественность Исы*, хотя он сотворен? И если ты сделаешь со мной это, о преемник Аллаха, я уцеплюсь за твою полу в день смотра перед Аллахом и пожалуюсь на тебя сыну твоего дяди, посланнику Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!), в тот день, когда не поможет ни имущество, ни сыновья, никому, кроме тех, кто пришел к Аллаху с сердцем здоровым».

И повелитель правоверных воскликнул: «О Мариам, сохрани Аллах, чтобы я когда-нибудь это сделал! Как возвращу я женщину-мусульманку, объявляющую единым Аллаха и посланника его, к тому, что запретил Аллах и его посланник?» И Мариам воскликнула: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед — посол Аллаха!» И повелитель правоверных молвил: «О Мариам, да благословит тебя Аллах и да умножит руководство тобой на пути к исламу! Раз ты стала мусульманкой, объявляющей Аллаха единым, — у нас появился перед тобой обязательный долг, и заключается он в том, что я не допущу с тобою никогда крайности, хотя бы мне дали за тебя полную землю драгоценностей и золота. Успокойся же душою и прохлады глаза, и пусть твоя грудь расправится и твое сердце будет спокойно. Согласна ли ты, чтобы этот юноша, Али-каирец, был тебе мужем, а ты ему женой?» — «О повелитель правоверных, — сказала Мариам, — как мне не согласиться, чтобы он был мне мужем, когда он купил меня своими деньгами и был милостив ко мне крайней милостью? И в довершение милости ко мне, он из-за меня подвергал свою душу опасности много раз».

И выдал тогда Мариам замуж за Нур ад-Дина владыка наш, повелитель правоверных, и сделал ей приданое, и призвал кади, и свидетелей, и вельмож правления к присутствию в день замужества и при писании записи, и был это день многолюдный.

А затем после этого повелитель правоверных в тот же час и минуту обратился к везирю царя румов, который в это время был тут, и спросил его: «Слышали ты ее слова? Как я отошлю ее к ее нечестивому отцу, когда она — мусульманка, единобожница? Ведь, может быть, он причинит ей зло и будет груб с нею, тем более что она убила его сыновей, и я понесу ее грех в день воскресения. А сказал ведь Аллах великий: «И не установил Аллах нечестивым против мусульман пути». Возвращайся же к твоему царю и скажи ему: «Отступись от этого дела».

А этот везирь был глупый, и он сказал халифу: «О повелитель правоверных, клянусь Мессией и истинной верой, мне невозможно возвратиться без Мариам, хотя бы и была она мусульманкой, так как если я вернусь к ее отцу без нее, он убьет меня». И халиф воскликнул: «Возьмите этого проклятого и убейте его!» И он произнес такой стих:

Награда вот перечасим,
Тем, кто выше их, непокорным мне!

И потом он велел отрубить проклятому везирю голову и сжечь его, и Ситт Мариам сказала: «О повелитель правоверных, не марай твоего меча кровью этого проклятого!» И она обнажила меч и, ударив им везиря, отмахнула ему голову от тела, и пошел он в обитель гибели, и приют ему — геенна. (А скверное это обиталище!) И халиф удивился твердости руки Мариам и силе ее духа, и он наградил Нур ад-Дина роскошной одеждой, и отвел Мариам с Нур ад-Дином помещение во дворце, и назначил им выдачи, и жалованье, и кормовые, и велел отнести к ним все, что было нужно из одежд, ковров и дорогой посуды.

И они провели в Багдаде некоторое время, живя сладостной и приятнейшей жизнью, а потом Нур ад-Дин затосковал по отцу и матери и рассказал об этом халифу и попросил у него позволения отправиться в свою страну и посетить близких. И он позвал Мариам и привел ее пред лицо халифа, и тот разрешил ему поехать и наделил его дарами и дорогими редко-

стями. И он поручил Мариам и Нур ад-Дина друг другу и велел написать эмирам Каира Охраняемого и тамошним ученым и вельможам, чтобы они заботились о Нур ад-Дине, его родителях и невольнице и оказывали им крайнее уважение.

И когда дошли вести об этом до Каира, купец Тадж ад-Дин обрадовался возвращению своего сына Нур ад-Дина, и его мать тоже обрадовалась этому до крайности. И вышли ему навстречу знатные люди, эмиры и вельможи правления, вследствие наказа халифа, и они встретили Нур ад-Дина. И был это день многолюдный, прекрасный и дивный, когда встретился любящий с любимым и соединился ищущий с искомым, и начались пиршества — каждый день у одного из эмиров. И все обрадовались их прибытию великой радостью и оказывали им уважение, все возвышающееся, и когда встретился Нур ад-Дин со своим отцом и матерью, они обрадовались друг другу до крайней степени, и прошли их заботы и огорчения.

И так же обрадовались они Ситт Мариам и оказали ей крайнее уважение, и стали прибывать к ним подарки и редкости от всех эмиров и больших купцов, и испытывали они каждый день новое наслаждение и радость бо́льшую, чем радость в праздник.

И они прожили в постоянной радости, наслаждении и обильном и веселящем благоденствии за едой, питьем, развлечениями и увеселениями некоторое время, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, опустошающая дома и дворцы и населяющая утробы могил. И были они перенесены из дольней жизни к смерти и оказались в числе умерших. Да будет же слава живому, который не умирает и в чьей руке ключи видимого и невидимого царства!»

СКАЗКА О ДЖИЛЛИАДЕ И ШИМАСЕ

ассказывают также, что был в древние времена и минувшие века и годы один царь в странах Индии, и был этот царь великий, высокий ростом, красивый обликом, прекрасный нравом, с благородными свойствами. И он благодетельствовал бедным и любил своих подданных и всех людей своего царства. И было имя его Джиллиад, и находились под властью его, в его царстве, семьдесят два правителя, в странах его было триста пятьдесят кадиев, и было у него семьдесят везирей, и над каждым десятком своих воинов он поставил предводителя, и наибольшим его везирем был человек по имени Шимас, и было ему жизни двадцать два года. И он был прекрасен видом и естеством, тонок в речах, сообразителен при ответе и ловок во всех своих делах — мудрец, правитель и начальник, несмотря на юность лет, — и он знал всякую мудрость и вежество. И царь любил его великой любовью и питал к нему склонность из-за его знаний в красноречии и умении изъясняться в делах управления, а также потому, что даровал ему Аллах

милосердие и кротость к подданным. И был этот царь справедлив в своем царстве, оберегал подданных и одарял малого и большого милостями и подобающей заботой и дарами, охраняя спокойствие и безопасность и облегчая подать всем подданным. И он любил их, и великих и малых, и поступал с ними милостиво, и заботился о них.

Но при всем этом не наделил царя Аллах великий сыном, и было это тяжело ему и жителям его царства. И случилось, что царь лежал в одну ночь из ночей, занятый размышлениями об исходе дел своего царства, а потом его одолел сон, и он увидел во сне, что он льет воду у подножия дерева (а вокруг этого дерева много деревьев), и вдруг вышел из этого дерева огонь и сжег все деревья, бывшие вокруг него.

И тут царь пробудился от сна, уstraшенный и испуганный, и, призвав одного из своих слуг, сказал ему: «Ступай живей и приведи мне скорее Шимаса, везиря!» И слуга пошел к Шимасу и сказал ему: «Царь требует тебя сию же минуту — он пробудился от сна испуганный и послал меня за тобой, чтобы ты скорее к нему пришел».

И Шимас, услышав слова слуги, в тот же час и минуту поднялся, и отправился к царю, и вошел к нему. И он увидел царя сидящим на постели, и пал перед ним ниц, желая ему вечной славы и счастья, и воскликнул: «Да не опечалит тебя Аллах, о царь! Что тебя встревожило сегодня ночью, и почему ты поспешно потребовал меня?»

И царь позволил Шимасу сесть, и тот сел, и царь начал ему рассказывать, что он видел, и сказал: «Сегодня ночью я видел сон, который ужаснул меня. Мне снилось, что я лил воду у подножия дерева, и когда я это делал, вдруг вышел из подножия дерева огонь и сжег все деревья, что были вокруг него. И я испугался, и взял меня страх, и я проснулся и послал тебя позвать из-за твоих великих знаний и умения толковать сны, так как мне известна твоя обширная ученость и великая смьшленость».

И Шимас опустил голову на некоторое время, а потом улыбнулся, и царь спросил его: «Что ты подумал, о Шимас? Скажи мне правду и не скрывай от меня ничего». И Шимас, в ответ ему, молвил: «О царь, Аллах великий оказал тебе милость и прохладил твое око, и

этот сон приведет к полному благу. А именно, Аллах великий наделит тебя ребенком мужеского пола, который унаследует от тебя царство после твоей долгой жизни, но только будет в нем нечто, чего я не хотел бы изъяснять в теперешнее время, ибо не подходит оно для изъяснения этого». И царь обрадовался великой радостью, и усилилось его веселье, и ушел от него испуг, и успокоилась душа его. «Если так прекрасно обстоит дело с толкованием этого сна,— сказал он,— то заверши мне его толкование, когда придет подходящее время для завершения толкования его. То, что не подобает изъяснять теперь, надлежит тебе изъяснить мне, когда придет тому время, чтобы полною стала моя радость, ибо я не желаю этим ничего, кроме благоволения Аллаха, слава и величие ему!»

И когда Шимас увидел, что царь настаивает на завершении толкования сна, он высказал доводы, которыми отвел это от себя.

И тогда царь призвал звездочетов и всех толкователей снов, которые были в его царстве, и они все явились пред лицо его, и царь рассказал им свой сон и сказал: «Я хочу от вас, чтобы вы мне сообщили правдивое толкование сна».

И выступил вперед один из толкователей и взял у царя позволение говорить. И когда царь позволил ему, он сказал: «О царь, поистине, твой везирь Шимас вовсе не бессилен истолковать это, он только посовестился перед тобой и успокоил твой страх и не высказал тебе всего толкования полностью. Но если ты позволишь мне говорить, я скажу». — «Говори, о толкователь, не совестясь, и будь правдив со мною в словах», — молвил царь. А толкователь сказал: «Знай, о царь, что появится у тебя сын, который унаследует от тебя царство после твоей долгой жизни, но он не будет поступать с подданными, как поступаешь ты, а нарушит твои указы и станет притеснять подданных, и поразит его то, что поразило мышь с котом, и воззвала она к защите Аллаха великого».

«А какова история кота с мышью?» — спросил царь. И толкователь сказал:

«Да продлит Аллах жизнь царя! Мурлыка, то есть кот, вышел однажды ночью, чтобы растерзать что-нибудь в саду, но ничего не нашел и ослаб от сильного

холода и дождя, бывшего той ночью. И он стал придумывать, где бы раздобыть себе жертву. И когда он бродил, будучи в таком состоянии, он вдруг увидел нору у подножия дерева. И он приблизился к ней и начал ее обнюхивать, ворча, и почуял в норе мышь, и стал всячески пытаться проникнуть в нору. Но мышь, почуяв кота, обернулась к нему спиной и принялась ползать на передних и задних лапах, чтобы засыпать вход в нору. И тогда кот стал пищать слабым голосом и говорить: «Зачем ты это делаешь, о сестрица? Я ищу у тебя убежища, чтобы ты оказала мне милость и приютила меня в твоей норе на сегодняшнюю ночь. Я ослаб от великих годов, и пропала моя сила, и я не могу больше двигаться. Я углубился сегодня ночью в этот сад,— а сколько уже раз я призывал на свою душу смерть, чтобы отдохнуть!— и вот я у твоей двери, повергнутый холодом и дождем. Прошу тебя, ради Аллаха, о милости — возьми меня за руку, введи к себе и приюти в проходе в твою нору, так как я иноземец и бедняк, а сказано: «Кто приютит в своем жилище иноземца-бедняка, тому будет приютом рай в день судный». Ты достойна, о сестрица, получить за меня награду и позволишь мне провести у тебя ночь до утра, а потом я уйду своей дорогой?» И когда мышь услышала слова кота, она сказала: «Как ты войдешь в мою нору, когда ты — мой враг по естеству, и пропитание твое — мое мясо? Я боюсь, что ты меня обманешь, так как это одно из твоих свойств, ибо нет для тебя обета, а ведь сказано: «Не должно доверять прелюбодю красивую женщину, или бедняку, нуждающемуся, деньги, или огню — дрова». Для меня не обязательно доверять тебе, и сказано: «Вражда по естеству, чем слабее ее носитель, тем сильнее».

И кот ответил мыши потухшим голосом, в наихудшем состоянии: «Поистине, то, что ты высказала из назиданий, правда, и я не порицаю тебя, но прошу отвернуться от былой природной вражды, нас с тобой разделявшей, ибо сказано: «Кто простит сотворенного, тому простит творец его». Я был прежде тебе врагом, и вот я сегодня прошу тебя о милости. Ведь сказано: «Если хочешь, чтобы твой враг был тебе другом, сотвори с ним благое». И я, сестрица, даю тебе клятву и обет Аллаха, что не буду никогда вредить тебе, и к тому же нет у меня на это силы. Доверься

Аллаху и сотвори благое — прими мою клятву и мой обет».

И мышь ответила: «Как я приму обет того, с кем у меня утвердилась вражда и кому обычно меня обманывать? Будь наша вражда из-за чего-либо, но не из-за крови, я, право, сочла бы ее ничтожной, но эта вражда прирожденная, и сказано: кто доверится своему врагу, тот подобен вложившему руку в пасть ехидны». И кот сказал, исполнившись гнева: «Моя грудь стеснилась, и ослабла моя душа! Я уже в предсмертных муках и скоро умру у твоих дверей, и грех передо мной ляжет на тебя, так как ты можешь меня спасти. Вот мое последнее тебе слово».

И мышь охватил страх перед великим Аллахом, и вошло в ее сердце милосердие, и она сказала себе: «Кто хочет от Аллаха великого помощи против своего врага, пусть окажет ему милость и благо. Положусь на Аллаха и спасу этого кота от гибели, чтобы получить за это награду».

И мышь вышла к коту и втащила его к себе в нору волоком, и кот оставался у нее, пока не набрался сил, не отдохнул и не поправился немного. И он горевал о своей слабости и о том, что у него пропала сила и мало осталось друзей, и мышка жалела его и успокаивала, и подходила к нему, и бегала вокруг него.

Что же касается кота, то он полз по норе, пока не занял выхода, боясь, что мышь выйдет из нее. И мышь захотела выйти и приблизилась к коту, как обычно. И когда она оказалась от него близко, кот схватил ее и вцепился когтями и начал ее терзать и трясти. И он хватал ее зубами, поднимал от земли, и бросал, и бегал за ней, и терзал ее, и мучил. И тогда мышь стала звать на помощь, и попросила освобождения у Аллаха, и начала упрекать кота, говоря: «Где обеты, которые ты мне давал, и где клятвы, которыми ты клялся? Таково твое воздаяние мне за то, что я впустила тебя в мою нору и доверилась тебе? Правду сказал сказавший: «Кто примет обет своего врага, пусть не ждет для себя спасения». И сказавший: «Кто вручит себя своему врагу, тот заслуживает гибели». Но полагаюсь на моего творца: он — тот, кто освободит меня от тебя».

И когда она была в таких обстоятельствах и кот хотел на нее броситься и растерзать, вдруг проходил

охотник с хищными собаками, приученными к охоте. И одна из собак прошла над входом в нору и услышала, что в ней большая драка, и подумала, что это лисица рвет кого-нибудь. И собака бросилась в нору, чтобы поймать лисицу, и встретила кота, и потянула его к себе. И когда кот попал в лапы собаке, он занялся самим собою и отпустил мышь живой, без единой раны, а что касается его самого, то охотничья собака вынесла его, перерезав ему жилы, и бросила его мертвым. И оправдались на коте и мыши слова сказавшего: «Кто милует, тот помилован будет в будущей жизни, а кто притесняет, тот притеснен будет немедленно».

Вот что случилось с ними, о царь, и никому не подобает нарушать обет тому, кто ему доверился. А с тем, кто предает и обманывает, случится то же, что случилось с котом, ибо как судит молодец, так и судим он будет, а кто обратится к благу, получит награду. Но не печалься, о царь, и пусть не будет тебе это тяжело, ибо твой сын, после несправедливости и притеснения, вернется к благому поведению. А этот мудрец, что у тебя везирем, Шимас, хотел не скрывать от тебя ничего о том, о чем он тебе намекнул, и это с его стороны правильно, ибо говорится: «Люди, сильнее всего страшатся,— самые обширные по уму и больше всех ревнуют о благе».

И тогда царь подчинился, и велел выдать толкователям щедрую награду, и отпустил их, а затем он поднялся и вошел в свой покой и принялся размышлять об исходе своего дела.

Когда же настала ночь, он пришел к одной из своих жен (а она была ему всех дороже и милее) и лег с нею. И когда прошло над ней около четырех месяцев, ноша шевельнулась у нее в животе, и она обрадовалась сильной радостью, и уведомила об этом царя, и царь воскликнул: «Оправдался мой сон, к Аллаху взываем о помощи!» И потом он поместил свою жену в самом лучшем покое, оказал ей крайнее уважение, одарил ее обильными наградами и наделил ее многим, а после этого он позвал одного из слуг и послал его за Шимасом. И когда Шимас явился, царь рассказал ему о том, что его жена понесла, и он радовался и гово-

рил: «Оправдался мой сон, и пришло осуществление надежды! Может быть, окажется, что эта ноша — ребенок мужеского пола, и будет он наследником моего царства. Что же ты скажешь об этом, о Шимас?» И Шимас промолчал и не произнес никакого ответа. И царь сказал ему: «Что это, я вижу, ты не радуешься моей радости и не даешь мне ответа? Узнать бы, не противно ли тебе это дело, о Шимас!» И тут Шимас пал перед царем ниц и сказал: «О царь,— да продлит Аллах твою жизнь!— что пользы ищущему тени под деревом, когда огонь выходит из него, и какая сладость пьющему чистое вино, если он им подавился? Какой прок утоляющему жажду от сладкой холодной воды, если он утонул в ней? Я — раб Аллаха и твой раб, о царь, но сказано: «О трех вещах не подобает говорить разумному прежде их завершения: путешественнику, пока не вернется он из путешествия, тому, кто на войне, пока не покорил он врага, и женщине носящей, пока не сложит она ношу. Знай же, о царь, что говорящий о чем-нибудь, что не завершилось, подобен богомольцу, на голову которого пролилось масло».

«А какова история богомольца и что с ним случилось?» — спросил царь. И везирь сказал:

«Знай, о царь, что некий человек жил подле одного шерифа из шерифов некоего города, и этому богомольцу полагалась каждый день выдача из надела шерифа: три хлебные лепешки, немного масла и меда. А масло в этом городе было дорогое, и богомолец собирал то, что ему доставалось, в кувшин, и наполнил его, и повесил у себя над головой из страха и осторожности. И когда однажды, в одну ночь из ночей, он сидел на постели, держа в руке свой посох, ему пришла мысль насчет масла и его дороговизны, и он сказал себе: «Мне следует продать все масло, какое у меня есть, и купить на вырученные деньги овцу и разделить владение ею с каким-нибудь феллахом*. В первый год она принесет самца и самку, а на второй год она принесет самку и самца, и эти овцы будут все время размножаться, принося самцов и самок, пока их не станет много. И тогда я выделю свою часть, и продам из нее, сколько захочу, и куплю землю, и

выращу на ней сад, и построю великолепный дворец, и приобрету одежду и платья, и куплю рабов и невольниц. И я женюсь на дочери купца, и устрою свадьбу, какой никогда не бывало, и зарежу животных, и приготовлю роскошные кушанья, и сладости, и варенья, и прочее, и соберу на свадьбу забавников, фокусников и играющих на музыкальных инструментах, и приготовлю цветов, благовонных растений и всяких пахучих трав, и позову богатых и бедных, и ученых, и начальников, и вельмож правления, и всякому, кто чего-нибудь попросит, то я и дам, и я приготовлю всякие кушанья и напитки. Я пущу глашатая кричать: «Кто чего-нибудь попросит — получит». И потом я войду к моей невесте, после открывания, и буду наслаждаться ее красотой и прелестью, и есть, и пить, и веселиться, и скажу себе: «Ты достиг желаемого!» И отдохну от набожности и благочестия. И после этого моя жена понесет и родит мальчика, и я буду на него радоваться, и устрою из-за него пиры, и воспитаю его в неге, и научу его мудрости, вежеству и счету, и сделаю его имя известным среди людей. Я буду похваляться им между устраивающими собрания и стану побуждать его к приятному, — а он не будет прекословить мне, — и удерживать его от мерзостей и порицаемого, и наставлять его в благочестии и творении добра. Я буду наделять его роскошными, прекрасными дарами и, если увижу, что он всегда послушен, умножу ему дары праведные, а если увижу я, что он склонился к ослушанию, я опущу на него этот посох».

И он поднял свой посох, чтобы ударить сына, и попал по кувшину с маслом, что был у него над головой, и разбил его, и тут черепки посыпались на богомольца, и масло потекло ему на голову, на одежду и на бороду, и стал он для всех назиданием.

И поэтому, о царь, не подобает человеку говорить о вещи, прежде чем она будет».

«Ты прав в том, что сказал, — молвил царь, — и прекрасный везирь ты, так как высказал истину и посоветовал благое. Стала у меня твоя степень такою, как тебе любо, и всегда будешь ты мне приятен.»

И Шимас пал ниц перед Аллахом и перед царем, и пожелал ему вечного счастья, и воскликнул: «Да продлит Аллах твои дни и да возвысит твой сан! Знай,

что я ничего от тебя не скрываю, ни в тайном, ни в оглашаемом, и твое благоволение — мое благоволение, а твой гнев — мой гнев. Нет у меня радости, кроме твоей радости, и я не могу ночью заснуть, зная, что ты на меня гневен, ибо Аллах великий наделил меня всем благом через твои награды мне, и я прошу великого Аллаха, чтобы он охранял тебя своими ангелами и воздал тебе прекрасно при встрече с ним».

И возвеселился тут царь, и затем Шимас поднялся и ушел от царя. А через некоторый срок жена царя родила мальчика, и пошли к царю вестники и возвестили ему о сыне, и царь обрадовался великою радостью, и поблагодарил Аллаха многою благодарностью, и воскликнул: «Слава Аллаху, который наделил меня сыном после утраты надежды! Он есть заботливый, кроткий к рабам своим!» И потом царь написал всем жителям своего царства, извещая их об этом событии и призывая их в свое жилище. И явились эмиры, начальники, ученые и вельможи царства, подвластные ему, и вот то, что было с царем.

Что же касается его сына, то от радости ему ударили в литавры во всем царстве, и жители пришли, чтобы явиться к царю, изо всех краев, и пришли люди науки, философы, словесники и мудрецы, и вошли все вместе к царю, и каждый достиг места сообразного его сану. А потом царь дал знак семи великим везирям, главой которых был Шимас, чтобы каждый из них говорил, по мере бывшей в нем мудрости, о том, что ему близко, и начал глава их, везирь Шимас, и попросил у царя позволения говорить.

И когда царь позволил ему, он сказал: «Хвала Аллаху, который вызвал нас из небытия в бытие, и пожаловал рабам своим владык из людей справедливых и правосудных во власти, которою их облек он, и в деяниях праведных, а также в том наделе, который отпустил он, через их руки, их подданным! В особенности таков наш царь, который оживил мертвые наши земли тем, что пожаловал нам Аллах из благ, и наделил нас, по благодати своей, привольной жизнью, покоем и правосудием. Какой царь сделает для жителей своего царства то, что сделал для нас этот царь и в заботе о наших выгодах, о соблюдении наших прав и оказании справедливости одним из нас против других, в малом небрежении нами и исправлении несправед-

ливостей? Милость Аллаха людям в том, чтобы был у них царь, пекущийся о делах их и охраняющий их от врага, ибо крайняя цель врага — покорить своего неприятеля и держать его в руке. Многие люди приводят своих детей к царям как слуг, и пребывают они у них на положении рабов, чтобы отражать от них врага, в нашу же страну не вступали враги во время нашего царя, по великой благодати и большому счастью, которого не могут описать описывающие, ибо оно выше описания. И ты, о царь, заслужил того, чтобы удостоиться сей великой милости, и мы под твоим покровительством и под сенью твоего крыла — да сделает Аллах прекрасной твою награду и да продлит он твой век! Прежде всего неустанно просили мы великого Аллаха, чтобы оказал он нам милость, вняв нам, и сохранил тебя для нас и даровал тебе доброго сына, которым прохладились бы твои глаза, и Аллах (слава ему и величие!) принял наши слова, и внял нашей молитве, и подал нам помощь близкую, как подал он ее рыбам в пруде с водой».

«А какова история рыб и как это было?» — спросил царь. И везирь сказал:

«Знай, о царь, что был в одном месте пруд с водой, и было там несколько рыб. И случилось с этим прудом, что воды в нем уменьшилось и не осталось ее достаточно, чтобы была рыбам польза, и они едва не погибли. И сказали они: «Что-то будет с нами! Как нам ухитриться и у кого спросить совета о спасении?»

И поднялась одна рыба (а она была больше их по уму и по годам) и сказала: «Нет у нас иной хитрости для спасения, кроме как просить Аллаха. Но поищем совета у рака — ведь он над нами старший. Идемте к нему и посмотрим, каково будет его мнение, — он более нас сведущ в истинах слова».

И рыбы одобрили ее мнение, и все пришли к раку и увидели, что он залег в своей норе и не знает и не ведает о том, что с рыбами. И рыбы пожелали раку мира и сказали ему: «О господин наш, разве не касается тебя наше дело, когда ты наш правитель и начальник?» И рак сказал им в ответ: «И вам мир! Что с вами такое и чего вы хотите?» И рыбы рассказали ему свою историю и то, что их поразило в убыли

воды, и сказали, что когда она высохнет, им придет гибель. И потом они сказали: «И вот мы пришли к тебе и ожидаем от тебя совета и того, в чем будет спасение,— ты ведь наш старший и более знающ, чем мы».

И рак надолго опустил голову и затем сказал: «Нет сомнения, что у вас недостаток ума, раз вы отчаялись в милости великого Аллаха и в поручительстве его за благополучие всех его тварей. Разве не знаете вы, что Аллах (слава ему и величие!) наделяет своих рабов без счета и что определил он их надел раньше, чем сотворил? И назначил он каждому созданию жизнь ограниченную и надел определенный, по божественному своему могуществу — так как же будем мы нести заботу о чем-нибудь, когда оно начертано в неведомом? И мнение мое, что нет ничего лучше, чем просьба у великого Аллаха, и надлежит каждому из нас исправить свои помышления перед господом, и в тайном, и в оглашаемом, и взмолиться Аллаху, чтобы освободил он нас и спас от бед, ибо Аллах великий не обманывает надежды того, кто на него уповает, и не отвергает просьбы того, кто ищет к нему близости. И когда направим мы наши обстоятельства, исправятся дела наши, и достанется нам полное благо и счастье. И придет зима, и зальет Аллах нашу землю по молитве праведника и не разрушит добра тот, кто его воздвигнул. Лучше всего нам терпеть и ждать того, что сделает с нами Аллах. И если постигнет нас смерть, как бывает обычно, мы отдохнем, а если постигнет нас то, что требует бегства, мы побежим и перейдем из нашей земли туда, куда захочет Аллах». И все рыбы подтвердили в один голос: «Твоя правда, о господин наш, воздай тебе Аллах за нас благом». И каждая из них отправилась к себе, и прошло лишь немного дней, и послал Аллах сильный дождь, который наполнил вместилище пруда еще больше, чем раньше.

Так и мы, о царь, отчаивались, не зная, будет ли у тебя сын, и раз пожаловал Аллах нам и тебе это благословенное дитя, мы просим Аллаха великого сделать его сыном подлинно благословенным и прохладить им твое око, и сделать его твоим праведным преемником, и наделить нас через него так же, как наделил он нас через тебя. Ибо Аллах великий не обманет того, кто к нему направляется, и не должно никому терять надежду на милость Аллаха».

И затем поднялся второй везирь и пожелал царю мира, и царь ответил ему, сказав: «И с вами мир!»

И этот везирь молвил: «Называется царь царем только тогда, когда одаряет он и действует справедливо, и судит праведно, и проявляет щедрость, и хорошо поступает с подданными, поддерживая законы и обычаи, принятые между людьми, воздавая должное одному в пользу другого, сдерживая пролитие крови и удаляя зло. И должен он славиться отсутствием небрежения к беднякам и помощью высшим и низшим и предоставлять им право должное, чтобы стали все подданные за него молиться и исполнять его веления, ибо нет сомнения, что царь с такими свойствами любим своими подданными и стяжает в дольней жизни величие, а в последней жизни — почет и благоволение творца ее. Мы же, собрание рабов, признаем, о царь, что все, что мы описали, есть в тебе, и, как сказано: «Лучшее из дел, чтобы царь был справедливым, лекарь — искусным и ученый — сведущим и поступающим согласно своему знанию». Теперь мы наслаждаемся этим счастьем, а раньше впали мы в отчаянье, потеряв надежду, что достанется тебе сын, который унаследует твое царство, но Аллах (да возвысится имя его!) не обманул твоей надежды и принял твою молитву, ради благих твоих мыслей о нем и потому, что вручил ты ему свое дело. Прекрасная надежда — надежда твоя, и случилось с тобою то, что случилось с вороном и змеей».

«А как это было и какова история ворона и змеи?» — спросил царь. И везирь сказал:

«Знай, о царь, что один ворон жил со своей женой на дереве приятнейшей жизнью. И достигли они времени вывода птенцов (а была пора зноя), и выползла из своей норы змея, и направилась к тому дереву, и, уцепившись за ветки, добралась до гнезда ворона, и залегла в нем, и пролежала в течение летних дней. И оказался ворон выгнанным, и не находил он никакого выхода и не имел места, где бы прилечь. А когда кончились дни жары, змея ушла в свою нору, и ворон сказал жене: «Поблагодарим великого Аллаха, который спас нас и освободил от этого бедствия, хотя мы и лишились в этом году пищи, но Аллах великий не пресечет нашей надежды. Поблагодарим же его за то, что он послал нам безопасность и здоровье телесное».

Не на кого нам положиться, кроме как на него. И если Аллах захочет и мы доживем до будущего года, Аллах возместит нам наш приплод».

И когда пришло время вывода птенцов, змея вылезла из своей норы и направилась к дереву, и когда она уцепилась за ветку, чтобы залезть, как обычно, в гнездо ворона, вдруг ринулся на нее коршун и ударил ее по голове и разодрал ее.

И змея упала на землю, покрытая беспамятством, и приползли к ней муравьи и съели ее, и ворон с женой оказались в безопасности и покое, и вывели много птенцов, и поблагодарили Аллаха за свое спасение и за появление детей.

А нам, о царь, надлежит благодарить Аллаха за то, что пожаловал он нам и тебе этого благословенного и счастливого младенца после отчаяния и прекращения надежд. Да сделает Аллах прекрасной твою награду и исход твоих дел!»

А потом поднялся третий везирь и сказал: «Возрадуйся, о царь справедливый, благу немедленному и награде в будущей жизни, ибо всякого, кого любят люди земли, любят и люди неба. Аллах великий уделил тебе свою любовь и вложил ее в сердца жителей твоего царства; ему же благодарность и ему хвала, от нас и от тебя, чтобы умножил он свою милость тебе и нам через тебя. И знай, о царь, что человек не может ничего без веления Аллаха (велик он!), и он есть даритель, и всякое благо у человека к нему восходит. Распределил он блага среди рабов своих, как ему любо. И некоторых одарил он дарами многими, а других озаботил добыванием пищи; и одного сделал он начальником, а другого — не охочим до мирских благ, охочим до Аллаха, ибо он есть тот, кто сказал: «Я вредоносец, пользу приносящий, я исцеляю и насылаю хворь, обогащаю и разоряю, умерщвляю и оживляю: в руке моей — все, и ко мне исход конечный, и надлежит всем людям благодарить его». И ты, о царь, — из счастливых, пречистых, ибо сказано: «Счастливейший из чистых тот, для кого соединил Аллах блага дольней и последней жизни и кто довольствуется тем, что уделил ему Аллах, и благодарит его за то, что установил он. Тот же, кто преступил меру и искал не того, что определил Аллах

для него и против него, подобен дикому ослу с лисицей».

«А какова их история?» — спросил царь. И везирь сказал:

«Знай, о царь, что одна лисица каждый день выходила из своего логова, чтобы раздобыть себе дневной надел. И она была однажды где-то в горах, и вдруг день окончился, и лисица пошла обратно. И она увидела другую лисицу, которая шла ей навстречу, и одна начала рассказывать другой, как она растерзала свою добычу, и она говорила: «Вчера мне попался дикий осел. Я была голодна — три дня не ела — и обрадовалась и поблагодарила великого Аллаха, который послал мне этого осла. И потом я взяла его сердце, и съела его, и насытилась. И я вернулась в мое логово, и прошло три дня, и я не нашла никакой еды, и все-таки я до сих пор сыта».

И лисица, услышав эту историю, позавидовала сытости другой лисицы и сказала себе: «Обязательно поем сердца дикого осла!» И она не ела несколько дней, так что отощала и едва не умерла, и сократились ее поиски и усердие, и она залегла в своем логове. В один из дней она была в логове, и два охотника проходили мимо, направляясь на охоту. И им попался дикий осел, и они весь день гонялись за ним. И потом один из них метнул раздвоенную стрелу с зубом, и стрела попала в осла, и вошла ему внутрь, и, достигнув его сердца, убила его перед норой лисицы. И охотники подошли к ослу, и нашли его мертвым, и вытащили стрелу, которая попала ему в сердце, но вышло только древко, а раздвоенный наконечник стрелы остался в брюхе дикого осла. И когда наступил вечер, лисица вышла из своего логова, стеная от слабости и голода, и увидела дикого осла, который валялся у входа в ее нору. И лисица обрадовалась сильной радостью, так что едва не взлетела от радости, и воскликнула: «Хвала Аллаху, который облегчил мне удовлетворение желания! Я и не надеялась, что добуду дикого осла или что-либо другое. Может быть, это Аллах свалил его и пригнал к моей норе».

И затем лисица прыгнула на осла, разодрала ему брюхо и, засунув туда голову, стала искать его сердце,

и наконец она нашла его и, схватив ртом, проглотила. И когда сердце оказалось у нее в горле, зубец стрелы зацепился за кость ее шеи, и лисица не могла ни проглотить сердце, ни вытолкнуть его из горла. И она убедилась в своей гибели и сказала: «Поистине, не следует твари искать для себя чего-либо сверх того, что определил ей Аллах! Если бы я удовлетворилась тем, что определил мне Аллах, я бы не пришла к гибели».

Поэтому, о царь, следует человеку быть довольным тем, что определил ему Аллах, благодарить его за милости и не прекращать надежду на своего владыку. Вот и тебя, о царь, за благие твои намерения и свершение блага наделил Аллах сыном, после утраты надежды, и мы просим Аллаха великого, чтобы наделил он его долгой жизнью и постоянным счастьем и сделал бы его благословенным преемником, исполняющим, вслед тебе, твой обет, после долгой твоей жизни».

И потом встал четвертый везирь и сказал: «Поистине, царь, когда он разумен и сведущ в главах мудрости, законах и науке об управлении и притом праведен в намерениях, справедлив к подданным, уважает тех, кого надлежит уважать, почитает тех, кому подобает почтение, прощает, когда возможно, если неизбежно это, охраняет властителей и подвластных, облегчает их бремя, награждает их, бережет их кровь, прикрывает их срамоту и исполняет данные им обеты,— тот царь достоин счастья в дольней жизни и в последней, ибо это оберегает его от подданных и помогает ему утвердить свою власть и одолеть врагов и достигнуть желаемого, при увеличении милости к нему Аллаха и поддержке его в благодарении ему и получении его покровительства. А если царь противоположен этому, то всегда пребывает он в испытаниях и бедствиях, вместе с жителями своего царства, так как он притесняет и близкого и далекого, и бывает с ним то, что было с царевичем-странником».

«А как это было?» — спросил царь. И везирь сказал:

«Знай, о царь, что был в странах Запада царь, притеснявший в своем приговоре, несправедливый, своенравный насильник, пренебрегавший защитой

своих подданных и всех, кто входил в его царство. И не входил в его царство никто без того, чтобы наместники царя не отнимали у него четырех пятых его имущества, оставляя ему одну пятую, не более. И определил Аллах великий так, что был у этого царя сын, счастливый, поддержанный Аллахом. И когда сын увидел, что обстоятельства земной жизни не в порядке, он оставил ее и ушел, с малых лет, странствовать, поклоняясь великому Аллаху, и отказался от сей жизни и того, что в ней есть, и вышел, повинувшись Аллаху великому, и начал странствовать по степям и пустыням, и заходил в города. И в какой-то день вошел он в свой город, и когда он остановился около сторожей, те схватили его и обыскали, но не увидели с ним ничего, кроме двух одежд — одной новой, другой старой, и отняли у него новую одежду и оставили ему старую, после унижений и оскорблений.

И царевич начал жаловаться и говорить: «Горе вам, о притеснители! Я человек бедный, странствующий, и какая может быть вам польза от этой одежды? Если вы мне ее не отдадите, я пойду к царю и пожалуюсь ему на вас!» И сторожа, в ответ ему, сказали: «Мы сделали это по приказанию царя, и что тебе вздумалось сделать, то делай».

И странник пошел и, дойдя до владений царя, хотел войти, но привратники помешали ему, и он отошел назад и сказал про себя: «Мне не остается ничего иного, как подождать царя, когда он выйдет, и пожаловаться ему на мое положение и на то, что меня поразило». И когда он был в таком положении и ожидал выхода царя, он вдруг услышал, что один из солдат рассказывает о нем. И он понемногу стал приближаться, пока не остановился напротив ворот, и не успел он опомниться, как царь уже выходит. И странник пошел рядом с ним, и пожелал ему удачи, и рассказал, что ему выпало в его городе от сторожей, и пожаловался на свое положение. Он рассказал царю, что он — человек из людей Аллаха, отказавшийся от дольней жизни, и что он вышел, ища благоволения Аллаха великого, и начал странствовать по земле, и всякий, к кому он приходил из людей, благодетельствовал ему как мог. И он входил во всякий город и во всякое селение, будучи в таких обстоятельствах.

«И когда я входил в этот город,— говорил он,— я надеялся, что его жители сделают со мной то же, что они делали с другими странниками, но твои подчиненные преградили мне дорогу и отняли мою новую одежду и измучили меня побоями. Обдумай же мое дело, возьми меня за руку и вызволи мою одежду, и я не останусь в этом городе ни одного часа».

И несправедливый царь, в ответ ему, сказал: «Кто посоветовал тебе войти в этот город, когда ты не знал, что делает его царь?» И странник ответил: «После того как я получу мою одежду, делай со мной что хочешь». И когда несправедливый царь услышал от странника такие слова, произошла перемена его состава*, и он воскликнул: «О глупец, мы отняли у тебя одежду, чтобы ты унизился. А раз ты поднял передо мной такой крик, я отниму у тебя душу».

И он велел заточить странника, и тот, войдя в тюрьму, стал сетовать, что от царя последовал такой ответ, и укорять себя за то, что он не оставил этого дела и не сохранил свою душу. А когда наступила полночь, странник встал на ноги и помолился продолженной молитвой и сказал: «О Аллах, ты есть судья справедливый, и ты знаешь мое состояние и то, как сложилось мое дело с этим царем притесняющим. И я, твой обиженный раб, прошу, чтобы, по изобилии твоей милости, ты спас меня из рук этого несправедливого царя и низвел на него твое отмщение, ибо ты не пренебрегаешь обидой всякого обидчика. И если ты знаешь, что он меня обидел, низведи на него твою месть этой ночью и опусти на него твое наказание, ибо твой суд справедлив и ты помощник всех опечаленных, о тот, кому принадлежит могущество и величие до конца века!»

И когда тюремщик услышал молитву этого несчастного, все его члены охватил страх, и когда он был в таком состоянии, вдруг в том дворце, где был царь, загорелся огонь и сжег все, что там было, даже ворота тюрьмы, и не спасся никто, кроме тюремщика и странника. И странник пустился в путь и пошел вместе с тюремщиком, и они до тех пор шли, пока не достигли другого города, а что касается города несправедливого царя, то он сгорел до конца из-за жестокости его царя.

Мы же, о счастливый царь,— мы и вечером и утром молимся за тебя и благодарим Аллаха великого за его милость в твоём существовании, доверяясь твоей справедливости и благим поступкам. И была у нас большая забота из-за отсутствия у тебя сына, который наследовал бы твоё царство,— мы боялись, что окажется над нами, после тебя, другой царь, а теперь Аллах пожаловал нас, по своему великодушию, и прекратил нашу заботу и привлек к нам радость существованием этого благословенного мальчика. И мы просим Аллаха великого, чтобы он сделал его праведным преемником и наделил его славой, и вечным счастьем, и постоянным благом».

И затем поднялся пятый везирь и сказал: «Да, будет благословен Аллах великий, наделяющий праведными дарами и драгоценными наградами. А затем—мы уверились, что Аллах оказывает милость тем, кто его благодарит и охраняет его веру. И ты, о царь счастливый, прославлен этими высокими добродетелями и справедливостью и творишь правый суд меж твоих подданных так, как угодно великому Аллаху. И поэтому возвысил Аллах твой сан, и осчастливил твои дни, и подарил тебе этот добрый подарок—то есть это счастливое дитя, после утраты надежды, и охватила нас поэтому радость вечная и веселье непрерывающееся, так как были мы прежде сего в великой заботе и сильном огорчении из-за отсутствия у тебя сына, и размышляли мы о том, сколько в тебе заключается справедливости и кротости к нам, и боялись, что определит тебе Аллах смерть, и не будет никого, кто бы был тебе преемником и унаследовал бы после тебя царство, и разойдутся наши мнения, и возникнет между нами раскол, и станется с нами то, что случилось с вороном».

«А какова история ворона?» — спросил царь. И везирь, в ответ ему, сказал:

«Знай, о счастливый царь, что была в одной из степей широкая долина, и были там каналы, деревья и плоды, и птицы прославляли там Аллаха, единого, покоряющего, творца ночи и дня, и были среди птиц вороны, и жили они приятнейшей жизнью. И был предводителем и судьей между ними ворон, кроткий

к ним и заботливый, и были они с ним безопасны и спокойны, и столь прекрасно было меж них устройство, что ни одна из птиц не могла их одолеть. И случилось, что предводитель их преставился, и пришло к нему дело, определенное для всех тварей, и опечалились о нем птицы великой печалью, и усилилась их печаль оттого, что не было среди них никого, ему подобного, кто бы встал на его место. И собрались они все и стали советоваться меж собою о том, кто встанет над ними, чтобы был он праведным. И одни выбрали ворона и сказали: «Этот годится, чтобы быть царем над нами». А другие не согласились и не захотели его. И возник между ними раскол и спор, и увеличилась среди них смута, а потом наступило у них соглашение, и они договорились, что проспят эту ночь, и никто из них не вылетит на другой день спозаранку, чтобы искать пропитания, но все дождутся утра. И когда встанет заря, они соберутся в одном месте и посмотрят, какая птица взлетит раньше. И сказали они: «Это будет та, которой повелел Аллах быть над нами, и она — наш избранник на царство! Мы сделаем ее нашим царем и вручим ей власть над нами». И все птицы согласились на это, и дали друг другу такое обещание, и условились соблюдать этот обет.

И когда они были в таких обстоятельствах, вдруг поднялся сокол, и они сказали ему: «О отец блага, мы выбрали тебя над нами правителем, чтобы рассматривал ты наши дела». И сокол согласился на то, что они сказали, и ответил: «Если захочет Аллах великий, будет вам от меня большое благо».

И после того как птицы поставили его над собою, сокол, каждый день, когда вылетал на добычу и вылетали вороны, ловил одну из них наедине, и ударял ее, и съедал ее мозг и глаза, и бросал остальное, и он делал это до тех пор, пока птицы не догадались об этом, и увидели они тогда, что большая часть их погибла, и убедились в своей гибели. И они стали говорить друг другу: «Что нам делать! Большинство из нас погибло, и мы поняли это только тогда, когда погибли из нас старейшие. Нам следует беречь наши души!» И на следующее утро птицы убежали от сокола и разлетелись.

И мы теперь опасались, что случится с нами подобное этому и окажется над нами другой царь, но

Аллах послал нам это благодеяние и обратил твое лицо к нам, и ныне мы уверены, что будет добро и жизнь в единении, и безопасность, и верность, и благополучие на родине. Да будет же благословен Аллах великий, хвала ему и благодарность и благое восхваление, и да благословит Аллах царя и нас, его подданных. Да наделит он нас и его счастьем величайшим и да сделает его счастливым в жизни и твердым в усердии».

И потом поднялся шестой везирь и сказал: «Да поздравит тебя Аллах, о царь, наилучшим поздравлением в дольней жизни и в будущей». Сказаны были прежде слова древних: «Кто молится, постится и соблюдает права родителей и справедлив в приговоре своем,— встретит господа к себе милостивым». Ты был сделан над нами властителем и поступал справедливо и был счастлив при этом в начинаниях, и мы просили Аллаха великого, чтобы сделал он обильным воздаяние тебе и вознаградил тебя за твою милость. Ты слышал, что говорил этот мудрец о наших опасениях лишиться счастья, если не будет царя или будет другой царь, не такой, как этот, и увеличатся среди нас после него разногласия, и наступит беда из-за разногласий наших. И если дело таково, как мы сказали, надлежит нам обратиться к великому Аллаху с молитвой,— быть может, подарит он царю сына счастливого и сделает его, после него, наследником царства. А затем, после этого, скажу: нередко бывает исход того, что любит человек и желает в жизни, ему неведом, и поэтому не следует человеку просить господа своего о деле, исхода которого он не знает, ибо нередко вред от него к небу ближе, чем польза, и бывает его гибель в том, чего он ищет, и поражает его то, что поразило змеезаклинателя, и его жену, и детей, и домочадцев.

«А какова история змеезаклинателя, и его детей, и жены, и домочадцев?» — спросил царь. И везирь сказал:

«Знай, о царь, что был один человек змеезаклинателем, и он воспитывал змей, и это было его ремесло. У него была большая корзина, где было три змеи. И каждый день он ходил со змеями по городу, и это было для него способом добыть свой надел и надел для своей семьи. И под вечер он возвращался домой и поти-

хоньку клал гадов в корзину, а утром брал их и опять шел с ними по городу. И таков был его обычай, и он не сообщал своим домочадцам о том, что в корзине.

И случилось, что когда змеезаклинатель вернулся, как обычно, домой, его жена спросила его: «Что в этой корзине?» И змеезаклинатель ответил: «А что тебе нужно? Разве припасов у вас не больше, чем много? Довольствуйся тем, что уделил тебе Аллах, и не спрашивай о другом». И женщина промолчала и стала говорить про себя: «Обязательно обьещу эту корзину и узнаю, что в ней есть». И она твердо решилась на это, и уведомила своих детей, и накрепко приказала им спросить отца про корзину и приставать к нему с вопросами, чтобы он им рассказал, и тут мысли детей привязались к тому, что в корзине что-то съедобное. И дети стали каждый день требовать от отца, чтобы он показал им, что в корзине. И отец обещал им, и старался их ублаготворить, и запрещал им об этом спрашивать, и так прошел некоторый срок, а мать все подстрекала детей, и дети уговорились с матерью, что не станут есть и пить напиток, пока тот не исполнит их просьбу и не откроет корзину.

И змеезаклинатель пришел однажды вечером со множеством кушаний и напитков и позвал детей есть с ним, но дети отказались прийти к нему и выказали ему гнев. И заклинатель начал уговаривать их хорошими словами и говорил: «Подумайте, чего бы вы хотели, чтобы я принес вам из еды, питья или одежды?» И дети сказали ему: «О батюшка, мы хотим только, чтобы ты открыл нам эту корзину и мы бы посмотрели, что в ней, а иначе мы убьем себя». — «О мои дети, — ответил им заклинатель, — нет в ней для вас блага, и в том, чтобы ее открыть, для вас только вред». И заклинатель стал им грозить и обещал побить их, если они не отступятся от этого. Но в детях усиливался лишь гнев и желание узнать, что в корзине. И тогда их отец рассердился и взял палку, чтобы их побить, и дети разбежались по дому, а корзина стояла тут же, — заклинатель ее не спрятал. И пока муж был занят детьми, женщина поспешно открыла корзину, чтобы посмотреть, что в ней, и вдруг змеи выползли из корзины и, ужалив сначала женщину и убив ее, стали кружить по дому и губили больших и малых, кроме заклинателя, и заклинатель бросил свой дом и ушел.

И когда ты обдумаешь это, о счастливый царь, ты поймешь, что человеку не следует желать ничего, кроме того, в чем не отказывает ему Аллах великий; напротив — пусть успокоится его душа на том, что определил ему Аллах и чего пожелал он. Вот и ты, о царь, — при изобильном твоём знании и превосходном разуме, Аллах прохладил твоё око появлением сына после утраты надежды и успокоил твоё сердце, и мы просим Аллаха великого, чтобы сделал он его одним из халифов справедливых, угодных великому Аллаху и подданным».

И потом поднялся седьмой везирь и сказал: «О царь, я знаю достоверно и убежден в том, о чем упоминали мои братья, эти везири — ученые и мудрецы, и о чем они говорили в твоём присутствии, о царь, а также в том, что они приписали тебе из справедливости и хороших поступков и чем ты отличаешься от прочих царей, выше которых они тебя сочли, и это часть того, что мы обязаны сделать, о царь. И что до меня, то я скажу: «Хвала Аллаху, который приблизил тебя к своей милости и даровал тебе устройство царства по своему милосердию и помог тебе и нам увеличить благодарность ему, и все это только из-за твоего бытия. И пока остаешься ты среди нас, мы не опасаемся притеснения и не стремимся к несправедливости, и никто не может взять над нами верх, несмотря на нашу слабость. Ведь сказано: «Лучшие из подданных те, чей царь справедлив, а худшие из них те, чей царь притеснитель». И сказано также: «Жить со львами сокрушающими, но не жить с султаном притесняющим». Да будет же за это хвала Аллаху великому, хвала вечная, так как пожаловал он нам твоё бытие и наделил тебя этим благословенным сыном после того, как ты утратил надежду и далеко зашел в года, ибо высший дар в дольней жизни — благой сын. Ведь сказано: «У кого нет сына, у того нет потомства и посмертной славы». И тебе благодаря твоей твердой справедливости и благим твоим мыслям о великом Аллахе дарован этот счастливый сын, и появился у тебя этот сын благословенный по милости великого Аллаха нам и тебе за хорошие твои поступки и благое терпение. И произошло с тобою то же, что произошло с пауком и ветром».

И царь спросил: «А какова история паука с ветром?» Везирь сказал:

«Знай, о царь, что один паук прицепился к воротам, отдаленным и высоким, и сделал себе дом и жил в нем в безопасности. И он благодарил великого Аллаха, который предоставил ему это место и успокоил его страх перед червями. И он прожил таким образом некоторое время, благодаря Аллаху за свое спокойствие и непрерывность надеда, но творец решил испытать его, сняв его с места, чтобы посмотреть, какова его благодарность и стойкость. И он наслал на паука сильный восточный ветер, и ветер понес его вместе с домиком и бросил в море, и волны принесли его на сушу, и он поблагодарил Аллаха великого за спасение и принялся укорять ветер, говоря: «О ветер, зачем ты это со мной сделал и какое досталось тебе благо из-за того, что ты перенес меня с моего места сюда? Я ведь был спокоен и безопасен в моем доме на верхушке тех ворот».

«Прекрати упреки,— сказал ветер.— Я отнесу тебя обратно и доставлю тебя туда, где ты был прежде». И паук терпел, надеясь, что скоро вернется на свое место, пока северный ветер не улегся, не унеся паука обратно. И подул южный ветер, и пронесся над пауком, и подхватил его, и помчался с ним в сторону того дома. И когда паук пролетал над ним, он узнал его и прицепился к нему.

И мы просили Аллаха, который вознаградил царя за его одиночество и терпение и наделил его этим мальчиком после безнадежности и великих лет, и не вывел он его из дольной жизни, не наделив его прохладой ока и не одарив его тем, чем он одарен из владычества и власти, и умилился Аллах над его подданными и оказал им милость».

И царь воскликнул: «Хвала Аллаху превьше всякой хвалы и благодарение превьше всякого благодарения! Нет бога, кроме него, создателя всякой вещи, который светом своих творений дал нам узнать высоту своего величия! Дает он власть и владычество, кому пожелает из рабов в своих землях, ибо он забирает из них кого хочет, чтобы сделать его преемником своим и управителем над своими созданиями. И повелевает он ему быть с ними справедливым и правосудным, и соблюдать законы и установления, и поступать со-

гласно истине, и придерживаться в делах подданных того, что любо ему и им любо. И те из владык, которые поступали согласно велению Аллаха, счастья достигли своего и велению господу своему были послушны, и избавит их господь от ужасов дольней жизни и благу награду даст им в жизни будущей, ибо Аллах не губит награды свершающих благое. А те из них, кто поступает не по велению Аллаха, совершают ошибку глубокую, и ослушались они господу своему и предпочли жизнь дольную последней; нет у них в жизни дольней дел памятных, и нет им доли в жизни последней, ибо Аллах не дает отсрочки людям насилия и притеснения, и не пренебрегает он ни одним из рабов. Упомянули везири наши о том, что из-за справедливости нашей к ним и благих действий наших с ними пожаловал Аллах нам и им свою поддержку в благодарении его, обязательном из-за великих его милостей, и всякий из них сказал то, что внушил ему Аллах, и далеко зашли они в благодарении Аллаха великого и в прославлении его за его милость и благодеяние. И я благодарю Аллаха, ибо я — всего лишь подневольный раб, и мое сердце — в руке его, и язык мой следует ему, и я доволен тем, что судил он мне и им, что бы ни случилось. И всякий из везирей высказал то, что пришло ему на ум относительно этого мальчика, и упомянули они о возобновлении к нам милости, когда достиг я в летах того предела, где побеждает безнадежность и слабеет уверенность. Хвала же Аллаху, который спас нас от потери и смены правителей, подобно смене ночи и дня! Было это великой милостью к ним и к нам! Восхвалим же Аллаха великого, который послал нам этого мальчика, услышав нас и вняв нам, и поставил его наследующим в халифате высокое место. Мы просим, чтобы, по своему великодушию и кротости, он сделал его счастливым в начинаниях, поддерживал бы его в благодеяниях, и был бы он царем и властителем над подданными, поступая согласно справедливости и правосудию, и охранил их от губительного произвола своей милостью, великодушием и щедростью».

И когда царь окончил говорить, ученые и мудрецы поднялись и пали ниц перед Аллахом, и поблагодарили царя, и поцеловали ему руки, и каждый из них удалился к себе в дом. И тогда царь вошел в свои

комнаты, и увидел мальчика, и призвал на него благо, и нарек его Вирд-ханом. И когда прошло из жизни мальчика двенадцать лет, царь захотел обучить его наукам и построил ему дворец в середине города и выстроил в нем триста шестьдесят комнат. Он поместил мальчика в этом дворце и назначил ему трех мудрецов и ученых и велел им не пренебрегать его обучением ни ночью, ни днем и сидеть с ним в каждой комнате один день и стараться, чтобы не было науки, которой бы они его не обучили, и чтобы стал он во всех науках сведущим. И они должны были писать на дверях каждой комнаты, какой из разных наук они учили в ней мальчика, и докладывать царю каждые семь дней, что он узнал в науках. И мудрецы обратились к мальчику, и начали его обучать, не прерывая занятий ни ночью, ни днем, и не скрыли от него ничего, что знали в науках. И обнаружилась у мальчика острота ума и превосходная сообразительность и способность к восприятию наук, какой не обнаруживалось ни у кого прежде. И ученые докладывали царю каждую неделю о том, чему его сын научился и что он основательно выучил. И царь усваивал при этом прекрасную мудрость и благое вежество, и мудрецы говорили: «Мы никогда никого не видели, кто был бы одарен таким умом, как этот мальчик! Да благословит тебя в нем Аллах, да даст он тебе насладиться его жизнью!»

И когда мальчик завершил срок двенадцати лет, он выучил из каждой науки самое лучшее и превзошел всех ученых и мудрецов, бывших в его время, и мудрецы привели его к царю, его отцу, и сказали ему: «Да прохладит Аллах твое око, о царь, этим счастливым сыном! Мы привели его к тебе, после того как он изучил все науки, так что ни один из ученых нынешних времен или мудрец не достиг того, чего он достиг».

И царь обрадовался сильной радостью, и еще больше стал благодарить великого Аллаха, и простерся ниц перед ним, и воскликнул: «Хвала Аллаху за его милости, которые неисчислимы!» И потом он позвал Шимаса, везиря, и сказал ему: «Знай, о Шимас, что мудрецы пришли ко мне и рассказали, что мой сын изучил все науки, и не осталось среди наук науки, которой бы его не научили, так что он превзошел в этом тех, кто был прежде него.

Что же ты скажешь, о Шимас?» И тут Шимас пал ниц перед Аллахом, и поцеловал руку царю, и молвил: «Не может яхонт, хотя бы был он в твердой горе, не сиять, как светильник, твой же сын — жемчужина, и не мешает ему его юность быть мудрым. Хвала же Аллаху за то, что он даровал ему! Если захочет Аллах великий, я завтра спрошу его и допрошу о том, что он знает, в собрании, где я соберу для него избранных ученых и эмиров».

Когда царь Джиллиад услышал слова Шимаса, он приказал остроумным ученым, сообразительным вельможам и искусным мудрецам явиться назавтра в царский дворец, и они все явились, и когда они собрались у дверей царя, тот позволил им войти. А потом явился Шимас, везирь, и поцеловал руки царевича, и царевич поднялся и пал ниц перед Шимасом. И Шимас сказал ему: «Не следует детенышу льва падать ниц перед кем-либо из зверей, и не подобает, чтобы сочетался свет с тьмою». — «Когда детеныш льва увидел везиря царя, он пал перед ним ниц», — сказал царевич. И Шимас молвил: «Расскажи мне, что есть вечное, свободное, что есть его два бытия и что вечно в двух бытиях его?» И юноша отвечал: «Что до вечного, свободного, то это Аллах (велик он и славен!), ибо он — первый без начала и последний без конца. А два бытия его — это жизнь дольная и жизнь последняя, и вечное в двух бытиях его — блаженство последней жизни». — «Ты был прав в том, что сказал, — молвил Шимас, — и я принимаю от тебя это, но только я хотел бы, чтобы ты мне сказал, откуда узнал ты, что одно бытие — жизнь дольная, а другое — жизнь последняя?» И юноша ответил: «Из того, что дольная жизнь сотворена, и не возникла она ни из чего сущего, и восходит происхождение ее к бытию изначальному, но только она — явление, быстро проходящее, и необходимо в ней воздаяние за дела, а это требует восстановления того, что преходяще. А последняя жизнь — бытие второе». — «Ты был прав в том, что сказал, — молвил Шимас, — и я принял от тебя это, но только я хотел бы, чтобы ты мне рассказал, откуда узнал ты, что блаженство последней жизни есть то, что вечно в двух бытиях?»

И мальчик ответил: «Я узнал это из того, что последняя жизнь — обитель воздаяния за дела, кото-

рую приготовил сущий вечно, без прекращения». И тогда Шимас сказал: «Расскажи мне, кто из людей дольней жизни наиболее достохвален за деяния свои». — «Тот, кто предпочитает последнюю жизнь жизни дольней», — ответил мальчик. «А кто же предпочитает последнюю жизнь дольней?» — спросил Шимас. И мальчик ответил: «Тот, кто знает, что пребывает он в доме уединенном, и создан он только для гибели, и что после гибели он призван к расчету, и что если бы был кто-нибудь оставлен в этой жизни навек, навсегда, не предпочел бы он дольную жизнь последней».

«Расскажи мне, существует ли последняя жизнь без жизни дольней?» — молвил Шимас. И мальчик ответил: «У кого нет дольней жизни, у того не будет и жизни последней. Но я считаю, что дольная жизнь и живущие в ней и исход, к которому они направляются, подобны жителям деревень, которым построил эмир тесный дом и ввел их туда и приказал выполнять некую работу, и назначил каждому срок, и приставил к каждому человека. И того из них, кто выполнял то, что было ему приказано, человек, приставленный к нему, выводил из тесноты, а тот, кто не выполнял того, что было ему приказано, когда истекал назначенный срок, бывал наказан. И когда это было так, вдруг начал сочиться из щелей того дома мед, и когда люди поели этого меда и отведали его вкуса и сладости, они стали медлить в работе, им назначенной, и кинули ее себе за спину и стали терпеть тесноту, в которой пребывали, и горесть, зная о наказании, к которому идут, и удовлетворились той малой сладостью. И человек, к ним приставленный, не оставлял никого из них, когда приходил его срок, и выводил из этого дома. Мы знаем, что дольная жизнь — обитель, где смущаются взоры, и назначены пребывающим в ней конечные сроки, и тот, кто обрел малую сладость, существующую в дольней жизни, и занял ею свою душу, будет в числе погибающих, ибо предпочел он дела дольней жизни жизни последней. А тот, кто предпочитает дела последней жизни жизни дольней и не обращает взора к той малой сладости, будет в числе преуспевающих».

«Я выслушал то, что упомянул ты о делах дольней жизни и последней, — сказал Шимас, — и принимаю от тебя это, но я видел, что обе они властвуют над чело-

веком, и он неизбежно должен удовлетворить их разом, хотя они и различны. И если обратится раб к поискам пропитания, это повредит его душе в месте возвращения, а если обратится он к последней жизни, это повредит его телу, и нет для него пути, чтобы удовлетворить то, что неисходно, разом».

И мальчик ответил: «Кто добывает пропитание в жизни дольней, того укрепляет оно к жизни будущей. Я считаю, что жизнь дольная и жизнь последняя подобны двум царям — справедливому и несправедливому. Была земля царя несправедливого полна деревьев, плодов и растений, и этот царь не оставлял никого из купцов, не отобрав у него денег и товаров, и они терпели это, так как пользовались плодородием этой земли для пропитания. А что касается справедливого царя, то он послал человека из жителей своей земли, дав ему обильные деньги, и приказал ему отправиться в землю несправедливого царя, чтобы купить там на эти деньги драгоценностей. И человек пустился с деньгами в путь и вступил в эту землю. И сказали царю: «Пришел в твою землю человек — купец с большими деньгами, и хочет купить здесь на них драгоценностей». И царь послал за этим человеком, и велел привести его, и спросил: «Кто ты, откуда ты пришел, кто привез тебя в мою землю и что тебе нужно?» И человек ответил: «Я из земли такой-то и такой-то. Царь этой земли дал мне денег и приказал купить драгоценностей в твоей земле, и я подчинился его приказанию и пришел». — «Горе тебе! — воскликнул царь. — Разве ты не знаешь, что я делаю с людьми моей земли? Я отнимаю у них деньги каждый день. Так как же ты приходишь ко мне с деньгами и находишься на моей земле с такого-то и такого-то времени?» — «Из этих денег, — ответил купец, — мне не принадлежит ничего, и они только поручены мне и отданы в мои руки, чтобы я доставил деньги их владельцу». — «Я не позволю тебе брать пропитание из моей земли, пока ты не выкупишь себя всеми этими деньгами или погибнешь». И тогда этот человек сказал себе: «Я меж двух царей! Я знаю, что несправедливость этого царя распространяется на всех, кто находится в его земле. Если я его не удовлетворю, будет мне гибель, и пропадут мои деньги — и то и другое неизбежно, — и я не получу того, что мне нужно. А если я отдам ему все

деньги, будет мне гибель у царя, владельца денег,— это неизбежно. Нет мне иной хитрости, кроме как отдать царю из этих денег небольшую часть,— я удовлетворю его этим и защищу себя и остальные деньги от гибели. Я буду получать от плодородия этой земли для себя пищу, пока не куплю того, что хочу из драгоценностей, и выйдет, что я удовлетворил царя тем, что я ему дал. Я возьму свою долю из этой земли и отправлюсь к владельцу денег с тем, что ему нужно, и я жду от него такой справедливости и снисходительности, что мне не страшно наказание за деньги, которые взял этот царь, в особенности, если их будет немного».

И потом купец пожелал царю блага и сказал ему: «О царь, я выкуплю себя и эти деньги небольшой частью их, за время от моего прихода в твою землю и до тех пор, пока я не уйду из нее».

И царь принял от него это и отпустил его идти своей дорогой на год, и этот человек купил на все свои деньги драгоценностей и ушел к своему хозяину. Справедливый царь — подобие последней жизни, а драгоценности, которые в земле несправедливого царя, — подобие благих дел и поступков праведных. Человек с деньгами — подобие того, кто ищет благ дольной жизни, а деньги, которые у него, — подобие жизни человеческой. И когда я увидел это, я понял, что надлежит тому, кто ищет пропитания в дольной жизни: не пропускать дня, не стремясь к жизни последней. И окажется, что он удовлетворил жизнь дольною, получив то, что получил от плодородия земного, и удовлетворил жизнь последнюю тем, что сделал, пока жил, в стремлении к ней».

«Расскажи мне,— молвил Шимас,— тело и душа одинаковы ли в награде и наказании, или присвоено наказание только обладателю страстей и совершающему грехи?»

«Склонность к страстям и прегрешениям,— ответил мальчик,— бывает причиной награды потому, что душа от них замыкается и отворачивается и в них раскаивается. Власть же в руках того, кто творит что хочет, и за противоположность свою различаются вещи. Но пропитание необходимо для тела, а нет тела иначе как с душой, и чистота души — в искренности намерений в земной жизни и в заботе о том, что полезно в последней жизни. Тело и душа — два коня в

беге на один заклад, два младенца, вскормленные одной грудью, и два сообщника в делах. Сообразно с намерением — разъяснение общего, и тело с душой — сообщники в деяниях и в награде и наказании.

И подобие этого — в истории слепца и сидня, которых взял один человек, владелец сада, и привел их в сад и велел им ничего в нем не портить и не совершать в нем дела, для него вредного. И когда созрели в этом саду плоды, сидень сказал слепому: «Горе тебе! Я вижу хорошие плоды, и мне захотелось, но я не могу подойти к ним, чтобы их поест. Встань ты — у тебя ноги здоровые — и принеси плодов, и мы их поедим». — «Горе тебе, — ответил слепой, — ты мне напомнил о них, когда я о них не думал, а я не могу этого сделать, так как не вижу плодов. Какой же хитростью раздобыть их?»

И когда они так разговаривали, вдруг подошел к ним надзиратель за садом (а был это человек знающий), и сидень сказал ему: «Горе тебе, о надзиратель! Мне захотелось поест немного этих плодов, но мы таковы, как ты видишь, я — сидень, а мой товарищ — слепой, ничего не различает. Как же нам ухитриться?» — «Горе вам! — сказал надзиратель. — Разве вы не знаете, что владелец сада взял с вас обещание не посягать ни на что, от чего будет саду порча? Воздержитесь и не делайте этого!» — «Необходимо нам достать эти плоды и съесть их, — сказали калеки. — Скажи нам, какая есть у тебя хитрость?»

И когда надзиратель понял, что они не отказались от своего замысла, он сказал им: «Хитрость в том, чтобы слепой встал и поднял тебя, о сидень, на спину и приблизился с тобой к дереву, плоды которого тебе нравятся. И когда вы с ним приблизитесь к дереву, ты сорвешь с него плоды, какие достанешь». И слепой встал и поднял на себя сидня, и сидень направлял его на верную дорогу, пока он не приблизился с ним к одному дереву. И тогда сидень стал рвать то, что ему нравилось. И это стало у них обычаем, пока они не испортили деревьев, бывших в саду, и вдруг владелец сада пришел и сказал им: «Горе вам! Что это за поступки? Разве я не взял с вас обещания, что вы не будете ничего портить в саду?» И калеки ответили: «Ты знаешь, что мы не можем ни до чего достать, так как один из нас — сидень и не встает, а другой — сле-

пец и не видит того, что перед ним. В чем же наш грех?» — «Может быть, вы думаете, я не знаю, что вы придумали и как испортили мой сад? — сказал владелец сада. — Я как будто вижу, как ты, о слепец, встал и поднял сидня на спину, и он стал направлять тебя на дорогу, и ты принес его к деревьям».

И потом он взял их, и наказал сильным наказанием, и удалил из сада.

Слепец — подобие тела, так как тело видит только при помощи духа, а сидень — подобие души, у которой нет движения иначе, как с помощью тела, а что до сада, то это подобие деяний, за которые воздается рабу; надзиратель же — это подобие разума, который приказывает благое и удерживает от злого. Тело и дух — сообщники в наказании и в награде».

«Ты прав, — сказал Шимас, — и я принял эти твои слова. Расскажи мне, какой из ученых, по-твоему, всех достойнее хвалы». — «Тот, кто знает об Аллахе и кому полезно знание его», — сказал мальчик. И Шимас спросил: «А кто это?» И мальчик молвил: «Тот, кто ищет благоволения своего господа и избегает его гнева». — «Кто из них всех выше?» — спросил Шимас. И мальчик ответил: «Тот, кто наиболее сведущ в Аллахе». — «Кто из них наиболее испытан?» — спросил Шимас. «Тот, кто, действуя согласно знанию, был терпелив», — ответил мальчик. И Шимас сказал: «Расскажи мне, кто из них всех мягче сердцем». — «Тот, кто чаще всех готовится к смерти и вспоминает Аллаха и меньше всех надеется», — ответил мальчик, — ибо тот, кто дал доступ к себе ужасам смерти, подобен тому, кто смотрит в прозрачное зеркало: он знает истину, и становится зеркало все прозрачнее и блестящее». — «Какие сокровища самые прекрасные?» — спросил Шимас. И мальчик ответил: «Сокровища неба». — «А какое из сокровищ неба наипрекраснейшее?» — спросил Шимас. И мальчик ответил: «Возвеличение Аллаха и восхваление его». И тогда Шимас спросил: «А какое из сокровищ земли наилучшее?» — «Совершение благого», — ответил мальчик. И Шимас молвил: «Ты сказал правду, и я принял эти твои слова. Расскажи мне о трех различных способностях: знании, суждении и разумении, и о том, что соединяет их в себе». — «Знание, — ответил мальчик, — от изучения, суждение — от опыта, а разу-

мение — от размышления, и место пребывания их и соединение — в разуме. Тот, в ком соединились эти три качества, — совершенен, а тот, кто прибавил к ним боязнь Аллаха, — достиг цели».

«Ты прав, и я принял от тебя это, — сказал Шимас. — Расскажи мне о знающем, мудром обладателе верного суждения живой сообразительности и превосходного, блестящего разума — изменит ли его вождение и страсть в тех его свойствах, о которых упомянул я?»

«Два эти качества, — ответил мальчик, — когда входят в человека, изменяют его знание, рассудок, и суждение, и разумение, и подобен он хищному орлу, который остерегался охоты и пребывал в глубине неба от крайней пронизательности. И было это так, и он вдруг увидел человека, который расставлял сети. И когда этот человек окончил расставлять сети, он положил в них кусок мяса. И орел увидел этот кусок мяса, и одолело его вождение и страсть, и он забыл о виденных им сетях и злой доле тех, кто попадал в них из птиц, и низринулся из глубины неба, и упал на тот кусок мяса, и запутался в сетях. И когда пришел охотник и увидел орла в своих сетях, он удивился великим удивлением и воскликнул: «Я расставил свои сети, чтобы попадали в них голуби или подобные им из слабых птиц, но как же попался в сети этот орел?»

И говорится, что разумный человек, когда побуждают его на что-нибудь страсть и вождение, обдумывает последствия этого разумом и защищается от того, что они разукрасили, и разумом покоряет вождение и страсть. И когда побуждает к чему-нибудь человека страсть и вождение, должен он сделать разум подобным всаднику, искусному в верховой езде, — когда он садится на беспокойного коня, он тянет его крепкой уздой, пока конь не выправится и не пойдет, как всадник хочет. А если он глуп, и нет у него ума, и не имеет он своего суждения, и дела для него неясны, и властвуют над ним вождение и страсть, — он поступает согласно страсти и вождению и оказывается в числе погибших, и нет среди людей никого хуже его по состоянию».

«Ты прав в том, что сказал, — молвил Шимас, — и я принял от тебя это. Расскажи мне, когда бывает знание полезно и когда разум уничтожает вред стра-

сти и вожделения». — «Когда их обладатель пользуется ими в стремлении к последней жизни, — ответил мальчик, — ибо разум и знание оба полезны, но следует их обладателю пользоваться ими в стремлении к мирским благам лишь в той мере, чтобы добывать этим пищу. И пусть отталкивает он от себя зло здешнего мира и пользуется знанием и разумом для дел последней жизни».

«Расскажи мне, чего наидостойнее придерживаться человеку и чем занимать свое сердце», — сказал Шимас. И мальчик ответил: «Праведными деяниями». — «Если человек так делает, что отвлекает его от промысла? Как же поступать для пропитания, ему необходимого?» — спросил Шимас. «В сутках, — ответил мальчик, — для него двадцать четыре часа, и надлежит ему назначить одну часть их для снискания пропитания и одну часть — для покоя и отдыха, а остальное употреблять на приобретение знания, ибо человек, если он разумен, но нет у него знания, подобен неплодородной земле, на которой нет места для обработки и насаждения растений. Если не подготовить ее к обработке и не засадить, не будут на ней плоды полезны, а если подготовить и засадить ее, принесет она плоды прекрасные. Так же и человек без знаний — не будет от него пользы, пока не посажено в нем знание, ибо когда посажено в нем знание, приносит оно плоды».

«Расскажи мне о знании без разума, — каково оно?» — спросил Шимас. И мальчик ответил: «Оно подобно знанию скотины, которая узнала, когда ей время есть и пить и когда ей время бодрствовать, но нет у ней разума». — «Ты был краток, отвечая на это, но я принял твои слова, — ответил Шимас. — Расскажи, как мне должно оберегать себя от султана». — «Не давай ему к себе пути», — ответил мальчик. И Шимас спросил: «Как же могу я не дать ему к себе пути, когда он имеет надо мной власть и поводья моих дел в его руках?» — «Его власть над тобой, — ответил мальчик, — зиждется лишь на том, что ему должно от тебя, и если ты воздал ему должное, нет у него над тобой власти». — «Каковы обязанности везиря перед царем?» — спросил Шимас. И мальчик ответил: «Искренний совет и усердие в тайном и в оглашаемом, здоровое суждение и сокрытие его тайн, и пусть не утаивает

везирь ничего, о чем подобает царю быть осведомленным, и не должен он быть небрежным в том, что возложил на него царь для исполнения его нужд. Пусть ищет он его благоволения всеми способами и избегает гнева его».

«Расскажи мне, как поступает с царем везирь»,—спросил Шимас.

И мальчик ответил: «Если ты везирь царя и хочешь быть от него в безопасности, то пусть будет твое внимание и твоя речь к нему выше того, на что он надеется, и просьба твоя о нуждах пусть будет соразмерна с твоим местом у царя. Берегись поставить себя на место, которого царь не считает тебя достойным, чтобы не казалось это от тебя как бы дерзостью. Если же обманет тебя его кротость и ты поставишь себя на место, которого царь не считает тебя достойным, ты окажешься подобен охотнику, который ловил зверей и сдирал с них шкуру, так как она была ему нужна, а мясо бросал. И лев стал приходить к тому месту и поедать падаль, и когда умножились посещения им этого места, он привык к охотнику и привязался к нему. И охотник стал бросать ему мясо и вытирать руки о его спину, а лев помахивал хвостом в знак удовлетворения. И когда охотник увидел, что лев ему доверяет, и привык к нему, и ему послушен, он сказал про себя: «Этот лев смирился передо мной, и я над ним властвую. Я считаю, что мне следует сесть на него верхом и содрать с него шкуру, как с других зверей».

И охотник осмелел, и вскочил льву на спину, и захотел овладеть им. И когда лев увидел, что сделал охотник, он разгневался великим гневом и, подняв лапу, ударил охотника, и его когти вонзились ему в кишки. И потом лев бросил охотника под передние лапы и разорвал его в клочки.

Из этого я узнал, что подобает везирию держать себя с царем сообразно тому, каким он видит его поведение, и не быть с ним слишком смелым вследствие превосходства своего суждения, чтобы царь к нему не переменился». И потом Шимас молвил: «Расскажи мне, чем украшается везирь во мнении царя».— «Исполнением поручения, которое ему вверено, посредством искреннего совета, здравого суждения и осуществления повелений царя»,—ответил мальчик. И Шимас молвил: «Что касается того, что ты упомянул об

обязанности везиря избегать гнева царя и делать то, что вызывает его благоволение, и заботливо выполнять ему порученное, то это дело обязательное. Но расскажи мне, как ухитриться, если царь доволен лишь тогда, когда он притесняет и совершает несправедливости и насилия? Как ухитриться везирию, если он испытан общением с этим жестоким царем? Если он захочет отвратить его от его страстей, вожделений и замыслов, то не сможет этого, а если он последует его страстям и объявит его замыслы хорошими, он понесет тяжесть этого и станет врагом для подданных. Что ты об этом скажешь?»

И мальчик в ответ ему сказал: «То, что ты упомянул, о везирь, о тяжести и грехе, бывает только тогда, когда везирь следует за царем в совершаемых им ошибках. Но подлежит везирию, когда царь спросит его совета об этом, изъяснить ему путь справедливости и правосудия, и предостеречь его от притеснения и насилия, и осведомить его о том, каково хорошее поведение с подданными, и соблазнить его заключающейся в этом наградой, предостерегая его от наказания, за грехи обязательного. И если царь склонится и обратится к его словам,— желаемое достигнуто, а если нет,— то не останется ничего другого везирию, кроме как расстаться с царем мягким способом, ибо в разлуке — для каждого из них избавление».

«Расскажи мне,— попросил везирь,— каковы обязанности царя перед подданными и каковы обязанности подданных перед царем». И мальчик ответил: «То, что он приказывает,— пусть совершают с чистым намерением и пусть повинуются ему в том, что угодно ему и угодно Аллаху и его посланнику. А обязанности царя перед подданными состоят в охране их имущества и защите их гарема, так же как подданные обязаны оказывать царю внимание и повиновение и не жалеть для него своей души, и воздавать ему обязательно должное, и возглашать ему прекрасную хвалу за справедливость и благодеяния, им оказанные».

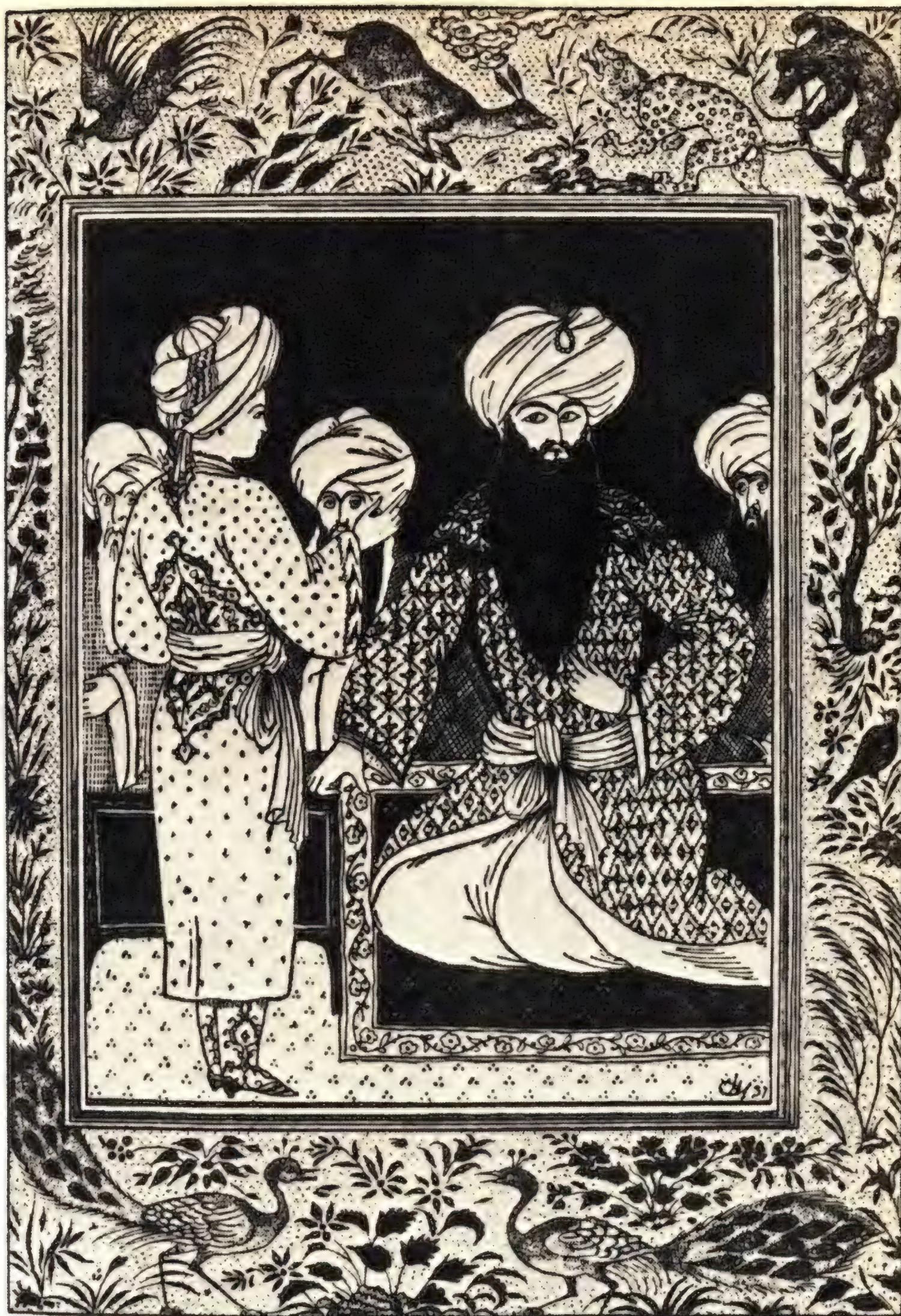
«Ты изъяснил мне то, что я тебя спросил об обязанностях царя и подданных,— сказал Шимас.— Расскажи мне, остались ли у царя какие-нибудь обязанности по отношению к подданным, кроме тех, о которых ты сказал». — «Да,— ответил мальчик,— права подданных над царем более обязательны, чем пра-

ва царя над подданными, потому что пренебрежение их правами более вредоносно, чем пренебрежение его правами, ибо бывает гибель царя и прекращение его власти и благоденствия только из-за пренебрежения правами подданных. Кто облачен властью, тому следует не оставлять трех вещей: поддержания порядка в делах веры, поддержания порядка в делах подданных и поддержания порядка в делах управления. И если не оставляет он этих трех вещей, его власть длится».

«Расскажи мне,—молвил Шимас,—как подобает царю поступать, чтобы поддерживать в порядке дела подданных». И мальчик ответил: «Воздавая им должное, поддерживая их обычаи и пользуясь учеными и мудрецами для того, чтобы их учить, а также оказывая правосудие одному перед другим, оберегая кровь от пролития, не прикасаясь к их имуществу, облегчая их тяготы и укрепляя войско».

«Расскажи мне,—молвил Шимас,—каковы обязанности царя перед везирем». — «Нет у царя обязанностей ни перед кем из людей более непреложных, чем обязанность, лежащая на нем по отношению к везиру, и это вследствие трех особенностей. Во-первых, из-за того, что поражает царя, когда бывает мнение везиря ошибочно, и из-за всеобщей пользы, для царя и для подданных, когда суждение везиря здраво; во-вторых, потому, что люди знают, сколь прекрасно положение везиря у царя, и подданные смотрят на него глазами почтения, уважения и послушания; в-третьих, везирь, видя это от царя и от подданных, отклоняет от них то, что им ненавистно, и исполняет то, что им любо».

«Я выслушал все то, что ты мне сказал о свойствах царя, везиря и подданных, и принял это,—сказал Шимас.—Расскажи мне, что надлежит делать, чтобы охранять язык от лжи, глупости, поношения чести и неумеренности в речах». — «Надлежит человеку,—отвечал мальчик,—не говорить ни о чем, кроме блага и милостей, и не произносить слова о том, что его не касается. Пусть оставит он злословие и пусть не переносит речей, которые от кого-нибудь слышал, к его врагу; пусть не ищет он для друга своего или врага несчастья у султана и пусть не задумывается ни о ком, от кого ожидает блага или опасается зла, кроме Аллаха великого, ибо он, поистине, есть вредоносец, пользу приносящий. Пусть не вспоминает он ни о чьих

пороках и не говорит, не зная, чтобы не привязались к нему прегрешения и грех пред Аллахом и ненависть людей. Знай, что слово подобно стреле: когда оно пронзит, никто не может воротить его. Пусть остерегается везирь поручать свою тайну тому, кто ее разгласит,—нередко постигает его вред от разглашения тайны, когда он уверен, что она сокрыта. И пусть охраняет он тайну от друга больше, чем от врага — по истине, сокрытие тайны для всех людей — исполнение доверенного».

«Расскажи мне,—молвил Шимас,—о добронравии в обхождении с родными и близкими». И мальчик ответил: «Нет покоя сынам Адама иначе как при добром нраве, но следует человеку оказывать родным то, чего они заслуживают, и друзьям то, что им следует».

«Расскажи мне,—сказал Шимас,—как следует обращаться с родными». И мальчик ответил: «Что касается обращения с родителями, то тут нужна покорность, нежность в речах, мягкость в обхождении, уважение и почтение. Что же касается обращения с друзьями, то тут нужен добрый совет, щедрость на деньги, помощь в средствах к жизни и радость их радости, и снисхождение к допускаемым ими ошибкам. И когда друзья увидят это от человека, они будут встречать его самым дорогим, какой есть у них, из советов и не пожалеют для него своей души. Если ты уверен в своем друге, будь с ним щедр на дружбу и оказывай ему помощь во всех его делах.

Тогда везирь Шимас сказал: «Я считаю, что друзья бывают двух родов: друзья доверенные и друзья по общению. Что касается друзей доверенных, то им следует то, о чем ты говорил, а я спрашиваю тебя о другом—о друзьях по общению».—«Что касается друзей по общению,—сказал мальчик,—то ты имеешь от них усладу, доброе обхождение, нежность в словах и прекрасное общение. Не прекращай же этого наслаждения, но отдавай им то, что они отдают тебе, и поступай с ними так, как они поступают с тобой,—будь весел лицом и нежен в словах, и будет твоя жизнь приятна, и слова твои ими приняты».

«Мы узнали все эти дела,—молвил Шимас.—Расскажи же мне о наделе, назначенном тварям их творцом. Распределен ли он среди людей и живот-

ных — каждому свой надел до конца его срока? А если дело обстоит так, то что заставляет ищущего пропитание брать на себя труд в стремлении к тому, что, как он знает, ему неизбежно достанется, если это ему определено, хотя бы он и не брал на себя труда стараться? Если же это ему не определено, то оно ему не достанется, хотя бы и старался он для этого до пределов старания. Оставить ли ему старание и положиться ли на своего господа, дав отдых своему телу и душе?» — «Мы считаем, — сказал мальчик, — что всякому есть определенный надел и назначенный срок. Но ко всякому наделу есть путь и способы. И тот, кто ищет, получает в искании своем отдых, прекратив искание, но вместе с тем искать свой надел необходимо. Ищущие наделы бывают двух родов — они или получают, или лишены его. Отдых получившего бывает из-за двух обстоятельств: от того, что он получил свой надел, и от того, что исход его стремлений достохвален, а отдых лишенного надела бывает вследствие трех обстоятельств: от готовности искать свой надел, от нежелания быть в тягость людям и от освобождения от ответственности при упреках».

«Расскажи мне, — сказал Шимас, — каковы способы искать пропитание». И мальчик ответил: «Позвоительно человеку то, что дозволил ему Аллах, и запретно то, что запретил ему Аллах (велик он и славен!)».

И прекратилась между ними речь, когда дошли они до этого предела. И затем поднялся Шимас и те из мудрецов, кто присутствовал, и они пали ниц перед мальчиком, и возвеличили его, и восхвалили, и отец прижал его к груди. А затем, после этого, он посадил его на престол царский и воскликнул: «Хвала Аллаху, который наделил меня сыном и прохладил им мои глаза при жизни!»

И потом мальчик сказал Шимасу и тому, кто присутствовал из мудрецов: «О мудрец, знаток духовных вопросов, если даже Аллах открыл мне из знания лишь нечто малое, то я все же понял, какова была твоя цель, когда ты принял от меня ответы, данные мною на то, о чем ты спросил, — все равно, был ли я в них прав, отвечая, или ошибся, — и может быть, ты простил их ошибки. Я хочу спросить тебя о вещи, для которой слабо мое суждение и узки мои способности,

и для описания ее бессилен мой язык. Я хочу, чтобы ты разъяснил мне это и не было бы ничего в нем смутно для подобного мне в будущем, как было оно смутно для меня в прошлом. Ибо Аллах, так же как он создал жизнь в воде и силу в пище и исцеление больного в лечении врача, создал исцеление невежды в знании знающего. Прислушайся же к моим словам».

«О, сияющий разумом, знаток праведных вопросов, о ты, чье достоинство засвидетельствовали все мудрецы. Так как ты разъяснил вещи и разобрал их и прекрасно попадал в цель, отвечая на то, о чем я тебя спросил,— сказал Шимас,— я знаю, что ты спрашиваешь меня о чем-нибудь, а сам в толковании этого придерживаешься более правильного мнения и более верных слов, ибо Аллах даровал тебе знание, какого не даровал никому из людей. Расскажи же мне, о чем ты хочешь спросить».

И мальчик сказал: «Расскажи мне о творце (да возвысится его могущество!). Из каких вещей сотворил он все сущее, когда прежде не было ничего. Не видно в сем мире вещи, которая не была бы сотворена из другой вещи. Создатель (да будет он благословен и возвеличен!) может творить вещи из ничего, но так судила воля его, при совершенном его могуществе и величии, чтобы не создавал он вещи иначе как из другой вещи».

И сказал везирь Шимас: «Что касается выделяющих предметы из глины и других ремесленников, то они не могут создать вещь иначе как из другой вещи, ибо они уже сотворены. Что же до творца, который создал мир с таким удивительным искусством, то если ты хочешь узнать, может ли он (да будет благословен и возвеличен!) создать вещи из ничего, продли размышление о разнообразных тварях,— ты увидишь знамения и указания, говорящие о совершенстве его могущества и о том, что он может творить вещи из ничего. Больше того,— он создал их из чистого небытия, ибо элементы, которые составляют материю вещей, были чистым небытием. Я разъяснил тебе это, чтобы не был ты в сомнении, и пояснил тебе это знамение ночи и дня. Они следуют друг за другом, и когда уходит день и приходит ночь, день скрывается от нас, и мы не знаем, где его место, а когда уходит ночь с ее мраком и ужасом, приходит день, и мы не знаем, где место

ночи. Когда же засияет над нами солнце, мы не знаем, где таится его свет, а когда оно зайдет, мы не знаем, где место его заката. Подобного этому в деяниях творца (да возвеличится его имя и да возвысится его могущество!) много, и смущается от этого разум проникательных среди сотворенных».

И мальчик сказал: «О мудрец, ты позволил мне узнать о могуществе Аллаха нечто такое, чего нельзя отрицать, но расскажи мне, как создает он своих тварей». — «Твари, — ответил Шимас, — сотворены словом Аллаха, которое существовало до века, и им сотворил он все вещи». — «Аллах (да возвеличится его имя и да возвысится его могущество!), — спросил мальчик, — захотел создать твари прежде их существования?» — «По воле своей, — ответил Шимас, — он создал их своим словом. И если бы не было у него речи и наияснейшего слова, твари не существовали бы...»

Потом везирь Шимас сказал: «О сынок, ни один человек не скажет тебе другого, чем то, что я тебе сказал, иначе как переставив слова, дошедшие до нас в божественных законах, с их мест и отклонив истины от их смысла. Так будет, если ты скажешь, что слову присуща сила (прибегаю к Аллаху от такого верования). Напротив, наши слова об Аллахе (да будет он возвеличен и прославлен!), что он создал твари своим словом, имеют тот смысл, что он (велик он!) один в своей сущности и свойствах, и не означают они, что слово Аллаха имеет власть. Нет, власть — это свойство Аллаха, так же как слово и другие свойства, присущие совершенству, — свойства Аллаха (да возвеличится его сан и да будет прославлена его власть!), и нельзя описать его без его слова, и нельзя описать его слова без него. Аллах (да возвысится хвала ему!) сотворил своим словом всех своих тварей, и без слова своего не сотворил он ничего. Он сотворил все вещи словом своим истинным, и в истине мы сотворены».

«Я понял относительно творца и величия его слова то, что ты сказал, и принял это, — отвечал мальчик, — но я услышал, как ты говорил, что Аллах сотворил все сущее своим словом истинным, а истинное противно ложному. Откуда же появилось ложное и как возможно его появление наряду с истинным, так что его даже смешивают с истинным, и твари не могут отличить его и нуждаются в разделении того и дру-

гого? Возлюбил ли творец (велик он и славен!) это ложное, или оно ему ненавистно? Если ты скажешь, что он возлюбил истинное и в истине сотворил своих тварей и ложное ему ненавистно, то откуда же вошло то, что ненавистно творцу, к тому, что ему любезно, то есть к истине?» — «Аллах,— ответил Шимас,— сотворил человека в истине, и не нуждался человек в раскаянии, пока не вошло ложное к истине, в которой человек сотворен, вследствие власти, которую вложил Аллах в человека, то есть его воли и склонности, именуемой стяжательством. И когда вошло ложное к истине таким образом, оно смешалось с истиной, вследствие воли человека и присущей ему власти и стяжательства, которое является частью человека, зависящей от воли, при слабости естества человека. И создал Аллах для него раскаяние, чтобы отвратить им от человека ложное и укрепить его в истине, и сотворил для него наказание, если он будет продолжать придерживаться ложного».

«Расскажи мне,— сказал мальчик,— какова причина появления наряду с истинным ложного и того, что их даже смешивают, и почему подлежит человек наказанию так, что он нуждается в раскаянии?» И Шимас ответил: «Аллах, когда сотворил человека в истине, сделал его любящим истину, и не было для него ни наказания, ни раскаяния. И продолжалось это так, пока не вложил Аллах в человека душу, которая есть одно из совершенств человеческой природы, несмотря на то, что сотворена она склонной к страстям. И возникло из этого появление ложного и смешение его с истиной, в которой сотворен человек, и создан он любящим истину. И когда дошел человек до этого предела, он совратился с пути истины ослушанием, а кто совратился с пути истины, впадает в ложное». — «Значит, к истине вошло ложное только из-за ослушания и неповиновения?» — спросил мальчик. И Шимас сказал: «Это так, ибо Аллах любит человека, и от избытка своей любви к нему создал он человека в нем нуждающимся, а это и есть самая истина. Но иногда человек слабеет, по причине склонности души к страстям, и склоняется к неповиновению, тогда переходит он к ложному из-за ослушания своего господина, которое он совершил, и заслуживает наказания, а удаляя от себя ложное раскаяние и

возвращаясь к любви, к истине, он заслуживает награды».

«Расскажи мне,—сказал мальчик,—в чем начало ослушания. Ведь все люди возводят себя к потомкам сыновей Адама, а Аллах создал Адама в истине. Как же навлек он на себя ослушание и зачем сочеталось ослушание его с раскаянием, после того как была вложена в него душа, чтобы оказалась исходом его дел награда или наказание? Мы видим, что некоторые люди постоянно пребывают в неповиновении, склоняясь к тому, чего не любит Аллах, и расходясь с тем, чего требует основа их создания, то есть с любовью к истине, и достойны гнева своего господа. И видим мы, что другие постоянно хотят ублаготворить своего творца и повиноваться ему и достойны его милосердия и награды. Какова же причина несходства, возникающего между ними?»

И Шимас сказал: «Впервые низошло это ослушание на тварей из-за Иблиса, которого Аллах (да возвеличится его имя!) создал самым благородным среди ангелов, людей и джиннов. И был Иблис создан в любви и не знал ничего иного, и когда стал он поэтому бесподобен, обуяла его гордыня, тщеславие и высокомерие, и превознесся он над верой и повиновением власти своего творца, и сделал его тогда Аллах ниже всякой твари, и отлучил его от любви, и создал прибежище его душе в ослушании. И узнал Иблис, что Аллах не любит ослушания, и увидал Адама и наполняющую его любовь и истину и повиновение творцу своему, и его обуяла зависть, и стал он учинять хитрости, чтобы отвратить Адама от истины и сделать его сообщником в ложном, и заслужил Адам наказание из-за склонности своей к ослушанию, которое украсил ему его враг, и подчинения своим страстям, из-за которого нарушил он заповедь своего творца вследствие появления ложного. И когда узнал творец слабость человека и быстроту склонности его к врагу и пренебрежение его к истине, создал для него творец, по милосердию своему, раскаяние, чтобы поднялся он благодаря ему из трясины склонности к ослушанию и, надев оружие раскаяния, покорил бы им своего врага Иблиса и его воинство и вернулся бы к истине, в которой он сотворен. И увидел Иблис, что Аллах назначил ему срок определенный, и поспешил он на

войну с человеком и учинил с ним разные хитрости, чтобы вывести его из благоволения Аллаха и сделать своим сообщником в гневе Аллаха, которого заслужил он и его воинство. И Аллах создал в человеке возможность раскаяния и повелел ему придерживаться истины и постоянно пребывать в ней, запретив ему послушание и неповиновение, и внушил он ему, что есть у него на земле враг, с ним воюющий, который не отступает от него ни ночью, ни днем, и поэтому заслуживает человек награды, если придерживается истины, в любви к которой сотворено его естество, или наказания, если берет над ним верх его душа и склоняет его к страстям».

Мальчик сказал: «Расскажи мне, благодаря какой силе могут твари не повиноваться своему творцу, когда пребывает он в крайнем величии, как ты сказал, и не покоряет его ничто, и ничто не выходит из его воли. Разве не думаешь ты, что он властен отвратить своих тварей от такого послушания и сделать их навсегда приверженными любви?» — «Аллах великий справедлив, правосуден и кроток с теми, кто любит его,— ответил Шимас,— и он сделал ясным для них путь блага и даровал им способность и власть делать то, что они хотят, из благого, и если поступают они несогласно с этим, приходят они к гибели и послушанию». — «Если творец сам даровал им эту возможность и они властны делать то, что хотят, то почему не встал Аллах между ними и тем, чего хотят они из ложного, чтобы вновь вернуть их к истине?» — спросил мальчик.

И Шимас ответил: «Происходит это из-за великого его милосердия и дивной его мудрости, ибо как был он прежде гневен на Иблиса и не умилился над ним, так был он прежде милосерден к Адаму из-за его раскаяния и простил его после гнева на него». — «Это есть подлинная истина,— сказал мальчик,— ибо Аллах воздает каждому по делам его, и нет творца, кроме Аллаха, который властен во всякой вещи».

«Сотворил ли Аллах то, что он любит, и то, что он не любит, или сотворил он лишь то, что любит, и ничего другого?» — спросил он потом. И Шимас сказал: «Он сотворил все вещи, но угодно ему лишь то, что он любит».

«Что это за два разряда вещей: одни из них угодны Аллаху, и обладающий ими заслуживает награды, а другие гневят Аллаха, и нисходит на совершающих их наказание?» — спросил мальчик. И Шимас сказал: «Разъясни мне вопрос об этих двух вещах и сделай так, чтобы я его понял, — тогда я буду говорить тебе». — «Это добро и зло, — ответил мальчик, — вложенные в тело и в душу». — «О разумный, — молвил Шимас, — я думаю, ты знаешь, что добро и зло возникают из дел, которые совершают тело и душа. И добро названо добром, так как в нем благословение Аллаха, а зло названо злом, так как в нем гнев Аллаха. Тебе надлежит знать Аллаха и ублажать его, совершая добро, так как он приказал нам это и запретил нам совершать зло».

И мальчик сказал: «Я думаю, что эти две вещи — то есть добро и зло — совершают пять чувств, известных в человеке, то есть: место вкуса, из которого исходит слово, и слух, и зрение, и обоняние, и осязание. Я хотел бы, чтобы ты осведомил меня, сотворены ли все эти пять чувств для добра или для зла». — «Пойми, о человек, — сказал Шимас, — изъяснение того, о чем ты спросил, ибо это есть ясное доказательство; вложи его в твой разум и напои им твое сердце. Дело в том, что истинный (да будет он благословен и возвеличен!) создал человека в истине и вложил в него любовь к нему, и не создал он ни одной твари иначе как вышним могуществом, проявляющимся в каждом событии. И нельзя ему приписать (да будет он благословен и возвеличен!) ничего, кроме суда по справедливости и правосудия и благодеяния. Он сотворил человека, чтобы человек его любил, и вложил в него душу, сотворенную со склонностью к страстям, и дал человеку волю, и сделал эти пять чувств причиной блаженства или адского огня». — «А как это?» — спросил мальчик. И Шимас сказал: «Он сотворил язык для речи, руки для работы, ноги, чтобы ходить, зрение, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать. Он даровал каждому из этих чувств способность и возбудил их к работе и движению, и всякому из них он приказал, чтобы делало оно только угодное Аллаху. И от речи угодна ему правда и воздержание от того, что ей противоположно, то есть от лжи. А от зрения угодно ему обращение взора к тому, что любит Аллах, и

воздержание от противоположного, то есть от обращения взора к тому, чего Аллах не любит, как, например, взгляд на страсти. От слуха же ему угодно, чтобы прислушивался он только к истине, заключающейся, например, в проповеди или в том, что в книгах Аллаха, и воздерживался от противоположного, то есть не слушал бы того, что вызывает гнев Аллаха. От рук ему угодно, чтобы они не удерживали того, чем наделил их Аллах, но расходовали это так, как угодно Аллаху, и воздерживались от противоположного, то есть не были бы скупыми и не расходовали бы то, чем наделил их Аллах, на греховное. А от ног ему угодно, чтобы был их бег для их блага, как, например, в стремлении к учению, и чтобы воздерживались они от противоположного, то есть не ходили бы не по пути Аллаха. Что касается остальных страстей, которые проявляет человек, то они исходят из тела по велению духа. И затем скажу, что страсть, исходящая из тела, бывает двойкой: это страсть к размножению и страсть чрева. И в страсти к размножению угодно Аллаху, чтобы была она не иначе как дозволенной, и гневается он, если бывает она запретной. Что же касается страсти чрева, то это — еда и питье, и угодно Аллаху, чтобы пользовался всякий лишь тем, что Аллах ему дозволил, мало это будет или много, и восхвалял бы Аллаха и благодарил бы его. И гневит Аллаха, если человек берет не принадлежащее ему по праву. И все, что есть иного из установлений об этом, — ложно. Ты знаешь, что Аллах сотворил все вещи и угодно ему лишь благое: он повелел каждому члену из членов тела делать то, что он на него возложил, ибо он — знающий, мудрый».

«Расскажи мне, — сказал мальчик, — знал ли заранее Аллах, что Адам найдет средство поест с дерева, от которого удерживал его Аллах, и случится с ним то, что случилось, и поэтому выйдет он из повиновения к послушанию?» — «Да, о мудрец, — ответил Шимас, — Аллах великий знал это заранее, прежде чем создал он Адама. Изъяснение и доказательство этого в том, что он раньше предостерегал его от вкушения и осведомлял его, что когда он вкусит от этого дерева, он будет послушником, и было это от справедливости и правосудия Аллаха, чтобы не было у Адама довода, которым

бы он защищался от своего господина. И когда ввергся Адам в пропасть и в оплошность и увеличилась над ним хула и осуждение, продлилось это в его потомстве, после него. И Аллах великий послал пророков и посланников и дал им книги, и они научили нас законам, и изъяснили нам, какие заключаются в них назидания и установления, и изложили их нам подробно, и осветили нам путь, ведущий к благу, и изъяснили, что следует нам делать и от чего следует воздержаться. Нам дана во власть воля, и тот, кто поступает согласно этим правилам, достигнет цели и получит награду, а кто преступил эти правила и поступал не по заповедям, уклонился от цели и потерпел убыток и в той и в другой обители — таков путь добра и зла. Ты знаешь, что Аллах властен во всех вещах, и он создал нас в страсти по своему желанию и воле и приказал нам проявлять их только путем дозволенным, чтобы были они для нас благом, а когда проявляем мы их путем запретным, они оказываются для нас злом. И то, что получаем мы хорошего, — от Аллаха великого, а то, что постигает нас из дурного, — от самих нас, людей сотворенных, — не от творца, и возвысился над этим Аллах возвышением великим».

Мальчик сказал: «Я понял то, что ты сказал мне о том, что относится к Аллаху великому и что относится к его тварям. Расскажи же мне о деле, удивляясь которому, смущается мой ум: я дивлюсь потомкам сынов Адама и тому, что пренебрегают они последней жизнью и не вспоминают о ней и любят жизнь дольную. Они же знают, что оставят ее и выйдут из нее униженные».

«Да, — ответил Шимас. — Ты видишь, как дольная жизнь изменчива и как обманывает она тех, кто в ней пребывает, и это доказывает, что не вечно для благоденствующего благоденствие и для бедствующего бедствие. Не в безопасности житель здешнего мира от перемен его, даже если властвует он в жизни и блаженствует в ней, — неизбежно изменяются его обстоятельства, и поспешит к нему время перехода, и не должен человек доверять здешней жизни, и не полезен ему ее ложный блеск. А раз мы знаем это, мы знаем и то, что в наихудшем состоянии человек, который дал себя обмануть здешней жизни и забыл о жизни

последней. И поистине, то благоденствие, которое ему досталось, не уравновесит страха, тягот и ужасов, что постигнут его после ухода из жизни. Мы знаем,— если бы знал раб, что постигнет его при наступлении смерти и при разлуке с окружающими его наслаждениями и благоденствием, он отказался бы от здешней жизни и от того, что есть в ней, и уверены мы, что последняя жизнь лучше для нас и полезнее».

И сказал мальчик: «О мудрец, рассеялся мрак, окутывавший мое сердце, благодаря твоему сияющему светильнику, и ты направил меня на стези, по которым ты шел, наследуя истине, и вручил мне светоч, при котором я вижу».

И поднялся тут один мудрец из числа присутствовавших и сказал: «Когда наступает время весны, неизбежно зайцу искать пастбища вместе со слоном. Я услышал от вас, в вопросах и толкованиях, вещи, которых, я думаю, никогда не слышал, и призывает это меня к тому, чтобы спросить вас кое о чем. Скажите мне, каков лучший дар здешней жизни?» — «Здоровье телесное, надел дозволенный и праведный сын»,— ответил мальчик. И мудрец сказал: «Расскажите мне, что есть малое и что есть великое». — «Великое,— ответил мальчик,— есть то, чему подчиняется меньшее, а малое есть то, что подчиняется большему». — «Расскажите мне,— сказал мудрец,— каковы те четыре вещи, в которых едины все твари». — «Твари едины в еде и питье, в сладости сна, в страсти к женщинам и в предсмертных мучениях»,— сказал мальчик. И мудрец спросил: «А каковы три вещи, которых никто не может лишить их безобразности?» — «Это глупость, низость нрава и ложь»,— ответил мальчик. И мудрец спросил: «А какая ложь наилучшая, хотя ложь вообще безобразна?» — «Это ложь, которая отводит от лгущего вред и привлекает к нему пользу»,— ответил мальчик. И мудрец спросил: «А какая правда безобразна, хотя правда вообще прекрасна?» — «Когда кичится человек тем, что у него есть, и самодоволен»,— ответил мальчик. И мудрец спросил: «А что безобразнее всего в безобразном?» — «Когда обольщен человек тем, чего в нем нет»,— ответил мальчик. И мудрец спросил: «Кто из людей самый глупый?» — «Тот, у кого нет другого помышления, как о том, что он вкладывает в свою

утробу», — ответил мальчик. И Шимас сказал: «О царь, ты наш царь, но мы хотим, чтобы назначил ты своего сына царем после себя, а мы его слуги и подданные».

И тут царь стал побуждать присутствующих мудрецов и людей, чтобы они запомнили то, что слышали от царевича, и поступали согласно этому. И велел он им исполнять приказания своего сына, ибо он назначил его после себя наследником, чтобы был он преемником власти своего отца. И он взял обет со всех жителей царства — мудрецов и витязей, старцев, детей и остальных людей, что у них не будет о нем разногласия и они не нарушат его приказаний.

И исполнилось царевичу семнадцать лет, и царь заболел сильной болезнью, так что приблизился к смерти. И когда понял царь, что смерть спустилась к нему, он сказал своим людям: «Вот болезнь смертельная постигла меня. Позовите ко мне моих близких и моего сына и соберите ко мне жителей моего царства, так чтобы не осталось из них никого, кто бы не явился».

И вышли, и позвали людей близких, и возгласили во всеуслышание людям далеким, и все пришли, и вошли к царю, и спросили его: «Каково тебе, о царь, и чего ты ждешь для себя от этой болезни?» — «Болезнь моя, — ответил царь, — та болезнь, от которой будет кончина. Пронзила меня стрела, как судил мне Аллах великий, и сейчас для меня последний день из дней земной жизни и первый день из дней последней жизни. Подойди ко мне», — сказал он потом сыну. И мальчик подошел к нему, плача столь сильным плачем, что едва не промочил его постели, и глаза царя прослезились, и заплакали все, кто присутствовал.

«Не плачь, о сын мой, — сказал царь своему сыну, — я не первый из тех, с кем случилось predetermined. Это бывает со всем, что сотворил Аллах. Бойся Аллаха и твори благое, чтобы опередило оно тебя у того места, к которому направляются все твари. Не слушайся страсти и занимай душу поминанием Аллаха и стоя, и сидя, и бодрствуя, и во сне и поставь истину у себя перед глазами — вот мое последнее слово тебе и конец».

Когда царь Джиллиад дал своему сыну это наставление и назначил его после себя на царство, мальчик сказал отцу: «Ты знаешь, о батюшка, что я был тебе

всегда послушен, хранил твои наставления, исполнял твои приказания и искал твоего благоволения. Прекрасным был ты мне отцом, так как же мне выйти после твоей смерти за пределы того, что тебе угодно? Хорошо воспитав меня, ты меня покидаешь, и я не могу тебя вернуть. Когда я запомню твое наставление, я буду счастлив, и достанется мне доля величайшая».

И сказал ему тогда царь (а был он до предела погружен в предсмертные мучения): «О сынок, придерживайся десяти качеств, и даст тебе Аллах из-за них пользу в дольней жизни и в последней, а именно: когда разгневаешься,—сдерживай гнев, когда будешь испытан,—терпи, когда говоришь,—говори правду, когда обещаешь,—исполняй, когда судишь,—будь справедлив, когда обладаешь властью,—прощай. Оказывай почет твоим военачальникам, милуй врагов и расточай врагам благодеяния и удерживай себя от вреда им. Придерживайся также и десяти других качеств, за которые Аллах наградит тебя среди жителей твоего царства, а именно: когда делишь,—будь справедлив, когда наказываешь по праву,—не злобствуй, когда вступаешь в договор,—будь верен ему, принимай добрый совет, оставь упрямство и заставляй подданных держаться обычаев и установлений похвальных. Будь справедливым судьей между людьми, чтобы любили тебя и большие и малые и боялся бы тебя гордец и вносящий порчу».

И затем царь обратился к мудрецам и эмирам, которые присутствовали при назначении им своего сына на царство после себя: «Берегитесь ослушаться приказа вашего царя и пренебречь послушанием вашему начальнику, ибо от этого погибнет ваша земля, рассеется ваше единение, пострадает ваше тело и пропадет ваше имущество, и позлорадствуют тогда ваши враги. Вы знаете, какой обет вы мне дали, и таков же пусть будет ваш обет этому мальчику, и пусть союз, бывший у меня с вами, будет также у вас с ним. Слушайтесь его и повинуйтесь его приказу, ибо в этом польза для ваших обстоятельств, и держитесь с ним того, чего держались со мной,—ваши дела будут в порядке, и благим будет ваше положение. Вот он, ваш царь и ваш благодетель. Конец».

И потом, после этого усилились предсмертные муки царя, и его язык стал коснеть. Он прижал к себе своего

сына, поцеловал его и возблагодарил Аллаха, а потом умер, и вознесся его дух. И стали его оплакивать все его подданные и жители царства. А потом они завернули его в саван и похоронили с почетом, уважением и славой, и вернулись вместе с юношей, и облачили его в царскую одежду, и увенчали его венцом его отца, и надели ему на палец перстень, и посадили его на царский престол.

И шел с ними мальчик путем своего отца, проявляя кротость и справедливость и оказывая им благодеяния недолгий срок. И затем предстала перед ним земная жизнь и привлекла его своими страстями, и вкусил юноша ее улады, и обратился к ее утехам. Забыл он клятвы, которыми обязал его отец, и отбросил повиновение родителю своему, и пренебрег своим царством. И пошел он путем, на котором была его гибель, и усилилась в нем любовь к женщинам, так что он не мог слышать ни об одной прекрасной женщине без того, чтобы не послать за ней и не жениться на ней. И собрал он женщин число большее, чем собрал Сулейман ибн Дауд, царь сынов Израиля, и каждодневно уединялся с несколькими из них, и оставался с теми, с кем уединялся, целый месяц, не выходя от них и не спрашивая о своем царстве и власти и не рассматривая обид подданных, которые ему жаловались, и когда ему писали, он не давал ответа. И когда увидели и узрели, что он решил пренебречь рассмотрением дел и беспечно относится к делам своего правления и делам подданных, люди убедились, что вскоре постигнет их беда.

И показалось это им тяжким, и они обратились друг к другу, наперерыв упрекая себя, и одни из них сказали другим: «Пойдем к Шимасу, наибольшему из его везирей, расскажем ему наше дело и осведоим его о том, каковы дела этого царя, чтобы он его наставил, а иначе вскоре постигнет нас беда. Поистине, этого царя ошеломила земная жизнь своими уладами и опутала своими узами». И они поднялись, и пришли к Шимасу, и сказали ему: «О ученый мудрец, этого царя ошеломила земная жизнь своими уладами и опутала своими узами, и обратился он к ложному и действует, внося порчу в свое царство. А из-за порчи царства портится весь народ и идет наше дело к гибели. И по причине этого мы пребываем месяц и много дней, не

видя его, и не исходят от него к нам приказы ни везирю, ни кому-либо другому, и невозможно доложить ему о нужде, и не рассматривает он приговоров и не заботится об обстоятельствах кого-либо из подданных, так как он не думает о них. Мы пришли, чтобы рассказать тебе истину об этих делах, так как ты старше всех нас и совершеннее, и не должно быть бедствия в той земле, где ты пребываешь, ибо ты более всех властен исправить этого царя. Ступай же поговори с ним — может быть, он примет твои слова и вернется к Аллаху».

И Шимас поднялся, и пошел, и встретился с тем, до кого мог добраться, и сказал ему: «О превосходный юноша, я прошу тебя испросить мне позволение войти к царю, ибо у меня есть дело, из-за которого я хочу видеть его лицо, и я расскажу ему о нем и послушаю, что он мне ответит». И юноша в ответ ему сказал: «Клянусь Аллахом, о господин мой, царь уже месяц никому не позволяет входить к себе, и мне тоже, и все это время я не видел его лица. Но я укажу тебе, кто попросит для тебя у него позволения. Схватись за такого-то прислужника — он стоит у изголовья царя и носит ему кушанье из кухни, — и когда он выйдет на кухню, чтобы взять кушанье, попроси его о том, что тебе нужно — он сделает, как ты желаешь».

И Шимас отправился к дверям кухни и немного посидел, и вдруг подошел тот прислужник, желая войти в кухню, и Шимас заговорил с ним и сказал: «О сынок, мне хочется встретиться с царем и передать ему слова, которые его касаются. Будь милостив — когда он кончит обед и его душе станет приятно, поговори с ним за меня и возьми мне от него позволение войти к нему, чтобы поговорить с ним о том, что ему подобает слышать». И прислужник отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И когда он взял кушанье и отправился с ним к царю, и тот поел, и его душе стало приятно, прислужник сказал ему: «Шимас стоит у дверей и хочет от тебя позволения войти, чтобы осведомить тебя о делах, которые тебя касаются». И царь испугался, и встревожился из-за этого, и приказал слугам ввести к себе Шимаса, слуга вышел к Шимасу и пригласил его войти. И Шимас, войдя к царю, пал ниц перед Аллахом и, поцеловав царю руки, пожелал ему блага. И царь

спросил: «Что тебя поразило, о Шимас, что ты потребовал входа ко мне?» — «Уже долгое время,— ответил Шимас,— я не видел лица царя, моего господина, и я сильно стосковался по тебе, и вот теперь я увидел твое лицо и пришел к тебе с речью, которую я изложу тебе, о царь, поддержанный всякой милостью».

«Говори, что тебе вздумалось»,— молвил царь. И Шимас сказал: «Знай, о царь, что Аллах великий наделил тебя таким знанием и мудростью, несмотря на юность твоих лет, какой не наделял никого из царей прежде тебя, и завершил Аллах это для тебя царской властью, и любезно Аллаху, чтобы ты не переходил от того, что он даровал тебе, к иному, по причине послушания его; не враждуй же с ним сокровищами твоих достоинств — тебе подобает хранить его заповеди и повиноваться его велениям. Я вижу, что за эти немногие дни ты забыл своего отца и его заповеди и отбросил его заветы и пренебрег его увещаниями и словами, и не дорожишь ты его справедливостью и законами, не помнишь милостей к тебе Аллаха и не отмечаешь их благодарностью». — «Как так и в чем причина этого?» — спросил царь. И Шимас сказал: «Причина этого в том, что ты перестал заботиться о делах твоего царства и о делах твоих подданных, которые возложил на тебя Аллах. Ты обратился к твоей душе и к тому, что она тебе разукрасила из ничтожных страстей здешнего мира, а ведь сказано: польза царства, веры и подданных — вот то, что надлежит царю блюсти. Мое мнение, о царь, что тебе следует хорошенько подумать об исходе твоего дела, и увидишь ты ясный путь, на котором спасение. Не обращай к усладе ничтожной, преходящей, ведущей к трясине гибели,— тебя постигнет то, что постигло ловившего рыбу».

«А как это было?» — спросил царь. И Шимас сказал:

«Дошло до меня, что один рыбак пошел к реке, чтобы половить в ней, по обычаю, и когда он дошел до реки и шел по мосту, он увидел большую рыбу и сказал про себя: «Мне нет нужды оставаться здесь, я пойду и последую за этой рыбой туда, куда она направляется, и захвачу ее, и она избавит меня от нужды в ловле на несколько дней».

И он обнажился, и спустился в воду, и поплыл вслед за рыбой, и течение воды подхватило его и

влекло до тех пор, пока он не захватил рыбу и не поймал ее. И он оглянулся, и оказалось, что он далеко от берега, и, увидев, куда занесло его течением, рыбак не оставил рыбу и не вернулся, но подверг себя опасности, схватив рыбу обеими руками, предоставил себя току воды. И вода влекла его до тех пор, пока не закинула в пучину водоворота, из которого не мог вырваться никто из попавших в него. И тогда рыбак стал кричать и говорить: «Спасите утопающего!» И подошли люди из сторожей реки и сказали: «Что с тобой и что тебя поразило, что ты вверг себя в эту великую опасность?» — «Я тот, кто покинул ясный путь, на котором было спасение, и обратился к страсти и гибели», — ответил рыбак. И ему сказали: «О такой-то, как же это ты покинул путь спасения и ввел себя в погибель? Ты же давно знаешь, что никто из попавших сюда не спасся, что же помешало тебе выбросить то, что было у тебя в руке, и спастись — ты бы спас свою душу и не впал бы в погибель, из которой нет спасения. А теперь никто из нас не будет тебя спасать от гибели».

И человек пресек надежду, что будет жить, и бросил то, что было у него в руке и к чему побуждала его душа, и погиб ужасной гибелью.

И я привел тебе, о царь, эту притчу лишь для того, чтобы ты оставил эти ничтожные дела, которые отвлекают тебя от дел, тебе полезных, и подумал бы о том, что ты обязан делать, управляя подданными и поддерживая порядок в своем царстве так, чтобы никто не видел в тебе порока».

«Что же ты мне прикажешь?» — спросил царь. И Шимас сказал: «Когда наступит завтрашний день и ты будешь здоров и благополучен, позволь людям входить к тебе и рассматривай их дела. Попроси у них прощения и обещай им с своей стороны и благо и хорошие поступки».

«О Шимас, — сказал царь, — ты говорил правильно, и я сделаю то, что ты мне посоветовал, завтра, если захочет Аллах великий».

И Шимас вышел от царя и осведомил людей обо всем, что царь ему говорил, а когда наступило утро, царь вышел из уединения и разрешил людям входить к нему. Он начал просить у них прощения и обещал, что будет делать, что им любо. И все были довольны

этим и ушли, и каждый отправился в свое жилище. А потом одна из жен царя, самая им любимая и уважаемая, вошла к нему и увидела, что цвет его лица изменился и он размышляет о своих делах после того, что услышал от старшего своего везиря, и сказала ему: «Что это я вижу, о царь, ты встревожен душой? Жалуешься ли ты на что-нибудь?» — «Нет, — ответил царь, — но наслаждения, в которые я погрузился, отвлекли меня от моих дел. Отчего стал я так пренебрегать моими обстоятельствами и обстоятельствами подданных? Если я буду продолжать это, скоро выйдет власть из моих рук».

И жена его в ответ ему сказала: «Я вижу, о царь, что ты обманываешься в твоих наместниках и везирях. Они хотят только досадить тебе и провести тебя, чтобы ты не получал от твоей власти всей сладости и не пользовался бы благоденствием и покоем. Они, напротив, хотят, чтобы ты проводил жизнь, устраняя от них тяготы, и чтобы вся твоя жизнь прошла в трудах и утомлении и стал бы ты подобен тому, кто убил себя ради пользы другого, или сделался бы подобен юноше с ворами».

«А как это было?» — спросил царь. И жена его сказала:

«Говорят, что семеро воров вышли однажды красть, по обыкновению. Они проходили мимо сада, где были свежие орехи, и вошли в этот сад и вдруг увидели молодого мальчика, который стоял перед ними. И они сказали: «О юноша, не желаешь ли ты войти с нами в этот сад, влезть на это дерево и поесть вдоволь орехов и сбросить с него орехи нам?» И юноша согласился на это и вошел с ними, они стали говорить друг другу: «Посмотрите, кто из нас всех легче и моложе, и подымите его». — «Мы не видим никого тоньше этого юноши», — сказали воры. И, подняв юношу, они сказали ему: «О юноша, не бери с дерева ничего, чтобы кто-нибудь тебя не увидел и не причинил тебе вреда». — «Как же мне сделать?» — спросил юноша. И воры сказали: «Сядь посреди дерева и качай каждую ветку сильным качанием, чтобы с нее сыпалось то, что висит на ней, а мы будем подбирать плоды, и когда кончится все, что есть на дереве, ты спустишься к нам и возьмешь свою долю из того, что мы подобрали».

И юноша забрался на дерево и стал раскачивать ветки, какие видел, и орехи сыпались с них, а воры их собирали. И это было так. И вдруг они увидели, что владелец сада стоит подле них, когда они это делают. «Что вы делаете здесь?» — спросил он. И воры сказали: «Мы ничего не взяли с этого дерева, но мы проходили мимо и увидели на нем этого юношу, и подумали, что он хозяин дерева, и попросили его угостить нас орехами. И он потряс ветки, и с них посыпались орехи, и на нас нет греха». — «А ты что скажешь?» — спросил хозяин юношу. И тот ответил: «Эти люди солгали, а я скажу тебе правду. Мы пришли сюда все вместе, и они велели мне залезть на это дерево и трясти ветки, чтобы орехи с них посыпались, и я послушался их». — «Ты вверг себя в большую беду, — сказал хозяин дерева, — но воспользовался ли ты чем-нибудь и поел ли сам орехов?» — «Я ничего не съел», — сказал юноша. А хозяин дерева молвил: «Теперь я узнал твою глупость и неразумие. Ты старался погубить свою душу для пользы других. Нет мне против вас пути, — сказал он потом вора́м, — уходите своей дорогой». И он схватил мальчика и наказал его.

Таковы и твои везири и вельможи твоего царства — они хотят погубить тебя для пользы своих дел и сделают с тобой то же, что сделали воры с юношей».

«Истину сказала ты, — молвил царь, — и правдив твой рассказ! Я не выйду к ним и не оставлю наслаждений».

И затем он провел ночь со своей женой в приятнейшей жизни, пока не наступило утро. А когда наступило утро, везирь поднялся и собрал вельмож царства вместе с теми, кто явился из подданных, и они подошли к дверям царя, радостные и довольные. Но им не открыли дверей, и царь не вышел к ним и не позволил им войти к себе. И они, потеряв надежду, сказали Шимасу: «О достойный везирь и совершенный мудрец, разве не видишь ты, каковы обстоятельства этого ребенка, малолетнего и малоумного, который прибавил к своим грехам ложь? Посмотри на его обещание тебе, как он его нарушил и не исполнил того, что обещал. Это грех, который ты должен присоединить к его грехам. Мы надеемся, что ты войдешь к нему второй раз и посмотришь, в чем причина его за-

держки и отказа выйти. Мы не порицаем такого дела при его дурных качествах, ибо он дошел до предела черствости».

И Шимас отправился к царю и, войдя к нему, сказал: «Мир над тобою, о царь! Как это ты мог обратиться к ничтожной усладе и пренебречь великим делом, о котором тебе следует заботиться, и оказался подобен владельцу верблюдицы, который вырос на ее молоке, и так прекрасно было ее молоко, что он забывал укрепить ее повод. И однажды он начал ее доить и не позаботился о поводе. И когда верблюдица почувствовала, что повод отпущен, она вырвалась и умчалась в пустыню. И этот человек лишился молока и верблюдицы, и вред, который он испытал, был больше, чем польза. Подумай, о царь, о том, в чем польза для тебя и для твоих подданных. Не подобает ведь человеку постоянно сидеть у дверей кухни из-за того, что он нуждается в кушанье, и не следует ему часто сидеть с женщинами из-за своей склонности к ним, и как ищет человек в кушанье того, что устраняет голод, и в питье того, что устраняет жажду, так же надлежит человеку разумному из его двадцати четырех часов удовлетворяться каждый день двумя часами в обществе женщин, а остальное время тратить на дела, полезные для него и полезные для его подданных. Пусть не затягивает он пребывания с женщинами и уединения с ними больше, чем на два часа,— в этом вред для его ума и тела, так как женщины не призывают к благу и не указывают пути к нему. Не следует человеку принимать от женщины слова или дела, и дошло до меня, что многие люди погибли из-за женщин, и один из них— человек, который погиб из-за пребывания со своей женой, так как он послушался ее в том, что она ему велела.

«А как это было?» — спросил царь. И Шимас сказал:

«Говорят, что у одного человека была жена, которую он любил, и пользовалась она у него уважением, и он слушался ее слов и поступал согласно ее суждению. А у него был сад, который он недавно посадил своей рукой, и он ходил туда каждый день, чтобы ухаживать за садом и поливать его. И в один из дней жена его спросила: «Что ты посадил в твоём саду?» И он

ответил: «Все, что ты любишь и хочешь. Я стараюсь хорошо ухаживать за ним и поливать его». — «Не хочешь ли взять меня и погулять со мной там, чтобы я на него посмотрела, а я помолюсь за тебя праведной молитвой, ибо моя молитва бывает услышана», — сказала женщина. И ее муж молвил: «Хорошо, завтра я возьму тебя».

И на утро этот человек взял жену с собой и отправился с ней в сад, и они вошли туда. И их увидали двое юношей, и один из них сказал другому: «Этот человек — прелюбодей, а эта женщина — прелюбодейка. Они вошли в этот сад только для того, чтобы прелюбодействовать».

И юноши пошли вслед за ними, чтобы посмотреть, каково будет их дело, и оба они остановились на краю сада, а человек с женой вошел в сад, и они расположились в нем. И человек сказал своей жене: «Помолись за меня молитвой, которую мне обещала». И его жена ответила: «Я не помолюсь за тебя, пока ты не исполнишь мне нужды, которой желают женщины от мужчин». — «Горе тебе, о женщина! — воскликнул ее муж. — Разве того, что я делал дома, недостаточно? А здесь я боюсь позора, и, может быть, это отвлечет меня от моих дел. Разве ты не боишься, что кто-нибудь нас увидит?» — «Нам нечего об этом задумываться», — сказала женщина, — так как мы не совершаем ничего мерзкого или запретного. А что касается поливки сада, то с этим можно повременить, и ты властен его поливать в какое угодно время».

И она не принимала от него извинений или доводов и приставала к нему, требуя совокупления. И ее муж встал и лег с нею, и когда упомянутые юноши увидели это, они подскочили к ним и схватили их и сказали: «Мы вас не выпустим, потому что вы прелюбодеи, и если мы не упадем на эту женщину, мы донесем о вашем деле». И ее муж воскликнул: «Горе вам, — это моя жена, и я — хозяин сада!» Но юноши не стали слушать его слов и подошли к женщине, и та стала кричать и звать своего мужа на помощь, говоря ему: «Не давай этим мужчинам меня опозорить!» И ее муж подошел к ним, зовя на помощь, и один из юношей повернулся к нему и, ударив его кинжалом, убил. И они подошли к женщине и опозорили ее.

И мы сказали это тебе, о царь, лишь для того, чтобы ты знал, что не следует человеку слушаться женщи-

ны и повиноваться ей в делах и принимать ее мнение при совете. Берегись облачатся в одежду неразумения после одежды мудрости и знания и следовать дурному мнению, после того как узнал ты мнение верное и полезное. Не гонись за малым наслаждением, исход которого — порча и которое приводит к убытку, большому, жестокому».

И когда царь услышал это от Шимаса, он сказал ему: «Завтра я выйду к ним, если захочет Аллах великий».

И Шимас вышел к тем, кто был тут из знатных людей царства, и осведомил их о том, что сказал царь. И дошло до той женщины сказанное Шимасом, и она вошла к царю и сказала ему: «Подданные — рабы царя, а теперь я вижу, что ты, о царь, раб твоих подданных так как ты их боишься и опасаясь их зла, а они хотят испытать твою внутреннюю сущность, и если увидят, что ты слаб, станут презирать тебя, а если увидят, что ты смел, будут тебя бояться. Так поступают дурные везири со своим царем, ибо хитрости их многочисленны, и я изъяснила тебе истину в их кознях. Если ты согласишься с тем, чего они хотят, они отвратят тебя от твоего дела к тому, что им нужно, и непрестанно будут переводить тебя от одного дела к другому, пока не ввергнут тебя в погибель и будешь ты подобен купцу с ворами».

«А как это было?» — спросил царь. И она сказала:

«Дошло до меня, что был один купец, у которого было много денег, и он отправился со своим товаром, чтобы продать его в какой-то город. И, достигнув этого города, нанял себе там дом и поселился в нем. И увидели его воры, которые выслеживали купцов, чтобы красть их имущество, и отправились к дому этого купца, и стали ухитряться, чтобы войти туда, но не нашли пути к нему. И тогда их начальник сказал им: «Я сделаю для вас это дело».

И он ушел, и оделся в одежду врачей, и повесил на плечо мешок с какими-то лекарствами, и начал кричать: «Кому нужен врач?» И дошел до дома этого купца. И он увидел, что купец сидит за обедом, и спросил его: «Нужен тебе врач?» И купец ответил: «Я не нуждаюсь во враче, но садись, поешь со мной». И вор сел напротив купца и стал есть с ним, а этот ку-

пец здорово ел. И вор сказал про себя: «Вот я и нашел подходящий способ!» И он обратился к купцу и сказал: «Я обязан дать тебе совет из-за того блага, которое мне от тебя досталось, я не могу утаить от тебя этого совета. Я вижу, что ты человек, который много ест, и это причина болезни твоего желудка. Если ты не поспешишь и не постараться себя вылечить, болезнь приведет тебя к гибели». — «Мое тело здорово, и желудок у меня варит быстро, — сказал купец, — и если я хорошо ем, то нет от этого в моем теле болезни, хвала и благодарение Аллаху». — «Это только так тебе кажется, — сказал ему вор, — а я узнал, что внутри тебя скрытая болезнь. Если ты хочешь меня послушаться — лечись». — «А где я найду того, кто знает, как меня вылечить?» — спросил купец. И вор сказал ему: «Целитель — один лишь Аллах, а врач, подобный мне, лечит больного по мере способности». — «Покажи же мне лекарство и дай мне его сколько-нибудь», — сказал купец. И вор дал ему порошки, где было много мирры, и сказал: «Прими это сегодня вечером».

И купец взял от него порошки, а когда наступила ночь, он принял часть их и увидел, что это мирра, противная на вкус, но ничего не заподозрил. И когда он принял ее, то почувствовал в ту ночь в себе легкость. А когда наступил следующий вечер, пришел вор с лекарствами, где было мирры больше, чем в первом, и дал купцу часть их. И когда купец принял, его прослабило ночью, но он вытерпел это и ничего не заподозрил. И когда вор увидел, что купец обращает внимание на его слова и доверяет ему, он убедился, что купец не будет ему прекословить, и пошел, и принес убивающее лекарство, и отдал его купцу, и тот взял его у вора и выпил. И когда он выпил это лекарство, то, что было у него в утробе, опустилось вниз, и кишки его порвались, и он наутро оказался мертвым. И воры пришли и взяли все, что принадлежало купцу.

И я, о царь, рассказала тебе все это лишь для того, чтобы ты не принимал слов этого обманщика — иначе тебя постигнут дела, от которых погибнет твоя душа».

«Ты права, — ответил царь, — и я не выйду к ним». И когда наступило утро, люди собрались и подошли к дверям царя и просидели большую часть дня, пока не отчаялись в том, что он выйдет, а затем они верну-

лись к Шимасу и сказали: «О философ мудрый и ученый опытный, разве не видишь ты, что этот глупый ребенок все больше лжет нам и что отнятие власти из его рук и замена его другим — правильна, ибо наши обстоятельства придут после этого в порядок и исправятся наши дела? Но войди к нему в третий раз и осведоми его о том, что нас удерживают от восстания против него и отнятия у него власти только благодеяния его отца и клятвенные обещания, которые он взял с нас. Завтра мы соберемся все до последнего, возьмем оружие и разрушим ворота этой крепости. И если он выйдет к нам и сделает то, что нам любо, будет неплохо, а иначе мы войдем к нему и убьем его и отдадим власть в руки другого».

И везирь Шимас пошел, и вошел к царю, и сказал ему: «О царь, погружившийся в страсти и забавы, что ты делаешь со своей душой? Узнать бы, кто подстрекает тебя к этому! Если ты сам навлекаешь на себя беду, то исчезла добродетель, мудрость и чистота, которую мы в тебе знали. О, если бы знать, кто изменил тебя и привел от разума к глупости, от верности к грубости, от мягкости к черствости и от внимания ко мне к пренебрежению мной! Как же это — я три раза наставляю тебя, и ты не принимаешь моего наставления. Я указываю тебе правильные действия, а ты не слушаешься моего указания. Скажи мне, что значит эта небрежность и невнимание и кто подстрекает тебя к этому? Знай, что жители твоего царства собираются войти к тебе и убить тебя и отдать твою власть другому. Есть ли у тебя сила против них всех и можешь ли ты спастись из их рук или оживить свою душу после убиения? Если все это тебе даровано, то ты в безопасности, и нет нужды тебе в моих словах; если же тебе нужна жизнь и власть, то приди в себя, укрепи свое царство и покажи людям силу своей мощи. Выскажи им свои извинения — они хотят вырвать то, что в твоих руках, и передать это другому и решились на неповиновение и ослушание. Доказательство этого то, что они знают, как ты молод годами и предался страстям и забавам, — ведь если камни, которые долго пролежали в воде, вынуть и ударить друг о друга, от них вспыхивает огонь. Твоих подданных — множество, и они сговорились против тебя и хотят передать твою власть другому, и они достигнут

того, чего хотят,—твоей гибели,—будешь ты подобен волку с лисицами».

«А как это было?» — спросил царь. И Шимас сказал:

«Говорят, что несколько лисиц вышли однажды поискать какой-нибудь еды, и когда они бродили, ища ее, они вдруг нашли мертвого верблюда. И они сказали себе: «Мы нашли то, чем можем прожить долгое время, но мы боимся, что одни из нас станут угнетать других, и сильный обратит свою силу против слабого, и слабые погибнут. Нам следует найти судью, который будет творить суд между нами и назначать нам долю, тогда не будет у сильного власти против слабого».

И когда они совещались об этом, вдруг подошел к ним волк, и лисицы сказали друг другу: «Если это соответствует вашему мнению,—назначьте волка судьей между нами, ибо он сильнее всех, и его отец был раньше над нами султаном. Мы просим Аллаха, чтобы волк был с нами справедлив».

И затем они отправились к волку, и рассказали ему о своем намерении, и сказали: «Мы поставили тебя судьей над нами, чтобы ты давал каждому из нас ежедневно его пропитание, по мере потребности, и чтобы сильный из нас не угнетал слабого и мы друг друга не погубили». И волк дал свое согласие, и взялся исполнять их дела, и наделил их в этот день вдоволь. А когда настал следующий день, волк сказал себе: «Если я разделю этого верблюда между этими слабосильными, мне не останется ничего, кроме той части, которую они мне назначили, а если я съем его один, они не смогут причинить мне вреда: они ведь сами — добыча для меня и для моих домочадцев. Кто помешает мне взять все себе? Может быть, Аллах предоставит мне этого верблюда без благодеяния с их стороны. Лучше всего, чтобы его присвоил себе я, а не эти лисицы; с этого времени я не буду давать им ничего».

А утром лисицы, по обычаю, пришли к волку просить пищи и сказали: «О Абу Сирхан, дай нам наше пропитание на сегодняшний день». И волк ответил им: «Не осталось у меня ничего, чтобы дать вам». И лисицы ушли от него в наихудшем состоянии. И потом они сказали: «Поистине, Аллах вверг нас в великую заботу из-за этого скверного обманщика, который не опасается Аллаха и не боится его, а у нас нет ни силы, ни мощи».

А затем одни из них сказали другим: «Его побудила на это крайность голода: дайте ему сегодня есть, пусть он насытится, а завтра мы пойдем к нему». И наутро лисицы отправились к нему и сказали: «О Абу Сирхан, мы поставили тебя над нами, чтобы ты давал каждому из нас пищу и защищал слабого от сильного, и когда пища кончится, старался бы найти нам другую, и мы постоянно были бы под твоей защитой и покровительством. Нас поразила голод, и мы два дня не ели, дай же нам наше пропитание, и ты будешь свободен от ответственности за все то, чем ты распорядился сверх этого».

И волк не дал им никакого ответа, а, напротив, стал еще более жестоким, и лисицы сказали ему то же самое еще раз, но он не отступился. И тогда лисицы сказали друг другу: «Нет у нас иной хитрости, кроме как отправиться ко льву. Мы падем перед ним и предоставим верблюда ему, и если он пожалует нам что-нибудь, это будет от него милостью, а если нет, то он имеет на него больше прав, чем этот скверный».

И они отправились ко льву и рассказали ему, что случилось у них с волком, и затем сказали: «Мы — твои рабы, и мы пришли к тебе, прося защиты, чтобы ты освободил нас от этого волка, и мы станем тебе рабами». И когда лев услышал слова лисиц, его охватила ярость, и он взревновал за Аллаха великого и пошел с ними к волку. И волк, увидя, что приближается лев, попытался убежать от него, но лев помчался за ним и, схватив его, разорвал на куски и отдал лисицам их добычу.

Из этого мы узнали, что не следует никому из царей пренебрегать делами своих подданных. Прими же мой совет и сочти правдой слова, которые я тебе сказал. Знай, что твой отец перед своей кончиной заповедал тебе принимать добрый совет, и вот последнее мое слово тебе, и конец».

«Я послушаюсь тебя, — сказал царь, — и завтра же, если захочет Аллах, я к ним выйду». И Шимас вышел от царя и рассказал людям, что тот принял его совет и обещал завтра к ним выйти. И когда жена царя услышала эти слова, переданные от Шимаса, и убедилась, что царь обязательно выйдет к подданным, она быстро подошла к царю и сказала: «Как удивляюсь я твоей покорности и повиновению врагам! Разве ты не

знаешь, что эти везири — твои рабы? Зачем же ты поднял их на столь великую высоту и позволил им думать, что это они дали тебе власть и возвысили и что это они дали тебе подарки, хотя они не могут причинить тебе ни малейшего ущерба? Ты вправе не смиряться перед ними — это они обязаны смиряться перед тобой и исполнять твои приказания; как же это ты испытываешь перед ними столь великий страх? Ведь говорится: «Если у тебя сердце не как железо, ты не годишься быть царем». А этих людей обманула твоя кротость, и они осмелели против тебя и отбросили повиновение тебе, хотя они должны быть принуждены к повиновению и вынуждены подчиниться тебе. Если ты поспешишь принять их слова и оставить их в их положении и исполнишь малейшую их нужду против твоего желания, они станут тебе докучать и позарятся на тебя, и сделается это обычаем. Если же ты хочешь меня послушаться, — не возвышай никого из них в сане и не принимай ничьих слов. Не возбуждай в них охоты быть с тобой дерзким, ибо ты станешь подобен пастуху и вору».

«А как это было?» — спросил царь. И она сказала:

«Говорят, что был один человек, который пас в степи скот и стерег его во время пастьбы. И однажды ночью пришел к нему вор, желая украсть его скотину, и увидел, что пастух стережет ее — не спит по ночам и не отвлекается днем, и этот вор всю ночь старался, но не мог ничего взять. И когда хитрости ему изменили, он пошел в пустыню и, поймав льва, содрал с него шкуру и набил ее соломой, а затем он принес этого льва и поставил его в степи на высоком месте, чтобы пастух мог его увидеть и как следует рассмотреть. И затем вор пришел к пастуху и сказал ему: «Лев послал меня к тебе и требует свой ужин из этих овец». И пастух спросил его: «А где лев?» И вор сказал: «Подними глаза — вон он стоит».

И пастух поднял голову и увидел изображение льва, и, увидев его, он подумал, что это настоящий лев, и испугался великим испугом. И его охватил страх, и он сказал вору: «О брат мой, возьми что хочешь, — нет у меня послушания».

И вор взял овец, сколько ему было нужно, и еще больше захотел обмануть пастуха из-за его сильного

страха. И через маленькие промежутки он стал приходить к нему и пугать его, говоря: «Льву нужно то-то и то-то, и он намеревается сделать то-то». И затем брал овец вдоволь, и вор до тех пор вел себя с пастухом таким образом, пока не сгубил большую часть овец.

И я сказала тебе эти слова, о царь, лишь для того, чтобы этих вельмож твоего царства не обманывала твоя кротость и мягкое обхождение и они бы не зарились на тебя. Здравое суждение говорит, что смерть к ним ближе, чем то, что они хотят с тобой сделать.

И царь принял ее слова и сказал ей: «Я принимаю от тебя этот совет и не стану повиноваться их указаниям и не выйду к ним».

И когда наступило утро, собрались везири и вельможи царства и знатные люди (а каждый из них принес с собой оружие) и отправились к дому царя, чтобы напасть на него и убить его, и облачить властью другого, и, придя к дому царя, они попросили привратника открыть им двери, но тот не открыл им. И они послали принести огня, чтобы сжечь им двери и потом войти. И привратник услышал их слова, и быстро пошел, и осведомил царя, что люди собрались у дверей, и сказал: «Они просили меня открыть им, но я отказался, и тогда они послали принести огня, чтобы поджечь двери и войти к тебе и убить тебя. Что же ты мне прикажешь?» И царь сказал про себя: «Я ввергнут в величайшую гибель». И послал за той женщиной, и когда она явилась, сказал ей: «Шимас не рассказывал мне ничего такого, что бы не оказалось истиной. Вот пришли избранные и простые люди и хотят убить меня и убить вас, и когда привратник им не открыл, они послали принести огня, чтобы поджечь дом, когда мы в нем. Что ты нам посоветуешь?» — «С тобой не будет вреда,— сказала женщина,— и пусть не ужасает тебя это дело. Теперь время, когда глупцы восстают против своих царей». — «Но что же ты посоветуешь мне сделать и какова хитрость в этом деле?» — спросил царь. И женщина сказала: «По моему мнению, тебе следует повязать голову повязкой и представиться больным, а потом пошли за везирем Шимасом, и он явится к тебе и увидит, в каком ты состоянии. И когда он явится, скажи ему: «Я хотел выйти к людям в сегодняшней день, но мне помешала болезнь. Выйди к

людям и Расскажи им, что со мной, и скажи им также, что завтра я к ним выйду и буду исполнять их нужды и рассматривать их обстоятельства, чтобы они успокоились и не гневались». А завтра утром призови десять человек из рабов твоего отца, людей силы и мощи, с которыми ты бы за себя не боялся, и пусть они будут послушны твоему слову и покорны твоему повелению, и скрывают твои тайны, и сохраняют к тебе дружбу. Поставь их подле себя и вели им не давать никому к тебе войти, иначе как одному за одним. И когда кто-нибудь войдет, скажи: «Возьмите его и убейте!» И когда они сговорятся с тобой об этом, вели завтра поставить твой престол в диване и открой двери. Когда люди увидят, что ты открыл двери, их душа успокоится, и они придут к тебе со здоровым сердцем и попросят позволения войти. И позволь им входить одному за одним, как я тебе сказала, и сделай с ними что захочешь. Но тебе следует начать с убиения первым из них — Шимаса, начальника, ибо он везирь величайший и обладатель власти. Убей его сначала, а затем убивай остальных, одного за одним, и не оставляй тех, о ком знаешь, что они нарушат обещание тебе, а также тех, чьей ярости ты боишься. Если ты это сделаешь, у них не останется против тебя силы, и ты избавишься от них полным избавлением, и твоя власть будет безраздельна, и будешь ты делать что хочешь. И знай, что нет для тебя хитрости полезнее, чем эта хитрость».

«Это твое суждение верно,— сказал царь,— и твое приказание правильно. Я непременно сделаю так, как ты сказала». И он приказал принести повязку и, повязав ею голову, притворился больным, и послал за Шимасом. И когда тот предстал перед ним, сказал ему: «О Шимас, ты знаешь, что я тебя люблю и подчиняюсь твоему суждению, и ты мне словно брат и отец, прежде всех других. Ты знаешь, что я принимаю все, что ты мне приказываешь, и ты приказывал мне выйти к подданным и принимать и судить их, и я убедился, что это твой искренний совет нам, и хотел выйти к ним вчера, но случилась со мной эта болезнь, и я не могу сидеть. До меня дошло, что жители царства недовольны тем, что я не выхожу к ним, и решили совершить со мной дело злое и неподобающее. Они не знают, как я болен. Выйди же к ним, осведоми их о моем состоянии и о том, что со мной, и извинись перед ними. Я

последую тому, что они говорят, и сделаю так, как им любо. Исправь это дело и поручись им за меня в этом, а ты ведь советник мой и моего отца, прежде меня, и у тебя в обычае исправлять дела между людьми. Если захочет Аллах великий, я завтра выйду к ним, и, может быть, моя болезнь пройдет этой ночью по благодати моего доброго намерения и потому, что я задумал людям добро в глубине души».

И Шимас пал ниц перед Аллахом, и призвал на царя благо, и поцеловал ему руку, и обрадовался, и вышел к людям, и рассказал им о том, что услышал от царя.

Он удержал их от того, что они хотели сделать, и осведомил их об извинениях царя и причине его отказа выйти и рассказал им, что царь обещал выйти к ним завтра и что он сделает так, как им любо, и тогда люди ушли в свои жилища, и вот то, что было с ними.

Что же касается царя, то он послал за десятью рабами-великанами, которых выбрал из великанов своего отца (а это были люди с твердой решимостью и сильной яростью), и сказал им: «Вы знаете, какое было вам от моего отца уважение, как он возвышал ваш сан и вам благодетельствовал, оказывая вам милость и почет. Я поставлю вас, после него, на ступень более высокую, чем прежняя, и осведомлю вас о причине этого, и вы от меня под охраной Аллаха, но я задам вам один вопрос: будете ли вы послушны моему приказу и станете ли скрывать мою тайну от всех людей? Вам будет от меня милость бóльшая, чем вы хотите, если вы исполните мое приказание».

И все десять ответили ему словами, одновременно исходящими из уст, и сказали: «Все, что ты нам прикажешь, о господин наш, мы сделаем и не выйдем из того, что ты нам укажешь,—ты господин наших дел».— «Да облагодетельствует вас Аллах! — ответил царь.— А теперь я вас осведомлю, почему я вас выбрал, чтобы оказать вам еще больший почет. Вы знаете, какое уважение мой отец оказывал жителям своего царства и какие он взял с них обеты для меня; и они подтвердили, что не станут нарушать обет мне и перечить моему приказанию, а вы видели, что было вчера, когда они все собрались вокруг меня и хотели меня убить. Я хочу сделать с ними одно дело. Я увидел, что было из-за них вчера, и решил, что не удержит их

от подобного этому ничто, кроме наказания. Мне неизбежно придется поручить вам тайком убить тех, кого я вам укажу, чтобы отвратить зло и беду от моей страны убиением вельмож и начальников из числа ее жителей. А способ к этому вот какой: я сяду завтра на этот престол, в этой комнате, и пусть они входят ко мне, один за одним, и велю им входить в одну дверь и выходить в другую дверь. А вы, все десять, стойте передо мной и внимайте моему знаку, и всякий раз, как кто-нибудь войдет, хватайте его, входите с ним в эту комнату, убивайте его и прячьте его тело». — «Внимание твоим словам и повиновение твоему приказу!» — сказали рабы. И тогда царь оказал им милость, и отпустил их, и проспал ночь, а наутро он позвал их и приказал поставить престол, и затем он надел царственные одежды и, взяв в руку книгу суда, приказал открыть двери. И двери открыли, и царь поставил тех десятирех рабов перед собой, и глашатай возгласил: «Всякий, у кого есть тяжба, пусть является на ковер царя!»

И пришли везири, военачальники и царедворцы, и всякий встал сообразно своей степени. И затем царь велел людям входить одному за одним, и везирь Шимас вошел первый, как подобает великому везирю, и он пошел и остановился перед царем, и не успел он опомниться, как десять рабов окружили его и схватили и, уведя в ту комнату, убили. И затем рабы принялись за остальных везирей, а потом за ученых, а потом за праведников и стали убивать одного за одним, пока не покончили со всеми. А потом царь призвал палачей и велел им положить меч на тех, кто остался из людей доблестных и ярых, и палачи не оставили в живых никого, в ком видели мужество, и оставили только низких людей и людское отребье, и затем их прогнали, и все они пошли к своим домочадцам. И после этого царь остался наедине с наслаждениями, и отдал свою душу страстям, и стал угнетать, притеснять и обижать так, что опередил злых людей, бывших прежде него.

А в земле этого царя были рудники с золотом, серебром, яхонтами и драгоценными камнями. И все цари соседних земель завидовали, что у него такое царство, и ожидали для него беды. И один из царей сказал себе: «Я получу то, что желаю, и возьму

царство из рук этого глупого юноши, вследствие того, что он убил вельмож своего царства, самых доблестных и храбрых людей, бывших в его земле. Сейчас самое время воспользоваться случаем и вырвать то, что у него в руках, ибо он мал и нет у него знания войны. Он не имеет верного мнения, и не осталось у него никого, кто бы направил и поддержал его. Сегодня я открою к нему двери зла, а именно: напишу ему письмо, проявлю презрение и выберу его за то, что случилось, и посмотрю, каков будет его ответ».

И этот царь написал ему письмо такого содержания: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! А затем: дошло до меня то, что ты сделал с твоими везирями, учеными и властителями и в какую беду ты себя ввергнул, так что не осталось у тебя мощи и силы, чтобы защититься от тех, кто на тебя нападает, ибо ты перешел меру и внес в царство порчу. Аллах дал мне над тобой победу и позволил мне тебя одолеть. Выслушай же мои слова и послушайся моего приказания. Построй для меня неприступный дворец посреди моря, а если не можешь сделать этого, уходи из твоей страны и спасай твою душу. Я посылаю к тебе из дальней Индии двенадцать отрядов, в каждом отряде двенадцать тысяч бойцов, и они войдут в твою страну, разграбят твои богатства, убьют твоих мужчин и уведут в плен твой гарем. И начальником над ними я сделаю Бади, моего везиря, и прикажу ему, чтобы он неотступно осаждал твою землю, пока не возьмет ее. Я приказал слуге, к тебе посылаемому, не оставаться у тебя больше трех дней, и если ты исполнишь мой приказ, то спасешься, а если нет — я пошлю к тебе тех, о ком сказал».

И затем он запечатал письмо и отдал его гонцу, и тот шел, пока не достиг города того царя, и, войдя к царю, отдал ему письмо, и когда царь прочитал письмо, его сила ослабла, грудь у него стеснилась, и дело стало для него смутным, и убедился он в своей гибели и не находил никого, чтобы спросить совета или позвать на помощь, и никого, кто бы поддержал его. И он поднялся и вошел к своей жене, изменившись в лице. И жена его спросила: «Что с тобой, о царь?» И царь сказал: «Я не царь сегодня, а раб царя».

И затем он развернул письмо и прочитал его своей жене. И, узнав его содержание, она принялась плакать

и рыдать и разорвала на себе одежды. «Есть ли у тебя какой-нибудь план, или хитрость в этом трудном деле?» — спросил ее царь. И она сказала: «Какая же может быть у женщин хитрость в войнах? Нет у женщин силы, и нет у них мнения. Сила, мнение и хитрость только у мужчин в делах, подобных этому». И когда услышал от нее царь эти слова, его охватило величайшее раскаяние, печаль и огорчение о том, что он допустил крайность, убив своих везирей и знатных подданных, и ему захотелось умереть раньше, чем исполнится это ужасное известие. И затем он сказал своим женам: «Мне выпало от вас то же, что выпало рябчику от черепах». И жены его спросили: «А как это было?» И царь сказал:

«Говорят, что на одном острове были черепахи и были на этом острове деревья, плоды и реки. И случилось, что однажды рябчик пролетал мимо этого острова, и поразила его жара и усталость. И когда это его измучило, он опустился на том острове, где были черепахи, и, увидев черепах, решил искать у них приюта и остановился подле них. А эти черепахи паслись на краю острова и затем возвращались обратно. И, вернувшись после поисков добычи на свое место, они увидели там рябчика. И он им понравился, и Аллах украсил его в их глазах; и черепахи прославили творца, и полюбили рябчика сильной любовью, и обрадовались ему. И затем они сказали друг другу: «Нет сомнения, что это одна из прекраснейших птиц». И все они стали ласкать рябчика и искали его близости. И когда рябчик увидел их крайнюю любовь, он почувствовал к ним склонность и подружился с ними, и он летал куда хотел и к вечеру возвращался к ним на ночлег, а когда наступало утро, снова улетал куда хотел.

И это стало у него обычаем, и он провел так некоторое время, и черепахи почувствовали, что его отлучки повергают их в тоску, и поняли, что они видят его только ночью, а наутро он поспешно улетаёт, не дав им опомниться, несмотря на их сильную любовь к нему. И черепахи сказали друг другу: «Мы полюбили этого рябчика, и он стал нашим другом, и у нас нет сил с ним разлучаться. Какую же нам придумать хитрость, чтобы он оставался с нами постоянно — ведь

когда он улетает, то исчезает от нас на весь день, и мы видим его только ночью?»

И одна черепаха дала другим совет и сказала: «Будьте покойны, о сестрицы, я сделаю так, что он не будет нас покидать ни на мгновение ока». И другие черепахи сказали ей: «Если ты это сделаешь, мы все станем тебе рабами». И когда рябчик вернулся с прогулки и сел среди черепах, та хитрая черепаха подошла к нему, пожелала ему блага и, поздравив его с благополучием, сказала: «О господин, знай, что Аллах наделил тебя нашей любовью, а также вложил тебе в сердце любовь к нам, и ты стал нам в этом пустынном месте другом. А самое лучшее время для любящих, когда они вместе, и величайшее бедствие — в разлуке и отдалении. Ты же оставляешь нас на восходе зари и возвращаешься к нам только на закате, и охватывает нас великая тоска. Это очень тяготит нас, и мы в великом волнении по этой причине».

«Да,—молвил рябчик,—у меня к вам большая любовь и великое влечение, еще больше, чем у вас ко мне, и расставаться с вами мне не легко, но нет в моих руках против этого хитрости, ибо я — птица с крыльями, и невозможно мне оставаться с вами вечно, так как это не по моему естеству — птица с крыльями остается на месте лишь ночью, чтобы спать, а когда наступает утро, она улетает и парит в тех местах, где ей нравится». — «Ты прав,—отвечала ему черепаха,—но обладателю крыльев в большинстве случаев нет покоя, ибо ему не достается из благ и четверти того, что ему выпадает из затруднений, а предел желаний любой твари — это благоденствие и отдых. Аллах создал между тобой и нами любовь и дружбу, и мы боимся, что тебя поймает кто-нибудь из твоих врагов, и ты погибнешь, и мы будем лишены вида твоего лица».

И рябчик в ответ ей сказал: «Ты права, но какой у тебя план и какова хитрость в моем деле?» И черепаха молвила: «Мой план таков, чтобы ты выщипал свои крылья, которые ускоряют твой полет, и сидел бы подле нас, отдыхая, и ел бы нашу пищу и пил наш напиток, в этой обширной местности, где много деревьев и спелых плодов. И мы будем пребывать с тобой в этом плодородном месте, и каждый из нас будет наслаждаться друг другом».

И рябчик склонился к словам черепахи и пожелал для себя отдыха. Он выщипал себе перья, одно за одним, как сказала черепаха и слова которой он одобрил, и пребывал подле них, живя с ними, и удовлетворился малой усладой и проходящей радостью. И когда так было, вдруг проходила мимо них ласка, и она заметила глазом рябчика и, всмотревшись в него, увидела, что у него обрезаны крылья и он не может подняться. И, увидев его в таком состоянии, ласка обрадовалась сильной радостью и сказала про себя: «У этого рябчика жирное мясо и мало перьев». А затем ласка подошла к рябчику и схватила его. И рябчик закричал и стал просить помощи от черепах, но черепахи не помогли ему, а, напротив, удалились и втянулись под щиток, увидев, что ласка крепко держит рябчика. И когда они увидели, что ласка его мучает, их задушил плач. И рябчик спросил их: «Есть ли у вас что-нибудь, кроме плача?» И черепахи сказали: «Брат наш, нет у нас ни сил, ни возможности, ни хитрости в деле с лаской». И тут рябчик опечалился, и пресек надежду на свою жизнь и сказал им: «Нет на вас греха, грех лишь на мне, раз я вас послушался и выщипал свои крылья, на которых я летаю, я заслуживаю гибели за свое повиновение вам и ни в чем вас не упрекаю».

И я теперь тоже не упрекаю вас, о женщины, а, напротив, упрекаю свою душу и хочу проучить ее за то, что она не вспомнила, что вы — причина греха, который случился с отцом нашим Адамом, и из-за которого он вышел из рая, и забыл, что вы — корень всякого зла. И я послушался вас, по своему неразумению, ошибочности своего суждения и дурной предусмотрительности, и убил своих везирей и судей своего царства, которые были мне искренними советчиками во всех делах, и в них была моя слава и сила во всяком деле, меня заботившем. Теперь я не найду взамен им никого и не вижу, кто станет на их место, и ввергнут я в гибель великую и если Аллах не пошлет мне кого-нибудь, кто обладает здравым суждением и кто укажет мне, в чем мое спасение, я буду ввергнут в гибель великую».

И затем он поднялся и вошел в опочивальню, после того как оплакал везирей и мудрецов, и сказал: «О, если бы эти львы были со мной теперь хотя бы на

один час, чтобы я мог попросить у них прощения, и взглянуть на них и посоветоваться с ними в моем деле и в том, что случилось со мной после них!» И он был погружен в море забот весь день, и не ел, и не пил, а когда опустилась ночь, он поднялся, переменял платье и, надев одежды скверные, перерядился и пошел бродить по городу, надеясь, что, может быть, он услышит от кого-нибудь слово, которое его успокоит. И когда он ходил по улицам, он вдруг увидел двух мальчиков, которые в уединении сидели возле стены. И они были одинаковы по возрасту — жизни каждого прошло двенадцать лет. И царь услышал, что они говорят между собой, и подошел к ним, чтобы услышать их слова и понять их, и услышал, что один из них говорит другому: «Послушай, о брат мой, что рассказывал мой отец вчера вечером о том, что произошло с его посевом, который высох незрелым из-за отсутствия дождя и по причине великой беды, случившейся в этом городе». И другой бросил: «А ты знаешь, в чем причина этой беды?» — «Нет, — отвечал первый, — и если ты ее знаешь — скажи мне». И второй мальчик в ответ сказал: «Да, я знаю это и расскажу тебе. Знай, что один из друзей моего отца говорил, что наш царь убил своих везирей и вельмож своего царства не за грех, ими совершенный, но из-за любви своей к женщинам и склонности к ним, и что везири удерживали его от этого, но он не воздержался и велел их убить из покорности своим женам, и он убил также Шимаса, моего отца, своего везиря и везиря его отца раньше него, а это был его советник. Но скоро ты увидишь, что сделает с ним Аллах за тот грех, который он совершил с ними, и он отомстит ему за них». — «А что же такое Аллах с ним сделает после их гибели?» — спросил другой мальчик, и сын везиря сказал: «Знай, что царь дальней Индии проявил пренебрежение к нашему царю и послал ему письмо, в котором бранит его и требует, чтобы он построил для него дворец посреди моря, а если наш царь этого не сделает, он пошлет к нему двенадцать отрядов (а в каждом отряде будет двенадцать тысяч бойцов) и сделает предводителем этих войск Бади, своего везиря, и захватит царство, убьет людей и уведет в плен его самого с его гаремом. И когда пришел посол царя дальней Индии с этим письмом, наш царь отсрочил

ответ на три дня, и знай, о брат мой, что тот царь — непокорный притеснитель и обладает силой и великой мощью, и в царстве его много людей, и если наш царь не придумает, как защититься от него, его постигнет гибель. А после гибели нашего царя царь Индии отнимет у нас пропитание, убьет наших мужчин и уведет в плен наших женщин».

И когда царь услышал слова мальчика, его волнение усилилось, и он подошел к детям, говоря в душе: «Поистине, этот мальчик — мудрец, так как он рассказал о вещи, о которой не узнал от меня, ибо письмо, пришедшее от царя дальней Индии, у меня, и тайна — во мне, и никто, кроме меня, не осведомлен об этом деле. Как же узнал о нем этот мальчик? Но я прибегну к его защите и поговорю с ним и буду просить Аллаха, чтобы наше спасение было от него».

И затем царь ласково подошел к мальчику и сказал ему: «О любимое дитя, что это ты говорил про нашего царя, будто он совершил великое злодеяние, убив своих везирей и вельмож своего царства? Действительно, он сделал зло себе и своим подданным, и ты был прав в том, что сказал. Но осведоми меня, о мальчик, откуда ты узнал, что царь дальней Индии написал нашему царю письмо и выбранил его в нем и сказал те тяжелые слова, о которых ты упомянул». — «Я узнал, — сказал мальчик, — из слов древних, что не скрыто от Аллаха ничто скрытое, а в людях, потомках Адама, есть духовная способность, которая открывает им скрытые тайны». — «Твоя правда, о дитя мое, — сказал царь, — но есть ли для нашего царя хитрость или план, которыми бы он оттолкнул от себя и своего царства все великие бедствия?» — «Да, — сказал в ответ мальчик. — Если царь пошлет за мной и спросит меня, что ему делать, чтобы отразить от себя врага и спастись от его козней, я расскажу ему о том, в чем будет его спасение, по могуществу Аллаха великого». — «А кто осведомит царя, чтобы он послал за тобой и позвал тебя?» — спросил царь. И мальчик в ответ сказал: «Я слышал про него, что он ищет людей опытных, со здравым суждением. Если он пошлет за мной, я пойду к нему и скажу ему нечто, в чем будет для него польза и защита от бедствий. Но если он будет медлить в этом трудном деле и отвлечется увеселениями со своими женами, и я сам осведомлю его, в чем

его спасение, и пойду к нему по своей охоте, он прикажет убить меня, как тех везирей. И то, что я буду знать, окажется причиной моей гибели, и люди станут меня презирать и сочтут малым мой разум, и окажусь я в числе тех, о ком сказал сказавший: «У кого учености больше, чем разума, тот ученый погибнет по своему неразумению».

И царь, услышав слова мальчика, убедился в его мудрости, и стали ему ясны его достоинства, и он уверился, что спасение его и его подданных придет через руки этого мальчика. И он снова заговорил с мальчиком и сказал ему: «Откуда ты и где твой дом?» И мальчик ответил: «Эта стена ведет к нашему дому». И царь хорошенько запомнил это место, а затем он простился с мальчиком и вернулся в свой дворец, радостный. И, расположившись у себя в доме, он надел свои одежды и приказал подать кушанья и напитки и не допустил к себе женщин, и потом он поел, и попил, благодаря великого Аллаха, и попросил у него спасения, помощи, прощения и отпущения вины за то, что он сделал с учеными своего царства и вельможами и раскаялся перед Аллахом искренним раскаянием, и наложил на себя обязательство поста и многих молитв с обетными приношениями. И затем он позвал одного из своих приближенных слуг и, описав ему место, где был мальчик, велел ему отправиться туда и ласково привести его. И этот раб пошел к мальчику и сказал ему: «Царь зовет тебя ради блага, которое придет к тебе от него, и он задаст тебе вопрос, а потом ты вернешься, во благе, в твоё жилище». И мальчик в ответ спросил: «А какова нужда царя, из-за которой он меня зовет?» И слуга ответил: «Нужда моего владыки, из-за которой он зовет тебя,—это вопрос и ответ». — «Тысячу раз внимание и тысячу раз повиновение приказу царя», — сказал мальчик. И потом он пошел со слугой и пришел к царю, и, представ перед ним, он пал ниц перед Аллахом и пожелал царю блага, после того как приветствовал его. И царь возвратил ему приветствие и велел ему сесть.

И мальчик сел, и тогда царь спросил его: «Знаешь ли ты, кто с тобой разговаривал вчера?» — «Да», — ответил мальчик. И царь спросил: «Где же он?» И мальчик в ответ сказал: «Это тот, кто говорит со мной сейчас». — «Ты сказал правду, о любимый!» — воск-

ликнул царь. И затем он велел поставить кресло рядом со своим креслом, и посадил на него мальчика, и приказал подать еду и питье. И потом между ними завязался разговор, и царь сказал мальчику: «Ты, о везирь, сказал мне вчера некие слова и упомянул, что у тебя есть хитрость, которой ты отразишь козни царя Индии. Что же за хитрость и каков план, чтобы отразить от нас его зло? Расскажи мне, и я сделаю тебя первым в царстве и выберу тебя своим везирем, и буду следовать твоему мнению во всем, что ты мне посоветуешь, и награжу тебя роскошной наградой». — «Твоя награда у тебя, о царь, а совет и план — у твоих жен, которые посоветовали тебе убить моего отца Шимаса вместе с остальными везирями», — ответил мальчик. И когда царь услышал от него это, он смутился и вздохнул и спросил: «О любимое дитя, а разве Шимас — твой отец, как ты сказал?» — «Шимас действительно мой отец, и я вправду его сын», — сказал мальчик в ответ. И тут царь опечалился, и его глаза прослезились, и он попросил у Аллаха прощения и сказал: «О мальчик, я сделал это по неразумению, из-за злого замысла женщин (а козни их велики), но я тебя прошу меня простить и поставлю тебя на место твоего отца, с саном более высоким, чем его сан, а когда пройдет эта напасть, нисходящая на нас, я надену тебе золотой воротник и посажу тебя на лучшего коня и велю глашатаю кричать перед тобой и говорить: «Этот великий юноша сидит на втором престоле после царя». А что касается того, что ты сказал про женщин, то я задумал им отомстить и назначу место на то время, какое захочет Аллах великий. Расскажи же мне, каков твой план, чтобы успокоилось мое сердце».

И мальчик в ответ ему сказал: «Дай мне обещание, что ты не станешь прекословить мне в том, что я тебе скажу, и я буду безопасен от того, чего боюсь». И царь молвил: «Вот обет Аллаха между мной и тобой: я не отступлюсь от того, что ты мне сказал, и ты мой первый советник. Что ты мне ни прикажешь — я сделаю, и свидетельством тому то, что я тебе говорю, — Аллах великий».

И тогда расправилась грудь мальчика, и расширилось перед ним поле разговора, и он сказал: «О царь, вот мой план и хитрость: дождись времени, когда

придет к тебе гонец, требуя ответа после отсрочки, которую ты ему назначил. И когда он предстанет перед тобой и потребует ответа, отведи его от себя и отложи ответ на какой-нибудь другой день. И гонец станет перед тобой оправдываться тем, что царь назначил ему определенные дни, и убеждать тебя изменить решение, а ты отстрани его и отложи ответ до другого дня, но дня не назначай. И гонец уйдет от тебя сердитый, и выйдет на середину города, и начнет открыто говорить среди людей, и скажет: «О жители города, я — гонец царя дальней Индии, а он — обладатель великой ярости и решимости, которая размягчит железо. Он прислал меня с письмом к царю этого города и определил мне дни для возвращения и сказал: «Если ты не явишься после дней, которые я тебе назначил, постигнет тебя мое отмщение». И вот я пришел к царю этого города и отдал ему письмо, и, прочитав его, царь велел мне ждать три дня, и сказал, что потом даст мне ответ, и я согласился на это из кротости и чтобы его уважить, и три дня прошли, и я пришел требовать от него ответа, но он отложил ответ до другого дня, а у меня нет терпения. И вот я иду к моему господину, царю дальней Индии, и я расскажу ему, что со мной случилось, и вы, о люди, свидетели между мной и им». И когда до тебя дойдут его слова, пошли за ним и вели его привести к себе, и заговори с ним мягко, и скажи ему: «О гонец, спешащий к гибели своей души, что побудило тебя корить нас среди наших подданных? Ты заслужил от нас быстрой гибели, но древние сказали: «Прощение — одно из свойств благородных». И знай, что отсрочка ответа тебе не из-за нашей слабости, но от многочисленности наших занятий и недостатка досуга, чтобы написать письмо вашему царю».

И затем потребуй письмо и прочти его второй раз, а окончив читать, громко засмейся и скажи гонцу: «Есть ли у тебя еще письмо, кроме этого? Мы напишем ответ и на него». И гонец тебе скажет: «Нет у меня письма, кроме этого письма». А ты повтори ему вопрос второй раз и третий раз, и когда он скажет тебе: «Нет у меня другого письма совершенно», — скажи ему: «Поистине, ваш царь лишен ума, раз он употребил в этом письме слова, которыми он хочет возбудить нашу душу, чтобы мы отправились к нему с войском, напали на его

страну и отняли его царство. Но мы не взыщем с него на этот раз за его непристойность в этом письме, ибо он малоумен и слаб рассудком. Нашему могуществу подобает, чтобы мы сначала его предупредили и предостерегли от повторения такого вздора, а если он подвергнет себя опасности и вернется к этому, он будет достоин немедленной гибели. Я думаю, что царь, приславший тебя,—глупый дурак, который не размышляет об исходе дел, и нет у него везира, разумного и со зрелым суждением, у которого он бы спросил совета. Будь он разумен, он бы посоветовался с везирем, прежде чем посылать нам эти смешные слова. Но у меня есть для него ответ, такой же, как его письмо, и даже больше того—я дам его письмо кому-нибудь из мальчиков в школе, чтобы он на него ответил». А потом пошли за мной и потребуй меня, и, когда я явлюсь к тебе, позволь мне прочитать его письмо и дать на него ответ».

И тут расправилась грудь царя, и он одобрил мнение мальчика, и ему понравилась эта хитрость. Он оказал ему милость и пожаловал ему степень его отца и отпустил его, радостный, и когда прошли три дня, на которые он дал отсрочку гонцу, гонец пришел и вошел к царю и потребовал ответа, но царь отложил его до другого дня. И гонец не дошел до конца ковра и произнес слова неподобающие, такие, как говорил мальчик. А затем он вышел на рынок и сказал: «О жители этого города, я посол царя дальней Индии к вашему царю и пришел к нему с посланием, а он затягивает ответ на него. Уже прошел срок, который назначил мне наш царь, и не осталось у вашего царя оправдания; вы будете в этом свидетелями».

И когда до царя дошло сведение об этих словах, он послал за гонцом и, приказав привести его к себе, сказал: «О гонец, спешащий к гибели своей души, разве ты не приносишь письмо от царя к царю и между ними есть тайна? Как же ты выходишь к людям и разглашаешь тайны царей простому народу? Ты заслужил от нас мести, но мы стерпим это, чтобы ты мог вернуть ответ этому глупому царю. Наиболее подходит, чтобы дал ему ответ за нас самый маленький из детей в школе». И он велел позвать того мальчика, и мальчик явился, и когда он вошел к царю (а гонец был тут же), он пал ниц перед Аллахом и

пожелал царю вечной славы и жизни, и царь бросил ему письмо и сказал: «Прочитай это письмо и напиши на него скорей ответ».

И мальчик взял письмо, и прочитал его, и улыбнулся, смеясь, и сказал царю: «Разве ты послал за мной для ответа на это письмо?» — «Да», — молвил царь. И мальчик ответил великим вниманием и повиновением и, вынув чернильницу и бумагу, написал: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! Мир с теми, кто получил безопасность и милость милосердного! А затем: я осведомляю тебя, о называемый великим царем лишь по имени, а не по делам, что до нас дошло твое письмо, и мы прочитали его и поняли, какие в нем бредни и диковинный вздор, и убедились мы в твоей глупости и преступлении перед нами. Ты протянул руки к тому, над чем ты не властен. И если бы нас не взяло сожаление к созданиям Аллаха и подданным, мы бы не отступились от тебя. Что же касается твоего посла, то он вышел на рынок и распространил известия из твоего письма среди избранных и простых и заслуживает от нас мести, но мы пощадили его, из милости к нему, так как ему простительно, и оставили мы отмщение ему не из уважения к тебе. А насчет того, что ты говоришь в своем письме об убиении мною моих везирей, ученых и вельмож моего царства, то это правда, но это прямо шло по причине, случившейся у меня, и я не убил ни одного такого ученого, чтобы не было у меня из его же породы тысячи людей, еще учение и понятливее и разумнее, и нет у меня ребенка, который не был бы наполнен науками, и вместо каждого из убитых у меня есть столько достойных людей, вроде него, что мне не сосчитать. А каждый из моих воинов стоит отряда твоих войск. Что же касается денег, то у меня завод золота и серебра, а касательно металлов, — они для меня все равно что куски камней. А жители моего царства — я не могу описать тебе их красоту, прелесть и богатство! Как же ты дерзнул против нас и сказал нам: «Построй мне дворец посреди моря». Поистине, это дело удивительное, и, может быть, оно возникло из-за слабости твоего ума, ибо если бы у тебя был ум, ты осведомился бы о том, каковы будут удары волн и порывы ветра, пока я буду строить тебе дворец. Что же касается твоего утверждения, что ты победишь меня, то упаси Аллах от этого!

Как может посягнуть на нас подобный тебе и овладеть нашим царством? Нет, поистине, великий Аллах даст мне над тобой победу, так как ты перешел меру и пошел против меня без права. Знай же, что ты заслуживаешь наказания от Аллаха и от меня, но я боюсь Аллаха в деле с тобой и твоими подданными и выведу против тебя только после увещания. Если ты боишься Аллаха, то поспеши мне прислать харадж * за этот год, иначе я не откажусь выехать против тебя, и со мной будет тысяча тысяч и еще сто тысяч бойцов — все великаны на слонах, — и я построю их вокруг нашего везиря и прикажу ему стоять и осаждать тебя три года, подобно тем трем дням, которые ты предоставил твоему послу. И я овладею твоим царством, и не убью в нем никого, кроме тебя, и не уведу в плен никого, кроме твоих женщин».

И затем мальчик нарисовал на письме свой портрет и написал возле него: «Этот ответ писал самый маленький из детей в школе». И потом он запечатал письмо и вручил его царю, а царь отдал его гонцу, и гонец взял письмо, поцеловал царю руки и вышел от него, благодаря Аллаха великого и царя за кротость. И он ушел, дивясь тому, что видел из остроты ума этого мальчика.

И когда он дошел до своего царя (а он пришел к нему на третий день после трех дней, ему назначенных), царь в это время созывал диван вследствие запоздания гонца против назначенного ему срока. И, войдя, гонец пал перед царем ниц и отдал ему письмо, и царь взял его и спросил гонца о причине промедления и об обстоятельствах царя Вирд-хана. И гонец рассказал ему, как было дело и вообще обо всем, что он видел глазом и слышал ухом. И это ошеломило ум царя, и он сказал гонцу: «Горе тебе! Что это за рассказы ты мне рассказываешь о царе, подобном этому?» И гонец ответил: «О великий царь, вот я перед тобою, вскрой письмо и прочитай его, и тебе станет ясно, что правда и что ложь». И царь вскрыл письмо, и прочитал его, и увидел в нем портрет мальчика, который писал письмо.

И тогда он убедился в прекращении своей власти и смутился, не зная, каково будет его дело. А потом он обернулся к своим везирям и вельможам своего царства и рассказал им, что случилось, и прочитал им

письмо, и это устрашило их и испугало великим испугом, и они стали успокаивать царя внешне, словами языка, а сердца их разрывались от биения.

И потом Бади, великий везирь, сказал: «Знай, о царь, в том, что говорят везири, мои братья, нет никакого проку. Мое мнение, что тебе следует написать этому царю письмо и извиниться в нем и сказать: «Я люблю тебя и любил твоего отца, прежде тебя, и мы послали к тебе гонца с этим письмом только ради испытания, чтобы посмотреть, каковы твои намерения, и сколь велика твоя доблесть, и каково у тебя знание, и действие, и разрешение скрытых загадок и какие заложены в тебе совершенства. Мы просим Аллаха великого, чтобы он сделал для тебя благословенным твое царство, укрепил бы крепости твоего города и увеличил бы твою власть, чтобы ты мог охранять себя, и совершенны были бы дела твоих подданных». И пошло это письмо с другим гонцом.

И царь сказал: «Клянусь великим Аллахом, поистине, это великое дело! Как может быть он великим царем, готовым к войне, после того как он убил ученых своего царства и обладателей верного мнения и предводителей своего войска, и как может его царство процветать после этого, чтобы исходила из него столь великая сила? И еще удивительнее, что малыши в школах пишут там за царя ответы, подобные этому. А я, по моей дурной жадности, зажег этот огонь против себя и против жителей своего царства и не знаю, что бы потушило этот огонь, если бы не совет моего везиря».

И затем он собрал ценный подарок и многочисленных слуг и челядь и написал письмо такого содержания: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! А затем: о славный царь Вирд-хан, сын славного брата моего Джиллиада (да помилует его Аллах и да продлит он твой век!), пришел к нам ответ на наше письмо, а мы прочитали его и поняли, что в нем заключается, и увидели мы в нем то, что нас обрадовало, и в этом предел наших просьб о тебе Аллаху. Мы просим его, чтобы он возвысил твой сан и укрепил устои твоего царства и дал бы тебе победу над врагами, которые хотят для тебя зла. И знай, о царь, что твой отец был мне братом, и между ним и мною были обеты и клятвы в течение всей его жизни, и он видел от нас одно лишь

благо, и мы также видели от него одно благо. А когда он скончался и ты сел на престол его царства, охватила нас крайняя радость и веселье, но когда стало нам известно, что ты сделал со своими везирями и вельможами своего царства, мы испугались, что весть об этом достигнет какого-нибудь царя, кроме нас, и он пожелает захватить тебя, и подумали, что ты пренебрегаешь своими делами и охраной своих крепостей и не заботишься о делах своего царства. И мы написали тебе письмо, которым хотели предупредить тебя, и когда увидели, что ты прислал нам такой ответ, наше сердце успокоилось за тебя, да позволит тебе Аллах насладиться твоим царством и да окажет он тебе помощь в твоих делах! Мир тебе!»

И он собрал для Вирд-хана подарок и отослал его к нему с сотней витязей. И они шли до тех пор, пока не пришли к царю Вирд-хану, и приветствовали его, и отдали ему письмо. И Вирд-хан прочитал его и понял его смысл, а затем он поместил начальника сотни витязей в подобающем ему месте и оказал ему уважение и принял от него подарок. И весть о подарке распространилась среди людей, и царь сильно обрадовался. И он послал за мальчиком, сыном Шимаса, и когда его привели, оказал ему уважение и послал за начальником сотни витязей, а потом он потребовал письмо, которое тот привез от своего царя, и дал его мальчику, и мальчик вскрыл письмо и прочитал его, и царь обрадовался большой радостью. И он начал упрекать начальника сотни витязей, а тот целовал его руки и извинялся перед ним, желая ему долгого века и вечного благоденствия, и царь поблагодарил его за это, и оказал ему великое уважение, и одарил его, и одарил всех, кто был с ним, как им подобало, и собрал подарки, и велел мальчику написать ответ. И мальчик написал ответ, и отлично составил обращение, будучи краток в словах о примирении, и упомянул о вежестве посла и витязей, которые были с ним. И, завершив письмо, он показал его царю, и царь сказал: «Прочитай его, о дорогое дитя, чтобы мы знали, что в нем написано». И тогда мальчик прочитал письмо в присутствии сотни витязей, и царю и всем, кто присутствовал, понравилась стройность изложения и смысл написанного, а потом царь запечатал письмо и вручил его начальнику сотни витязей и отпустил его, послав с

ним отряд войск, чтобы довести его до границ своей земли.

Вот что было с царем и мальчиком. Что же касается начальника сотни, то его ум был ошеломлен тем, что он видел из поступков мальчика и его знаний, и он поблагодарил Аллаха великого за быстрое окончание дела и принятие мира.

И он шел, пока не дошел до царя дальней Индии, и поднес ему подарки и редкости, и доставил ему дары, и подал ему письмо, и рассказал о том, что видел. И царь обрадовался сильной радостью, и поблагодарил Аллаха великого, и оказал уважение начальнику сотни витязей, и поблагодарил его за его усердие в делах, и возвысил его степень, и стал он с этого времени жить в безопасности, уверенности, спокойствии и крайнем веселии.

Вот что было с царем дальней Индии. Что касается царя Вирд-хана, то он шествовал прямо, следуя Аллаху, и сошел с дурной дороги, и раскаялся перед Аллахом искренним раскаянием в том, что было, и оставил женщин совсем, и весь обратился к исправлению дел своего царства, и смотрел на подданных, боясь Аллаха. И он сделал сына Шимаса своим везирем, вместо его отца, и своим первым советником в царстве и хранителем своих тайн и приказал украсить свой город на семь дней, а также и прочие города, и обрадовались этому подданные, и прошел их страх и испуг. И возрадовались они справедливости и правосудию и взмолились, желая блага царю и везирию, который сложил с царя и с них эту заботу.

А потом царь спросил везиря: «Каково твое мнение относительно укрепления царства, исправления дел подданных и возвращения их к тому, чтобы, как прежде, у них были начальники и управители?» И везирь в ответ ему сказал: «О царь, славный саном, по моему мнению, следует тебе, прежде всех вещей, начать с удаления из твоего сердца непослушания и оставить забавы, насилия и увлечение женщинами, которому ты предавался, ибо если ты вернешься к корню непослушания, второе заблуждение будет сильнее, чем первое». — «А в чем корень непослушания, который мне следует вырвать?» — спросил царь. И везирь, малый по годам, большой по разуму, сказал ему в ответ: «О великий царь, знай, что корень

непослушания — увлечение страстью к женщинам и склонностью к ним и согласие с их мнением и замыслами, ибо любовь к ним изменяет чистый разум и портит здравые свойства, и свидетельствуют о моих словах явные доказательства. Если бы ты поразмыслил о них и проследил бы их действие внимательным взором, ты нашел бы себе советчика в своей душе и избавился бы совершенно от нужды в моих словах. Не занимай же своего сердца мыслью о женщинах и вырви из ума их образ, так как Аллах великий повелел не учащать общения с ними через своего пророка Мусу, и один из царей, из мудрецов, говорил своему сыну: «О дитя мое, когда ты утвердишься во власти после меня, не учащай общения с женщинами, чтобы твое сердце не заблудилось и не испортилось твое суждение. Вкратце — частое общение с женщинами ведет к любви к ним, а любовь к ним ведет к порче суждения, и доказательство этому в том, что случилось с господином нашим Сулейманом сыном Дауда (мир с ними обоими!), которого Аллах выделил знанием, мудростью и великой властью и не дал никому из царей предшествовавших того, что дал он Сулейману, и были женщины причиной согрешения его отца. Подобное этому многочисленно, о царь, и я упомянул тебе о Сулеймане лишь для того, чтобы ты знал, что никому не дано владеть тем, чем он владел, и повиновались ему все цари земли. И знай, о царь, что любовь к женщинам — корень всякого зла, ибо ни у одной из них нет верного суждения, и надлежит мужчине ограничивать общение с ними мерой необходимости и не склоняться к ним полной склонностью — это ввергнет его в порчу и гибель. И если ты слушаешь мои слова, о царь, в порядке будут все твои дела, а если пренебрежешь ими, то будешь раскаиваться, но не принесет раскаяние тебе пользы».

И царь сказал ему в ответ: «Я оставил крайнюю склонность к женщинам, которой предавался, и отвернулся от увлечения ими совсем. Но что же мне делать с ними в возмездие за то, что сделали они, — ведь убийство Шимаса, твоего отца, было из-за их козней, и не было это моим желанием, и не знаю я, как случилось с моим разумом, что я согласился на его убиение».

И затем царь стал охать и кричать, восклицая: «Увы мне, я потерял моего везиря, и верность его суждения, и прекрасную его предусмотрительность и потерял подобных ему везирей и вельмож царства с их прекрасными мнениями, разумными и правильными!» И везирь в ответ ему сказал: «Знай, о царь, что вина не на одних женщинах, ибо они подобны хорошему товару, к которому склоняются желания смотрящих: кто хочет и покупает — тому продают, а кто не покупает, того никто не заставляет купить, и вина — на том, кто купил, в особенности если он знал о вреде этого товара. Я предостерегал тебя, и мой отец, раньше меня, тоже тебя предостерегал, но ты не принял от него совета». — «Я признал за собой вину, как ты и говоришь, о везирь, и нет у меня оправдания, кроме божественного предопределения», — сказал царь. И везирь молвил: «Знай, о царь, что Аллах великий сотворил для нас возможность и дал нам желание и свободную волю и если мы желаем, то делаем, а если не желаем, то не делаем. И Аллах не повелел нам совершать дурное, чтобы не пристал к нам грех. Нам следует рассчитывать, какой поступок будет правильным, ибо Аллах великий повелевает нам одно лишь благое, при всех обстоятельствах, и удерживает нас от злого, а мы, по своей воле, делаем то, что делаем, правильно ли это, или ошибочно».

«Ты прав, — сказал царь, — и моя ошибка произошла из-за меня, вследствие моей склонности к страстям. Я предостерегал себя от этого многократно, и многократно предостерегал меня твой отец Шимас, но моя душа осилила разум. Знаешь ли ты какой-нибудь способ удержать меня от совершения этой ошибки, чтобы мой разум был победителем над страстями души?» — «Да, — отвечал везирь, — я вижу нечто, что удержит тебя от совершения этой ошибки. Ты должен совлечь с себя одеяние глупости и облечься в одеяние справедливости, не быть послушным своим страстям, повиноваться твоему владыке и вернуться к поведению справедливого царя, твоего отца. Делай то, что тебе подобает, соблюдая права Аллаха великого и права твоих подданных, охраняй твою веру, и твой народ, и собственное твое поведение и берегись убивать твоих подданных. Думай о последствиях своих дел и откажись от обид, притеснений, преступлений и

разврата, будь справедлив, правосуден, смиренен и исполняй веления Аллаха великого, и всегда заботься о созданиях его, над которыми он сделал тебя своим преемником, и неизменно поступай так, как должно по их молитвам за тебя, ибо если это постоянно будет так, твое время станет безоблачным, и Аллах, по своей милости, простит тебя и сделает уважаемым всеми, кто тебя видит, и сгинут твои враги, и обратит Аллах великий их войска в бегство, и станешь ты Аллаху приятен и среди сотворенных им уважаем и любим».

«Ты оживил мою душу и озарил мое сердце твоим нежным светом и снял пелену с моего взора после слепоты,—сказал царь,—и я намерен сделать все то, что сказал, с помощью Аллаха великого. Я оставлю прежние преступления и страсти и выведу свою душу из тесноты на простор и из страха к безопасности, и надлежит тебе радоваться этому и веселиться, ибо я стал тебе сыном, при больших моих годах, а ты стал мне возлюбленным отцом, несмотря на малые твои годы, и стало для меня обязательно не жалеть усердия в том, что ты мне приказываешь. Я благодарен за милость Аллаха великого и за твою милость, ибо Аллах великий дал мне через тебя благоденствие, и прекрасное указание, и здоровое суждение, которое устранил мою заботу и горе. Я достиг благополучия подданных через твои руки, по благороднейшему твоему знанию и благой предусмотрительности; ты теперь управитель в моем царстве, и я выше тебя лишь тем, что сижу на престоле. Все, что ты делаешь,—для меня обязательно, и нет противника твоим словам, хотя ты и молод годами, ибо ты стар по разуму и много знаешь. Я благодарю Аллаха, который послал тебя мне, и ты вывел меня на путь прямой, после губительных поворотов».

«О счастливый царь,—сказал везирь,—знай, что нет у меня перед тобой заслуги в том, что я не жалею для тебя советов, ибо мои слова и действия—лишь часть того, что для меня обязательно, так как я возвращен твоей милостью, и не только я один, но и мой отец, прежде меня, был залит твоими обильными милостями. Мы все признаем твои благодеяния и милости, и как можем мы этого не признать? А ты, о царь,—наш пастух и судья и воюешь за нас с нашими врагами: тебе поручено охранять нас, и ты наш сто-

рожд и не жалеешь трудов для нашей безопасности. И если бы мы пожертвовали душою, повинуюсь тебе, мы не совершили бы того, что обязаны сделать в благодарность тебе, и мы умоляем Аллаха великого, который поставил тебя над нами и сделал тебя нашим судьей, и просим его, чтобы он одарил тебя долгой жизнью и послал тебе успех во всех твоих делах, не испытывая тебя бедствиями в твоё время, привел бы тебя к исполнению желаний и сделал бы тебя почитаемым до часа твоей смерти. Пусть он прострет твои руки с милостью, чтобы ты вел за собой всех знающих и покорил всех строптивых, и пусть приведет в твоё царство всех ученых и доблестных и удалит из него всех невежд и трусов. Да удалит Аллах от твоих подданных дороговизну и беду и да посеет между ними дружбу и любовь! Пусть даст он тебе в сей жизни успех, а в последней жизни — праведность, по милости своей и великодушию и по скрытой своей благости, аминь! Он ведь властен во всякой вещи, и нет для него дела трудного, и к нему — возвращение и конечный исход!»

И когда царь услышал от своего везиря это пожелание, его охватила крайняя радость, и он склонился к нему полной склонностью и сказал: «Знай, о везирь, что ты стал мне вместо брата, сына и отца, и не разделит меня с тобой ничто, кроме смерти. Всем, чем владеет моя рука, ты можешь распоряжаться, и если не будет у меня потомства, ты воссядешь на мой престол вместо меня, ибо ты достойней всех жителей моего царства, и я вручу тебе мою власть в присутствии вельмож царства и сделаю тебя наследником после меня, если захочет Аллах великий и засвидетельствуют это вельможи моего царства с помощью Аллаха великого».

И затем он призвал своего писца, и когда тот предстал перед ним, приказал ему написать всем вельможам царства, чтобы они явились к нему, и во всеуслышание провозгласил об этом в городе для тех, кто был там из избранных и простых, и повелел собраться везирям, военачальникам, царедворцам и всем обладателям слуг для присутствия у царя, а также ученым и мудрецам. И царь устроил великий диван и трапезу, равной которой никто не устраивал, и пригласил всех людей, избранных и простых, и все

собрались для веселья, и ели, и пили в течение месяца. А после этого царь одел всех своих приближенных и бедняков в царстве и дал ученым обильные подарки, и затем он выбрал нескольких ученых и мудрецов, с ведома сына Шимаса, и, приказав им войти к себе, велел ему отобрать из них семерых и сделать их везирями, подвластными его слову, а самому быть их начальником. И тогда мальчик, сын Шимаса, выбрал из них старших по годам, совершеннейших по разуму, изобильнейших знаниями и быстрее всех запоминающих и увидел, что людей с такими свойствами шесть человек. И он привел их к царю, и тот облачил их в одежды везирей и обратился к ним, говоря: «Вы будете моими везирями, в повиновении у сына Шимаса, и от того, что вам скажет или прикажет этот мой везирь, ибн Шимас, не отступайте никогда. Хотя он моложе вас годами, он старше вас по разуму».

И затем царь усадил их на украшенные скамеечки, как обычно для везирей, и назначил им выдачи и деньги на расходы, а потом он велел им выбрать среди вельмож царства, собравшихся у него на пиру, тех, кто годится для службы в царстве среди воинов, чтобы назначить из них начальников тысяч, начальников сотен и начальников десятков, и определил им оклады и назначил выдачи, обычные для вельмож, и все это сделали в самое скорое время.

И царь приказал также пожаловать остальным присутствующим обильные награды и отпустить каждого в свою землю со славой и почетом, и велел своим наместникам быть справедливыми к подданным, и приказал им иметь попечение о бедных и богатых, повелев способствовать им из казны сообразно их степеням, и везири пожелали ему вечной славы и долгого века. И затем царь велел украсить город на три дня, в благодарность Аллаху великому за поддержку, которую он ему оказал.

И вот каковы были дела царя и его везиря ибн Шимаса в устройении государства и назначении эмиров и должностных лиц. Что же касается женщин-любимиц, из наложниц и других, которые были причиной убиения везирей и порчи государства из-за своих хитростей и обманов, то когда все, кто пришел в диван из городов и селений, отправились к своим местам и дела их выправились, царь приказал везирю,

малому по годам, большому по разуму, то есть сыну Шимаса, призвать прочих везирей, и они все явились к царю, и тот уединился с ними и сказал: «Знайте, о везири, что я уклонялся от прямого пути, был погружен в невежество, отвращался от добрых советов, нарушал обещания и клятвы и прекословил советчикам, и причиной всего этого была забава с этими женщинами, и их обманы, и ложный блеск их слов, и ложь, и мое согласие на это. Я думал, что их слова — искренний совет, так как они были нежны и мягки, а оказалось, что это яд убийственный. Теперь же я утвердился в мнении, что они хотели для меня лишь смерти и гибели, и заслужили они наказание и возмездие от меня по справедливости, чтобы я сделал их назиданием для поучающихся. Но каков будет правильный план, чтобы их погубить?»

И везирь, сын Шимаса, ответил: «О царь, великий саном, я говорил тебе раньше, что вина падает не на одних только женщин, — ее разделяют с ними и мужчины, которые их слушаются. Но женщины при всех обстоятельствах заслуживают возмездия по двум причинам: во-первых, для исполнения твоего слова, ибо ты есть величайший царь, а во-вторых, потому, что они осмелились идти против тебя и обманули тебя и вмешались в то, что их не касается и о чем им не годится говорить. Они более всех достойны гибели, но довольно с них того, что их теперь поражает. Поставь же их от сей поры на место слуг, и тебе принадлежит власть в этом и во всем другом».

И некоторые из везирей посоветовали царю то же самое, что говорил ибн Шимас, а один везирь выступил к царю, пал перед ним ниц и сказал: «Да продлит Аллах дни царя! Если необходимо сделать с ними дело, которое их погубит, сделай так, как я тебе скажу». — «А что ты мне скажешь?» — спросил царь. И везирь сказал: «Самое правильное вот что: прикажи одной из твоих любимиц, чтобы она взяла женщин, которые тебя обманули, и отвела их в комнату, где произошло убийство везирей и мудрецов, и заточила их там, и прикажи давать им немного пищи и питья — лишь в такой мере, чтобы поддерживать их тело, и совершенно не позволять им выходить из этого места. И пусть тех, кто помрет сами по себе, оставляют среди них, как есть, пока все женщины не умрут до

последней. Вот ничтожнейшее воздаяние им, ибо они были причиной этой великой смуты,—нет, корнем всех бедствий и смут, которые были во все времена. И оправдались в них слова сказавшего: «Кто выроет своему брату колодец, сам в него упадет, хотя бы долго длилось его благополучие».

И царь принял мнение этого везиря и сделал так, как он говорил. Он послал за четыррьмя жестокосердыми наложницами и отдал им тех женщин, приказав отвести их к месту убиения и заточить там, и назначил им немного плохой пищи и немного скверного питья. И было дело их таково, что они печалились великой печалью и каялись в том, что из-за них случилось, и горевали великой горестью, и наделил их Аллах, в воздаяние, позором в здешней жизни и уготовал им пытки в последней жизни, и они оставались в том темном месте с зловонным запахом. И каждый день несколько из них умирало, пока они не погибли до последней.

И весть об этом событии разнеслась по всем странам и землям, и вот чем кончилось дело царя, его везирей и подданных.

Хвала Аллаху, который губит народы и оживляет истлевшие кости, и достоин он прославления, и возвеличения, и восхваления во веки веков!

РАССКАЗ ОБ ИБРАХИМЕ И ДЖАМИЛЕ

Рассказывают также, о счастливый царь, что у аль-Хасыба, правителя Египта, рос сын, лучше которого не бывало, и от страха за него аль-Хасыб позволял ему выходить только на пятничную молитву. И он проезжал, после окончания пятничной молитвы, мимо одного старого человека, у которого было много книг. И, сойдя со своего коня, мальчик сел подле старца, и стал ворочать книги и разглядывать их, и увидел в одной из них изображение женщины, лучше которой не было видано на лице земли и которое только лишь не говорило. И эта женщина похитила разум мальчика и ошеломила его ум, и он сказал старцу: «О старец, продай мне это изображение!» И старец поцеловал перед ним землю и сказал: «О господин мой — бесплатно». И юноша дал ему сто динаров и взял книгу, в которой было это изображение. И он стал смотреть на него, и плакал ночью и днем, и отказался от еды, питья и сна, и говорил в душе: «О, если бы я спросил книжника про творца этого изображения — кто он такой? Он, может быть,

рассказал бы мне, и если бы обладательница этого облика была в живых, я бы добрался до нее. А если это простая картинка, я бы оставил увлечение ею и не мучил бы себя вещью, у которой нет истинной сущности».

И когда настал день пятницы, юноша прошел мимо книжника, и тот поднялся перед ним на ноги, и юноша сказал: «О дядюшка, расскажи мне, кто сделал это изображение?» И книжник ответил: «О господин мой, его сделал человек из жителей Багдада по имени Абу-ль-Касим ас-Сандагани, живущий в квартале, называемом аль-Карх, и я не знаю, чье это изображение».

И юноша ушел от него и не осведомил о своем положении никого из жителей царства, и не совершил пятничную молитву, и вернулся домой, а потом он взял мешок и наполнил его драгоценными камнями и золотом (а цена камней была тридцать тысяч динаров) и, дождавшись утра, вышел, не уведомляя никого. И он настиг караван, и увидел одного бедуина, и сказал ему: «О дядюшка, сколько между мной и Багдадом?» И бедуин ответил: «О дитя мое, где ты, а где Багдад? Между тобой и Багдадом два месяца пути». — «О дядюшка, — сказал мальчик, — если ты доставишь меня в Багдад, я дам тебе сто динаров и коня, который подо мной, и ему цена тысяча динаров». — «Аллах в том, что мы говорим, поручитель! — воскликнул бедуин, — и ты остановишься этой ночью только у меня!»

И юноша согласился с его словами и переночевал у него, а когда заблистала заря, бедуин взял его и быстро поехал с ним по ближней дороге, желая получить коня, которого обещал ему юноша. И они шли до тех пор, пока не достигли стен Багдада.

«Хвала Аллаху за благополучие, о господин мой, вот Багдад», — сказал бедуин. И юноша обрадовался сильной радостью и, сойдя с коня, отдал его бедуину вместе с сотней динаров, а затем он взял мешок и пошел, спрашивая, где квартал аль-Карх и где место купцов. И судьба привела его к улице, где было десять домиков — пять напротив пяти, и в начале улицы были ворота с двумя створами и с серебряным кольцом, а в воротах стояли две мраморные скамьи, устланные наилучшими коврами, и на одной из них сидел человек, почтенный и прекрасный видом и одетый в

роскошные одежды, и перед ним стояли пять невольников, подобные луне. И когда юноша увидел это, он узнал приметы, о которых упоминал ему книжник, и приветствовал этого человека, и тот возвратил ему приветствие и сказал: «Добро пожаловать!» И посадил его, и стал спрашивать, каковы его обстоятельства. И юноша сказал: «Я человек иноземный и хочу, чтобы ты по своей милости присмотрел мне на этой улице дом, и я бы жил в нем».

И человек закричал и сказал: «Эй, Газала!» И к нему вышла невольница и сказала: «Я здесь, о господин!» И человек молвил: «Возьми с собой несколько слуг и ступай в такой-то дом. Почистите его и устелите коврами и поставьте туда все, что нужно из посуды и прочего для этого юноши, красивого видом».

И девушка вышла и сделала так, как ей приказал этот человек, а старец взял юношу и показал ему дом, и юноша сказал: «О господин, какова плата за этот дом?» — «О ясноликий, — ответил старец, — я не возьму с тебя платы, пока ты будешь в нем». И юноша поблагодарил его за это.

А затем старец позвал другую невольницу, и вышла девушка, и старец сказал ей: «Подай шахматы». И девушка принесла их, и старец сказал юноше: «Сыграешь ты со мной?» — «Хорошо», — сказал юноша. И старик сыграл с ним несколько раз, и юноша его обыгрывал. «Ты отличился, о юноша, — сказал старец, — и твои свойства совершенны. Клянусь Аллахом, нет в Багдаде того, кто меня обыгрывает, а ты меня обыграл».

А затем, после того как приготовили дом и положили в нем ковры и все, что нужно, старец отдал юноше ключи и сказал: «О господин, не войдешь ли ты в мой дом и не поешь ли моего хлеба? Ты окажешь нам почет». И юноша согласился на это и пошел со старцем, и когда они достигли дома, юноша увидел красивый и прекрасный дом, украшенный золотом, и там были всякие изображения, и были в этом доме разные ковры и вещи, для описания которых слаб язык. И старец пожелал юноше долгой жизни и велел принести еду, и принесли столик, сделанный в Сана йеменской, и поставили его, и потом принесли кушанье — диковинные блюда, роскошнее и слаще которых не найти.

И юноша ел, пока не насытился, и затем он вымыл руки и стал разглядывать дом и ковры, а потом он обернулся, ища мешок, который был с ним, и не увидел его и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!» Я съел кусочек, стоящий дирхем или два дирхема, и пропал у меня мешок, в котором было тридцать тысяч динаров! Но я прошу помощи у Аллаха». И потом он умолк и не мог говорить. И старец придвинул шахматы и спросил юношу: «Сыграешь ли ты со мной?» И тот сказал: «Да». И стал играть, и старец обыграл его. «Ты отличился», — сказал юноша и бросил играть и встал, и старец спросил его: «Что с тобой, о юноша?» И юноша сказал: «Я хочу мешок». И тогда старец поднялся, и вынул мешок, и сказал: «Вот он, о господин мой! Не вернешься ли ты к игре со мной?» — «Хорошо», — сказал юноша.

И старец стал с ним играть, и юноша обыграл его, и тогда этот человек воскликнул: «Когда твои мысли были заняты мешком, я тебя обыграл, но когда я принес его тебе, ты обыграл меня. О дитя мое, — сказал он ему потом, — расскажи мне, из какой ты страны». — «Из Египта», — ответил юноша. И старец спросил: «А какова причина твоего прибытия в Багдад?»

И юноша вынул изображение и сказал: «Знай, о дядюшка, что я сын аль-Хасыба, правителя Египта, и я увидел это изображение у одного книжника, и оно похитило мой разум. И я спросил, кто его сделал, и мне сказали: «Его сделал человек в квартале аль-Карх по имени Абу-ль-Касим ас-Сандалани на улице, называемой улица Шафрана». И я взял с собой немного денег и пришел один, и никто не знает о моем состоянии. И я хочу, чтобы, в довершение твоей милости, ты указал мне на него, и я бы спросил его, почему он нарисовал этот образ и чей это образ. И чего бы он ни захотел от меня, я ему дам». — «Клянусь Аллахом, о сын мой, — сказал старец, — это я Абу-ль-Касим ас-Сандалани. И это удивительное дело, как судьбы привели тебя ко мне!»

И юноша, услышав слова Абу-ль-Касима, поднялся, и обнял его, и поцеловал ему голову и руки, и воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, чей это образ!» И старец ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И затем он поднялся, и, открыв чулан,

вынул оттуда множество книг, в которых он нарисовал этот образ, и сказал: «Знай, о дитя мое, что обладательница этого образа — дочь моего дяди. Она находится в Басре, и ее отец — правитель Басры, по имени Абу-ль-Лейс, а ее зовут Джамила, и нет на лице земли прекраснее ее. Но она не охоча до мужчин и не может слышать упоминания о мужчине в своих покоях. Я пошел к моему дяде, чтобы он женил меня на ней, и не пожалел для него денег, но он не согласился на это. И когда его дочь об этом узнала, она разгневалась и послала мне разные слова и, между прочим, сказала: «Если у тебя есть разум, не оставайся в этом городе, а иначе ты погибнешь, и грех будет на твоей же шее». Она — жестокосердая из жестокосердых. И я вышел из Басры с разбитым сердцем, и сделал это изображение в книгах, и рассеял их по разным странам, надеясь, что, может быть, изображение попадет в руки юноши, прекрасного лицом, как ты, и он ухитрится проникнуть к ней, и, может быть, она его полюбит. А я возьму с него обещание, что, когда он ею овладеет, он покажет мне ее — хотя бы на один взгляд издали».

И когда Ибрахим ибн аль-Хасыб услышал слова старца, он опустил на некоторое время голову, размышляя, и ас-Сандагани сказал ему: «О дитя мое, я не видел в Багдаде никого лучше тебя и думаю, что, когда девушка тебя увидит, она тебя полюбит. Можешь ли ты, когда ты встретишься с нею и захватишь ее, показать ее мне хотя бы на один взгляд издали?» — «Да», — сказал юноша. И Абу-ль-Касим молвил: «Если дело обстоит так, оставайся у меня, пока не уедешь». — «Я не могу оставаться на месте», — сказал юноша, — «в моем сердце от любви к ней великий огонь». — «Потерпи», — сказал ас-Сандагани. — «Я снаряжу тебе в три дня корабль, и ты поедешь на нем в Басру».

И юноша подождал, пока Абу-ль-Касим снарядил ему корабль, и положил на него все, что было нужно из еды, питья и прочего. И через три дня он сказал юноше: «Снаряжайся в путь, я приготовил тебе корабль, в котором все, что тебе нужно, и корабль принадлежит мне, а матросы — мои слуги, и на корабле всего столько, что тебе хватит, пока ты не вернешься. И я приказал матросам прислуживать тебе, пока ты благополучно не вернешься».

И юноша поднялся, и пошел на корабль, и, про-
стившись с Абу-ль-Касимом, ехал, пока не достиг
Басры. И тогда он вынул сто динаров для матросов, но
они сказали ему: «Мы получили плату от нашего
господина». — «Возьмите это в награду, и я не скажу
ему», — сказал юноша. И матросы взяли у него деньги
и пожелали ему блага.

А затем юноша вступил в Басру и спросил, где
место жительства купцов, и ему сказали: «В хане,
называемом хан Хамдана». И юноша шел, пока не
дошел до рынка, в котором был этот хан, и все глаза
повернулись, смотря на него из-за его великой красо-
ты и прелести. И юноша вошел в хан с одним из
матросов и спросил, где привратник, и когда ему
указали, где он, юноша увидел, что это — старьй,
почтенный старик. И Ибрахим приветствовал его, и
привратник возвратил ему приветствие, и юноша
спросил: «О дядюшка, есть ли у тебя красивая
комната?» — «Да», — ответил привратник и, взяв юно-
шу и матроса, отпер для них красивую комнату,
украшенную золотом, и сказал: «О юноша, эта комна-
та подойдет для тебя». И юноша вынул два динара и
сказал: «Возьми их в уплату за ключ». И привратник
взял их и пожелал ему блага, и юноша приказал
матросу идти на корабль и вошел в комнату. И
привратник хана остался у него, и стал ему прислужи-
вать, и сказал: «О господин мой, досталась нам из-за
тебя радость». И юноша дал ему динар и сказал:
«Принеси нам на этот динар хлеба, мяса, сладостей и
вина». И привратник взял динар, сходил на рынок и
вернулся, и он купил все это на десять дирхемов и
отдал юноше остаток. «Трать это на себя», — сказал
юноша. И привратник хана обрадовался сильной
радостью, а затем юноша съел из того, что он потребо-
вал, одну лепешку и немного приправы и сказал
привратнику хана: «Возьми это для тех, кто у тебя в
доме». И привратник взял припасы, и ушел к своим
домочадцам, и сказал им: «Я не думаю, чтобы кто-
нибудь на лице земли был великодушнее этого юноши,
который поселился у нас сегодня, или приятнее его.
Если он у нас останется, к нам придет богатство».

И затем привратник хана вошел к Ибрахиму, и
увидел, что он плачет, и сел, и принялся растирать ему
ноги, и поцеловал их, и сказал: «О господин мой,

почему ты плачешь, да не заставит тебя Аллах плакать?» — «О дядюшка,— сказал Ибрахим,— я хочу выпить с тобой сегодня вечером». — «Слушаю и повинуюсь!» — сказал привратник. И тогда Ибрахим вынул пять динаров и сказал: «Купи нам на это плодов и вина». А затем он дал привратнику еще пять динаров и сказал: «Купи нам на это сухих плодов и цветов и пять жирных кур и принеси мне лютню».

И привратник вышел, и купил то, что он приказал, и сказал своей жене: «Приготовь кушанье и процеди нам вино, и пусть то, что ты сделаешь, будет отлично, так как этот юноша покрыл нас благодеяниями». И жена привратника сделала то, что он ей велел, хорошо до предела желаний, и привратник взял кушанье и пошел к Ибрахиму, сыну султана, и они стали есть, пить и веселиться. И юноша заплакал и произнес такие два стиха:

О друг мой, когда бы жизнь я отдал в усердии,
И деньги, и весь наш мир, со всем, что найдешь в нем,

Блаженства сады, и рай со всей его прелестью
За близости час—ее купило бы сердце.

И затем он вскрикнул великим криком и упал, покрытый беспамятством, и привратник хана вздохнул, и когда юноша очнулся, привратник хана спросил его: «О господин мой, отчего ты плачешь и кто та, на кого ты указываешь этими стихами? Она будет только прахом под твоими ногами». И юноша встал и, вынув узел с лучшими женскими платьями, сказал привратнику: «Возьми это для твоего гарема». И привратник взял от него узел и отдал его своей жене, и она пришла с ним, и вошла к юноше, и вдруг видит — он плачет. И она сказала ему: «Ты растерзал нам печень! Осведоми нас, какую красавицу ты хочешь, и она будет у тебя только невольницей». — «О тетюшка,— сказал Ибрахим,— знай, что я сын аль-Хасыба, повелителя Египта, и я привязался к Джамиле, дочери Абу-ль-Лейса, начальника». И жена привратника хана воскликнула: «Аллах, Аллах, о брат мой, оставь эти слова, чтобы не услышал нас никто и мы бы не погибли! Нет на лице земли более жестокосердой, чем она, и никто не может назвать при ней имени мужчины, ибо у нее нет охоты до мужчин. О дитя мое, обратись от нее к другой».

И Ибрахим, услышав ее слова, заплакал сильным плачем, и привратник хана сказал ему: «Нет у меня ничего, кроме моей души, и я подвергну ее опасности из любви к тебе и придумаю для тебя дело, в котором будет достижение желаемого».

И потом привратник с женой вышли от него, и когда наступило утро, Ибрахим сходил в баню и надел одежду из платьев царей, и вдруг привратник хана со своей женой пришли к нему и сказали: «О господин, знай, что здесь есть один человек, портной, горбатый, и он — портной госпожи Джамилы. Пойди к нему и расскажи ему о своем состоянии, — может быть, он укажет тебе на то, в чем будет достижение твоих желаний».

И юноша поднялся и отправился в лавку горбатого портного, и, войдя к нему, он увидел у него десять невольников, подобных лунам, и приветствовал их, и они возвратили ему приветствие, и обрадовались ему, и посадили его, смущенные его прелестями и красотой.

И когда горбун увидел Ибрахима, его разум был ошеломлен красотой его облика, и юноша сказал ему: «Хочу, чтобы ты зашил мне карман».

И портной подошел и, взяв шелковую нитку, зашил карман (а юноша порвал карман нарочно). И когда портной зашил его, Ибрахим вынул пять динаров, отдал их портному и ушел в свое помещение. И портной сказал себе: «Что я сделал этому юноше, чтобы он дал мне эти пять динаров?» И он провел ночь, раздумывая о его красоте и щедрости. А когда наступило утро, Ибрахим направился в лавку горбатого портного и, войдя к нему, приветствовал его, и портной возвратил ему приветствие, и оказал ему уважение, и воскликнул: «Добро пожаловать!» И юноша сел и сказал горбуну: «О дядюшка, зашей мне карман — он еще раз распоролся». И портной ответил: «О дитя мое, слушаю и повинуюсь!», и подошел, и зашил карман. И Ибрахим дал ему десять динаров, и горбун взял их, и он был ошеломлен его красотой и щедростью.

«Клянусь Аллахом, о юноша, — сказал он, — этому твоему поступку должна быть причина; и дело тут не в том, чтобы защитить карман. Расскажи же мне истину о твоём деле, и если ты влюбился в кого-нибудь из этих мальчиков, то, клянусь Аллахом, среди них нет ни одного лучше, чем ты. Все они — прах под твоими

ногами, и вот они, твои рабы, перед тобой. А если это не так, то Расскажи мне». — «О дядюшка, — сказал Ибрахим, — здесь не место разговаривать, ибо мой рассказ удивителен и мое дело диковинно». — «Если дело обстоит так, — сказал портной, — пойдем со мной в уединенное место».

И затем портной встал, и, взяв Ибрахима за руку, вошел с ним в комнату внутри лавки, и сказал ему: «О юноша, рассказывай!» И Ибрахим рассказал ему о своем деле. «О юноша, — сказал он, — побойся Аллаха, думая о себе! Та, о которой ты упомянул, — жестокосердая, и у нее нет охоты до мужчин, береги же, о брат мой, свой язык, а иначе ты себя погубишь».

И когда юноша услышал эти слова, он заплакал горьким плачем и, схватившись за подол портного, воскликнул: «Защити меня, о дядюшка, я погибаю! Я оставил свое царство и царство своего отца и деда и пошел по странам одиноким чужеземцем, и нет мне терпения без нее». И портной, увидев, что постигло юношу, пожалел его и сказал: «О дитя мое, нет у меня ничего, кроме моей души, и я подвергну ее опасности из любви к тебе, так как ты поранил мое сердце. Завтра я придумаю для тебя дело, от которого твое сердце успокоится».

И Ибрахим поблагодарил его и ушел в хан. Он рассказал привратнику хана о том, что сказал ему горбун, и привратник молвил: «Он совершил с тобой благо».

И когда наступило утро, юноша надел свою самую роскошную одежду, и, взяв с собой мешок с динарами, пришел к горбуну, и поздоровался с ним, и сел, и сказал: «О дядюшка, исполни обещание». — «Поднимайся сейчас же, — сказал портной, — возьми три жирных курицы, три унции сахара и два маленьких кувшина, наполни их вином и захвати кубок и положи все это в мешок. Садись после утренней молитвы в лодку с одним гребцом и скажи ему: «Я хочу, чтобы ты отвез меня под Басру». И если он тебе скажет: «Я не могу проехать больше, чем фарсах», — скажи ему: «Решение принадлежит тебе». И когда он проедет это расстояние, соблазняй его деньгами, пока он не доставит тебя до места, и когда ты достигнешь его, то первый сад, который ты увидишь, будет сад госпожи Джамилы. И когда ты увидишь его, подойди к воро-

там — ты увидишь две высокие ступеньки, покрытые ковром из парчи, и на них будет сидеть человек, горбатый, как я. Пожалуйся ему на свое положение и попроси его о помощи — быть может, он над тобой сжадется и приведет к тому, что ты увидишь ее, хотя бы один раз издали. Нет у меня в руках хитрости, кроме этой, и если он над тобой не сжадется, погибну и я и ты. Вот какой есть у меня план, и власть принадлежит Аллаху великому». — «Прибегаю к помощи Аллаха, что захочет Аллах, то и будет, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!» — воскликнул юноша и вышел от горбатого портного и пошел в свое помещение. Он взял то, что приказал ему портной, и положил в маленький мешок, а затем, наутро, он пришел к берегу Тигра и вдруг увидел человека, гребца, который спал. И он разбудил его, и дал ему десять динаров, и сказал: «Свези меня под Басру». И гребец молвил: «О господин мой, с условием, что я не проеду больше одного фарсаха, если я проеду на пядь дальше, погибну и я и ты». — «Решение принадлежит тебе», — сказал Ибрахим. И гребец взял его и поплыл с ним вниз, и, приблизившись к саду, он сказал: «О дитя мое, отсюда я не могу плыть дальше, и если я перейду этот предел, погибну и я и ты».

И Ибрахим вынул другие десять динаров и сказал: «Возьми эти деньги, чтобы помочь ими себе в своем положении». И гребец устыдился и сказал. «Вручаю наше дело Аллаху великому!» И поплыл с ним вниз. И когда он достиг сада, юноша встал на ноги от радости и, прыгнув из лодки прыжком, величиной с бросок копья, бросился на берег, а гребец поплыл обратно, убегая. И юноша пошел вперед и увидел сад и все, как описал ему горбун. Он увидел, что ворота его открыты и в проходе стоит ложе из слоновой кости, на котором сидит горбатый человек приятного вида, в одежде, украшенной золотом, и в руке у него серебряная позолоченная дубинка. И юноша торопливо подошел к нему и, склонившись к его рукам, поцеловал их, и горбун спросил его: «Кто ты, откуда ты пришел и кто доставил тебя сюда, о дитя мое?» (А этот человек, увидав Ибрахима ибн аль-Хасыба, был ослеплен его красотой.) И Ибрахим сказал ему: «О дядюшка, я — глупый ребенок из чужой страны», — и заплакал. И горбун пожалел его, и, посадив его на ложе, вытер

ему слезы, и сказал: «С тобой не будет беды! Если ты задолжал, Аллах покроет твой долг, если ты боишься — Аллах успокоит твой страх». — «О дядюшка, — сказал Ибрахим, — нет у меня страха и нет за мной долга, со мной много денег во славу Аллаха и с его помощью». — «О дитя мое, — сказал горбун, — в чем твоя нужда, из-за которой ты подверг опасности свою душу и свою красоту и пришел в место, где гибель?»

И юноша рассказал ему свою историю и изложил ему свое дело, и когда горбун услышал его слова, он опустил на некоторое время голову к земле и спросил: «Тот, кто указал тебе на меня, горбатый портной?» — «Да», — отвечал Ибрахим. И горбун сказал: «Это мой брат, и он человек благословенный. О дитя мое, — сказал он потом, — если бы любовь к тебе не сошла в мое сердце и я бы тебя не пожалел, ты бы погиб — и ты, и мой брат, и привратник хана, и его жена. Знай, — продолжал он, — что этому саду нет на лице земли подобного, и он называется Садам Жемчужины. В него не входил никто за время моей жизни, кроме султана, меня самого и его владелицы Джамилы, и я провел в нем двадцать лет и не видел, чтобы кто-нибудь приходил в это место. Каждые сорок дней госпожа приезжает сюда на лодке и выходит среди своих невольниц в шелковом покрывале, концы которого десять невольниц несут на золотых крючках, пока она не войдет, так что я никогда не видел ее облика. У меня есть только одна душа, и я подвергну ее опасности ради тебя». И юноша поцеловал ему руку, и горбун сказал: «Посиди у меня, пока я не придумаю для тебя чего-нибудь». И затем он взял юношу за руку и ввел его в сад, и когда Ибрахим увидел этот сад, он подумал, что это рай, и он увидел, что деревья в нем сплетаются, и пальмы высоки, и воды обильны, и птицы перекликаются в нем на разные голоса. А затем горбун подошел с ним к домику с куполом и сказал ему: «Вот где сидит госпожа Джамила».

И юноша посмотрел на домик и увидел, что это удивительное место увеселения, и в нем всякие изображения, нарисованные золотом и лазурью, и еще есть в нем четыре двери, к которым поднимаются по пяти ступенькам. И посреди домика — водоем, к которому спускаются по золотым ступенькам, и эти ступеньки украшены дорогими металлами, а посреди водоема — золотой фонтан с фигурками, большими и

маленькими, и вода выходит изо рта этих фигурок, и она шумит, издавая разные звуки, и слушающему кажется, что он в раю. И около домика водяное колесо с серебряными горшками, и оно покрыто парчой, и слева от него окно с серебряной решеткой, выходящей на зеленый луг, где резвятся всякие звери, газели, зайцы, а справа — окно, выходящее на площадку, где всевозможные птицы, и все они щебечут на разные голоса, ошеломляющие того, кто их слышит.

И когда юноша увидел это, его охватил восторг, и он сел в воротах сада, а садовник сел с ним рядом и сказал: «Как ты находишь мой сад?» — «Это рай на земле», — сказал юноша. И садовник засмеялся, и затем он встал, и скрылся на некоторое время, и вернулся, неся поднос, на котором были жирные куры, прекрасная снедь и сахарные сласти. Он поставил поднос перед юношей и сказал: «Ешь, пока не насытишься».

«И я ел, — говорил Ибрахим, — пока не наелся вдоволь, и когда садовник увидел, что я поел, он обрадовался и сказал: «Клянусь Аллахом, таковы дела царей и царских сыновей! О Ибрахим, — сказал он потом, — что у тебя в этом мешке?» И я развязал перед ним мешок, и садовник сказал: «Неси его с собой, он будет тебе полезен, когда явится госпожа Джамила, когда она приедет, я не смогу принести тебе чего-нибудь поесть».

И он встал, и взял меня за руку, и привел в одно место, напротив домика Джамилы, и сделал там беседку среди деревьев, и сказал: «Залезай сюда. Когда она приедет, ты увидишь ее, а она тебя не увидит, и это самая большая хитрость, какая у меня есть, а полагаться следует на Аллаха. Когда она начнет петь, пой под ее пенье, а когда она уйдет, возвращайся благополучно туда, откуда пришел, если захочет Аллах».

И юноша поблагодарил садовника и хотел поцеловать ему руку, но садовник не дал ему. А затем юноша положил мешок в беседку, которую садовник ему сделал, и садовник сказал: «О Ибрахим, гуляй в саду и ешь в нем плоды, срок прихода твоей госпожи — завтра».

И Ибрахим стал гулять в саду и есть в нем плоды, и он провел ночь у садовника, а когда наступило утро, и засияло светом, и заблестало, Ибрахим совершил

утреннюю молитву, и вдруг садовник пришел к нему с пожелтевшим лицом и сказал: «Вставай, о дитя мое, и лезь в беседку — невольницы пришли, чтобы убирать это место, и она придет после них. Берегись плюнуть, высморкаться или чихнуть, — мы тогда погибнем, и я и ты». И юноша встал и залез в беседку, а садовник ушел, говоря: «Да наделит тебя Аллах благополучием, о дитя мое». И когда юноша сидел, вдруг пришли пять невольниц, подобных которым никто не видел, и вошли в домик, и, сняв с себя одежду, вымыли и опрыскали его розовой водой, и потом они зажгли куренья из алоэ и амбры и разостлали парчу. А после них пришли пятьдесят невольниц с музыкальными инструментами, и Джамила шла посреди них, под красным парчовым навесом, и невольницы приподнимали полы навеса золотыми крючками, пока она не вошла в домик, и юноша не увидел даже ее облика и одежды.

«Клянусь Аллахом, — сказал он про себя, — пропал весь мой труд! Но я непременно подожду и увижу, каково будет дело». И невольницы принесли еду и питье и поели, а потом они вымыли руки и поставили Джамиле скамеечку, и она села на нее, а все невольницы ударили в музыкальные инструменты и запели волнующими голосами, которым нет подобных. И затем выступила старуха управительница и стала хлопать в ладоши и плясать, и невольницы оттащили ее, и вдруг занавеска приподнялась, и вышла Джамила, смеясь. И Ибрахим увидел ее, и на ней были украшения и одежды, и на голове ее был венец, украшенный жемчугом и драгоценными камнями, и на шее — жемчужное ожерелье, а ее стан охватывал пояс из топазовых прутьев, и шнурки на нем были из яхонта и жемчуга. И невольницы встали и поцеловали перед ней землю, а она все смеялась».

«И когда я увидел ее, — говорил Ибрахим ибн аль-Хасыб, — я исчез из мира, и мой ум был ошеломлен, и мысли у меня смешались, так меня ослепила ее красота, которой не было на лице земли подобия. И я упал, покрытый беспамятством, а потом очнулся с плачущими глазами и произнес такие два стиха:

Я вижу тебя, и не отвожу я взора,
Чтоб веки лик твой от меня не скрыли,

И если бы я направил к тебе все взоры,
Не мог бы объять красот я твоих глазами.

И старуха сказала невольницам: «Пусть десять из вас встанут, попляшут и споют». И Ибрахим, увидев их, сказал про себя: «Я желал бы, чтобы поплясала госпожа Джамила».

И когда окончилась пляска десяти невольниц, они подошли к Джамиле, окружили ее и сказали: «О госпожа, мы хотим, чтобы ты поплясала в этом месте и довершила бы этим нашу радость, так как мы не видели дня, приятнее этого». И Ибрахим ибн аль-Хасиб сказал про себя: «Нет сомнения — открылись врата неба, и внял Аллах моей молитве!» А невольницы целовали ноги Джамилы и говорили ей: «Клянемся Аллахом, мы не видели, чтобы твоя грудь расправилась так, как в сегодняшний день». И они до тех пор соблазняли ее, пока она не сняла верхнюю одежду и не осталась в рубахе из золотой ткани, расшитой всевозможными драгоценными камнями, и она показала соски, подобные гранатам, и открыла лицо, подобное луне в ночь полнолуния».

И Ибрахим увидел движения, каких не видал всю свою жизнь, и Джамила показала в своей пляске диковинный способ и удивительные новшества, так что заставляла забыть о пляске пузырьков в чаше.

«И когда я смотрел на нее, — говорил Ибрахим, — ее взгляд вдруг упал на меня, и она меня увидела, и когда она на меня взглянула, ее лицо изменилось, и она сказала невольницам: «Пойте, пока я не приду к вам», — а затем направилась к ножу, величиной в пол-локтя, и, взяв его, пошла в мою сторону. И потом она воскликнула: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!» И когда она подошла ко мне, я исчез из мира. И, увидев меня и столкнувшись со мной лицом к лицу, Джамила выронила из руки нож и воскликнула: «Хвала тому, кто возвращает сердца!» И затем она сказала: «О юноша, успокой свою душу! Ты в безопасности от того, чего боишься». И я начал плакать, а она вытирала мне слезы рукой и говорила: «О юноша, расскажи мне, кто ты и что привело тебя в это место». И я поцеловал ей руку и схватился за ее подол, и она сказала: «Нет над тобой беды! Клянусь Аллахом, мой глаз не наполнится памятью о ком-нибудь, кроме тебя. Скажи мне, кто ты».

«И я рассказал ей свою историю от начала до конца, — говорил Ибрахим, — и она удивилась и сказа-

ла: «О господин мой, заклинаю тебя Аллахом, скажи мне, не Ибрахим ли ты, сын аль-Хасыба?» И я ответил: «Да». И она припала ко мне и сказала: «О господин мой, это ты сделал меня не охочей до мужчин. Когда я слышала, что в Каире находится мальчик, красивей которого нет на всей земле, я полюбила тебя по описанию, и к моему сердцу привязалась любовь к тебе из-за того, что до меня дошло о твоей ослепительной красоте, и я стала с тобой такова, как сказал поэт:

В любви перегнало ухо взоры очей моих —
Ведь ухо скорее глаз полюбит порою.

Да будет же хвала Аллаху, который показал мне твое лицо! Клянусь Аллахом, если бы это был кто-нибудь другой, я распяла бы садовника, и привратника хана, и портного, и всех, кто с ними связан».

И затем она сказала мне: «Как бы мне ухитриться, чтобы ты что-нибудь поел без ведома невольниц?» И я сказал ей: «Со мною то, что мы будем есть и пить». И я развязал перед ней мешок, и она взяла курицу и стала класть куски мне в рот, и я тоже клал ей куски в рот, и когда я увидел, что она это делает, мне показалось, что это сон. И затем я поставил вино, и мы стали пить, и при всем этом она была подле меня, а невольницы пели. И мы делали так с утра до полудня, а затем она поднялась и сказала: «Поднимайся теперь и приготовь себе корабль и жди меня в таком-то месте, пока я к тебе не приду. У меня истощилось терпение переносить разлуку с тобой». — «О госпожа, — ответил я ей, — у меня есть корабль, и он — моя собственность, и матросы наняты мной, и они меня ожидают». — «Это и есть то, чего я хочу», — сказала Джамила. И затем она пошла к невольницам и сказала им: «Поднимайтесь, мы пойдем во дворец». И они спросили: «Как же мы уйдем сейчас — ведь у нас обычай проводить здесь три дня?» — «Я чувствую на душе великую тяжесть, как будто я больна, и боюсь, что это будет для меня тягостно», — отвечала Джамила. И невольницы сказали: «Слушаем и повинемся!» И надели свои одежды, а потом они пошли к берегу и сели в лодку. И садовник подошел к Ибрахиму (а он не знал о том, что с ним случилось) и сказал: «О Ибрахим, нет тебе удачи в том, чтобы насладиться ее видом. Она обычно остается здесь три дня, и я боюсь, что она тебя увидела». — «Она меня не видела, и я не видел ее — она

не выходила из домика»,—сказал Ибрахим. «Твоя правда, о дитя мое,—сказал садовник.—Если бы она тебя увидела, мы бы, наверное, погибли. Но побудь у меня, пока она не придет на следующей неделе, ты ее увидишь и насмотришься на нее досыта».—«О господин мой,—сказал Ибрахим,—у меня есть деньги, и я за них боюсь. Со мной люди, и я боюсь, что они найдут мое отсутствие слишком долгим».—«О дитя мое,—сказал садовник,—мне тяжело с тобой расстаться!»

И он обнял его и простился с ним, и Ибрахим отправился в хан, в котором он стоял, и встретился с привратником хана, и взял свои деньги. И привратник хана спросил его: «Добрые вести, если хочет того Аллах?» И Ибрахим ответил ему: «Я не нашел пути к тому, что мне нужно, и хочу возвратиться к моим родным». И привратник хана заплакал, и простился с ним, и понес его вещи, и довел его до корабля, и потом Ибрахим направился к тому месту, о котором ему говорила Джамила, и стал ее там ждать.

И когда спустилась ночь, девушка вдруг подошла к нему в облике мужественного человека с круглой бородой, и ее стан был перехвачен поясом, и в одной руке у нее был лук и стрела, а в другой — обнаженный меч. «Ты ли сын аль-Хасыба, правителя Египта?» —спросила она. И Ибрахим ответил: «Это я». И она воскликнула: «Какой же ты негодяй, что пришел портить царских дочерей! Иди поговори с султаном!»

«И я упал, покрытый беспамятством,—говорил Ибрахим,—а матросы—те умерли в своей коже от страха. И когда девушка увидела, что меня постигло, она сняла с себя эту бороду, бросила меч и развязала пояс, и я увидел, что это госпожа Джамила, и сказал ей: «Клянусь Аллахом, ты разрубила мне сердце!» И затем я сказал матросам: «Ускорьте ход корабля!» И они распустили паруса и ускорили ход, и прошло лишь немного дней, и мы достигли Багдада. И вдруг я увидел, что у берега стоит корабль. И когда матросы, которые были там, увидели нас, они закричали матросам, бывшим с нами: «О такой-то и такой-то, поздравляем вас с благополучием!» И они направили свой корабль к нашему кораблю, и мы посмотрели и вдруг видим — в нем Абу-ль-Касим ас-Сандагани! И, увидев нас, он воскликнул: «Это то, чего я хотел. Идите под охраной Аллаха, а я хочу отправиться по одному делу». А перед ним стояла свечка, и он сказал мне:

«Хвала Аллаху за благополучие! Исполнил ли ты свое дело?» И я ответил: «Да». И ас-Сандалани приблизил к нам свечку, и когда Джамила увидела его, ее состояние изменилось, и цвет ее лица пожелтел, а ас-Сандалани, увидев ее, воскликнул: «Идите в безопасности, хранимые Аллахом, а я пойду в Басру по делу султана. Но подарок следует тому, кто пришел».

И он велел принести коробку с халвой и бросил ее на корабль (а в халве был бандж), и Ибрахим сказал: «О прохлада моего глаза, поешь этого!» И Джамила заплакала и спросила: «О Ибрахим, знаешь ли, кто это?» — «Да, это такой-то», — сказал я. И Джамила молвила: «Это сын моего дяди, и он раньше сватал меня у моего отца, но я не согласилась на него, и он отправляется в Басру и, может быть, осведомит моего отца о нас». — «О госпожа, — ответил я, — он не достигнет Басры, пока мы не достигнем Мосула. И мы не знали, что скрыто для нас в неведомом». И я съел немного халвы, и не успела она опуститься мне во внутренности, как я ударился головой об землю. А когда наступило время рассвета, я чихнул, и бандж выпал у меня из ноздрей, и я открыл глаза и увидел, что я голый и брошен в пустынном месте. И я стал бить себя по лицу и сказал в душе: «Поистине, это хитрость, которую сделал со мной ас-Сандалани!» И я не знал, куда пойду, и на мне были одни подштанники. И я встал, и прошел немного, и вдруг вижу, подходит вали и с ним несколько человек с мечами и дубинками. И я испугался и, увидев разрушенную баню, спрятался в ней, и я наткнулся на что-то ногой и положил на это руку, и она выпачкалась в крови. И я вытер руку о подштанники, не зная, что это такое, а затем протянул руку второй раз, и она попала на убитого, и его голова оказалась у меня в руке. И я бросил ее и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!» А затем я вошел в одну из комнаток бани, и вдруг вали остановился у дверей бани и сказал: «Войдите в то место и поищите». И из его отряда вышло десять человек со светильниками, и от страха я зашел за стенку, и стал рассматривать убитого, и увидел, что это девушка с лицом, подобным луне, и ее голова в одной стороне и тело в другой стороне, и на ней дорогие одежды. И когда я увидел ее, тревога запала мне в сердце, а вали вошел и сказал: «Обыщите все углы бани». И его люди вошли в то место, где

был я, и меня увидел один человек из них и подошел ко мне, держа в руке нож, длиной в пол-локтя, и, подойдя ко мне, он воскликнул: «Хвала Аллаху, создателю этого прекрасного лица! О юноша, откуда ты?»

И потом он взял меня за руку и спросил: «О юноша, почему ты убил эту убитую?» И я воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не убивал ее и не знаю, кто ее убил, и я вошел в это место только из страха перед вами».

И я рассказал ему свою историю и сказал: «Ради Аллаха, не обижай меня несправедливо! Я и так занят самим собой». И этот человек взял меня и привел к вали, и когда вали увидел у меня на руке следы крови, сказал: «При этом не нужно доказательств! Отрубите ему голову!» И, услышав эти слова, я заплакал сильным плачем, и у меня из глаз потекли слезы, и я произнес такие два стиха:

Прошли мы путем, начертанным нам от века,
А тот, кому начертан путь, пройдет им.

Кто смерть найдет в стране определенной,
Тот умереть в другой стране не может.

И затем я вскрикнул единым криком и упал без памяти, и сердце палача смягчилось ко мне, и он сказал: «Клянусь Аллахом, это не лицо того, кто убил!» — «Отрубите ему голову», — сказал вали. И меня посадили на ковер крови и завязали мне глаза повязкой, и палач взял мечи, и спросил у вали разрешения, и хотел отрубить мне голову. И я закричал: «Увы мне на чужбине!» И вдруг приблизились всадники, и кто-то сказал: «Оставьте его! Убери руку, о палач!» И была этому удивительная причина и диковинное дело. А именно, аль-Хасыб, правитель Египта, послал своего придворного к халифу Харуну ар-Рашиду с подарками и редкостями и послал с ним письмо, в котором говорил: «Мой сын вот уже год, как исчез, и я слышал, что он в Багдаде, и хотел бы милости от преемника Аллаха, чтобы он расследовал, что с ним, и постарался бы его разыскать и отослал бы его ко мне с этим придворным».

И когда халиф прочитал письмо, он приказал вали узнать истину об этом деле, и вали с халифом не переставали расспрашивать об Ибрахиме, пока им не сказали, что он в Басре. И когда халифу рассказали об этом, он написал письмо и отдал его египетскому

придворному и велел ему отправиться в Басру, взяв с собой отряд из приближенных везиря, и от усердия в поисках сына своего господина придворный выехал тотчас же и нашел юношу на коврике крови, у вали.

И когда вали увидел придворного и узнал его, он сошел для него с коня, и придворный спросил: «Что это за юноша и каково его дело?» И вали рассказал ему, что случилось, и придворный сказал (а он не знал, что это сын султана): «Лицо этого юноши — лицо того, кто не убивает». И он велел развязать его узы, и вали развязал его, и тогда придворный сказал: «Приведи его ко мне!» И вали подвел Ибрахима к придворному, а красота Ибрахима пропала из-за тех ужасов, которые он перенес.

«Расскажи мне о твоём деле, о юноша, и о том, что у тебя произошло с этой убитой», — сказал придворный. И когда Ибрахим посмотрел на этого придворного, он узнал его и воскликнул: «Горе тебе! Или ты меня не узнаешь? Разве я не Ибрахим, сын твоего господина? Может быть, ты пришел, разыскивая меня?»

И придворный внимательно посмотрел на Ибрахима и узнал его, как нельзя лучше, и, узнав юношу, он припал к его ногам, и когда вали увидел, что произошло с придворным, у него пожелтел цвет лица. «Горе тебе, о жестокосердый, — сказал придворный, — неужели ты хотел убить сына моего господина аль-Хасыба, правителя Египта?» И вали поцеловал подол придворного и сказал: «О владыка, откуда мне было знать? Мы увидели его в таком виде и увидели рядом с ним убитую девушку». — «Горе тебе, ты не годишься для того, чтобы быть вали, — сказал придворный. — Этому мальчику пятнадцать лет жизни, и он не убил даже воробья, так как же он убьет человека? Но дал ли ты ему срок и спрашивал ли ты его об его обстоятельствах?»

И затем придворный и вали сказали: «Ищите убийцу девушки!» И люди вошли в баню еще раз, и увидели ее убийцу, и, схватив его, привели его к вали.

И вали взял его, и отправился с ним во дворец халифата, и сообщил халифу о том, что случилось, и ар-Рашид приказал убить убийцу девушки, а затем он велел привести Ибн аль-Хасыба. И когда юноша предстал перед ним, ар-Рашид улыбнулся ему в лицо и сказал: «Расскажи мне о твоём деле и о том, что с тобой случилось».

И Ибрахим рассказал ему свою историю, с начала до конца, и она показалась халифу значительной, и он позвал Масрура, меченосца, и сказал: «Ступай сию же минуту, ворвись в дом Абу-ль-Касима ас-Сандагани и приведи его вместе с девушкой».

И Масрур сейчас же отправился и, ворвавшись в дом, увидел, что девушка связана своими волосами и находится в гибельном состоянии. И Масрур развязал ее и привел вместе с ас-Сандагани к халифу, и, увидев девушку, ар-Рашид удивился ее красоте, а затем он обернулся к ас-Сандагани и сказал: «Возьмите его, отрубите ему руки, которыми он бил эту девушку, и распните его и отдайте его деньги и владения Ибрахиму».

И это сделали, и когда это было так, вдруг Абу-ль-Лейс, правитель Басры, отец госпожи Джамилы, явился, взывая к халифу о помощи против Ибрахима, сына аль-Хасыба, правителя Египта, и жалуюсь, что он взял его дочь. И ар-Рашид сказал ему: «Он был причиной ее освобождения от пыток и убиения». И халиф велел привести Ибн аль-Хасыба, и когда тот пришел, сказал Абу-ль-Лейсу: «Разве не согласен ты, чтобы этот юноша, сын султана Египта, был мужем твоей дочери?» — «Внимание и повиновение Аллаху и тебе, о повелитель правоверных!» — сказал Абу-ль-Лейс.

И халиф призвал судью и свидетелей и выдал девушку замуж за Ибрахима ибн аль-Хасыба. Он подарил ему все деньги ас-Сандагани, снарядил и отправил в его страну. И Ибрахим жил с Джамилой в совершеннейшей радости и полнейшем счастье, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Да будет же хвала живому, который не умирает!

СКАЗКА О КАМАР АЗ-ЗАМАНЕ И ЖЕНЕ ЮВЕЛИРА

ассказывают также, о счастливый царь, что был в древние времена один купец, по имени Абд ар-Рахман. И наделил его Аллах дочерью и сыном, и дочь он назвал Каукаб ас-Сабах из-за ее красоты и прелести, а сына он назвал Камар аз-Заман из-за его великой красоты*. И когда он увидел, какой одарил их Аллах красотой, прелестью, блеском и соразмерностью, он побоялся для них зла от глаз смотрящих и языков завистников, и козней коварных, и ухищрений развратников и скрывал их от людей в одном доме четырнадцать лет, так что никто их не видел, кроме их родителей и невольницы, которая им служила.

А их отец читал Коран, как ниспослал его Аллах, и мать их тоже читала Коран. И мать стала обучать свою дочь, а отец обучал сына, пока дети не запомнили Коран и не научились письму, счету, наукам и вежеству от отца и матери, так что не нуждались в учителе.

И когда мальчик достиг возраста мужей, жена купца сказала: «До каких пор ты будешь скрывать твоего сына Камар аз-Замана от людей? Что он — девочка или мальчик?» — «Мальчик», — ответил ей купец. И она молвила: «Раз он мальчик, почему ты не возьмешь его с собой на рынок и не посадишь его в лавке, чтобы он знал людей, и люди знали его, и им стало бы известно, что он твой сын. Научи его покупать и продавать, может быть, с тобой что-нибудь случится, и люди будут знать, что он твой сын, когда он наложит руку на твое наследство. Если же ты умрешь теперь и он скажет людям: «Я сын купца Абд ар-Рахмана», — ему не поверят и скажут: «Мы тебя не видели и не знаем, что у него есть сын». И твое имущество возьмут власти, а твой сын будет лишен всего. И дочку я тоже хочу показать людям, — может быть, кто-нибудь, ей равный, посватается к ней, и мы выдадим ее замуж и порадуемся на нее». — «Это от страха людского глаза, так как я люблю моих детей, а любящий сильно ревнив».

И жена его сказала ему: «Положись на Аллаха! Не будет беды с тем, кого хранит Аллах! Возьми его с собой сегодня в лавку». И она одела мальчика в платье из роскошнейших одежд, и он стал искушением для взирающих и огорчением для сердец влюбленных. И отец взял его с собой и отправился с ним на рынок. И всякий, кто видел мальчика, пленялся им, и подходил к нему, и целовал ему руку, и приветствовал его. А его отец ругал людей за то, что они шли за ним следом, чтобы поглядеть на его сына. И некоторые люди говорили: «Это солнце взошло и засияло на рынке». А другие говорили: «Место восхода луны — в такой-то стороне». Другие же говорили: «Появился серп луны праздника над рабами Аллаха» *. И все они намекали на мальчика словами и желали ему блага, и его отца охватил стыд из-за слов людей, но он не мог никому из них запретить говорить и стал ругать мать Камар аз-Замана и проклипать ее, так как это она была причиной выхода мальчика.

И отец Камар аз-Замана обернулся и увидел, что люди толпятся за ним и перед ним, когда он идет. И наконец они дошли до лавки, и Абд ар-Рахман отпер лавку, и сел, и посадил перед собой своего сына. И, посмотрев на людей, он увидел, что они запру-

дили дорогу, и всякий, кто проходил мимо, вперед или назад, останавливался перед лавкой, и смотрел на это красивое лицо, и не мог от него оторваться. И все люди, мужчины и женщины, были согласны в этом и произносили слова сказавшего:

Ты создал красоты, чтоб нас испытать,
И нам ты сказал: «О рабы, меня бойтесь!»

Прекрасен ты сам и прекрасное любишь —
Твоим ли рабам да в меня не влюбиться?

И когда купец Абд ар-Рахман увидел, что люди толпятся вокруг его сына, и мужчины и женщины стоят рядами, уставившись на мальчика, он смутился до крайности и впал в недоумение, не зная, что делать. И не успел он опомниться, как подошел к нему, со стороны рынка, дервиш из странников, на котором было облачение праведных рабов Аллаха, и приблизился к мальчику и начал произносить стихи и проливать обильные слезы. И, увидев, что Камар аз-Заман сидит, подобный ветви ивы, растущей на куче шафрана, он пролил слезы из глаз.

И затем дервиш стал не спеша подходить, поглаживая рукой свои седины. И толпа расступилась из почтения к нему, и когда он увидел мальчика, его ум и взор были ошеломлены.

И дервиш подошел к мальчику и подал ему стебель базилика. И отец мальчика положил руку в карман и, вынув несколько дирхемов, сказал: «Возьми свою долю, о дервиш, и уходи своей дорогой».

И дервиш взял у него дирхемы, и сел на скамью в лавке, перед мальчиком, и начал смотреть на него и плакать, испуская непрерывные вздохи, и слезы его были точно полноводные ручьи, и люди смотрели на него и порицали его, и одни говорили: «Все дервиши развратники». А другие говорили: «У этого дервиша от любви к мальчику в сердце пожар».

Что же касается до его отца, то, когда он увидел эти обстоятельства, он встал и сказал: «Выходи, о дитя мое, мы запрем лавку и уйдем домой. Не подобает нам в сегодняшний день покупать и продавать. Аллах великий пусть воздаст твоей матери за то, что она с нами сделала. Это она была причиной всего этого. О дервиш,—сказал он потом,—выходи, я запру лавку».

И дервиш вышел, и купец запер лавку, и взял своего сына, и пошел. И дервиш следовал за ним, вместе с людьми, пока они не дошли до дому, и мальчик вошел в дом, и купец обернулся к дервишу и спросил его: «Что ты хочешь, о дервиш, и почему это, я вижу, ты плачешь?» — «О господин,—сказал дервиш,—я хочу быть твоим гостем сегодня вечером. Ведь гость — гость великого Аллаха». — «Добро пожаловать гостю Аллаха,—сказал купец,—входи, о дервиш». А про себя купец сказал: «Если этот дервиш влюбился в мальчика и потребует от него мерзости, я обязательно убью его сегодня ночью и скрою его могилу, а если в нем нет разврата, то пусть гость съест свою долю».

И потом он ввел дервиша и Камар аз-Замана в одну комнату и сказал потихоньку Камар аз-Заману: «О дитя мое, садись рядом с дервишем и подразни его и поиграй с ним, после того как я от вас выйду. И если он потребует от тебя дурного, я буду смотреть на вас из окна, которое выходит в эту комнату, и спущусь к нему и убью его».

И когда дервиш остался с мальчиком один в комнате и тот сел рядом с дервишем, дервиш стал смотреть на него, и вздыхать, и плакать. И когда мальчик заговаривал с ним, он отвечал ему мягко, а сам дрожал и оглядывался на мальчика, вздыхая и плача. И пришло время ужина, и дервиш стал есть, и глаза его были устремлены на мальчика и не переставали плакать. И когда прошла четверть ночи, и кончилась беседа, и пришло время спать, отец мальчика сказал: «О дитя мое, постарайся сам служить твоему дяде дервишу и не перечь ему»,—и хотел выйти. Но дервиш сказал ему: «О господин мой, возьми своего сына с собой или спи с нами». — «Нет,—сказал купец,—вот мой сын — он будет спать с тобой. Может быть, твоя душа чего-нибудь захочет, и тогда мой сын исполнит твою нужду и будет тебе служить».

И он вышел, и оставил их, и сел в другой комнате, где было окно, выходившее в комнату тех двоих, и вот что было с купцом.

Что же касается мальчика, то он подошел к дервишу и стал его распалять и предлагать ему себя. И дервиш рассердился и сказал: «Что это такое за

слова, о дитя мое! Прибегаю к Аллаху от сатаны, битого камнями! О боже мой, это осуждается и неуютно тебе! Удались от меня, о дитя мое!» И дервиш поднялся со своего места и сел далеко от мальчика, но тот последовал за ним, и бросился ему на грудь и сказал: «Почему, о дервиш, ты лишаешь себя услады близости со мной, когда мое сердце тебя любит?» И гнев дервиша усилился, и он воскликнул: «Если ты не отступишься от меня, я позову твоего отца и расскажу ему о твоём деле». — «Мой отец, — сказал мальчик, — знает, что я такой, и невозможно, чтобы он помешал мне. Залечи же мое сердце! Почему ты от меня отказываешься? Разве я тебе не нравлюсь?» — «Клянусь Аллахом, о дитя мое, — сказал дервиш, — я не сделаю этого, даже если буду изранен острыми мечами!»

И он произнес слова поэта:

Мое сердце прекрасных любит, и женщин
И мужчин, и не буду я в этом медлить.

Нет, и в полдень увижу их и под утро,
Сыном Лота *, иль блудником я не буду.

И он заплакал и сказал мальчику: «Встань, открой мне дверь, и я уйду своей дорогой. Не буду я больше спать в этом месте!» И он поднялся на ноги, но мальчик уцепился за него и стал говорить: «Посмотри, как сияет мое лицо, как красны мои щеки и мягки мои члены и нежны мои губы».

И потом он обнажил ногу, приводящую в смущение вино и кравчего, и посмотрел на дервиша взором, обессиливающим волшебников и колдунов, и был он редкостно красив и мягок в своей изнеженности.

И потом юноша показал ему свою грудь и сказал: «Посмотри на мои соски — они прекраснее сосков девушки, а моя слюна слаще растительного сахара. Брось благочестие и воздержание и избавь нас от богомольности и набожности! Воспользуйся моей близостью и насладись моей красотой. Не бойся ничего совершенно — ты в безопасности от дурного. Оставь равнодушие — скверное это свойство!»

И он стал ему показывать и открывать то, что было скрыто из его прелестей, и ослаблять поводья его ума своими движениями, а дервиш отворачивал лицо и

говорил: «Прибегаю к Аллаху! Стыдись, о дитя мое! Это дело запретное, и я не сделаю его даже во сне!» И мальчик стал настаивать, и дервиш вырвался от него и, обратившись к кыбле, начал молиться; и мальчик, увидев, что он молится, оставил его. И дервиш совершил молитву в два rakata и произнес возглас приветствия, и тогда мальчик хотел подойти к нему, но дервиш начал молиться второй раз и совершил молитву в два rakata, и сделал это в третий раз, и в четвертый, и в пятый. И мальчик сказал ему: «Что это за молитва! Разве ты хочешь взлететь к облакам? Ты погубил нам веселье, простояв всю ночь в михрабе».

И затем мальчик бросился к дервишу и начал целовать его меж глаз, и дервиш сказал ему: «О дитя мое, прогони от себя шайтана и соблюдай повиновение всемилостивому!» Но мальчик воскликнул: «Если ты не сделаешь того, что я хочу, я позову отца и скажу ему: дервиш хочет со мной сделать мерзость,— и он войдет к тебе и побьет тебя так, что сломает кости под твоим мясом».

А отец его при всем этом смотрел глазами и слушал ушами, и он уверился в том, что в дервише нет разврата, и сказал себе: «Если бы этот дервиш был развращен, он бы не стал терпеть всей этой тяготы».

А мальчик все пробовал соблазнять дервиша, и всякий раз, как тот хотел начать молитву, прерывал ее, так что дервиш рассердился на мальчика до крайности и стал с ним груб и побил его. И мальчик заплакал, и его отец вошел к нему, и вытер ему слезы, и, успокоив его, сказал дервишу: «О, брат мой, раз ты такой, чего же ты плакал и горевал, когда увидел моего сына? Есть ли для этого какая-нибудь причина?» — «Да», — сказал дервиш. И купец молвил: «Когда я увидел, что ты плачешь при виде мальчика, я подумал о тебе дурное и велел мальчику так делать, чтобы испытать тебя, и задумал, если я увижу, что ты требуешь от него мерзости, войти к тебе и убить тебя. Но когда я увидел, как ты поступил, я узнал, что ты до крайности праведен. Но, ради Аллаха, расскажи мне о причине твоего плача».

И дервиш вздохнул и сказал: «О господин мой, не бреди успокоившиеся раны». И купец воскликнул: «Обязательно расскажи мне!»

И тогда дервиш молвил:

«Знай, что я дервиш, блуждающий по землям и странам, чтобы извлечь назидание из творений создателя ночи и дня. И случилось мне войти в город Басру в день пятницы, на заре дня. И я увидел, что лавки отперты, и в них всякие товары, снедь и напитки, но они пусты, и нет в них мужчины, женщины, девочки или мальчика, и нет на площадях и рынках ни собак, ни кошек, и не слышно там шума и не видно человека, и удивился, и сказал: «Посмотреть бы, куда девались люди этого города с их кошками и собаками и что сделал с ними Аллах».

А я был голоден и взял горячего хлеба из пекарни хлебопека, и, войдя в лавку масленика, намазал хлеб топленным маслом и медом, и поел. А потом я вошел в лавку с напитками и попил, чего хотел. И я увидел, что кофейня открыта, и вошел туда, и увидел кофейники на огне, полные кофе, но и там никого не было. И я напился вдоволь и сказал: «Поистине, это удивительная вещь! Похоже, что к жителям этого города пришла смерть, и они все сейчас умерли, или они испугались чего-нибудь, что их постигло, и убежали и не могли запереть своих лавок».

И когда я размышлял об этом деле, вдруг слышались звуки музыки, и я испугался, и сидел некоторое время, спрятавшись, и смотрел через отверстия и щели. И я увидел невольниц, подобных луне, которые шли по рынку пара за парой, без покрывал, а наоборот, с открытыми лицами, и было их сорок пар — восемьдесят невольниц. И я увидел девушку, ехавшую на коне, который не мог передвигать ноги — так много было на нем и на девушке золота, и серебра, и драгоценных камней. И эта девушка была с открытым лицом, без покрывала, и она была украшена самыми роскошными украшениями и одета в роскошнейшие одежды. На шее у нее были бусы из драгоценных камней, а на груди золотые ожерелья, и на ее руках были запястья, сияющие, как звезды, а на ногах — золотые браслеты, украшенные дорогими металлами. И невольницы окружали ее, а перед нею шла девушка, перевязанная великолепным мечом с изумрудной рукояткой и золотыми подвесками, украшенными драгоценностями.

И когда эта девушка достигла той части улицы, что была против меня, она натянула узду коня и сказала: «О девушки, я слышала какой-то шум внутри этой лавки. Общайте ее, чтобы в ней не сидел кто-нибудь спрятанный, кто хочет посмотреть на нас, когда мы с открытыми лицами».

И невольницы обыскали лавку, стоявшую перед кофейной, где я спрятался, и я испугался и увидел, что невольницы вывели какого-то человека и сказали девушке: «О госпожа, мы увидели там человека, и вот он перед тобой». И девушка сказала невольнице, у которой был меч: «Скинь ему голову». И невольница подошла к этому человеку, и отрубила ему голову, и оставила его валяться на земле, и они ушли. И я испугался, увидев это обстоятельство, но любовь к девушке привязалась к моему сердцу.

А через некоторое время появились люди, и всякий, у кого была лавка, вошел в нее. И люди стали ходить по рынкам и собрались вокруг убитого, смотря на него. И я потихоньку вышел из своего укрытия, и никто меня не заметил, и любовь к девушке овладела моим сердцем. И я стал потихоньку распытывать, кто она, но никто не рассказал мне про нее. И после этого я вышел из Басры, и в сердце моем из-за любви к девушке была печаль. И когда я увидел этого твоего сына, я увидел, что он больше всех людей похож на ту девушку, и он взволновал во мне огонь любви и разжег в моем сердце пламя страсти. И вот причина моего плача». И потом дервиш заплакал сильным плачем, больше которого нет, и сказал: «О господин мой, ради Аллаха, открой мне дверь, чтобы я ушел своей дорогой». И купец открыл ему дверь, и он ушел.

Вот что было с ним. Что же касается Камар аз-Замана, то, когда он слышал слова дервиша, его ум заняла любовь к этой девушке, и овладела им страсть, и взволновалась в нем любовь и увлечение. И когда наступило утро, он сказал своему отцу: «Все дети купцов путешествуют по странам, чтобы достичь желаемого, и нет среди них никого, кому бы отец не собрал товаров и кто бы не отправился с ними путешествовать и не получил бы прибыли. Почему, о батюшка, ты не соберешь мне товаров, чтобы я поехал путешествовать и посмотрел, каково мое счастье?» — «О дитя мое,— ответил ему отец,— у купцов

мало денег, и они посылают своих детей в путешествие ради прибыли и дохода, чтобы добыть мирские блага. Что же касается меня, то у меня много денег, и нет во мне жадности, так как же я отправлю тебя на чужбину? Я не могу расстаться с тобою ни на минуту, тем более что ты бесподобен по красоте, прелести и совершенству, и я боюсь за тебя». — «О батюшка, — сказал Камар аз-Заман, — невозможно, чтобы ты не собрал мне товаров и я бы не поехал с ними в путешествие — иначе я обману тебя и убегу хотя бы без денег и без товаров. И если ты хочешь успокоить мое сердце, то собери мне товаров, и я попутешествую и посмотрю на чужие страны.

И когда отец мальчика увидел, что тот привязался к мысли о путешествии, он рассказал об этом своей жене и сказал ей: «Твой сын хочет, чтобы я собрал ему товаров, и он отправился бы с ними в чужие страны, на чужбину, хотя на чужбине — горе». И жена ответила ему: «Какой тебе будет от этого вред? Таков обычай детей купцов, и все они похваляются путешествиями и прибылью». — «Большинство купцов, — молвил ее муж, — бедняки, и они ищут преумножения денег, а что до меня, то у меня денег много». — «Увеличение добра не вредит, — отвечала его жена, — и если ты не согласишься на это, я соберу ему товаров из своих денег». — «Я боюсь для него чужбины, — сказал купец, — так как чужбина — злая горесть». И жена его возразила: «Нет беды на чужбине, если там есть прибыль, а иначе наш сын уйдет, и мы будем его искать, и не найдем, и опозоримся перед людьми».

И купец внял словам жены и собрал своему сыну товаров на девяносто тысяч динаров. И мать дала сыну кошель, в котором было сорок драгоценных камней, и наименьшая цена каждого из них была пятьсот динаров. «О дитя мое, — сказала она, — береги эти драгоценные камни, — они помогут тебе». И Камар аз-Заман взял все это и поехал в Басру. Драгоценные камни он положил в кожаный пояс и обвязал его вокруг стана. И он ехал до тех пор, пока между ним и Басрой не остался один переход. И напали на него кочевники, и раздели его, и убили его людей и слуг. И Камар аз-Заман лег между убитыми и вымазал себя кровью, и кочевники подумали, что он убит, и оставили его, и никто к нему не приблизился. И они взяли его

деньги и ушли. И когда кочевники ушли своей дорогой, Камар аз-Заман поднялся среди убитых и пошел, и он не владел ничем, кроме драгоценных камней, которые были у него в поясе.

И Камар аз-Заман шел до тех пор, пока не вошел в Басру. И случилось, что день его прихода была пятница, и город был пуст, как рассказывал дервиш.

И Камар аз-Заман увидел, что рынки пусты и лавки отперты, но полны товаров. И он поел, и попил, и стал все рассматривать. И когда это было так, он вдруг услышал, что играет музыка, и спрятался в одной лавке, и пришли девушки. Камар аз-Заман посмотрел на них, и вдруг увидел женщину, ехавшую на коне, и его охватила любовь и страсть, и овладело им такое увлечение и любовное безумие, что он еле устоял на ногах.

А через некоторое время появились люди, и рынки наполнились. И Камар аз-Заман направился на рынок к одному торговцу драгоценными камнями. Он вынул один из тех сорока камней, который стоил тысячу динаров, и продал его этому человеку, и вернулся в свое помещение и провел там ночь. А когда наступило утро, он переменял одежду и сходил в баню и вышел, подобный полной луне. И он продал четыре камня за четыре тысячи динаров, и стал гулять по улицам Басры, одетый в самую роскошную одежду, и отправился на рынок.

И увидел он на рынке одного цирюльника, и, подойдя к нему, побрил у него голову, и завязал с ним дружбу, и сказал: «О батюшка, я из чужих стран, вчера я вошел в этот город, и увидел, что он пуст, и нет в нем никого — ни человека, ни джинна. И я увидел девушек, и среди них молодую женщину, ехавшую на коне, со свитой».

И он рассказал цирюльнику о том, что видел, и цирюльник сказал:

«О дитя мое, рассказывал ли ты еще кому-нибудь об этом?» — «Нет», — отвечал Камар аз-Заман. И цирюльник сказал: «О дитя мое, берегись говорить такие слова кому-нибудь, кроме меня, — люди не скрывают слов и тайн, а ты — маленький мальчик, и я боюсь, что твои слова станут переходить от одних к другим и достигнут тех, о ком они сказаны, и тебя убьют. Знай, о дитя мое, что то, что ты видел, не видел никто, и это

неизвестно никому вне этого города, а что касается жителей Басры, то они умирают от этой горести. Каждую пятницу, на рассвете дня, они запирают собак и кошек и не дают им ходить по рынку. И все жители города входят в мечети и запирают за собой двери, и никто не может пройти по рынку и выглянуть из окна. И ни один человек не знает, в чем причина этой беды. Но сегодня ночью, о дитя мое, я спрошу мою жену о причине этого — она повитуха и вхожа в дом знатных и знает, что происходит в городе,—и, если захочет Аллах великий, ты придешь ко мне завтра, и я тебе расскажу, что она мне скажет».

И Камар аз-Заман вынул пригоршню золота и сказал: «О батюшка, возьми это золото и отдай своей жене — она стала моей матерью». И потом он вынул вторую пригоршню и сказал: «Возьми это себе». И цирюльник молвил: «О дитя мое, посиди на месте, а я пойду к моей жене и спрошу ее и вернусь к тебе с правдивым рассказом».

И он оставил его в лавке, и пошел к своей жене, и рассказал ей об этом юноше, и сказал: «Я хочу, чтобы ты рассказала мне истину о делах этого города, а я расскажу тому юноше-купцу — он очень хочет знать, почему люди и животные на допускаются на рынок по утрам в день пятницы. Я думаю, что он влюблен, а он щедр и великодушен, когда мы ему расскажем, нам достанется от него великое благо».

И жена цирюльника отвечала: «Ступай приведи его и скажи: «Иди поговори с твоей матерью — моей женой! Она передает тебе привет и говорит: «Нужда исполнена»».

И цирюльник пошел на рынок и увидел, что Камар аз-Заман сидит и ждет его. Он рассказал ему обо всем и сказал: «О дитя мое, пойдем к твоей матери — моей жене. Она говорит тебе, что нужда исполнена».

И потом он взял его и шел с ним, пока не вошел к своей жене. И она сказала юноше: «Добро пожаловать!» И усадили его, и Камар аз-Заман вынул сто динаров, и отдал их ей, и сказал: «О матушка, расскажи мне про эту женщину, кто она такая». — «О дитя мое, — ответила жена цирюльника, — знай, что к султану Басры прибыл драгоценный камень от царя Индии, и он захотел его просверлить. Он позвал всех ювелиров и сказал им: «Я хочу, чтобы вы про-

сверлили мне этот камень. Тому, кто его просверлит, я позволю пожелать от меня, и что бы он ни пожелал, я ему дам, а если он сломает камень — я скину с него голову». И ювелиры испугались и сказали: «О царь времени, драгоценный камень быстро погибает, и редко случается, чтобы кто-нибудь просверлил его и не разбил. Не обременяй же нас тем, что нам не под силу. Наши руки не могут просверлить этого камня, но наш шейх опытнее нас». — «А кто ваш шейх?» — спросил царь. И ему сказали: «Мастер Убейд, он опытнее нас в этом ремесле. У него много денег и хорошее знание. Пошли за ним, приведи его к себе и прикажи ему просверлить тебе этот камень».

И царь послал за Убейдом и велел ему просверлить камень, заключив с ним упомянутое условие. И Убейд взял камень и просверлил его так, как хотелось царю. И царь сказал: «Пожелай от меня, о мастер». Но Убейд молвил: «О царь времени, дай мне отсрочку до завтра». А причиной этого было то, что он хотел посоветоваться со своей женой, которой была та самая женщина, что ты видел в пышном шествии. И он любил ее сильной любовью, и от великой своей любви к ней ничего не делал, не посоветовавшись с нею, и поэтому просил дать ему отсрочку, пока он не посоветуется.

И когда Убейд пришел к своей жене, он сказал: «Я просверлил царю драгоценный камень, и он обещал мне исполнить любое мое желание, и я отсрочил его назвать ему, пока не посоветуюсь с тобой. Чего же ты хочешь, чтобы я пожелал?» И жена его сказала: «У нас денег столько, что их не пожрут огни. Если ты меня любишь, пожелай от царя вот что. Пусть на улицах Басры кричат, чтобы жители города входили в мечети в день пятницы, за два часа до молитвы, и чтобы не оставалось в городе ни большого, ни малого, который бы не был в мечети или в доме, и пусть их запирают за воротами мечетей и домов, но лавки в городе оставляют открытыми, а я с моими невольницами буду проезжать по городу, и пусть никто не смотрит на меня из окна или из-за оконной решетки. И всякого, на кого я наткнусь, я убью».

И ювелир пошел к царю и пожелал от него это желание, и царь даровал ему то, что он пожелал, но люди сказали: «Мы боимся для товаров вреда от

кошек и собак». И царь велел запира́ть их на время, пока люди не выйдут после соборной молитвы. И эта женщина стала выезжать каждую пятницу на улицы Басры, за два часа до молитвы. И никто не мог пройти по рынку и выглянуть из окна или из оконной решетки. И вот в чем причина всего этого. Я осведомила тебя о девушке, но желаешь ли ты, о дитя мое, узнать о ее деле, или ты желаешь сблизиться с нею?» — «О матушка, — сказал Камар аз-Заман, — я хочу с ней сблизиться». — «Расскажи мне, что у тебя есть из роскошных сокровищ», — сказала жена цирюльника. И Камар аз-Заман молвил: «У меня есть дорогие камни четырех видов: одни — ценой в пятьсот динаров каждый, другие — по семьсот динаров, третьи — по восемьсот динаров и четвертые — по тысяче динаров». — «А согласна ли твоя душа отдать четыре из них?» — спросила жена цирюльника. «Моя душа согласна отдать все», — ответил Камар аз-Заман. И она молвила: «О дитя мое, я тебя не прогоняю, но поднимайся и вынь один камень ценой в пятьсот динаров. Спроси, где лавка мастера Убейда, шейха ювелиров, и пойди к нему — ты увидишь, что он сидит в своей лавке, одетый в роскошные одежды, и у него работают мастера. Пожелай ему мира, сядь возле лавки, вынь камень и скажи: «О мастер, возьми этот камень и оправь его для меня золотом в перстень, но не делай его большим, а сделай величиной с мискаль, не больше, и сработай его как следует». А потом дай ему двадцать динаров, и дай каждому из работников по динару, и посиди у него немного, и поговори с ним. Когда подойдет к тебе нищий, дай ему динар и проявляй щедрость, чтобы ювелира охватила любовь к тебе. А потом пойди к себе и проспй ночь, а наутро возьми с собой сто динаров и отдай их твоему отцу — он бедный». — «Пусть будет так», — сказал Камар аз-Заман.

И, выйдя от нее, он пошел на постоялый двор и взял камень ценой в пятьсот динаров, а потом направился на рынок драгоценных камней и спросил, где лавка мастера Убейда, шейха ювелиров. И ему показали его лавку, и, подойдя к ней, Камар аз-Заман увидел, что шейх ювелиров — человек почтенный, и на нем роскошная одежда, и у него работают четыре мастера.

«Мир с вами»,—сказал ему Камар аз-Заман. И Убейд возвратил ему приветствие, и сказал: «Добро пожаловать!»—и посадил его. И Камар аз-Заман сел и, вынув камень, сказал: «О мастер, я хочу, чтобы ты оправил мне этот камень золотом в перстень, но сделай его величиной в мискаль, не больше, и оправь его хорошей оправой».

И он вынул двадцать динаров и сказал: «Возьми это за шлифовку, а плата за работу останется за мной». И он дал каждому мастеру по динару, и мастера полюбили его, и мастер Убейд тоже его полюбил. И Камар аз-Заман сидел и беседовал с ним, и всякому нищему он давал динар, и все удивлялись его щедрости.

А у мастера Убейда были в доме инструменты,—такие же, что и в лавке. И у него был обычай, когда он хотел сделать что-нибудь диковинное, работать дома, чтобы мастера не научились его диковинной работе. А та женщина, его жена, сидела перед ним, и когда она была перед ювелиром и он смотрел на нее, он мог делать всякие диковинные вещи, которые годились только для царей.

И он сидел и делал этот перстень у себя дома с удивительным искусством. И когда его жена увидела камень, она сказала: «Что ты хочешь сделать с этим камнем?»—«Я хочу оправить его золотом в перстень»,—сказал ювелир.—«Ему цена пятьсот динаров».—«Для кого?»—спросила она. «Для одного юноши-купца, прекрасного обликом»,—ответил Убейд.—Его глаза ранят, и его щеки горят огнем, у него рот, как печать Сулеймана, щеки, как анемоны, и губы красные, как коралл, а шея у него, как шея газели, и он белый, напоенный румянцем, изящный, тонкий и щедрый, и он сделал то-то и то-то».

И ювелир так описывал жене красоту и прелесть Камар аз-Замана, так описывал ей его щедрость и совершенства, и столько говорил ей об его красотах и благородном нраве, что влюбил ее в него (а нет большего сводника, чем тот, кто описывает своей жене человека и говорит об его красоте и прелести и крайней щедрости на деньги).

И когда жену ювелира переполнила страсть, она сказала: «А есть в нем какие-нибудь из моих красот». И ювелир ответил: «Все твои красоты. Они все в нем, и он сходен с тобой по облику, и, может быть, его возраст

таков же, как твой возраст. И если бы я не боялся не уважить тебя, я бы сказал, что он лучше тебя в тысячу раз». И жена ювелира промолчала, но в ее сердце запылал огонь любви к юноше. А ювелир не переставал разговаривать с нею, перечисляя его красоты, пока не кончил делать перстень. И потом он подал его своей жене, и та надела его, и он пришелся по размеру ее пальца. И тогда она сказала: «О господин мой, мое сердце полюбило этот перстень, и я хочу, чтобы он был мой, я не сниму его с пальца». — «Потерпи, — сказал ей ювелир. — Его владелец щедр, и я постараюсь купить у него этот перстень. Если он мне продаст, я принесу его тебе. А если у него есть другой камень, я куплю его для тебя и оправлю как этот».

Вот что было с ювелиром и его женой. Что же касается Камар аз-Замана, то он переночевал у себя, а наутро взял сто динаров и, придя к старухе, жене цирюльника, сказал ей: «Возьми эти сто динаров». И она молвила: «Отдай их твоему отцу». И когда Камар аз-Заман отдал деньги цирюльнику, она спросила: «Сделал ли ты, как я тебе сказала?» — «Да», — отвечал юноша. И она молвила: «Вставай теперь и отправляйся к шейху ювелиров. Когда он даст тебе перстень, надень его на конец пальца, потом быстро сними и скажи: «О мастер, ты ошибся — перстень вышел узкий!» И он спросит тебя: «О купец, сломать ли мне его и сделать пошире». И ты скажи: «Не нужно его ломать и делать второй раз. Возьми его и отдай невольнице из твоих невольниц». А потом вынь другой камень, цена которого будет семьсот динаров, и скажи: «Возьми этот камень и оправь его для меня, он лучше, чем тот». И дай ему тридцать динаров, а каждому мастеру дай по два динара и скажи ювелиру: «Эти динары — за чеканку, а плата за работу остается за мной». И потом возвратись в свое жилище и переночуй там, а утром приходи и принеси с собой двести динаров, и я довершу для тебя остальную хитрость».

И Камар аз-Заман отправился к ювелиру, и тот приветствовал его и посадил возле лавки. И Камар аз-Заман спросил его: «Исполнил ли ты заказ». — «Да», — ответил ювелир и подал ему перстень. И Камар аз-Заман взял его и надел на конец пальца, а затем быстро снял и сказал: «Ошибся, о мастер!» И он бросил ему перстень и воскликнул: «Он тесен

для моего пальца!» И ювелир спросил: «О купец, расширить мне его?» — «Нет,— отвечал Камар аз-Заман,— но возьми его в подарок и надень его кому-нибудь из своих невольниц. Цена ему пустяковая, так как он стоит пятьсот динаров, и не нужно его оправлять второй раз».

И затем он вынул другой камень, ценой в семьсот динаров, и сказал: «Оправь этот». И дал ювелиру тридцать динаров, а каждому мастеру дал два динара, и ювелир сказал: «О господин, когда мы оправим перстень, мы возьмем за него плату». Но Камар аз-Заман молвил: «Это за чеканку, а плата остается».

И он оставил ювелира и ушел, и ювелир оторопел от великой щедрости Камар аз-Замана, и мастера тоже. А потом ювелир отправился к своей жене и сказал ей: «О такая-то, мои глаза не видели никого щедрее этого юноши, а ты — твое счастье хорошее, так как он отдал мне перстень даром и сказал: «Отдай его кому-нибудь из твоих невольниц». И он рассказал жене всю историю и затем сказал: «Я думаю, этот юноша не из сыновей купцов — он из сыновей царей или султанов».

И всякий раз, как ювелир хвалил Камар аз-Замана, в его жене усиливалась любовь к нему, и страсть, и увлечение. И она надела перстень, а ювелир сделал Камар аз-Заману второй, немного шире, чем первый. И когда он кончил работу, его жена надела этот перстень и держала на пальце дальше первого и сказала: «О господин мой, посмотри, как красивы эти два перстня на моем пальце. Я хочу, чтобы оба перстня были мои». — «Потерпи,— сказал ювелир,— может быть, я куплю для тебя и второй». И затем он проспал ночь, а утром взял перстень и отправился в лавку.

Вот то, что было с ним. Что же касается Камар аз-Замана, то он пошел утром к старухе, жене цирюльника, и дал ей двести динаров. И старуха сказала: «Отправляйся к ювелиру, и когда он отдаст тебе перстень, надень его на палец, но затем быстро сними его и скажи: «Ты ошибся, о мастер, перстень вышел широкий. Когда мастеру, такому, как ты, приносит работу подобный мне, тот должен снять мерку. Если бы ты снял мерку с моего пальца, ты бы не ошибся». А потом вынь другой камень, цена которому тысяча динаров, и скажи ювелиру: «Возьми этот и оправь

его, а тот перстень отдай невольнице из своих невольниц». И дай ему сорок динаров, а каждому мастеру дай по три динара и скажи: «Это за чеканку, а что до платы за работу, то она остается за мной». И посмотри, что он скажет. А потом приходи и принеси с собой триста динаров — отдай их твоему отцу, чтобы он помогал ими себе в жизни, он ведь человек бедный по состоянию». — «Слушаю и повинуюсь!» — отвечал Камар аз-Заман.

И потом он отправился к ювелиру, и тот сказал ему: «Добро пожаловать!» и посадил его, и дал ему перстень. И Камар аз-Заман надел перстень на палец, и быстро снял его, и сказал: «Надлежит такому мастеру, как ты, когда приносит ему подобный мне работу, снимать мерку. Если бы ты снял мерку с моего пальца, ты бы не ошибся. Но возьми перстень и отдай кому-нибудь из своих невольниц».

И затем он вынул камень ценой в тысячу динаров и сказал: «Возьми этот камень и оправь его для меня в перстень по мерке моего пальца». И ювелир воскликнул: «Ты прав, и истина с тобой!» И он снял мерку, и Камар аз-Заман вынул сорок динаров и сказал ему: «Возьми это за чеканку, а плата за работу останется за мной». — «О господин, — сказал ювелир, — сколько раз мы брали с тебя плату! Твои милости к нам велики!» И Камар аз-Заман ответил: «Не беда!» И он побеседовал с ним некоторое время, и всякий раз, как мимо проходил нищий, он подавал ему динар, а потом он оставил ювелира и ушел.

Вот то, что было с ним. Что же касается ювелира, то он отправился домой и сказал своей жене: «Как щедр этот юноша-купец! Я не видел никого щедрее и красивее и нежнее речами». И он стал говорить своей жене о красотах и щедрости Камар аз-Замана, далеко заходя в похвалах ему. И жена его сказала: «О необходимый! Если ты знаешь в нем эти качества и он дал тебе два драгоценных перстня, тебе следует его пригласить и сделать ему угощение и подружиться с ним. Когда он увидит от тебя дружбу и придет в наше жилище, ты, может быть, получишь от него большее благо. А если ты не согласен сделать ему угощение, то пригласи его, и я сделаю ему угощение от себя». — «Разве ты считаешь, что я скупой, что говоришь такие слова?» — воскликнул ювелир. И жена

его сказала: «Ты не скупой, но необходимый. Пригласи его сегодня вечером и не приходи без него, а если он будет отказываться, заклинай его разводом и настаивай». — «Слушаю и повинуюсь!» — сказал ювелир. И потом он оправил перстень и лег спать, а наутро, в третий день, отправился в лавку и сел там.

Вот что было с ним. Что же касается Камар аз-Замана, то он взял триста динаров, отправился к старухе и отдал их ее мужу. И она сказала ему: «Может быть, ювелир тебя пригласит сегодня, и если он тебя пригласит и ты будешь у него ночевать, то, что бы с тобой ни случилось, расскажи мне утром и принеси с собой четыреста динаров и отдай их твоему отцу». И Камар аз-Заман сказал: «Слушаю и повинуюсь!» (а всякий раз, как у него кончались деньги, он продавал часть камней)—и отправился к ювелиру, и тот поднялся к нему, и заключил его в объятия, и пожелал ему мира, и завязал с ним дружбу. И он вынул перстень, и Камар аз-Заман увидел, что перстень по его мерке, и сказал: «Да благословит тебя Аллах, о господин из мастеров! Оправа подходит, но камень не такой, как я хочу, у меня есть лучшие. Возьми этот и отдай его кому-нибудь из своих невольниц».

И он вынул другой камень и сто динаров и сказал: «Возьми твою плату и не взыщи с нас,—мы тебя утомили». И ювелир сказал ему: «О купец, то, из-за чего мы утомлялись, ты нам отдал, и ты пожаловал нам многое. К моему сердцу привязалась любовь к тебе, и я не могу с тобой расстаться. Заклинаю тебя Аллахом, будь моим гостем сегодня вечером и залечи мое сердце». — «Это недурно,—сказал Камар аз-Заман,—но я обязательно должен отправиться в хан, чтобы предупредить моих слуг и сказать им, что я не ночую в хане, чтобы они меня не ждали». — «А ты стоишь в каком хане?» — спросил ювелир. И Камар аз-Заман сказал: «В таком-то хане». И ювелир воскликнул: «Я к тебе туда приду!» — «Это недурно», — сказал Камар аз-Заман. И ювелир отправился в этот хан перед закатом, боясь гнева своей жены, если он придет домой без гостя, и взял Камар аз-Замана и привел его к себе в дом. И они сели в комнате, которой нет подобной, а женщина увидела Камар аз-Замана, когда он входил в дом, и пленилась им. И Камар

аз-Заман с ювелиром разговаривали, пока не принесли ужин, и они поели и попили, а потом им принесли кофе и напитки. И ювелир не переставал развлекать Камар аз-Замана беседой до ночной молитвы. И они совершили обязательную молитву, и потом вошла к ним невольница, неся две чашки с питьем, и когда они выпили, их одолел сон, и они заснули. И тогда пришла та женщина и, увидев, что они спят, стала смотреть в лицо Камар аз-Замана, и его красота ошеломила ей ум. И она воскликнула: «Как может спать тот, кто любит красавиц!»

И потом она повернула его навзничь и села ему на грудь, и от сильной ярости в страсти к нему она осьпала его щеки градом поцелуев, так что они оставили след на его щеках, и усилился румянец Камар аз-Замана, и его щеки заблестели. И женщина припала к его губам и стала их сосать, и она до тех пор сосала ему губы, пока кровь не выступила у нее на губах. И при всем этом огонь в ней не погасал, и ее жажда не утолялась. И она не переставала его целовать, и обнимать, сплетать ноги с ногами, пока не засияло чело утра и не заблестала сияющая заря, и потом она положила в карман Камар аз-Замана четыре бабки, и оставила его, и ушла.

А после этого она послала свою невольницу с чем-то вроде нюхательного табака, и невольница вложила его им в ноздри, но они чихнули и пришли в себя, и невольница сказала им: «Найдите, господа мои, что молитва обязательна. Поднимайтесь же на утреннюю молитву!»

И она принесла им таз и кувшин, и Камар аз-Заман сказал: «О мастер, время пришло, и мы перешли предел сна». И ювелир сказал купцу: «О друг мой, сон в этой комнате тяжелый. Всякий раз, как я в ней сплю, со мной случается такое дело». — «Твоя правда», — сказал Камар аз-Заман. И потом он принялся за омовенье, и когда вода коснулась его лица, у него начали гореть щеки и губы. «Чудеса! — молвил он. — Если воздух в комнате был тяжелый и мы погрузились в сон, то почему у меня горят щеки и губы? О мастер, — сказал он потом, — щеки и губы у меня горят». И ювелир ответил: «Я думаю, что это от укусов комаров». — «Чудеса! — сказал Камар аз-Заман. — А с тобой случается в этой комнате подоб-

ное?» — «Нет, — ответил ювелир, — но когда у меня бывает гость, такой, как ты, он утром жалуется на укусы комаров, и это бывает только, если гость, как ты, безбородый, а если он бородатый, то комары к нему не слетаются, и от комаров спасает меня только моя борода. Комары как будто не любят людей с бородами». — «Твоя правда», — сказал Камар аз-Заман. А потом невольница принесла им завтрак, и они поели и вышли.

И Камар аз-Заман отправился к старухе, и, увидав его, она сказала: «Я вижу следы счастья у тебя на лице. Расскажи мне, что ты видел». — «Я ничего не видел, — сказал Камар аз-Заман, — я только поужинал с хозяином дома в комнате, и мы совершили вечернюю молитву, а потом легли спать и проснулись только утром». И старуха засмеялась и сказала: «Что это за следы у тебя на щеках и губах?» — «Комары в той комнате сделали со мной такие дела», — сказал Камар аз-Заман. И старуха сказала: «Твоя правда! А случилось ли с хозяином дома то же самое, что случилось с тобой?» — «Нет, — сказал Камар аз-Заман, — но он мне рассказывал, что комары в этой комнате не вредят людям с бородой и летают только над безбородыми, и всякий раз, как у него бывает гость безбородый, он жалуется утром на укусы комара, а если он бородатый, с ним ничего такого не случается». — «Твоя правда, — отвечала старуха. — А заметил ли ты что-нибудь, кроме этого?» — «Я нашел у себя в кармане четыре бабки», — сказал Камар аз-Заман. «Покажи их мне», — попросила старуха. И Камар аз-Заман дал ей бабки, и она взяла их и сказала смеясь: «Это твоя возлюбленная положила их тебе в карман». — «Как так?» — удивился Камар аз-Заман. И старуха сказала: «Она говорит тебе знаками: «Если бы ты был влюблен, ты не спал бы, ибо тот, кто любит, не спит, а ты еще маленький, и тебе подходит играть в бабки. Что же побудило тебя влюбляться в красавиц?» И она пришла к тебе ночью, и увидела, что ты спишь, и изранила тебе щеки поцелуями, и положила тебе этот знак. Но только ей не будет достаточно этого — напротив, она обязательно пришлет к тебе своего мужа, и он пригласит тебя сегодня вечером, и когда ты пойдешь с ним, не засыпай скоро. Захвати с собой пятьсот динаров и иди, а мне расскажи о том, что случится, и я

доведу для тебя эту хитрость до конца». И Камар аз-Заман сказал: «Слушаю и повинуюсь!» И пошел в хан.

Вот то, что было с ним. Что же касается жены ювелира, то она спросила своего мужа: «Ушел гость?» И он сказал: «Да, но только, о такая-то, комары беспокоили его сегодня ночью, и они искололи ему щеки и губы, и мне было перед ним стыдно». — «И такой уж обычай у комаров в нашей комнате, они любят только безбородых, — ответила его жена. — Но пригласи его на следующий вечер».

И ювелир отправился к Камар аз-Заману в хан, где он жил, и пригласил его, и привел в ту комнату, и они поели, и попили, и совершили вечернюю молитву. И тогда вошла невольница и дала каждому из них чашку, и они выпили и заснули. И тогда пришла молодая женщина и сказала Камар аз-Заману: «О негодяй, как ты спишь и утверждаешь, что ты влюбленный, ведь влюбленные не спят». И она села ему на грудь и не переставала осыпать его поцелуями, и кусать, и сосать ему губы, и играть с ним до утра. А потом она положила ему в карман нож. Под утро она послала свою невольницу, и та разбудила обоих, и щеки Камар аз-Замана словно пылали огнем от сильного румянца, и губы у него были как коралл из-за сосанья и поцелуев.

И ювелир спросил его: «Может быть, тебя беспокоили комары?» И Камар аз-Заман отвечал: «Нет». Теперь, узнав в чем загадка, он перестал жаловаться, — а посмотрев у себя в кармане, он нашел нож — и промолчал. И Камар аз-Заман позавтракал, и выпил кофе, и вышел от ювелира, и отправился в хан. И, взяв пятьсот динаров, пошел к старухе, и рассказал ей о том, что видел, и сказал: «Я заснул против воли и утром не увидел ничего, кроме ножа у себя в кармане». — «Да защитит тебя от нее Аллах в следующую ночь! — воскликнула старуха. — Она говорит тебе: «Если ты заснешь еще раз, я тебя зарежу!» Ты будешь приглашен к ним на следующую ночь, и если ты заснешь, она тебя зарежет». — «А что же мне делать?» — спросил Камар аз-Заман. И старуха сказала: «Расскажи мне, что ты ешь и пьешь перед сном». И Камар аз-Заман сказал: «Мы ужинаем, как обычно ужинают, а потом, после ужина, к нам приходит

невольница и подает каждому из нас чашку. И когда я выпиваю свою чашку, я засыпаю и просыпаюсь только утром». — «Беда в этой чашке, — сказала старуха. — Возьми ее у невольницы, но не пей, пока ее не выпьет хозяин и не заснет. Когда невольница даст тебе чашку, скажи ей: «Дай мне напиться воды». И она уйдет, чтобы принести тебе кувшин, а ты вылей из чашки за подушку и представься спящим. А когда невольница вернется с кувшином, она подумает, что ты заснул, после того как выпил чашку, и уйдет от тебя, и через некоторое время тебе все станет ясно. Но берегись слушаться моего приказанья». — «Слушаю и повинуюсь!» — ответил Камар аз-Заман и отправился в хан.

Вот то, что было с ним. Что же касается жены ювелира, то она сказала своему мужу: «Гостя угощают три вечера. Пригласи же в третий раз». И ювелир отправился к Камар аз-Заману, и пригласил его, и привел опять в ту комнату. И когда они поужинали и совершили вечернюю молитву, вдруг вошла та невольница и дала каждому из них чашку. И хозяин выпил и заснул, а что касается Камар аз-Замана, то он не выпил, и невольница сказала ему: «Разве ты не будешь пить, о господин?» И он сказал ей: «Я чувствую жажду, подай кувшин». И невольница ушла, чтобы принести кувшин, и Камар аз-Заман опрокинул чашку за подушку и лег. И когда невольница возвратилась, она увидела, что он спит, и рассказала об этом своей госпоже. «Когда он выпил чашку, он заснул», — сказала она. И молодая женщина подумала: «Смерть для него лучше, чем жизнь».

И потом она взяла острый нож и вошла к нему, говоря: «Вот уж третий раз, как ты не замечаешь знака, о дурень! Теперь я распорю тебе живот». И Камар аз-Заман, увидев, что она подходит к нему с ножом в руке, открыл глаза и поднялся, смеясь, и женщина сказала ему: «Ты понял этот знак не по своей догадливости, а по указанию хитрого. Расскажи мне, откуда у тебя это знание?» — «От одной старухи, и у меня с ней случилось то-то и то-то», — отвечал Камар аз-Заман и рассказал ей в чем дело.

И женщина молвила: «Завтра уйди от нас и пойди к старухе и спроси ее: «Остались ли у тебя еще хитрости, сверх этого?» Если она тебе скажет: «Есть», — скажи

ей: «Старайся, чтобы я получил доступ к ней открыто». А если она скажет: «Нет у меня больше ничего, это последнее», — выкинь ее из головы. А завтра вечером к тебе придет мой муж и пригласит тебя; приходи с ним и расскажи мне все, и я буду знать остальной план». — «Это недурно», — сказал Камар аз-Заман.

И он провел с ней остаток ночи, прижимаясь и обнимаясь, и они употребляли, в согласии, буквы понижения, сближая связь со связующим, а муж ее был точно тенвин, отброшенный при сочетании*. И они делали это до утра, и потом женщина сказала: «Мне не хватит с тобой ни ночи, ни дня, ни месяца, ни года, и я хочу провести с тобой остаток жизни. Но потерпи, пока я не сделаю с моим мужем хитростей, которые смутят разных людей, и мы достигнем таким образом нашей цели. Я зароню в него сомнение, так что он разведется со мной, и я выйду за тебя замуж и поеду с тобой в твою страну. И я перенесу к тебе все его деньги и сокровища и ухитрюсь разрушить его жилище и стереть его следы. Но только ты слушайся моих слов и повинуйся мне в том, что я тебе скажу, и не будь непослушен». — «Слушаю и повинуюсь!» — сказал Камар аз-Заман. — «Нет во мне непослушания».

И женщина молвила: «Ступай в хан, и если мой муж придет и пригласит тебя, скажи ему: «О брат мой, сын Адама тягостен, когда учащаются его посещения, они надоедают и щедрому и скупому. Как это я хожу к тебе каждый вечер, и мы с тобой спим в одной комнате, — ведь если ты не сердишься на меня, то, может быть, твоя жена на меня сердита, так как я не пускаю тебя к ней. Если ты желаешь общения со мной, то найми мне дом рядом с твоим домом, и иногда ты будешь бодрствовать со мной до часа сна, и иногда я стану бодрствовать с тобой до часа сна, и потом я буду уходить в свое жилище, а ты пойдешь в гарем. Это лучше, чем каждую ночь не пускать тебя в гарем». И после этого он придет ко мне и спросит у меня совета, и я ему посоветую выселить нашего соседа. Дом, в котором он живет, — наш дом, и этот сосед живет по найму. И когда ты придешь в этот дом, Аллах облегчит нам остальное. Ступай теперь и сделай так, как я тебе велела», — сказала она потом. И Камар аз-Заман ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И жена ювелира ушла, а он представился спящим. И через неко-

торое время пришла невольница и разбудила обоих, и ювелир, очнувшись, спросил: «О купец, может быть, комары беспокоили тебя?» — «Нет», — сказал Камар аз-Заман. И ювелир молвил: «Должно быть, ты к ним привык».

И затем они позавтракали, и выпили кофе, и ушли по своим делам, и Камар аз-Заман отправился к старухе и рассказал ей о том, что случилось, и сказал: «Она говорила мне то-то и то-то, а я говорил ей то-то и то-то. Есть ли у тебя что-нибудь больше, чем этот план, чтобы привести меня к сближению с ней открыто?» — «О дитя мое, — сказала старуха, — мой план дошел досюда, и здесь истоцились мои хитрости».

И Камар аз-Заман оставил ее и отправился в хан. И наступило утро, а под вечер ювелир отправился к Камар аз-Заману и пригласил его, и Камар аз-Заман сказал: «Мне невозможно идти с тобой». — «Почему это, — спросил ювелир, — я полюбил тебя и не могу больше с тобой расстаться! Заклинаю тебя Аллахом, пойдем со мной». — «Если ты хочешь долго быть со мной вместе и продлить дружбу между мной и тобой, найми мне дом рядом с твоим домом, — сказал Камар аз-Заман, — и если захочешь, ты будешь бодрствовать у меня, и я буду бодрствовать у тебя, и перед сном каждый из нас уйдет в свой дом и будет спать у себя». — «У меня есть дом рядом с моим домом, — сказал ювелир, — и он моя собственность. Пойдем ко мне сегодня вечером, а завтра я освобожу его для тебя».

И Камар аз-Заман пошел, и они поужинали и совершили вечернюю молитву, и муж женщины выпил чашку, где было снадобье, и заснул, а в чашке Камар аз-Замана не было примеси, и он выпил ее и не заснул. И жена ювелира пришла к нему и просидела, беседуя с ним, до утра, и ее муж валялся, точно мертвый, а потом он очнулся, как обычно, от сна и послал за своим жильцом и сказал ему:

«О человек, освободи мне мой дом — он мне понадобился». — «Слушаю и повинуюсь!» — ответил жилец, освободил дом, и Камар аз-Заман поселился в нем и перенес в него все свои пожитки. И в этот вечер ювелир провел время у Камар аз-Замана, а потом он ушел домой.

На следующий день его жена послала за искусным строителем и, призвав его, соблазнила его деньгами, и он сделал ей из ее дома подземный ход, который вел в дом Камар аз-Замана, и устроил опускающую дверь под землей. И не успел Камар аз-Заман опомниться, как женщина вошла к нему, неся с собой два мешка денег. «Откуда ты пришла?» — спросил он. И она показала ему подземный ход и сказала: «Возьми эти два мешка его денег», — и села. И она забавлялась и играла с ним до утра, а потом сказала: «Подожди, я схожу к нему и разбужу его, чтобы он ушел в свою лавку, а потом приду к тебе». И Камар аз-Заман сел и стал ее ждать. А она пошла к своему мужу и разбудила его, и он встал, омылся, помолился и ушел в лавку. И после его ухода она взяла четыре мешка, и пришла к Камар аз-Заману подземным ходом, и сказала: «Возьми эти деньги». И посидела у него, а затем каждый из них ушел своей дорогой, и женщина пошла к себе домой, а Камар аз-Заман отправился на рынок. И когда, ко времени заката, он вернулся к себе домой, он увидел у себя десять мешков, и драгоценные камни, и другие вещи. А потом ювелир пришел к Камар аз-Заману, в его дом, и увел его к себе, в ту комнату, и они вместе провели вечер. И невольница, по обычаю, вошла к ним и дала им напиться, и ее господин заснул, а с Камар аз-Заманом ничего не случилось, так как его чашка была безвредная, без примеси.

И женщина пришла к нему и сидела, играя с ним, а невольница носила вещи в дом Камар аз-Замана через подземный ход, и они были в таком положении до утра. А затем невольница разбудила своего господина и напоила обоих кофе, и каждый из них ушел своей дорогой.

И на третий день женщина показала Камар аз-Заману нож, принадлежащий ее мужу (а он был его работы и был сделан его рукой, и ювелир истратил на него пятьсот динаров, так что нельзя было найти ему равного по красоте работы, и люди так часто просили у ювелира этот нож, что он положил его в сундук, и его душа не соглашалась продать его никому), и сказала Камар аз-Заману: «Возьми этот нож, положи его за пояс и пойдешь к моему мужу. Сядь с ним рядом, вынь нож из-за пояса и скажи: «О мастер, взгляни на этот нож,— я купил его сегодня. Расскажи мне, проиграл я

на нем или выиграл». И мой муж узнает нож, но ему будет стыдно сказать тебе: «Это мой нож!» И если он тебя спросит, где ты его купил и за сколько ты его получил, скажи ему: «Я увидел двух левантинцев, которые дрались, и один из них спросил другого: «Где ты был?» И тот сказал: «Я был у моей подружки; всякий раз, как я с ней встречаюсь, она дает мне денег, а сегодня она мне сказала: «Сейчас у меня руки коротки для денег, но возьми этот нож — это нож моего мужа». И я взял у нее нож и хочу его продать». И нож мне понравился, и когда я услышал, что он говорит это, я спросил его: «Ты продашь его мне?» И он сказал: «Покупай». И я взял у него нож за триста динаров. Узнать бы, дешево это или дорого!» И посмотри, что он тебе скажет. А потом поговори с ним немного и уйди от него и приходи скорей ко мне — ты увидишь, что я сижу у входа в подземный ход и жду тебя, — и отдай мне нож».

«Слушаю и повинуюсь!» — сказал Камар аз-Заман, и потом он взял нож, и, положив его за пояс, пошел в лавку ювелира, и приветствовал его. И ювелир сказал ему: «Добро пожаловать!» И посадил его, и он увидел у него за поясом нож, и удивился, и сказал про себя: «Это мой нож, но кто же передал его этому купцу?» И он стал размышлять и говорил про себя: «Узнать бы, мой это нож или похожий на него!» И вдруг Камар аз-Заман вынул нож и сказал: «О мастер, возьми этот нож, взгляни на него». И когда ювелир взял нож у него из рук, он узнал его как нельзя лучше, но постыдился сказать: «Это мой нож». И спросил: «Где ты его купил?» И Камар аз-Заман рассказал ему то, что его научила рассказать женщина, и ювелир сказал: «Такой нож за эти деньги — дешево, так как он стоит пятьсот динаров». И огонь загорелся у него в сердце, и руки его запутались и не могли делать его работу. И Камар аз-Заман стал с ним разговаривать, но ювелир был погружен в море размышлений, и всякий раз, как юноша говорил ему пятьдесят слов, он отвечал одно слово, и сердце его было в мучении, а тело его было в волнении, и ум его смутился.

И Камар аз-Заман увидел, что состояние ювелира переменилось, и сказал ему: «Ты, может быть, сейчас занят». И поднялся, и быстро отправился домой, и он увидел, что женщина стоит у входа в подземный ход и

ждет его. И, увидев его, она спросила: «Сделал ты так, как я тебе велела?» И Камар аз-Заман сказал: «Да». — «Что он тебе говорил?» — спросила она. И Камар аз-Заман ответил: «Он сказал, что за такую цену нож дешев, потому что он стоит пятьсот динаров, но его состояние изменилось, и я ушел от него и не знаю, что с ним было после этого». — «Дай нож, — сказала она, — тебе от него ничего не будет». И взяла нож, и положила его на место, и села.

Вот то, что было с ней. Что же касается ювелира, то после ухода от него Камар аз-Замана в его сердце запылал огонь, и увеличилось его беспокойство, и он сказал про себя: «Непременно схожу и проверю, где нож, и обрежу сомнение уверенностью».

И он пошел, и пришел домой, и вошел к своей жене, пыхтя, точно дракон, и жена его спросила: «Что с тобой, о господин мой?» — «Где мой нож?» — воскликнул ювелир. И жена его ответила: «В сундуке». А затем она стала бить себя рукой в грудь и сказала: «О моя забота! Может быть, ты с кем-нибудь поссорился и пришел искать нож, чтобы ударить его им». — «Подай нож, покажи мне его!» — сказал ювелир. И жена его воскликнула: «Раньше поклянись мне, что ты никого им не ударишь!» И ювелир поклялся ей, и она открыла сундук и вынула нож, и ее муж принялся его вертеть, говоря: «Поистине, это вещь удивительная!» И затем он сказал ей: «Возьми его и положи на место». И жена его молвила: «Расскажи мне, в чем причина этого». И ювелир сказал: «Я увидел у нашего друга нож такой же, как этот». И рассказал ей всю историю. А потом он сказал: «Но когда я увидел нож в сундуке, я обрезал сомнение уверенностью». — «Ты, может быть, подумал обо мне дурное и решил, что я — подруга этого левантинца и отдала ему нож?» — сказала она. И ювелир молвил: «Да, я усомнился в этом деле, но когда я увидел нож, сомнение ушло из моего сердца». — «О человек, — сказала его жена, — не осталось в тебе добра». И ювелир принялся извиняться перед ней и наконец умилоствовал ее, и потом он вышел и пошел в свою лавку.

А на следующий день женщина дала Камар аз-Заману часы своего мужа (а он сделал их своей рукой, и ни у кого не было им подобных) и сказала ему: «Пойди к нему в лавку, сядь подле него и скажи: «Того,

кого я видел вчера, я видел и сегодня, и у него в руках были часы. И он сказал мне: «Не купишь ли эти часы?» И я спросил: «Откуда у тебя эти часы?» И он сказал: «Я был у моей подружки, и она мне их дала». И я купил их за пятьдесят восемь динаров. Скажи мне, дешевы они за эту цену или дороги». И посмотри, что он тебе скажет. А когда ты уйдешь от него, приходи скорее ко мне и отдай мне часы».

И Камар аз-Заман пошел к ювелиру и сделал так, как сказала ему женщина, и ювелир, увидев часы, сказал: «Они стоят семьсот динаров». И в него вошло подозрение.

А юноша оставил его и, придя к женщине, отдал ей часы, и вдруг ее муж вошел, пыхтя, и спросил: «Где мои часы?» — «Вот они здесь», — сказала она. И ювелир воскликнул: «Поддай их сюда!» И когда женщина принесла ему часы, он вскричал: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!» — «О человек, — сказала она, — ты не без новостей! Расскажи мне, какие у тебя новости». — «Что я скажу! — воскликнул ювелир. — Я не знаю, что думать в этих обстоятельствах!»

«О женщина, — сказал он потом, — я видел у купца, нашего друга, сначала мой нож (а я узнал его потому, что его работа — изобретение моего ума, и подобного ему не найти), и он рассказал мне вещи, огорчающие сердце. И я пришел сюда и увидел нож здесь. А второй раз я увидел у него часы, и работа их — тоже изобретение моего ума, и не найдется подобных им в Басре. И наш друг опять рассказал мне вещи, огорчающие сердце, и я смутился в уме и не понимаю больше, что происходит». — «По твоим словам выходит, — сказала женщина, — что я — подруга этого купца и его милая и отдаю ему твои вещи, и ты допустил, что я тебя обманываю, и пришел меня спросить. И если бы ты не увидел ножа и часов у меня, ты бы уверился в моем обмане. Но только, о человек, раз ты предположил обо мне такие предположения, я не буду есть с тобой одну пищу и пить одну воду после этого, так как ты мне отвратителен отвращением запрещающим».

И ювелир принялся ее уговаривать, и наконец умиловил ее, и вышел, и стал раскаиваться в том, что обратился к ней с такими словами, и потом он пошел в лавку и сидел в лавке с Камар аз-Заманом, и

его охватило сильное волнение и задумчивость, больше которой нет, и он и верил и не верил. А под вечер он пришел домой один и не привел с собой Камар аз-Замана. Женщина спросила его: «Где купец?» — «У себя», — сказал он. И женщина молвила: «Разве остыла твоя дружба с ним?» — «Клянусь Аллахом, — ответил ювелир, — он стал мне противен после того, что из-за него случилось». И жена его сказала ему: «Пойди приведи его ради меня».

И ювелир поднялся, и пришел в дом Камар аз-Замана, и увидел свои вещи, разложенные там, и узнал их, и огонь загорелся в его сердце, и он начал вздыхать.

«Почему это ты, я вижу, задумчив?» — спросил его Камар аз-Заман. И ювелир постыдился сказать ему: «Мои вещи у тебя, кто к тебе их принес?» Он только сказал: «Меня охватило беспокойство, но пойдем ко мне домой, мы там развлечемся». — «Оставь меня в моем доме, — сказал Камар аз-Заман, — я не пойду к тебе».

И ювелир стал заклинять его и увел его к себе, а потом они поужинали и бодрствовали весь вечер. И Камар аз-Заман разговаривал с ювелиром, но тот был погружен в море дум, и когда юноша-купец говорил сто слов, ювелир отвечал ему одним словом. И невольница вошла к ним, по обычаю, с двумя чашками, и когда они выпили, купец заснул, а юноша не заснул, так как в его чашке не было примеси. И женщина вошла к Камар аз-Заману и сказала ему: «Как ты находишь этого рогатого, который опьянел в своей простоте и не знает козней женщин. Я обязательно его обману, чтобы он со мной развелся. Завтра я приму облик невольницы и пойду за тобой в лавку, и ты ему скажешь: «О мастер, я зашел сегодня в хан торговцев пленными и увидел эту невольницу и купил ее за тысячу динаров. Посмотри ее для меня, дешевая она за эту цену или дорогая». И потом открой ему мое лицо и грудь и дай ему посмотреть на меня, а затем возьми меня и вернись со мной в твое жилище, и я пройду домой через подземный ход и посмотрю, чем у нас с ним кончится дело».

И они провели ночь в радости, веселье и застольной беседе, и играли, веселились и наслаждались до утра. А после этого женщина ушла в свое помещение и

прислала невольницу, и та разбудила своего господина и Камар аз-Замана, и они поднялись, и, совершив утреннюю молитву, позавтракали, и выпили кофе, и ювелир пошел к себе в лавку, а Камар аз-Заман отправился домой.

И вдруг женщина вышла к нему из подземного хода в облике невольницы (а она раньше была невольницей), и Камар аз-Заман отправился в лавку ювелира, а женщина пошла за ним, и он шел, а она шла сзади, пока он не привел ее к лавке ювелира. И он пожелал ее мужу мира, и сел, и сказал: «О мастер, я ходил сегодня в хан торговцев пленными, чтобы поглядеть, и увидел эту невольницу в руках посредника. Она мне понравилась, и я ее купил за тысячу динаров. Я хочу, чтобы ты взглянул на нее и посмотрел, дешева она за эту цену или нет». И он открыл лицо женщины, и ювелир увидел, что это его жена (а она оделась в свои самые роскошные одежды и украсилась наилучшими украшениями, и насурьмила глаза, и выкрасила концы пальцев, так же, как украшалась перед ним в его доме), и узнал ее наилучшим образом по лицу, одежде и украшениям, так как он делал их своей рукой. И он увидел на ее пальце перстни, которые недавно сделал для Камар аз-Замана. И для него стало со всех сторон ясно, что это его жена. «Как твое имя, о невольница?» — спросил он. И она отвечала: «Халима». (А имя его жены было тоже Халима, и она назвала ему это самое имя.)

И ювелир удивился этому и спросил Камар аз-Замана: «За сколько ты ее купил?» — «За тысячу динаров», — сказал Камар аз-Заман. И ювелир молвил: «Ты получил ее даром, так как тысяча динаров — это меньше, чем стоимость ее перстней, и ее одежда и украшения достались тебе даром». — «Да обрадует тебя Аллах благом», — сказал Камар аз-Заман. — Раз она тебе понравилась, я отведу ее к себе домой». — «Делай как хочешь», — сказал ювелир. И Камар аз-Заман взял ее и пошел домой, и она прошла через подземный ход и села в своем доме.

Вот что было с ней. Что же касается ювелира, то в его сердце загорелся огонь, и он сказал про себя: «Пойду посмотрю, где моя жена. Если она дома, значит, эта невольница на нее похожа (славен тот, на кого нет похожего!), а если моей жены нет дома, значит, это она, без сомнения».

И он вышел и бежал, пока не вошел в дом, и увидел, что его жена сидит в той самой одежде и украшениях, в которых он ее видел в лавке, и тогда он ударил рукой об руку и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!»

«О человек,—сказала его жена,—случилась с тобой бесноватость или что с тобой такое? Не таковы твои привычки! С тобой обязательно должно быть какое-нибудь дело».—«Если ты хочешь, чтобы я тебе рассказал,—ответил ювелир,—то не огорчайся».—«Говори»,—сказала женщина. И ювелир молвил: «Торговец, наш друг, купил невольницу, стан которой подобен твоему стану, и ее рост такой же, как твой рост, и имя ее такое же, как твое имя, и одежда такая же, как твоя одежда. Она похожа на тебя во всех своих качествах, и на пальцах у нее перстни, подобные твоим перстням, и ее украшения такие же, как твои украшения. Когда он показал мне ее, я подумал, что это ты, и теперь я в смущении. О, если бы мы не видели этого купца и не дружили с ним, и он бы не приходил из своей страны, и мы бы его не знали! Он замутил мою жизнь после ясности и стал причиной суровости после верности и ввел сомнение в мое сердце».—«Посмотри мне в лицо,—сказала его жена.—Может быть, это я была с ним, и купец—мой друг, и я переоделась в одежду невольницы и сговорила с ним, что он покажет меня тебе, чтобы обмануть тебя?» — «Что это за слова?—сказал ювелир.—Я не думаю, что ты можешь делать такие вещи!»

А этот ювелир был несведущ в кознях женщин и в том, что они делают с мужчинами, и не знал таких слов поэта:

Мечтой о красавицах встревожено сердце,
Хоть юность вдали и час седин наступает.

Мне тяжело от Лейлы, хотя близость с ней далека,
И беды и горести стоят между нами.

А если вы спросите о женах, то, истинно,
Я в женских делах премудр и опытен буду.

И если седа голова у мужа иль мало средств,
Не будет тогда ему в любви их удела.

И жена его сказала ему: «Я буду сидеть дома, а ты пойди к нему сейчас и постучи в ворота и ухитрись

быстро войти к нему. И если ты войдешь и увидишь, что невольница у него, значит, эта невольница похожа на меня (славен тот, на кого нет похожего!), если же ты не увидишь у него невольницы, значит я — та невольница, которую ты с ним видел, и твоя дурная мысль обо мне подтвердится». — «Ты права», — сказал ювелир и оставил ее и вышел. А она встала и, спустившись в подземный ход, села у Камар аз-Замана, и рассказала ему об этом, и сказала: «Отпри скорей ворота и покажи меня ему».

И когда они разговаривали, вдруг постучали в ворота, и Камар аз-Заман спросил: «Кто у ворот?» И ювелир ответил: «Я, твой друг. Ты мне показывал на рынке невольницу, и я порадовался за тебя, но моя радость не была полной. Открой же ворота и покажи ее мне». — «В этом нет дурного», — сказал Камар аз-Заман и отпер ворота. И ювелир увидел, что его жена сидит у Камар аз-Замана. И она поднялась и поцеловала ему и Камар аз-Заману руку, и ювелир посмотрел на нее и поговорил немного с юношей, и он увидел, что невольница ничем не отличается от его жены.

«Аллах творит что хочет», — сказал он и вышел, и увеличилось в его сердце беспокойство, и он вернулся к себе домой и увидел, что его жена сидит дома, так как она прибежала раньше его через подземный ход, когда он вышел из ворот, и села у себя в доме. И когда ее муж вошел к ней, она спросила его: «Что ты видел?» — «Я видел ее у ее господина, и она похожа на тебя», — сказал ювелир. И женщина молвила: «Отправляйся к себе в лавку, и довольно тебе подозревать. Ты больше не будешь подозревать меня?» — «Не буду», — сказал ювелир. — Не взыщи с меня за то, что от меня было». — «Да простит тебе Аллах», — сказала его жена, и затем ювелир повернул ее направо и налево и ушел к себе в лавку. А его жена прошла по подземному ходу к Камар аз-Заману, неся с собой четыре мешка, и сказала ему: «Собирайся к спешному отъезду и приготовься грузить деньги безотлагательно, пока я сделаю для тебя какие у меня есть хитрости».

И Камар аз-Заман вышел, и купил мулов, и погрузил тюки, и приготовил носилки, а потом он купил невольников и евнухов и вывел их всех из города. И когда все было готово, он пришел к женщине и сказал: «Я закончил свои дела». — «И я то-

же,—сказала она.— Я перенесла остатки его денег и все его сокровища к тебе и не оставила ему ни малого, ни многого, чем бы он мог пользоваться, и все это от любви к тебе, возлюбленный моего сердца. Я выкуплю тебя тысячу раз моим мужем. Но тебе следует пойти к нему и попрощаться с ним и сказать: «Я хочу уехать через три дня и пришел к тебе проститься. Сосчитай, сколько приходится с меня, чтобы я отдал тебе за дом, и ты освободишь меня от ответственности». И посмотри, что он скажет, и вернись ко мне, и расскажи— я уже обессилела, хитря с ним и стараясь его рассердить, чтобы он со мной развелся, но вижу только, что он за меня цепляется. Нам не осталось ничего другого, как отправиться в твою страну».— «О, как прекрасно, если оправдаются грезы!» — сказал Камар аз-Заман.

И затем он пошел в лавку ювелира и, сев подле него, сказал: «О мастер, я уезжаю через три дня и пришел только с тобой проститься. Я хочу, чтобы ты сосчитал, сколько приходится тебе с меня за дом,— я отдам тебе плату, и ты освободишь меня от ответственности».— «Что это за слова? — сказал ювелир.— Твоя милость лежит на мне, и, клянусь Аллахом, я ничего не возьму с тебя в уплату за дом, и сошли на нас благословение. Но твой отъезд заставит нас тосковать по тебе, и если бы это не было для меня запретно, я бы, право, тебе воспрепятствовал и не пустил бы тебя к твоей семье и родным».

И затем он простился с ним, и оба заплакали сильным плачем, сильнее которого нет, и ювелир тотчас же запер лавку и сказал про себя: «Мне следует проводить моего друга». И всякий раз как Камар аз-Заман шел, чтобы сделать какое-нибудь дело, ювелир шел за ним. И, входя в дом Камар аз-Замана, он видел там невольницу, которая стояла перед ними и прислуживала им, а возвратившись домой, он видел свою жену сидящей у себя. И ювелир не переставал видеть ее в своем доме, когда входил в него, и видеть ее в доме Камар аз-Замана, когда входил туда, в течение трех дней.

А потом Халима сказала Камар аз-Заману: «Я перенесла уже все, что у него есть из сокровищ, денег и ковров, и у него осталась только невольница, которая приносила вам питье, я не могу с ней расстаться, так как она близка мне и дорога и хранит мои тайны, я

хочу ее побить и рассердиться на нее. И когда мой муж придет, я ему скажу: «Я больше не согласна иметь эту невольницу и не буду жить с ней в одном доме. Возьми ее и продай». И он возьмет невольницу, чтобы продать ее, и купи ее ты, чтобы мы ее взяли с собой». И Камар аз-Заман сказал: «Это недурно».

И затем жена ювелира побила невольницу, и когда ее муж вошел к ней, он увидел, что невольница плачет, и спросил ее о причине плача, и она сказала: «Моя госпожа побила меня».

И ювелир пошел к жене и спросил: «Что сделала эта проклятая невольница, что ты ее побила?» И его жена сказала: «О человек, я скажу тебе одно слово — я не могу больше видеть эту невольницу! Возьми ее и продай или разведись со мной». — «Я ее продам и не стану перечить твоему приказанию», — сказал ювелир. И затем он взял невольницу с собой, когда уходил в лавку, и прошел с ней мимо Камар аз-Замана, а его жена, после его ухода с невольницей, быстро побежала по подземному ходу к Камар аз-Заману, и он посадил ее в носилки, прежде чем старик ювелир дошел до него. И когда он к нему пришел, Камар аз-Заман увидел у него невольницу и спросил: «Кто это такая?» И ювелир сказал: «Это моя невольница, которая поила нас напитком. Она ослушалась своей госпожи, и та рассердилась на нее и велела мне ее продать». — «Раз госпожа ее ненавидит, ей нельзя больше у нее жить», — сказал Камар аз-Заман. — «Но продай ее мне, чтобы я чувствовал в ней твой запах, и я сделаю ее служанкой для моей невольницы Халимы». — «Это недурно», — сказал ювелир, — «возьми ее». — «За сколько?» — спросил Камар аз-Заман. И ювелир ответил: «Я не возьму с тебя ничего, так как ты оказал нам милость».

И Камар аз-Заман принял от него невольницу и сказал женщине: «Поцелуй руку твоему господину». И она показала ювелиру из носилок, и поцеловала его руку, и затем села в носилки, а ювелир смотрел на нее. И Камар аз-Заман сказал ему: «Поручаю тебя Аллаху, о мастер Убейд, освободи меня от ответственности!» И ювелир молвил: «Да освободит тебя Аллах от ответственности и да доставит тебя благополучно к твоей семье!» И он простился с юношей и отправился в свою лавку, плача, и ему было тяжело расстаться с Камар

аз-Заманом, так как это был его друг, а друг имеет права. Но все-таки он был рад, что рассеются подозрения, которые охватили его из-за дел его жены, так как Камар аз-Заман уехал, и не оправдалось то, что он подумал о своей жене.

Вот что было с ними. Что же касается Камар аз-Замана, то женщина сказала ему: «Если ты хочешь безопасности, то поезжай с нами не по обычной дороге». И Камар аз-Заман отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И затем он поехал по дороге иной, чем та, по которой ходили обычно люди, и до тех пор ехал из страны в страну, пока не достиг границ Египта. И тогда он написал письмо и послал его отцу со скороходом.

А его отец, купец Абд ар-Рахман, сидел на рынке среди купцов, и в сердце его, из-за разлуки с сыном, было пламя огня, ибо с того времени, как Камар аз-Заман уехал, к нему не приходило от него вестей. И когда это было так, вдруг подошел скороход и спросил: «О господи, имя кого среди вас купец Абд ар-Рахман?» И его спросили: «А чего ты от него хочешь?» И скороход сказал: «У меня письмо от его сына Камар аз-Замана, и я расстался с ним в аль-Арише»*.

И Абд ар-Рахман обрадовался и возвеселился, и купцы обрадовались за него и поздравили его с благополучием. А потом он взял письмо и прочитал его и увидел в нем: «От Камар аз-Замана купцу Абд ар-Рахману. После пожелания мира тебе и всем купцам скажу: если вы спросите про нас, то, Аллаху хвала и благодарение, мы продали, купили и нажили, и затем мы прибыли во здравии, безопасности и благополучии».

И тогда купец открыл ворота радости, и устроил пиры, и умножил угощения и приглашения, и велел принести музыкальные инструменты, и совершил от радости разные чудеса. И когда его сын достиг ас-Салихии, ему навстречу вышел его отец, и все купцы его встретили. И его отец обнял его, и прижал к своей груди, и так заплакал, что лишился чувств, а очнувшись, он сказал: «Благословен этот день, о дитя мое, раз свел нас с тобой наблюдающий, властный».

И потом купцы подошли к Камар аз-Заману и приветствовали его, и они увидели с ним много тюков, и евнухов, и носилки с широкой оградой, и взяли его, и

привели домой. И когда жена ювелира вышла из носилок, отец Камар аз-Замана увидел, что она искушение для тех, кто видит. И для нее открыли высокий дворец, подобный сокровищу, с которого сняты талисманы. И когда мать Камар аз-Замана увидела ее, она пленилась ею и подумала, что это царица из жен царей, и обрадовалась ей, и стала ее расспрашивать. И Халима сказала: «Я жена твоего сына». И мать Камар аз-Замана сказала: «Раз он на тебе женился, нам следует устроить тебе великолепную свадьбу, чтобы порадоваться на тебя и на сына».

Вот что было с нею. Что же касается купца Абд ар-Рахмана, то после того как люди разошлись и все ушли своей дорогой, он встретился с сыном и сказал: «О дитя мое, что это будет у тебя за невольница и за сколько ты ее купил?» — «О батюшка,— ответил Камар аз-Заман,— это не невольница, это та женщина, что была причиной моего отъезда из дома». — «А как так?» — спросил его отец. И юноша сказал: «Это та, кого описывал нам дервиш в ту ночь, когда он у нас ночевал. Мои мечты привязались к ней с того времени, и я захотел уехать только из-за нее. И по дороге меня раздели, и кочевники взяли мои деньги, и я вошел в Басру один, и со мной случилось то-то и то-то».

И он стал рассказывать своему отцу все дело с начала до конца. И когда он кончил свой рассказ, Абд ар-Рахман сказал: «О дитя мое, и после всего этого разве ты на ней женился?» — «Нет,— сказал Камар аз-Заман,— но я обещал ей жениться». — «А ты хочешь жениться на ней?» — спросил Абд ар-Рахман. И юноша ответил: «Если ты мне прикажешь, я это сделаю, а если нет, я на ней не женюсь». — «Если ты на ней женишься,— сказал ему отец,— я буду свободен от ответа за тебя в дольней и последней жизни и разгневаюсь на тебя сильным гневом. Как ты на ней женишься, когда она сделала такие дела со своим мужем? Раз она сделала их со своим мужем ради тебя, она сделает и с тобой то же ради другого — она обманщица, а обманщице нет доверия. Если ты меня не слушаешься, я буду на тебя гневен, а если ты услышишь мои слова, я поищу тебе девушку лучше ее, чистую, непорочную, и женю тебя на ней, хотя бы мне пришлось истратить все мои деньги. И я устрою тебе свадьбу, подобно которой не бывало, и буду похва-

ляться тобой и ею. И если люди скажут: «Такой-то женился на дочери такого-то» — это лучше, чем когда они скажут: «Он женился на невольнице без рода и племени».

И отец уговаривал сына не жениться и приводил изречения, рассказы, стихи, притчи и назидания. И Камар аз-Заман сказал: «О батюшка, если дело обстоит так, то нет у меня привязанностей к женитьбе на ней».

И когда Камар аз-Заман произнес эти слова, его отец поцеловал его меж глаз и сказал: «Ты действительно мой сын! Клянусь твоей жизнью, о дитя мое, я обязательно женю тебя на девушке, которой нет равной».

И затем купец Абд ар-Рахман посадил жену Убейда, ювелира, и ее невольницу в высокий дом, и запер их, и приставил к ним черную рабыню, которая приносила им пищу и питье, и сказал Халиме: «Ты и твоя невольница останетесь заключенными в этом доме, пока я не присмотрю кого-нибудь, кто вас купит, и не продам вас ему, а если ты ослушаешься, я убью тебя вместе с твоей невольницей,— ты обманщица, и нет в тебе добра». — «Делай то, что желаешь,— сказала женщина,— я заслуживаю всего, что ты со мной сделаешь». И купец запер их, и поручил их своим женщинам и сказал: «Пусть не входит к ним и не говорит с ними никто, кроме черной рабыни, которая дает им еду и питье через окно».

И жена ювелира со своей невольницей сидела и плакала, раскаиваясь в том, что она сделала со своим мужем.

Вот то, что было с ней. Что же касается купца Абд ар-Рахмана, то он послал свах, чтобы они высватали девушку, родовитую и почтенную, для его сына, и они все время искали, и всякий раз, как видели девушку, они узнавали о другой, лучше ее. И наконец они вошли в дом шейх аль-ислама, и увидели его дочь, которой не было равной в Египте (а она была красива, прелестна, стройна и соразмерна и была лучше жены Убейда, ювелира, в тысячу раз). И рассказали о ней Абд ар-Рахману. И он отправился вместе с вельможами к ее отцу, и к девушке посватались, и написали запись, и устроили великолепную свадьбу.

А затем Абд ар-Рахман затеял пиры и пригласил в первый день факихов, и они устроили рождество*

честное, а на второй день он пригласил всех купцов, и стали бить в барабаны и свистеть во флейты, и он украсил улицу и квартал светильниками, и каждый день приходили всевозможные игроки и играли во всякие игры. И Абд ар-Рахман ежедневно устраивал угощения для людей одного разряда, так что пригласил и ученых, и эмиров, и знаменосцев, и судей. И свадьба продолжалась непрерывно сорок дней, и всякий день купец сидел и встречал людей, а его сын сидел с ним рядом и смотрел на людей, которые ели за трапезой, и была эта свадьба, которой нет равной.

А в последний день он пригласил бедняков и нищих, близких и иноземных, и они приходили толпами и ели, и купец сидел, и его сын сидел рядом с ним.

И когда это было так, вдруг шейх Убейд, муж той женщины, вошел среди бедняков, голый и усталый, и на лице его были следы путешествия. И Камар аз-Заман, увидев Убейда, узнал его и сказал своему отцу: «Посмотри, о батюшка, на этого бедного человека, который вошел в дверь». И Абд ар-Рахман посмотрел на него и увидел, что он в поношенной одежде и на нем обрывки халата, стоящего два дирхема, и лицо у него желтое, и он покрыт пылью, и подобен отбившемуся паломнику, и стонет, как нуждающийся больной, и ходит шатаясь, и качается при ходьбе направо и налево. И купец Абд ар-Рахман спросил: «О дитя мое, кто это?» И Камар аз-Заман молвил: «Это мастер Убейд — ювелир, муж женщины, запертой у нас». — «Это тот, про которого ты мне рассказывал?» — спросил Абд ар-Рахман. И Камар аз-Заман сказал: «Да, и я отлично узнал его».

А причиной прихода ювелира было вот что. Простившись с Камар аз-Заманом, он отправился в свою лавку, и пришла к нему небольшая работа, и он взял ее и работал остаток дня. А к вечеру он запер лавку, и пошел домой, и приложил руку к двери, и она открылась, и ювелир вошел и не увидел ни своей жены, ни невольницы. И он увидел, что дом в самом плохом состоянии.

И когда ювелир увидел, что дом пуст, он обернулся направо и налево и затем стал кружить по дому, как бесноватый, но не нашел никого. И он открыл дверь в свою кладовую и не нашел в ней ничего — ни денег, ни

сокровищ. И тогда он очнулся от опьянения, и пришел в себя после бесчувствия, и понял, что это его жена оборачивала против него хитрости и обманула его. И ювелир заплакал из-за того, что случилось, но скрыл свое дело, чтобы не злорадствовал над ним никто из его врагов и не огорчился никто из его друзей. И он знал, что если откроет эту тайну, то постигнет его лишь позор и упреки от людей.

И он сказал себе: «О такой-то, скрывай постигшее тебя умопомрачение и беду, и следует тебе поступать так, как сказал сказавший:

И если для тайны мужа грудь стала тесною,
То грудь тех, кому открыл он тайну, еще тесней».

И затем он запер свой дом, и отправился в лавку, и оставил смотреть за ней работника из своих работников, и сказал ему: «Юноша-купец, мой друг, пригласил меня поехать с ним в Египет для развлечения и поклялся, что не уедет, пока не возьмет меня вместе с моей женой. А ты, о дитя мое,— мой поверенный в этой лавке, и если спросит тебя про меня царь, скажи ему: «Он отправился со своей женой к священному храму Аллаха».

И затем он продал некоторые свои вещи, и купил верблюдов, мулов и невольников, и купил себе рабыню, и, посадив ее в носилки, выехал из Басры через десять дней. И его друзья простились с ним, и он поехал, и люди думали, что он взял свою жену и отправился в паломничество, и все обрадовались, так как Аллах спас их от заточения в мечетях и в домах каждую пятницу. И некоторые люди стали говорить: «Пусть Аллах не вернет его в Басру в другой раз, чтобы нас не запирали в мечетях и в домах каждую пятницу, так как это обстоятельство доставило людям Басры великое горе». А некоторые говорили: «Думаю, что он не вернется из путешествия по причине проклятий жителей Басры». А еще некоторые говорили: «Если он вернется, то вернется в униженном положении».

И жители Басры обрадовались его отъезду великой радостью, после того как были в великой горести, и даже их кошки и собаки повеселели. И когда пришел день пятницы, глашатай закричал в городе, по обы-

чаю, чтобы все пошли в мечети за два часа до пятничной молитвы или спрятались в домах вместе с кошками и собаками. И грудь жителей Басры стеснилась, и они все собрались, и пошли в диван, и, став перед царем, сказали: «О царь времени, ювелир взял свою жену и поехал в паломничество к священному храму Аллаха, так что исчезла та причина, из-за которой нас запирали. Для чего же запирать нас теперь?» И царь молвил: «Как же этот обманщик уехал и не осведомил меня! Но когда он вернется из путешествия, будет одно лишь благо! Ступайте в ваши лавки, продавайте и покупайте,— кончилось для вас это положение».

Вот что было с царем и жителями Басры. Что же касается мастера Убейда, ювелира, то он проехал десять переходов, и с ним случилось то же, что случилось с Камар аз-Заманом перед въездом в Басру: на него напали багдадские кочевники и раздели его и взяли то, что с ним было. И он притворился мертвым, пока не освободился. А когда кочевники ушли, он встал и пошел голый, пока не вошел в какое-то селение. И Аллах смягчил к нему людей блага, и они прикрыли его срамоту куском рваной одежды, и ювелир просил и кормился этим, переходя из города в город, пока не достиг Каира-Охраняемого.

И его сжигал голод, и он ходил по рынку и просил. И человек из жителей Каира сказал ему: «О нищий, ступай в дом, где свадьба, ешь и пей — там сегодня стол для бедняков и чужеземцев». — «Я не знаю дороги в дом, где свадьба», — сказал ювелир. И человек молвил: «Иди за мной следом, я тебе его покажу».

И ювелир следовал за этим человеком, пока тот не дошел до дома, и тогда он сказал: «Вот он, дом, где свадьба. Входи и не бойся, у ворот радости нет преграды».

И когда ювелир вошел, Камар аз-Заман увидел его и узнал и сказал о нем своему отцу. И купец Абд ар-Рахман сказал своему сыну: «О дитя мое, оставь его сейчас, может быть, он голодный. Дай ему есть, пока он не насытится и не успокоится его страх, а потом мы его позовем».

И они подождали, пока ювелир не наелся вдоволь и не вымыл руки и не выпил кофе и напиток с сахаром, смешанный с мускусом и амброй, и тогда он хотел

выйти, а отец Камар аз-Замана послал за ним, и посланный сказал ему: «Иди сюда, о чужеземец, поговори с купцом Абд ар-Рахманом». — «Что это за купец?» — спросил ювелир. И посланный сказал: «Устроитель свадьбы». И ювелир вернулся назад, думая, что купец даст ему подарок. Но, подойдя к купцу, он увидел своего друга Камар аз-Замана и исчез из мира от стыда перед ним. И Камар аз-Заман встал перед ним на ноги, и заключил его в объятия, и приветствовал его, и оба заплакали сильным плачем, и затем Камар аз-Заман посадил его рядом с собой, и отец его сказал: «О необходимый, не так встречают друзей! Пошли его сначала в баню и пришли ему одежду, для него подходящую, а после этого сядь с ним и побеседуй». И Камар аз-Заман крикнул нескольких слуг, и приказал им отвести ювелира в баню, и послал ему платье из избранных одежд, стоящее тысячу динаров или больше этого. И ювелиру вымыли тело и одели его в это платье, и он стал подобен начальнику купцов.

А присутствующие спрашивали Камар аз-Замана, когда Убейд ушел в баню, и говорили: «Кто это и откуда ты его знаешь?» И Камар аз-Заман отвечал: «Это мой друг. Он поселил меня в своем доме, и я обязан ему милостями несчетными. Он оказал мне великое уважение, и он из людей счастья и господства, а по ремеслу он ювелир, которому нет равного. Царь Басры любит его большой любовью. Он занимает у него великое место, и его слово исполняется».

И Камар аз-Заман начал усердствовать, восхваляя его, и говорил: «Он сделал мне то-то и то-то, и мне стыдно перед ним, и я не знаю, как воздать ему за уважение, которое он мне оказал». И он до тех пор расхваливал ювелира, пока его сан не стал великим для присутствующих и он не сделался почтенным в их глазах. И люди сказали: «Мы все сделаем то, что ему следует, и окажем ему уважение, но мы хотим знать, какова причина его прихода в Каир, и почему он ушел из своей страны, и что сделал с ним Аллах, так что он оказался в таком положении».

И Камар аз-Заман молвил: «О люди, не удивляйтесь. Сын Адама живет под предопределением и судьбой, и пока он в этом мире, он не в безопасности от бедствий».

Знайτε, что я тоже вошел в Басру еще в худшем состоянии, чем он, испытывая более сильные мучения, так как этот человек вошел в Каир со срамотой, прикрытой тряпкой, а что до меня, то я вошел в его страну с обнаженной срамотой — рука сзади и рука спереди, и помог мне только Аллах и этот драгоценный человек. А причиной этого было то, что кочевники оголили меня и взяли моих верблюдов, мулов и тюки и убили моих слуг и людей. И я лег среди убитых, и подумали, что я мертвый, и ушли, и прошли мимо меня. И после этого я встал и шел голый, пока не вошел в Басру. И этот человек встретил меня, и одел, и поселил в своем доме, и подкрепил деньгами, и все, что я привез с собой, — только от блага Аллаха и его блага. А когда я уехал, он дал мне всего много, и я вернулся в свою страну с залеченным сердцем и оставил его, когда он был в величии и счастье. Может быть, с ним случилась после этого превратность из превратностей времени, которая заставила его расстаться с близкими и родиной, и произошло с ним на дороге то же, что произошло со мной, и нет в этом удивительного. Но мне теперь следует воздать ему за благородные поступки, которые он со мной совершил, и поступить по слову сказавшего:

О ждущий от времени благого,
Ты знаешь ли, что свершает время?

Коль хочешь — свершай дела благие —
Как судит муж, так судим он будет.

И когда они вели эти и подобные разговоры, вдруг подошел к ним мастер Убейд, похожий на начальника купцов, и все поднялись на ноги, и приветствовали его, и посадили на почетное место. И Камар аз-Заман сказал мастеру: «О друг мой, твой день благословен и счастлив! Не рассказывай мне ничего из того, что случилось со мною прежде тебя! Если кочевники тебя раздели и взяли у тебя деньги, то ведь деньги — выкуп за тело. Не огорчайся же. Я вступил в твою страну голый, и ты одел меня и оказал мне уважение, и я обязан тебе многими милостями и вознагражу тебя. Я сделаю с тобой то, что ты сделал со мною, — нет, больше этого, — успокой свою душу и прохлади глаза».

И Камар аз-Заман принялся его успокаивать и не давал ему говорить, чтобы он не вспомнил свою жену и то, что она с ним сделала, и до тех пор наставлял его назиданиями, притчами, стихами, остроумными словами, рассказами и историями и развлекал его, пока ювелир не заметил, что Камар аз-Заман указывает ему на сохранение тайны. И тогда он скрыл то, что чувствовал, и отвлекся рассказами и редкими историями, которые слышал, и произнес слова поэта:

На лбу судьбы есть строка — коль ты б на нее взглянул,
Заплакал бы кровью ты от смысла ее тотчас.

Всегда коль приветствует судьба рукой правою,
То левою заставляет пить чашу гибели.

А потом Камар аз-Заман и его отец, купец Абд ар-Рахман, взяли ювелира и ввели его в гарем и уединились с ним. И купец Абд ар-Рахман сказал: «Мы мешали тебе говорить только потому, что боялись позора для тебя и для нас, но теперь мы одни. Расскажи же мне, что случилось у тебя с твоей женой и с моим сыном».

И ювелир рассказал ему всю историю, с начала до конца. И когда он окончил свой рассказ, Абд ар-Рахман спросил его: «Грех из-за твоей жены или из-за моего сына?» — «Клянусь Аллахом, — ответил ювелир, — на твоём сыне нет греха, так как у мужчин есть охота до женщин, и женщинам следует не даваться мужчинам. Позор — на моей жене, которая меня обманула и сделала со мной эти дела...»

И купец поднялся и, уединившись со своим сыном, сказал ему: «О дитя мое, мы испытали его жену и узнали, что она обманщица. Теперь я хочу испытать его самого и узнать, обладает ли он честью и благородством, или он сводник собственной жены». — «А как так?» — спросил Камар аз-Заман. И его отец ответил: «Я хочу побудить его примириться с женой, и если он согласится на примирение и простит ее, я ударю его мечом и убью, а после этого я убью ее вместе с ее невольницей, так как нет блага в том, чтобы жили сводник и прелюбодейка. А если он почувствует к ней неприязнь, то я его женю на твоей сестре и дам ему больше тех денег, которые ты у него взял».

А затем он вернулся к ювелиру и сказал ему: «О мастер, общение с женщинами требует долготерпения,

и тот, кто их любит, должен иметь просторную грудь, так как женщины сварливы с мужчинами и обижают их, ибо они превозносятся над ними красотой и прелестью и считают себя великими, а мужчин ничтожными, в особенности если они видят от своих мужей любовь — тогда они отвечают на нее высокомерием, чванством и дурными делами со всех сторон. И если муж сердится всякий раз, как видит от своей жены то, что ему неприятно, не будет у него с ней дружбы, и подходит к женщинам только тот, у кого широкий ум и кто много вынесет. Если же человек ничего не терпит от своей жены и не встречает ее обиды прощением, не будет ему в общении с ней успеха. Ведь сказано о женщинах: «Если бы были они на небе, право, склонились бы перед ними шеи мужчин». Кто может и прощает, награда тому у Аллаха. А эта женщина — твоя жена и подруга, и ее общение с тобой длится долго, и надлежит тебе ее простить. Это один из признаков успеха в дружбе. Женщинам недостает ума и веры. И если твоя жена поступила дурно, то ведь она раскаялась и, если захочет Аллах, она не вернется к тому, что делала раньше. По-моему, тебе следует помириться с нею, и я верну тебе больше денег, чем у тебя было. Если ты останешься со мной — добро пожаловать и тебе и ей, и будет вам только то, что вас радует; если же ты пожелаешь отправиться в свою страну, я дам тебе то, что тебя удовлетворит. Вот носилки готовы, посади туда свою жену и ее невольницу и отправляйся в твою страну — между мужем и женой случается многое, и надлежит тебе облегчить дело и не идти по пути затруднения».

«О господин, — спросил ювелир, — а где моя жена?» И Абд ар-Рахман сказал: «Вот она в этом доме. Поднимись к ней и поступай с ней хорошо, ради меня, и не огорчай ее. Когда мой сын привез ее и захотел на ней жениться, я не допустил его к ней и посадил ее в этот дом и запер, и в душе я сказал: «Может быть, ее муж придет, и я передам ее ему, так как она прекрасна обликом, и такую, что подобна ей, невозможно мужу покинуть». И то, что я предполагал, произошло. Хвала же Аллаху великому за твою встречу с женой. Что же касается моего сына, то я просватал ему девушку и женил его на другой, и эти пиры и угощения — из-за его свадьбы, и сегодня вечером я ввел его к жене. Вот

ключ от дома, в котором твоя жена. Возьми его, открой дверь и войди к твоей жене и невольнице. Веселись с нею, и к вам будет приходить еда и питье, и не выходи от нее, пока ты ею не насытишься».

«Да воздаст тебе Аллах за меня всяким благом, о господин»,—сказал ювелир.

И затем Убейд взял ключ и пошел, радостный, и купец подумал, что эти речи понравились ему и что он с ними согласился. И купец взял меч и пошел сзади ювелира, так что тот его не видел, и остановился, смотря, что будет между ним и его женой.

Вот что было с купцом Абд ар-Рахманом. Что же касается ювелира, то он вошел к своей жене и увидел, что она плачет сильным плачем из-за того, что Камар аз-Заман женился на другой, и увидел, что невольница говорит ей: «Сколько я тебе советовала, о госпожа, и говорила: «От этого юноши не достанется тебе добра, оставь общение с ним». Но ты не слушала моих слов и ограбила все деньги твоего мужа и отдала их ему, а потом ты оставила твое место и привязалась своей любовью к нему и приехала с ним в эту страну. Но и после этого он выбросил тебя из ума, и женился на другой, и сделал концом твоей привязанности к нему заточение».

И жена ювелира сказала: «Замолчи, о проклятая! Если он даже и женился на другой, я обязательно приду ему когда-нибудь на ум. Я не забуду о ночных беседах с ним и во всяком положении буду утешаться словами сказавшего:

Господа мои, приходит ли на мысль вам тот,
В чьих мыслях не проходит, кроме вас, никто?

Далеко будет пусть от вас забвение
О том, кто, думая о вас, себя забыл!

Он обязательно вспомнит общение со мной и мою дружбу и спросит обо мне, и я не откажусь от его любви и не отойду от страсти к нему, хотя бы я умерла в тюрьме,—он ведь мой возлюбленный и лекарь. Я жажду, чтобы он вернулся ко мне и предался со мною веселью».

И когда ее муж услышал, что она говорит такие слова, он вошел к ней и сказал: «О обманщица, ты жаждешь его так же, как Иблис жаждал рая. В тебе

были все пороки, а я этого и не ведал! Если бы я знал, что в тебе есть хоть один порок из этих пороков, я бы не держал тебя у себя ни одного часа. Но раз я убедился насчет тебя в этом, мне надлежит тебя убить, хотя бы меня убили за тебя, о обманщица!»

И затем он схватил ее обеими руками и произнес такие два стиха:

Вы сгубили, красавицы, верность дружбы
Клеветою и прав моих не хранили.

Сколь привязан любовью к вам был я прежде —
После горя привязанность мне противна.

Потом он схватил ее за горло и сломал его. И невольница закричала: «Увы, моя госпожа!» И ювелир сказал ей: «О распутница, весь позор от тебя, так как ты знала, что в ней есть это свойство, и не рассказала мне». И затем он схватил невольницу и задушил ее.

И все это происходило, а купец держал меч в руке и стоял за дверью, слыша ухом и видя глазами. А потом, когда Убейд, ювелир, задушил жену в доме купца, в нем умножились страхи, и он устранился исхода этого дела и сказал про себя: «Когда купец узнает, что я их убил в его доме, он обязательно меня убьет. Но я прошу Аллаха, чтобы он взял мой дух в вере». И он смутился в своем деле и не знал, как поступить.

И когда это было так, вдруг купец Абд ар-Рахман вошел к нему и сказал: «С тобой не будет беды! Ты заслуживаешь безопасности. Посмотри на этот меч у меня в руке: я задумал убить тебя, если ты помиришься с ней и простишь ее, и убить невольницу. Но раз ты совершил эти поступки, то простор тебе и опять простор, и не будет тебе иного воздаянья, кроме того, что я женю тебя на моей дочери, сестре Камар аз-Замана».

И затем он взял его, и вышел с ним, и велел привести обмывальщицу, и распространился слух, что Камар аз-Заман, сын купца Абд ар-Рахмана, привез с собой двух невольниц из Басры, и они умерли. И люди стали соболезновать ему и говорили: «Да живет твоя голова и да возместит тебе Аллах!» А потом женщин вымыли и завернули в саван и закопали, и никто не знал истины в этом деле.

Вот что было с Убейдом, ювелиром, и его женой и невольницей. Что же касается купца Абд ар-Рахмана, то он призвал шейх-аль-ислама, и всех вельмож и сказал: «Шейх-аль-ислам, напиши запись моей дочери Каукаб ас-Сабах с мастером Убейдом, ювелиром, а приданое за нее уже пришло ко мне, полностью и до конца».

И шейх-аль-ислам написал запись, и купец напоил всех напитками, и свадьбу сделали общей и отнесли дочь шейх-аль-ислама, жену Камар аз-Замана, и его сестру Каукаб ас-Сабах, жену мастера Убейда, ювелира, в одних носилках в одну и ту же ночь, а вечером привели Камар аз-Замана и мастера Убейда вместе. И Камар аз-Замана ввели к дочери шейх-аль-ислама, а мастера Убейда ввели к дочери купца Абд ар-Рахмана. И когда он вошел к ней, он увидел, что она лучше его жены и прекраснее ее в тысячу раз. И затем он уничтожил ее девственность, а наутро пошел с Камар аз-Заманом в баню.

И он провел у них некоторое время в радости и веселье, а затем затосковал по своей стране. И, войдя к купцу Абд ар-Рахману, сказал ему: «О дядюшка, я тосковался по своей стране, и у меня есть в ней владения и поместья. Я оставил там одного из моих работников за себя поверенным, и у меня на уме поехать в мою страну, чтобы продать мои владения, а потом я вернусь к тебе. Позволишь ли ты мне отправиться в мою страну?» — «О дитя мое,— сказал ему купец,— я тебе уже позволил, и нет на тебе упрека за эти слова—ведь любовь к родине принадлежит к вере, и кому нет блага в своей стране, тому нет блага и в чужой стране. Но, может быть, если ты поедешь без твоей жены и войдешь в твою страну, тебе станет приятно там жить, и ты будешь колебаться между возвращением к жене и пребыванием в твоей стране. Правильное мнение будет, чтобы ты взял свою жену с собой, а потом, если захочешь вернуться к нам, возвращайся вместе с женой, и добро пожаловать тебе и ей. Мы ведь люди, не знающие развода, женщина у нас не выходит замуж дважды, и мы не порываем с человеком попусту».— «О дядюшка,— сказал ювелир,— я боюсь, что твоя дочь не согласится уехать со мной в мою страну».— «О дитя мое,— сказал купец,— у нас нет жен, которые прекословят своим мужьям, и

мы не знаем жены, что сердится на мужа». — «Да благословит Аллах вас и ваших жен!» — сказал ювелир. А затем он вошел к своей жене и сказал ей: «Я хочу поехать в мою страну. Что ты скажешь?» — «Мой отец, — ответила она, — властвовал надо мной, пока я была невинна, а когда я вышла замуж, вся власть перешла в руки моего мужа, и я не буду ему перечить». — «Да благословит Аллах тебя и твоего отца и да помилует Аллах утробу, которая тебя носила, и хребет, который тебя породил», — сказал ювелир.

И после этого он оборвал привязи и начал собираться в путь. Его тесть дал ему всего много, и они простились друг с другом, и затем ювелир взял свою жену, и поехал, и ехал до тех пор, пока не вступил в Басру. И вышли ему навстречу близкие и друзья (а они думали, что он был в аль-Хиджазе). И некоторые люди радовались его прибытию, а другие были огорчены его возвращением в Басру, и люди говорили друг другу: «Он станет нас стеснять каждую пятницу, по обычаю, и мы будем заперты в мечетях и домах, и он запрет даже наших кошек и собак».

Вот что было с ним. Что же касается царя Басры, то, узнав о прибытии ювелира, он разгневался на него и, послав за ним, призвал его к себе, и начал его бранить, и сказал: «Как это ты уезжаешь и не осведомляешь меня о своем отъезде? Разве я бы не смог дать тебе что-нибудь в помощь для паломничества к священному храму Аллаха?» И ювелир сказал ему: «Прощение, о господин! Клянусь Аллахом, я не совершил паломничества, но со мной случилось то-то и то-то».

И он рассказал ему, что случилось у него с его женой и с купцом Абд ар-Рахманом каирским и как тот женил его на своей дочери, и наконец сказал: «И вот я привез ее в Басру». И тогда царь воскликнул: «Клянусь Аллахом, если бы я не боялся Аллаха великого, я бы, право, убил тебя и женился на этой родовой женщине после тебя, хотя бы пришлось истратить на нее сокровищницы денег, так как она годится только для царей. Но Аллах сделал ее твоим уделом и благословил тебя с нею. Заботься же о ней получше».

И затем царь оказал ювелиру милость, и тот ушел от него и прожил со своей женой пять лет, а после

этого он преставился к милости великого Аллаха. И царь посватался к его жене, но она не согласилась и сказала: «О царь, я не видела в моем племени женщины, которая вышла бы замуж после смерти своего мужа, и я не выйду замуж ни за кого после мужа и не выйду за тебя, хотя бы ты меня убил». И царь послал спросить ее: «Хочешь ли ты отправиться в твою страну?» И она ответила: «Если ты сделаешь благо, будешь вознагражден». И царь собрал ей все деньги ювелира и прибавил от себя сообразно своему сану. И затем он послал с ней везиря из своих везирей, известного благом и праведностью, и послал с ним пятьсот всадников. И этот везирь ехал с ней, пока не доставил ее к отцу, и она жила, не выходя замуж, пока не умерла и не умерли они все.

И если эта женщина не согласилась сменить своего мужа после его смерти на султана, — как сравнить ее с той, что сменила его при жизни на юношу неизвестного корня и рода, в особенности раз это было в разврате, а не путем установленного брака? Если кто думает, что все женщины одинаковы, то для болезни его бесноватости нет лекарства. Да будет же слава тому, кому принадлежит видимое и невидимое царство, он — живой, который не умирает.

РАССКАЗ ОБ АБДАЛЛАХЕ ИБН ФАДИЛЕ

ассказывают также, о счастливый царь, что халиф Харун ар-Рашид проверял в какой-то день харадж с земель и увидел, что харадж из всех земель и стран уже прибыл в казну, кроме хараджа Басры,— он не прибыл в этом году.

И Халиф созвал диван по этой причине и сказал: «Ко мне везиря Джафара!» И когда тот предстал меж его рук, сказал ему: «Харадж из всех стран прибыл в казну, кроме хараджа Басры, оттуда не прибыло ничего». — «О повелитель правоверных,— сказал Джафар,— может быть, у наместника Басры случилось дело, которое отвлекло его от отсылки хараджа». И ар-Рашид молвил: «Срок прибытия хараджа был двадцать дней назад. В чем же оправдание наместника за все это время—он не прислал хараджа и не прислал ничего, чтобы подтвердить свое оправдание». — «О повелитель правоверных,— сказал Джафар,— если хочешь, мы пошлем к нему посланца». — «Пошли к нему Абу Исхака Мосульского, собутыльника», — сказал

халиф. И Джафар ответил: «Слушаю и повинуюсь Аллаху и тебе, о повелитель правоверных!»

И затем везирь Джафар пошел к себе домой и, призвав Абу Исхака Мосульского, собутыльника, написал ему благородный указ и сказал: «Отправляйся к Абдаллаху ибн Фадилу, наместнику города Басры, и посмотри, что отвлекло его от посылки хараджа, и затем прими от него харадж Басры, полностью и до конца, и привези его ко мне скорее. Халиф проверил харадж всех стран и увидел, что отовсюду он прибыл, кроме Басры. А если ты увидишь, что харадж не готов, и Абдаллах будет оправдываться, то привези его с собой, чтобы он высказал халифу оправдание своим языком».

И Абу Исхак ответил вниманием и повиновением и, взяв пять тысяч всадников из своего войска, ехал, пока не достиг города Басры. И Абдаллах ибн Фадиль узнал о его прибытии, и вышел к нему со своим войском, и встретил его, и вступил с ним в Басру, и поднялся в свой дворец, а остальные воины расположились в шатрах, подле Басры, и Ибн Фадиль назначил им все, что им было нужно. Абу Исхак же вошел в диван и, сев на престол, посадил Абдаллаха ибн Фадила с собой рядом, а вельможи сели вокруг него, сообразно своим степеням. И затем, после приветствия, Ибн Фадиль спросил: «О господин, что за причина твоего прибытия к нам?» — «Причина та, — отвечал Абу Исхак, — что я пришел потребовать харадж. Халиф спрашивал о нем, и время его прибытия прошло». — «О господин, — воскликнул Абдаллах, — чтобы тебе не утомляться и не переносить затруднений путешествия! Харадж готов, полностью и совершенно, и я собирался отослать его завтра, но раз ты прибыл, я вручу его тебе после угощения в три дня и на четвертый день доставлю харадж к тебе. Но теперь обязательно нужно предложить тебе подарок — часть твоей милости и милости повелителя правоверных». И Абу Исхак сказал: «Это недурно».

А затем Абдаллах распустил диван и ввел Абу Исхака в комнату в своем доме, которой нет равной, и расстелил перед ним и его приближенными скатерть с едой, и они стали есть и пить, и наслаждаться, и веселиться. А затем стол был убран и руки вымыты, и пришло кофе и напитки, и все просидели за беседой до

первой трети ночи. И Абу Исхаку постлали постель на ложе из слоновой кости, украшенном рдеющим золотом, и он лег на нем, а наместник Басры лег на другом ложе, рядом с ним.

И одолела бессонница Абу Исхака, посланца повелителя правоверных, и он стал размышлять о размерах стихов и о нанизанной речи, так как он был одним из приближенных собутыльников халифа, и была у него большая осведомленность в стихах и тонких рассказах. И он бодрствовал, сочиняя стихи, до полуночи. И когда это было так, вдруг Абдаллах ибн Фадиль встал, затянул пояс и, открыв шкаф, взял оттуда бич, а затем он взял горящую свечу и вышел из дверей комнаты, думая, что Абу Исхак, собутыльник, спит. И когда он вышел, Абу Исхак удивился и сказал про себя: «Куда идет Абдаллах ибн Фадиль с этим бичом? Может быть, он хочет кого-нибудь пытать. Я обязательно за ним последую и посмотрю, что он будет делать сегодня ночью».

И затем Абу Исхак поднялся и пошел за Абдаллахом, понемногу, понемногу, так, чтобы тот его не видел. И он увидел, что Абдаллах отпер чулан и вынул из него столик, на котором было четыре блюда с кушаньем и хлеб и кружку с водой, и понес столик и кружку, и пошел. И Абу Исхак следовал за ним украдкой, пока он не вошел в одну из комнат. И тогда Абу Исхак остановился за дверями комнаты и стал смотреть в просвет дверей. И он увидел, что это комната просторная, устланная роскошными коврами, и посреди комнаты — ложе из слоновой кости, украшенное рдеющим золотом. И к этому ложу привязаны две собаки на золотых цепочках, а потом он увидел, что Абдаллах поставил столик в одно место, в стороне, и, обнажив руки, отвязал первую собаку. И собака начала извиваться у него в руках, и клала морду на землю, как будто целуя ее перед Абдаллахом, и слегка завывала слабым голосом. А Абдаллах скрутил ей лапы и, кинув ее на землю, вытащил бич и стал опускать его на собаку и бить ее болезненным боем, без жалости, а собака извивалась перед ним и не находила себе освобождения.

И Абдаллах до тех пор бил ее этим бичом, пока она не перестала стенать и не исчезла из мира, а затем он взял ее и привязал на прежнее место. И после этого

взял вторую собаку и сделал с ней то же, что и с первой. А потом он вынул платок и начал вытирать собакам слезы и успокаивать их, говоря: «Не взывайте с меня! Клянусь Аллахом, это не по моей охоте и не легко это для меня! Быть может, Аллах даст вам освобождение из этой беды и выход». И он призывал на собак благо.

И пока все это происходило, Абу Исхак, собутыльник, стоял, слушая ухом и видя глазом, и дивился этим обстоятельствам. А затем Абдаллах подал собакам скатерть с кушаньем и кормил их своей рукой, пока они не насытились, и вытер им рты, и, принеся кружку, напоил их, а после этого он взял столик, кружку и свечу и хотел выйти. Но Абу Исхак опередил его, и пришел к своему ложу, и лег, и Абдаллах его не видел и не знал, что он за ним следовал и наблюдал. И Абдаллах спрятал скатерть и кружку в чулан, и, войдя в комнату, открыл шкаф, и положил бич на место, а потом он снял с себя одежду и лег.

Вот то, что было с ним. Что же касается Абу Исхака, то он провел остаток ночи, размышляя об этом деле, и сон не приходил к нему от великого удивления, и он говорил про себя: «Смотри-ка! В чем причина этого дела?»

И он не переставал дивиться до утра, а затем все встали и совершили утреннюю молитву, и им поставили завтрак, и люди поели, и выпили кофе, и отправились в диван, и Абу Исхак был занят этим приключением целый день, но он все скрыл и не спросил о нем Абдаллаха.

А на следующую ночь Ибн Фадиль сделал с собаками то же самое и побил их, и помирился с ними, и накормил их, и напоил. И Абу Исхак последовал за ним и увидел, что он сделал с ними то же, что и в первую ночь, и в третью ночь было то же самое, а после этого он принес харадж Абу Исхаку, собутыльнику, на четвертый день, и тот взял его и уехал, не сказав ничего.

И он ехал до тех пор, пока не достиг Багдада, и вручил халифу харадж, и потом халиф спросил его о причине задержки хараджа, и Абу Исхак сказал: «О повелитель правоверных, я увидел, что правитель Басры уже приготовил харадж и хочет отослать его. И если бы я задержался на один день, он бы наверное

встретил меня в дороге. Но только я увидел у Абдаллах ибн Фадила диво, подобного которому не видел в жизни, о повелитель правоверных». — «А что это такое, о Абу Исхак?» — спросил халиф. И Абу Исхак сказал: «Я видел то-то и то-то». И рассказал о том, что делал Абдаллах с собаками. И потом молвил: «Я видел три ночи подряд, как он делал такие дела — бил собак, а после этого мирился с ними и успокаивал их, и кормил, и поил, и я смотрел на него так, что он меня не видел». — «Спрашивал ли ты его о причине?» — сказал халиф. И Абу Исхак ответил: «Нет, клянусь жизнью твоей головы, о повелитель правоверных!» — «О Абу Исхак, — сказал халиф, — я приказываю тебе вернуться в Басру и привезти ко мне Абдаллаха ибн Фадила вместе с теми двумя собаками». — «О повелитель правоверных, — воскликнул Абу Исхак, — избавь меня от этого! Абдаллах ибн Фадиль оказал мне крайнее уважение, и я проведаль об этих обстоятельствах случайно, без намерения, и рассказал тебе. Как же я вернусь к нему и приведу его? Если я к нему вернусь, я не найду на себе лица от стыда перед ним, и подобает послать кого-нибудь другого с указом, написанным твоей рукой, чтобы он привез к тебе Ибн Фадила и собак». — «Если я пошлю к нему другого, он, может быть, станет отрицать это дело и скажет: «Нет у меня собак, — молвил халиф. — Если же я пошлю тебя и ты ему скажешь: «Я тебя видел своими глазами», — он не сможет этого отрицать. Ты непременно должен к нему поехать и привезти его и собак, а иначе — неизбежно твое убиение». — «Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных, достаточно с нас Аллаха, и благой он промыслитель! — ответил Абу Исхак. — Прав был тот, кто сказал: «Бедствие человека — от его языка». И я сам навлек на себя это, когда рассказал тебе. Но напиши мне благородный указ, и я пойду к Ибн Фадилю и приведу его к тебе».

И халиф написал ему благородный указ, и Абу Исхак направился с ним в Басру. И когда он вошел к правителю Басры, тот сказал: «Да избавит нас Аллах от зла твоего возвращения, о Абу Исхак!» — «Почему это, я вижу, ты быстро вернулся? Может быть, харадж недостаточен и халиф не принял его?» — «О эмир Абдаллах, — сказал Абу Исхак, — я возвратился не из-за недостатка хараджа — он доставлен полностью,

и халиф принял его. Но я надеюсь, что ты не будешь с меня взыскивать,—я сделал ошибку по отношению к тебе, и то, что из-за меня произошло, предопределено Аллахом великим».— «А что произошло, о Абу Исхак? Расскажи мне—я тебя люблю и не стану с тебя взыскивать»,—молвил Ибн Фадиль.

И Абу Исхак сказал: «Знай, что когда я был у тебя, я шел за тобой следом три ночи подряд, когда ты каждую ночь вставал в полночь и мучил собак и возвращался, и я дивился этому, но мне было стыдно тебя спросить. И я рассказал халифу о твоём деле, случайно, без намерения. И он обязал меня вернуться к тебе, и вот указ, написанный его рукой. Если бы я знал, что дело так обернется, я бы не рассказал ему, но это принесла судьба».

И он стал извиняться перед Абдаллахом, и Абдаллах сказал ему: «Если ты рассказал халифу, я подтверждаю ему твой рассказ, чтобы он не думал, что ты лжешь, так как я тебя люблю. Но если бы рассказал кто-нибудь другой, я бы стал отрицать это и обвинил бы его во лжи. Я поеду с тобой и захвачу собак, хотя бы была в этом гибель моей души и конец моего срока».— «Да покроет тебя Аллах, как ты покрыл мое лицо перед халифом!»—сказал Абу Исхак.

И затем Ибн Фадиль взял подарок, подходящий для халифа, и взял собак, на золотых цепях, и взвалил каждую собаку на верблюда, и они ехали, пока не доехали до Багдада. И Абдаллах вошел к халифу и поцеловал землю меж его рук, и халиф позволил ему сесть, и Ибн Фадиль сел и велел привести к себе собак.

«Что это за собаки, о эмир Абдаллах?»—спросил халиф. И собаки начали целовать землю меж его рук, и шевелить хвостами, и плакать, как будто ему жалуясь. И халиф удивился этому и сказал: «Расскажи мне историю этих двух собак и по какой причине ты их бьешь и оказываешь им уважение после побоев».— «О преемник Аллаха,—молвил Ибн Фадиль,—это не собаки, а люди—двое юношей, красивые и прелестные, стройные и соразмерные, и они—мои братья, дети моей матери и моего отца».— «А как же они были людьми и стали собаками?»—спросил халиф.

И Абдаллах сказал: «Если ты мне позволишь, о повелитель правоверных, я расскажу тебе истину об этом деле». — «Расскажи мне, — сказал халиф, — и берегись лжи, ибо ложь — качество людей лицемерных. Будь правдив, ибо правдивость — корабль спасения и черта праведников».

«Знай, о преемник Аллаха, — молвил Ибн Фадиль, — что во время моего рассказа они будут свидетелями. И если я солгу, они обличат меня во лжи, а если я скажу правду, они подтвердят мою правдивость». — «Это собаки, и они не могут говорить или отвечать, — сказал халиф. — Как же они засвидетельствуют против тебя или за тебя?» — «О братья, — молвил Ибн Фадиль, — если я скажу слова лживые, поднимите головы и раскройте широко глаза, а если я скажу правду, опустите головы и зажмурьте глаза.

Знай, о преемник Аллаха, — сказал он потом, — что нас три брата и у нас одна мать и один отец. И имя нашего отца было Фадиль, и его называли этим именем только потому, что жена его отца родила двух сыновей-близнецов, и один из них умер в тот же час и минуту, а другой остался, и отец назвал его Фадилем*. И его отец воспитал его, и дал ему хорошее воспитание, и когда он вырос, женил его на нашей матери, и умер, и наша мать родила сначала этого моего брата, и отец назвал его Мансуром. А потом она понесла второй раз и родила вот этого моего брата, и отец назвал его Насиром, и моя мать понесла третий раз и родила меня, и отец назвал меня Абдаллахом. Он воспитывал нас, пока мы не выросли и не достигли зрелости мужчин, а потом умер и оставил нам дом и лавку, полную разноцветной материи из материй всех сортов — индийских, румских, хоросанских и других, и еще он оставил нам шестьдесят тысяч динаров.

И когда наш отец умер, мы отмыли его и вырыли ему могилу и похоронили его на милость владыки. Мы устраивали по нем моления и чтения Корана и раздавали милостыню до завершения сорока дней. А потом, после этого, я собрал купцов и знатных людей и устроил для них великолепный пир, и когда они поели, я сказал им: «О купцы, здешняя жизнь преходяща, а последняя жизнь вечна, и да будет хвала тому, кто вечен после исчезновения его тварей. Знаете ли вы, для чего я вас собрал в сегодняшний благословенный

день к себе?» — «Да будет хвала Аллаху, знающему сокровенное!» — ответили они. И я сказал им: «Мой отец умер и оставил много денег, и я боюсь, что после него остался долг кому-нибудь, или залог, или что-нибудь другое. Я хочу освободить моего отца от ответственности за долги людям, и пусть тот, кому что-нибудь с него следует, скажет: «Мне с него следует то-то и то-то». И я передам ему это, чтобы освободить моего отца от ответственности». — «О Абдаллах, — сказали купцы, — земная жизнь не обойдется без дольной жизни, и мы не люди лжи. Каждый из нас знает, что дозволено, а что запрещено. Мы боимся Аллаха великого и не хотим поедать имущество сироты. Мы знаем, что деньги твоего отца (да помилует его Аллах!) всегда оставались за людьми, а он не оставлял на своей ответственности ничего, принадлежащего другому, и всегда говорил в своих молитвах: «Бог мой, на тебя мое упование и надежда, не дай же мне умереть, когда на мне будет долг». Одним из его свойств было то, что, когда он был кому-нибудь должен, то отдавал это без требования, а если кто-нибудь был должен ему, он не требовал с него и говорил: «Не спеши!» Если же это был бедняк, он прощал ему долг и освобождал его от ответственности, а если это не был бедняк и он умирал, твой отец говорил: «Да простит ему Аллах то, что он мне должен! Мы свидетельствуем, что он не должен никому ничего». — «Да благословит вас Аллах!» — сказал я. И затем я обернулся к этим моим братьям и сказал им: «О братья, наш отец никому ничего не должен, и он оставил нам эти деньги, и материю, и дом, и лавку. Нас трое братьев, и каждому из нас полагается треть всего этого. Согласимся ли мы не делиться и останется ли наше имущество общим между нами и мы будем есть вместе и пить вместе, или же мы разделим материю и деньги, и каждый из нас возьмет свою долю». — «Мы разделимся, и каждый из нас возьмет свою долю», — сказали мои братья.

И Абдаллах обернулся к собакам и спросил: «Было ли это, мои братья?» И собаки опустили головы и зажмурили глаза, как будто говоря: «Да».

И Ибн Фадиль молвил: «И тогда я привел делильщика от кади, о повелитель правоверных, и он разделил между нами деньги и материю и все, что оставил нам отец. Дом и лавку назначили мне на мою

долю, взамен части того, что мне полагалось из денег, и мы согласились на это, и дом с лавкой вошли в мою часть, а братья взяли свою часть деньгами и материей. И я открыл лавку, и положил в нее материи, и купил на часть денег, которая досталась мне сверх дома и лавки, еще материи, так что наполнил лавку и сел продавать и покупать. А что до моих братьев, то они купили материи и, наняв корабль, уехали по морю в чужие страны. И я сказал: «Помоги им Аллах, а мой надел придет ко мне, и отдыху нет цены».

И я провел таким образом целый год, и Аллах помог мне, и я стал получать большие доходы, так что у меня оказалось столько, сколько оставил нам всем отец. И в один из дней случилось, что я сидел в лавке, одетый в две шубы, одну соболью, а другую беличью,— так как дело было в зимнюю пору, во время сильного холода! И когда я так сидел, вдруг подошли ко мне мои братья, и у каждого из них была на теле рваная рубашка и ничего больше, губы у них были белые от холода, и они дрожали. И когда я увидел их, мне стало тяжело из-за этого, и я опечалился, и разум улетел у меня из головы. И я поднялся, и обнял братьев, и стал плакать об их положении, и на одного из них я надел соболью шубу, а на другого — беличью шубу. И я отвел их в баню и послал туда каждому из них одежду купца-тысячника. И когда они помылись, каждый из них надел свою одежду, а потом я взял их к себе домой. И я увидел, что они крайне голодны, и расстелил перед ними скатерть с кушаньями, и они поели, и я ел вместе с ними, проявляя к ним ласку и успокаивая их».

И Абдаллах обернулся к собакам и спросил: «Было ли это, о мои братья?» И они опустили головы и зажмурили глаза.

«И затем я спросил их, о преемник Аллаха,— продолжал Ибн Фадиль,— и сказал: «Как это с вами случилось и где ваши деньги?» И они ответили: «Мы ехали по морю и вошли в город, называемый город Куфа*. Мы продавали кусок материи, которому у нас цена полдинара, за десять динаров, а тот, что стоит динар,— за двадцать динаров, и нажили большую прибыль. Мы купили из персидских материй каждую штуку шелка за десять динаров, а она стоит в Басре сорок динаров, и потом мы вошли в город,

называемый город аль-Карх*, и продавали, и покупали, и нажили большую прибыль, и стало у нас много денег».

И я спросил их: «Если вы видели эту радость и благо, почему же вы, я вижу, вернулись голые?» И мои братья вздохнули и сказали: «О брат наш, порази нас только дурной глаз, и в путешествии нет безопасности. Собрав эти деньги и блага, мы нагроулили наше имущество на корабль и поехали по морю с намерением направиться в город Басру. Мы проехали три дня, а на четвертый день мы увидели, что море стало подниматься и опускаться, заревело, вспенилось, заходило и заволновалось и забилося волнами, и волны выпускали искры, как огненное пламя. Ветер над нами менялся, и наш корабль ударился о выступ горы и разбился, и мы стали тонуть в море вместе со всем тем, что у нас было. Мы бились на поверхности воды один день и одну ночь. Но Аллах послал нам корабль, и те, кто ехал на нем, взяли нас, и мы ехали из города в город, и просили, и кормились тем, что добывали просьбой. Мы испытывали великую горесть и снимали с себя свои вещи и продавали их, кормясь этим, пока не приблизились к Басре. И мы достигли Басры не прежде, чем испили тысячу горестей, а если бы спаслись вместе с тем, что у нас было, мы бы привезли богатства, похожие на богатства царей. Но это определено нам Аллахом». И я сказал им: «О братья, не обременяйте себя заботой. Деньги — выкуп за тело, и спасение — добыча. Раз Аллах записал вас в число спасшихся, то это — предел желаний, а бедность и богатство не что иное, как тень призрака, и от Аллаха дар того, кто сказал:

Когда голова мужей спасется от гибели,

Их деньги, поистине, обрезают ногтей для них.

О братья, — сказал я им потом, — мы будем считать, что наш отец умер сегодня и оставил нам все деньги, какие есть у меня. Моей душе приятно, чтобы мы их разделили между собой поровну».

И затем я призвал делильщика от кади и принес все мое имущество, и делильщик разделил его между нами, и каждый из нас взял треть денег. И я сказал своим братьям: «О братья, Аллах благословляет человека в его наделе, когда человек находится в своем городе. Пусть каждый из вас откроет себе лавку и

сидит там, занимаясь торговлей: тот, кому что-нибудь предназначено в неведомом, неизбежно это получит».

И затем я помог каждому из них открыть лавку и наполнить ее товарами, и сказал: «Продавайте и покупайте и берегите ваши деньги, не тратя из них ничего, а все, что вам нужно из еды и питья, будет от меня». И я оказал им уважение, и они стали покупать и продавать днем, а вечер проводили у меня в доме, и я не давал им ничего тратить из их денег, и всякий раз, когда я сидел с ними и разговаривал, братья хвалили пребывание на чужбине и рассказывали о прелестях чужих стран, описывая, какая им досталась нажива, и подстрекали меня согласиться поехать с ними в чужие страны».

И Абдаллах спросил собак: «Было ли это, о мои братья?» И они опустили головы и зажмурили глаза, подтверждая его слова.

«О преемник Аллаха,—сказал потом Ибн Фадиль,—мои братья не переставали соблазнять меня и говорить о большой прибыли и наживе в чужой стране, призывая меня поехать с ними, пока я не сказал им: «Я обязательно с вами поеду, чтобы вас уважить».

И потом мы с ними вошли в компанию, и, собрав дорогую материю всевозможных сортов, наняли корабль, и наполнили его всякими товарами и запасами, и снесли на этот корабль все, что нам было нужно, и выехали из города Басры в полноводное море, в котором бились волны, и тот, кто въезжает в него,—пропал, а кто покидает его,—рождается вновь. Мы ехали до тех пор, пока не приехали в один город, и мы продали там и купили, и у нас оказалась большая прибыль. А потом мы уехали из этого города в другой и ездили из города в город и из селения в селение, продавая, покупая и наживая, пока у нас не оказались значительные деньги и большая прибыль. И мы подъехали к одной горе, и капитан бросил якорь и сказал: «О путники, выходите на берег, и вы спасетесь от зла этого дня. Поищите на берегу,—может быть, вы найдете воду». И все, кто был на корабле, вышли, и я тоже вышел, и мы принялись искать воду, и каждый из нас отправился в какую-нибудь сторону, а я поднялся на вершину горы.

И когда я шел, я вдруг увидел белую змею, которая мчалась, убегая, и за ней мчался черный дракон,

безобразный обликом и ужасный на вид. И дракон настиг змею, и прижал ее, и схватил за голову, и обвился хвостом вокруг ее хвоста, и она закричала, и я понял, что дракон обижает змею, и меня охватила жалость. Я взял камень из камней, весом в пять ритлей или больше, и бросил его в дракона. И камень попал ему в голову и разбил ее. И не успел я опомниться, как змея сделалась молодой девушкой, красивой, прелестной, блестящей, совершенной, стройной и соразмерной, подобной светящейся луне. Она подошла ко мне, поцеловала мне руки и сказала: «Да покроет тебя Аллах двумя покрывами — покрывом от позора в здешней жизни и покрывом от огня в жизни будущей в день великого предстояния, в день, когда не поможет имущество и сыновья никому, кроме тех, кто придет к Аллаху с сердцем здоровым. О человек,— сказала она потом,— ты спас мою честь, и я обязана тебе за это благодеяние. Мне надлежит воздать тебе за это».

И она указала рукой на землю, и земля расступилась, и девушка опустилась в землю, и потом земля закрылась над ней, и я понял, что эта девушка — из джиннов. А что касается дракона, то в нем загорелся огонь и сжег его, и он превратился в пепел. И я удивился этому, и вернулся к своим товарищам, и рассказал им об этом. Мы проспали ночь, а под утро капитан вырвал якорь, распустил паруса и свернул концы, и мы поехали и ехали, пока земля не скрылась от нас, и не переставали плыть в течение двадцати дней, не видя ни земли, ни птицы, и вода у нас кончалась.

И капитан сказал: «О люди, пресная вода у нас кончилась». И мы сказали ему: «Выйдем на сушу, может быть, мы найдем воду». И тогда капитан воскликнул: «Клянусь Аллахом, я сбился с пути и не знаю дороги, которая ведет в сторону земли». И нас охватило сильное горе, и мы стали плакать и молиться Аллаху великому, чтобы он вывел нас на верную дорогу. А потом мы провели ночь в самом худшем состоянии.

И когда наступило утро, и засияло светом, и заблестало,— мы увидели высокую гору и, увидев эту гору, обрадовались и развеселились. И мы подъехали к этой горе, и капитан сказал: «О люди, выходите на берег, чтобы поискать воды».

И мы все вышли искать воду, но не увидели на берегу воды, и нас охватило огорчение из-за отсутствия воды. И потом я поднялся на вершину этой горы, и увидел за ней широкую круглую долину, протяжением в час пути или больше, и позвал моих товарищей, и они направились ко мне. И когда они подошли, я сказал: «Посмотрите на землю, которая за этой горой. Я вижу там город, высоко построенный, с колоннами, уходящими ввысь, и стенами, и башнями, и холмами, и лугами. Там, без сомнения, не может не быть воды и всяких благ. Пойдемте же со мной и отправимся в этот город. Мы принесем оттуда воды и купим то, что нам нужно из пищи, мяса и плодов, и вернемся».

И мои товарищи сказали мне: «Мы боимся, что жители этого города окажутся нечестивыми многобожниками и врагами веры и схватят нас. И мы станем пленниками у них в руках, или же они нас убьют, и мы сами будем пособниками своего убиения, так как ввергли себя в погибель и зло затруднения. Обольщенный самим собою недостойн хвалы, так как он подвергает себя злой опасности. Не будем же обольщаться сами собой». И я сказал им:

— О люди, у меня нет над вами власти, но я возьму моих братьев и отправлюсь в этот город». Но мои братья сказали мне: «Мы боимся этого дела и не пойдем с тобою». — «Что касается меня, — сказал я, — то я решил отправиться в этот город. Я полагаюсь на Аллаха и согласен на то, что он мне предопределил. Подождите же меня, пока я схожу туда и вернусь к вам».

«И я оставил их и шел, пока не дошел до ворот этого города, и я увидел, что это город удивительно построенный и диковинно расположенный, и стены в нем высокие, а башни укрепленные, и дворцы возвышаются, и ворота его сделаны из китайского железа, украшены и расписаны и ошеломляют разум. И я вошел в ворота и увидел каменную скамью, и там был человек, который сидел на ней, и на руке у него была цепочка из желтой меди, а на цепочке четырнадцать ключей. И я понял, что этот человек — привратник города, а в городе четырнадцать ворот. И я приблизился к этому человеку и сказал: «Мир с вами». Но он не ответил на мое приветствие, и я пожелал ему мира

второй раз и третий, но он не дал мне ответа. И я положил ему руку на плечо и сказал: «Эй ты, почему ты не отвечаешь на приветствие? Ты спишь, или глухой, или не мусульманин, что отказываешься ответить на приветствие?» И человек не ответил мне и не шевельнулся, и я всмотрелся в него и увидел, что он каменный. «Поистине, это удивительное дело!—воскликнул я.—Вот камень, которому придан облик сына Адама, и ему не хватает только речи». И я оставил его, и вошел в город, и увидел человека, который стоял на дороге, и подошел к нему, и всмотрелся в него, и увидел, что это тоже камень. И я стал ходить по площадям этого города и всякий раз, как видел человека, подходил к нему и вглядывался в него, и оказывалось, что это камень. И я прошел мимо одной старой женщины, на голове которой была связка одежды, приготовленной для стирки, и, приблизившись к ней, вгляделся в нее и увидел, что она из камня и связка одежды у нее на голове тоже каменная. А потом я пошел на рынок и увидал масленика, и весы его были поставлены, и перед ним были всякие товары—сыр и другое, и все это было каменное.

И я увидел, что все торговцы сидят в своих лавках, а люди—одни стоят, другие сидят, и увидел мужчин, и женщин, и детей, и все они были каменные. И я вошел на рынок купцов и увидел, что всякий купец сидит в своей лавке, и лавки полны всевозможных товаров, и все они—из камня, но только материи подобны ткани паука. И я стал рассматривать эти материи, и всякий раз, как я брал в руки одежду из материи, она превращалась у меня в руках в развеянную пыль. Я увидел сундуки и, открыв один из них, нашел в нем золото в мешках и взял мешки в руки, и они растаяли у меня в руках, а золото не изменилось и осталось как было. Я взял его сколько мог и стал говорить себе: «Если бы мои братья были со мною, они бы, наверное, взяли этого золота вдоволь, и мы бы воспользовались этими сокровищами, у которых нет обладателей». А потом я вошел в другую лавку и увидел, что там еще больше золота, но не мог уже взять больше, чем взял. Я пошел с этого рынка на другой рынок и оттуда еще на другой и так далее и видел всяких тварей разных по виду, и все они были каменные—даже собаки и кошки были из камня.

И я пошел на рынок ювелиров и увидел там мужчин, сидевших в своих лавках, и их товары лежали перед ними — часть их была у них в руках, а часть в корзинках. И когда я увидел это, о повелитель правоверных, я бросил бывшее со мной золото и взял ювелирных изделий, сколько мог снести.

Я вышел с рынка ювелиров на рынок торговцев драгоценностями и увидел, что купцы сидят в своих лавках, и перед каждым из них корзина, наполненная всякими драгоценностями — яхонтами, алмазами, изумрудами, бадахшанскими рубинами и прочими камнями всевозможных родов, а владельцы лавок были каменные. И тогда я бросил бывшие со мной ювелирные изделия и взял столько камней, сколько мог нести, и я жалел, что со мной не было братьев, которые могли бы взять этих камней сколько хотят.

И я ушел с рынка драгоценных камней и прошел мимо больших ворот, расписанных и украшенных различными украшениями. А за воротами были скамьи, и на скамьях сидели евнухи, воины, телохранители, солдаты и судьи, и они были одеты в самые роскошные одежды, но все они были каменные. И когда я прикоснулся к одному из них, одежды осыпались с его тела, точно ткань паука. И я вошел в эти ворота и увидел дворец, которому нет подобного в постройке и прекрасном расположении. И в этом дворце я увидел приемную залу, наполненную вельможами, везирями, знатными людьми и эмирами, и все они сидели на скамеечках и были каменные. И я увидел престол из червонного золота, украшенный жемчугом и драгоценностями, и на нем сидел человек в роскошнейших одеждах, на голове которого был венец Хосроев, украшенный дорогими камнями, которые испускали лучи, точно лучи дневного света. И, подойдя к нему, я увидел, что он из камня. Потом я направился из этой залы к дверям гарема. И, войдя туда, увидел диван женщин, и в этом диване я увидел престол из червонного золота, украшенный жемчугом и драгоценностями, и на нем сидела женщина-царица, на голове которой был венец, окаймленный дорогими камнями, и ее окружали женщины, подобные лунам, которые сидели на скамеечках и были одеты в роскошнейшие одежды, выкрашенные в разные цвета, и тут же стояли евнухи, сложив руки на груди, как

будто они стоят, чтобы прислуживать. И этот диван ошеломлял смотрящих, так много было в нем украшений, диковинного убранства и великолепных ковров. В нем висели самые яркие лампы из прозрачного хрусталя, и в каждом из хрустальных котелков был бесподобный яхонт, цену которого не покрыть деньгами. И я бросил, о повелитель правоверных, то, что было со мной, и стал собирать эти камни, и поднял их сколько мог.

И я не знал, что мне взять, а что оставить, так как увидел, что это место подобно сокровищу из сокровищ какого-нибудь города. И затем я увидел маленькую дверь, за которой была лестница, и, войдя в эту дверь, поднялся на сорок ступенек и услышал, что кто-то читает Коран нежным голосом. И я пошел на этот голос и дошел до дверей комнаты. И тогда я увидел шелковую занавеску, украшенную золотыми шнурками, на которых были нанизаны жемчуга, кораллы, яхонты и куски изумруда, и драгоценные камни сияли на них, как сияют звезды. Голос слышался из-за этой занавески, и, подойдя к занавеске, я поднял ее, и передо мной предстала разукрашенная дверь дворца, смущающая мысли. Я вошел в эту дверь и увидел дворец, подобный сокровищу на лице земли, и в глубине его — девушку, подобную сияющему солнцу посреди безоблачного неба.

И она была одета в самые роскошные одежды и украшена самыми лучшими, какие бывают, драгоценностями. При этом сама была дивно красива и прелестна — стройная, соразмерная, изящная и совершенная, с тонким станом, тяжкими бедрами и слюной, исцеляющей больного, и томными веками.

И Абдаллах ибн Фадиль продолжал: «О повелитель правоверных, когда я увидел эту девушку, меня охватила любовь к ней, и я подошел к ней ближе и увидел, что она сидит на высокой скамеечке и читает книгу Аллаха, великого, славного, по памяти, из глубины сердца, а голос ее — точно скрип ворот рая, когда их открывает Ридван, и слова, выходя из ее уст, рассыпаются, как драгоценные камни, а лицо ее дивно прекрасно, красиво и блестяще.

И когда я услышал звуки ее голоса при чтении великого Корана (а мое сердце читало в ее чарующих глазах привет по слову владыки милосердного), я

запутался в словах и не мог хорошо ее приветствовать. Мой разум и слух были ошеломлены, и я стал таким, как сказал поэт:

Любовь потрясла меня, и речи лишился я,
И в стан я вошел, чтоб кровь спасти от пролития.

И речи хулителей я слушал лишь для того,
Чтобы страсть свою высказать любимой в словах моих.

И затем я набрался стойкости против ужасов любви и сказал ей: «Мир тебе, о госпожа, охраняемая и драгоценность скрываемая. Да утвердит Аллах навеки устои твоего счастья и да воздвигнет опоры твоей славы». И женщина ответила: «И тебе от меня мир, привет и уважение, о Абдаллах ибн Фадиль! Приют, уют и простор тебе, о мой любимый и прохлада моего глаза!» — «О госпожа,— спросил я,— откуда ты узнала мое имя? Кто ты сама такая, и что такое с жителями этого города, что они сделались камнями? Я хочу, чтобы ты рассказала мне истину об этом деле,— я дивлюсь на этот город и на его жителей и на то, что в нем не найти человека, кроме тебя. Ради Аллаха, расскажи мне об этом».

И девушка сказала: «Садись, о Абдаллах, и, если захочет Аллах великий, я расскажу тебе и сообщу истину об этом деле и истину о деле этого города и его жителей подробно. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!» И я сел рядом с девушкой, и она сказала: «Знай, о Абдаллах (помилуй тебя Аллах!), что я дочь царя этого города, и мой родитель — это тот, кого ты видел сидящим в диване на высоком престоле, а те, кто вокруг него,— вельможи его правления и знатные люди его царства. Мой отец обладал великой мощью и повелевал тысячей тысяч и сотней тысяч и двадцатью тысячами воинов, а число эмиров его правления — двадцать четыре тысячи, и все это — судьи и обладатели должностей. Под властью моего отца была тысяча городов, кроме селений, поместий, крепостей, укреплений и деревень, и число эмиров арабов, подвластных ему,— тысяча эмиров, а каждый эмир повелевает двадцатью тысячами витязей. У него сокровища, богатства, металлы и драгоценные камни, каких не видел глаз и не слышало ухо. И он покорял царей и губил богатырей и храбрецов на

войне и на поле битвы, и его боялись великаны, и смирились перед ним Хосрой. И при всем этом он был нечестивец, предававший Аллаху товарищей и поклонявшийся идолам вместо своего владыки, и все его воины были нечестивцы и поклонялись идолам вместо всезнающего владыки. И случилось, что в один из дней он сидел на престоле своего царства, окруженный вельможами правления. И не успел он опомниться, как вошел к нему какой-то человек, и диван осветился светом его лица. И мой отец посмотрел на него и увидел, что он одет в зеленую одежду и высок ростом, и руки его спускаются ниже колен, и вид у него почтенный и достойный, и свет сияет от его лица. И этот человек сказал моему отцу: «О жестокий, о притеснитель! До каких пор будешь ты обольщен почитанием идолов и станешь пренебрегать почитанием всезнающего владыки? Скажи: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед — раб и посол Аллаха». Прими ислам вместе с твоим народом. Оставь поклонение идолам — они не помогут и не заступятся. Не почитают по праву никого, кроме Аллаха, подъявшего небеса без опоры и распростершего землю по милости к рабам». — «Кто ты, о человек, отвергающий поклонение идолам, что говоришь такие слова? — спросил мой отец. — Разве ты не боишься, что идолы на тебя разгневаются?»

И человек ответил ему: «Идолы — это камни, и не повредит мне их гнев, и не поможет мне их милость. Принеси твоего идола, которому ты поклоняешься, и прикажи каждому из твоих людей принести своего идола. И когда все ваши идолы будут здесь, помолись им, чтобы они на меня разгневались, а я помолюсь моему господу, чтобы он разгневался на них, и вы узнаете гнев творца и гнев твари. Ведь ваших идолов сделали вы сами, и в них вселились дьяволы, и это они говорят с вами из глубины утробы идолов. Ваши идолы сделаны, а мой господь — тот, кто делает, и ничто для него не трудно. Если нам станет ясна истина, — последуйте ей, а если станет вам ясно ложное, — оставьте ее». — «Дай нам доказательство о твоём владыке, чтобы мы его увидели», — сказали этому человеку. И он молвил: «Дайте мне доказательство о ваших владыках».

И тогда царь приказал каждому, кто поклонялся владыке из идолов, принести его, и все воины принесли своих идолов в диван, и вот то, что было с ними.

Что же касается меня, то я сидела за занавеской, возвышавшейся над приемной залой моего отца, и у меня был идол из зеленого изумруда, тело которого было величиной с тело человека, и мой отец потребовал его, и я послала его к нему в диван, и его поставили подле идола моего отца. А идол моего отца был из яхонта, а идол везиря — из камня алмаза. Что же касается начальников войск и подданных, то у некоторых были из бадахшанского рубина, у некоторых из карнеола, а у некоторых из коралла. Некоторые же идола были из камарийского алоэ, некоторые из эбена, некоторые из серебра, а некоторые из золота, и у каждого из вельмож был такой идол, какой позволяла сделать его душа. Что же касается простого народа из солдат и подданных, то некоторые их идола были из кремня, некоторые из дерева, некоторые из глины, а некоторые из грязи, и все идола были разноцветные — желтые, красные, зеленые, и белые.

И этот человек сказал моему отцу: «Помолись твоему идолу и вот этим идолам, чтобы они на меня разгневались». И идолов рассадили диваном; идола моего отца посадили на золотой престол и моего идола посадили подле него на почетном месте, а других идолов поставили каждого на место его владельца, который ему поклонялся. И мой отец поднялся, и пал ниц перед своим идолу, и сказал ему: «О мой бог, ты — великодушный владыка, и нет среди идолов большего, чем ты. Ты знаешь, что этот человек пришел ко мне, чтобы поразить твое господство, и он издевается над тобой, и говорит, что у него есть бог сильнее тебя, и приказывает нам оставить поклонение тебе и поклоняться его богу. Разгневайся на него, о мой бог».

И он стал просить идола, а идол не отвечал ему и не обращал к нему речи, и мой отец сказал: «О мой бог, не таков твой обычай, так как ты говорил со мной, когда я к тебе обращался. Почему же это, я вижу, ты молчишь и не разговариваешь? Ты рассеян или спишь? Проснись, помоги мне и заговори со мной». И затем он потряс его рукой, но идол не заговорил и не сдвинулся со своего места. И тот человек сказал моему

отцу: «Что это, я вижу, твой идол не говорит?» И мой отец ответил: «Я думаю, что он рассеян или спит». — «О враг Аллаха, — сказал тот человек, — как ты поклоняешься богу, который не говорит и нет у него ни над кем власти, и не поклоняешься моему богу, который близок и внимает, присутствует и не исчезает, и не рассеян он, и не спит, и не постигает его воображение? Он видит, но невидим, и он властен над всякой вещью, а твой бог бессилен и не может отразить от себя зла. В него вселился дьявол, битый камнями, который уводил тебя с пути и обманывал, а теперь его дьявол исчез. Поклонись же Аллаху и засвидетельствуй, что нет бога, кроме него, и никому, кроме него, не поклоняются. Никто, кроме него, не достоин поклонения, и нет блага, кроме его блага. Что же касается этого твоего бога, то он не может отразить зло от себя. Как же он может отразить его от тебя? Посмотри своими глазами, какова его слабость».

И этот человек подошел и стал бить идола по шее, так что тот упал на землю, и царь рассердился и сказал присутствующим: «Этот вероотступник дал затрещину моему богу! Убейте его!» И они хотели подняться, чтобы его ударить, но никто из них не мог подняться с места, и этот человек предложил им ислам, но они не предались Аллаху. И тогда он сказал: «Я покажу вам гнев моего владыки». — «Покажи», — сказали они. И человек простер руки и сказал: «Бог мой и господин, в тебе мое упование и надежда, ответь моей молитве против этих нечестивых людей, которые поедают твое благо и поклоняются другому. О истинный, о всевластный, о творец ночи и дня, прошу тебя, чтобы ты превратил этих людей в камни. Ты могуч, не обессилит тебя ничто, и властен ты во всякой вещи».

И Аллах превратил жителей этого города в камни, а что касается меня, то, увидев доказательство этого человека, я обратила свое лицо к Аллаху и спаслась от того, что их поразило.

И этот человек подошел ко мне и сказал: «Пришло к тебе от Аллаха счастье, и была в этом воля Аллаха».

И он стал меня учить, и я дала ему обет и клятву, и было мне в это время семь лет, а сейчас мне стало уже тридцать лет. И я сказала этому человеку: «О господин мой, все, что есть в этом городе, и все его жители стали

камнями, по твоей праведной молитве. А я спаслась, приняв ислам при твоей помощи, и ты мой шейх. Скажи же мне, как твое имя, и поддержи меня своей поддержкой и добудь мне пропитание». И человек ответил: «Мое имя Абу-ль-Аббас аль-Хидр». И затем он посадил своей рукой дерево граната, и оно выросло, принесло листья и цветы и тотчас же дало один плод граната. «Ешь то, чем наделил тебя Аллах великий, и поклоняйся ему достойным поклонением», — сказал этот человек.

И затем он научил меня правилам ислама, правилам молитвы и способу богопочитания и научил меня читать Коран, и вот двадцать три года, как я поклоняюсь Аллаху в этом месте, и каждый день это дерево сбрасывает для меня гранат, и я съедаю его и питаюсь им от одного дня до другого. А аль-Хидр — мир с ним! — приходит ко мне каждую пятницу. Это он осведомил меня о твоём имени и оповестил меня о том, что ты скоро придешь ко мне в это место, и сказал мне: «Когда он к тебе придет, окажи ему уважение и повинуйся его приказу беспрекословно. Будь ему женой, и он будет тебе мужем, и пойдй с ним туда, куда он захочет». И, увидев тебя, я тебя узнала, и вот рассказ об этом городе и его жителях, и конец».

И потом девушка показала мне дерево с гранатами, и на нем был плод граната, и девушка съела половину его и дала мне съесть половину, и я не едал ничего слаще, приятнее и вкуснее, чем этот гранат.

А потом я спросил ее: «Согласна ли ты на то, что приказал тебе твой шейх аль-Хидр (мир с ним!), и хочешь ли ты быть мне женой, чтобы я был тебе мужем, и уйдешь ли со мной в мою страну, и я буду жить с тобой в городе Басре?» И она ответила: «Да, если захочет Аллах великий, я буду послушна твоему слову и покорна твоему приказу, не прекословя тебе». И я взял с нее верную клятву, и она отвела меня в кладовую своего отца, и мы забрали оттуда столько, сколько могли снести, и вышли из этого города.

И мы шли до тех пор, пока не пришли к моим братьям, и я увидел, что они меня ищут. И братья сказали мне: «Где ты был? Ты заставил нас ждать, и наши сердца были тобой заняты».

А что касается капитана корабля, то он сказал мне: «О купец Абдаллах, ветер для нас хорош уже

некоторое время, и ты задержал наш отъезд». — «В этом нет вреда, — ответил я, — и, может быть, задержка была полезна, так как в моем отсутствии не было ничего, кроме пользы, и я получил исполнение надежд».

И затем я сказал им: «Посмотрите, что мне досталось во время этсй отлучки». И показал им, какие у меня были сокровища. Я рассказал, что видел в каменном городе, и сказал: «Если бы вы меня послушались и пошли бы со мной, вам бы досталось всего этого много», — они сказали: «Клянемся Аллахом, если бы мы пошли, мы бы не осмелились войти к царю города». — «С вами не будет беды, — сказал я своим братьям: — Того, что со мной, хватит на нас всех, и это наша общая доля».

И затем я разделил то, что у меня было, на части, по числу всех путников, и дал моим братьям и капитану и взял себе столько же, сколько получил каждый из них. Я дал немного слугам и матросам, и они обрадовались и пожелали мне блага, и все удовлетворились тем, что я им дал, кроме моих братьев, — их состояние изменилось, и их глаза заблестели. Я заметил, что жадность овладела ими, и сказал им: «О братья, мне кажется, что то, что я вам дал, вас не удовлетворяет. Но я ваш брат, и вы мои братья, и между нами нет различия. Мои деньги и ваши деньги — одно, и когда я умру, никто не наследует мне, кроме вас».

И я начал их успокаивать, а потом привел ту девушку на корабль и, отведя ее в трюм, послал ей кое-чего поесть, а сам сел беседовать с моими братьями. И они спросили меня: «О брат мой, что ты хочешь делать с этой девушкой, столь дивно прекрасной?» И я ответил: «Я хочу записать с ней свою запись, когда приеду в Басру, и сделать великолепную свадьбу и ввести ее к себе». И один из братьев сказал мне: «О брат мой, знай, что эта девушка дивно прекрасна и красива, и любовь к ней запала мне в сердце. Я хочу, чтобы ты мне ее отдал, и я бы на ней женился». И второй брат сказал: «Я тоже! Дай мне ее, чтоб я на ней женился». И я ответил: «О мои братья, она взяла с меня клятву и обещание, что я на ней женюсь, и если я отдам ее одному из вас, я буду нарушителем клятвы между мной и ею, и, может быть, это сокрушит ее сердце, так как она пришла ко мне лишь с усло-

вию, что я на ней женюсь. Как же я выдам ее замуж за кого-нибудь другого? Что же касается того, что вы ее любите, то я люблю ее больше, чем вы, хотя она для меня — случайная находка, и того, чтобы я отдал ее кому-нибудь из вас, никогда не будет. Но когда мы приедем благополучно в город Басру, я присмотрю для вас двух девушек из лучших девушек Басры и просватаю их за вас. Я дам вам приданое из своих денег и сделаю общую свадьбу, и мы все трое войдем к нашим женам в одну ночь. Отвернитесь от этой девушки: она — моя доля».

И братья промолчали, и я подумал, что они согласились с тем, что я им сказал.

И затем мы поехали, направляясь в землю Басры, и я послал девушке еду и питье, и она не выходила из трюма корабля, а я спал между моими братьями на палубе. И мы ехали таким образом в течение сорока дней, пока не показался перед нами город Басры. И тогда мы обрадовались, что приближаемся к нему, и я доверял моим братьям и полагался на них (а не знает сокровенного никто, кроме великого Аллаха). И я спал в эту ночь и был погружен в сон, и не успел я опомниться, как почувствовал, что меня несут на руках эти мои братья, и один держит меня за ноги, а другой за руки, и они сговорились утопить меня в море из-за этой девушки. И когда я почувствовал, что они несут меня на руках, я сказал им: «О мои братья, почему вы делаете со мной такие дела?» И они ответили: «О маловоспитанный! Как это ты продаешь наше расположение за девушку! Мы бросим тебя из-за этого в море». И они бросили меня в море».

И Абдаллах обернулся к собакам и спросил их: «Правда ли то, что я сказал, о братья, или нет?» И собаки опустили головы и завyli, как бы подтверждая его слова, и халиф очень удивился этому.

И затем Ибн Фадиль сказал: «О повелитель правоверных, когда они бросили меня в море, я достиг дна, а потом вода выбросила меня на поверхность моря. И не успел я опомниться, как большая птица, величиной с человека, опустилась ко мне и, подхватив меня, полетела со мной по воздуху. И я открыл глаза и увидел себя во дворце с возвышающимися колоннами, высоко построенном и расписанном роскошными над-

писями, и были в нем светильники из драгоценных камней всевозможных видов и цветов, и там находились невольницы, которые стояли, сложив руки на груди. И вдруг я увидел женщину, сидевшую между ними на престоле из червонного золота, украшенном драгоценными камнями и жемчугом. И на ней были одежды, на которые человек не может смотреть глазами, так сильно сияют на них драгоценности, и стан этой женщины охватывал пояс, цены которого не покрыть деньгами, а на голове у нее был венец из четырех кругов, который смущает разум и мысль и похищает сердца и взоры.

И птица, которая подхватила меня, встряхнулась и сделалась женщиной, подобной сияющему солнцу, и я внимательно всматривался в нее и вдруг вижу — это та, что была на горе в виде змеи, и с ней сражался дракон, обвиваясь хвостом вокруг ее хвоста, а я, когда увидел, что дракон победил ее и одолел, ударил его камнем.

И женщина, что сидела на престоле, спросила ее: «Зачем ты принесла сюда этого человека?» И девушка сказала: «О матушка, это тот, кто был причиной спасения моей чести между дочерьми джиннов». И затем она спросила меня: «Знаешь ли ты, кто я?» И я сказал: «Нет». И девушка молвила: «Я та, что была на такой-то горе, и черный дракон сражался со мной, желая растерзать мою честь, а ты его убил». — «Я видел с драконом белую змею», — сказал я. И девушка молвила: «Это я была белой змеей, но я — дочь Красного Царя, царя джиннов, и мое имя Саида. А та, что сидит, это моя мать, и имя ее Мубарака, жена Красного Царя. Дракон, который со мной сражался и хотел растерзать мою честь, — везирь Черного Царя по имени Дарфиль, и он безобразен видом. Случилось, что когда он увидел меня, он меня полюбил и посватался за меня у моего отца, и мой отец послал ему сказать: «А каков твой сан, о обломок везирей, чтобы тебе жениться на дочерях царей?»

И везирь разгневался на это и дал клятву, что он непременно опозорит мою честь по злобе на моего отца, и стал ходить по моим следам и следовать за мной, куда бы я ни шла, желая опозорить мою честь. У него произошли с моим отцом великие войны и страшные распри, и мой отец не мог его одолеть, так

как Дарфиль был коварный притеснитель. И всякий раз, как он прижимал моего отца и хотел его захватить, мой отец убегал от него. И наконец мой отец обессилел, а я каждый день принимала другой вид и цвет. И всякий раз, как я во что-нибудь превращалась, везирь превращался во что-нибудь противоположное. И когда я убегала в какую-нибудь землю, он чуял мой запах и настигал меня в этой земле, так что я перенесла из-за него великие тяготы. И я превратилась в змею и ушла в те горы, и тогда везирь превратился в дракона и последовал за мной, и я попала ему в руки. Он боролся со мной, и я боролась с ним, пока он меня не утомил и не сел на меня, и он был намерен сделать со мной то, что хотел, но ты пришел и ударил его камнем и убил. И тогда я превратилась в девушку, и показала себя тебе, и сказала: «Я обязана тебе благодеянием, которое пропадет только у детей разврата». И когда я увидела, что твои братья сделали с тобой эту хитрость и бросили тебя в море, я поспешила к тебе и спасла тебя от гибели, и тебе подобает уважение от моей матери и от моего отца».

И она сказала: «О матушка, оказывай ему уважение за то, что он спас мою честь». И ее мать молвила: «Простор тебе, о человек! Ты оказал нам благодеяние, за которое заслуживаешь уважение». И она приказала принести мне одежду из сокровищницы, стоящую множество денег, дала мне много дорогих камней и металлов, а потом сказала: «Возьмите его и отведите к царю». И меня взяли и отвели к царю в диван, и я увидел, что он сидит на престоле, и перед ним стоят марииды и духи, и, увидев его, я отвел глаза, так много было на нем драгоценностей. А царь, увидев меня, поднялся на ноги, и все воины поднялись, из уважения к нему, а потом он приветствовал меня и сказал: «Добро пожаловать!» — оказав мне крайнее уважение, и дал мне часть тех богатств, которые были у него. И затем он сказал кому-то из своих приближенных: «Отведите его к моей дочери — пусть она доставит его в то место, откуда она его принесла». И меня взяли и отвели к Саиде, его дочери, и она подняла меня и полетела, захватив те блага, которые были со мной, и вот что произошло со мной и с Саидой.

Что же касается капитана корабля, то он проснулся от всплеска, раздавшегося, когда меня бросили в море,

и спросил: «Что это упало в море?» И мои братья заплакали, и начали бить себя по груди, и сказали: «О, гибель нашего брата! Он хотел исполнить нужду на краю корабля и упал в море». И потом они наложили руку на мои деньги, и возникло между ними разногласие относительно девушки, и каждый из них говорил: «Никто не возьмет ее, кроме меня!» И они стали препираться друг с другом и не вспомнили о своем брате и его потоплении, и прошла их печаль о нем, и когда это было так, вдруг Саида опустилась со мной на середину корабля. И, увидев меня, мои братья обняли меня, и обрадовались мне, и стали говорить: «О брат наш, каково было тебе при том, что с тобой случилось? Наше сердце занято тобой». И Саида сказала: «Если бы ваше сердце болело о нем или вы бы его любили, вы бы не бросили его в море, когда он спал. Но выбирайте себе смерть, которою умрете».

И она схватила моих братьев и хотела их убить, и они закричали, говоря: «Мы под твоим великодушием, о брат наш!» И я принялся упрашивать Саиду и говорить ей: «Я падаю перед твоим великодушием! Не убивай моих братьев!» А она говорила: «Неизбежно их убить — они обманщики!» И я до тех пор уговаривал ее и пытался ее смягчить, пока она не сказала: «В угождение тебе я их не убью, но я заколдую их».

Потом она вынула чашку и налила в нее воды, из воды моря, и проговорила слова непонятные, а затем сказала: «Выйдите из образа человеческого в образ собачий». И она обрызгала моих братьев этой водой, и они превратились в псов, какими ты их видишь, о преемник Аллаха».

И Абдаллах ибн Фадиль обернулся к ним и спросил: «Правда ли то, что я сказал, о мои братья?» И они опустили головы, как будто говоря: «Твоя правда».

И Ибн Фадиль продолжал: «О повелитель правых, когда Саида заколдовала их и превратила в псов, она сказала тем, кто был на корабле: «Найдите, что этот Абдаллах ибн Фадиль стал мне братом, и я буду приходить к нему каждый день раз или два раза, и со всяким из вас, кто будет ему перечить, или ослушается его приказания, или станет ему вредить рукой или языком, я сделаю то, что я сделала с этими двумя обманщиками: я превращу его в пса, чтобы он

окончил жизнь в образе пса, не найдя себе освобождения».

И все сказали ей: «О госпожа, мы все — его рабы и слуги и не будем ему перечить». И тогда она сказала мне: «Когда приедешь в Басру, проверь все твое имущество, и если чего-нибудь неостанет, уведоми меня — я достану тебе от какого угодно человека и из какого угодно места, а того, кто его взял, я превращу в пса. А потом, когда ты сложишь свои богатства в кладовые, надень каждому из этих обманщиков на шею ошейник и привяжи их к ножкам ложа и заточи их в тюрьму одних. И каждую ночь, в полночь, приходи к ним и задавай им обоим порку, пока они не исчезнут из мира, а если пройдет ночь и ты их не побьешь, я приду к тебе и задам тебе порку, а потом побью их». И я ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И Саида сказала мне: «Связывай их веревками, пока не приедешь в Басру». И я надел каждому из них веревку на шею и привязал их к мачте, а Саида ушла своей дорогой.

На следующий день мы прибыли в Басру, и купцы вышли мне навстречу и поздоровались со мной, и никто не спросил про моих братьев — все только смотрели на собак и говорили мне: «О такой-то, что ты будешь делать с этими собаками, которых ты привез с собой?» А я отвечал: «Я вырастил их за это путешествие и привез их с собой». И люди смеялись над ними и не знали, что это мои братья.

И я поместил их в чулане и отвлекся в этот вечер, раскладывая тюки, в которых были материи и драгоценные металлы, и у меня были купцы, пришедшие меня приветствовать. И, занявшись ими, я не побил братьев, не посадил их на цепь и не сделал с ними дурного. И я заснул, и не успел я опомниться, как пришла ко мне Саида, дочь Красного Царя, и сказала: «Разве я не говорила тебе: надень им на шею цепи и задай каждому из них порку?»

И потом она схватила меня и, вынув бич, задала мне такую порку, что я исчез из мира. А после этого она направилась в то место, где были мои братья, и задала каждому из них порку бичом, так что они стали близки к смерти. «Каждую ночь задавай им обоим порку, подобную этой, и если пройдет ночь и ты их не побьешь, я побью тебя», — сказала она. И я

молвил: «О госпожа, завтра я надену цепи им на шею, а в следующую ночь я их побью и не отменю побоев ни на одну ночь».

И Саида подтвердила мне приказание их бить, и когда наступило утро, мне показалось нелегко надеть цепи им на шею, и я пошел к ювелиру и велел ему сделать для них золотые ошейники, и когда он сделал ошейники, я принес их и надел братьям на шею и привязал их, как Саида мне велела, и на следующий вечер я побил моих братьев, пересилив себя.

А эти события происходили во время халифата аль-Махди, пятого из потомков аль-Аббаса *. Я подружился с ним, послав ему подарки, и он назначил меня на должность правителя и сделал наместником в Басре, и я пробыл в таком положении некоторое время.

А потом я сказал себе: «Может быть, ее гнев остыл». И оставил братьев один вечер небитыми. И Саида пришла и задала мне порку, жара которой я не забуду всю остальную жизнь. И с того времени я не переставал их бить во все время халифата аль-Махди, а когда аль-Махди скончался и ты получил власть после него и послал мне подтверждение, что я остаюсь наместником Басры, оказалось, что прошло уже двенадцать лет, как я каждую ночь бью моих братьев, пересиливая себя. После того как я побью их, я их успокаиваю, и прошу у них прощения, и кормлю их, и псю, когда они в заточении. Никто из тварей великого Аллаха не знал о них, пока ты не послал ко мне Абу Исхака, собутыльника, из-за хараджа. И он проведал о моей тайне, и вернулся, и рассказал тебе, и ты послал его ко мне вторично, требуя меня и требуя их. И я ответил вниманием и повиновением и привез их к тебе. А когда ты спросил меня об истине в этом деле, я сообщил тебе всю историю, и вот мой рассказ».

И халиф Харун ар-Рашид удивился обстоятельствам этих собак и спросил Абдаллаха: «Простил ли ты, при таких обстоятельствах, братьев за то, что тебе от них было, и извинил ты их или нет?» И Абдаллах ответил: «О господин мой, да простит их Аллах и да освободит их от ответственности в этой жизни и в будущей, а я нуждаюсь в том, чтобы они меня

простили, так как прошло уже двенадцать лет, как я задаю им каждую ночь порку». — «О Абдаллах, — сказал халиф, — если захочет Аллах великий, я постараюсь их освободить и опять сделать людьми, как прежде. Я помирю вас, и вы проживете остаток жизни любящими братьями, и как ты их простил, так они простят тебя. Возьми их и ступай в твоё жилище и сегодня ночью не бей их, а завтра будет лишь благо». — «О господин! — воскликнул Абдаллах. — Клянусь жизнью твоей головы, если я оставлю их одну ночь без побоев, ко мне придет Саида и побьет меня, а у меня не такое тело, чтобы выносить побои!»

И халиф ответил ему: «Не бойся! Я дам тебе указ моей рукой. И когда Саида придет к тебе, дай ей эту бумажку, и если она её прочитает и простит тебя, заслуга будет за ней, а если она ослушается моего приказания, твоё дело дойдет до Аллаха. Пусть она задаст тебе порку, и считай, что ты забыл их побить сегодня ночью и что она разбила тебя по этой причине. И когда это случится и она меня ослушается, то, если я повелитель правоверных, я учиню с ней расчет».

И потом халиф написал ей что-то на куске бумаги, величиной в два пальца, и, написав, запечатал и сказал: «О Абдаллах, когда Саида придет к тебе, скажи ей: «Халиф, царь людей, приказал мне их не бить и написал тебе эту бумажку, и он передает тебе привет». И дай ей этот указ и не бойся дурного». И затем халиф взял с него клятву и обещание, что он не будет бить своих братьев, и Абдаллах взял их и пошел в своё жилище, говоря в душе: «Посмотреть бы, что сделает халиф с дочерью султана джиннов, если она его не послушается и побьет меня сегодня ночью! Но я вытерплю побои и порку и дам моим братьям отдохнуть сегодня ночью, хотя бы мне достались из-за них мучения». И потом он подумал про себя, и его разум сказал ему: «Если бы халиф не опирался на большую опору, он бы тебе не запретил их бить».

И Абдаллах вошел в своё жилище и снял ошейники с шеи своих братьев, со словами: «Полагаюсь на Аллаха». И начал их успокаивать, говоря: «С вами не будет беды — шестой халиф из сынов аль-Аббаса * взял на себя ваше освобождение, а я вас простил, и если хочет Аллах великий, время пришло, и вы освободитесь в эту благословенную ночь. Порадуйтесь же счастьем и весельем».

И его братья, услышав это, завыли, как воют псы, и стали тереться щеками об его ноги, как будто благодаря его и унижаясь перед ним. И Абдаллах опечалился и стал гладить их рукой по спине. И пришло время ужина, и когда расстелили скатерть, Абдаллах сказал братьям: «Садитесь!» И они сели и начали есть с ним со скатерти. И приближенные Абдаллаха оторопели, дивясь, что он ест с собаками, и говорили: «Что он — бесноватый или помешался в уме? Как это наместник Басры ест с собаками, когда он выше везиря? Разве он не знает, что собака — нечистая?» И они смотрели на собак, которые чинно ели с Абдаллахом, не зная, что это его братья, и до тех пор глядели на Абдаллаха и на собак, пока те не кончили есть.

А потом Абдаллах вымыл руки, и собаки протянули передние лапы и стали их мыть, и все, кто стоял, начали смеяться и удивляться и говорили друг другу: «Мы в жизни не видели собак, которые бы ели и мыли бы лапы, поев пищи». И потом собаки сели подле Абдаллаха ибн Фадиля на кресла, и никто не мог спросить его об этом, и так продолжалось до полуночи, а потом он отпустил слуг, и все заснули, и каждый пес заснул на своем ложе, и слуги говорили друг другу: «Он спит, и собаки спят с ним». А другие говорили: «Если он ел с псами, то не беда, если они с ним поспят! Это не что иное, как дела бесноватых». И они не стали есть того, что осталось на скатерти из еды, и сказали: «Как мы будем есть остатки после псов!» И, взяв скатерть с тем, что на ней было, выбросили ее, говоря: «Она нечистая».

Вот что было с ними. Что же касается Абдаллаха ибн Фадиля, то не успел он опомниться, как земля расступилась, и появилась Саида и сказала: «О Абдаллах, почему ты не побил их сегодня ночью и почему ты снял с них ошейники? Сделал ли ты это из упрямства, или издеваясь над моим приказанием? Но теперь я тебя побью и превращу тебя в собаку, как их». — «О госпожа, — воскликнул Абдаллах, — заклинаю тебя надписью, что на перстне Сулеймана, сына Дауда (мир с ними обоими!), будь со мной терпелива, пока я не расскажу тебе о причине этого, а потом, что ни захочешь, то и делай со мной». — «Рассказывай!» — молвила Саида.

И Ибн Фадиль сказал: «Причина того, что я их не бил, в том, что царь людей, халиф, повелитель правоверных Харун ар-Рашид, велел мне их не бить сегодня ночью. Он взял с меня в том обеты и клятвы, и он передает тебе привет и дал мне об этом указ своей рукой, который велел отдать тебе. И я исполнил его приказание и послушался его, а послушание повелителю правоверных — обязательно, и вот его указ. Возьми его и прочитай, а потом делай что хочешь». — «Давай его сюда!» — сказала Саида. И потом она взяла указ, и, развернув его, стала читать, и увидела, что в нем написано:

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! От царя людей Харуна ар-Рашида дочери Красного Царя Саиде. А затем: этот человек простил своих братьев и сложил с них должное ему по праву, и я постановил, чтобы они примирились, а когда наступает примирение, снимается наказание. И если вы будете нам противодействовать в наших приговорах, мы будем противодействовать вам в ваших приговорах и нарушим ваш закон. Если же вы подчинитесь нашему приказанию и исполните наш приговор, мы будем исполнять ваш приговор. Я постановил, чтобы ты им не противодействовала, и если ты веруешь в Аллаха и его посланника, тебе следует повиноваться, а мне — повелевать. И если ты их простишь, я вознагражу тебя так, как даст мне на это власть мой владыка. А признак повиновения в том, что ты снимешь свои чары с этих двух людей, чтобы они встретили меня завтра освобожденные, и если ты их не освободишь, я освобожу их наперекор тебе, с помощью Аллаха великого».

И когда Саида прочла это письмо, она сказала: «О Абдаллах, я ничего не сделаю раньше, чем схожу к моему отцу и покажу ему указ царя людей, и я быстро вернусь к тебе с ответом». И потом она показала рукой на землю, и земля расступилась, и Саида опустилась под нее, и когда она ушла, сердце Абдаллаха взлетело от радости, и он воскликнул: «Да возвеличит Аллах повелителя правоверных!»

А Саида вошла к своему отцу и, рассказав эту историю, показала ему указ повелителя правоверных. И ее отец поцеловал его и положил себе на голову, а потом он прочел указ и, поняв то, что в нем было,

сказал: «О дочка, приказание царя людей у нас действует, и приговор его о нас — исполняется, и мы не можем ему прекословить. Иди же к этим людям и освободи их сейчас же и скажи им: «Вы под заступничеством царя людей». Если он на нас разгневается, то погубит нас до последнего, не взваливай же на нас того, что нам невмочь». — «О батюшка, если царь людей на нас разгневается, что он с нами сделает?» — спросила Саида. И ее отец ответил: «О дочка, он сильнее нас со многих сторон. Первое — он из людей, так что имеет над нами преимущество, второе — он преемник Аллаха, и третье — он неизменно совершает по утрам молитву в два rakata. И если бы против него собрались отряды джиннов со всех семи земель, они не могли бы сделать ему дурное. Если он на нас разгневается, то совершит утром молитву в два rakata и крикнет на нас единым криком, и мы соберемся перед ним, покорные, и будем точно бараны перед мясником. И если он захочет, то велит нам уйти с нашей родины в землю пустынную, где мы не сможем находиться, а если он пожелает нашей гибели, то велит нам погубить себя, и одни из нас погубят других. Мы не можем перечить его приказанию, и если мы ослушаемся его приказания, он нас всех сожжет, и нет нам от него убежища. Таков и всякий раб, который постоянно совершает утром молитву в два rakata, — его приговор над нами исполняется. Не будь же причиной нашей гибели из-за двух людей, но пойдя и освободи их, прежде чем нас окружит гнев повелителя правоверных».

И Саида вернулась к Абдаллаху, и рассказала ему о том, что сказал ей отец, и молвила: «Поцелуй за нас руки повелителя правоверных и попроси для нас его благоволения». И затем она вынула чашку, и, налив в нее воды, поколдовала над ней, и произнесла слова непонятные, а потом она обрызгала собак этой водой и сказала: «Перейдите из собачьего образа в образ человеческий».

И они снова стали людьми, как были прежде, и чары колдовства оставили их. И оба воскликнули: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед — посол Аллаха». И потом они припали к рукам своего брата и к его ногам, целуя их и прося у него прощения. И Абдаллах

сказал: «Вы меня простите!» И оба брата раскаялись искренним раскаянием и сказали: «Обманул нас Иблис проклятый, и сбила нас с пути жадность. Господь наш воздаст нам так, как мы заслуживаем, и прощение — черта благородных». И они старались смягчить своего брата, плача и раскаиваясь в том, что из-за них случилось. И Абдаллах спросил их: «Что вы сделали с моей женой, которую я привез из каменного города?» И братья ответили: «Когда сатана соблазнил нас и мы бросили тебя в море, между нами возникло разногласие, и каждый из нас говорил: «Я женюсь на ней». И когда девушка услышала наши слова, она вышла из трюма и сказала: «Не спорьте из-за меня — я не достанусь ни одному из вас. Мой муж ушел в море, и я последую за ним». И потом она бросилась в море и умерла». — «Она умерла, как мученица, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!» — воскликнул Абдаллах ибн Фадиль и заплакал о девушке сильным плачем и сказал: «Нехорошо, что вы сделали эти дела и лишили меня жены». — «Мы ошиблись, и наш владыка воздал нам за наше дело, и Аллах предопределил нам это, прежде чем мы были созданы», — сказали братья, и Ибн Фадиль принял их извинение.

И Саида сказала: «Они сделали с тобой все эти дела, и ты их прощаешь?» И Абдаллах молвил: «О сестрица, кто, когда может, прощает, награда тому у Аллаха». — «Остерегайся их, они обманщики», — сказала Саида. И когда она простилась с ним и ушла своей дорогой, Абдаллах провел со своими братьями остаток ночи за едой, питьем и весельем, и его грудь расправилась. Когда же наступило утро, он свел их в баню и одел каждого из них в одежду, стоящую множества денег. А потом он потребовал скатерть с едой и, когда ее поставили перед ним, стал есть вместе со своими братьями. И когда слуги увидели их и поняли, что это его братья, они поздоровались с ними и сказали эмиру Абдаллаху: «Да сделает тебе Аллах приятной встречу с твоими дорогими братьями! Где они были все это время?» — «Это те, кого вы видели в образе собак, и слава Аллаху, который освободил их!» — ответил Абдаллах.

И потом он взял своих братьев, и отправился с ними в диван халифа Харуна ар-Рашида, и ввел их

туда, и поцеловал землю меж рук халифа, пожелав ему вечной славы и счастья и прекращения бед и напастей. И халиф сказал ему: «Добро тебе пожаловать, о эмир Абдаллах! Расскажи мне, что с тобой произошло». — «О повелитель правоверных, да возвеличит Аллах твою власть, — сказал Абдаллах. — Когда я ушел с моими братьями, я успокоился за них, раз ты взял на себя их освобождение, и сказал в душе: «Цари не бессильны сделать дело, которое стараются сделать, — вышний промысел помогает им».

И потом я снял ошейники с их ушей, уповав на Аллаха, и стал с ними есть со скатерти, и мои слуги, увидев, что я ем с ними, а они в образе псов, сочли мой разум легковесным и сказали друг другу: «Может быть, он одержимый! Как это наместник Басры ест с собаками, когда он выше везиря». И они выбросили то, что осталось на скатерти, и сказали: «Мы не будем есть остатки после собак», и сочли мое суждение глупым, а я слушал их слова и не давал им ответа, так как они не знали, что это мои братья. А потом, когда пришло время сна, я отпустил слуг, и хотел заснуть, и не успел я опомниться, как земля расступилась, и вышла Саида, дочь Красного Царя».

И он рассказал халифу обо всем, что было с Саидой и ее отцом и как она вывела его братьев из собачьего образа в образ человеческий, и сказал: «Вот они перед тобой, о повелитель правоверных». И халиф обернулся и увидел двух юношей, подобных паре лун.

И тогда халиф воскликнул: «Да воздаст тебе Аллах за меня благом, о Абдаллах, раз ты осведомил меня о пользе, которой я не знал. Если захочет Аллах великий, я не оставлю эту молитву в два раката до восхода зари, пока буду жив». И он выбранил братьев Абдаллаха за то, что они раньше ему сделали, и сказал: «Подайте друг другу руки и простите один другого, и Аллах простит за то, что было раньше».

И потом он обернулся к Абдаллаху и сказал: «О Абдаллах, сделай братьев себе помощниками и заботься о них». И наказал братьям повиноваться их брату. А потом он одарил их и приказал им уезжать в город Басру, дав им сначала большие подарки. И они ушли из дивана халифа осчастливленные, и халиф обрадовался той пользе, которую он извлек из этих событий, и воскликнул: «Правду сказал сказавший: «Несчастья одних людей полезны другим порой».

Вот каковы были их дела с халифом. Что же касается Абдаллаха ибн Фадила, то он ехал из города Багдада со своими братьями в величии, почете и высоком сане, пока они не достигли города Басры. И вельможи и знатные люди вышли им навстречу, и для них украсили город, и ввели их туда в шествии, которому нет равного. И люди желали Абдаллаху блага, и он бросал им золото и серебро, и все люди громко молились за Абдаллаха, и никто не смотрел на его братьев, и ревность и зависть вошла в их сердца. А Абдаллах при этом обращался с ними так бережно, как обращаются с воспаленным глазом, и чем бережнее он с ними обращался, тем сильнее они его ненавидели и завидовали ему.

И Абдаллах дал каждому из братьев наложницу, которой нет подобия, и сделал их обладателями слуг, челяди, невольниц и рабов, черных и белых, и каждому из них он дал пятьдесят жеребцов из ретивых коней, и оказались у них приближенные и свита.

И Абдаллах назначил братьям выдачи, и установил им доходы, и сделал их своими помощниками, и сказал им: «О братья, мы с вами равны, и нет различия между мною и вами, и власть, после Аллаха и халифа, принадлежит мне и вам. Властвуйте же в Басре в мое отсутствие и в моем присутствии, и ваш приговор будет исполняться, но будьте богобоязненны в приговорах. Остерегайтесь несправедливости — если она постоянна, она опустошает, и придерживайтесь справедливости — если она постоянна, она населяет. Не обижайте рабов — они станут вас проклинять, и сведение о вас достигнет халифа, и будет позор мне и вам. Не вздумайте обижать кого-нибудь и то, чего вам захочется из чужих денег, возьмите из моих денег, сверх того, что вам нужно. Не скрыто от вас то, что дошло о несправедливости в ясных знамениях.

И затем он стал наставлять своих братьев, призывая их к справедливости и удерживая от несправедливости. И он подумал, что они его полюбили, так как он расточает им добрые советы. И он положился на своих братьев и оказал им еще большее уважение, но они только все больше ему завидовали и ненавидели его.

А потом его братья Насир и Мансур сошлись вместе, и Насир сказал Мансуру: «О брат мой, до каких пор мы будем в повиновении у нашего брата

Абдаллаха, а он будет в этом господстве и эмирстве? После того как он был купцом, он стал эмиром, и после того как был маленьким, стал большим, а мы не стали больше, и не стало у нас ни сана, ни цены. И вот он посмеялся над нами и сделал нас своими помощниками. Что это означает? Разве не то, что мы его слуги и находимся у него в повиновении? Пока он будет здоров, наша степень не возвысится, и у нас не будет сана. Наша цель осуществится до конца, только если мы его убьем и возьмем его деньги, а эти деньги невозможно взять иначе, как после его гибели. Когда мы его убьем, мы станем господами и возьмем все, что есть в его казне из драгоценных камней, металлов и сокровищ. А после этого мы разделим их между собой и приготовим подарок халифу и попросим у него должность правителя Куфы, и ты будешь наместником Басры, а я буду наместником Куфы, или ты будешь наместником Куфы, а я буду наместником Басры, и у всякого из нас будет видное положение и сан, но это все завершится, только если мы его погубим».

«Ты прав,— сказал Мансур,— в том, что говоришь, но что нам сделать, чтобы его убить?» И Насир ответил: «Мы сделаем угощение у кого-нибудь из нас и пригласим его и будем ему прислуживать самым лучшим образом, а затем мы станем развлекать его словами и рассказывать ему истории, рассказы и редкие случаи, пока его сердце не растает от бодрствования, и тогда мы постелем ему, и он ляжет спать. И когда он заснет, мы встанем на него, спящего, коленями и задушим его и бросим в море, а наутро мы скажем: «Его сестра, джинния, пришла к нему, когда он сидел между нами и разговаривал, и сказала: «Обломок людей, каков твой сан, что ты жалуешься на меня повелителю правоверных? Разве ты думаешь, что мы его боимся? Как он царь, так и мы цари, и если он не будет соблюдать с нами пристойность, мы убьем его наихудшим убиением. А теперь я убью тебя, и мы посмотрим, что выйдет из рук повелителя правоверных». И затем она схватила его, и земля расступилась, и джинния опустилась с ним, и когда мы увидели это, нас покрыло беспамятство, а потом мы очнулись и не знаем, что ему выпало. И после этого мы пошлем к халифу и осведомим его, и он назначит нас на место

Абдаллаха, а через некоторое время мы пошлем халифу дорогой подарок и потребуем у него власти в Куфе, и один из нас будет жить в Басре, а другой будет жить в Куфе, и приятно нам будет в этой стране, и мы покорим рабов Аллаха и достигнем желаемого», — «Прекрасно то, что ты посоветовал, о брат мой», — сказал Мансур.

И они сговорились убить своего брата. И Насир сделал угощение и сказал своему брату Абдаллаху: «О брат мой, знай, что я твой брат и хочу, чтобы ты залечил мое сердце. Ты и мой брат Мансур — и вы бы съели мое угощение у меня в доме, чтобы я мог похвалиться тобой, и люди бы говорили: «Эмир Абдаллах ел угощение своего брата Насира». Это залечит мое сердце». — «Это неплохо, о брат мой», — сказал Абдаллах, — и нет различия между мной и тобой. Твой дом — мой дом, но раз ты пригласил меня, то ведь отказывается от приглашения только скверный». И он обернулся к своему брату Мансуру и спросил его: «Пойдешь ли ты со мной в дом твоего брата Насира? Мы съедим его угощение и залечим его сердце». И его брат сказал ему: «Клянусь жизнью твоей головы, я не пойду с тобой, пока ты мне не поклянешься, что после того как пойдешь в дом моего брата Насира, ты придешь и в мой дом и съешь мое угощение. Разве Насир твой брат, а я не твой брат? Как ты залечил его сердце, так залечишь и мое сердце». — «Это неплохо, с любовью и удовольствием! — сказал Абдаллах. — Когда я выйду из дома твоего брата, я войду в твой дом, и как он мой брат, так и ты мой брат». И Насир поцеловал руку своего брата Абдаллаха, и ушел из дивана, и сделал угощение.

А на следующий день Абдаллах сел на коня и, взяв с собой множество воинов и своего брата Мансура, отправился в дом своего брата Насира. И он вошел и сел вместе со своими приближенными и братом, и Насир подал им трапезу и сказал им: «Добро пожаловать!» И они стали есть, пить, наслаждаться и веселиться. И потом убрали скатерть и миски и вымыли руки, и все провели этот день за едой, питьем, развлечением и играми до ночи, а поужинав, совершили закатную и ночную молитву и сели за беседу. И Мансур стал рассказывать историю, и Насир стал рассказывать историю, а Абдаллах слушал, и они

сидели во дворце одни, а прочие воины были в другом месте. И они до тех пор рассказывали всякие приключения, рассказы, редкие случаи и истории, пока сердце их брата Абдаллаха не растаяло от долгого бдения и его не одолел сон, ему постлали постель, и он снял с себя одежды и лег, и братья легли с ним на другой постели. И они подождали, пока Абдаллах погрузился в сон, и, увидев, что он погрузился в сон, поднялись, и встали на него коленями, и Абдаллах проснулся и, увидев, что они стоят коленями на его груди, сказал: «Что это, о мои братья?» И они ответили: «Мы тебе не братья и не знаем тебя, о маловоспитанный, и твоя смерть теперь лучше, чем твоя жизнь».

И они положили руки ему на шею и стали его душить. И Абдаллах исчез из земной жизни, и не осталось в нем движения, и братья подумали, что он умер. А его дворец стоял над морем, и братья бросили его в море, и когда он упал в море, Аллах подчинил ему дельфина, который привык подплывать к этому дворцу, так как в дворцовой кухне было окно, выходившее на море, и когда там резали животных, то всегда выбрасывали требуху в море из этого окна. И этот дельфин подплывал и подбирал ее на поверхности воды, так что он привык к этому месту. А в тот день выкинули много отбросов, по случаю угощения, и дельфин поел больше, чем каждый день, и у него появилась сила. И когда он услышал всплеск в море, он быстро подплыл и увидел, что это человек. И направил его направляющий, и он поднял Абдаллаха на спину, и поплыл с ним посреди моря, и до тех пор подвигался с ним, пока не достиг берега у противоположной стороны, и тогда он выбросил Абдаллаха на сушу. А то место, куда он его бросил, было на перекрестке дороги, и мимо Абдаллаха прошел караван, и люди увидели, что он брошен на берегу моря, и сказали: «Здесь утопленник, которого море выбросило на берег». И над ним собралось много народу из этого каравана, чтобы посмотреть на него, а шейх каравана был человек из людей блага, знающий все науки и сведущий в науке врачевания и правильном чтении по лицам. «О люди, в чем дело?» — спросил он. И ему сказали: «Это мертвый утопленник». И он подошел, и всмотрелся в него, и сказал: «О люди, в

этом юноше есть еще дух, и он из лучших детей больших людей и воспитан в величии и счастье. Есть еще надежда, если захочет Аллах великий».

И потом он взял Абдаллаха, и одел его в одежду, и согрел, и старался, и ухаживал за ним в течение трех переходов, пока Абдаллах не очнулся, но от встряски, случившейся с ним, его одолела слабость. И шейх каравана пользовал его травами, которые знал, и они ехали тридцать дней, пока не удалились от Басры на это расстояние, а шейх все лечил Абдаллаха.

И затем они вступили в город, называемый город Удж (а он находится в странах персов), и остановились в хане. И Абдаллаху постлали постель, и он лег и провел эту ночь стеною, и его стенания беспокоили людей. И когда наступило утро, привратник хана пришел к шейху каравана и сказал ему: «Что с этим больным, который у тебя? Он нас беспокоит». И шейх ответил: «Я увидел его на дороге у берега моря — он утопленник — и я лечил его и обессилел, но он не поправился». — «Покажи его старице Раджихе», — сказал привратник. «А кто это будет старица Раджиха?» — спросил шейх. И привратник ответил: «У нас есть женщина, девственница, и она старица и прекрасная девица, и зовут ее старица Раджиха. Всякого, в ком есть болезнь, мы ведем к ней, и он проводит у нее одну ночь, а наутро выздоравливает, и в нем не остается никакого недуга». — «Проводи меня к ней», — сказал шейх. И привратник молвил: «Неси твоего больного». И шейх понес его, а привратник хана шел перед ним, пока не дошел до одной кельи. И шейх увидел людей, которые входили туда с обетными приношениями, и людей, которые выходили радостные. И привратник хана вошел и, дойдя до занавески, сказал: «Позволение, о старица Раджиха! Возьми этого больного». И старица молвила: «Внеси его за эту занавеску». — «Внесите его!» — сказал привратник.

И Абдаллаха внесли, и он взглянул на старицу, и увидел, что это его жена, которую он привез из каменного города. Он узнал ее, и она узнала его и поздоровалась с ним, и он тоже поздоровался с ней и спросил ее: «Кто привел тебя в это место?» И она молвила: «Когда я увидела, что твои братья бросили тебя в море и поспорили из-за меня, я бросилась в

море, и меня подхватил мой шейх аль-Хидр и принес меня в эту келью. Он дал мне позволение лечить больных и прокричал в городе: «Всякий, в ком есть болезнь, пусть идет к старице Раджихе». А мне он сказал: «Оставайся в этом месте, пока не наступит время и не придет к тебе твой муж в эту келью». И всякого больного, что приходил ко мне, я растирала, и он становился здоровым, и слава обо мне распространилась среди людей, и люди стали приходить ко мне с приношениями, и у меня много добра, и я живу во славе и почете, и все люди этого города просят моей молитвы». И затем она растерла Абдаллаха, и он поправился, по могуществу Аллаха великого.

А аль-Хидр — мир с ним! — приходил к ней каждый вечер в пятницу, и тот вечер, когда Абдаллах встретился с нею, был вечер пятницы. И когда опустилась ночь, женщина села с ним, после того как они поужинали роскошнейшими кушаньями, и они сидели и ждали прихода аль-Хидра. И когда они сидели, вдруг он явился к ним и унес их из кельи и положил во дворце Абдаллаха ибн Фадиля в Басре, а потом оставил их и ушел.

И когда наступило утро, Абдаллах осмотрелся во дворце и увидел, что это его дворец, и узнал его. Он услышал, что люди шумят, и, выглянув из окна, увидел своих братьев распятыми, каждого на одной палке. И причиной этого было вот что.

Когда братья бросили его в море, они стали плакать и говорить: «Нашего брата унесла джинния». А потом они приготовили подарок и послали его халифу и, сообщив ему эту историю, попросили у него должность правителя Басры. И халиф послал привести их к себе и расспросил их, и они рассказали ему то, о чем мы упоминали. И халифа охватил сильный гнев, а когда наступила ночь, он совершил перед зарей молитву в два rakata, по своему обычаю, и кликнул к себе племена джиннов. И они предстали перед ним, покорные. И халиф спросил их про Абдаллаха, и джинны поклялись ему, что никто из них не причинил ему вреда, и сказали: «Мы о нем ничего не знаем». И пришла Саида, дочь Красного Царя, и рассказала халифу о том, что было с Абдаллахом, и ар-Рашид отпустил джиннов.

А на следующий день он бросил Насира и Мансура под побои, и они сознались во всех делах и поступках. И халиф рассердился на них и сказал: «Возьмите их в Басру и распните перед дворцом Абдаллаха».

Вот то, что было с ними. Что же касается Абдаллаха, то он велел похоронить своих братьев, а потом выехал и отправился в Багдад. Он рассказал халифу свою историю и сообщил ему о том, что сделали с ним братья, от начала до конца. И халиф удивился и, призвав кади и свидетелей, записал запись Абдаллаха с девушкой, которую он привез из города камней. И Абдаллах вошел к ней и прожил с ней в Басре, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Да будет же слава живому, который не умирает!

СКАЗКА ОБ АБУ КИРЕ И АБУ СИРЕ

Вассказывают также, что жили в городе Искандерии два человека, и один из них был красильщик по имени Абу Кир, а другой — цирюльник по имени Абу Сир. Они были друг другу соседями на рынке, и лавка цирюльника была рядом с лавкой красильщика. А красильщик был плут и лгун, человек очень злой, как будто висок его был высечен из твердой скалы или сделан из порога еврейской модельни. Он не стыдился сделать с людьми позорное дело, и было у него в обычае, когда кто-нибудь давал ему ткань, чтобы выкрасить ее, требовать сначала плату и намекать, что он купит на нее снадобий для окраски. И заказчик давал ему плату вперед, и Абу Кир брал ее и тратил на еду и питье, а затем он продавал эту ткань, которую взял, после того как уходил ее владелец, и тратил плату за нее на еду, питье и прочее, и он ел лишь прекраснейшие из роскошнейших кушаний и пил лишь самое лучшее из того, что прогоняет ум.

А когда приходил к нему владелец ткани, он говорил: «Завтра приходи ко мне до восхода солнца и найдешь свою вещь выкрашенной». И владелец вещи уходил и говорил про себя: «День от дня близко!» А затем он приходил на другой день, по условию, а Абу Кир говорил ему: «Приходи завтра! Я вчера не работал, так как у меня были гости и я заботился о том, что им было нужно, пока они не ушли. А завтра, до восхода солнца, приходи и бери твою ткань выкрашенной».

И заказчик уходил и приходил на третий день, а Абу Кир говорил: «Вчера мне было простительно, потому что моя жена ночью и весь день рожала, а я исполнял все дела, но завтра уж непременно приходи, бери твою вещь выкрашенной».

И заказчик приходил, по условию, и Абу Кир являлся с какой-нибудь хитростью и клялся ему. И он все время обещал и клялся, когда заказчик приходил, пока тот не начинал тревожиться и не говорил: «Сколько раз ты будешь мне говорить «завтра»? Давай мою вещь, я не хочу ее красить».

И Абу Кир говорил: «Клянусь Аллахом, о брат мой, мне перед тобой стыдно, но я расскажу тебе правду, и Аллах пусть обидит всех, кто обижает людей». — «Расскажи мне, что случилось», — говорил заказчик. И Абу Кир отвечал: «Твою вещь я выкрасил в краску, которой нет подобной, и развесил ее на веревке, и ее украли, и я не знаю, кто ее украл».

И если владелец вещи был из людей добрых, он говорил: «Аллах возместит мне», а если был из людей злых, то начинал поносить и позорить Абу Кира, но не получал с него ничего, хотя бы даже пожаловался судье.

И Абу Кир не переставал делать такие дела, пока молва о нем не распространилась среди людей. И люди стали предостерегать друг друга от Абу Кира, и о нем складывали поговорки, и все отказались от него. И с ним попадался только тот, кто не знал об его обстоятельствах, и несмотря на это Абу Кира непременно каждый день поносили и позорили твари Аллаха великого, и получился по этой причине у него застой в делах.

И он стал приходить в лавку своего соседа, цирюльника Абу Сира, и сидел внутри нее, напротив красиль-

ни, смотря на ее дверь, и если видел, что кто-нибудь, кто не знает об его обстоятельствах, стоит у дверей красильни с вещью, которую хочет покрасить, то выходил из лавки цирюльника и говорил: «Что тебе нужно, о такой-то?» И пришедший говорил: «Возьми выкраси мне эту вещь!» И Абу Кир спрашивал: «В какой цвет ты хочешь?» — а он, при этих порочных качествах, умел красить во все цвета, но никогда не поступал ни с кем по правде, и несчастье одолевало его, — и затем брал вещь у заказчика и говорил: «Давай плату вперед, а завтра приходи, бери твою вещь».

И заказчик давал ему вознаграждение и уходил; и когда обладатель вещи отправлялся своей дорогой, Абу Кир брал эту вещь, шел на рынок, продавал ее и покупал на вырученные деньги мясо, зелень, табак, плоды и то, что ему было нужно. А если он видел, что у лавки стоит один из тех, кто давал ему свою вещь для окраски, он не появлялся и не показывался ему.

И он провел таким образом несколько лет, и случилось, что в один из дней он взял вещь у человека жестокосердого, и продал ее, и истратил ее стоимость. И владелец ее стал каждый день к нему приходить, но не находил его в лавке, так как, когда Абу Кир видел кого-нибудь, чьи вещи у него были, он убегал от него в лавку цирюльника Абу Сира.

И когда этот жестокосердый человек не нашел Абу Кира в его лавке и это его обессилило, он отправился к кади, и пришел к Абу Киру с посланцем от него, и забил гвоздями дверь лавки в присутствии множества мусульман, и запечатал ее, так как не увидел в ней ничего, кроме разбитых корыт, и не нашел там чего-нибудь, что могло бы заменить ему его вещь. Затем посланец от кади взял ключ и сказал соседям: «Передайте ему, пусть принесет вещь этого человека и придет взять ключ от своей лавки». А потом тот человек и посланец ушли своей дорогой.

И Абу Сир сказал Абу Киру: «Что с тобой за несчастье? Всякого, кто приносит тебе вещь, ты ее лишаешь. Куда девалась вещь этого жестокосердого человека?» — «О сосед, ее у меня украли», — ответил Абу Кир. И Абу Сир молвил: «Чудеса! Вещи всех, кто тебе их дает, крадет у тебя вор! Разве ты — место сбора всех воров? Но, однако, я думаю, что ты лжешь.

Расскажи мне твою историю». — «О сосед, — сказал Абу Кир, — никто у меня ничего не крал». — «А что же ты делаешь с чужим имуществом?» — спросил Абу Сир. И Абу Кир молвил: «Всякую вещь, которую мне дают, я продаю и трачу ее стоимость». — «Дозволено ли это тебе Аллахом?» — сказал Абу Сир. И Абу Кир ответил: «Я делаю это только из бедности, так как мое ремесло неприбыльное, и я бедняк, и у меня ничего нет».

И затем он начал говорить о неприбыльности дела и малости средств, и Абу Сир тоже стал говорить о неприбыльности своего ремесла и сказал: «Я мастер, которому нет равного в этом городе, но у меня никто не бреется, так как я человек бедный. Мне опротивело это ремесло, о брат мой».

И Абу Кир, красильщик, сказал ему: «Мне тоже опротивело мое ремесло из-за неприбыльности, но что же нас заставляет, о брат мой, оставаться в этом городе? Мы с тобой уедем отсюда и посмотрим на чужие страны. Наше ремесло у нас в руках, и на него есть спрос во всех странах, и если мы уедем, мы понюхаем другого воздуха и отдохнем от этой большой заботы».

И Абу Кир до тех пор разукрашивал путешествие Абу Сиру, пока он не захотел уехать, и затем они сговорились, что поедут. И Абу Кир обрадовался, что Абу Сир хочет ехать, и произнес такие слова поэта:

Покинь свою страну, чтобы успех найти,
Пять несомненных благ ты обретишь в пути:

Заботы и доход, рассеянье и знание,
И собеседника, с кем время провести.

Пусть говорят тебе, что ждут в пути невзгоды,
Что трудно боль разлук и грусть перенести:

Не забывай, что жизнь средь зависти и злобы
Куда страшней, чем смерть, от коей не уйти***.

И когда они решили ехать, Абу Кир сказал Абу Сиру: «О сосед, мы стали братьями, и нет между нами различия, и нам следует прочесть Фатиху и сговориться о том, что работающий будет зарабатывать и кормить неработающего, а все, что останется, мы будем класть в сундук и, когда вернемся в Искандерию, разделим это по правде и справедливости».

И Абу Сир сказал: «Это так и будет». И прочитал Фатиху о том, что работающий будет зарабатывать и кормить безработного. А затем Абу Сир запер свою лавку и отдал ключи ее хозяину, а Абу Кир оставил ключ у посланца кади, и лавка его была запертой и запечатанной, и оба взяли свои пожитки и отправились путешествовать.

Они сели на корабль в соленом море и уехали в этот же день, и досталась им на долю помощь, и, к довершению счастья цирюльника, среди всех, кто был на корабле, не было ни одного брадобрея, а было на нем сто двадцать человек, кроме капитана и матросов.

И когда распустили паруса на корабле, цирюльник встал и сказал красильщику: «О брат мой, это — море, на котором мы должны есть и пить, а у нас только немного пищи. Может быть, кто-нибудь мне скажет: «Пойди сюда, цирюльник, побрей меня». И я побрею его за лепешку, или за полушку серебра, или за глоток воды, и мы с тобой будем этим пользоваться».

И красильщик сказал: «Это неплохо!» — положил голову на доски и заснул. А цирюльник поднялся и, взяв свои принадлежности и чашку, накинул себе на плечо тряпку вместо полотенца, так как он был человек бедный, и стал ходить между путниками.

И кто-то сказал ему: «Пойди сюда, о мастер, побрей меня»; и Абу Сир побрил его, и когда он побрил этого человека, тот дал ему полушку серебра, и цирюльник сказал: «О брат мой, не нужна мне эта серебряная полушка! Если бы ты дал мне лепешку, она была бы для меня благословеннее в этом море, так как у меня есть товарищ, а пищи у нас мало».

И человек дал ему лепешку и кусок сыру и наполнил ему его чашку пресной водой, и Абу Сир взял это и, придя к Абу Киру, сказал ему: «Бери эту лепешку, и ешь ее с сыром, и пей то, что в чашке». И Абу Кир забрал у него это и стал есть и пить.

А потом Абу Сир, цирюльник, взял свои принадлежности, положил тряпку на плечо и с чашкой в руке стал ходить по кораблю, среди путников. И он побрил человека за пару лепешек и другого — за кусок сыру, и на него появился спрос, и всякого, кто ему говорил: «Побрей меня, мастер», он заставлял дать ему пару лепешек и полушку серебра,— а на корабле не было цирюльника, кроме него. И не настал еще закат, как

он собрал тридцать лепешек и тридцать серебряных полушек. И оказался у него сыр, и маслины, и молоко в уксусе, и когда он просил что-нибудь, ему давали, так что у него стало всего много.

И Абу Сир побрил капитана и пожаловался ему на недостаток припасов в пути, и капитан сказал ему: «Добро пожаловать! Приводи твоего товарища каждый вечер, и ужинайте у меня. Не обременяйте себя заботой, пока будете ехать с нами».

И Абу Сир вернулся к красильщику и увидел, что тот все спит, и разбудил его, и Абу Кир, проснувшись, увидел подле себя много хлеба, сыра, и маслин, и молоко в уксусе и спросил: «Откуда у тебя это?» И цирюльник ответил: «От щедрот Аллаха великого». И Абу Кир хотел начать есть, но Абу Сир сказал ему: «Не ешь, о брат мой, и оставь это, оно пригодится нам в другое время. Знай, что я брил капитана и пожаловался ему на недостаток припасов, и он сказал: «Простор тебе! Приводи твоего товарища каждый вечер, и ужинайте у меня!» И первый наш ужин у капитана — сегодня вечером». — «У меня кружится голова от моря, и я не могу встать с места, — сказал Абу Кир. — Дай мне поужинать этими вещами и иди к капитану один». — «В этом нет беды», — сказал Абу Сир. И затем он сел и стал смотреть, как Абу Кир ест, и увидел, что он отламывает куски, как отламывают камни от гор, и глотает их, точно слон, который несколько дней не ел, и пихает в рот кусок, прежде чем проглотит предыдущий, и таращит глаза на то, что перед ним, точно гуль, и пыхтит, словно голодный бык над соломой и бобами.

И вдруг пришел матрос и сказал: «О мастер, капитан говорит тебе: «Веди своего товарища и приходи ужинать»; и Абу Сир спросил Абу Кира: «Ты пойдешь с нами?» И тот ответил: «Я не могу идти!»

И цирюльник пошел один и увидел, что капитан сидит, а перед ним скатерть, на которой двадцать блюд или больше, и он, и его люди ждут цирюльника с его товарищем.

И когда капитан увидел Абу Сира, он спросил: «Где твой товарищ?» И Абу Сир ответил: «О господин, у него кружится голова от моря». — «Не беда, — сказал капитан, — его головокружение пройдет. Иди сюда, ужинай с нами, я тебя ждал». И потом капитан осво-

бодил блюдо с кебабом и стал откладывать на него от каждого кушанья, так что оказалось довольно на десятерых. И когда цирюльник поужинал, капитан сказал ему: «Возьми это блюдо с собой для твоего товарища».

И Абу Сир взял блюдо, и принес его Абу Киру, и увидел, что тот перемалывает клыками еду, стоящую перед ним, точно верблюд, и отправляет один кусок вслед другому с поспешностью. «Разве я не говорил тебе: не ешь!—сказал Абу Сир.—Благо капитана изобильно: посмотри, что он тебе послал, когда я рассказал ему, что у тебя кружится голова».—«Давай»,—сказал Абу Кир; и Абу Сир подал ему блюдо, и красильщик взял его и начал жадно есть то, что на нем было, и все другое, словно пес, оскаливший зубы, или сокрушающий лев, или рухх, который бросился на голубя, или человек, едва не умерший с голоду, который увидел еду и начал есть.

И Абу Сир оставил его, и ушел к капитану, и выпил там кофе, а потом он вернулся к Абу Киру и увидел, что тот съел все, что было на блюде, и отбросил его пустым. И тогда он взял блюдо, и передал его одному из слуг капитана, и вернулся к Абу Киру, и проспал до утра. А когда наступил следующий день, Абу Сир начал брить, и всякий раз, как ему что-нибудь доставалось, он отдавал это Абу Киру, и Абу Кир ел и пил, садясь и вставая только для того, чтобы удовлетворить нужду. И каждый вечер Абу Сир приносил от капитана полное блюдо, и они провели таким образом двадцать дней, пока корабль не стал на якорь в гавани одного города.

И тогда они вышли с корабля, и вошли в этот город, и взяли себе комнату в одном хане, и Абу Сир постлал в ней циновки, и купил все, что им было нужно, и, принеся мясо, сварил его. А Абу Кир спал с тех пор, как вошел в комнату в хане, и не проснулся, пока Абу Сир не разбудил его и не положил перед ним скатерть. И проснувшись, Абу Кир поел и потом сказал Абу Сиру: «Не взыщи с меня, у меня кружится голова». И опять заснул.

И он провел таким образом сорок дней, и каждый день цирюльник брал свои принадлежности, и ходил по городу, и работал, получая прибыль, а возвратившись, он находил Абу Кира спящим и будил его. И Абу

Кир просыпался, и с жадностью принимался за еду, и ел так, как ест тот, кто никогда не насытится и не удовлетворится, а потом снова засыпал. И он провел таким образом еще сорок дней, и всякий раз, как Абу Сир говорил ему: «Сядь отдохни и выйди прогуляться в город — в нем есть всякие развлечения, и блеск, и красота, и нет ему подобного среди городов», Абу Кир, красильщик, говорил ему: «Не взыщи, у меня кружится голова». И Абу Сир, цирюльник, не хотел смущать Абу Кира и заставлял его слушать обидные слова.

Но на сорок первый день цирюльник заболел и не смог выйти, и он нанял привратника хана, и привратник сделал то, что им было нужно, принес им поесть и попить, и Абу Кир так же ел и спал. И цирюльник нанимал привратника хана для исполнения своих нужд четыре дня, а после этого болезнь его так усилилась, что весь мир исчез для него от жестокой болезни. Что же касается Абу Кира, то его сжигал голод, и он поднялся, и стал шарить в одежде Абу Сира, и, увидев, что у него есть немного денег, взял их, и запер Абу Сира в комнате, и ушел, не уведомив никого, а привратник был на рынке и не видел, как он выходил.

Абу Кир пошел на рынок, и оделся в прекрасные одежды, и стал ходить по городу и смотреть, и увидел, что это город, подобного которому не найти среди городов, но все одежды в нем белые и синие — не иные. И он пришел к одному красильщику и увидел, что все, что есть у него в лавке, — синее, и тогда он вынул носовой платок и сказал: «Эй, мастер, возьми этот носовой платок, выкраси его и получи плату». — «Плата за окраску этого двадцать дирхемов», — сказал красильщик. И Абу Кир молвил: «Мы красим это в нашей стране за два дирхема». — «Иди крась его в своей стране», — сказал красильщик, — а я не буду его красить меньше чем за двадцать дирхемов. Мы не сбавим эту цену ни на сколько». — «А в какой цвет ты хочешь его выкрасить?» — спросил его Абу Кир. «Я выкрашу его в синий», — сказал красильщик. «Я хочу, чтобы ты его выкрасил в красный цвет», — сказал Абу Кир. «Я не знаю красной краски», — сказал красильщик. «В зеленый», — сказал Абу Кир. «Я не знаю зеленой краски», — ответил красильщик. «В желтый», — сказал Абу Кир. «Я не знаю желтой крас-

ки», — ответил красильщик. И Абу Кир стал перечислять краски, краску за краской, и красильщик сказал ему: «Нас в нашей стране сорок мастеров, и их не бывает ни одним больше, ни одним меньше, и когда кто-нибудь из нас умирает, мы обучаем его сына, а если он не оставил потомства, нас оказывается одним меньше; если же у кого двое сыновей, мы обучаем одного из них, а когда он умрет, обучаем его брата. Наше ремесло твердо установлено, и мы умеем красить не иначе, как в синий цвет».

И Абу Кир, красильщик, сказал ему: «Знай, что я красильщик и умею красить во все цвета. Я хочу, чтобы ты взял меня служить за поденную плату, и я научу тебя красить во все цвета, чтобы ты мог похвалиться во всяком цехе красильщиков». — «Мы никогда не допускаем чужестранца войти в наше ремесло», — сказал красильщик. «А если я открою себе красильню один?» — спросил Абу Кир. «Это никогда не будет возможно», — ответил красильщик. И Абу Кир оставил его и отправился к другому, и тот сказал ему то же, что и первый, и Абу Кир ходил от красильщика к красильщику, пока не обошел сорок мастеров, но они не принимали его ни в поденщики, ни в мастера. И Абу Кир отправился к старшине красильщиков и рассказал ему об этом, и тот сказал: «Мы не пускаем чужестранца войти в наше ремесло».

И Абу Кира охватил великий гнев, и он пошел жаловаться царю этого города и сказал ему: «О царь времени, я чужестранец, и по ремеслу я красильщик, и случилось у меня с красильщиками то-то и то-то, а я крашу в красный цвет разных оттенков — в цвет розы и грудной ягоды, и в зеленый цвет разных оттенков — в травянистый, фисташковый, оливковый и в цвет крыла попугая, и в черный цвет разных оттенков — в угольный и в цвет сурьмы, и в желтый цвет разных оттенков — в апельсиновый и в лимонный». И он стал называть царю все цвета, а затем сказал: «О царь времени, все красильщики в твоём городе не умеют красить ни в один из этих цветов и знают только синюю краску, и они не приняли меня и не позволили мне быть у них ни мастером, ни поденщиком». И царь ответил: «Ты в этом прав, но я открою тебе красильню и дам капитал, и тебе от них ничего не будет, а всякого, что станет тебе препятствовать, я повешу на дверях

его лавки». И затем он отдал приказ строителям и сказал им: «Ступайте с этим мастером и пройдите с ним по городу, и если какое место ему понравится, выгоните оттуда его хозяина, все равно — будет это лавка, хан или что-нибудь другое, и постройте ему красильню так, как он хочет, и что он вам ни прикажет — делайте, не прекословя ему в том, что он скажет».

И потом царь одел Абу Кира в красивую одежду, и дал ему тысячу динаров, и сказал: «Трать их на себя, пока не закончится постройка». Он дал ему также двух невольников, чтобы прислуживать ему, и коня с разукрашенной сбруей, и Абу Кир надел одежду, сел на коня и стал как эмир. И царь отвел ему дом и велел устлать его коврами, и дом устлали, и он поселился в нем.

А на следующий день он выехал и поехал по городу, предшествуемый строителями, и осматривал его, пока ему не понравилось одно место, и тогда он сказал: «Это место хорошее». И хозяина выгнали оттуда, и привели к царю, и тот дал ему плату за его помещение больше того, что его бы удовлетворило, и постройка началась. И Абу Кир говорил строителям: «Стройте так-то и так-то и делайте так-то и так-то!» И ему построили красильню, которой нет равной. И затем он явился к царю и рассказал ему, что постройка красильни закончилась и нужны только деньги на краску, чтобы пустить ее в ход. И царь сказал ему: «Возьми эти четыре тысячи динаров, и сделай их капиталом, и покажи мне плод работы твоей красильни». Абу Кир взял деньги, и пошел на рынок, и увидел, что индиго много и что оно ничего не стоит. Он купил все, что ему было нужно из принадлежностей для крашения, а потом царь послал ему пятьсот отрезков ткани, и Абу Кир начал их красить, и выкрасил их в различные цвета, и развесил перед дверями красильни, и люди, проходя мимо нее, видели удивительную вещь, которой в жизни не видели. И народ толпился около дверей красильни, и все смотрели, и спрашивали Абу Кира, и говорили ему: «О мастер, как называются эти цвета?» И Абу Кир говорил: «Это красный, а это желтый, а это зеленый». И перечислял им названия цветов; и люди стали приносить ему ткани и говорили: «Выкраси нам это так или так и возьми то, что спросишь».

И когда Абу Кир кончил красить ткани царя, он взял их и пошел в диван. И царь, увидав такую окраску, обрадовался и оказал Абу Киру великие милости, и все военные стали приходить к нему с тканями и говорили: «Выкраси ее нам так-то», — и Абу Кир красил им по их желанию, и на него сыпалось золото и серебро, и молва о нем распространилась, и его красильню называли «Красильней султана», и добро шло к нему из всех дверей. И ни один из всех красильщиков не мог с ним заговорить, и они только приходили, целовали ему руки и извинялись перед ним за то, как они с ним поступили, и предлагали ему себя и говорили: «Сделай нас твоими слугами»; но Абу Кир не соглашался принять никого из них. И появились у него рабы и невольницы, и он собрал большие деньги. И вот то, что было с Абу Киром.

Что же касается Абу Сира, то когда Абу Кир запер его в комнате, взяв сначала у него деньги, и ушел, и покинул его больным, исчезнувшим из мира, Абу Сир остался брошенный в этой комнате за закрытой дверью и пролежал там три дня.

И привратник хана обратил внимание на дверь этой комнаты и увидел, что она закрыта, и он не увидел никого из тех двоих до заката солнца и не узнал о них вестей. И тогда он сказал про себя: «Может быть, они уехали и не отдали платы за комнату, или умерли, или что еще там с ними?» И подошел к дверям комнаты, и увидел, что она закрыта, и услышал стоны цирюльника. Он увидел ключ в деревянном замке, и открыл дверь, и вошел, и, увидав стонавшего цирюльника, сказал ему: «С тобой не будет беды! Где твой товарищ?» — «Клянусь Аллахом, — ответил Абу Сир, — я очнулся от болезни только сегодня и стал звать, но никто не дал мне ответа. Ради Аллаха, о брат мой, посмотри в мешке у меня под головой и возьми из него пять полушек. Купи мне на них чего-нибудь для пропитания, я до крайности голоден». И привратник протянул руку, и взял мешок, и увидел, что он пустой, и сказал цирюльнику: «Мешок пустой, в нем ничего нет». И Абу Сир, цирюльник, понял, что Абу Кир взял то, что там было, и убежал. «Не видел ли ты моего товарища?» — спросил он привратника. И тот сказал: «Я уже три дня его не вижу и думал, что ты с ним уехал». — «Мы не уехали, — сказал цирюльник, — но он

позарился на мои гроши, и взял их, и убежал, увидев, что я болен». И потом он стал плакать и рыдать, и привратник хана сказал ему: «Не беда, он найдет свое дело у Аллаха». И привратник хана пошел, и, сварив похлебку, налил Абу Сиру тарелку, и дал ему, и он ухаживал за ним два месяца и содержал его из своего кошелька, пока Абу Сир не пропотел и Аллах не вылечил его от болезни, которая была у него.

И потом Абу Сир встал на ноги и сказал привратнику хана: «Если Аллах великий даст мне возможность, я вознагражу тебя за то благо, которое ты мне сделал, но вознаграждает только Аллах от своей милости». — «Хвала Аллаху за здоровье, — сказал привратник хана. — Я сделал это с тобой, только стремясь угодить Аллаху великодушному». И затем цирюльник вышел из хана и прошел по рынкам, и судьбы привели его на рынок, в котором была красильня Абу Кира. И он увидел ткани, выкрашенные в разные цвета и повешенные в дверях красильни, и людей, которые толпились и глядели на них, и спросил человека из жителей города: «Что это за место и почему, я вижу, люди толпятся?» И спрошенный ответил ему: «Это красильня султана, которую он открыл для одного чужеземца по имени Абу Кир. И всякий раз, как он выкрасит одежду, мы собираемся и смотрим на ее окраску, так как в нашей стране нет красильщиков, которые умеют красить в такие цвета. А у него случилось с красильщиками в нашем городе то, что случилось». И этот человек рассказал Абу Сиру о том, что случилось у Абу Кира с красильщиками, и как он пожаловался на них султану, а тот поддержал его, и построил ему эту красильню, и дал ему столько-то и столько-то денег. И рассказал обо всем, что произошло. И Абу Сир обрадовался и подумал: «Хвала Аллаху, который помог ему, и он стал мастером! Этому человеку простительно: может быть, его отвлекало от тебя ремесло, и он про тебя забыл. Но ты сделал ему милость и оказал ему уважение, когда он был без работы, и когда он увидит тебя, он тебе обрадуется и окажет тебе уважение за то, что ты оказал ему уважение».

И Абу Сир подошел к дверям красильни и увидел Абу Кира, который сидел на высоком сиденье, над выступом, в дверях красильни, в платье из царских

одежд, и перед ним стояли четыре раба и четыре белых невольника, одетые в роскошные одежды, и Абу Сир увидел, что рабочие — десять рабов — стоят и работают, так как Абу Кир, купив их, научил их красильному делу. А сам он сидел среди подушек, словно величайший везирь или славнейший царь, и ничего не делал своей рукой, а только говорил: «Сделайте то-то и то-то». И Абу Сир остановился перед ним, думая, что когда Абу Кир его увидит, он обрадуется, и приветствует его, и окажет ему уважение, и обойдется с ним ласково; но когда глаза встретились с глазами, Абу Кир сказал: «О скверный, сколько раз я тебе говорил: не стой в дверях этой мастерской! Разве ты хочешь опозорить меня среди людей, о разбойник? Хватайте его!» И рабы подбежали к Абу Сиру и схватили его, и Абу Кир встал прямо и, взяв палку, сказал: «Повалите его!» — и когда цирюльника повалили, побил его по спине сотней ударов; а затем Абу Сира перевернули, и он побил его сотней ударов по животу и сказал: «О скверный, о обманщик! Если я увижу после сегодняшнего дня, что ты стоишь у дверей этой красильни, я сейчас же отошлю тебя к царю, и он передаст тебя вали, чтобы тот скинул тебе голову. Иди, да не благословит тебя Аллах!»

И Абу Сир ушел от него с разбитым сердцем из-за побоев и унижений, которые достались ему, и присутствующие спросили Абу Кира, красильщика: «Что сделал этот человек?» И Абу Кир сказал: «Это разбойник, который крадет чужие ткани. Сколько раз он воровал у меня ткани и я говорил в душе: «Аллах простит ему! Это человек бедный». И не хотел его расстраивать, и отдавал людям деньги за их ткани, и мягко удерживал его, но он не воздерживался; и если он вернется еще раз после этого раза, я пошлю его к царю, и он его убьет и избавит людей от его вреда». И люди стали бранить Абу Сира после его ухода.

Вот что было с Абу Киром. Что же касается Абу Сира, то он вернулся в хан и сел, раздумывая о том, что сделал с ним Абу Кир, и сидел до тех пор, пока на нем не остыли побои. А затем он вышел и прошел по рынкам города, и ему пришло в голову сходить в хаммам. И он спросил одного из жителей города: «О брат мой, где дорога в хаммам?» И тот человек спросил

его: «А что такое хаммам?» — «Место, где люди моются и снимают с себя грязь, и это одно из лучших благ здешней жизни», — ответил Абу Сир. И тот человек молвил: «Вот перед тобой море». — «Мне нужен хаммам», — сказал Абу Сир. И тот человек сказал: «Мы не знаем, какой бывает хаммам, и мы все ходим к морю. Даже царь, когда хочет помыться, идет к морю».

И когда Абу Сир понял, что в этом городе нет хаммама и люди не знают, что такое хаммам и каков он, он пошел в диван царя и, войдя к нему, поцеловал перед ним землю, пожелал ему блага и сказал: «Я человек из чужой страны, и по ремеслу я банщик. Я вступил в твой город и хотел пойти в хаммам, но не увидел в нем ни одного хаммама. И как может город такого прекрасного вида быть без хаммама, когда хаммам — одно из лучших благ в мире?» — «А что такое будет хаммам?» — спросил царь. И Абу Сир стал описывать ему качества хаммама и сказал: «Твой город станет совершенным только тогда, когда будет в нем хаммам». — «Добро пожаловать!» — воскликнул царь, и одел Абу Сира в одежду, которой нет подобия, и дал ему коня и двух рабов, а затем он пожаловал ему четырех невольниц и двух белых невольников и приготовил ему дом, устланный коврами. Он оказал ему уважение большее, чем красильщику, и послал с ним строителей, и сказал им: «В том месте, где ему понравится, выстройте ему хаммам».

И Абу Сир взял их и пошел с ними на середину города, и когда ему понравилось одно место, он указал на него строителям, и те начали постройку. И Абу Сир указал им, какое это должно быть здание, пока они не построили ему хаммам, которому нет равного, а затем Абу Сир велел разрисовать этот дом, и его разрисовали удивительными рисунками, так что он стал отрадой для смотрящих. И после этого Абу Сир пошел к царю, и рассказал ему об окончании постройки хаммама и его разрисовки, и сказал: «Там не хватает только ковров». И царь дал ему десять тысяч динаров, и Абу Сир взял их, устлал хаммам коврами, и развесил в нем полотенца на веревках, а всякий, кто проходил мимо дверей хаммама, изумлялся, и мысли его смущались при виде рисунков на стенах. И люди толпились около этого дома, подобного которому они не видели в жизни, и глядели на него и говорили: «Что это такое?»

И Абу Сир отвечал: «Это хаммам». И люди удивлялись.

А затем Абу Сир нагрел воду и пустил хаммам в ход. Он сделал фонтан в водоеме, который похитил умы всех жителей города, видевших его, и попросил у царя десять невольников, не достигших зрелости, и царь дал ему десять невольников, подобных лунам, и Абу Сир стал разминать им тело и говорил им: «Делайте с посетителями то же самое». А потом он разжег курения и послал глашатая, который кричал в городе и говорил: «Эй, твари Аллаха, идите в хаммам, он называется «Хаммам султана».

И к Абу Сиру стал приходить народ, и он приказал невольникам мыть людям тело, и люди спускались в водоем и выходили оттуда, а по выходе они садились под портиком, и невольники разминали их, как их научил Абу Сир. И люди входили в хаммам и исполняли там то, что им было нужно, а затем выходили не платя, и так продолжалось три дня, а на четвертый день Абу Сир пригласил царя в хаммам, и царь сел на коня вместе с вельможами правления, и они отправились в хаммам.

И царь разделся и вошел, и Абу Сир вошел тоже и начал тереть царя мочалкой, и он удалял с его тела катышки грязи, точно фитили, и показывал их царю, и царь радовался, и от прикосновения его руки к телу слышался звук из-за его мягкости и чистоты. А вымыв царю тело, Абу Сир прибавил к воде купальни розовой воды, и царь спустился в купальню и вышел оттуда, и его тело увлажнилось, и у него появилась бодрость, которой он всю жизнь не чувствовал, и потом Абу Сир посадил его под портиком, и невольники начали разминать его, и курильницы распространяли запах алоэ. И царь сказал: «О мастер, это и есть хаммам?» И Абу Сир отвечал: «Да». И царь воскликнул: «Клянусь жизнью моей головы, мой город стал городом только с этим хаммамом! Какую плату ты берешь с человека?» — спросил он потом. И Абу Сир сказал: «Сколько ты прикажешь мне дать, столько я и возьму». И царь приказал дать ему тысячу динаров и сказал: «Со всякого, кто у тебя вымоется, бери тысячу динаров». — «Прости, о царь времени, — сказал Абу Сир. — Люди не все одинаковы, напротив — среди них есть богатые и есть бедные, и если бы я брал с каждого

тысячу динаров, хаммам перестал бы работать. Ведь бедный не может заплатить тысячу динаров». — «А как же ты сделаешь с платой?» — спросил царь. И Абу Сир сказал: «Я назначу плату по великодушию, и каждый даст мне сколько может и сколько пожалует его душа. Мы будем брать с каждого человека по его состоянию, и если дело будет таково, народ станет ходить к нам, и кто богат, тот даст мне сообразно своему сану, а кто беден, тот даст столько, сколько пожалует его душа, и если останется дело так, хаммам будет действовать и будет он в великом почете. Что же касается тысячи динаров, то это — дар царя, и не всякий может дать столько». И вельможи царства подтвердили его слова и сказали: «Вот это истина, о царь времени! Разве ты считаешь, что все люди подобны тебе, о славный царь?» И царь сказал: «Поистине, ваши слова правильны, но этот человек — чужестранец и бедняк, и нам обязательно надо оказать ему уважение. Ведь он сделал у нас в городе этот хаммам, равного которому мы в жизни не видели, и наш город украсился и приобрел значительность только из-за него. Если мы окажем ему уважение увеличением платы, то это немного». — «Если ты хочешь оказать ему уважение, — сказали вельможи, — то оказывай ему уважение из твоих денег (а уважение от царя бедному — малая плата за хаммам), для того чтобы молились за тебя подданные. Что же касается тысячи динаров, то мы — вельможи твоего царства, но наша душа не соглашается их дать. Как же согласится на это душа бедняков?» — «О вельможи моего царства, — сказал царь, — каждый из вас пусть даст ему в этот раз сто динаров, невольника, невольницу и раба». — «Хорошо, мы дадим ему все это, — сказали вельможи, — но после сегодняшнего дня всякий входящий пусть дает ему лишь то, что пожалует его душа». — «В этом нет беды», — сказал царь. И вельможи дали Абу Сиру каждый сто динаров, невольницу, невольника и раба, и было число вельмож, которые мылись с царем в этот день, четыреста душ. А количество того, что они дали из динаров, оказалось сорок тысяч, и невольников — четыреста, и рабов — четыреста, и невольниц — четыреста (достаточно с тебя такого дара!), а царь дал Абу Сиру десять тысяч динаров, десять невольников, десять невольниц и десять рабов.

И Абу Сир выступил вперед, и поцеловал перед царем землю, и сказал: «О счастливый царь, обладатель здравого суждения! Какое место вместит меня с этими невольниками, невольницами и рабами?» И царь молвил: «Я приказал это своим вельможам только для того, чтобы мы собрали тебе большое количество денег. Ты ведь, может быть, вспомнишь свою страну и семью, и соскучишься по ней, и захочешь поехать на родину, и окажется, что ты взял из нашей страны основательное количество денег, которое поможет тебе жить в твоей стране». — «О царь времени, да возвеличит тебя Аллах!» — сказал Абу Сир. — Эти многочисленные невольники, невольницы и рабы — по сану царям, и если бы ты велел дать мне наличные деньги, они были бы лучше, чем это войско, потому что люди едят, и пьют, и одеваются, и сколько бы мне ни досталось денег, их не хватит на содержание этих рабов».

И царь засмеялся и воскликнул: «Клянусь Аллахом, ты сказал правду — их оказалось целое войско, и у тебя нет возможности содержать их! Не продашь ли ты мне каждого из них за сто динаров?» — «Я продал их тебе за эту цену», — сказал Абу Сир. И царь послал за казначеем, чтобы тот принес ему денег, и когда казначей принес их, царь отдал Абу Сиру деньги за всех полностью и до конца, а затем после этого он пожаловал рабов их владельцам и сказал: «Всякий, кто узнает своего раба, невольника и невольницу, пусть берет их. Они — подарок вам от меня». И вельможи исполнили приказание царя, и всякий из них взял то, что ему принадлежало, и Абу Сир сказал: «Да избавит тебя Аллах от зла, о царь времени, как ты избавил меня от этих гулей, которых может насытить только Аллах!» И царь засмеялся его словам и признал, что он прав, а затем он взял вельмож своего царства и ушел из бани во дворец.

И Абу-Сир провел эту ночь, считая золото, складывая его в мешки и запечатывая. И у него было двадцать рабов, и двадцать невольников, и четыре невольницы для услуг. А когда наступило утро, он открыл хаммам и послал глашатая кричать: «Всякий, кто войдет в хаммам и помоеется, пусть даст то, что пожалует его душа и чего требует его великодушие!» И Абу Сир сел около сундука, и на него налетели

посетители, и всякий, кто входил, клал в сундук то, что было для него нетрудно положить, и не наступил еще вечер, как сундук наполнился добром Аллаха великого.

А затем царица пожелала войти в хаммам, и когда это дошло до Абу Сира, он разделил ради нее день на две части и назначил от зари до полудня время мужчин, а от полудня до заката — время женщин. А когда царица пришла, он поставил за сундуком невольницу. И он обучил четырех невольниц банному делу, так что они стали искусными банщицами, и когда царица вошла в хаммам, это ей понравилось, и ее грудь расправилась, и она положила тысячу динаров. И слава Абу Сира распространилась в городе, и всякому, кто входил, он оказывал уважение — все равно, был это богатый или бедный, и благо стало входить к нему из всех дверей. И он свел знакомство с приближенными царя, и появились у него друзья и товарищи, и царь приходил к нему один день в неделю и давал ему тысячу динаров, а остальные дни недели были для вельмож и бедняков, и Абу Сир старался уважать людей и обращался с ними очень ласково.

И случилось в один из дней, что капитан царя вошел к нему в хаммам, и Абу Сир разделся, и вошел с ним, и стал его растирать, и обошелся с ним особенно ласково. И когда капитан вышел из хаммама, Абу Сир приготовил ему питье и кофе, а когда он пожелал дать ему что-нибудь, Абу Сир поклялся, что не возьмет с него ничего, и капитан был ему признателен, так как видел его крайнюю ласку и милость, и чувствовал смущение, не зная, что подарить этому банщику за его почет.

Вот что было с Абу Сиром. Что же касается Абу Кира, то он слышал, что все люди бредят хаммамом и всякий из них говорит: «Этот хаммам — благо земной жизни, без сомнения. Если захочет Аллах, о такой-то, мы пойдем с тобой завтра в этот прекрасный хаммам!» И Абу Кир сказал про себя: «Обязательно пойду, как другие люди, и посмотрю на этот хаммам, который похитил ум у людей». И потом он оделся в самую роскошную, какая у него была, одежду, сел верхом на мула и, взяв с собой четырех рабов и четырех невольников, которые шли сзади него и впереди него, отправился в хаммам. И он спешил-

ся в воротах хаммама, и, оказавшись у ворот, почувствовал запах алоэ, и увидел, что люди входят и выходят и все скамейки полны больших и малых. И он вошел в проход, и Абу Сир увидал его и поднялся к нему, радуясь. И красильщик сказал: «Разве таков обычай честных людей? Я открыл себе красильню, и стал мастером города, и познакомился с царем, и живу в счастье и величии, а ты ко мне не приходишь, не спрашиваешь обо мне и не говоришь: «Где мой товарищ?» Я обессилел, разыскивая тебя и посылая рабов и невольников искать тебя по ханам и другим местам, но они не знают к тебе дороги, и никто им о тебе не рассказывает». И Абу Сир сказал ему: «Разве я не приходил к тебе? Но ты ведь объявил меня вором, побил и опозорил среди людей». И Абу Кир огорчился и сказал: «Что это за слова? Разве это тебя я побил?» И Абу Кир стал клясться тысячью клятв, что он его не узнал, и сказал: «Кто-то похожий на тебя приходил и воровал каждый день чужие ткани, и я подумал, что этот человек — ты».

И он стал горевать, ударяя рукой об руку, и восклицал: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Мы тебя обидели! Но почему ты не дал мне себя узнать и не сказал мне: «Я такой-то»? Это тебе должно быть стыдно, что ты не дал мне себя узнать, тем более что у меня голова кружится от множества дел». — «Да простит тебя Аллах, о мой товарищ! — сказал Абу Сир. — Это была вещь, предопределенная в неведомом, и исправление дела — от Аллаха. Входи, снимай одежду, мойся и наслаждайся». — «Заклинаю тебя Аллахом, извини меня, о брат мой», — сказал Абу Кир. И Абу Сир молвил: «Аллах пусть снимет с тебя ответственность и простит тебя! Это было предопределено мне от века». — «А откуда у тебя это величие?» — спросил Абу Кир. И Абу Сир ответил: «Тот, кто помог тебе, помог и мне. Я отправился к царю и рассказал ему, что такое хаммам, и он велел его для меня построить». — «Как ты знакомый царя, так и я тоже его знакомый», — сказал Абу Кир, — и если захочет великий Аллах, я сделаю так, что он тебя полюбит и окажет тебе еще большее уважение ради меня. Он не знает, что ты мой товарищ, и я осведомлю его о том, что ты мой товарищ, и поручу тебя его заботам». — «Меня не надо поручать, — отве-

тил Абу Сир.— Аллах, смягчающий сердца, существует, и царь со всеми вельможами полюбил меня и дал мне то-то и то-то». И он рассказал Абу Киру свою историю и затем сказал: «Сними с себя одежду за сундуком и входи в хаммам, и я войду с тобой, чтобы растереть тебя мочалкой». И Абу Кир снял то, что на нем было, и вошел в хаммам, и Абу Сир вошел с ним, и натер его, и намыл, и одел, и занимался им, пока тот не вышел. И когда он вышел, Абу Сир принес ему обед и напитки, и все люди удивлялись великому уважению его к Абу Киру.

И после этого Абу Кир хотел дать ему что-нибудь, но Абу Сир поклялся, что не возьмет с него ничего, и сказал: «Стыдись такого дела — ты ведь мой товарищ, и между нами нет различия». И затем Абу Кир сказал Абу Сиру: «О товарищ, клянусь Аллахом, этот хаммам великолепен, но твоя работа в нем неполная». — «А в чем же ее недостаток?» — спросил Абу Сир. И Абу Кир сказал: «В лекарстве, то есть в тесте из мышьяка и извести, которое с легкостью удаляет волосы. Сделай такое лекарство, и когда царь придет, предложи его ему и научи его, как удалять им волосы. Он полюбит тебя сильной любовью — и окажет тебе уважение». — «Ты прав, — сказал Абу Сир. — Если захочет Аллах, я это сделаю».

И Абу Кир вышел, и, сев на мула, отправился к царю, и вошел к нему, и сказал: «Я тебе искренний советчик, о царь времени». — «А каков твой совет?» — спросил царь. И Абу Кир сказал: «До меня дошел один слух, а именно, что ты построил хаммам». — «Да, — ответил царь, — ко мне пришел один человек, чужеземец, и я открыл для него хаммам, как открыл для тебя красильню. Это хаммам великолепный, и он украсил мой город». И царь стал рассказывать Абу Киру о прелестях хаммама, и Абу Кир спросил его: «А ты туда ходил?» — «Да», — отвечал царь. И Абу Кир воскликнул: «Хвала Аллаху, который спас тебя от того негодяя, врага веры, то есть банщика!» — «А что с ним такое?» — спросил царь. И Абу Кир молвил: «Знай, о царь времени, если ты войдешь в хаммам после сегодняшнего дня, ты погибнешь». — «Почему?» — спросил царь. «Банщик, — ответил Абу Кир, — твой враг и враг веры. Он побудил тебя устроить этот хаммам только потому, что хотел дать

тебе в нем яду. Он приготовил для тебя что-то, и когда ты войдешь в хаммам, он принесет это тебе и скажет: «Вот лекарство — всякий, кто помажет им себя внизу, с легкостью сбросит оттуда волосы». А это вовсе не лекарство, но великая болезнь и убийственный яд. Этому негодяю обещал султан христиан, если он тебя убьет, освободить его жену и детей из плена, так как его жена и дети в плену у султана христиан. Я был с ним вместе в плену, в их землях, но я открыл красильню и стал им красить ткани в разные цвета, и люди смягчили ко мне сердце царя, и царь спросил: «Чего ты требуешь?» И я потребовал от него освобождения, и он меня освободил, и я пришел в этот город. И я увидел этого человека в хаммаме, и спросил его, и сказал: «Как произошло твое освобождение и освобождение твоей жены и детей?» И он ответил: «Я, и моя жена, и мои дети все еще в плену. Царь христиан собрал диван, и я присутствовал там вместе со всеми, кто присутствовал, и стоял среди прочих людей. И я услышал, как они рассказывали царю разные истории и вспомнили о царе этого города, и царь христиан вздохнул и сказал: «Не победил меня никто в мире, кроме царя такого-то города. Всякому, кто ухитрится его убить, я дам все, что он пожелает». И я подошел к царю и спросил его: «Если я ухитрюсь его убить, освободишь ты меня, мою жену и моих детей?» И царь христиан сказал: «Да, да, я освобожу вас и дам тебе все, что ты пожелаешь». И мы с ним сговорились об этом. Он послал меня на корабле в этот город, и я пошел к здешнему царю, и царь построил для меня этот хаммам, и мне остается только убить его. И тогда я пойду к царю христиан, выкуплю мою жену и детей и попрошу у него чего-нибудь». И я спросил его: «Какую хитрость ты придумал, чтобы убить его?» И он сказал: «Это хитрость легкая, легче не бывает. Он придет ко мне, в этот хаммам, а я сделаю для него снадобье с ядом, и когда он придет, я скажу ему: «Возьми это лекарство и помажь им себе внизу, от него падают волосы». И он возьмет лекарство и помажет им себя внизу, и яд будет в нем играть один день и одну ночь, пока не распространится до сердца, и тогда он погибнет, и конец». И когда я услышал эти слова, я испугался за тебя, так как твоя милость лежит на мне, и вот я рассказал тебе об этом».

И когда царь услышал эти слова, он разгневался сильным гневом и сказал: «О красильщик, скрывай эту тайну!» А затем он пожелал войти в хаммам, чтобы пресечь сомнение уверенностью.

И когда царь вошел в хаммам, Абу Сир оголился, по своему обычаю, и занялся царем и натер его, а после этого он сказал: «О царь времени, я приготовил лекарство, чтобы удалить нижние волосы». И царь сказал: «Принеси его мне». И Абу Сир принес ему лекарство, и царь почувствовал, что у него противный запах, и уверился в том, что это яд. И он рассердился и закричал приближенным: «Держите его!» И приближенные схватили Абу Сира, а царь вышел, исполненный гневом, и никто не знал, почему он разгневался. И гнев царя был так силен, что он никому ничего не сказал и никто не осмелился его спросить. И потом он оделся, и пошел в диван, и призвал к себе Абу Сира, связанного по рукам, и потребовал капитана, и тот явился. И когда капитан явился, царь сказал ему: «Возьми этого негодяя и положи его в мешок, положи ему туда два кинтара негашеной извести и завяжи мешок с Абу Сиром и известью, а потом положи мешок в лодку и подъезжай к моему дворцу. Ты увидишь, что я сижу у окна, и скажешь мне: «Бросить мне его?» И я скажу: «Бросай!» И когда я тебе это скажу, брось мешок в воду, чтобы известь стала гашеной, и тогда Абу Сир умрет, утонувший и сожженный». И капитан сказал: «Внимание и повиновение!» А затем он увел Абу Сира от царя на остров, находившийся против царского дворца, и сказал ему: «О такой-то, я один раз пришел к тебе в хаммам, и ты оказал мне уважение и сделал все, что было обязательно. Я очень у тебя наслаждался, и ты поклялся, что не возьмешь с меня платы, и я полюбил тебя сильной любовью. Расскажи мне, что у тебя произошло с царем и что ты ему сделал дурного, что он на тебя так рассердился и приказал мне, чтобы ты умер этой скверной смертью?» — «Клянусь Аллахом,— сказал Абу Сир,— я ничего не сделал, и мне неизвестно, какой я совершил с ним грех, чтобы заслужить это». И капитан молвил: «Ты занимаешь у царя великое место, которого никто не достиг прежде тебя, а всякий, кто счастлив, внушает зависть. Может быть, кто-нибудь тебе позавидовал за такое счастье и за-

кинул о тебе царю какие-нибудь слова, и царь разгневался на тебя таким гневом. Но добро тебе пожаловать, и с тобой не будет дурного. Как ты оказал мне уважение, хотя между нами не было знакомства, так и я освобожу тебя; но когда я тебя освобожу, ты останешься со мной на этом острове, пока не придет из города корабль в сторону твоей земли, и я отошлю тебя на нем». И Абу Сир поцеловал капитану руку и поблагодарил его за это; и затем капитан принес известку, положил ее в мешок, и положил туда большой камень размером с человека, и сказал: «Полагаюсь на Аллаха!»

И потом капитан дал Абу Сиру сеть и сказал ему: «Закинь эту сеть в море, может, ты поймаешь сколько-нибудь рыбы. Поставка рыбы для кухни царя лежит каждый день на мне, а меня отвлекла от ловли беда, которая тебя поразила. Я боюсь, что придут слуги повара, требуя рыбы, и не найдут ее, и если ты что-нибудь поймаешь, они найдут это. А я пойду и устрою хитрость под окнами дворца и сделаю вид, что я бросил тебя». И Абу Сир сказал: «Я буду ловить, а ты иди, и Аллах тебе поможет». И капитан положил мешок в лодку и ехал, пока не приехал ко дворцу. И он увидел, что царь сидит у окна, и сказал: «О царь времени, бросать мне его?» И царь сказал: «Бросай!» И сделал рукой знак, и вдруг что-то сверкнуло и упало в море.

И оказалось, что то, что упало в море, это перстень царя. А он был заколдованный, и когда царь на кого-нибудь гневался и хотел его убить, он указывал на него правой рукой, на которой был перстень, из перстня вылетала молния и поражала того, на кого указал царь, и голова его падала с плеч. И войска повиновались царю, и он покориł великанов только благодаря этому перстню. И когда перстень упал с его пальца, царь скрыл это дело и не мог сказать: «Мой перстень упал в море», — так как боялся, что войска восстанут против него и убьют его, и промолчал.

Вот что было с царем. Что же касается Абу Сира, то после ухода капитана он взял сеть, и закинул ее в море, и потянул сеть, и сеть поднялась полная рыбы, и затем он кинул ее второй раз, и она снова поднялась полная рыбы, и Абу Сир все время бросал сеть, а она поднималась полная рыбы, пока перед ним не оказа-

лась большая куча рыбы. И тогда он сказал про себя: «Клянусь Аллахом, я уже долгое время не ел рыбы!» И выбрал большую жирную рыбу и подумал: «Когда придет капитан, я скажу, чтобы он изжарил мне эту рыбу, и пообедаю». И он стал резать рыбу ножом, который у него был, и нож зацепился за что-то в брюхе рыбы, и Абу Сир увидел, что там находится перстень царя, потому что эта рыба проглотила перстень, и потом судьба пригнала ее к этому острову, и она попала в сеть. И Абу Сир взял перстень и надел его на мизинец, не зная, какие у него свойства. И вдруг двое молодцов из слуг повара пришли, чтобы потребовать рыбы, и, подойдя к Абу Сиру, сказали: «О человек, куда ушел капитан?» И Абу Сир сказал: «Не знаю». И сделал знак правой рукой, и вдруг головы слуг упали с плеч, когда Абу Сир указал на них и сказал: «Не знаю». И Абу Сир удивился этому и стал говорить: «Смотри-ка! Кто это убил их?» И это показалось ему тяжким, и он задумался.

И вдруг подошел капитан, и увидел большую кучу рыбы и двух убитых, и увидал на пальце Абу Сира перстень. «О брат мой,—сказал он ему,—не двигай рукой, на которой перстень. Если ты двинешь ею, ты убьешь меня!» И Абу Сир удивился его словам: «Не двигай рукой, на которой перстень. Если ты двинешь ею, ты убьешь меня!» И когда капитан дошел до него и спросил: «Кто убил этих двух слуг?» — Абу Сир сказал: «Клянусь Аллахом, о брат мой, я не знаю». — «Ты сказал правду,—ответил капитан, но Расскажи мне про этот перстень, как он к тебе попал?» — «Я увидел его в брюхе этой рыбы», — отвечал Абу Сир. И капитан молвил: «Ты сказал правду. Я видел его, как он падал, сверкая, из дворца царя, пока не упал в море, когда царь указал на тебя и сказал мне: «Бросай его!» Когда он сделал мне знак, я бросил мешок, а перстень свалился у него с пальца и упал в море, и эта рыба проглотила его, и Аллах пригнал ее к тебе, и ты ее поймал,—так что это твоя доля. Но знаешь ли ты свойство этого перстня?» — «Я не знаю у него никакого свойства», — сказал Абу Сир. И капитан молвил: «Знай, что войска нашего царя повинуются ему, только боясь этого перстня, так как он заколдован. И когда царь разгневается на кого-нибудь и захочет убить, то указывает на него пальцем, и голова падает с

плеч. Молния вылетает из этого перстня, и лучи ее достигают прогневавшего, и он тотчас же умирает».

И Абу Сир, услышав эти слова, обрадовался сильной радостью и сказал капитану: «Вороти меня в город». И капитан сказал: «Я ворочу тебя, ибо я больше не боюсь для тебя зла от царя, потому что, если ты укажешь на него рукой и задумаешь его убить, его голова упадет перед тобой, и если бы ты даже захотел убить царя и всех его воинов, ты бы убил их без помехи». И затем капитан посадил Абу Сира в лодку и отправился с ним в город. И когда доехал до города, поднялся в царский дворец, и вошел в диван, и увидел, что царь сидит, и воины перед ним, и царь в великом огорчении из-за перстня, но не может рассказать никому из воинов о пропаже перстня.

И когда царь увидел Абу Сира, он сказал ему: «Разве мы не бросили тебя в море? Как ты сделал, что вышел из него?» И Абу Сир сказал: «О царь времени, когда ты велел меня бросить в море, твой капитан взял меня, и поехал со мной на остров, и спросил о причине твоего гнева на меня, и сказал: «Что ты сделал с царем, что он велел тебя умертвить?» И я ответил: «Клянусь Аллахом, мне неизвестно, чтобы я сделал с ним что-нибудь скверное». И капитан сказал: «Ты имеешь великое место у царя. Может быть, кто-нибудь тебе позавидовал и забросил о тебе царю какие-нибудь слова, так что царь на тебя рассердился. Но я приходил в твой хаммам, и ты оказал мне уважение, и за твое уважение ко мне в хаммаме я тебя освобожу и пошлю в твою страну». И затем он положил в лодку вместо меня камень и бросил его в море, но когда ты указал ему насчет меня пальцем, перстень упал с твоей руки в море, и его проглотила рыба. А я был на острове и ловил рыбу, и эта рыба попалась среди прочей рыбы, и я взял ее и хотел изжарить, и когда я вскрыл ей брюхо, я увидел в нем перстень, и взял его, и надел на палец. И ко мне пришли двое слуг из кухни и потребовали рыбу, и я показал на них пальцем, не зная особенности перстня, и их головы упали; а затем пришел капитан и узнал перстень, который был у меня на пальце, и рассказал мне, что он заколдованный, и я принес его тебе, так как ты оказал мне благодеяние и почтил меня крайним почетом. Добро, которое ты мне сделал, у меня не пропало.

Вот твой перстень — возьми его, и если я сделал с тобой что-нибудь требующее убиения, скажи мне, в чем мой грех, и убей меня, и будешь свободен от ответственности за мою кровь».

И затем он снял перстень с пальца и подал его царю. И когда царь увидел, какое благодеяние оказал ему Абу Сир, он взял от него перстень и надел его на палец, и душа вернулась к нему. И он поднялся на ноги, и обнял Абу Сира, и сказал: «О человек, ты принадлежишь к избранным сынам дозволенного! Не взыщи же с меня и прости мне то, что я тебе сделал. Если бы кто-нибудь, кроме тебя, овладел этим перстнем, он бы мне его не отдал». — «О царь времени, — сказал Абу Сир, — если ты хочешь, чтобы я тебя простил, скажи мне, в чем мой грех, который вызвал твой гнев на меня, так что ты приказал меня убить?» И царь воскликнул: «Клянусь Аллахом, я твердо установил, что ты невиновен, и нет на тебе никакого греха, раз ты сделал мне это благодеяние, но только красильщик сказал мне то-то и то-то». И он рассказал ему, что говорил красильщик, и Абу Сир молвил: «Клянусь Аллахом, о царь времени, я не знаю царя христиан и в жизни не ездил в христианские земли! мне не приходило на ум убивать тебя, но этот красильщик был моим товарищем и соседом в городе Искандерии, и жизнь там стала нам тесна, и мы выехали оттуда из-за скудости пропитания, и прочли друг другу Фатиху о том, что работающий будет кормить безработного, и случилось у меня с красильщиком то-то и то-то». И он рассказал царю все, что случилось у него с Абу Киром, красильщиком: как тот взял его деньги и покинул его больным в его комнате в хане, и как привратник хана тратился на него, когда он был болен, пока не исцелил его Аллах, и как затем он поднялся и стал ходить по городу со своими принадлежностями, как обычно, и по дороге увидел красильню, около которой была лавка, и, посмотрев в двери красильни, увидел Абу Кира, который сидел там на скамье, и вошел к нему, чтобы его приветствовать, и достались ему он него побои и оскорбления, и Абу Кир сказал про него, что он разбойник, и побил его мучительным боем.

И вот Абу Сир рассказал царю обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и затем сказал: «О царь времени, это он сказал мне: «Сделай лекарство

и поднеси его царю. Хаммам совершенен во всем, но только в нем отсутствует это лекарство». И знай, о царь времени, что это лекарство не вредит. Мы его делаем в наших странах, и оно обязательно бывает в хаммаме, но я забыл о нем, и когда пришел красильщик и я оказал ему почет, он напомнил мне об этом и сказал: «Сделай лекарство». Пошли, о царь времени, за привратником такого-то хана и рабочими красильни и спроси их всех о том, что я тебе рассказал». И царь послал за привратником хана и за рабочими красильни и, когда они все пришли, спросил их, и они рассказали о случившемся, и тогда царь послал за красильщиком и сказал: «Приведите его босым, с непокрытой головой и с связанными руками».

А красильщик сидел в своем доме, радуясь убийству Абу Сира. И не успел он опомниться, как приближенные царя бросились на него, и удары посыпались ему на затылок, а затем ему скрутили руки и его привели к царю. И он увидел, что Абу Сир сидит рядом с царем, а привратники хана и рабочие красильни стоят перед ним. И привратник хана спросил его: «Не это ли твой товарищ, у которого ты украл деньги и которого ты оставил у меня в комнате больным и сделал с ним то-то и то-то?» А рабочие красильни спросили: «Разве это не тот, кого ты велел нам схватить и мы его избили?»

И царю стала ясна мерзость Абу Кира и то, что он заслуживает большего, чем пытки Мункара и Накира*, и потому он сказал: «Возьмите его и проведите по городу, а потом положите в мешок и бросьте в море!» — «О царь времени,— сказал Абу Сир,— уступи мне его! Я простил ему все, что он мне сделал». — «Если ты его простил за себя, то я не могу его простить за себя,— ответил царь, и затем он закричал и сказал:— Возьмите его!» И Абу Кира взяли и провели по городу, а потом посадили в мешок, и положили туда известку, и бросили мешок в море, и Абу Кир умер, потопленный, сожженный.

«О Абу Сир,— сказал тогда царь,— попроси у меня чего-нибудь — и получишь!» И Абу Сир сказал: «Я прошу тебя отослать меня в мою землю,— у меня не осталось желания жить здесь». И царь дал ему много денег сверх прежних наград и даров, а затем он пожаловал ему корабль, нагруженный всяким

добром, а матросами были невольники, и царь подарил их ему тоже, после того как предложил ему сделать его везирем, но Абу Сир не согласился. А затем он простился с царем и поехал, и все на корабле было его собственностью, даже матросы стали его невольниками, и ехал он не переставая, пока не достиг земли Искандерии.

И они стали на якорь подле Искандерии и вышли на сушу, и один из невольников Абу Сира увидел мешок у самого берега и сказал: «О господин мой, у берега моря большой тяжелый мешок, и сверху он завязан, и я не знаю, что в нем». И Абу Сир подошел, и развязал мешок, и увидел там Абу Кира, которого море пригнало в сторону Искандерии, и он вынул его, и закопал поблизости от Искандерии, и сделал ему могилу, и назначил деньги на ее содержание, и на дверях гробницы он написал такие стихи:

По делам узнаем человека среди прочих людей —
Чем свободней душа, тем она и в поступках добрей.

Не корите других, чтоб другие и вас не корили,
Тот, кто ближних позорит, того опозорят сильней.

Коль шутливые речи ведешь или молвишь во гневе,
Грубых слов избегай, а тем паче браниться не смей.

Пса берем себе в дом, потому что он добр и разумен,
Льва мы в клетке содержим — страшимся мы диких зверей.

Дно морское скрывает века мириады жемчужин,
Мертвечину на берег выносит волна поскорей.

Лишь по слабости разума, то есть по глупости, станет
Спорить с ястребом, грозною птицей, простой воробей.

На небесных страницах начертано: «Добрый получит
За добро лишь добро, зло сторицей получит злодей».

Не пытайся добыть из порея зеленого сахар.
Всяк предмет по источнику: горек зеленый порей!***

И затем Абу Сир прожил некоторое время, и взял его Аллах к себе, и его похоронили по соседству с могилой его товарища Абу Кира, и поэтому было названо это место Абу Кир и Абу Сир, а теперь оно известно как Абу Кир*. И вот то, что дошло до нас из их истории. Да будет же хвала существу вечно, по воле которого сменяются ночи и дни!

СКАЗКА ОБ АБДАЛЛАХЕ ЗЕМНОМ И АБДАЛЛАХЕ МОРСКОМ

Рассказывают также, что был один человек, рыбак, по имени Абдаллах. И была у него большая семья, с девятью детьми и их матерью, а он был очень беден и не владел ничем, кроме сети. И каждый день он ходил к морю, чтобы ловить рыбу, и когда он ловил немного, то продавал улов и расходовал деньги на своих детей, сообразно с тем, чем наделил его Аллах, а если ловил много, то варил хорошее кушанье, и покупал плоды, и до тех пор их тратил, пока у него не оставалось ничего. И он говорил про себя: «Надел на завтра придет завтра». И когда его жена родила, детей стало десятеро, а у этого человека в тот день не было совершенно ничего. И его жена сказала ему: «О господин, присмотри мне что-нибудь, чем напиться». И рыбак сказал ей: «Вот я пойду, с благословения великого Аллаха, к морю, в сегодняшний день, на счастье этого нового младенца, чтобы нам посмотреть, какое его счастье». И жена молвила: «Положись на Аллаха!» И рыбак взял сеть и отправился к морю, а

затем он закинул сеть, на счастье этого маленького ребенка, и сказал: «О боже, сделай его надел легким, нетрудным, обильным, нескудным!» И подождал некоторое время, а затем он вытянул ее, и сеть поднялась, полная хлама, песку, камешков и травы. И рыбак не увидел в ней ни одной рыбы — ни много ни мало. И он бросил сеть второй раз, и подождал некоторое время, и вытащил ее, но не увидел в ней ничего. И тогда он бросил ее в третий раз, и четвертый, и пятый, но рыбы в сети не поднялось. И рыбак перешел на другое место и стал просить себе надела у Аллаха великого, и он был в таких обстоятельствах до конца дня, но не поймал ни рыбешки. И он удивился про себя и сказал: «Разве Аллах сотворил этого новорожденного без надела? Этого никогда не бывает, ибо тот, кто прорезал углы рта, взял на себя его надел, Аллах великий щедр и наделяет».

И затем он поднял сеть и вернулся с разбитой душой, и сердце его было занято его семьей: он ведь оставил их всех без еды, а жена его вдобавок только что родила. И он шел и говорил про себя: «Как сделать и что я скажу детям сегодня вечером?» И дошел до пекарни булочника. Он увидел около нее лавку (а было время дороговизны, и в те дни у людей находилось для пропитания лишь немного), и люди предлагали хлебопеку деньги, но он не обращал внимания ни на кого из-за сильной давки. И рыбак остановился, смотря и вдыхая запах горячего хлеба, и душе его стало хотеться хлеба от голода, и хлебопек увидел рыбака, и закричал ему, и сказал: «Пойди сюда, о рыбак!» И рыбак подошел к нему, и хлебопек спросил: «Ты хочешь хлеба?» И рыбак промолчал, и хлебник молвил: «Говори, не стыдись, Аллах щедр, и если с тобой нет денег, то я дам тебе и подожду, пока к тебе не придет благо». — «Клянусь Аллахом, о мастер, нет со мной денег, — ответил рыбак, — но дай мне хлеба достаточно для моей семьи, и я заложу у тебя эту сеть до завтра». И хлебопек сказал ему: «О бедняга, эта сеть — твоя лавка и врата твоего надела. Если ты ее заложешь, чем ты будешь ловить? Скажи мне, какого количества тебе хватит?» — «На десять полушек серебра», — ответил рыбак. И хлебопек дал ему хлеба на десять полушек, и затем он дал ему десять полушек серебра и сказал: «Возьми эти десять полушек и свари

себе на них кушанье, и будет за тобой двадцать серебряных полушек, а завтра дай мне на них рыбы. А если тебе ничего не достанется, приходи, бери хлеб и десять полушек, и я буду ждать, когда придет к тебе благо, а потом отдай мне на то, что мне с тебя следует, рыбы». — «Да вознаградит тебя Аллах великий и да воздаст тебе за меня всяким благом!» — сказал рыбак. И затем он взял хлеб и десять серебряных полушек и пошел, радостный. И он купил то, что пришлось, и вошел к своей жене, и увидел, что она сидит и успокаивает детей, которые плачут от голода, и говорит им: «Сейчас ваш отец принесет вам поесть». И рыбак вошел к ним и положил хлеб, и все начали есть, и рыбак рассказал своей жене о том, что с ним случилось, и жена его воскликнула: «Аллах щедр!»

А на следующий день рыбак взял свою сеть и вышел из дому, говоря: «Прошу тебя, о господи, надели меня сегодня тем, что обелит мое лицо перед хлебопеком». И дойдя до моря, он стал закидывать свою сеть и вытягивать ее, но в ней не было рыбы, и он делал так до конца дня, но не выловил ничего, и пошел обратно в великой заботе. А дорога к его дому шла мимо пекарни хлебопека, и рыбак говорил про себя: «Откуда мне пройти к дому? Но я ускорю шаги, чтобы меня не увидел хлебопек». И дойдя до пекарни, он увидел лавку и ускорил шаг, стыдясь хлебопека, чтобы тот его не увидел, и вдруг хлебопек поднял на него глаза и закричал: «О рыбак, пойдь сюда, возьми твой хлеб и деньги — ты забыл!» — «Нет, клянусь Аллахом, я не забыл, — отвечал рыбак, — мне только очень стыдно. Я сегодня не поймал рыбы». — «Не стыдись, — отвечал хлебопек, — разве я не сказал тебе: «Не спеши, пока не придет к тебе благо»?» И он дал ему хлеб и десять полушек, и рыбак пошел к своей жене и рассказал ей об этом деле, и она сказала: «Аллах щедр! Если захочет Аллах великий, к тебе придет благо, и ты сполна отдашь то, что ему следует».

И так продолжалось сорок дней, и рыбак каждый день был у моря от восхода до заката, и каждый день возвращался без рыбы и брал деньги на расходы и хлеб у хлебопека, и тот не напоминал ему о рыбе ни в один день из дней и не пренебрегал им, как другими людьми, а напротив, давал ему десять полушек и хлеб. И всякий раз, как рыбак говорил: «О брат мой, сведи

со мной счеты», — хлебопек отвечал ему: «Ступай, не время теперь сводить счеты! Когда придет к тебе благо, мы с тобой сосчитаемся». И рыбак желал ему счастья и уходил, благодаря его.

А на сорок первый день он сказал своей жене: «Мне хочется разорвать эту сеть и отдохнуть от такой жизни». И жена его спросила: «Почему?» И рыбак сказал: «Мой надел в море как будто прервался. До каких пор будет такое положение? Клянусь Аллахом, я растаял от стыда перед хлебопеком. Я больше не пойду к морю, чтобы не проходить мимо его пекарни, у меня нет другой дороги, как мимо его пекарни, и всякий раз, когда я прохожу, он зовет меня и дает мне хлеб и десять полушек. До каких же пор я буду у него одолажаться?» И жена рыбака сказала: «Хвала Аллаху великому, который смягчил к тебе его сердце, и он дает тебе пищу. Что тебе в этом противного?» — «Ему следует с меня большое количество денег, и он обязательно потребует должное», — сказал рыбак. И жена спросила: «Разве он обидел тебя словами?» — «Нет, и он не соглашается свести со мной счет и говорит: «Когда придет к тебе благо». И его жена сказала: «Когда он с тебя потребует, скажи ему: «Когда придет благо, на которое мы с тобой надеемся». — «А когда придет благо, на которое мы надеемся?» — спросил рыбак. И жена его сказала: «Аллах щедр!» И рыбак молвил: «Твоя правда!» И затем он взял сеть и отправился к морю, говоря: «О господи, пошли мне хотя бы одну рыбу, чтобы я подарил ее хлебопеку». И закинул свою сеть в море, и стал тащить, и почувствовал, что она тяжелая. И он до тех пор возился с сетью, пока сильно не устал, и, вытащив сеть, он увидел в ней мертвого осла, раздувшегося и скверно пахнущего. И его душе стало противно. И он высвободил осла из сети и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Я обессилел, говоря этой женщине, что не осталось мне надела в море и чтобы позволила она мне бросить это ремесло, но она отвечает: «Аллах щедр, к тебе придет благо!» Разве этот мертвый осел и есть благо?»

И его охватила великая забота, и он отправился в другое место, чтобы уйти от запаха осла, и, взяв сеть, закинул ее, и подождал над ней некоторое время, а затем потянул и почувствовал, что она тяжелая. И он

до тех пор возился с сетью, пока на его руках не выступила кровь, а вытащив сеть, он увидел в ней человеческое существо. И рыбак подумал, что это ифрит из ифритов господина нашего Сулеймана, которых он заточал в медные кувшины и бросал в море. И когда один кувшин разбился от множества лет, этот ифрит вышел из него и поднялся в сети. И рыбак побежал от него и стал говорить: «Пощады, пощады, о ифрит Сулеймана!» И человек закричал ему из сети и сказал: «Пойди сюда, о рыбак, не убегай от меня — я потомок Адама, как и ты. Освободи же меня, чтобы получить за меня награду».

И когда рыбак услышал эти слова, его сердце успокоилось, и он подошел к человеку и сказал: «Разве ты не ифрит из джиннов?» — «Нет, — отвечал он, — я человек и верю в Аллаха и его посланника». — «Кто бросил тебя в море?» — спросил рыбак. И человек сказал: «Я из детей моря. Я гулял, и ты бросил на меня сеть. Мы люди, повинующиеся законам Аллаха, и заботимся о тварях Аллаха великого, и если бы я не боялся и не страшился оказаться среди ослушников, я бы порвал твою сеть, но я согласился на то, что судил мне Аллах. А ты, если освободишь меня, станешь моим владыкой, и я стану твоим пленником. Не хочешь ли ты освободить меня, стремясь к лику великого Аллаха, и заключить со мной соглашение? Ты будешь моим другом, и я буду приходить к тебе каждый день в это место, и ты будешь приходить ко мне и приносить мне подарок из плодов земли — у вас ведь есть виноград, смоквы, арбузы, персики, гранаты и другое, и все, что ты мне принесешь, будет от тебя принято. А у нас есть кораллы, жемчуга, топазы, изумруды, яхонты и другие драгоценные камни. И я наполню тебе корзину, в которой ты принесешь мне плоды, дорогими металлами и драгоценностями моря. Что ты скажешь, о брат мой, на такие слова?» — «Фатиха пусть будет между мной и тобой при этих словах», — сказал рыбак. И каждый из них прочел Фатиху, и рыбак освободил человека из сети, а потом спросил его: «Как твое имя?» И человек сказал: «Мое имя Абдаллах морской, и когда ты придешь в это место и не увидишь меня, позови и скажи: «Где ты, о Абдаллах, о морской?» И я сейчас же окажусь подле тебя. А ты — как твое

имя?» — «Мое имя Абдаллах», — ответил рыбак. И человек сказал: «Ты — Абдаллах земной, а я — Абдаллах морской. Постой здесь, я пойду и принесу тебе подарок». — «Слушаю и повинуюсь!» — сказал рыбак. И Абдаллах морской ушел в море.

И Абдаллах земной стал раскаиваться, что освободил его из сети, и сказал про себя: «Откуда я знаю, что он ко мне вернется? Он только посмеялся надо мной, а я его освободил. Если бы я оставил его в сети, я бы его показывал людям в городе, и брал за это деньги от всех людей, и входил бы с ним в дома знатных». И он стал горевать о том, что выпустил Абдаллаха морского, и говорить себе: «Ушла твоя добыча у тебя из рук!» И когда он печалился, что выпустил его из рук, Абдаллах морской вдруг вернулся к нему с полными руками жемчуга, кораллов, изумрудов, яхонтов и драгоценных камней и сказал: «Бери, брат мой, и не взыщи с меня — у меня нет корзины, чтобы ее тебе наполнить». И тут Абдаллах земной обрадовался и взял от него драгоценности, и Абдаллах морской сказал: «Каждый день приходи в это место до восхода солнца». И затем он простился с ним и вошел в море.

Что же касается рыбака, то он пошел в город, радостный, и шел, пока не достиг хлебопека, и тогда он сказал ему: «О брат мой, пришло к нам благо, сведи со мной счет». — «Не нужно сводить счета, — ответил хлебопек, — если у тебя что-нибудь есть, дай мне, а если у тебя нет ничего, бери свой хлеб и деньги и ступай, а потом придет к тебе благо». «О друг мой, — сказал рыбак, — благо пришло ко мне от щедрот Аллаха. Тебе следует с меня великое множество, но возьми вот это». И он захватил пригоршню жемчуга, кораллов, яхонтов и драгоценных камней (а в этой пригоршне была половина того, что у него было), и отдал их хлебнику, и сказал: «Дай мне немного мелочи, чтобы тратить сегодня, пока я не продам эти драгоценности». И хлебопек отдал ему все деньги, которые имел под рукой, и весь хлеб, что был у него в корзине. И он обрадовался этим драгоценностям и сказал рыбаку: «Я твой раб и слуга». И понес весь хлеб, который у него был, на голове, и дошел за рыбаком до его дома, и отдал хлеб его жене и детям. А потом он пошел на рынок и принес мясо, зелень и плоды всех сортов, и он бросил свою пекарню, и весь день оказывал услуги

Абдаллаху земному и исполнял его дела. И рыбак сказал ему: «О брат мой, ты утомил себя». И хлебопек ответил: «Это для меня обязательно, так как я стал твоим слугой, и твои благодеяния меня затопили». — «Это ты был моим благодетелем при стеснении и дороговизне», — сказал рыбак. И хлебопек провел с ним эту ночь за прекрасной едой.

А потом хлебопек стал другом рыбака, и тот рассказал своей жене о случае с Абдаллахом морским, и жена его обрадовалась и молвила: «Скрывай свою тайну, чтобы не схватили тебя судьи». — «Если я скрою свою тайну от всех людей, то я не скрою ее от хлебопека», — ответил рыбак. И на другой день утром (а с вечера он наполнил корзину плодами всевозможных сортов) он взял корзину до восхода солнца, и отправился к морю, и поставил ее на краю берега, и сказал: «Где ты, о Абдаллах, о морской?» И вдруг тот ответил ему: «Пред тобой», — и вышел к нему. И рыбак предложил ему плоды, и Абдаллах морской взял их, и ушел с ними, и погрузился в море на некоторое время, а затем он вышел, неся корзину, полную всевозможных металлов и драгоценностей. И Абдаллах земной поднял ее на голову и ушел, и когда он дошел до пекарни хлебопека, тот сказал ему: «О господин мой, я спек сорок пьшек и отослал их тебе домой, а теперь я пеку особый хлеб, и когда он будет готов, я доставлю его на дом и пойду принесу тебе зелень и мясо».

И рыбак захватил из корзины три пригоршни и отдал их ему, а потом он отправился домой, и поставил корзину, и, взяв из каждого рода камней по одному дорогому камню, пошел на рынок драгоценных камней, и остановился у лавки старосты рынка, и сказал: «Купи у меня эти драгоценности». — «Покажи мне их», — сказал староста. И рыбак показал, и староста спросил: «Есть ли у тебя еще камни, кроме этих?» — «У меня их полная корзина», — отвечал рыбак. И староста рынка спросил его: «Где твой дом?» И рыбак ответил: «На такой-то улице».

И тогда староста отнял у него камни и сказал своим слугам: «Схватите его! Это тот разбойник, который украл вещи царицы, жены султана». И он велел им побить рыбака, и его побили и связали, а староста и все люди с рынка драгоценных камней вышли и стали говорить: «Мы поймали разбойника». И некоторые из

них говорили: «Не украл вещей такого-то никто, кроме этого негодяя». А другие говорили: «Не украл всего, что в доме такого-то, никто, кроме него!» И одни говорили так, а другие говорили этак, и при всем этом рыбак молчал, и не давал никому ответа, и ни к кому не обращал речи, пока его не поставили перед царем. И тогда староста сказал: «О царь времени, когда украли ожерелье царицы, ты послал известить нас и потребовал поимки обидчика, и я старался больше всех людей и поймал тебе обидчика. Вон он перед тобой, а вот драгоценности, которые мы вырвали у него из рук». И царь сказал евнуху: «Возьми эти драгоценности, и покажи их царице, и спроси ее: «Не твои ли это вещи, которые у тебя пропали?» И евнух взял камни и вошел к царице, и, увидев их, царица удивилась и послала сказать царю: «Я нашла свое ожерелье у себя, а это не мои вещи, но эти камни лучше, чем камни в моем ожерелье. Не обижай же этого человека, и если он их продает, купи у него для твоей дочери, Умм ас-Сууд,—мы сделаем ей из них ожерелье».

И когда евнух вернулся и рассказал царю о том, что сказала царица, царь проклял старосту ювелиров и его людей проклятием ада и самуда, и те сказали: «О царь времени, мы знали, что этот человек — бедный рыбак, и сочли это для него слишком многим, и подумали, что он украл камни». — «О мерзавцы,—сказал царь,—почему вы считаете слишком многим благоденствие правоверного? Почему же вы его не спросили? Может быть, Аллах великий наделил его, когда он не ожидал? Как же вы объявляете его разбойником и позорите его среди людей! Уходите, да не благословит вас Аллах!» И ювелиры вышли испуганные.

Вот то, что было с ними. Что же касается царя, то он сказал: «О человек, да благословит Аллах для тебя то, чем он тебя наделил. Ты в безопасности! Но скажи мне правду, откуда у тебя эти драгоценности? Я — царь, но у меня не найдется им подобных». — «О царь времени,—сказал Абдаллах,—у меня их полная корзина. И дело обстоит так-то и так-то». И он рассказал ему о своей дружбе с Абдаллахом морским и сказал: «У нас с ним заключено соглашение: я каждый день наполняю ему корзину плодами, а он на-

полняет ее такими камнями». И царь сказал ему: «О человек, это твоя доля, но для денег нужен сан. Я защищу тебя от господства людей в эти дни, но, может быть, я буду низложен или умру, и власть получит другой, и тогда он убьет тебя из любви к здешней жизни и из жадности. Я хочу женить тебя на моей дочери, и сделать тебя моим везирем, и завещать тебе власть после себя, чтобы никто не хотел обидеть тебя после моей смерти». И затем царь сказал: «Возьмите этого человека и отведите его в баню».

И рыбака взяли, и вымыли ему тело, и надели на него одежду из одежд царей, и потом его привели к царю, и тот сделал его своим везирем. А затем он послал скороходов, музыкантов и жен всех вельмож в дом рыбака, и они одели его жену, вместе с детьми, в одежды царских жен и посадили ее в носилки, и жены всех вельмож, солдаты, скороходы и музыканты пошли перед ней и привели ее к дому царя, а маленький ребенок был у нее на руках. И ее больших детей ввели к царю, и тот принял их с почетом, и взял к себе на колени, и посадил рядом с собой, и их было девять детей мужеского пола, а царь был лишен мужеского потомства и получил только ту дочь, которую он называл Умм ас-Сууд.

Что же касается царицы, то она приняла жену Абдаллаха земного с почетом, и оказала ей милость, и сделала ее у себя везиршей. И потом царь велел написать запись Абдаллаха земного со своей дочерью. И Абдаллах назначил за нее в приданое все драгоценные камни и металлы, которые у него были, и отворили ворота радости, и царь велел кричать об украшении города по случаю свадьбы его дочери.

А на следующий день, после того как рыбак вошел к дочери царя и уничтожил ее девственность, царь выглянул в окно и увидел, что Абдаллах несет на голове корзину, полную плодов. «Что это у тебя, о мой зять, и куда ты идешь?» — спросил он. И рыбак ответил: «К моему другу Абдаллаху морскому». — «О мой зять, — сказал царь, — не время сейчас идти к твоему другу». — «Я боюсь, что, если я нарушу условие, он сочтет меня лжецом и скажет мне: «Земная жизнь отвлекла тебя от меня», — ответил рыбак. И царь сказал: «Ты прав, иди к твоему другу, да поможет тебе Аллах!»

И рыбак пошел по городу, направляясь к своему другу, и люди уже его знали, и он слышал, как они говорят: «Вот царский зять идет менять плоды на камни». А те, кто его не знал и не узнавал его, кричали: «Эй, человек, почем ритль? Пойди сюда, продай мне!» И рыбак говорил: «Подожди, пока я вернусь к тебе»,— и никого не огорчал. И он шел, и встретился с Абдаллахом морским, и отдал ему плоды, и обменял их на драгоценные камни, и продолжал делать так, и каждый день он проходил мимо пекарни хлебопека и видел, что она заперта. И так прошло десять дней, и когда рыбак не увидел хлебопека и нашел его пекарню запертой, он сказал про себя: «Это удивительная вещь! Посмотри-ка! Куда девался хлебопек?» И он спросил его соседа и сказал ему: «О брат мой, где твой сосед и что сделал с ним Аллах?» И сосед хлебопека ответил: «О господин мой, он болен и не выходит из дома».— «А где его дом?»— спросил рыбак. И сосед хлебопека ответил: «На такой-то улице». И рыбак отправился туда и спросил про хлебопека, и когда он постучал в ворота, хлебопек выглянул в окошко и увидел своего друга рыбака, на голове которого была полная корзина. И он спустился к нему и отпер ворота, и рыбак вошел, и бросился к хлебопеку, и обнял его, и заплакал, и сказал: «Как ты поживаешь, о друг мой? Я каждый день хожу мимо пекарни и вижу ее запертой. Я спросил твоего соседа, и он сказал мне, что ты болен, и тогда я спросил, где твой дом, чтобы проведать тебя».— «Да воздаст тебе за меня Аллах всяким благом! — воскликнул хлебопек.— У меня нет болезни, но до меня дошло, будто царь схватил тебя потому, что какие-то люди на тебя нагнали и сказали, что ты разбойник, и я испугался, и запер пекарню, и спрятался».— «Твоя правда»,— сказал рыбак. И затем он рассказал хлебопеку о своем деле и о том, что у него случилось с царем и со старостой рынка драгоценностей, и сказал: «Царь женил меня на своей дочери и сделал меня своим везирем. Возьми то, что есть в этой корзине, это твоя доля, и не бойся»,— сказал он потом и вышел от хлебопека, прогнав от него страх. И он отправился к царю с пустой корзиной, и царь сказал ему: «О мой зять, ты как будто не встретился сегодня с твоим товарищем Абдаллахом морским?» — «Я ходил к нему»,— ответил рыбак,— и то, что он мне дал, я отдал

моему другу хлебопеку, так как я обязан ему благодарениями». — «А кто этот хлебопек?» — спросил царь. И рыбак сказал: «Это человек, оказавший мне милость, и у меня с ним случилось в дни бедности то-то и то-то, и он ни один день не пренебрегал мной и не сокрушал мне сердце». — «А как его зовут?» — спросил царь. И рыбак сказал: «Его зовут Абдаллах-хлебопек, а меня зовут Абдаллах земной, а моего друга зовут Абдаллах морской». И тогда царь воскликнул: «Меня тоже зовут Абдаллах*, а рабы Аллаха — все братья! Пошли же за твоим другом хлебопеком и давай его сюда — мы сделаем его везирем левой стороны».

И рыбак послал за хлебопеком, и когда тот явился к царю, царь одел его в одежду везиря и сделал его везирем левой стороны, а Абдаллаха земного сделал везирем правой стороны.

И Абдаллах провел в таком положении целый год, и он каждый день брал корзину, полную плодов, и приносил ее обратно полной драгоценных камней и металлов. А когда плоды в садах кончались, он брал изюм, миндаль, грецкие и лесные орехи, смоквы и другое, и все, что он носил Абдаллаху морскому, тот принимал от него и возвращал корзину наполненной драгоценными камнями, как обычно. И случилось в один день из дней, что рыбак взял корзину, полную сухих плодов, по своему обычаю, и Абдаллах морской принял ее от него, и Абдаллах земной сел на берегу, а Абдаллах морской сел в воде, около берега, и они начали разговаривать и обменивались словами, пока речь не дошла до упоминания о могилах. И морской сказал: «О брат мой, говорят, что пророк (да благословит его Аллах и да приветствует!) похоронен у вас на суше. Знаешь ли ты, где его могила?» — «Да», — отвечал рыбак. «В каком же она месте?» — спросил Абдаллах морской. И рыбак ответил: «В городе, который называется ат-Тайиба*». — «Посещают ли его люди, обитатели суши?» — спросил морской. И когда рыбак сказал: «Да», — он воскликнул: «На здоровье вам, о обитатели суши, посещение этого пророка, благородного и милосердного, посещающие которого заслужили его заступничество! А ты посещал ли его, о мой брат?» — «Нет», — ответил рыбак, — я был болен и не имел денег, чтобы истратить столько в дороге, и я разбогател только тогда, когда узнал тебя, и ты

пожаловал мне это благо. Но теперь мне обязательно посетить его и совершить паломничество к священному дому Аллаха. Меня удерживала от этого только любовь к тебе — я не могу с тобой расстаться ни на один день». — «Разве ты ставишь любовь ко мне впереди посещения могилы Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует!), который заступится за тебя в день смотра перед Аллахом и спасет тебя от огня, и ты войдешь в рай благодаря его заступничеству, и разве из любви к земной жизни ты пренебрежешь посещением могилы твоего пророка Мухаммеда — да благословит его Аллах и да приветствует!» — спрашивал морской. И рыбак молвил: «Нет, клянусь Аллахом, посещение его стоит у меня впереди всех вещей, но я хочу получить от тебя разрешение посетить его в этом году». — «Я дал тебе разрешение его посетить, — сказал морской. — И когда ты встанешь над его могилой, передай ему от меня привет. У меня есть для него залог: войди со мной в море, и я сведу тебя в мой город, и введу ко мне в дом, и угощу тебя, и дам тебе этот залог, чтобы ты положил его на могилу пророка (да благословит его Аллах и да приветствует!). И ты скажи ему: «О посланник Аллаха, Абдаллах морской передает тебе привет. Он подарил тебе этот подарок, и он надеется на твое заступничество от огня». — «О брат мой, — сказал Абдаллах земной, — ты сотворен в воде, и твое обиталище — вода, и она не вредит тебе. Но если ты выйдешь из воды на сушу, будет ли тебе вред?» — «Да, — отвечал морской, — мое тело высохнет, и подуют на меня дуновения суши, и я умру». — «А я, — сказал Абдаллах, — сотворен на суше, и обиталище мое — суша. И когда я войду в море, вода войдет в мои внутренности и задушит меня, и я умру». — «Не бойся этого, — сказал морской, — я принесу тебе масло, которым ты намажешь себе тело, и вода не повредит тебе, хотя бы ты провел остаток твоей жизни, кружа по морю, и спал и вставал бы в море, — тебе не будет никакого вреда». — «Если дело обстоит так, тогда не беда, — сказал рыбак. — Подавай сюда жир, я его испробую». — «Будет так», — сказал морской и, взяв корзину, ушел в море и скрылся ненадолго, а затем он вернулся, неся жир, похожий на жир коровы, и цвет его был желтый, как цвет золота, а запах приятный. «Что это такое, о брат мой?» — спро-

сил его Абдаллах земной, и морской сказал: «Это жир из печени одного вида рыб, которые называются дандан*, и это самые большие рыбы по размерам, и они — самые жестокие наши враги. И телом эта рыба больше, чем животные суши, которые существуют у вас, и если бы она увидела верблюда или слона, она бы, наверно, его проглотила». — «О брат мой, — спросил рыбак, — а что же ест эта злосчастная рыба?» И морской ответил: «Она ест животных моря. Разве ты не слышал, что говорят в поговорке: «Они как рыбы в море — сильные едят слабых». И рыбак сказал: «Твоя правда. А много у вас в море этих данданов?» — «У нас их столько, что исчислит их лишь один Аллах великий», — сказал морской. И Абдаллах земной молвил: «Боюсь, что, когда я спущусь с тобой на дно, мне повстречается рыба такого вида и съест меня». — «Не бойся! — ответил Абдаллах морской. — Когда дандан тебя увидит, он узнает, что ты сын Адама, и испугается тебя и убежит. Он никого так не боится в море, как сынов Адама, ибо, если он съест сына Адама, — это смертоносный яд для рыб, и мы собираем жир их печени только благодаря сынам Адама. Когда кто-нибудь из них падает в море и тонет, его облик меняется, и мясо его иногда распадается на куски, и дандан съедает его, так как думает, что это одно из морских животных, и умирает. И мы находим его мертвым, и берем жир его печени, и смазываем им наше тело, и ходим по морю. В каком бы месте ни был сын Адама, и будь там сто, или двести, или тысяча, или больше рыб дандан, они, услышав крик сына Адама, сейчас же умирают, и ни одна из них не может сдвинуться с места». — «Я полагаюсь на Аллаха!» — воскликнул Абдаллах земной.

И затем он снял бывшую на нем одежду и, выкопав на берегу моря яму, зарыл свое платье, а потом он намазал себе тело, от темени до ступней, этим жиром, и вошел в воду, и нырнул. И он открыл глаза, и вода ему не повредила, и он принялся ходить направо и налево и стал, когда хотел, подниматься, а когда хотел, спускаться до дна, и он видел, что вода моря осеняет его как шатер и не вредит ему. «Что ты видишь, о брат мой?» — спросил его Абдаллах морской. И он ответил: «Я вижу благо, о брат мой, и ты был прав в том, что сказал, — вода мне не вредит». — «Следуй за мной», — сказал Абдаллах морской.

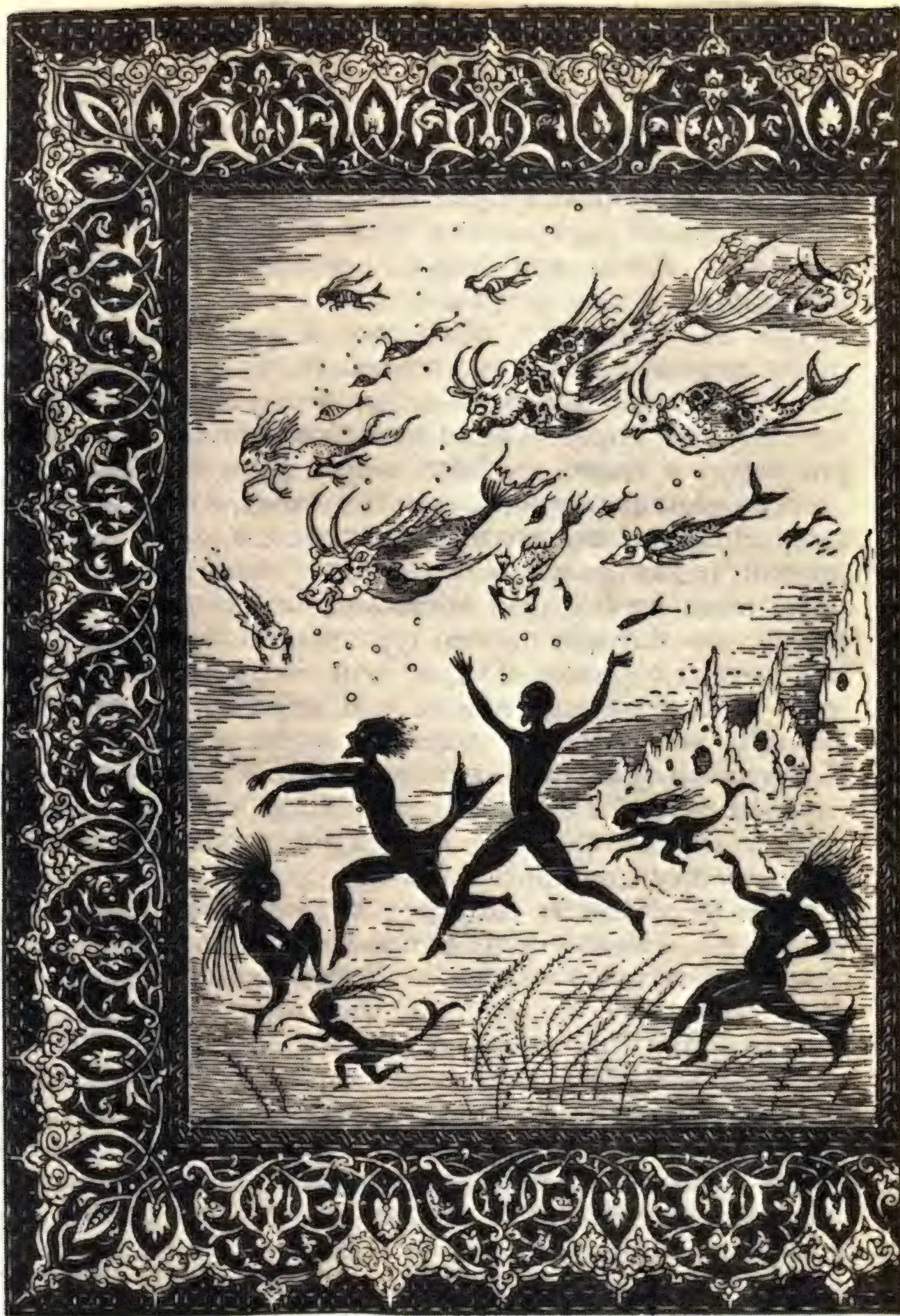
И рыбак последовал за ним, и они ходили с места на место, и рыбак видел перед собой, и справа и слева, горы воды и смотрел на них и на всевозможных рыб, которые играли в море,—одни—большие, другие—маленькие, и среди них были рыбы, похожие на буйволов, и рыбы, похожие на коров, и еще рыбы, похожие на собак, и рыбы, похожие на людей, и все рыбы, к которым они подходили, убегали при виде Абдаллаха земного. И он спросил морского: «О брат мой, почему это я вижу, что все рыбы, к которым мы подходим, убегают от нас?» И морской сказал: «Это из страха перед тобой, ибо все, что сотворил Аллах великий, боится сына Адама».

И Абдаллах земной продолжал смотреть на чудеса моря, пока они не достигли высокой горы, и Абдаллах земной пошел по склону этой горы, и не успел он опомниться, как услышал великий крик. И он обернулся и увидел что-то черное, спускавшееся на него с этой горы (а оно было величиной с верблюда или больше) и кричавшее, и он спросил морского: «Что это такое, о брат мой?» И морской сказал: «Это дандан. Он спускается, преследуя меня, и хочет меня съесть. Крикни на него, о брат мой, прежде чем он дошел до нас, а то он меня утащит и съест». И Абдаллах земной крикнул, и вдруг дандан упал мертвый. И когда рыбак увидел, что рыба мертва, он воскликнул: «Слава Аллаху! Хвала ему за то, что я не ударил дандана мечом или ножом. Как это, при всей величине этой твари, она не вынесла моего крика и умерла?» — «Не удивляйся,—сказал Абдаллах морской,—клянусь Аллахом, о брат мой, если бы этих рыб была тысяча или две тысячи, они не вынесли бы одного крика сына Адама».

И потом они подошли к одному городу и увидели, что все жители его—девушки, и нет среди них мужчин. «О брат мой, что это за город и что это за девушки?» — спросил Абдаллах земной. И морской молвил: «Это город девушек, ибо его жители—девушки моря». — «А есть ли среди них мужчины?» — спросил рыбак. И когда морской ответил: «Нет»,—он спросил: «А как же они беременеют и рожают без мужчин?» — «Царь моря,—ответил Абдаллах морской,—сгоняет их в этот город, и они не беременеют и не рожают. Всякую морскую девушку, на которую

царь разгневается, он отсылает в этот город, и она не может из него выйти, а если она выйдет из него, всякое морское животное, которое ее увидит, съест ее. А что касается других городов, то там есть и мужчины и девушки». — «А разве есть в море города, кроме этого города?» — спросил рыбак. «Много», — ответил Абдаллах морской. «А есть ли над вами султан?» — спросил рыбак. И морской сказал: «Да». И тогда рыбак молвил: «О брат мой, я увидел в море много чудес». — «А какие ты увидел в море чудеса? — воскликнул Абдаллах морской. — Разве ты не слышал, что говорит поговорка: «Чудеса моря многочисленнее чудес суши». И рыбак сказал ему: «Твоя правда».

И затем он начал разглядывать этих девушек и увидел, что у них лица подобны лунам и волосы как волосы женщин, но у них руки и ноги на животе, и у них хвосты, как у рыб. А Абдаллах морской показал ему жителей этого города, и вышел с ним, и шел впереди него до другого города, и рыбак увидел, что этот город наполнен людьми — женщинами и мужчинами, — и облик их подобен облику девушек, и у них хвосты, но только у них нет ни продажи, ни покупки, как у людей суши, и они не одеты, а наоборот, все голые, с непокрытой срамотой. «О брат мой, — сказал рыбак, — я вижу, что эти женщины и мужчины — с непокрытой срамотой». И морской молвил: «Это потому, что у людей моря нет материи». — «О брат мой, а что же они делают, когда женятся?» — спросил рыбак. И Абдаллах морской молвил: «Они не женятся, а тот, кому понравится какая-нибудь женщина, удовлетворяет с ней свое желание». — «Это дело недозволенное, — сказал рыбак. — Почему же они не сватаются, не вносят приданого, не устраивают свадьбы и не женятся так, как угодно Аллаху и его посланнику?» И Абдаллах морской сказал: «Мы не все одной веры. Среди нас есть мусульмане-единобожники, и есть среди нас христиане, евреи и другие, и женятся среди нас больше всего мусульмане». — «Вы голые, и нет у вас продажи и покупки. Каково же приданое ваших жен — вы им даете драгоценные камни и металлы?» — спросил рыбак. И Абдаллах морской ответил: «Драгоценности — это камни, которые у нас не ценятся, и тем, кто хочет жениться, назначают определенное количество разной рыбы, которую он должен

поймать,— числом в тысячу, две тысячи, или больше, или меньше, смотря по тому, какое будет соглашение между женихом и отцом жены. И когда жених доставит требуемое, собираются родные обеих сторон, и они едят праздничное угощение и вводят мужа к жене, и потом он ловит рыбу и кормит жену, а когда он обессилеет, жена ловит рыбу и кормит мужа».— «А если кто-нибудь сотворит с кем-нибудь блуд, каково бывает дело?» — спросил рыбак. И Абдаллах морской ответил: «Когда это бывает установлено, женщину изгоняют в город девушек, а если она понесла после блуда, ее оставляют, пока она не родит, и если она родит девочку, их изгоняют вместе, и девочку называют: «блудница, дочь блудницы», и она остается девушкой, пока не умрет. А если новорожденный — мальчик, его берут к царю, султану моря, и он его убивает».

И Абдаллах земной удивился этому, и потом Абдаллах морской повел его в другой город, а после этого — в другой, и так далее, и он не переставал ему показывать, пока не показал восемьдесят городов, и рыбак видел, что жители одного города не похожи на жителей других городов. «О брат мой,— спросил он,— остались ли в море еще города?» И морской воскликнул: «А что ты видел из городов моря и его диговин? Клянусь пророком, великодушным, кротким и милосердным, если бы я тысячу лет показывал тебе каждый день тысячу городов и в каждом городе показывал тебе тысячу диговин, я бы не показал тебе и одного кирата из двадцати четырех киратов городов моря и его чудес. Я показал тебе только наши страны и нашу землю — ничего больше».— «О брат мой,— сказал рыбак,— если дело обстоит так, довольно с меня того, что я видел. Мне опротивело есть рыбу, а я провел вместе с тобой восемьдесят дней, и ты кормишь меня по утрам и по вечерам только сырой рыбой — не жареной и не вареной».— «А что такое вареная или жареная?» — спросил Абдаллах морской. И Абдаллах земной сказал: «Мы рыбу жарим на огне или варим ее, и готовим разнообразно, и делаем из нее много блюд».— «А откуда придет к нам огонь?» — спросил морской. — Мы не знаем ни жареного, ни вареного, ни чего-либо другого».— «Мы жарим рыбу на оливковом или на кунжутном масле», — сказал земной. И морской молвил: «А откуда у нас быть оливковому и кунжутно-

му маслу? Мы здесь в море не знаем ничего из того, что ты сказал». — «Твоя правда, — сказал земной, — но ты показал мне, о брат мой, много городов и не показал мне своего города». — «Что касается моего города, — сказал морской, — то мы прошли мимо него, и он близко от берега, откуда мы пришли. Я оставил мой город и пришел с тобой сюда, так как хотел показать тебе другие города моря». — «Достаточно того, что я посмотрел, — сказал рыбак, — и я хочу, чтобы ты мне показал твой город». — «Будет так», — сказал морской. И затем он вернулся с рыбаком к своему городу и, дойдя до него, сказал: «Вот мой город». И рыбак увидел, что это город маленький в сравнении с городами, которые он уже видел. И он вошел в город вместе с Абдаллахом морским и шел, пока не достиг одной пещеры, и морской сказал ему: «Вот мой дом, и все дома в этом городе — такие же пещеры в горах, большие или маленькие, и все города в море такого же вида. Всякий, кто хочет сделать себе дом, идет к царю и говорит ему: «Я хочу устроить дом в таком-то месте». И царь посылает с ним отряд рыб, называемых клевальщиками, и назначает в уплату им определенное количество рыбы (а у них клювы, которыми они крошат твердые камни), и они подходят к горе, которую выбрал хозяин дома, и выдалбливают в ней дом, а хозяин дома ловит им рыб и кормит их, пока пещера не будет готова, и тогда они уходят, а хозяин дома поселяется в ней. И все обитатели моря в таких же обстоятельствах — они заключают друг с другом сделки и служат друг другу только за рыбу, и все они — рыбы. Входи», — сказал он потом рыбаку. И когда тот вошел, Абдаллах морской крикнул: «Эй, дочка!» И вдруг вошла его дочка, и у нее было круглое лицо, точно луна, и длинные волосы, и тяжелые бедра, и насурьмленные глаза, и тонкий стан, но она была голая и с хвостом. И увидев со своим отцом Абдаллаха земного, она спросила: «О батюшка, что за куцый, которого ты привел к нам?» И морской ответил: «О дочка, это мой друг — земной, от которого я приносил тебе земные плоды. Подойди поздоровайся с ним». И девушка подошла и приветствовала Абдаллаха земного ясным языком и проникающими словами, и ее отец сказал ей: «Поддай пищу нашему гостю, с приходом которого опустилась на нас благодать». И девушка

принесла ему две большие рыбы, каждая из которых была как ягненок, и морской сказал рыбаку: «Ешь». И он стал есть через силу, от голода, так как ему опротивело есть рыбу, а у них не было ничего, кроме рыбы. И едва прошло немного времени, как пришла жена Абдаллаха морского, а она была красива обликом, и с ней было двое мальчиков, и у каждого мальчика был в руках малек рыбы, которого он грыз, как человек грызет огурец. И увидев со своим мужем Абдаллаха земного, жена морского спросила: «А что это за куцый?» И мальчики со своей сестрой и их мать подошли, и стали смотреть на зад Абдаллаха земного, и говорить: «Да, клянемся Аллахом, он куцый!» — и начали смеяться над ним. «О брат мой,— сказал Абдаллах земной,— разве ты привел меня для того, чтобы сделать меня потехой для твоих детей и жены?» И Абдаллах морской молвил: «Прости, о брат мой, среди нас не найти тех, у кого нет хвоста, и если окажется кто-нибудь без хвоста, его берет султан, чтобы над ним посмеяться. И не взыщи, о брат мой, с этих маленьких детей и женщины — у них недостает разума».

И затем Абдаллах морской крикнул на своих домочадцев и сказал им: «Замолчите!» И они испугались и замолчали. А морской стал уговаривать земного, и когда они разговаривали, вдруг пришли десять человек, большие, сильные и толстые, и сказали: «О Абдаллах, до царя дошло, что у тебя есть куцый из куцых земли». — «Да,— сказал Абдаллах морской,— вот этот человек. Это мой друг, и он пришел ко мне в гости, и я хочу возвратить его на землю». — «Мы можем уйти только с ним,— сказали пришедшие,— и если ты хочешь разговаривать, то поднимись, возьми его, и приведи к царю, и то, что ты говоришь нам, скажи царю». — «О брат мой,— сказал Абдаллах морской,— оправдание ясно, и мы не можем прекословить царю. Но пойдем со мной к царю, и я постараюсь освободить тебя от него, если захочет Аллах. Не бойся — когда он увидит тебя, он узнает, что ты из детей земли, а узнав, что ты земной, он обязательно окажет тебе уважение и вернет тебя на землю». — «Решение — твое решение,— сказал Абдаллах земной,— и я полагаюсь на Аллаха и пойду с тобой». И Абдаллах морской взял рыбака и шел с ним, пока

не дошел до царя, и увидев его, царь засмеялся и сказал: «Добро пожаловать куцему!» И все, кто был вокруг царя, смеялись и говорили: «Да, клянемся Аллахом, он куцый».

И Абдаллах морской подошел к царю, и рассказал ему об обстоятельствах рыбака, и сказал: «Это один из детей земли, мой друг. И он не будет жить среди нас, так как любит есть рыбу только жареной или вареной, и я хочу, чтобы ты позволил мне возвратить его на землю». — «Если дело обстоит так, — сказал царь, — и он не будет жить у нас, то я разрешаю тебе возвратить его на землю после угощения. Подайте ему угощение», — приказал потом царь. И ему подали рыбу всех форм и цветов, и Абдаллах земной поел, исполняя приказание царя. «Пожелай что-нибудь от меня», — сказал затем царь. И Абдаллах земной сказал: «Я желаю, чтобы ты дал мне драгоценных камней». И царь молвил: «Отведите его в дом драгоценных камней и дайте ему выбрать, что ему нужно». И друг рыбака взял его в дом драгоценных камней, и он отобрал сколько хотел. А затем они вернулись в город и, вынув кошелек, Абдаллах морской сказал: «Возьми это как залог и доставь на могилу пророка (да благословит его Аллах и да приветствует!)».

И рыбак взял кошелек, не зная, что в нем находится. И затем морской вышел с ним, чтобы доставить его на землю, и рыбак услышал по дороге пение и увидел торжество и разложенную трапезу, и люди ели и пели в великой радости. Абдаллах земной спросил Абдаллаха морского: «Чего это люди в такой великой радости, разве у них свадьба?» — «У них не свадьба, — отвечал морской, — но у них кто-то умер». — «А разве когда у вас кто-нибудь умирает, вы радуетесь, поете и едите?» — спросил Абдаллах земной, и морской сказал: «Да. А вы, о люди земли, что вы в этом случае делаете?» — «Когда у нас кто-нибудь умирает, — ответил земной, — мы печалимся о нем и плачем, и женщины бьют себя по лицу и разрывают на себе одежды от печали по тем, кто умер».

И Абдаллах морской вытаращил на Абдаллаха земного глаза и сказал: «Давай сюда залог». И рыбак отдал ему, и тогда морской вывел его на землю и сказал: «Я разрываю дружбу с тобою и привязанность к тебе, и после этого дня ты меня не увидишь, и я тебя

не увижу». — «Почему эти слова?» — спросил Абдаллах земной, и морской сказал: «Разве вы, о люди земли, не залог Аллаха?» — «Да», — ответил земной. И морской сказал: «Не легко же вам, когда Аллах берет свой залог, и вы плачете о нем, и как же я дам тебе залог пророка (да благословит его Аллах и да приветствует!), если вы, когда приходит к вам новорожденный, радуетесь ему, хотя Аллах великий вкладывает в него душу, как залог, а когда он берет ее — как это может быть для вас тяжело и почему вы плачете и печалитесь? Нет нам в товариществе с вами нужды». И затем он оставил его и ушел в море, и Абдаллах земной надел свои вещи, взял камни и отправился к царю.

И тот встретил его, истосковавшийся, и обрадовался ему, и сказал: «Каково тебе, о мой зять, и почему тебя не было со мной все это время?» И рыбак рассказал ему свою историю и то, какие он видел чудеса в море. И царь удивился этому, а потом Абдаллах земной рассказал, что ему говорил Абдаллах морской. И царь сказал: «Ты ошибся, сказав ему об этом». И затем рыбак продолжал некоторое время ходить на берег и кричать Абдаллаха морского, но тот не отвечал и не приходил к нему. И тогда Абдаллах земной потерял надежду его увидеть, и он пребывал с царем, своим тестем, и с домашними в наирадостнейшем положении, совершая прекрасные поступки, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний и они все не умерли.

Хвала живому, который не умирает, господину видимого и невидимого царства! Он властен во всякой вещи, с рабами своими милостив и всеведущ.

СКАЗКА О ПЕРСИДСКОМ ВРАЧЕ

Рассказывают, что был в древние времена один человек, очень искусный врач. Он оставил свою землю — землю персов — и бродил по свету, смотрел на другие страны, пока не добрался до Багдада, когда же он вошел в Багдад, то начал ходить по улицам города, бродить по его переулкам и базарам. И оказался он на крытом рынке и проходил мимо одной из лавок, а в этой лавке сидел юноша — повар, молодой годами, проживший лет восемнадцать, и был этот юноша до того красив, что походил на луну в четырнадцатый день месяца, или, как сказал о нем кто-то из описывавших его:

Что за очи! Их чье колдовство насурмило?
Розы этих ланит! — чья рука их взрастила?

Эти кудри, как мрака густые чернила,
Где чело это светит, там ночь отступила.

Вот красавцев король, и красы его сила
Самых гордых красавцев земли укротила.

Красота его самых прекрасных затмила,
Он сама красота — газеленок мой милый,

Глянет в зеркало он — два заблещут светила,
Словно зеркало в зеркало взор устремило***.

И был этот юноша поваром и стряпал всякие тонкие кушанья, а был он, как уже говорилось, дивно красив, и еще более украшала его красоту чистоплотность. Большинство его одежд были белые, и он до того смущал умы обитателей Багдада своей прелестью, красотой, чистотой и тонкостью стряпни, что даже халифу хотелось поест из его рук.

И вот врач, расхаживая по городу, слышал, что все люди говорят о красоте, прелести и чистоте повара, и когда этот персидский врач подошел к его лавке и всмотрелся в его красоту, прелесть, тонкость и изящество, он сказал про себя: «Поистине рассказ — не то, что лицезрение! Люди описывали внешность этого юноши, но оказались бессильны и несправедливы, ибо описали лишь малую долю его красоты и прелести».

А у халифа была дочка, которая красотой смущала полную луну, и она прослышала про красоту, прелесть и изящество этого юноши. А имя его было Ала ад-Дин Повар, и царевна так много слыхала о красоте и миловидности юноши, что ей захотелось его увидеть, но у нее не было возможности на него взглянуть. Многие цари просили руки этой девушки у ее отца, халифа, и халифу от сильной любви к ней хотелось выдать ее замуж, но она не соглашалась никого взять в мужья.

А Ала ад-Дин тоже слышал о великой красоте и прелести царевны и молился Аллаху великому, желая хоть разок на нее посмотреть, и при этом говорил про себя: «Это желание из разряда невозможных: как бедному повару, вроде меня, что сидит на рынке, достигнуть этого и посмотреть на дочь халифа. Как? Это вещь невероятная!»

Но вот в один из дней вышел глашатай и прокричал на багдадских улицах:

— О рабы Аллаха, скажите: «Аллах един!» Как предписал повелитель правоверных, в день пятницы, после соборной молитвы, пусть будет заперт весь рынок и никто пусть не выглядывает из окна от соборной молитвы и до послеполуденной, ибо госпожа Бадр аль-Будур, дочь халифа, хочет выехать на

рынок, чтобы подышать воздухом и повеселить свое сердце.

А госпожа Будур устроила эту хитрость, чтобы посмотреть на Ала ад-Дина, взглянуть на него, и она тайком послала к нему свою невольницу, говоря, чтобы он не выходил из лавки и как-нибудь ухитрился поглядеть на нее и дать поглядеть на себя, когда никто этого не будет видеть.

И невольница пришла к Ала ад-Дину и передала ему эти слова, и он обрадовался и быстро поднялся и сделал в окне лавки решетку и придумал хороший способ и тонкую хитрость, чтобы, когда дочь халифа проедет мимо лавки, он мог на нее взглянуть, а она — взглянуть на него, и никто бы этого не увидел.

И когда состоялась соборная молитва и люди вышли из мечетей, то весь рынок заперли, а Ала ад-Дин сидел в своей лавке и ждал, ибо именно этого он просил у великого Аллаха. И госпожа Будур, дочь халифа, спустилась на рынок, а за ней следовала та невольница, поверенная ее тайны, и она вела царевну, пока не дошла до лавки Ала ад-Дина.

И царевна прошла вперед под предлогом, будто хочет взглянуть на эту лавку, и велела бывшим с нею невольницам обогнать ее, а потом отодвинула решетку окна и взглянула на Ала ад-Дина, и, всмотревшись в его красоту, молвила:

— Ты — тот, о котором сказали описывающие:

Повелитель мой, в царстве красы ты велик,
Злобный страх охраняет твой сказочный лик.

Сжался, руку мне дай, о владыка владык,
Я молю, чтобы ты мою муку постиг.

Если б ты появился, о света родник,
Верю: мрак непроглядный растаял бы вмиг.

«Всех прекрасней Юсуф» — скажет лживый язык.
Будь он трижды красив, пред тобой бы поник ***.

И рассказывают, что потом госпожа Будур, дочь халифа, подошла и поцеловала Ала ад-Дина в щеку. Она подставила щеку Ала ад-Дину, и Ала ад-Дин тоже поцеловал ее, и слезы одного текли по лицу другого, и они расстались, будучи в таком состоянии, и не зная, от сильной любви друг к другу, на этом свете они или в другом мире. Каждого из них охватила страсть к

возлюбленному, и стали они «прядь худую пряжу» *, и отказались от сна, пищи и питья, и в конце концов лишились покоя, и одолело их смятение и беспокойство.

И вот, когда тот искусный персидский врач подошел к лавке Ала ад-Дина и всмотрелся в его облик и увидел его красоту и прелесть, он вошел в лавку, а Ала ад-Дин тотчас же поспешил оказать ему всяческое уважение и встретил его приятным образом. Он предложил врачу всего, что подобало ему по сану, поставив перед ним красивый столик со всякими тонкими кушаньями, и поднес ему старого, прозрачного вина: и врач поел и попил, и обрадовался и развеселился и полюбил Ала ад-Дина великой любовью, и ему понравилась его хорошая стряпня и чистоплотность.

Но когда врач хорошо всмотрелся в лицо юноши, он увидел, что тот «прядет худую пряжу» *, словно влюбленный, и спросил его:

— Как твое имя, о юноша?

— Мое имя Ала ад-Дин, господин мой,— ответил тот, и врач продолжал:

— Я хочу о чем-то тебя спросить, и мне хочется, чтобы ты рассказал мне правду.

— Слушаю и повинуюсь, о господин, с любовью и охотой, спрашивай меня, о чем хочешь,— молвил Ала ад-Дин, и врач сказал ему:

— О Ала ад-Дин, ты чем-то озабочен и удручен, от того что это тебе недоступно. Больше всего похоже, что ты влюблен и пребываешь в разлуке.

— Не спрашивай меня, о благой дервиш, каково состояние бедняка, подобного мне! — воскликнул Ала ад-Дин, а врач молвил:

— Заклинаю тебя Аллахом, высоким и великим, расскажи мне о своем деле, и я буду посредником перед Аллахом, чтобы он облегчил твою беду и ты бы достиг желаемого. Не бойся, ибо я человек мудрый, и я усвоил все науки и постиг все знания, существующие на свете, как и те, что существуют в землях Запада и хранятся под куполом гробницы Даниила *.

И когда Ала ад-Дин услышал слова врача, он рассказал ему обо всем, что случилось у него с госпожой Бадр аль-Будур, дочерью халифа, и продолжал:

— Я охвачен любовью к ней и не могу достигнуть близости с нею. Мы видели друг друга всего один раз,

не больше, и лучше бы его не было, этого раза, ввергнувшего меня в такие муки!

— Будь спокоен душой и сердцем, Ала ад-Дин,— молвил врач.— Завтра, когда кончишь работу, сходи в баню и надень самое роскошное платье, какое у тебя есть, а сегодня ночью спи безмятежно и будь спокоен сердцем и душой. Ты сделался для меня подобно сыну.

— Если твоя милость берет меня в сыновья,— молвил Ала ад-Дин,— то куда же ты уходишь? Дом у меня, слава Аллаху, просторный, у меня прекрасные комнаты и красивое жилище, и со мной никто не живет. Окажи же мне милость, доверши свое благодеяние и живи у меня, чтобы я постоянно тебя видел и дружил с тобой.

— С любовью и удовольствием, Ала ад-Дин,— отвечал врач.— Если захочет Аллах, я приведу тебя к твоей цели, и ты увидишь при этом всякие чудеса, и пройдет твоя забота и огорчения.

Потом врач послал за своими вещами и переселился к Ала ад-Дину, а под вечер Ала ад-Дин пришел с врачом домой и усадил его и поставил перед ним столик с роскошнейшими, тонкими кушаньями. Они сидели и ели, пили и веселились, пока не наелись вдоволь, а потом Ала ад-Дин поднялся и убрал столик и принес плоды и прозрачное, старое вино. Они пили, развлекались и беседовали, пока не пришло время спать, и они легли, а когда наступило утро, Ала ад-Дин взялся за работу и начал стряпать роскошные яства. А врач наказал Ала ад-Дину приготовить что-нибудь особенное из кушаний, а также припасти необходимого вина, прозрачного, великолепного, и украсить и устлать свою комнату шелковыми подстилками, и Ала ад-Дин от великой радости сделал все это раньше, чем пришел рассвет, и потом отправился к себе в лавку, а окончив работу, Ала ад-Дин вернулся домой и взял богатое платье. Никто в Багдаде не надевал такого, ибо, хотя Ала ад-Дин и был по ремеслу повар, ему принадлежали земли, имения, сады и дома, которые он унаследовал от отца.

Потом Ала ад-Дин с искусным врачом отправились в баню и вошли, вымылись и выкупались, а затем надушились ароматами и благовониями, выпили напитков, надели свою одежду и вернулись домой. Ала

ад-Дин принес столик, и они сели, пообедали и посидели, пока не приблизилась ночь, и тогда врач сказал Ала ад-Дину:

— О Ала ад-Дин, ты сегодня будешь ужинать со своей возлюбленной.

И Ала ад-Дин поднялся, довольный, и поставил ужин для мудреца, и он наливал вино своей рукой и поил его, пока не прошла небольшая часть ночи. И не стало на дорогах людей, и тот, кто лег спать, заснул, а Ала ад-Дин сидел и отсчитывал время по минутам, и когда пришла пора, врач взял чашу с водой, почитал над ней, пошептал и поколдовал, и побормотал, и проговорил слова непонятные и непостижимые, а потом обратился к Ала ад-Дину и сказал ему:

— Сейчас твоя возлюбленная будет в твоей комнате и ты найдешь ее лежащей в твоей постели.

И Ала ад-Дин быстро поднялся, и не успел он подойти, как видит: госпожу Бадр аль-Будур уже вносят к нему, а она лежит на постели и похрапывает во сне.

Ала ад-Дин подошел и поднял с ее лица златотканное покрывало и увидел, что она подобна луне, сияющей ярким светом. Он наклонился, поцеловал ее и обнял и воскликнул:

— Ты та, про которую сказали описывающие:

Вот дева дивная, ясна, как звездный свет,
Она взлелеяна любовью с ранних лет.

Господь ее создал для славы и побед,
Ей стан и перси дал, которым равных нет.

Небесный лик ее слепит, как семь планет,
От посторонних глаз храня красы секрет.

Посмей сам сатана узреть ее расцвет,
Сгорит в ее лучах — не сыщешь даже след***.

Потом Ала ад-Дин стал целовать девушку, прижимая ее к груди, и говорил:

— Что это такое, о моя любимая Бадр аль-Будур! Разве та, у кого есть возлюбленный, спит? — и госпожа Бадр аль-Будур подняла голову после первого сна и открыла глаза и воскликнула:

— Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! Кто это со мной говорит?

А Ала ад-Дин спрятался в укромном месте, чтобы она его не увидела и не случилось бы чего-нибудь с ее разумом от страха, и госпожа Бадр аль-Будур стала озираться направо и налево, говоря:

— Кто принес меня в это место?

И Ала ад-Дин, продолжая прятаться, отвечал:

— Это я принес тебя к себе,—и он произнес эти слова, притаившись и не показываясь ей.

Тем временем он доставал ужин и накрывал на стол, и, покончив с этим, подошел близко к постели, и когда девушка увидела его, она его узнала и поднялась и упала ему на грудь и обняла его и начала целовать, а он целовал ее.

— Значит, это ты, о любимый, так испугал меня! — воскликнула госпожа Бадр аль-Будур, и Ала ад-Дин ответил:

— Да, это я! Не бойся, встань и садись, будем ужинать — ведь я с утра и до сих пор ничего не ел и все сидел, о душа моя, и ждал тебя.

— С любовью и охотой,—ответила Бадр аль-Будур, и поднялась и села с Ала ад-Дином за столик; и они начали есть, пить, веселиться и беседовать.

— Заклинаю тебя Аллахом, скажи, как это ты сделал, о любимый, что принес меня сюда? — спросила Бадр аль-Будур, и Ала ад-Дин молвил:

— О моя любимая Бадр аль-Будур, не время сейчас для таких вопросов!

А Бадр аль-Будур сказала:

— Приноси меня к себе, о любимый, каждую ночь, если можешь.

— Будь спокойна, я каждую ночь могу приносить тебя к себе,—ответил Ала ад-Дин, и Бадр аль-Будур сильно обрадовалась этому.

Потом Ала ад-Дин поднялся и принес чашу и кубок, и они принялись пить и веселиться, и Ала ад-Дин наполнил чашу и поил девушку из своих рук, и та тоже кормила его из своих рук, и оправдались относительно них слова поэта:

Я видел, как уста фиалки молодой
Лобзал тюльпан в тени зеленого куста.

Я молвил: «Сам господь судил, чтоб на земле
В объятья красоты стремилась красота» ***.

И они продолжали есть, пить, шутить и веселиться, пока вино не заиграло у них в головах и они не склонились друг к другу от сонливости и опьянения. И госпожа Бадр аль-Будур поднялась и взяла Ала ад-Дина и уложила его рядом с собой на постель; и пустился он ее целовать, кусать, обнимать, щипать, гладить и играл с нею и овладевал ею, пока не прорезалась заря и не засияло утро, озаряя своим светом приходящих и уходящих.

И вдруг появился врач и встал у двери в комнату и позвал Ала ад-Дина, и Ала ад-Дин поднялся и вышел к нему, заливаясь смехом, и врач спросил его:

— Каково тебе было в сегодняшнюю ночь?

И Ала ад-Дин воскликнул:

— Клянусь Аллахом, сегодня ночью я был как будто в садах блаженства или в раю! — И произнес перед врачом такие слова:

Я был в саду блаженства, в царстве сна,
Из рук любимой брал фиал вина,

И вместе чашу пили мы до дна.
Твердил я: ты для власти создана,

О как ты черноглаза и стройна,
Волшебная краса тебе дана! ***

И врач повторил свой вопрос, и Ала ад-Дин ответил:

— Клянусь Аллахом, я был, как сказал тебе, с большеглазыми гуриями! Да воздаст тебе Аллах, о владыка, всяческим благом!

И он подошел и поцеловал у врача руку, а врач взял его и пошел с ним в баню, оставив Бадр аль-Будур спать в ее постели.

— О господин,— спросил Ала ад-Дин врача,— как ты сделаешь, чтобы возвратить Бадр аль-Будур обратно?

И врач молвил:

— Не задумывайся, о сынок, об этом деле — как она пришла, так и уйдет на свое место, и не узнает об этом ни один человек. Будь же спокоен душой.

— Господин мой, Бадр аль-Будур стала моим уделом и досталась мне на долю, а я — твой сын и нахожусь под твоим покровительством. Я хочу, чтобы ты приносил ко мне госпожу Бадр аль-Будур каждую ночь,— сказал Ала ад-Дин.

И врач засмеялся его словам и ответил:

— Заклинаю тебя жизнью, о сын мой Ала ад-Дин, не задумывайся об этом деле! Даю тебе слово, что она каждую ночь будет к тебе приходить, как пришла вчера ночью. Бадр аль-Будур стала твоей женой, и никто не может отнять ее у тебя или войти к ней. Пусть же не будет у тебя и мысли об этом деле, и ты скоро увидишь, сын мой, что я еще для тебя сделаю!

И рассказывают, что Бадр аль-Будур каждую ночь переносили в постели к Ала ад-Дину, и ночи казались ей белее снега, так как ее давно охватила любовь к Ала ад-Дину, а Ала ад-Дин каждую ночь ежечасно ожидал ее прибытия, и никто не знал об этом, кроме врача.

И вот когда Бадр аль-Будур увидела, что ее каждую ночь носят в постели к ее возлюбленному Ала ад-Дину, она стала еженощно захватывать для Ала ад-Дина кошель с пятью сотнями динаров, и однажды сказала ему:

— О любимый, о кровь моего сердца, построй для себя вместо этого дома дворец, и пусть он будет великолепным, а я помогу тебе деньгами.

И Ала ад-Дин отвечал:

— Слушаю и повинуюсь, о любимая, но я прошу у Аллаха великого только того, чтобы он нас с тобой защитил! — А она молвила:

— О любимый, не бойся! Хотя бы меня резали на куски, я не смогу отступить от тебя и не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Моя надежда — на Аллаха великого, что он нас с тобою поддержит и с нами не случится ничего плохого, и я спокойна за себя и за тебя благодаря этому врачу, который сделал тебя своим сыном, но только ты ему не перечь и делай все, что он тебе скажет.

И они проспали эту ночь, а утром Ала ад-Дин поднялся и поведал врачу обо всем, что сказала ему Бадр аль-Будур. Он показал кошельки с золотом, которые Бадр аль-Будур приносила с собой каждый раз, и сообщил, что она велела построить дворец, подходящий к его и к ее сану, а затем показал самоцветы и драгоценные подарки, которые Бадр аль-Будур еженощно захватывала с собой и ему дарила, и врач обрадовался и убедился, что госпожа Бадр аль-Будур любит Ала ад-Дина сильнее, чем Ала ад-Дин любит ее. До сих пор он не думал, что та любит его до такой степени.

И потом врач сказал Ала ад-Дину:

— Увесели свою душу и будь спокоен сердцем на этот счет.

И он взял у него деньги и драгоценности и пошел и купил обширную землю. Он построил на ней великолепный дворец, весь из мрамора и порфира, покрытый жидким золотом, а когда постройка была окончена, устлал весь дворец царскими коврами, подушками, набитыми перьями страуса, затянутыми парчой и атласом, а также повесил занавеси, шитые золотом.

Покончив со всем этим, врач переселился в тот дворец вместе с Ала ад-Дином, и каждую ночь Бадр аль-Будур приносили к нему в ее постели, и Ала ад-Дин наслаждался ею до утра.

Так они провели в радости, веселье и наслаждениях некоторое время; и в один из дней госпожа Бадр аль-Будур поднялась со своей матерью Ситт Зубейдой в верхний дворец, и ее ударило по животу солнцем, и поясница у нее разогрелась, и ее стало раздувать как женщину, которая понесла. А девушка не знала про себя, беременна она или нет, когда же мать увидела ее в таком состоянии, она поняла, что царевна беременна, и спросила:

— Дочка, с чего это тебя так раздуло?

— Знать не знаю, матушка, с чего бы это, — отвечала Бадр аль-Будур.

И Ситт Зубейда подошла к ней, всмотрелась в нее и пощупала ей живот и узнала в точности, что та беременна. И она закричала:

— Ах, беда! Доченька, что с тобой случилось и от кого ты забеременела? — А Ситт Зубейда потому любила свою дочку до такой степени, что у нее не было других детей, была она у нее единственная.

И Ситт Зубейда испугалась было за свою дочь, Бадр аль-Будур, как бы ее отец, халиф, увидав, что та беременна, не убил ее, но потом успокоилась, так как знала, что отец девушки, халиф, также любит ее великой любовью.

И она позвала Масрура, евнуха, и сказала ему:

— Пойди, позови сюда повелителя правоверных.

И Масрур отправился, вошел к повелителю правоверных и сказал:

— Ситт Зубейда хочет видеть твое величество, о повелитель правоверных.

И халиф поднялся и вошел к Ситт Зубейде и не нашел ее в ее покоях, и невольницы сказали ему: «Она у госпожи Бадр аль-Будур».

И халиф поспешно поднялся туда, так как подумал, что его дочь госпожа Бадр аль-Будур больна или с ней что-нибудь стряслось, и, войдя к ним, увидел, что Ситт Зубейда сидит и плачет вместе со своей дочерью, госпожой Бадр аль-Будур.

— Да заменит вам Аллах зло добром! — воскликнул халиф. — Господи, рассказывайте сейчас же, что с вами случилось и почему, дочь моя, ты плачешь.

— Поклянись халифатом и посланником Аллаха — да благославит его Аллах и да приветствует! — который дал тебе власть над своим народом, что мне и моей дочери, госпоже Бадр аль-Будур, будет пощада, когда мы тебе расскажем об этом происшествии, — сказала Ситт Зубейда.

И халиф, услышав слова Ситт Зубейды, дал ей клятвы, которые она потребовала, и тут Ситт Зубейда поведала ему обо всем и сказала:

— О повелитель правоверных, твоя дочь, госпожа Бадр аль-Будур беременна и носит младенца, — и когда халиф услышал эти слова, он упал без памяти и лишился чувств от великого огорчения. Ему брызгали в лицо розовой водой с мускусом и давали нюхать благовония, пока он не очнулся и не пришел в себя, и тогда он обратился к своей дочери Бадр аль-Будур и спросил ее:

— О доченька, как случилось с тобой такое дело? Расскажи мне, дитя мое, не бойся, ибо ты — кровь моего сердца и у меня нет детей, кроме тебя. Это, конечно, великий позор, но вина тут не твоя. Вина на мне, ибо многие цари просили у меня твоей руки, а я не соглашался выдать тебя ни за одного из них. Но скажи мне, дочь моя, с твоего ли согласия это случилось и кто осмелился совершить с тобой такое гнусное дело?

— Отец, — отвечала Бадр аль-Будур, — я расскажу тебе, что бывает со мной каждую ночь, какая происходит со мной история. Дело в том, что меня каждую ночь уносят в постели из моего дворца, сонную, и, проснувшись, я всегда оказываюсь в красивом, богато убранном помещении, и рядом со мной лежит юноша, привлекательный и красивый лицом. Он прекрасен

настолько, что как будто о нем сказал кто-то из описывающих:

Сын газели сердца человечьи увлек,
Всех пленил и в простор ускакал без дорог.

Он долину Салама* стрелой пересек,
Путь его меж песками и степью пролег.

Был он строен, прекрасен и так ясноок,
Что никто из людей с ним сравниться не мог.

Он сердца согревал нам жаровнями щек,—
О как нежен на них шелковистый пушок!***

И халиф, отец девушки, воскликнул:

— О дитя мое, как это возможно: я — наместник Аллаха и повелитель правоверных, а тебя поражает такое бедствие! Это вещь, о которой я не могу молчать! Будь же спокойна, дочь моя, после этого ты ни в чем не виновата, и я обязательно узнаю, кто твой обидчик!

Потом халиф призвал везиря Джафара, и тот сейчас же явился, и отвесил поклон, и поцеловал перед халифом землю, а халиф рассказал ему обо всем, что случилось с его дочерью, госпожой Бадр аль-Будур, и воскликнул:

— Клянусь жизнью моей и могилой аль-Аббаса, если ты не узнаешь, кто обидчик, я отрублю тебе голову.

— О повелитель правоверных,—ответил Джафар,—я не колдун и не какой-нибудь бог. Прошу прощения у Аллаха, высокого, великого, откуда мне знать сокровенное! Но мы что-нибудь придумаем в этом деле по нашему разумению и поставим сегодня ночью людей сторожить твою дочь, госпожу Бадр аль-Будур, и таким образом нам удастся узнать, кто совершил это преступление.

— Делай, что хочешь, но только я желаю знать, кто этот проклятый обидчик! Как это так, я — наместник Аллаха, повелитель правоверных, а мою дочь лишают чести посреди моего дворца, уносят в постели, точно служанку, и доставляют к какому-то своднику! Это вещь непереносимая, о Джафар!

И усилилась ярость халифа из-за того, что случилось с его дочерью Бадр аль-Будур, и он поклялся перед Джафаром великими клятвами и сказал ему:

— Если ты не узнаешь, кто обидчик, я отрублю тебе голову!

И Джафар ушел и поставил в эту ночь людей — сторожей — возле госпожи Бадр аль-Будур, и легли подле нее Масрур и несколько воинов, и все они надели оружие и кольчуги и взяли булатные щиты. Вот что случилось с халифом и с везирем Джафаром.

Что же касается врача, то он все это узнал благодаря своему волшебному перу и спросил Ала ад-Дина:

— О Ала ад-Дин, знаешь ты, что случилось сегодня с дочерью халифа?

— Нет, господин, — откуда мне знать, что случилось? — ответил Ала ад-Дин, и врач молвил:

— Госпожа Бадр аль-Будур, твоя любимая и возлюбленная, забеременела от тебя, и это дело открылось. Ее мать, Ситт Зубейда, узнала, что она беременна, и рассказала халифу, и теперь они тебя разыскивают. Но что касается Бадр аль-Будур — ее любовь к тебе все усиливается, и хотя на нее пал такой позор, невозможно, чтобы она в чем-нибудь созналась и выдала бы тебя.

И Ала ад-Дин сказал врачу:

— Ты мой господин и родитель, но я боюсь их, хотя даже если они меня убьют, нечего за меня печалиться — это будет выкуп за ее глаза.

— Не бойся, дитя мое, — сказал врач. — Этой ночью ты насладишься с ней и она расскажет тебе обо всем, что с ней сегодня случилось. Правда, они приставили к ней воинов, чтобы ее стеречь, посмотреть, куда она пойдет, узнать, кто ее обидчик, и схватить его, но знай, сын мой, что пока за тобой я, они ничего не смогут о тебе узнать. Будь же спокоен!

Услышав это, Ала ад-Дин припал к рукам врача, поцеловал их и воскликнул:

— Я твой сын и нахожусь под твоей защитой!

А когда пришел вечер и наступила ночь, явились четыре джинна и напустили сон на воинов, стороживших госпожу Бадр аль-Будур, и подняли ее вместе с постелью и принесли к Ала ад-Дину. А Ала ад-Дин сидел точно на огне, ожидая возлюбленную, и когда девушка прибыла к нему, он увидел, что она сидит на постели и плачет. Она поднялась и стала целовать Ала ад-Дина, и слезы текли у нее по щекам, и Ала ад-Дин спросил ее:

— Добро, если хочет того Аллах? * О любимая, почему ты плачешь? Расскажи мне, о душа моя, о кровь моего сердца! Что с тобой происходит?

И госпожа Бадр аль-Будур рассказала ему обо всем, что случилось с ней в этот день, и молвила:

— Они узнали, что я беременна, и поставили около меня стражей, чтобы стеречь меня и посмотреть, куда я пойду, и узнать, кто ты, и схватить тебя. Я боюсь, о душа моя, о глаза мои, как бы они тебя не убили из-за меня.

— Если бы они даже и убили меня,— отвечал Ала ад-Дин,— то нечего за меня печалиться. Я был бы выкупом за твои глаза. Ведь я был с тобой счастлив и наслаждался тобой, и готов был насладиться с тобой хотя бы один день — и умереть. Мне достаточно счастья, если меня убьют и я умру за любовь к тебе, особенно раз ты невредима, здорова и благополучна. Пусть делают со мной что хотят! Аллах великий по своему великодушию дал мне наслаждаться тобою целый год — довольно! Чего мне еще нужно от жизни? Если меня убьют за любовь к тебе, то это не слишком большой выкуп за тебя.

Когда госпожа Бадр аль-Будур услышала слова Ала ад-Дина, она упала без памяти от сильного горя, печали и страха за него, и Ала ад-Дин брызгал ей в лицо розовой водой, пока она не очнулась, и тогда он сказал:

— О владычица красавиц, о душа моя и кровь моего сердца, ты за меня боишься, а тот врач сегодня сделал меня своим сыном и взял под свое покровительство. Он прочитал Фатиху, взял меня в сыновья и призвал этому в свидетели Аллаха и его ангелов, а также написал по закону документ, что я его сын и наследник, и завещал мне все свои деньги.

А этот врач был владелец больших денег, очень богатый человек, и было у него столько самоцветов и драгоценных сокровищ, что бессильны всякие описания.

И Ала ад-Дин поднялся и показал госпоже Бадр аль-Будур документ, который написал врач, и показал ей также деньги врача и его сокровища, и тут госпожа Бадр аль-Будур обрадовалась и склонилась к своему возлюбленному, а Ала ад-Дин сказал ей:

— А я, о возлюбленная, знаю про везира Джафара — как он посоветовал твоему отцу, халифу, поста-

вить возле тебя солдат и стеречь тебя, но только от этого нет пользы, и у них ничего не выйдет.

Потом Ала ад-Дин с госпожой Бадр аль-Будур поднялись и сели за столик ужинать. Они принесли чашу и кубок и принялись есть, наливать, пить и веселиться, и наконец госпожа Бадр аль-Будур взяла лютню, настроила струны и начала играть мелодию, волнующую печальное сердце, и пропела такие стихи:

Сердца влюбленных от любви болят,
От вздохов ноет грудь и меркнет взгляд.

— Ты знаешь вкус любви? — мне говорят.
— Любовь сладка, но в ней таится яд***.

И они пили, не переставая, пока не склонились один к другому от опьянения, и тогда они, как обычно, направились к постели и легли обнявшись, словно две луны или две газели, подобно тому, как сказал поэт:

Я двух любовников узрел, простертых на траве густой.
О если бы глаза мои их сладким ложем стать могли!***

И они лежали так до утра.

Вот то, что было с Ала ад-Дином.

Что же касается госпожи Будур, то она возвратилась, под утро, в постели, к себе во дворец; а ее отец, халиф, едва дождался, чтобы наступил день, и его везир Джафар также; и они встретились, когда оба направлялись в покои царевны, чтобы посмотреть, что с ней случилось, что сделали стражи и изловили ли они кого-нибудь. Но когда они вошли к девушке, то увидели, что сторожа все еще спят, и халиф сказал Джафару:

— Я думаю, что сегодня ночью никто не приходил.

И тут сторожа проснулись, и Масрур, начальник евнухов, тоже, и халиф спросил их:

— Видели вы кого-нибудь?

— Никто не приходил, повелитель правоверных, — отвечали они.

И Бадр аль-Будур услышала это и сказала:

— Врете, проклятые! — и обратилась к халифу, своему отцу, и молвила:

— Заклинаю тебя твоей жизнью, отец, не верь им! Они, собаки, храпели, а меня, как обычно, унесли, и я вернулась к юноше, про которого я тебе рассказывала, и он спал со мной так же, как каждую ночь.

И халиф рассердился на сторожей и велел повесить их всех, и тогда госпожа Бадр аль-Будур обратилась к нему и сказала:

— Отец, не дозволено тебе совершить такой грех и убить их. Тут никто ничего не сможет подстеречь и выяснить, кроме тебя самого с везирем Джафаром. Прободрствуйте же сегодня со сторожами всего только до полуночи, и если вам удастся кого-нибудь увидеть — добро, а если вы заснете, как заснули сторожа, то значит сторожа не грешны, такой сон — от джинов, которые уносят меня.

— Это правильное мнение, Джафар, — сказал халиф, и Джафар ответил:

— О да, повелитель правоверных, это речи подходящие!

И халиф с Джафаром решили, что сами будут сторожить девушку, госпожу Бадр аль-Будур, в эту ночь.

И когда пришел вечер и наступила ночь, халиф отправился сам с везирем Джафаром, прихватив с собой нескольких солдат, и они сели сторожить в покоях госпожи Бадр аль-Будур, халифской дочери, но когда пришло время, на них напал тяжелый сон, так что каждый из них заснул и лежал словно убитый, и произошло это благодаря силе ифрита Кашкаша и его подручных.

И они подняли госпожу Бадр аль-Будур в ее постели и положили ее в покоях Ала ад-Дина, а халиф, везир Джафар и солдаты продолжали спать как убитые до утра, даже после того как госпожа Бадр аль-Будур вернулась в свои покои.

И царевна посмотрела на них и увидела, что они спят как убитые, и крикнула на раба Масрура и позвала его, и Масрур проснулся и подошел к ней, и она приказала ему:

— Подними твоего господина от сна!

И Масрур пошел и разбудил халифа, и все встали, и тогда госпожа Бадр аль-Будур обратилась к халифу, своему отцу и Джафару и спросила:

— Ну, что, верите вы мне? Что я вам говорила? Расскажи-ка мне, отец, что ты видел сегодня ночью?

— О дочка, я ровно ничего не видел, — отвечал ей халиф, и девушка молвила:

— А я сейчас возвращаюсь от того юноши, и я спала с ним в одной постели, потому что джинны

пришли и взяли меня к нему, и я проспала с ним, как каждую ночь, потому я тебе и говорила, о отец: «Не убивай сторожей и не совершай греха»,—ибо сон, который напал на них, так же как на тебя,—сон не естественный, а вызванный силой джиннов, которые уносят меня и доставляют к тому юноше.

И ярость халифа усилилась от этого дела, и он не знал, как ему быть в этом случае, и сказал своему везиру Джафару:

— О Джафар, предел моих желаний,—узнать, кто это, и больше ничего!

И везир Джафар ответил:

— О повелитель правоверных, у нас есть лишь один способ, ибо сторожа и вся эта охрана нам не помогут и не приведут к цели. Правильный способ—положить в постель госпожи Бадр аль-Будур под матрас мешок с мукой, и пусть конец мешка торчит из-под матраса и будут в нем маленькие дырочки. Когда за царевной придут и возьмут ее, мука посыплется через дырочки на землю и будет сыпаться до того места, куда отправляется царевна. А мы утром пойдем по следам муки до конца и узнаем, где живет обидчик, который устроил эту проделку.

— Клянусь Аллахом, Джафар, совет, который ты высказал, правилен и великолепен! Награди тебя Аллах за этот дьявольский план!—воскликнул халиф.

И затем они приготовили мешок с мукой, как сказал Джафар, и положили его, дырявым, в постель госпожи Бадр аль-Будур, и халиф с Джафаром и несколькими солдатами провели ночь подле нее, и напало на них, как всегда, сонное оцепенение. Потом госпожа Бадр аль-Будур вернулась и разбудила их, а халиф не мог дожждаться, когда он поднимется ото сна и увидит утро, и едва наступило утро и госпожа Бадр аль-Будур подняла их, они осмотрели мешок в ее постели и увидели, что тот пуст и в нем ничего нет.

И рассказывают, что врач узнал об этой истории благодаря своему чудесному перу и, повстречавшись утром с Ала ад-Дином, сказал ему:

— О сын мой, теперь халиф проведал, где ты, так как везир Джафар устроил дьявольскую хитрость и из этого вышел толк, но ты не бойся. Сегодня халиф придет и будет тебя искать—он, везир Джафар и несколько воинов, однако не страшись и ничего не бойся.

— Отец,— отвечал Ала ад-Дин,— раз ты взял меня в сыновья, то я не боюсь ни халифа, ни кого-либо другого!

А халиф Харун ар-Рашид, пробудившись от сна и увидев, что мешок пустой и в нем ничего нет, тотчас же отдал приказ и отправился с везирем Джафаром и множеством воинов по следам муки, пока не оказался поблизости от дворца Ала ад-Дина.

А врач, рассказывают, видел их, и сказал Ала ад-Дину:

— О Ала ад-Дин, возьми лохань с водой, поднимись с нею на кровлю дворца и разбрызгай кругом воду, а потом возвращайся ко мне.

И Ала ад-Дин не медля взял лохань с водой и поднялся на крышу и разбрызгал воду, как сказал ему врач, его отец, и в тот же час появилось вокруг дворца полноводное море, где бились волны, неверные горы, которые никто не может перейти, и стал дворец Ала ад-Дина подобен острову посреди моря.

И когда халиф и его люди подъехали и увидели это полноводное море, где бушевали волны, халиф оторопел при виде этого и обернулся к Джафару и спросил:

— О Джафар, откуда взялось в этом месте такое море? И Джафар ответил:

— О повелитель правоверных, мне не ведомо, чтобы было в Багдаде какое-нибудь море или река, кроме реки Тигра, и это не что иное, как колдовство. Прикажи твоим воинам перейти его: пусть войдут в море на конях и, когда достигнут дворца, приведут того юношу.

— Вот это правильно! — воскликнул халиф и отдал приказ некоторым из бывших с ним воинов, и те вошли в море и утонули, и халиф приказал другим, и те тоже утонули, и всякий раз, как люди тонули, халиф посылал других, пока не утопил множество воинов.

И тогда врач выглянул из окна и сказал халифу:

— О повелитель правоверных, не бери на себя греха за этих тварей! Ты не выше того, кто пустил течь это море, и тот, кто заставил его течь, не обязан перед тобой отчетом и не боится тебя. Сохрани же жизнь твоих воинов и не топи их, чтобы я не утопил весь город и ты сам не утонул бы вместе с ним. Только из уважения к тебе, повелитель правоверных, ибо ты

преемник посланника Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — говорю тебе: возвращайся на место, а мы явимся к тебе во дворец.

И халиф обратился к Джафару и спросил его:

— Что это такое, о Джафар?

И Джафар ответил:

— О повелитель правоверных, кто в одну минуту может сделать внутри города такое море, тот и вправду может утопить весь город и нас вместе с ним. Правильно будет, как я полагаю, вернуться во дворец и посмотреть, правду ли он говорит. А он, как я вижу, человек, знатный по положению и высокий саном, и любит ислам, ибо он призвал благословение на пророка, да благословит его Аллах и да приветствует!

И тут халиф с Джафаром и теми, кто остался из войска, вернулись во дворец, и халиф вошел в свои покои; весь мир казался ему тесным, и башня гнева возвышалась у него между глаз, и он был печален, и стеснилось у него сердце и грудь, так как дочь его опозорили и лишили чести посреди его дворца, а он ничего не мог сделать с обидчиком.

И вот он сидел, как на огне, из-за этого случая, и вдруг входят к нему те двое — врач и юноша Ала ад-Дин.

И когда они оказались перед ним, халиф обернулся к Масруру-меченосцу и сказал ему:

— Меченосец, подай сюда голову этого проклятого!

А госпожа Бадр аль-Будур смотрела на это из-за решетки окна своей комнаты, она увидела, что палач подошел и завязал Ала ад-Дину глаза, прикрыл их повязкой, чтобы его убить, и упала без чувств, и охватило ее беспамятство. А при ней находилась невольница, поверенная ее тайн, и больше никого, и она брызгала царевне в лицо розовой водой, пока та не очнулась.

Меченосец же сделал три круга вокруг Ала ад-Дина после того, как он завязал ему глаза, и спросил халифа:

— О повелитель правоверных, разрешишь ли ты убить этого юношу?

— Поспеш! — сказал халиф, и меченосец поднял руку и ударил Ала ад-Дина. И вдруг рука меченосца опустилась и меч пришелся на одного из вельмож, эмиров царства — а это был любимец халифа, — и отрубил ему голову.

И халиф сказал меченосцу:

— Ты что ослеп, гашишеед, что бьешь мимо? Мало того, что в море утонуло столько наших воинов из-за этого проклятого сквернавца, из-за него еще убивают великого эмира! Подай мне сейчас же его голову! Клянусь моей жизнью, если ты второй раз промахнешься, я скину голову тебе, о проклятый!

И палач поднял руку, чтобы ударить, и ударил, и меч снова попал в другого эмира и отсек ему голову.

И халиф пришел в великую ярость и встал, чтобы отрубить голову палачу, но Джафар сказал ему:

— О повелитель правоверных, это не вина палача! Что с тобой сегодня делается? Подумай: разве тот, кто уносит твою дочку из середины ее дворца, когда ты охраняешь ее с твоими воинами, и в одну минуту делает полноводное море, не может заставить руку палача каждый раз промахиваться, погубить нас и отнять у тебя царство?

— А что ты посоветуешь, Джафар? — спросил халиф, и Джафар молвил:

— О повелитель правоверных, мое мнение, что тебе следует обнять врача, отца юноши, посадить его рядом с собой и уважить его, ибо он тебя уважил: он мог заставить море затопить город и утопить нас всех, и при всем том пришел служить тебе, а ты его ничем не уважил, а, напротив, унизил и намеревался убить его сына. А от себя, повелитель правоверных, я благодарю его за милость, так как он не позволил мечу угодить по тебе или по мне. Поспешి же оказать почет ему и награди юношу, его сына, чтобы нам не попасть в беду и несчастье, от которых нет избавления. Будем тогда каяться, но раскаяние уж не поможет. Такого человека, ученого, чья рука способна на все это, следует уважать, ибо он делает честь твоему царству.

И халиф увидел, что Джафар говорит правильно, и встал и обнял врача и сказал ему:

— Клянусь Аллахом, о брат мой, я поистине узнал твою ценность и понял необходимость уважить твой сан.

А врач встал, отвесил поклон, прославил халифа, поблагодарил его и пожелал ему блага.

Потом халиф велел тотчас одеть Ала ад-Дина в одежды, подобающие владыкам, и это было исполнено, и он посадил врача с собой рядом, а Ала ад-Дину приказал сесть рядом с врачом, его отцом.

Что же касается госпожи Бадр аль-Будур, то, когда она обеспамятела, невольница побрызгала на нее розовой водой, и она очнулась и после этого упала на постель как мертвая, от сильного горя и страха за Ала ад-Дина, а потом она наказала невольнице посмотреть, что происходит с ее возлюбленным: заступается ли за него кто-нибудь или его убивают.

А халиф между тем сказал врачу:

— Того ли требовало твое благоволение, ученый наших дней и знаменитость века и времени, чтобы моя дочь была обещана и потом ты погубил большинство моего войска в море, которое ты сотворил?

— О повелитель правоверных,— ответил врач,— я человек из чужой страны, и я поел хлеба и соли этого юноши, а потом сделал его своим сыном и взял под свое покровительство и назначил своим наследником. И затем я увидел, что он находится в плачевном состоянии, и дело его не осталось от меня скрытым; я выспросил, что с ним происходит, и он поведал мне обо всем, ничего не скрывая, и рассказал, что у него произошло с твоей дочерью то-то и то-то, и понял я, что оба они влюблены друг в друга и что, если твоя дочь не сблизится с ним и он не сблизится с нею, они оба умрут от горя. И я свел их друг с другом, чтобы уберечь их жизнь от смерти, и тебе не за что меня упрекать, о повелитель правоверных, ибо если бы я этого не сделал, твоя дочь непременно бы умерла, и ты бы о ней горевал. Тебе нужно меня за это благодарить, а не хулить, и теперь, повелитель правоверных, ты должен выдать твою дочь замуж за этого юношу.

— Поскольку таково твое желание,— ответил халиф,— и ты взял этого юношу в сыновья, мы обязаны, из уважения, лишь повиноваться тебе и поступить согласно твоему слову.

И халиф тотчас же приказал принести второй халат, подходящий для его зятя, и халат немедленно принесли и надели на Ала ад-Дина, и халиф посадил его с правой стороны, а врача посадил на высокой подушке слева от себя.

И когда невольница, поверенная тайн Бадр аль-Будур, увидела, какие достались Ала ад-Дину и врачу уважение и награды, она поспешила к своей госпоже Бадр аль-Будур и обрадовала ее вестью о случившемся. И Бадр аль-Будур страшно обрадовалась и подбежала к окошку, чтобы посмотреть, и увидела, что ее

возлюбленный Ала ад-Дин сидит справа от халифа, ее отца, и на нем надеты царские одежды, и радость ее усилилась, и улетела она от восторга из сетей разума.

И затем халиф велел справлять свадьбу, и тут устроили торжество, и Ала ад-Дина ввели к госпоже Бадр аль-Будур дозволенным образом, и он женился на ней. И торжества продолжались во всем царстве тридцать дней, полный месяц, и когда халиф увидал, какова благопристойность Ала ад-Дина, его красноречие и красота, любовь его к юноше усилилась свыше меры.

И они жили таким образом некоторое время, и однажды халиф сидел в покоях увеселений — а он в это время пил и беседовал с тем врачом — и Ала ад-Дин сидел с ним рядом. И врач обернулся и увидел шелковые занавески, на которых были изображения двух львов, и врач сделал им знак рукой, и львы тотчас же превратились в настоящих, и каждый из них принялся рычать во весь голос, подобно грохочущему грому, и присутствующие все застыли от ужаса и страха.

И халиф обратился к Джафару, своему везиру, и спросил:

— Что это такое, о везир?

Джафар ответил:

— О повелитель правоверных, Аллах великий послал к тебе этого человека, чтобы ты увидел чудеса, которых не видывал за всю свою жизнь.

Потом врач сделал львам знак, и они превратились в двух котов и начали драться между собой, и халиф и все присутствующие удивились еще больше.

И затем халиф сказал Джафару, везиру:

— О Джафар, попроси врача, чтобы он показал нам еще какие-нибудь свои диковинки.

И врач молвил:

— С любовью и охотой, слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных! Принесите мне корыто, полное воды.

И когда ему принесли корыто с водой, врач спросил:

— Кто из вас желает полюбоваться на чудеса?

И Джафар отвечал: «Я!» — и врач приказал: «Скинь с себя одежду и повяжись передником *». Везир скинул одежду и повязался передником, и врач

молвил: «Сядь в это корыто!» — и Джафар уселся посреди корыта, и как только Джафар сел туда, он увидел себя как бы в огромном полноводном море: кто выйдет из него — рождается вновь, а кто войдет в него — тот потерян.

И Джафар поплыл, чтобы выбраться из моря и выйти на сушу, и всякий раз, как он приближался к земле, волны не давали ему выйти. Наконец его прибило волной к берегу, и он выбрался на сушу.

И Джафар осмотрел самого себя и оказалось, что он стал женщиной и волосы у него спускаются на плечи, и на груди у него два соска, как у женщины, а между ног — купол и «место посещения». И Джафар воскликнул про себя: «Ей богу, хорошо! Вот так положение! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поглядим, господин мой, что еще с тобою будет! Откуда только пришел к нам этот проклятый врач! Прокляни Аллах час его прихода!»

Потом он подумал и испугался, не прячется ли где-нибудь врач и не слышит ли его, и сказал:

— Поистине, это великий ученый, и не найти в наше время ему подобного! Это — малейшее из его чудес и не самая дивная из его диковинок!

«А со мной — кончено, — продолжал он про себя. — Был я везирем Джафаром, а сейчас превратился в женщину! Прибегаю к Аллаху от сатаны, побитого камнями! * Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!»

И когда он обратился к себе самому с такими словами, думая о том, что с ним случилось, вдруг подошел какой-то рыболов, чтобы удить рыбу. И рыболов посмотрел и увидел, что перед ним стоит красивая женщина, и воскликнул:

— Клянусь Аллахом, сегодня благословенный, счастливый день! Эта девушка — слава тому, кто ее сотворил! — я думаю, одна из дочерей моря — ведь я слышал от моей бабушки, что дочери моря очень красивы и привлекательны.

И рыбак обрадовался великой радостью и сказал:

— Эта девушка достанется в удел моему сыну, и Аллах послал ее мне для того, чтобы он ею наслаждался.

И когда везир Джафар услышал его слова, он воскликнул про себя: «Не зря пропала твоя борода, о

Джафар! Теперь тобой будут обладать и ты ляжешь с сыном этого рыбака и сегодня ночью он войдет к тебе... Прокляни ее Аллах, эту ночь! Поистине, скверная история! Где моя борода, где мое мужское естество! Я так быстро стал женщиной, и рыбак уже хочет привести ко мне своего сына... Халифат, царство, кто теперь будет им управлять! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!»

А рыбаку от радости уже не хотелось ловить рыбу, и он взял везира Джафара в образе красивой женщины и пошел с ним домой, а придя домой, крикнул свою жену, и когда та вышла, сказал ей:

— Помалкивай, женщина! Клянусь Аллахом, за всю жизнь мне ни разу не случалось поймать такую добычу — красивую девушку из дочерей моря! Клянусь великим Аллахом, он послал ее мне, чтобы я выдал ее замуж за нашего сына. Где он?

— Он взял быков и пошел пахать, но он сейчас придет, не задержится, — отвечала жена рыбака; и когда они так разговаривали, вдруг пожаловал его милость, сын рыбака.

И когда везир Джафар увидал его, он воззвал о помощи ко всемилостивому, милосердному, и воскликнул про себя:

— Горе мне, увы мне! Прокляни тебя Аллах, ночь, когда я буду женщиной, а этот несчастный станет мне мужем! В какую беду и несчастье я попал! А что если я скажу, что я Джафар, везир повелителя правоверных? Не думаю, чтобы они мне поверили, так как я — настоящая женщина и нет ни одного качества, свойственного женщинам, которого бы у меня не было, но не осталось у меня ни одного признака, отличающего мужчин. Не знаю, куда девалась моя борода, усы и все прочее! Злая моя судьба! Что делать, чтобы выпутаться из этой скверной истории? Что это на меня напало, что я захотел посмотреть на чудеса! С чего это я наболтал зря, и он, врач, показал нам вещь, которую я в жизни не видел. И случилась со мной история и беда безысходная, из которой не выпутаешься! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Везир халифа превращается в женщину, и сын рыбака на ней женится! Как же это так — ведь он хочет со мной спать и обладать мною. Боже спаси, особенно если он еще и силен! Аллах не снимет с твоего сердца

этой тяготы, о Джафар, ты сам навлек на себя заботу! Сидел ты спокойно, и что с тобой такое стряслось, что тебе захотелось посмотреть на чудеса?! Кто сам виноват, тому прибавит Аллах беды!

Рассказывают, что рыбак кликнул своего сына и сказал ему:

— О сынок, убери скотину, потом иди сюда, возьми эту девушку и женись на ней. Уничтожь ее девственность и наслаждайся ею. Аллах да обрадует тебя ею на всю жизнь, ибо Аллах великий послал ее тебе. Нет сомнения, дитя мое, что ты счастливчик, ибо то, что досталось тебе, не предназначено никому, ни до тебя, ни после тебя.

И сын рыбака поднялся, радостный, и взял за руку везира Джафара в образе женщины и увел его туда, где он спал, и лег с ним, и уничтожил девственность этой женщины, и она понесла от него, а через девять месяцев родила ребенка.

И везир Джафар пробыл с сыном рыбака в образе женщины семь-восемь лет и родил от него семь человек детей. И Джафар терпел сильные муки — каждый год носить и рожать! — и очень уставал из-за сына рыбака — пас быков, пахал землю и испытывал тяготы нестерпимые и невыносимые.

И наконец, в один из дней ему надоела из-за этого жизнь, и он сказал про себя: «Доколе буду я пребывать в этом губительном состоянии, подвергаясь мучениям, которые я терплю? Нет у меня иного средства, как пойти и броситься в то самое море, из которого я сюда пришел. Что будет, то будет! Утонуть, умереть — все лучше, чем терпеть такие мучения и видеть рожу этого проклятого, моего супруга!»

И везир Джафар тотчас встал, вышел из дому и пришел на берег моря и стал думать: «Брошусь! Не брошусь!», — и все повторял такие слова, ибо жизнь нам всем дорога, а море было очень большое и волны в нем громадные.

И когда он сам с собой советовался об этом, его вдруг ударило большой волной и бросило на середину моря, и Джафар поплыл и едва не утонул, и когда это было так, вдруг его голова высунулась из корыта, и он увидел сидящего халифа и врача с Ала ад-Дином возле него и других вельмож царства, стоявших вокруг.

И он засмеялся над самим собой и обрадовался и прославил Аллаха, так как избавился от беды.

И халиф спросил его:

— Что ты видел, о Джафар?

Но Джафару не хотелось рассказывать ни о чем из того, что его постигло, и он сказал:

— О повелитель правоверных, поистине чудеса, на которые способен наш господин врач, это нечто ошеломляющее мысль и поражающее разум! Я видел только вещи, приводящие ум в смущение. Какие сады, какие цветники, что за большеглазые гурии! Чудеса! Диковины! Ни один человек никогда не видывал ничего подобного, и если ты хочешь и желаешь, о повелитель правоверных, посмотреть своими глазами — пожалуй, садись в корыто и увидишь диковинные дела, которых ты в жизни не видывал и о которых никогда не слыхивал.

И халиф встал, сбросил с себя одежду, повязался передником и сел в корыто, и увидел себя в море, обширном, полноводном, совсем без дна.

И он поплыл по морю, боясь утонуть, и большая волна ударила его и выбросила на берег, и он вышел из воды и поднялся на берег, голый, трясаясь от холода.

И халиф сказал про себя: «Клянусь Аллахом, увы и увы! Врач и везир сговорились против меня и отняли у меня власть, и врач станет вместо меня халифом. А я — куда это меня понесло, и зачем сдались мне эти проклятые зрелища!»

И в то время, как он раздумывал и обращал к себе самому такие речи, вдруг несколько девушек подошли к протекавшему там ручью, чтобы набрать из него воды. И, увидев халифа, девушки спросили его: «Кто ты, человек или джинн?» — и халиф ответил:

— Я человек, из лучших людей, но я здесь чужеземец и не знаю, куда идти.

— Из какой ты страны? — спросили девушки, и халиф ответил: «Я из Багдада», — и одна из девушек воскликнула:

— Да осенит благодать людей Багдада, ибо это обителище повелителя правоверных, преемника пророка, да благословит его Аллах и да приветствует!

Потом она обернулась к халифу и сказала:

— О багдадец, поднимись вон на ту гору, и ты увидишь перед собой огромный город, имя которому

Оман*. Войди туда, и ты найдешь там для себя жилище и покой.

И рассказывают, что когда халиф услышал слова девушки, он сказал про себя: «Эта девушка любит и уважает жителей Багдада, потому что это местожиительство халифа, наместника Аллаха, а ведь я и есть этот самый халиф собственной особой. Попробую-ка я ей сказать «я халиф!», что тогда будет? Может быть, она для меня что-нибудь придумает. Но нет, это девушки, и если им сказать такие слова, они сочтут твой ум скудным и ни одна из них тебе не поверит. Ну их совсем!»

Потом халиф попрощался с девушками и поднялся на гору, как они ему советовали. Достигнув вершины горы, он спустился к ее подножию с другой стороны и действительно увидел перед собой огромный город и вошел в него.

И когда жители увидели его, голого, они сказали: «Очевидно, это купец и его корабль утонул». Они пожертвовали ему рваную одежду, и халиф надел ее и прикрыл свою наготу ею, а потом стал ходить по улицам, чтобы найти способ как-нибудь прожить и что-нибудь для себя устроить, и найти хоть чего-нибудь поесть, ибо он обессилел от голода.

И когда он ходил по городу, то увидел лавку повара и остановился перед ней, так как был изнурен голодом и утомлением, и принялся думать, какую бы устроить хитрость, чтобы раздобыть чего-нибудь поесть или чтобы кто-нибудь подал ему кусочек, но у него не хватало смелости протянуть руку и попросить.

И не знал он, как поступить, чтобы устроить свои дела, но тут хозяин лавки посмотрел и увидал его. Он понял, что это голодный человек, и что он был богат и путешествовал, и корабль, на котором он плыл, утонул, и обратился к нему:

— Ты, видно, чужеземец. Если хочешь, живи у меня и служи мне. Я буду тебе давать каждый день два дирхема, и ты будешь есть и пить за свою службу.

Когда халиф услышал слова повара, слезы заструились у него по щекам, и он сказал про себя: «Ах, увя тебе, мирская жизнь! Был я халифом, а теперь стану слугой у какого-то повара! Но клянусь Аллахом, я все это заслужил! С чего это мне захотелось посмотреть на чудеса этого врача, прокляни Аллах его самого и его диковинки!»

Потом он подумал и увидел, что все эти мысли ему не помогут и не утолят его голода, и сказал повару:

— Хорошо, господин, я согласен, я буду у тебя жить и служить тебе, как ты сказал.

И тот ввел халифа в лавку, и халиф стал ему служить и мыть чашки и горшки, и провел у него в таком положении долгое время, постоянно говоря про себя: «Таково воздаяние мне, и наименьшее воздаяние за мое великое любопытство! Господин мой, что это с тобой случилось, что ты пожелал посмотреть на диковинки этого проклятого? Я оставил все свое богатство и стал поваром,— хорошо бы еще поваром, нет—слугой повара! И вот—мою чашки и горшки, вместо того чтобы быть халифом и пользоваться богатством, величием и благосостоянием, в котором я пребывал. Когда я садился за столик, чтобы поесть, наложницы заводили музыку и всякие напевы, а теперь я вылизываю чашки! Таково воздаяние тому, кто много болтает и спрашивает о том, что его не касается! Зачем мне понадобились эти зрелища, для чего я ввергнул себя в такую беду, какой никогда ни с кем, кроме меня, не случалось! И какая беда страшнее этой,—я был халифом и в одну минуту стал батраком у какого-то поваришки. Господи, в чем мой грех, за что мне досталась такая напасть!»

И однажды халиф размышлял об этом, идя по дороге, и оказался на рынке ювелиров. А в море около города были жемчужные отмели и россыпи драгоценных камней, и халиф, кончив мыть чашки и кастрюли, проводил время, смотря на ловцов, которые ныряли, чтобы добыть из моря жемчуг. И вот когда он как-то смотрел на них, ему пришла мысль сделаться маклером на рынке ювелиров, и он сказал про себя: «Во всяком случае, это лучше, чем быть слугой повара, мыть чашки и горшки. Ибо, клянусь Аллахом великим, мне надоело у него жить и я хочу отдохнуть от его рожи и от кухонной вони».

И халиф проспал ночь, а наутро поднялся и пошел на рынок ювелиров и встал там, где стоят посредники, и вдруг подошел к нему человек с драгоценным камнем, от которого исходили лучи, подобные лучам солнца, и стоил он деньги неисчислимые. И когда халиф увидел этот камень, он впал в великое изумление и сказал про себя: «Я был халифом и за всю жизнь не видал такого камня!»

И он выступил вперед и спросил человека, владельца камня:

— Ты хочешь продать этот камень?

— Да, я желал бы его продать,— отвечал тот, и халиф взял камень и стал его предлагать, крича:

— Набавляйте, набавляйте, ворота открыты! — и когда он оказался с этим камнем среди лавок купцов и купцы увидели камень, он понравился им и они оторопели от красоты его и блеска.

За камень давали пятьдесят тысяч динаров, но халиф не останавливался и продолжал кружить с ним по рынку, ожидая надбавки, пока цена не достигла ста тысяч динаров, и тогда халиф вернулся и рассказал об этом владельцу камня, и тот сказал:

— Пойди и пожелай благодати тому, кто хочет его купить, и возьми у него деньги, а я вернусь через недолгое время.

И халиф воротился к человеку, который давал за камень сто тысяч динаров, и сказал ему:

— Аллах да пошлет тебе благодать! Вручи мне деньги за камень,— и тот спросил:

— А где владелец камня?

— Его владелец уполномочил меня,— ответил халиф, и покупатель воскликнул:

— Эти дела незаконные! Пойди, подай сюда владельца камня, он и получит деньги.

И халиф пошел искать хозяина камня, но не увидел его, и тогда он вернулся к тому купцу и сказал:

— Я его владелец, вручи деньги мне.

И покупатель поднялся было, чтобы отдать ему стоимость камня, но, подумав, обратился к разуму и потребовал у халифа камень, чтобы еще раз взглянуть на него и хорошенько его рассмотреть. И халиф отдал купцу камень, и тот посмотрел на него, и вгляделся как следует, и обнаружил, что это кусок черного сандарака*.

И покупатель опешил, и оторопел, и обратился к халифу, говоря:

— О дьявол, давно ты занимаешься таким ремеслом: делаешь фальшивые камни и продаешь на рынке купцов?...

И остальные торговцы услышали их пререкания и собрались вокруг халифа, и один его бранил, другой давал ему тумака, а третий бил, и наконец ему скрутили руки и повели его к султану.

И когда его привели, султан спросил:

— В чем преступление этого человека? — и ему сказали:

— О царь времени, этот человек делает фальшивые камни и обманывает купцов в твоём городе.

И султан, услышав эти слова, тотчас же велел его повесить; и халифу накиннули на шею веревку, обнажили ему голову и возгласили: «Вот воздаяние, и наименьшее воздаяние, тому, кто устраивает подделки и обманывает людей на рынке султана!»

И халиф задумался о своей судьбе и сказал:

— Клянусь Аллахом, это развлечение обременительное! Что это со мной сделалось, что я пожелал развлечься? Был я халифом и стал слугой у повара, судомойкой блюд и горшков, но мне не нравилось сидеть и помалкивать и захотелось стать вельможей и маклером драгоценных камней, а кончилось это все повешением. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Раньше я приказывал вешать людей, а теперь те, кто был мне подвластен, приказывают вешать меня. Клянусь Аллахом, прав глашатай: таково воздаяние, и наименьшее воздаяние, тем, кто развлекается подобными зрелищами. Прокляни Аллах врача и его развлечения, которые привели к тому, что я стал маклером драгоценных камней и умру повешенным!

Потом халифа повели на виселицу и привязали веревку и стали его поднимать на ней, и когда халиф поднимался, он открыл глаза и увидел, что поднимается из корыта с водой.

А врач, везир и вельможи царства ожидали халифа, и когда Джафар, везир, увидел его, он встал и поцеловал землю, смеясь, а потом отвесил поклон, и поцеловал ему руку, продолжая смеяться.

— Что ты смеешься, Джафар? — спросил его халиф.

И Джафар ответил:

— О повелитель правоверных, я радуюсь и смеюсь над самим собой и восхваляю Аллаха за то, что избавился от беды, в которую попал.

— А что это была за беда, в которую ты попал? — спросил халиф, и ему захотелось узнать, что случилось с его везирем, когда тот сел в корыто.

— О повелитель правоверных, — ответил Джафар, — если я тебе расскажу о своей беде, то боюсь, ты мне неверишь.

— Почему же я тебе не поверю? Клянусь великим Аллахом, я тебе верю, и ты достоин доверия. Рассказывай! — воскликнул халиф, и Джафар сказал:

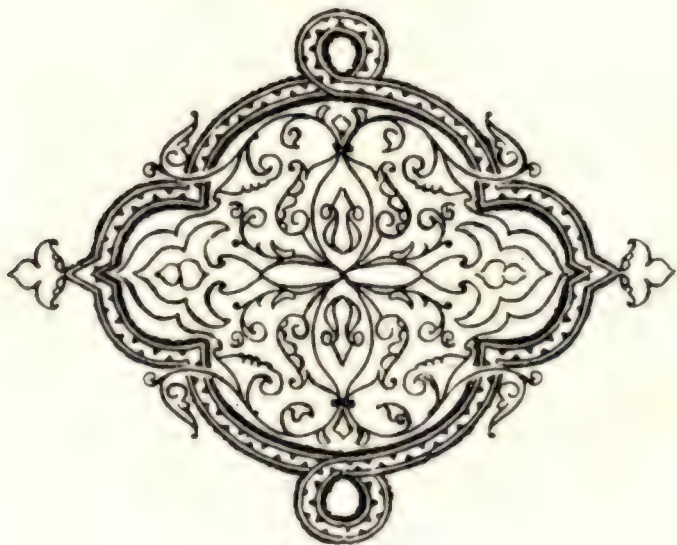
— Когда я погрузился в корыто, то увидел себя посреди полноводного моря, где бушуют волны. Я поплыл, чтобы спастись и не утонуть и выйти на берег, который был близко от меня, и настигла меня огромная волна и выбросила на сушу. И я вышел и возблагодарил Аллаха великого за то, что не утонул, но, осмотрев себя, увидел, о повелитель правоверных, что стал женщиной с сосками на груди. И остался я без бороды, без усов и без прочего, — невинная девушка восемнадцати лет от роду, и все, что есть у женщины, было и у меня.

А потом, после этого, меня повстречал один рыбак и взял к себе в дом и выдал за своего сына, и досталось мне от него семь человек детей — вот и моя история. А мой муж, сын рыбака, был жалкий пахарь, который разговаривал с быками, стоя за их хвостом, и этот проклятый обладал мной, когда хотел.

— О пес, сын пса! — воскликнул халиф. — Ты был замужем, тобою обладал сын рыбака, у тебя были дети и ты во всяком случае наслаждался, хоть тобой и обладали, послушай же меня, который только что слез с виселицы!

И халиф рассказал присутствующим обо всем, что с ним случилось, и все подивились умению врача в его искусстве, остроте его ума и сметливости.

Потом халиф пожаловал врачу халат и наградил его, и врач жил вместе с Ала ад-Дином в халифском дворце, а Ала ад-Дин непрестанно пребывал со своей женой, госпожой Бадр аль-Будур, в приятнейшей жизни, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний.

РАССКАЗ О МАРУФЕ-БАШМАЧНИКЕ

ассказывают также, о счастливый царь, что был в городе Мисре-Охраняемом один башмачник, который ставил заплатки на старые сапоги. Его имя было Маруф, и у него была жена по имени Фатима, а по прозвищу ведьма, и прозвали ее так потому, что она была нечестивая злодейка, бесстыдница и смутьянка.

И она властвовала над своим мужем, и каждый день ругала его, и проклинала тысячу раз; а он страшился ее злобы и боялся ее вреда, так как он был человек умный и стыдился за свою честь. Но он был беден и, когда зарабатывал много, тратил все на нее, а, когда он зарабатывал мало, жена вымещала это на его теле в ту же ночь, и лишала его здоровья, и делала его ночь такой же черной, как страница ее грехов. И была она подобна той, о ком поэт сказал:

Спаси меня, о боже правый,
От бабы злобной и лукавой!

О, если бы я к ней вошел
И напоил ее отравой! **

В числе того, что случилось у этого человека с его женой, было вот что. Однажды она сказала ему: «О Маруф, я хочу, чтобы ты сегодня вечером принес мне кунафу* с пчелиным медом». И Маруф молвил: «Аллах великий поможет мне заработать ее цену, и я принесу тебе сегодня вечером. Клянусь Аллахом, нет у меня сегодня денег, но господь наш облегчит это дело». И Фатима воскликнула: «Я не знаю таких слов «облегчит» или «не облегчит»! Но не приходи ко мне без кунафы, я сделаю твою ночь такой же, каким было твое счастье, когда ты на мне женился и попался мне в руки». — «Аллах великодушен», — сказал Маруф. А потом этот человек вышел, и забота капала с его тела.

Он совершил утреннюю молитву, и открыл лавку, и сказал: «Прошу тебя, о владыка, послать мне сегодня цену этой кунафы и избавить меня от злобы этой нечестивой на сегодняшнюю ночь». И он просидел в лавке до полудня, но работа не пришла к нему, и усилился в нем страх перед женой. И Маруф поднялся и запер лавку, не зная, как быть с кунафой, так как ему нечем было платить за хлеб. И он прошел мимо лавки торговца кунафой и остановился, смущенный, и глаза его наполнились слезами. И кунафщик заметил его и сказал: «О мастер Маруф, чего ты плачешь? Расскажи мне, что тебя поразило».

Маруф рассказал ему свою историю и сказал: «Моя жена жестокосердная, и она потребовала от меня кунафы, и я просидел в лавке, пока не прошло полдня, и не пришел ко мне никто, чтобы дать цену хлеба, и я боюсь моей жены». И кунафщик засмеялся и сказал: «С тобой не будет беды! Сколько ты хочешь ритлей кунафы?» — «Пять ритлей», — сказал Маруф. И кунафщик отвесил ему пять ритлей и сказал: «Топленое масло у меня есть, но у меня нет пчелиного меда, а есть только тростниковый мед. Он лучше, чем пчелиный мед, и что за беда, если кунафа будет с тростниковым медом?»

И Маруфу стало стыдно, так как кунафщик должен был ждать платы. И он сказал ему: «Давай кунафы с тростниковым медом». И кунафщик изжарил ему кунафу на масле и вымочил ее в тростниковом меду, и она стала подарком для царей.

А потом кунафщик сказал: «Не нужно ли тебе хлеба и сыру?» — «Да», — сказал Маруф. И кунафщик

дал ему на четыре полушки хлеба и на полушку сыра, а кунафы было на десять полушек, и сказал: «Знай, о Маруф, что за тобой будет пятнадцать полушек. Иди к своей жене и доставь себе удовольствие, а эту полушку возьми на баню; и тебе будет отсрочка — день, два или три, пока не наделит тебя Аллах. И не притесняй твоей жены — я буду ждать, пока у тебя останутся деньги сверх расходов».

И Маруф взял кунафу, хлеб и сыр и ушел, благословляя кунафщика, и он шел с залеченным сердцем и говорил: «Слава тебе, о господи! Как ты великодушен!»

И потом он вошел к своей жене, и та спросила: «Ты принес кунафу?» И Маруф ответил: «Да». И положил ее перед ней. И Фатима взглянула на кунафу и, увидев, что она с тростниковым медом, сказала: «Разве я не говорила тебе: принеси с пчелиным медом? Ты поступаешь наперекор моему желанию и приносишь с тростниковым медом».

И Маруф извинился перед ней и сказал: «Я ее купил с отсрочкой уплаты». И его жена воскликнула: «Это пустые слова! Я буду есть кунафу только с пчелиным медом». И она рассердилась из-за кунафы, и ударила ею Маруфа по лицу, и сказала: «Поднимайся, о сводник, принеси мне другую!» А потом она ударила его кулаком по челюсти и выбила ему один из его зубов, и кровь потекла у него по груди.

И от сильного гнева Маруф ударил жену одним легким ударом по голове, и тогда Фатима схватила его за бороду и стала кричать: «О мусульмане!» И соседи вошли, и освободили его бороду из ее руки, и напали на нее с упреками, и начали ее стыдить, говоря: «Все мы охотно едим кунафу, которая с тростниковым медом. Что это за жестокость с этим бедным человеком? Это позор для тебя». И они до тех пор уговаривали Фатиму, пока не помирили ее с Маруфом, но после ухода людей она поклялась, что не съест этой кунафы нисколько.

А Маруфа сжигал голод, и он сказал про себя: «Она поклялась, что не будет есть кунафы, так я ее съем». И начал есть, и когда Фатима увидела, что он ест, она стала говорить: «Если захочет Аллах, то, что ты съел, будет ядом и сгноит твое тело». — «Не будет так, как ты говоришь, — сказал Маруф и ел и смеялся,

говоря:—Ты поклялась, что не будешь есть эту кунафу, но Аллах велик и великодушен, и если захочет Аллах, я завтра вечером принесу тебе кунафу с пчелиным медом, и ты съешь ее одна».

И он начал ее успокаивать, а она его проклинала, ругала и бранила до утра. А когда наступило утро, она засучила рукава, чтобы побить Маруфа, а Маруф сказал ей: «Дай срок, и я принесу тебе другую кунафу». И он пошел в мечеть, помолился, и отправился в лавку, и открыл ее, и сел, и не успел он в ней усесться, как пришли двое от кади и сказали: «Вставай поговори с кади: твоя жена пожаловалась ему на тебя, и облик у нее такой-то и такой-то». И Маруф узнал, что это Фатима, и сказал: «Аллах великий да испортит ей жизнь!» А потом он пошел с этими людьми, и вошел к кади, и увидел, что его жена завязала себе руку и ее покрывало выпачкано в крови, и женщина стоит, и плачет, и вытирает слезы.

И кади сказал ему: «О человек, разве ты не боишься Аллаха великого? Почему ты бьешь эту женщину, и сломал ей руку, и выбил ей зуб, и делаешь с ней такие дела?» И Маруф воскликнул: «Если я ее побил или выбил ее зуб, суди меня, как пожелаешь, но дело было так-то и так-то, и соседи помирили меня с ней!» И он рассказал кади всю историю с начала до конца. А этот кади был из добрых людей, он вынул четверть динара и сказал Маруфу: «О человек, возьми это, и сделай ей кунафу с пчелиным медом, и помирись с ней». И Маруф сказал: «Отдай деньги ей». И Фатима взяла деньги, и кади помирил их и сказал: «О женщина, слушайся твоего мужа. А ты, человек, обращайся с ней ласково».

И Маруф с Фатимой вышли, помирившись с помощью кади, и женщина пошла по одной дороге, а ее муж пошел по другой дороге, к себе в лавку, и сел.

И вдруг посланные кади пришли к нему и сказали: «Дай нам нашу плату». И Маруф воскликнул: «Кади ничего с меня не взял; наоборот, он дал мне четверть динара!» Но посланные сказали: «Нас не касается, дал тебе кади или взял с тебя, и если ты не дашь нам нашу плату, мы возьмем ее у тебя силой». И они потащили его по рынку. И Маруф продал свои инструменты и дал им полдинара, и они отступились от него, а Маруф приложил руку к щеке и сидел печальный, так как у него не было инструментов, чтобы работать.

И когда он сидел, вдруг подошли к нему два человека, безобразные видом, и сказали: «Поднимайся, о человек, поговори с кади: твоя жена пожаловалась ему на тебя». — «Кади помирил меня с ней», — ответил Маруф. Но эти люди сказали ему: «Мы от другого кади: твоя жена пожаловалась на тебя нашему кади».

И Маруф поднялся, прося Аллаха о помощи против своей жены, и, увидев Фатиму, он сказал: «Разве мы не помирились, о дочь честного?»

И Фатима воскликнула: «Не будет между мной и тобой мира!» И тогда Маруф выступил вперед, и рассказал кади свою историю, и сказал: «Кади такой-то только что помирил нас». И кади воскликнул: «О распутница, раз вы помирились, чего же ты приходишь мне жаловаться?» — «Он еще раз побил меня после этого», — сказала Фатима. И кади молвил: «Помиритесь; и не бей ее больше, а она больше не будет тебе перечить».

И Маруф с женой помирились, и кади сказал ему: «Дай посланным их плату». И Маруф дал посланным их плату и отправился в лавку, и открыл ее, сел там, и был он точно пьяный от горя, которое его постигло.

И когда он так сидел, вдруг подошел к нему человек и сказал: «О Маруф, иди спрячься, твоя жена пожаловалась на тебя высшему двору* и к тебе идет Абу Табак*». И Маруф поднялся и, заперев лавку, побежал в сторону Ворот Победы. А у него осталось пять полушек серебра от платы за колоды и инструмент, и он купил на четыре полушки хлеба и на полушку сыра, убегая от Фатимы, и было это во время зимы, после полудня.

И когда Маруф вышел на свалку, на него полил дождь, точно из бурдюков, и его одежда промокла. Он вошел в аль-Адилию и увидел разрушенное помещение, где была заброшенная кладовая без дверей, и вошел туда, чтобы спрятаться от дождя, и его одежда была пропитана водой.

И слезы потекли из-под его век, и он был подавлен тем, что с ним случилось, и говорил: «Куда я убегу от этой распутницы? Прошу тебя, о господь мой, пошли мне кого-нибудь, кто уведет меня в далекие страны, куда ко мне не будут знать дорогу».

И когда он сидел и плакал, стена вдруг расступилась, и к нему вышло из стены существо высокого

роста, от вида которого волосы вставали дыбом на теле, и сказало: «О человек, почему ты потревожил меня сегодня вечером? Я живу в этом месте уже двести лет и не видел, чтобы кто-нибудь входил сюда и делал то, что ты делаешь. Расскажи мне, каково твоё намеренье, и я исполню твою нужду,—мое сердце взяла жалость к тебе».—«Кто ты и что такое ты будешь?»—спросил Маруф. И существо ответило: «Я обитатель этого места».

И тогда Маруф рассказал ему обо всем, что случилось у него с женой, и дух спросил: «Хочешь, я доставлю тебя в страну, где твоя жена не найдет к тебе дороги?» — «Да»,—ответил Маруф. И дух сказал: «Садись мне на спину». И Маруф сел, и дух понес его, и летел с ним от наступления ночи до восхода зари, и опустился на вершине высокой горы, и сказал: «О человек, спустись с этой горы и увидишь окрестности города. Войди туда—твоя жена не будет знать к тебе дороги, и ей невозможно до тебя добраться».

И он оставил его и исчез; и Маруф сидел озадаченный и смущенный, пока не взошло солнце, и тогда он сказал себе: «Встану и спущусь туда, в город,—в том, чтобы сидеть здесь, нет никакой пользы».

И он спустился к подножию горы и увидел город с высокими стенами и дворцами, уходящими ввысь, и богато украшенными строениями, и этот город был усладой смотрящих.

И Маруф вошел в городские ворота и увидел, что этот город веселит опечаленное сердце. И когда он шел по рынку, люди смотрели на него и разглядывали его, и они все собрались вокруг Маруфа, дивясь на его одежду, так как его одежда не была похожа на их одежду. И один человек из жителей города спросил его: «О человек, ты чужеземец?» И Маруф ответил: «Да».—«Из какой ты страны?»—спросил этот человек. И Маруф ответил: «Из города Мисра-Счастливого». И тот человек спросил: «Давно ли ты его покинул?»—«Вчера после полудня»,—ответил Маруф. И человек засмеялся и сказал: «О люди, пойдите посмотрите на него и послушайте, что он говорит!»—«А что он говорит?»—спросили люди. И тот человек сказал: «Он утверждает, будто он из Мисра и вышел оттуда вчера после полудня».

И все засмеялись, и люди собрались вокруг Маруфа и сказали: «О человек, ты бесноватый, если

говоришь такие слова. Как ты утверждаешь, будто покинул Миср вчера после полудня, а утром оказался здесь? Дело в том, что между нашим городом и Мисром расстояние целого года пути». — «Нет бесноватых, кроме вас, — сказал Маруф, — а что до меня, то я правдив в моих словах. Вот хлеб из Мисра, он еще свежий». И он показал людям хлеб, и все начали его разглядывать, дивясь на него, так как он не был похож на хлеб их страны.

И люди во множестве столпились вокруг Маруфа и стали говорить друг другу: «Вот хлеб из Мисра, посмотрите на него». И Маруф стал знаменит в этом городе, и некоторые люди верили ему, а некоторые не верили и смеялись над ним.

И когда с Маруфом случилось такое, вдруг подъехал к ним верхом на муле купец, сзади которого было два раба, и он рассеял толпу и сказал: «О люди, разве вам не стыдно, что вы собрались около этого чужеземца и издеваетесь над ним и смеетесь? Что вам за дело до него?» И он до тех пор ругал людей, пока не прогнал их от Маруфа, и никто не мог дать ему ответа. А потом он сказал: «Пойди сюда, о брат мой! Тебе не будет зла от этих людей, у которых нет стыда». И он взял Маруфа, и привел его в просторный и разукрашенный дом, и посадил на царственное сиденье, а потом он отдал приказ рабам, и те открыли сундуки и вынули одежду купца-тысячника, и купец одел Маруфа в эту одежду. А Маруф был человек видный, и стал он подобен начальнику купцов.

Потом этот купец потребовал скатерть, и перед ними разложили скатерть со всевозможными роскошными блюдами из всяких кушаний, и они с Маруфом поели и попили. А затем купец спросил Маруфа: «О брат мой, как твое имя?» И Маруф ответил: «Мое имя Маруф, а по ремеслу я башмачник и кладу заплатки на старые сапоги». — «Из какой ты страны?» — спросил купец. И Маруф ответил: «Из Мисра». — «Из какого квартала?» — спросил купец. «Разве ты знаешь Миср?» — спросил, в свою очередь, Маруф. И купец ответил: «Я из его уроженцев». И тогда Маруф сказал: «Я с Красной улицы». — «А кого ты знаешь на Красной улице?» — спросил купец. И Маруф сказал: «Такого-то и такого-то», — и перечислил ему много людей.

И тогда купец спросил: «Знаешь ли ты шейха Ахмеда, москательщика?» И Маруф ответил: «Это мой

сосед, стеной к стене». — «Что он, здоров?» — спросил купец. И Маруф ответил: «Да». Тогда купец опять спросил: «А сколько у него детей?» — «Трое: Мустафа, Мухаммед и Али», — ответил Маруф. И купец спросил: «Что сделал Аллах с его детьми?» — «Мустафа, — ответил Маруф, — здоров, и он ученый, преподаватель, а Мухаммед — москательщик, он открыл себе лавку рядом с лавкой своего отца, после того как женился и жена родила ему сына по имени Хасан». — «Да порадует и тебя Аллах благой вестью!» — воскликнул купец. И Маруф продолжал: «Что же касается Али, то он был мне товарищем, когда мы были маленькие, и я постоянно играл с ним. Мы ходили в одежде христианских детей и входили в церковь, и воровали книги христиан, и продавали их, а на вырученные деньги покупали себе еду; и как-то раз случилось, что христиане увидели нас, и схватили с книгой, и пожаловались нашим родным, и сказали отцу Али: «Если ты не удержишь своего сына от вреда нам, мы пожалуемся на тебя царю». И отец Али успокоил их и задал сыну порку, и по этой причине Али убежал, и с того времени отец не знал к нему дороги. Он исчез двадцать лет назад, и никто не имел о нем вестей».

«Это я — Али, сын шейха Ахмеда, москательщика, а ты — мой товарищ, о Маруф!» — воскликнул купец. И они приветствовали друг друга. А после приветствия купец сказал: «О Маруф, расскажи мне о причине твоего прихода из Мисра в этот город». И Маруф рассказал ему о своей жене Фатиме-ведьме и о том, что она с ним сделала, и сказал: «Когда ее обиды стали для меня слишком тяжкими, я убежал от нее в сторону Ворот Победы, и на меня полил дождь, и я вошел в заброшенную кладовую в Аль-Адилии и сидел там и плакал, и вышел ко мне обитатель того места — а это ифрит из джиннов — и спросил меня, что со мной, и я рассказал ему о моем положении, и тогда он посадил меня к себе на спину и всю ночь летел со мной между небом и землей, а потом поставил меня на гору и рассказал мне про этот город. И я спустился с горы и вошел в город, и люди собрались вокруг меня и стали меня расспрашивать. И я сказал им: «Я вчера вышел из Мисра». И они мне не поверили, и пришел ты, и отогнал от меня людей, и привел меня в этот дом. Вот причина моего ухода из Мисра. А ты — какова причина твоего прихода сюда?»

И купец отвечал ему: «Меня одолело безрассудство, когда мне было восемь лет, и с того времени я ходил из селения в селение и из города в город, пока не пришел в этот город, и называется он Ихтиян аль-Хатан. Я увидел, что его жители благородные и великодушные люди и у них есть жалость, и узнал, что они доверяют бедняку, и дают ему в долг, и верят всему, что он говорит. И тогда я сказал им: «Я купец, и я опередил мою поклажу, и мне нужно место, куда сложить поклажу». И они поверили мне и освободили мне место. И я сказал им: «Найдется ли среди вас кто-нибудь, кто бы мне одолжил тысячу динаров, пока не придет моя поклажа, и тогда я верну ему то, что у него взял,— мне нужны некоторые вещи до прибытия моей поклажи». И они дали мне, сколько я хотел, и я пошел на рынок купцов, и увидел там некоторые товары, и купил их, а на следующий день я их продал, и нажил пятьдесят динаров, и купил других вещей. И я начал дружить с людьми и оказывать им уважение, и они полюбили меня, и я продавал и покупал, и мои деньги умножились. Знай, о брат мой, что говорит сказавший поговорку: «Вся земная жизнь — бахвальство и хитрости, и в стране, где тебя никто не знает, делай что хочешь». Если ты будешь говорить всякому, кто тебя спросит: «По ремеслу я башмачник, и я бедняк, и убежал от моей жены, и вчера ушел из Мисра»,— тебе не поверят, и ты будешь для людей посмешищем, пока останешься в этом городе. А если ты скажешь: «Меня принес ифрит»,— все от тебя разбегутся и никто к тебе не подойдет. И люди будут говорить: «Этот человек одержим ифритом, и со всяким, кто к нему приблизится, случится беда». И такая слава будет дурной для тебя и для меня, так как они знают, что я из Мисра».

«Что же мне делать?» — спросил Маруф. И купец сказал ему: «Я научу тебя, как сделать, если захочет великий Аллах. Я дам тебе завтра тысячу динаров и мула, чтобы ездить на нем, и раба, который пойдет впереди тебя и доведет тебя до ворот рынка купцов. Войди к ним, а я буду сидеть среди купцов, и, когда я тебя увижу, я встану, и поздороваюсь с тобой, и поцелую тебе руку, и буду возвеличивать твой сан. И всякий раз, как я тебя спрошу о каком-нибудь сорте ткани и скажу тебе: «Привез ли ты с собой сколько-нибудь такого-то сорта?» — ты говори: «Много».

А если меня о тебе будут спрашивать, я стану тебя расхваливать и возвеличивать в их глазах, а потом скажу: «Наймите ему амбар и лавку»,— и припишу тебе изобилие богатств и щедрость. Когда же подойдет к тебе нищий, дай ему сколько придется,— и люди поверят моим словам, и убедятся в твоём величии и щедрости, и полюбят тебя. А потом я тебя приглашу, и приглашу ради тебя всех купцов, и сведу тебя с ними, чтобы они все тебя знали и ты бы их знал, для продажи и покупки, и брал у них, и отдавал. И не пройдет долгий срок, как ты уже станешь обладателем богатства».

И когда наступило утро, купец Али дал Маруфу тысячу динаров, одел его в платье и посадил на мула, и дал ему раба, и сказал: «Да освободит тебя Аллах от ответственности за все это, так как ты мой друг и мне обязательно оказать тебе уважение. Не обременяй себя заботой и брось думать о том, что было у тебя с твоей женой, и не говори о ней никому». И Маруф воскликнул: «Да воздаст тебе Аллах благом!»— а потом он сел на мула, и раб шел перед ним, пока не довел его до ворот рынка купцов, и все купцы сидели там, и купец Али сидел среди них.

И увидев Маруфа, он поднялся, и бросился к нему, и сказал: «Благословенный день, о купец Маруф, о обладатель блага и милости!» А потом он поцеловал ему руку перед купцами и сказал: «О братья, купец Маруф обрадовал нас своим приходом». И все купцы приветствовали его, и Али делал им знаки, чтобы они выразили ему уважение, а Маруф стал великим в их глазах; а затем Али помог слезть ему со спины мула, и купцы приветствовали его, и Али уединялся то с одним, то с другим из них и расхваливал Маруфа.

И его спрашивали: «Это купец?» И он говорил: «Да. Вернее — это самый большой из купцов, и не найдется никого богаче, так как его богатства и богатства его отца и предков знамениты среди купцов Мисра. У него есть товарищи в Индии, Синде и Йемене, и в отношении щедрости он стоит на великой ступени. Знайте же его сан, возвышайте его место и служите ему. Да будет вам известно, что он прибыл в этот город не для торговли и у него нет другой цели, как посмотреть на чужие страны,— ему не нужно ездить на чужбину для прибыли и наживы, так как у него столько денег, что их не пожрут огни, и я — один из его слуг».

И Али до тех пор расхваливал Маруфа, пока купцы не вознесли его выше головы и не стали рассказывать друг другу о его достоинствах. А затем они собрались подле него и начали предлагать ему угощения и напитки, и даже начальник купцов подошел к нему и приветствовал его.

И купец Али говорил Маруфу в присутствии других купцов: «О господин, может быть, ты привез с собой сколько-нибудь такой-то ткани?» И Маруф отвечал: «Много!» (А в эти дни Али показал ему всякие драгоценные ткани и научил его названиям тканей, дорогих и дешевых.)

И один купец спросил Маруфа: «О господин мой, ты привез желтого сукна?» И Маруф ответил: «Много!» И купец спросил: «А красного, как кровь газели?» И Маруф ответил: «Много!» И всякий раз, как он спрашивал его о чем-нибудь, Маруф отвечал: «Много!»

И тогда купец сказал: «О купец Али, если бы твой земляк захотел привезти тысячу тюков дорогих тканей, он бы привез их?» И Али ответил: «Он бы привез из одной кладовой в числе своих кладовых, и там бы ничего не уменьшилось».

И когда они сидели, вдруг стал обходить купцов нищий, и одни подали ему серебряную полушку, а другие подали джедид, но большинство из них не дало ему ничего. А когда нищий дошел до Маруфа, тот захватил горсть золота и отдал нищему, и нищий пожелал ему блага и ушел; и купцы удивились и сказали: «Это подарок царей — он ведь дал нищему золота без счета, и если бы он не был из людей с большим состоянием и у него не было бы всего много, он не подал бы нищему горсть золота».

А через некоторое время подошла к Маруфу бедная женщина, и он захватил горсть золота и дал ей, и она ушла, благословляя его, и рассказала об этом другим беднякам, и они стали подходить к нему один за другим, и всякий раз, как они к нему подходили, Маруф брал горсть золота и подавал, пока не израсходовал всю тысячу динаров.

А после этого он ударил рукой об руку и воскликнул: «Достаточно с нас Аллаха, и благой он промыслитель!» И начальник купцов спросил его: «Что с тобой, о купец Маруф?» И Маруф сказал: «Похоже, что

большинство жителей этого города — бедняки и нищие. Если бы я знал, что это так, я бы привез в седельном мешке немного денег и подарил бы их бедным. Я боюсь, что мое пребывание на чужбине продлится, а мне свойственно не отказывать нищему. Но у меня не осталось золота, и, когда подойдет ко мне бедняк, что я ему скажу?» — «Скажи ему: «Аллах тебя наделит», — молвил начальник купцов. И Маруф воскликнул: «Не таков мой обычай, и одолели меня по этой причине заботы. Я хотел бы иметь тысячу динаров, чтобы подавать милостыню, пока не придет моя поклажа».

И начальник купцов сказал: «Не беда!» И послал кого-то из своих слуг, и тот принес ему тысячу динаров, и он отдал их Маруфу. И Маруф подавал каждому, кто проходил мимо него из бедных, пока не раздался призыв к полуденной молитве. И люди вошли в мечеть и совершили полуденную молитву, и то, что у него осталось от тысячи динаров, Маруф разбросал над головами молящихся, и тогда люди обратили на него внимание и стали его благословлять, а купцы дивились его великой щедрости и тороватости.

И потом Маруф обратился к другому купцу и, взяв у него тысячу динаров, роздал их, а купец Али смотрел на его поступки и не мог ничего сказать.

И Маруф делал так, пока не раздался призыв к предзакатной молитве, и тогда он вошел в мечеть, и помолился, и роздал остаток денег. И не заперли еще ворот рынка, как он уже взял пять тысяч динаров и роздал их, и всякому, у кого он что-нибудь брал, он говорил: «Когда придет моя поклажа, если ты захочешь золота, я тебе дам, а если захочешь тканей, я тебе дам — у меня много».

А к вечеру купец Али пригласил Маруфа к себе, и пригласил с ним всех купцов, и посадил его на почетное место, и тот разговаривал только о тканях или драгоценных камнях, и всякий раз, когда ему что-нибудь называли, он отвечал: «У меня этого много».

А на следующий день Маруф отправился на рынок и стал обращаться к купцам, и брать у них деньги, и раздавать их беднякам, и он поступал таким образом двадцать дней, пока не взял шестьдесят тысяч дина-

ров — и к нему не пришла ни поклажа, ни жгучая чума*.

И люди стали шуметь о своих деньгах и сказали: «Не пришла поклажа купца Маруфа! До каких же пор он будет брать у людей деньги и отдавать их нищим?» И один из купцов сказал: «Правильно будет нам поговорить с его земляком, купцом Али». И они пришли к нему и сказали: «О купец Али, поклажа купца Маруфа не пришла». И Али сказал: «Подождите, она обязательно скоро придет». А потом он остался наедине с Маруфом и сказал ему: «О Маруф, что это за дела? Что я тебе говорил: «подрумянь хлеб» или «сожги его»? Купцы шумят о своих деньгах, и они мне сказали, что им с тебя следует шестьдесят тысяч динаров, которые ты взял и роздал нищим. Чем же ты заплатишь долги людям, когда ты не продаешь и не покупаешь?» — «А что такое случилось, — сказал Маруф, — и что за количество — шестьдесят тысяч динаров? Когда поклажа придет, я им отдам; если они хотят — тканями, а если хотят — золотом и серебром». — «Аллах велик! — воскликнул купец Али. — Разве у тебя есть поклажа?» — «Много!» — отвечал Маруф. И Али воскликнул: «Аллах и его приспешники пусть воздадут тебе за твою мерзость! Разве я учил тебя этим словам, чтобы ты говорил их мне? Я расскажу о тебе людям!» — «Ступай без долгих разговоров, — сказал Маруф. — Разве я бедняк? В моей поклаже всего много, и когда она придет, они возьмут свои вещи за динар — два, и я в них не нуждаюсь».

И тогда купец Али рассердился и воскликнул: «О маловоспитанный, я тебе покажу, как мне врать не стыдятся!» И Маруф сказал: «Что сумеешь, то и сделай, а они подождут, пока придет моя поклажа, и получают свое добро с избытком».

И купец Али оставил его и ушел, говоря в душе: «Я раньше его расхваливал, и если я теперь стану его хулить, то окажусь лгуном, и ко мне подойдут слова сказавшего: «Кто похвалил, а потом осудил, тот солгал два раза». И купец Али рассердился и не знал что делать. И потом купцы пришли к нему и спросили: «О купец Али, ты с ним разговаривал?» И он сказал им: «О люди, мне перед ним стыдно! У него тысяча динаров моих денег, и я не могу с ним о них говорить. А когда вы ему давали, вы не советовались со мной,

и мне нечего о нем с вами разговаривать. Требуйте с него, а если он вам не отдаст, пожалуйста на него царю этого города и скажите ему: это плут, который сплутовал с нами,—и царь освободит вас от него».

И купцы пошли к царю, и рассказали ему о том, что случилось, и сказали: «О царь времени, мы не знаем, что нам делать с этим купцом, щедрость которого так велика. Он делает то-то и то-то и все, что берет, раздает беднякам горстями. Если бы он имел мало, его душа не позволяла бы ему брать золото горстями и раздавать его бедным, а если бы он был из людей богатых, правдивость его стала бы нам ясна с приходом его поклажи. Но мы не видим у него поклажи, хотя он утверждает, будто у него есть поклажа, которую он опередил, и всякий раз, как мы называем ему какой-нибудь сорт из сортов материи, он говорит: «Его у меня много!» Прошел уже долгий срок, а об его поклаже нет никаких вестей, и нам с него следует шестьдесят тысяч динаров, и все это он роздал беднякам». И они стали расхваливать Маруфа и прославлять его щедрость.

А этот царь был жадюга, жаднее Ашаба *, и когда он услышал о великодушии и щедрости Маруфа, им овладела жадность, и он сказал: «Если бы у этого купца не было много денег, он бы не проявил всей этой щедрости. Его поклажа обязательно прибудет! И эти купцы соберутся у него, и он раздаст им много денег. Я имею больше прав, чем они, на эти деньги, и я хочу завязать с ним дружбу и подружиться с ним, пока не пришла его поклажа. И то, что взяли бы от него эти купцы, возьму я. Я женю его на моей дочери и присоединю его деньги к моим деньгам».

И везирь царя сказал ему: «О царь времени, я думаю, что он плут, а плут разрушает дом жадного»,—и царь молвил: «О везирь, я его испытаю и узнаю, плут ли он, или говорит правду, и воспитан ли он в богатстве, или нет».—«Чем же ты его испытаешь?» — спросил везирь; и царь сказал: «У меня есть драгоценный камень. Я пошлю за этим купцом, и призову его к себе, и, когда он сядет, окажу ему уважение, и дам ему этот камень; и если он узнает, какой это камень, и узнает его цену — значит, он обладатель благ и богатства; а если он его не узнает, то он плут и выскочка, и я убью его наихудшим образом».

И затем царь послал за Маруфом и призвал его к себе, и Маруф, войдя, приветствовал его, и царь возвратил ему приветствие, и посадил его с собой рядом, и спросил: «Ты ли купец Маруф?» — «Да», — ответил Маруф. И царь молвил: «Купцы утверждают, будто им с тебя следует шестьдесят тысяч динаров. Правда ли то, что они говорят?» — «Да», — ответил Маруф. И царь спросил: «Почему же ты не отдаешь им деньги?» — «Они подождут, пока прибудет моя поклажа, и я отдам им за один динар — два, и если они захотят золота — я им дам, и если захотят серебра — я им дам, и если захотят товаров — я тоже им дам», — ответил Маруф. — Кому следует тысяча, я дам две, — за то, что он защитил мою честь перед бедняками; у меня всего много».

А потом царь сказал ему: «О купец, возьми этот камень и посмотри, какого он сорта и какая ему цена». И он дал ему камень величиной с орешек (а царь купил его за тысячу динаров, и у него не было другого такого камня, и он дорожил им). И Маруф взял его в руку, и сжал большим и указательным пальцем, и сломал, — так как драгоценный камень тонок и не выносит давления.

«Зачем ты сломал этот драгоценный камень?» — спросил его царь. И Маруф засмеялся и сказал: «О царь времени, это не драгоценный камень — это кусок металла, который стоит тысячу динаров. Как же ты говоришь про него, что это драгоценный камень? Драгоценному камню цена семьдесят тысяч динаров, а это называется кусок металла. Драгоценные камни, которые не будут величиной с лесной орех, не имеют для меня цены, и я ими не занимаюсь. Как ты можешь быть царем и называть это драгоценным камнем, когда это кусок металла, которому цена тысяча динаров? Но вам простительно: вы бедняки и у вас нет сокровищ, имеющих цену». — «О купец», — спросил его царь, — а у тебя есть драгоценные камни, про которые ты рассказываешь?» — «Много», — отвечал Маруф. И царя одолела жадность, и он спросил: «А ты дашь мне настоящих драгоценных камней?» — «Когда придет моя поклажа, — ответил Маруф, — я дам тебе много, и чего бы ты ни потребовал, у меня много, и я дам тебе все бесплатно». И царь обрадовался и сказал купцам:

«Уходите своей дорогой и подождите, пока не придет его поклада, а тогда приходите и возьмите ваши деньги от меня». И купцы ушли.

Вот что было с Маруфом и купцами. Что же касается царя, то он обратился к везирю и сказал ему: «Обласкай купца Маруфа, и завяжи с ним разговор, и скажи ему про мою дочь, чтобы он на ней женился и мы бы заполучили все блага, которые у него есть». — «О царь времени, — отвечал везирь, — поведение этого человека мне не нравится, и я думаю, что он плут и лгун. Брось же эти слова, чтобы твоя дочь не пропала ни за что».

А этот везирь раньше просил царя женить его на своей дочери, и царь хотел выдать ее за него замуж, но когда это дошло до царевны, она не согласилась.

И царь сказал везирю: «О обманщик, ты не хочешь мне добра, потому что ты раньше сватался к моей дочери и она не согласилась выйти за тебя замуж, и теперь ты пресекаешь путь к ее замужеству и хочешь, чтобы моя дочь осталась, как земля под паром, и ты взял бы ее сам. Выслушай же от меня такое слово: нет тебе касательства к этим делам. Как он может быть плутом и лгуном, когда он узнал цену этого драгоценного камня — ту, за которую я его купил, и сломал его, так как он ему не понравился? У него много драгоценных камней, и когда он войдет к моей дочери, то увидит, что она красива, и она отнимет у него разум, и он полюбит ее и даст ей драгоценных камней и сокровищ. А ты желаешь лишить мою дочь и меня этих благ».

И везирь промолчал, боясь гнева царя, и сказал в душе: «Натравливай собак на быков!» А затем он обратился к купцу Маруфу и сказал ему: «Его величество царь полюбил тебя, и у него есть дочь, красивая и прелестная, на которой он хочет тебя женить. Что ты скажешь?» — «Это недурно, — отвечал Маруф, — но пусть он подождет, пока придет моя поклада: приданое за царских дочерей обильно, и сан их таков, что за них дают только приданое, подходящее к их положению. А сейчас у меня нет денег. Пусть же царь подождет, пока придет моя поклада, — у меня добра много. Я обязательно должен раздать за невесту милостыни пять тысяч мешков денег, и мне нужно тысячу мешков, чтобы раздать их нищим и беднякам

в вечер, когда я к ней войду, и тысячу мешков, чтобы раздать тем, кто будет идти в шествии, и тысячу мешков, чтобы сделать угощение для военных и для других. Мне нужно сто драгоценных камней, чтобы дать их царевне наутро после свадьбы, и сто драгоценных камней, которые я раздам невольницам и евнухам,— я дам каждому из них камень, чтобы возвысить сан невесты. Мне нужно одеть тысячу голых и бедняков, и не обойтись мне без подаяния,— а все это возможно только тогда, когда придет моя поклажа, у меня ведь всего много, тогда я и думать не стану обо всех этих расходах».

И везирь пошел и рассказал царю о том, что говорил Маруф, и царь сказал: «Если он этого хочет, как же ты говоришь про него, что он плут и лгун?» — «Я продолжаю это говорить»,— сказал везирь. И царь выругал его, и выбранил, и сказал: «Клянусь жизнью моей головы, если ты не оставишь этих речей, я тебя убью! Возвращайся к нему и приведи его ко мне, и я с ним устроюсь».

И везирь пошел к Маруфу и сказал: «Пойди поговори с царем». И Маруф ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И затем он пришел к царю, и тот сказал ему: «Не оправдывайся этими оправданиями! Моя казна полна, возьми ключи себе и расходуй все, что тебе нужно. Давай сколько хочешь, одевай бедных и делай что хочешь,— и тебе ничего не будет от дочери и ее невольниц, а когда придет твоя поклажа, сделай своей жене какое хочешь уважение. Мы будем ждать ее приданого, пока не придет твоя поклажа, и между мной и тобой нет никакого различия».

И затем он приказал шейх-аль-исламу написать брачную запись, и тот написал запись царевны с купцом Маруфом, и царь принялся устраивать свадьбу. Он приказал украсить город, и забили в барабаны, и поставили кушанья всевозможных родов, и пришли забавники. А купец Маруф сидел на скамеечке в брачном зале, и к нему приходили забавники, фокусники и плясуны, и мастера диковинных движений и удивительных развлечений,— и он приказывал казначею и говорил: «Принеси золото и серебро!» И тот приносил золото и серебро, и Маруф обходил смотрящих, подавал каждому, кто играл, горсть, и он благотельствовал беднякам и нищим и одевал голых, и была эта свадьба шумная.

И казначей не успевал приносить из казны деньги, а сердце везиря чуть не лопалось от злости, но он не мог ничего сказать.

А купец Али удивлялся, что расходуются такие деньги, и говорил купцу Маруфу: «Аллах и его приспешники пусть отомстят твоей голове. Тебе не довольно, что ты погубил деньги купцов, и ты губишь деньги царя». И купец Маруф отвечал ему: «Это тебя не касается. Когда придет поклажа, я все возмещу».

И он начал разбрасывать деньги и говорил про себя: «Жгучая чума! Что будет, то будет, и от того, что predetermined, не убежишь!»

И свадьба продолжалась сорок дней, а на сорок первый день устроили шествие невесты, и перед ней шли все эмиры и военные, и когда ее привели, Маруф стал рассыпать золото над головами людей. И царевне устроили великолепное шествие, а Маруф истратил очень значительные деньги, и его ввели к царевне, и он сел на высокое кресло. И опустили занавески, и заперли двери, и все вышли и оставили его у невесты, и тогда он начал бить рукой об руку и просидел некоторое время печальный, ударяя ладонью об ладонь и говоря: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого». — «О господин мой, да будешь ты здоров, почему это ты озабочен?» — спросила царевна. И Маруф сказал: «Как мне не быть озабоченным, когда твой отец меня расстроил и сделал со мной такое дело, как будто сжег зеленый посев». — «А что с тобой сделал мой отец, скажи мне?» — спросила царевна. И Маруф ответил: «Он ввел меня к тебе раньше, чем прибыла моя поклажа, а я хотел иметь самое меньшее что драгоценных камней, чтобы раздать их твоим невольницам, каждой по одному камню, чтобы они радовались и говорили: «Мой господин дал мне камешек в ночь, когда вошел к своей госпоже». И этот поступок служил бы для возвышения твоего сана и увеличения почета тебе. Я не перестаю раздавать камни, так как у меня их много».

«Не заботься об этом и не огорчайся по этой причине, — сказала царевна. — Что касается меня, то тебе от меня ничего не будет плохого, так как я подожду, пока придет твоя поклажа, а что касается невольниц, то тебе от них тоже ничего не будет. Вставай, сними с себя одежду и доставь себе наслаж-

дение, а когда придет твоя поклажа, мы получим эти камни и другое».

И Маруф поднялся, и, сняв с себя одежду, сел на постель, и принялся дразнить жену, и начались заигрыванья, и он положил ей руку на ногу, а она села к нему на колени, вложила губы ему в рот, и был это тот час, когда забывает человек отца и мать.

И Маруф обнял жену, и прижал ее к себе, и стал мять ее в объятьях, и прижал ее к груди, и сосал ей губы, пока из них не потек мед. Он положил ей руку под левую подмышку, и ее члены, как и его члены, устремились к сближению, и тогда он ударил ее между грудями, и она оказалась меж его бедрами, и он опоясал ее ногами, и испробовал оба способа, и закричал: «О отец двух покрывал!» И он вложил заряд, и зажег фитиль, и, нацелившись по компасу, приложил огонь, и сбил башню со всех четырех столбов, и была это загадка, о которой не спрашивают, и девушка вскрикнула криком, который неизбежен, и купец Маруф уничтожил ее девственность, и была это ночь, которая не идет в счет ночей жизни, так как она заключает сближение с прекрасными, объятия и игры до утра.

А потом Маруф сходил в баню, и надел платье из платьев царей, и, выйдя из бани, пришел в диван царя, и те, кто был там, стали ради него на ноги, и встретили его с уважением и почетом, поздравляя его, и призывали на него благословение.

И Маруф сел рядом с царем и спросил: «Где казначей?» И ему сказали: «Вот он, перед тобой». И Маруф молвил: «Поддай почетные одежды и одень всех везирей, и эмиров, и обладателей должностей!» И казначей принес ему все, что он потребовал, и Маруф сидел и давал каждому, кто к нему приходил, и одаривал всякого человека, смотря по его сану.

И он провел таким образом двадцать дней, и у него не обнаружилось ни поклажи, ни чего-нибудь другого, и казначей почувствовал из-за него величайшее стеснение.

И он вошел к царю в отсутствие Маруфа (а царь сидел с одним только везирем, больше ни с кем), и поцеловал перед ним землю, и сказал: «О царь времени, я тебе кое-что расскажу, так как ты, может быть, будешь меня упрекать за то, что я тебе

этого не рассказал. Знай же, что казна опустела, и там не осталось денег, кроме малого количества, и через десять дней мы ее запрем пустой». — «О везирь, — сказал царь, — поклада моего зятя задержалась, и о ней нет вестей». И везирь захохотал и сказал: «Да будет Аллах к тебе милостив, о царь времени! Ты слишком прост для дел этого плута и лгуна! Клянусь жизнью твоей головы, у него нет ни поклады, ни чумы, которая освободила бы нас от него, и он с тобой плутовал, пока не погубил твои деньги и не женился на твоей дочери даром. До каких пор ты будешь беспечен с этим лгуном?» — «О везирь, — сказал царь, — как сделать, чтобы узнать истинное положение дел?» И везирь сказал: «О царь времени, не проведает тайны мужчины никто, кроме его жены. Пошли за твоей дочерью, чтобы она пришла за занавеску, и я спрошу ее об истинном положении. Пусть она расспросит Маруфа и осведомит нас об его обстоятельствах». — «В этом нет дурного, — сказал царь, — клянусь жизнью моей головы, если будет установлено, что он плут и лгун, я убью его наихудшим образом».

И затем он взял везиря и, придя с ним в приемную комнату, послал за своей дочерью, и она пришла за занавеску (а это было в отсутствие ее мужа) и, придя, сказала: «О батюшка, что ты хочешь?» — «Поговори с везирем», — сказал царь. И царица спросила: «О везирь, что тебе?» И везирь молвил: «О госпожа, знай, что твой муж погубил деньги твоего отца и женился на тебе без приданого. Он все время обещает нам и не исполняет обещаний, и об его покладе не обнаружилось сведений, а в общем, мы хотим, чтобы ты рассказала нам про него».

И царица сказала: «Его речи многочисленны, и он все время приходит и обещает мне драгоценные камни, сокровища и дорогие материи, но я ничего этого не вижу». — «О госпожа, — спросил везирь, — можешь ли ты сегодня ночью завязать с ним разговор и сказать ему: «Расскажи мне правду и не бойся ничего. Ты стал моим мужем, и я не допущу с тобой неосторожности. Расскажи мне истину об этом деле, и я придумаю для тебя план, который тебя спасет». И затем отдаляйся и приближайся к нему в разговоре, покажи ему любовь и допроси его, а после этого расскажи нам истину об его деле». — «О батюшка, — ответила царица, — я знаю, как мне его испытать».

И затем она ушла, а после ужина к ней, по обычаю, вошел ее муж Маруф, и она поднялась к нему, и взяла его под мышки, и стала его обманывать великими обманами (а достаточно обманов у женщин, когда у них есть до мужчин какая-нибудь нужда, которую они хотят исполнить!), и до тех пор обманывала его и ласкала словами слаще меда, пока не украла его разума.

И когда она увидела, что Маруф склонился к ней вполне, она сказала: «О прохлада моего глаза, о плод моей души, да не заставит меня Аллах тосковать без тебя и да не разлучит время нас с тобой. Любовь к тебе поселилась в моем сердце, и огонь страсти к тебе сжег мою печень, и не будет никогда с тобой допущена крайность. Я хочу, чтобы ты рассказал мне истину, так как ухищрения лжи бесполезны и не все время удаются. До каких пор будешь ты плутовать и лгать моему отцу? Я боюсь, что твое дело станет ему ясно, прежде чем мы придумаем для него хитрость, и он тебя схватит. Расскажи же мне правду, и тебе будет лишь то, что тебя радует. Когда ты расскажешь мне истину об этом деле, не бойся ничего дурного. Сколько ты еще будешь утверждать, что ты купец и обладатель денег и у тебя есть поклажа? Прошло уже долгое время, как ты говоришь: «Моя поклажа, моя поклажа»,—и нет о твоей поклаже вестей, и на твоём лице видна забота по этой причине. Если в твоих словах нет правды, расскажи мне, и я придумаю тебе план, который тебя освободит, если захочет Аллах». — «О госпожа,—ответил Маруф,—я расскажу тебе правду, и что желаешь, то и сделай». — «Говори и будь правдив,—сказала царица,—ибо правда — корабль спасения, и берегись лжи, ибо ложь позорит солгавшего. От Аллаха дар того, кто сказал:

Правдивым будь, творя свои дела,
Хотя бы истина тебя сожгла.

Всего глупее: не боясь Аллаха,
Рабам Аллаха угождать из страха» **.

«О госпожа,—сказал Маруф,—знай, что я не купец и нет у меня ни поклажи, ни жгучей чумы. Я был в моей стране башмачником, и у меня есть жена по имени Фатима-ведьма, и у меня с ней случилось то-то и то-то».

И он рассказал ей всю историю с начала до конца, и царица засмеялась и сказала: «Ты искусен в ремесле лжи и плутовства». — «О госпожа, — сказал Маруф, — да сохранит тебя Аллах великий, чтобы прикрывать пороки и рассеивать горести». И царица молвила: «Знай, что ты сплutowал с моим отцом и обманул его своим великим бахвальством, так что он выдал меня за тебя из жадности, а затем ты погубил его деньги, и везирь подозревает тебя из-за этого. Сколько раз он разговаривал о тебе с моим отцом и говорил ему: «Это плут и лгун». Но отец не слушался его в том по той причине, что везирь за меня посватался, но я не согласилась, чтобы он был мне мужем, а я была его женой. Но затем время продлилось, и мой отец почувствовал стеснение и сказал мне: «Допроси его». И я тебя допросила, и открылось закрытое. Мой отец твердо решил повредить тебе по этой причине, но ты стал моим мужем, и я не допущу с тобой неосторожности. Если я расскажу моему отцу эту историю, он утвердится в мнении, что ты плут и лгун, и сплutowал с царской дочерью, и погубил его деньги. Твой грех у него не будет прощен, и он убьет тебя без сомнения, и среди людей распространится молва, что я вышла замуж за плута и лгуна, и это будет позором для моего достоинства. А когда мой отец убьет тебя, ему, может быть, понадобится выдать меня за другого, а я на это не соглашусь, хотя бы я умерла. Но, однако, вставай теперь, и надень одежду невольника, и возьми с собой пятьдесят тысяч динаров из моих денег. Садись на коня и поезжай в страну, где власть моего отца не действует, и сделайся там купцом. Напиши мне письмо и пришли его с гонцом, который придет ко мне тайно, чтобы я знала, в какой ты стране, и могла бы посылать тебе все, до чего достанет моя рука, и твое богатство бы увеличилось. Если мой отец умрет, я пошлю за тобой, и ты приедешь во славе и почете, а если умрешь ты или умру я и буду взята к милости Аллаха великого, то воскресение из мертвых соединит нас, — и вот правильное решение. Пока ты здоров и я здорова, я не лишу тебя писем и денег. Поднимись же, прежде чем взойдет день, и ты будешь в затруднении, и окружит тебя гибель».

«О госпожа, — сказал Маруф, — я под твоим покровительством и хочу, чтобы ты простилась со мной

сближением». — «Это неплохо», — сказала царевна. И Маруф сблизился с ней, а потом совершил омовение и, надев одежду невольника, приказал конюхам оседлать коня из резвых коней. И ему оседлали коня, и тогда он простился с царевной, и вышел из города в конце ночи, и поехал, и всякий, кто его видел, думал, что это невольник из невольников султана, который едет, чтобы исполнить какое-нибудь дело.

А когда наступило утро, царь вместе с везирем пришел в комнату, где сидят, и отец послал за дочерью и, когда она пришла за занавеску, спросил ее: «О дочка, что скажешь?» И царевна ответила: «Я скажу: да очернит Аллах лицо твоего везиря, — у него было желание очернить мое лицо перед мужем». — «А как так?» — спросил царь. И она сказала: «Мой муж пришел ко мне вчера, и, раньше чем я сказала ему эти слова, вдруг вошел ко мне фарадж-евнух с письмом в руке и сказал: «Десять невольников стоят под окном дворца, и они мне дали это письмо и сказали: «Поцелуй за нас руки Сиди Маруфа, купца, и отдай ему это письмо. Мы из невольников, которые идут с его поклажей, и до нас дошло, что он женился на царевне, и мы пришли ему рассказать, что с нами случилось по дороге».

И я взяла письмо, и прочитала его, и увидела в нем: «От пятисот невольников к его достоинству, нашему господину, купцу Маруфу. А затем — вот о чем мы осведомляем тебя: после того как ты от нас уехал, на нас напали кочевники и вступили с нами в бой, и их было тысячи две всадников, а нас — пятьсот невольников. У нас произошел с кочевниками великий бой, и они не дали нам идти по дороге, и прошло тридцать дней, и мы все воюем с ними. Вот причина нашей задержки. Они отняли у нас двести тюков тканей из поклажи и убили из нас пятьдесят невольников».

И когда до Маруфа дошла эта весть, он воскликнул: «Да обманет их Аллах! Как это они сражаются с кочевниками из-за двухсот тюков товаров и что значит двести тюков? Им не следовало задерживаться из-за этого: ведь цена двухсот тюков — семь тысяч динаров. Но мне следует отправиться к ним и поторопить их, а то, что взяли кочевники, не уменьшит моей поклажи, и это нисколько на меня не действует. Я буду считать, что подал им это как милостью».

И потом он ушел от меня смеясь и не огорчился из-за того, что его имущество пропало и его невольники убиты; и когда он ушел, я посмотрела из окна дворца и увидела, что те десять невольников, которые принесли ему письмо, подобны лунам, и каждый из них одет в платье, стоящее две тысячи динаров, и у моего отца нет невольника, похожего на кого-нибудь из них.

И затем мой муж отправился с невольниками, которые принесли ему письмо, чтобы привести свою поклажу, и хвала Аллаху, который не дал мне ничего сказать ему из тех слов, что ты мне велел сказать: он бы стал смеяться надо мной и над тобой и, может быть, посмотрел бы на меня взором унижения и возненавидел бы меня. Но ведь весь позор — от твоего везиря, который говорил о моем муже слова неподобающие».

«О дочка,—сказал царь,—богатства твоего мужа обильны, и он не подумает об этом, и с того дня, как он вступил в наш город, он раздает бедным милостыню. Если захочет Аллах, он скоро приедет со своей поклажей и достанется нам от него великое благо». И он начал успокаивать свою дочь и ругать везиря, и хитрость с ним удалась.

Вот то, что было с царем. Что же касается купца Маруфа, то он сел на коня и поехал по безлюдной пустыне, и он был в недоумении и не знал, в какую страну направиться.

И он начал плакать от мук разлуки и испытывал волнение и страсть, и все дороги были перед ним закрыты, и он предпочитал смерть жизни.

И он пошел, точно пьяный от великой нерешительности, и шел не переставая до времени полудня, и, наконец, дойдя до маленькой деревушки, он увидел неподалеку от нее пахаря, который пахал на паре быков.

Маруфа мучил сильный голод, и он подошел к пахарю и сказал ему: «Мир с вами!» И пахарь возвратил ему приветствие и сказал: «Добро тебе пожаловать, о господин! Ты из невольников султана?» — «Да»,—отвечал Маруф. И человек сказал: «Остановись у меня для угощения». И Маруф понял, что он из числа щедрых. «О брат мой,—сказал он ему,—я не вижу у тебя ничего, чем бы ты меня накормил, как же ты меня приглашаешь?» — «О гос-

подин,—ответил пахарь,—добро найдется. Сойди здесь с коня, а селение—вот оно, близко, и я пойду и принесу тебе обед и корм твоему коню». — «Если селение близко,—сказал Маруф,—то я дойду до него во столько же времени, во сколько дойдешь до него ты, и куплю то, что хочу, на рынке и поем». — «О господин,—сказал пахарь,—это селение—маленькая деревушка, и там нет ни рынка, ни купли, ни продажи. Прощу тебя, ради Аллаха, остановись у меня и залечи мое сердце, а я схожу туда и быстро вернусь к тебе!»

И Маруф сошел с коня, а пахарь оставил его и ушел в селение, чтобы принести ему обед.

И Маруф сел его дожидаться и сказал в душе: «Я отвлек этого бедного человека от работы, но я поднимусь и буду пахать за него, пока он не придет, чтобы возместить то, что он из-за меня потерял».

И он взял плуг, и погнал быков, и попахал немного, и плуг задел за что-то, и животные остановились, и Маруф погнал их, но они не могли идти. И Маруф посмотрел на плуг и увидел, что он задел за золотое кольцо. И тогда он снял с кольца землю и увидел, что оно находится посреди мраморной плиты, величиной с мельничный жернов.

И Маруф старался над плитой, пока не сорвал ее с места, и из-под нее показалось подземелье с лестницей. И Маруф спустился по этой лестнице и увидел помещение вроде бани, с четырьмя портиками, и один портик был наполнен от земли до потолка золотом, а второй портик был наполнен изумрудами, жемчугом и кораллами от земли до потолка, а третий портик был наполнен яхонтами, бадахшанскими рубинами и бирюзой, а четвертый портик был наполнен алмазами и дорогими металлами, и драгоценными камнями всех видов. И посередине этого помещения стоял сундук из прозрачного хрусталя, наполненный бесподобными драгоценными камнями, каждый из которых был величиной с орех, и на этом сундуке стояла маленькая коробочка размером с лимон, и она была из золота.

И Маруф, увидев все это, удивился, и обрадовался сильной радостью, и сказал: «Посмотрю-ка, что такое в этой коробочке?» И затем он открыл ее и увидел в ней золотой перстень, на котором были написаны имена и талисманы, подобно следам муравьев.

И он потерял этот перстень, и вдруг чей-то голос сказал: «Я здесь, я здесь, о господин! Требуй — получишь. Хочешь ли ты построить селение, или разрушить город, или убить царя, или прорыть канал, или сделать что-нибудь вроде этого? Что бы ты ни потребовал, это уже свершилось по изволению владыки всевластного, творца ночи и дня». — «О создание моего господина, кто ты и что ты будешь?» — спросил Маруф. И говоривший ответил: «Я слуга этого перстня, исполняющий службу его владельцу. Какое бы желание он мне ни изъявил, я его исполню, и нет мне отговорки в том, что он мне прикажет. Я владыка телохранителей из джиннов, и число моего войска — семьдесят два племени, а число бойцов каждого племени — семьдесят две тысячи, и каждый из тысячи властвует над тысячей маринов, а каждый маринов властвует над тысячей помощников, а каждый помощник властвует над тысячей шайтанов, а каждый шайтан властвует над тысячей джиннов, и все они покорны мне и не могут меня ослушаться. А я приколдован к этому перстню и не могу ослушаться того, кто им владеет, и вот ты им овладел, и я стал твоим слугой. Требуй же чего хочешь, я послушен твоим словам и повинуюсь твоему приказу. Если я тебе понадобится в какое-нибудь время, на суше или на море, потри перстень и найдешь меня возле себя; но берегись потерять перстень два раза подряд: ты сожжешь меня огнем этих имен, и лишишься меня, и будешь жалеть обо мне после этого. Я осведомил тебя о моем положении, и конец». — «Как твоё имя?» — спросил его Маруф, и маринов ответил: «Мое имя Абу-с-Саадат». И Маруф сказал: «О Абу-с-Саадат, что это за помещение и кто приколдовал тебя к этой коробочке?» — «О господин, — ответил маринов, — это помещение — сокровищница, которая называется сокровищницей Шаддада, сына Ада, что построил Ирем многостолбный, подобного которому не сотворено в мире. Я был ему слугой при его жизни, и это его перстень. Шаддад положил его в свою сокровищницу, но теперь он — твоя доля!» — «Можешь ли ты вынести то, что в этой сокровищнице, на поверхность земли?» — спросил Маруф. И маринов ответил: «Да! Это самое легкое дело». И тогда Маруф сказал: «Вынеси все, что в ней есть, и не оставляй ничего».

И Абу-с-Саадат показал рукой на землю, и земля расступилась, и он опустился и исчез на короткое время, и вдруг вышли из-под земли изящные юноши с прекрасными лицами, которые несли золотые корзины, и эти корзины были наполнены золотом. Они опорожнили их и ушли, и принесли другие, и все время переносили золото и драгоценные камни,— и не прошло еще часу, как они сказали: «В сокровищнице не осталось ничего».

А затем появился перед Маруфом Абу-с-Саадат и сказал ему: «О господин мой, все, что было в сокровищнице, мы перенесли». И Маруф спросил его: «Что это за прекрасные юноши?» И марида ответил: «Это мои дети. Для этой работы мне не стоило собирать моих помощников, и мои дети исполнили твою нужду и почтили себя службой тебе. Требуешь же, чего ты хочешь, кроме этого?» — «Можете ли вы привести мулов и сундуки, и сложить эти богатства в сундуки, и погрузить сундуки на мулов?» — спросил Маруф. И марида ответил: «Это самое легкое дело!» И затем он издал великий крик, и его дети явились к нему, а их было восемь сотен.

«Пусть часть из вас примет облик мулов, а часть — облик прекрасных невольников, ничтожнейшему из которых не найдется подобного у какого-нибудь царя, а часть из вас пусть примет облик погонщиков, а часть — облик слуг», — сказал он им. И они сделали то, что он им приказал, и семьсот из них превратились в грузовых мулов, а оставшиеся сто приняли облик слуг. А потом марида кликнул своих помощников, и они предстали перед ним, и тогда он велел части из них принять облик коней, оседланных золотыми седлами и украшенными драгоценными камнями.

И когда Маруф увидел это, он спросил: «Где сундуки?» И их принесли ему, и он сказал: «Складывайте золото и драгоценные металлы, каждый сорт отдельно». И они сложили и погрузили на триста мулов.

И тогда Маруф спросил: «О Абу-с-Саадат, ты можешь принести мне тюки дорогих тканей?» — «Хочешь ли ты тканей египетских, или сирийских, или персидских, или индийских, или румских?» — спросил марида. И Маруф сказал: «Принеси

мне материи каждой страны по сто тюков на ста мулах». — «О господин мой, — сказал марид, — дай мне срок, чтобы я мог назначить для этого моих помощников, я прикажу каждому отряду из них отправиться в какую-нибудь страну и принести сто тюков ее тканей, и мои помощники примут облик мулов и придут, неся эти тюки». — «А какова величина времени отсрочки?» — спросил Маруф. И марид сказал: «То время, пока черна ночь. И не встанет день, как у тебя будет все, что ты хочешь!» — «Я даю тебе эту отсрочку», — сказал Маруф. И затем он приказал им поставить палатку, и ее поставили, и он сел, и ему принесли трапезу, и Абу-с-Саадат сказал ему: «О господин мой, сядь в палатке, и эти мои сыновья будут перед тобой, чтобы тебя охранять. Не бойся ничего, а я пойду соберу моих помощников и пошлю их исполнить твою нужду».

И Абу-с-Саадат ушел своей дорогой, а Маруф сел в палатке, и трапеза стояла перед ним, а сыновья Абу-с-Саадата находились перед ним в облике невольников, слуг и челядинцев.

И когда он сидел таким образом, вдруг подошел тот человек, пахарь, неся большую миску чечевицы и торбу, полную ячменя. Он увидел поставленную палатку и невольников, которые стояли, сложив руки на груди, и подумал, что сам султан пришел и расположился в этом месте.

И тогда он остановился, смущенный, и сказал себе: «О, если бы я зарезал пару цыплят и подрумянил бы их на коровьем масле ради султана!»

И он хотел вернуться, чтобы зарезать цыплят и угостить ими султана, и Маруф увидел его, и закричал ему, и сказал невольникам: «Приведите его!» И невольники понесли пахаря вместе с миской чечевицы и поставили его перед Маруфом. «Что это такое?» — сказал Маруф. И пахарь ответил: «Это твой обед и корм твоему коню. Не взыщи с меня — я не думал, что султан придет в это место, и если бы я это знал, я бы зарезал ему цыплят и угостил бы его хорошим угощением».

И Маруф сказал: «Султан не приехал, но я его зять и был на него сердит, и он прислал ко мне своих невольников, которые помирили меня с ним, и теперь я хочу вернуться в город. Но ты приготовил мне угощение, не зная всего этого, и твое угощение

принято, хотя это и чечевица. Я не буду есть ничего, кроме твоего угощения».

И потом он велел ему поставить миску посреди скатерти и ел из нее, пока не насытился, а что касается пахаря, то он набил себе брюхо теми роскошными кушаньями. И потом Маруф вымыл руки и позволил невольникам есть, и они принялись за остатки трапезы и поели.

И когда миска была опорожнена, Маруф наполнил ее золотом и сказал пахарю: «Отнеси ее к себе домой и приходи ко мне в город, я окажу тебе уважение».

И пахарь взял миску, полную золота, и погнал своих быков, и отправился к себе в деревню, думая, что Маруф — зять царя. А Маруф провел этот вечер в радости и веселье, и к нему пришли девушки из дев сокровища и стали играть на инструментах и плясать перед ним, и он провел ночь, которая не идет в счет ночей жизни.

И наступило утро, и не успел Маруф опомниться, как пыль поднялась, и взлетела, и рассеялась над мулами, которые несли тюки, и их было семьсот мулов, нагруженных тканями, и вокруг них были слуги — верблюжатники, и погонщики, и светоносцы, а Абу-с-Саадат сидел на муле в обличье предводителя каравана, и перед ним шли носилки с четырьмя шариками червонного золота, украшенными драгоценными камнями.

И достигнув палатки, мари́д сошел со спины мула, и поцеловал землю, и сказал: «О господин, дело сделано полностью и до конца, а вот носилки в которых одежда из сокровищницы, — нет ей подобной среди царских одежд. Надень же ее, садись в носилки и приказывай нам что хочешь». — «О Абу-с-Саадат, — сказал Маруф, — я хочу написать письмо, с которым ты пойдешь в город Ихтия́н аль-Хатан и войдешь к моему тестю, царю; но не входи к нему иначе как в облике гонца, приятного видом». — «Слушаю и повинуюсь», — сказал мари́д. И Маруф написал письмо и запечатал его, и Абу-с-Саадат взял письмо и ушел.

Он вошел к царю и увидел, что тот говорит: «О везирь, мое сердце беспокоится о моем зяте, и я боюсь, что его убили кочевники. О, если бы я знал, куда он ушел, чтобы последовать за ним с войском!

О, если бы он рассказал мне об этом до своего ухода!» — «Да смилуется над тобой Аллах за твою простоту, — ответил везирь. — Клянусь жизнью твоей головы, этот человек понял, что мы его заподозрили, и побоялся позора, и убежал. Он не кто иной, как плут и лгун!»

И вдруг вошел гонец, и поцеловал землю перед царем, и пожелал ему вечной славы, счастья в жизни. И царь спросил его: «Кто ты и что тебе нужно?» И гонец ответил: «Я гонец, и меня прислал к тебе твой зять. Он приближается с поклажей и прислал тебе со мной письмо. Вот оно».

И царь взял его, и прочитал, и увидел в нем такие слова после усиленных приветствий нашему дяде, славному царю: «Я прибыл с поклажей. Выступай и встречай меня с войском».

«Да очернит Аллах твое лицо, о везирь! — воскликнул тогда царь. — Сколько ты поносил честь моего зятя и выставлял его плутом и лгуном, а он прибыл с поклажей, и ты не кто иной, как обманщик». И везирь опустил голову к земле от стыда и смущения и сказал: «О царь времени, я говорил эти слова только из-за долгого отсутствия поклажи и боясь, что пропадут деньги, которые он истратил». — «О обманщик, — сказал царь, — что такое деньги, раз пришла его поклажа? Он нам даст вместо них много!»

И затем царь велел украсить город, и вошел к своей дочери, и сказал ей: «Добрая весть! Твой муж скоро приедет со своей поклажей. Он прислал мне об этом письмо, и я выезжаю ему навстречу».

И девушка удивилась этому обстоятельству и сказала про себя: «Вот удивительная вещь! Разве он надо мной издевался, или смеялся надо мной, или хотел меня испытать, когда сказал мне, что он бедный? Но хвала Аллаху, что из-за меня не произошло никакого умаления его достоинства».

Вот что было с Маруфом. Что же касается купца Али каирского, то, увидев украшение города, он спросил о причине этого, и ему сказали: «К купцу Маруфу, зятю царя, пришла его поклажа». — «Аллах велик! — воскликнул Али. — Что это за беда! Он пришел ко мне, убегая от своей жены, и был бедняком! Откуда же пришла к нему поклажа? Но может быть, дочь царя придумала для него хитрость, боясь позора, а ведь цари ни в чем не бессильны. Да покроет его Аллах

великий и да не опозорит!» А другие купцы обрадовались и развеселились из-за того, что получают свои деньги.

И царь собрал свои войска и выступил, а Абу-с-Саадат вернулся к Маруфу и рассказал ему о том, что он доставил послание.

И тогда Маруф сказал: «Грузите!» И надев одежду из сокровищницы, он сел в носилки и стал величественнее и почтеннее, чем царь, в тысячу раз.

И он дошел до половины дороги и вдруг видит, что царь выступил ему навстречу с войском, а царь, приблизившись к Маруфу, увидел, что он одет в эту одежду и сидит в носилках. И тогда он бросился к нему, и приветствовал его, и пожелал ему мира, и все вельможи царства тоже желали ему мира, и стало ясно, что Маруф был правдив и что в нем нет лжи.

И он вступил в город в шествии, от которого лопнет желчный пузырь у льва, и купцы подбежали к нему и поцеловали землю перед ним, а купец Али сказал ему: «Ты устроил эту проделку, и она у тебя вышла, о шейх плутов, но ты это заслужил! Аллах великий да увеличит тебе свои милости».

И Маруф засмеялся. И войдя во дворец, он сел на престол и сказал: «Несите тюки с золотом в казну моего дяди, царя, и подайте сюда тюки с тканями». И ему принесли их, и начали их вскрывать тюк за тюком, и вынимали то, что в них было, пока не открыли все семьсот тюков.

И Маруф отобрал из них самые лучшие и сказал: «Снесите это царевне, чтобы она раздала это своим невольницам, и возьмите этот сундук с драгоценными камнями и отнесите его ей, чтобы она раздала их невольницам и евнухам».

И он начал раздавать ткани купцам, которым был должен, в возмещение своих долгов, и тому, кому следовало тысячу, он давал ткани стоящие две тысячи или больше, а потом он начал раздавать милостыню нищим и беднякам, и царь смотрел на него и не мог ему воспрепятствовать.

И он до тех пор давал и одарял, пока не роздал все семьсот тюков, а затем он обернулся к воинам и начал раздавать им дорогие металлы, изумруды, яхонты, жемчуг, кораллы и другое и давал драгоценные камни только горстями, без счета.

И тогда царь сказал ему: «О дитя мое, довольно раздавать — от твоей поклажи осталось уже мало». И Маруф сказал: «У меня много!» И его правдивость стала ясна, и никто не мог обвинять его во лжи, и он не задумывался, раздавая, так как слуга перстня приносил ему все, чего бы он ни требовал.

А потом казначей подошел к царю и сказал: «О царь времени, казна наполнилась и уже не вмещает оставшихся тюков. А то, что остается из золота и металлов, — куда мы это положим?» И царь указал ему другое место. Когда жена Маруфа увидела эти обстоятельства, ее радость усилилась, и она удивилась и говорила про себя: «Посмотреть бы, откуда пришло к нему все это добро!» И купцы тоже радовались тому, что Маруф им дал, и желали ему счастья.

А что касается купца Али, то он удивился и говорил про себя: «Посмотри-ка! Как он сплутовал и наврал, чтобы получить все эти сокровища. Если бы они были от царевны, он не раздавал бы их беднякам. Но как прекрасны слова сказавшего:

Коли царь царей тебя обогатил,
Не спрашивай, за что он заплатил.

Аллах дает, кому и что желает,
А ты достойным будь по мере сил»**.

Вот что было с ним. Что же касается царя, то он удивился до крайней степени тому, что увидел от Маруфа, и удивился его щедрости и великодушию при расходовании денег. А Маруф после этого вошел к своей жене, и она встретила его, улыбаясь, смеясь и радуясь, и поцеловала ему руку, и сказала: «Разве ты надо мной смеялся или хотел меня испытать, говоря: «Я бедный и убежал от моей жены»? Слава Аллаху, что я не допустила умаления твоего достоинства. Ты мой любимый, и у меня нет никого дороже тебя, все равно, богатый ты или бедный. Я хочу, чтобы ты рассказал мне, чего ты хотел достигнуть этими словами». — «Я хотел тебя испытать, чтобы посмотреть, искренняя твоя любовь или из-за денег и от жадности до мирских благ, — сказал Маруф, — и мне стало ясно, что твоя любовь истинна. Если ты правдива в своей любви, то добро тебе пожаловать, и теперь я узнал тебе цену».

И потом он уединился в одном месте и потерял перстень, и Абу-с-Саадат предстал перед ним и сказал: «Я перед тобой, требуй чего хочешь!» И Маруф молвил: «Я хочу от тебя одежду из сокровищницы для моей жены и украшений из сокровищницы, среди которых должно быть ожерелье из сорока бесподобных камней». И Абу-с-Саадат отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И принес ему то, что он приказал. И Маруф взял одежду и украшения, отпустив сначала слугу перстня, и пошел к своей жене и положил это перед нею. «Бери, надевай, добро тебе пожаловать!» — сказал он. И когда царевна взглянула на эти вещи, ее ум улетел от радости. Она увидела в числе уборов пару ножных браслетов из золота, украшенных драгоценными камнями — изделие волхвов, — и запястье, и серьги, и пояс, стоимость которого не оценить деньгами, и надела платье и украшения и затем сказала: «О господин, я хочу спрятать это для торжеств и праздников». Но Маруф молвил: «Носи их постоянно! У меня есть еще много других».

И когда царевна надела все это и невольницы увидели ее, они обрадовались и поцеловали Маруфу руки, и Маруф оставил их и, уединившись, потерял перстень, и слуга предстал перед ним.

«Принеси мне сто платьев с украшениями», — сказал Маруф. И слуга ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И принес ему платья, и в каждом платье были завернуты подходящие для него украшения.

И Маруф кликнул невольниц, и когда они пришли к нему, дал каждой из них по платью, и они надели эти платья и стали подобны большеглазым гуриям, а царевна была между ними точно луна среди звезд. И одна из невольниц рассказала об этом царю, и царь, войдя к своей дочери, увидел, что она ошеломляет тех, кто ее видит, и ее невольницы также, и удивился этому до крайней степени.

И затем он вышел и, призвав своего везиря, сказал ему: «О везирь, случилось то-то и то-то. Что ты скажешь об этом деле?» — «О царь времени, — ответил везирь, — таких поступков не совершают купцы, так как у купца куски льна лежат годами и он продает их только с прибылью. Откуда у купцов щедрость, подобная его щедрости, и откуда им иметь такие деньги и драгоценности, которых найдется у царей лишь не-

много? Как же могут они находиться у купцов целыми тюками? Этому обязательно должна быть причина. Но если ты меня слушаешься, я выясню для тебя истину в этом деле». — «Я тебя слушаюсь, о везирь», — сказал ему царь. И везирь молвил: «Встретясь с Маруфом, прояви к нему дружбу, и поговори с ним, и скажи: «О мой зять, я бы хотел пойти с тобой и с везирем, и больше ни с кем, в сад, чтобы прогуляться». И когда мы войдем в сад, мы разложим скатерть с вином, и я силой напою его; и когда он выпьет вина, его ум пропадет и рассудок исчезнет, и мы спросим его об истине в этом деле, и он нам расскажет свои тайны. Вино — предатель, и от Аллаха дар того, кто сказал:

Когда ж мы выпили и подступил настой
К местам, где тайна, я вскричал: «Постой!»

Я испугался, что в лучах вина
Вдруг станет тайна скрытая ясна**.

И когда он нам расскажет истину об этом деле, мы узнаем его обстоятельства и сделаем с ним то, что захотим и пожелаем. Я боюсь для тебя последствий его поступков: может быть, его душа захочет власти, и он покроет всех воинов своей щедростью, не жалея денег, и сместит тебя, и отнимет у тебя царство».

И царь сказал ему: «Твоя правда». И они провели ночь, сговорившись об этом деле. Когда же наступило утро, царь вышел в зал и сел, и вдруг слуги и конюхи вошли к нему, огорченные.

И он спросил их: «Что вас поразило?» И слуги ответили: «О царь времени, конюхи почистили коней и задали им корму — коням и мулам, которые пришли с поклажей, а утром мы увидели, что невольники украли коней и мулов. Мы обыскали все стойла и ни коней, ни мулов не нашли, и тогда мы вошли в помещение невольников и не увидели там никого, и мы не знаем, как они убежали».

И царь удивился этому, так как он не думал, что помощники Абу-с-Саадата были конями, мулами и невольниками, и не знал, что это помощники слуги перстня.

«О проклятые! — сказал он слугам. — Тысяча животных и пятьсот невольников и других слуг! Как же

они убежали, а вы не заметили?» — «Мы не знаем, как случилось, что они убежали», — ответили слуги. И царь сказал: «Уходите, а когда ваш господин выйдет из гарема, расскажите ему об этом деле».

И слуги ушли от царя и сели, не зная, что думать об этом деле; и когда они сидели в таком состоянии, вдруг вышел из гарема Маруф. Он увидел, что они озабочены, и спросил их: «В чем дело?» И они рассказали ему, что случилось, и Маруф воскликнул: «А какая им цена, что вы из-за них огорчаетесь? Уходите своей дорогой!»

И он сидел и смеялся, не сердясь и не огорчаясь из-за этого дела. И царь посмотрел в лицо везирю и сказал: «Что это за человек, для которого деньги не имеют цены?» И затем они поговорили с Маруфом некоторое время, и царь сказал ему: «О мой зять, мне хочется пойти с тобой и с везирем в сад, чтобы развлечься. Что ты на это скажешь?» — «Это неплохо!» — сказал Маруф. И затем они отправились в сад, где было каждого плода по паре, и каналы были там полноводны, и деревья высоки, и там пели птицы.

И они вошли во дворец в этом саду, который прогоняет печаль от сердца, и, усевшись, стали разговаривать, и везирь рассказывал диковинные истории и вспоминал смешные остроты и увеселяющие слова, и Маруф слушал его речи, пока не подали обед.

И разложили скатерть с кушаньем, и поставили кувшин с вином, и, после того как все поели и вымыли руки, везирь наполнил чашу и дал ее царю, и тот выпил, и везирь наполнил вторую чашу и сказал Маруфу: «Вот чаша с напитком, уважение к которому склоняет главу разумных». — «Что это такое, о везирь?» — спросил Маруф. И везирь сказал: «Это седая дева и девственница, засидевшаяся незамужем. Этот напиток приводит радость к сердцам, и о нем сказал поэт:

Отступников ступни его давили
И головы арабам замутили.

Неверных сын подносит нам хмельного,
А в нем греха крепчайшая основа»**.

И он до тех пор соблазнял Маруфа выпить и говорил ему о красотах вина вещи приятные, приводя

сказанные о нем стихи и тонкие рассказы, пока Маруф не согласился приложиться к краю кубка, и не осталось ему тогда ничего желать.

И везирь наполнял ему чашу, а он пил, наслаждался и ликовал, пока не исчезла для него истина и не перестал он различать ошибочное от правильного. И когда везирь понял, что опьянение его достигло предела и перешло границу, он сказал: «О купец Маруф, клянусь Аллахом, я удивляюсь! Откуда пришли к тебе эти драгоценности, подобных которым не найдешь у царей Хосроев? Мы в жизни не видели купца, который бы имел столько денег, как ты, и никого щедрее тебя. Твои поступки — поступки царей, и это не есть дело купцов. Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, чтобы я узнал твой сан и твое место».

И он продолжал обхаживать Маруфа и обманывал его, а Маруф потерял ум, и наконец он сказал везирю: «Я не купец и не один из царей». И рассказал ему свою историю с начала до конца. И тогда везирь воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, о господин мой Маруф, покажи нам этот перстень, чтобы мы посмотрели, как он сделан». И Маруф снял перстень и, будучи в состоянии опьянения, сказал: «Возьми и посмотри на него». И везирь взял перстень, и повернул его, и спросил: «Когда я его потру, явится слуга?» — «Да, — отвечал Маруф, — потри его, и слуга явится к тебе».

И везирь потерял перстень, и вдруг чей-то голос сказал: «Я перед тобой, о господин мой, потребуй и получишь! Разрушишь ли ты город, или построишь город, или убьешь царя? Чего бы ты ни потребовал, я это сделаю для тебя беспрекословно».

И везирь показал на Маруфа и сказал слуге: «Возьми этого негодяя и брось его в самую безлюдную часть пустынной земли, чтобы он не нашел ни еды, ни питья, и погиб бы от голода, и умер бы в тоске, так чтобы о нем никто не знал». И слуга поднял Маруфа и полетел с ним между небом и землей. И когда Маруф увидел это, он убедился в неизбежности гибели и большом затруднении, и заплакал, и сказал: «С Абу-с-Саадат, куда ты со мной летишь?» И слуга перстня сказал ему: «Я лечу, чтобы бросить тебя в пустынную четверть земли, о маловоспитанный. Кто владеет таким талисманом, как этот, и дает его людям».

чтобы они на него смотрели?! Ты заслужил то, что тебя постигло, и, если бы я не боялся Аллаха, я бы бросил тебя с высоты тысячи сажен, и ты еще не достиг бы земли, как уже растерзали бы тебя ветры».

И Маруф промолчал и не заговаривал с духом, пока тот не достиг с ним пустынной четверти земли, и бросил его там, и вернулся, оставив его в безлюдной земле.

Вот то, что было с Маруфом. Что же касается везиря, то он, когда овладел перстнем, сказал царю: «Как ты смотришь на то, что я тебе сказал о том, что это лгун и плут, а ты мне не верил?» И царь молвил: «Истина с тобой, о везирь, Аллах да даст тебе здорovie! Дай сюда перстень, чтобы я посмотрел на него!»

И везирь с гневом обернулся к нему, и плюнул ему в лицо, и сказал: «О малоумный, как я дам его тебе и останусь твоим слугой, после того как я стал твоим господином? Но я не оставлю тебя так».

И потом он потерял перстень, и явился слуга, и везирь сказал ему: «Возьми этого маловоспитанного и брось его в том месте, в котором ты бросил его зятя-плута». И слуга понес царя и улетел с ним. И царь сказал ему: «О сотворенный моим господом, в чем мой грех?» И слуга ответил ему: «Не знаю, но мой господин приказал мне это, и я не могу прекословить тому, кто владеет перстнем этого талисмана».

И он до тех пор летел с царем, пока не бросил его в том месте, где был Маруф, а потом он вернулся, оставив его там. И царь услышал, как Маруф плачет, и подошел к нему, и все ему рассказал, и они оба сидели и плакали о том, что их поразило, и не находили еды и питья.

Вот то, что было с ними. Что же касается до везиря, то, удалив Маруфа и царя от жилища, он поднялся, вышел из сада, и, послав за всеми военными, собрал диван и рассказал ему о том, что он сделал с Маруфом и царем, и сообщил им историю с перстнем, и сказал: «Если вы не сделаете меня над собой султаном, я прикажу слуге перстня унести вас всех и бросить в пустынной четверти земли, и вы умрете от голода и жажды».

И все сказали ему: «Не делай с нами дурного! Мы согласны, чтобы ты был над нами султаном, и не слушаемся твоего приказа». И затем они согласились

назначить его над собой султаном против своей воли. И везирь наградил их почетными одеждами, и он требовал от Абу-с-Саадата все, что хотел, и слуга приносил это ему немедленно.

И затем везирь сел на престол, и подчинились ему все воины, и он послал к дочери царя, говоря ей: «Приготовься, я войду к тебе сегодня ночью, так как я стосковался по тебе».

И царевна заплакала, так как ей было тяжело лишиться отца и мужа, и послала сказать везирю: «Дай мне отсрочку, пока пройдет время очищения, а затем напиши мою брачную запись и войди ко мне дозволенным образом». И везирь послал сказать ей: «Я не знаю ни очищения, ни долгого срока и не нуждаюсь в записи. Я не отличаю дозволенного и недозволенного, и неизбежно мне войти к тебе сегодня вечером».

И тогда царевна послала сказать ему: «Добро тебе пожаловать, и в этом нет дурного!» (А это было хитростью.) И когда такой ответ пришел к везирю, он обрадовался, и его грудь расправилась, так как он был охвачен любовью к царевне. И он велел поставить кушанья для всех людей и сказал: «Ешьте эти кушанья, так как это свадебный пир: я хочу войти к царевне сегодня вечером».

И шейх-аль-ислам сказал ему: «Не дозволяется тебе войти к ней, пока не окончится срок очищения и ты не напишешь свою запись с нею». И везирь воскликнул: «Я не знаю очищения и срока, не затягивай же со мной разговор!»

И шейх-аль-ислам смолчал, испугавшись злобы везиря, и сказал воинам: «Это нечестивый, и у него нет ни веры, ни религии». А когда наступил вечер, везирь вошел к царевне и увидел, что она одета в самое лучшее, что у нее было из одежд, и украшена прекраснейшими украшениями; когда царевна увидела везиря, она встретила его смеясь и сказала: «Это благословенная ночь, и если бы ты убил моего отца и моего мужа, право, это было бы для меня еще лучше». — «Я непременно убью их», — сказал везирь. И царевна посадила его и стала с ним шутить и показывать ему свою любовь, и, когда она приласкала везиря и улыбнулась ему в лицо, ум его улетел. А царевна обманула его ласками, чтобы овладеть

перстнем и изменить его радость на горе для его головы, и она сделала с ним эти поступки, следуя мнению того, кто сказал:

Я хитростью того добиться мог,
Чего не мог добиться мой клинок.

И вот теперь я пользуюсь победой,
Плоды которой сладостны,— отведай! **

И когда везирь увидел ее ласку и улыбку, в нем взволновалась страсть, и он потребовал от царевны сближения. И когда он приблизился к ней, она отдалилась от него, и заплакала, и сказала: «О господин, разве ты не видишь человека, который смотрит на нас? Заклинаю тебя Аллахом, скрой меня от его глаз. Как же ты со мной сближаешься, когда он смотрит на нас?»

И везирь рассердился и спросил: «Где человек?» И царевна сказала: «Вот он, в гнезде перстня, поднимает голову и смотрит на нас». И везирь подумал, что это слуга перстня смотрит на нее, и засмеялся, и сказал: «Не бойся, это слуга перстня, и он под моей властью». — «Я боюсь ифритов. Сними перстень и брось его подальше от меня», — сказала царевна. И везирь снял перстень, и положил его на подушку, и приблизился к царевне, и тогда она лягнула его ногой в сердце, и везирь упал навзничь, покрытый беспамятством, а царевна закричала своим приближенным, и они поспешно пришли к ней. И она сказала: «Схватите его!» И везиря схватили сорок невольниц, и царевна поспешила взять перстень с подушки и потеряла его. И вдруг Абу-с-Саадат явился, говоря: «Я перед тобой, о госпожа!» И царевна сказала: «Возьми этого нечестивого, и посади его в тюрьму гнева, и отяжели его цепи». И Абу-с-Саадат взял его, и посадил в тюрьму, и вернулся, и сказал: «Я посадил его в тюрьму». — «Куда ты унес моего отца и моего мужа?» — спросила его царевна. И он сказал: «Я бросил их в пустынной четверти земли». И тогда она молвила: «Я приказываю тебе, чтобы ты их принес ко мне сию же минуту».

И ифрит отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И улетел от нее, и летел до тех пор, пока не достиг пустынной четверти. И он опустился к царю и Маруфу и увидел, что они сидят и плачут, жалуясь друг другу.

И ифрит сказал им: «Не бойтесь, пришло к вам облегчение». И рассказал о том, что сделал везирь, и потом сказал: «Я заточил его своей рукою, подчиняясь царевне, и затем она приказала мне воротить вас».

И царь с Маруфом обрадовались его рассказу, и ифрит поднял их и полетел с ними, и не прошло еще часу, как он уже ввел их к царевне. И царевна поднялась, и приветствовала своего отца и своего мужа, и, усадив их, предложила им кушаний и сластей, и они проспали остаток ночи, и на следующий день царевна одела своего отца в роскошную одежду, и одела своего мужа в роскошную одежду, и сказала: «О батюшка, сиди на своем престоле царем, как было раньше, и сделай моего мужа у себя везирем правой стороны, и расскажи твоим воинам о том, что случилось. Приведи твоего везиря из тюрьмы и убей его, а потом сожги,—он нечестивый и хотел войти ко мне развратно, без брака, и он засвидетельствовал о себе, что он нечестивый и что нет у него веры, которой он бы придерживался. И заботься о своем зяте, которого ты сделал у себя везирем правой стороны».

И царь ответил: «Слушаю и повинуюсь, о дочка. Но отдай мне перстень или отдай его твоему мужу». — «Он не годится ни для тебя, ни для него,—ответила царевна.—Перстень будет у меня, и может быть, я сберегу его лучше, чем вы. Чего бы вы ни пожелали, требуйте это от меня, я потребую это для вас у слуги перстня. Не бойтесь дурного, пока я здорова, а после моей смерти делайте с перстнем что хотите». — «Вот оно, правильное мнение, о дочь моя!» — воскликнул царь, и потом он взял своего зятя и поднялся в диван.

А воины провели ночь в величайшей тоске из-за царевны и того, что сделал с ней везирь, когда вошел к ней для разврата, без брака, и причинил зло царю и его зятю, и они боялись, что будет опозорен закон ислама, так как им стало ясно, что везирь — нечестивец.

И они собрались в диване и стали бранить шейх-аль-ислама, говоря ему: «Почему ты не удержал его от входа к царевне для разврата?» И шейх-аль-ислам ответил: «О люди, этот человек — нечестивец, и он стал обладателем перстня, и мы с вами не можем ничего против него сделать. Аллах великий пусть воздаст ему за его дела, а вы молчите, чтобы он вас не убил».

И когда воины собрались в диване и вели эти речи, вдруг вошел к ним в диван царь и с ним его зять Маруф.

И когда воины увидели его, они обрадовались его приходу, и встали ради него на ноги, и поцеловали перед ним землю; а затем царь сел на престол и рассказал им всю историю, и их горесть прошла.

И царь приказал украшать город и велел привести везиря из тюрьмы, и когда тот проходил мимо воинов, те проклинали его, бранили и ругали, пока он не дошел до царя.

И когда он предстал перед царем, царь велел убить его самым ужасным образом, и его убили, а потом сожгли, и он отправился в ад в наихудшем положении, и отличился тот, кто сказал о нем:

Пусть за грехи Аллах его подвергнет карам
И призовут его на суд Накир с Мункаром**.

И потом царь сделал Маруфа у себя везирем правой стороны, и приятно было для них время, и чисты были их радости, и они провели так пять лет. А на шестой год царь умер, и царевна сделала Маруфа султаном вместо своего отца и не отдала ему перстня.

А она в это время понесла от него и родила мальчика — дивно прекрасного, выдающегося по красоте и совершенству, и он оставался на коленях у нянек, пока не достиг пяти лет жизни.

И тогда его мать заболела смертельной болезнью, и призвала Маруфа, и сказала ему: «Я больна». И Маруф воскликнул: «Да сохранит тебя Аллах, о любимая моего сердца!» Но царевна молвила: «Может быть, я умру, и мне не нужно поручать тебе заботиться о твоём сыне, но я поручаю тебе беречь перстень, так как боюсь за тебя и за этого мальчика». — «Не будет беды с тем, кого бережет Аллах», — сказал Маруф. И царевна сняла перстень и отдала его Маруфу, а на следующий день она преставилась к милости великого Аллаха, и Маруф остался царем и стал выносить приговоры.

И случилось, что в какой-то день он встряхнул платком, и военные ушли от него в свои жилища, а он вошел в комнату, где сидят, и сидел в ней, пока не прошел день и не приблизилась ночь с ее мраком. И тогда вошли к нему его сотрапезники из вельмож,

следуя обычаю, и провели у него время в развлечениях и удовольствиях до полуночи, а потом они попросили позволения удалиться, и Маруф разрешил им, и они разошлись от него по домам. И к Маруфу вошла невольница, которая исполняла службу у его постели, и постлала ему постель, и, сняв с него платье, одела его в одежду сна, и он лег, а невольница растирала ему ноги, пока его не одолел сон, и тогда она вышла от него, и ушла на свою постель и заснула.

Вот то, что было с нею. Что же касается царя Маруфа, то он спал, и не успел он опомниться, как что-то оказалось рядом с ним у него в постели. И он проснулся, испуганный, и воскликнул: «Прибегаю к Аллаху от сатаны, битого камнями!» И открыв глаза, увидел подле себя женщину, безобразную по внешности. «Кто ты?» — спросил он ее. И она сказала: «Не бойся, я твоя жена Фатима-ведьма». И тогда Маруф посмотрел на нее и узнал ее по ее чудовищному облику и длинным клыкам.

«Откуда ты ко мне вошла и кто принес тебя в эту страну?» — спросил он. И Фатима молвила: «А в какой ты стране сейчас?» И Маруф сказал: «В городе Ихтиян аль-Хатан. А ты когда покинула Миср?» — «Только что», — ответила Фатима. И Маруф спросил: «А как это?» И она сказала: «Знай, что, когда я с тобой повздорила и сатана подбил меня тебе повредить, я пожаловалась на тебя судьям, и они искали тебя, но не нашли, кади расспрашивали о тебе, но никто тебя не видел. И когда прошло два дня, меня охватило раскаяние, и я поняла, что грех на мне, но раскаяние было бесполезно. Я просидела несколько дней, плача о разлуке с тобой, и уменьшилось то, что было у меня в руках, и мне пришлось просить на пропитание, и я стала просить всякого, счастливого и несчастного, и с тех пор, как ты со мной расстался, я вкушаю унижение просьбы и оказалась в наихудшем положении. И каждую ночь я сидела и плакала из-за разлуки с тобой и из-за того, что я испытала после твоего ухода позор, унижение, несчастье и ущерб».

И она стала рассказывать Маруфу о том, что с ней случилось, и он, изумленный, смотрел на нее, и наконец она сказала: «А вчера я целый день ходила и просила, но никто мне ничего не дал, и когда наступила ночь, я легла спать без ужина, и меня сжигал голод,

и было мне тяжело то, что я испытала. И я сидела и плакала, и вдруг передо мной появился человек и сказал: «О женщина, почему ты плачешь?» И я молвила: «У меня был муж, который тратил на меня и исполнял мои желания, и он исчез, и я не знаю, куда он девался, и я испытала без него несчастье!» — «А как имя твоего мужа?» — спросил человек. И я сказала: «Его имя Маруф». И тогда человек сказал: «Я его знаю. Знай, что твой муж теперь султан в одном городе, и если ты хочешь, чтобы я тебя доставил к нему, я это сделаю». — «Я под твоим покровительством и прошу, чтобы ты доставил меня к нему», — сказала я; и тот человек поднял меня и летел со мной между небом и землей, пока не доставил меня в этот дворец. И тогда он сказал: «Войди в эту комнату и увидишь твоего мужа, который спит на ложе». И я вошла и увидела тебя в этом жилище, а я не думала, что ты меня покинешь, раз я твоя супруга. Слава Аллаху, который соединил меня с тобой».

«Разве это я тебя покинул? Или это ты меня покинула и все время жаловалась на меня одному кади за другим?» — сказал Маруф. — Ты завершила это жалобой высшему двору и напустила на меня Абу Табака из крепости, и я убежал против воли».

И он стал ей рассказывать о том, что с ним случилось, пока он не сделался султаном и не женился на дочери царя, и рассказал ей, что царевна умерла и он получил от нее сына, которому семь лет.

И Фатима сказала: «То, что случилось, предопределено великим Аллахом, и я раскаиваюсь и нахожусь под твоим покровительством. Не покидай меня и позволь мне есть у тебя хлеб как милостыню». И она до тех пор унижалась перед ним, пока его сердце не смягчилось, и тогда он сказал: «Раскайся во зле и живи у меня, и будет тебе лишь то, что тебя порадует, а если сделаешь что-нибудь дурное, я убью тебя, и я не боюсь никого. И пусть тебе не придет на ум жаловаться на меня высшему двору, чтобы за мной послали Абу Табака из крепости: я стал султаном, и люди боятся меня, и я боюсь только великого Аллаха. У меня есть перстень со слугой, и когда я его тру, является ко мне слуга перстня, по имени Абу-с-Саадат, и все, что я от него требую, он мне приносит. Если ты хочешь отправиться в твой город, я дам тебе столько денег, что

тебе будет довольно на всю жизнь, и быстро отошлю тебя в твою страну, а если ты хочешь жить у меня, то я освобожу для тебя дом и убегу его тебе наилучшим шелком. Я назначу тебе двадцать невольниц, которые будут тебе служить, и буду выдавать тебе прекрасные кушанья и роскошные одежды, и ты станешь царицей и будешь жить в величайшем счастье, пока не умрешь или я не умру. Что ты скажешь на эти слова?»

И Фатима сказала: «Я хочу остаться с тобой». И затем она поцеловала Маруфу руку и раскаялась в дурном: и он отвел ей отдельный дом и пожаловал ей невольниц и евнухов, и она стала царицей.

И сын Маруфа стал ходить к ней и к своему отцу, и мальчик был ей противен, потому что это был не ее сын; и когда он увидел от нее взгляды гнева и отвращения, то почувствовал к ней неприязнь и невзлюбил ее.

А Маруф отвлекся любовью к прекрасным невольницам и не думал о своей жене Фатиме-ведьме, так как она стала седой старухой с безобразной внешностью, плешивым существом, гаже пятнистой змеи. И к тому же она обидела его обидой, больше которой нет. И говорит сказавший поговорку: «Дурное дело пресекает корень желаний и сеет ненависть в земле сердца...»

И Шахразаду застало утро, и она прекратила дозволенные речи.

И Дуньязада сказала своей сестре Шахразаде: «Как хороши эти диковинные повести и удивительные рассказы».

И Шахразада воскликнула: «О, куда этому до того, что я расскажу вам в следующую ночь, если буду жить и царь пощадит меня!»

И когда наступило утро, и засияло светом, и заблестало, у царя расправилась грудь, и он стал ожидать конца рассказа и говорил про себя: «Клянусь Аллахом, я не убью ее, пока не услышу остаток ее рассказа». И затем он вышел в место своего суда, и везирь явился, по обычаю, с саваном под мышкой.

И царь провел в суде весь день, а когда же настала ночь, первая после тысячи и последняя в книге, царь ушел в гарем и вошел к своей жене Шахразаде, дочери

везиря. И ее сестра Дуньязада сказала ей: «Закончи нам рассказ о Маруфе».

И Шахразада ответила: «С любовью и охотой, если позволит царь рассказывать».

И царь молвил: «Я позволю тебе рассказать, так как стремлюсь услышать конец рассказа».

И Шахразада сказала: «Дошло до меня, о царь, что царь Маруф не заботился о своей жене ради совокупления, а кормил ее, только стремясь к лику великого Аллаха. И когда она увидела, что он воздерживается от сближения с нею и занят другими женщинами, она возненавидела его, и одолела ее ревность. И иблис нашептал ей, чтобы она взяла у него перстень, и убила бы его, и сделалась бы царицей вместо него. И в одну ночь из ночей она вышла и пошла из своего дворца, направляясь в тот дворец, где был ее муж, царь Маруф. И случилось, по predetermined делу и предначертанной судьбе, что Маруф лежал с одной из своих любимиц, красивой и прекрасной, стройной и соразмерной. А от великого благочестия он снимал с пальца перстень, когда хотел совокупиться, из уважения к благородным именам, на нем написанным, и надевал его, только будучи чистым. И у него был обычай: после того как совокупится, приказывать наложнице уйти от него, так как он боялся за перстень. А когда он входил в баню, то запирали дверь своего дворца, а вернувшись из бани, он брал перстень и надевал его, и после этого всякий входил во дворец без запрета.

И Фатима узнала все это и вышла ночью, чтобы войти во дворец к Маруфу, когда он будет погружен в сон, и украсть перстень так, чтобы он ее не видел. А когда она вышла, сын царя в ту самую минуту входил в дом отдохновения, чтобы исполнить нужду, без огня, и он сел в темноте и оставил дверь открытой. И когда Фатима вышла из своего дворца, он увидел, что она торопливо идет ко дворцу его отца, и сказал в душе: «Посмотреть бы, для чего эта колдунья вышла из своего дворца во мраке ночи? Я вижу, что она направляется во дворец моего отца. Этому делу непременно должна быть причина».

И он вышел и пошел сзади Фатимы, идя за ней следом, так что она его не видела. А у него был короткий меч из стали, и он всегда входил в диван

своего отца, подпоясанный этим мечом, так как он дорожил им; и когда его отец видел его, он смеялся над ним и говорил: «Воля Аллаха! Поистине твой меч большой, о дитя мое, но ты не ходил с ним на войну и не отрубал им голову!» И его сын говорил ему: «Я непременно отрублю голову, которая будет заслуживать отсечения». И его отец смеялся, слыша эти слова.

И когда мальчик пошел за женой своего отца, он вытащил меч из ножон и следовал за нею, пока она не вошла во дворец. И тогда он остановился, поджидая ее у дверей дворца, и стал на нее смотреть. И увидев, что она ищет и говорит: «Куда это он положил перстень?» — он понял, что Фатима ищет перстень. И выждал до тех пор, пока она нашла перстень и воскликнула: «Вот он!» И подняв его, хотела выйти.

И тогда он спрятался за дверями, а Фатима, выйдя из дверей, посмотрела на перстень, повернула его в руке и хотела его потерять, но тут мальчик поднял руку с мечом и ударил ее по шее, и Фатима вскрикнула единым криком и упала убитая.

И Маруф проснулся и увидел, что его жена лежит и ее кровь течет, а его сын стоит с обнаженным мечом в руке, и спросил: «Что это, о дитя мое?» И мальчик ответил: «О батюшка, сколько раз ты мне говорил: «Твой меч большой, но ты не ходил с ним на войну и не отрубал им голову». А я говорил тебе: «Я непременно отрублю голову, заслуживающую отсечения». И вот теперь отрубил им для тебя голову, заслуживающую отсечения».

И он рассказал ему историю с Фатимой, и Маруф стал искать перстень, но не увидел его, и он до тех пор искал на теле Фатимы, пока не увидел, что ее рука сжимает перстень. И тогда он взял перстень из ее руки и сказал мальчику: «Ты мой сын, без сомнения и наверное! Да избавит тебя Аллах от беды в здешней жизни и в будущей, как ты избавил меня от этой скверной женщины. Ее старания привели ее к гибели, и от Аллаха дар того, кто сказал:

Счастлив, кого всегда поддерживал Аллах,—
Желанного во всех достигнет он делах.

А юноша, кому с небес помощи нет,
Желанного не жди, и труд тебе во вред **».

Потом царь Маруф кликнул своих приближенных, и они поспешно пришли к нему, и тогда он рассказал им о том, что сделала его жена Фатима-ведьма, и приказал им взять ее и положить в какое-нибудь место до утра,— и они сделали так, как он им приказал.

А потом Маруф поручил ее нескольким слугам, и они обмыли ее, и завернули в саван, и ей сделали могилу и похоронили ее, и ее прибытие из Мисра привело ее прямо в могилу. От Аллаха дар того, кто сказал:

Прошли мы предназначенный нам путь,
С которого нам не дано свернуть.

И суждено закончить путь земной
Тебе в могиле той, а не иной **.

А как прекрасны слова поэта, сказавшего:

Не знаю, что по смерти получу
И что со мной в могиле приключится,

Найду ль добро, которого хочу,
Иль зло, что отыскать меня стремится? **

И затем царь Маруф послал отыскать того человека, пахаря, у которого он был гостем, когда убежал; и когда пахарь явился, он сделал его везирем правой стороны и своим советником. И он узнал, что у пахаря есть дочь, редкостно красивая и прекрасная, благородная по качествам, почтенного происхождения и высокого рода, и женился на ней, а через некоторое время он женил своего сына, и они прожили некий срок в приятнейшей жизни, и время их было безоблачно, и приятны были им радости, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, опустошающая населенные дома и делающая сиротами сыновей и дочерей. Хвала же живому, который не умирает и в чьей руке ключи видимого и невидимого царства».

РАССКАЗ
О ШАХРИЯРЕ И ШАХРАЗАДЕ
(ЗАКЛЮЧЕНИЕ)

Шахразада за это время родила от царя трех детей мужеского пола, и когда она кончила этот рассказ, она поднялась на ноги и, поцеловав землю, сказала: «О царь времени, единый в веках и столетиях, я — твоя рабыня, и вот уже тысяча ночей и одна ночь, как я передаю тебе рассказы о прежде бывших людях и назидания древних. Есть ли у меня право перед твоим величеством, чтобы я могла пожелать от тебя желание?»

И царь сказал ей: «Пожелай, получишь, о Шахразада».

И тогда она кликнула нянек и евнухов и сказала им: «Принесите моих детей».

И они поспешно принесли их, и было их трое сыновей, один из которых ходил, другой ползал, а третий сосал грудь. И когда их принесли, Шахразада взяла их и поставила перед царем и, поцеловав землю, сказала: «О царь времени, это твои сыновья, и я желаю от тебя, чтобы ты освободил меня от убиения ради этих детей. Если ты меня убьешь, эти дети останутся без матери и не найдут женщины, которая хорошо их воспитает!»

И тут царь заплакал, и прижал детей к груди, и сказал: «О Шахразада, клянусь Аллахом, я помиловал тебя прежде, чем появились эти дети, так как я увидел, что ты целомудренна, чиста, благородна и богобоязненна. Да благословит Аллах тебя, твоего отца, твою мать, твой корень и твою ветвь. Призываю Аллаха в

свидетели, что я освободил тебя от всего, что может тебе повредить».

И Шахразада поцеловала царю руки и ноги, и обрадовалась великой радости, и воскликнула: «Да продлит Аллах твою жизнь, и да увеличит твое достоинство и величие!»

И распространилась во дворце царя радость, и неслась она по городу, и была это ночь, которую не считают в числе ночей жизни, и цвет ее был белее лица дня. А наутро царь был радостен и преисполнен добра, и он послал за всеми воинами, и когда они явились, наградил своего везиря, отца Шахразады, драгоценной и великолепной одеждой и сказал ему: «Да защитит тебя Аллах за то, что ты женил меня на твоей благородной дочери, которая была причиной того, что я раскаялся в убиении чужих дочерей. Я увидел, что она благородна, чиста, целомудренна и непорочна, и Аллах наделил меня от нее тремя сыновьями. Да будет же хвала Аллаху за это великое благодеяние».

И затем он наградил почетными одеждами всех везирей, эмиров и вельмож правления и приказал украшать город в течение тридцати дней, не заставляя никого из жителей расходовать что-нибудь из денег,—напротив, все расходы и траты делались из казны царя.

И город украсили великолепным украшением, подобного которому раньше не было, и забили барабаны, и засвистели флейты, и заиграли все игрецы, и царь наделил их дарами и подарками, и роздал милостыню нищим и беднякам, и объял своей щедростью всех подданных и жителей царства. И он жил вместе со своими придворными в счастии, радости, и наслаждении, и благоденствии, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Хвала же тому, кого не уничтожают превратности времени и не поражают никакие перемены, кого не отвлекает одно дело от другого и кто одинок по совершенству своих качеств. Молитва и мир над имамом его величия, избранным среди творений его, господином нашим Мухаммедом, господином всех людей, через которого мы молим Аллаха о счастливом окончании наших дел.

ПРИМЕЧАНИЯ

Рассказ об Ала ад-Дине Абу-ш-Шамате

Стр. 25. *Барш* — дурман, наркотическое средство.

Стр. 26. *Азан* — призыв к молитве у мусульман.

Мамуня — пирог из сладкого теста.

Абу-ш-Шамат — букв.: «отец родинок».

Стр. 34. *Абд аль-Кадир Гилянский* (1078—1166) — известный средневековый теолог и мистик. Покрывало предназначалось для возложения на его гробницу в Багдаде.

Стр. 36. *Рафидиты* — шиитская секта. Между сторонниками двух направлений в исламе — суннитами и шиитами в средние века нередко вспыхивали жестокие вооруженные столкновения.

Арабы — жители городов и оседлых поселений в халифате часто именовали кочевников-бедуинов «арабами», а себя рассматривали как коренное население некогда завоеванных арабами стран и провинций.

Стр. 37. *Нафиса* — мусульманская святая, отличавшаяся большой набожностью. Умерла в 824 г.

Стр. 41. *Заместитель* — согласно мусульманскому праву, муж, который трижды произнес формулу развода, может снова жениться на своей разведенной жене только в том случае, если она выйдет замуж за другого и вновь разведется, хотя бы на следующий день. Такой временный супруг именуется «заместителем». Разумеется, он может и не согласиться на развод.

Стр. 44. *Эфенди* — господин. В данном случае имеется в виду судья.

Стр. 47. *Химический состав* — аналог «философского камня» европейских средневековых алхимиков.

Стр. 52. *Диван* — торжественный прием во дворце халифа или эмира, на котором присутствуют все придворные и должностные лица, а также место, где происходит прием.

Стр. 54. *Глава шестидесяти* — военачальник со свитой из шестидесяти всадников.

Стр. 65. *...червяки в уксусе оттуда происходят и там остаются...* — Поговорка со смыслом «за домашним вором не углядишь».

Стр. 68. ...мы выкупим Исмаила барашком. — Намек на библейскую легенду о принесении в жертву Авраамом сына Исаака. Этот рассказ имеется и в Коране, но, по мусульманскому толкованию, в жертву был принесен не Исаак, а Исмаил, другой сын Авраама, которого отец «выкупил», принеся в жертву барашка.

Стр. 69. Айас — портовый город в Малой Азии на западном побережье Александрийской бухты. В средние века — крупный торговый центр.

Стр. 70. ...на обеих пятках написаны имена двух старцев. — Шииты считали первых трех халифов: Абу Бекра, Омара, Османа — узурпаторами и поэтому часто писали эти имена на пятках или подошве обуви, чтобы постоянно попира́ть их ногами. Законным они считали лишь четвертого халифа — Али. Сунниты, наоборот, признавали первых трех халифов законными правителями.

Аслан — по-турецки «лев».

Стр. 76. Консул — имеется в виду представитель европейской державы в Египте.

Стр. 78. Ардебб — мера емкости, приблизительно равная двум гектолитрам.

Стр. 82. Аль-фуркан — букв.: «различение» (добра и зла). В переносном значении всякое священное писание: Библия, Коран.

Повесть об Ардешире и Хайят ан-Нуфус

Стр. 87. Ардешир — имя нескольких персидских царей, трое из которых принадлежали к династии Сасанидов.

Стр. 89. Ас-Симак — звезда Арктур в созвездии Волопаса.

Стр. 97. Земзем — священный колодец в Мекке; аль-Хатим — стена полукруглой формы с северо-западной стороны от Каабы. Пространство между этой стеной и Каабой считалось священным.

Стр. 116. Бульбуль — букв.: «соловей», Савад аль-айн — «чернота глаза».

Сказка о Бадр Басиме и Джаухаре

Стр. 148. Джулланар — персидское «гульнар» — гранатовый цветок.

Стр. 150. Камарское алоэ — Камар (или Кимар) — Кхмер (Камбоджа), откуда привозилось в страны халифата алойное дерево, древесина которого при горении распространяет приятный аромат.

...Луна нисходит в сердце лишь одной звезды. — Имеется в виду одна из так называемых «стоянок» луны. По учению арабских астрономов, луна в каждый из двадцати восьми дней лунного месяца последовательно останавливается у одной из звезд.

Стр. 155. Бадр Басим — букв.: «улыбающаяся луна».

Стр. 170. Кират — мера веса, приблизительно равная 0,2 грамма. В образной речи выражение «в двадцать четыре кирата» употребляется для выражения совершенства и полноты чего-либо, оно эквивалентно примерно выражению «на сто процентов».

Стр. 185. Савик — ячменная или пшеничная каша.

Стр. 198. Фараша — букв.: «бабочка».

Сказка о Нур ад-Дине и Мариам-кушачнице

Стр. 191. *Химс* — город в Сирии.

Баальбекские одежды — Баальбек — город в Ливане.

Мерв — город в Средней Азии (нынешняя Туркмения).

Стр. 192. *Ридван* — в мусульманской мифологии ангел, охраняющий врата рая.

Стр. 194. *Гилян* — Северный Иран; провинция, расположенная на южном берегу Каспийского моря.

Тирские груши — Тир — город в Ливане.

Стр. 198. *Ката* — горная перепелка, образ которой постоянно встречается в древнеарабской поэзии.

Стр. 201. ...*запретил его (вино.—И. Ф.) в своей книге...* — Употребление виноградного вина запрещается Кораном и хадисами (изречениями пророка Мухаммеда).

...*Приданье товарищей...* — То есть «придание товарищей Аллаху — многобожие».

Стр. 205. *Тасним* — вода, ниспадающая в раю с высоты.

Стр. 211. *Рушейд* — небольшой город близ Александрии.

Стр. 213. ...*лицо, подобное дейлемскому щиту...* — Дейлемский (гилянский) щит — круглый щит, которым пользовались дейлемские воины-горцы.

Стр. 214. ...*надсмотрщик за ценами...* — Мухтасиб, глава средневековой мусульманской «полиции нравов», в обязанности которой входило наблюдение за выполнением мусульманами всех религиозных правил и обрядов, а также контроль за правильностью весов и качеством товаров на рынках и в лавках.

Стр. 218. *Фараджия* — верхнее просторное платье с широкими рукавами, обычно одежда почтенных и высокопоставленных лиц.

Стр. 220. *Доля султана* — налог, взимавшийся с купцов непосредственно в пользу султана.

Стр. 221. *Франки* — общее название средневековыми арабами европейцев.

Стр. 222. *Зуннар* — род пояса — обязательная отличительная особенность христиан. Иногда просто пояс.

Стр. 234. *Афранджа* — идентифицировать название этого города или страны не представляется возможным. Вероятно, это один из средиземноморских портовых городов Франции.

Аль-Кустантыния — Константинополь.

Стр. 236. *Кайраван* — город в Тунисе. В портовых городах Северной Африки находились базы мусульманских пиратов, нападавших на корабли европейских купцов в Средиземном море и в Атлантике.

Предания о пророке (Сунна) — собрание свидетельств о поступках и высказываниях пророка Мухаммеда.

Стр. 240. *Колонна мачт* — гигантская колонна, воздвигнутая в Александрии в 322 г. римским префектом Помпеем в честь императора Диоклетиана.

Стр. 257. *Сабик* — букв.: «опережающий»; *Ляхик* — «догоняющий».

Цари Хосрои — цари иранской династии Сасанидов. В данном случае явный анахронизм, ибо события сказки относятся ко времени, отстоящем на много веков от времени существования этой династии.

Стр. 270. ...*шейх сыновей Хама*...— Хам — один из сыновей Ноя, по преданию, родоначальник темнокожих жителей Африки. Сыновья Хама — африканцы.

Стр. 277. ...*города Румы великой*...— СобираТЕЛЬНЫЙ образ большого христианского города.

Стр. 277—278. *Багдад, Обитель Мира* — официальное наименование столицы халифата Багдада — Город мира.

Стр. 280. *Иса* — Иисус Христос.

Сказка о Джиллиаде и Шимасе

Стр. 291. ...*разделить владение ею с каким-нибудь феллахом*. — То есть войти в компанию с феллахом, у которого есть баран, и разделить с ним приплод овцы.

Стр. 302. ...*произошла перемена его состава*... — Согласно учению древних врачей Гиппократ и Гален, в состав тела входило четыре элемента.

Сказка о Камар аз-Замане и жене ювелира

Стр. 402. *Каукаб ас-Сабах* — букв.: «утренняя звезда»; *Камар аз-Заман* — «Луна времени».

Стр. 403. *Появился серп луны праздника*... — То есть серп луны, видимый в последний вечер месяца Рамадана, в течение которого мусульмане соблюдают пост. С рождением луны пост кончается и начинается «праздник разговенья».

Стр. 406. *Лот* — библейский Лот, сын Авраама, вошедший также и в мусульманскую традицию. Одним из пороков, которым предавалось племя Лота, было мужеложство.

Стр. 426. ...*муж ее был точно тенвин, отброшенный при сочетании*. — Игра слов, основанная на терминах арабской грамматики. Тенвин — полное окончание падежей в словах, не определенных последующим словом, стоящим в родительном падеже (по-арабски — «в понижении»). При наличии определения тенвин отбрасывается.

Стр. 439. *Аль-Ариш* — город на границе Сирии и Египта.

Стр. 441. *Рождество (маулид)* — праздник в день рождения пророка Мухаммеда.

Рассказ об Абдаллахе ибн Фадиле

Стр. 462. *Фадиль* — одно из значений слова «фадиль» — «остающийся».

Стр. 465. *Куфа* — город в Ираке, не лежащий на берегу моря. Рассказчик, видимо, египтянин, не в ладу с географией Ирака.

Аль-Карх — район в Багдаде.

Стр. 484. *Аль-Махди* — третий (а не пятый) халиф династии Аббасидов (775—785).

Стр. 485. ...*шестой халиф из сынов аль-Аббаса*... — Харун ар-Рашид — пятый (а не шестой) халиф династии Аббасидов.

Сказка об Абу Кире и Абу Сире

Стр. 526. *Мункар и Накир* — имена ангелов, которые, по исламскому поверью, учиняют допрос покойному о его земных делах, а если он много грешил или не был мусульманином, подвергают его жестоким пыткам.

Стр. 527. *Абу Кир (Абукир)* — город-крепость на мысе того же названия в Египте на берегу Средиземного моря.

Сказка об Абдаллахе земном и Абдаллахе морском

Стр. 538. *Абдаллах* — букв.: «раб Аллаха». Все герои сказки имеют это имя, дабы подчеркнуть, что все они, как рабы Аллаха, братья.

Ат-Тайиба — букв.: «благая» — один из эпитетов города Медины, где похоронен пророк Мухаммед.

Стр. 540. *Дандан* — (перс. «зуб») — мифическое подводное чудовище.

Сказка о персидском враче

Стр. 552. ...*«прясть худую пряжу»*... — То есть хиреть, изнывать от тоски.

Даниил — ветхозаветный пророк, считавшийся, согласно мусульманским легендам, носителем всяческой мудрости.

Стр. 560. *Долина Салама* — судя по контексту, местность в Аравии.

Стр. 562. ...*добро, если хочет того Аллах?* — То есть «все благополучно».

Стр. 570. ...*скинь с себя одежду и повяжись передником*. — Передник повязывают вокруг бедер перед тем, как войти в то отделение бани, где находится бассейн.

Стр. 571. ...*прибегаю к Аллаху от сатаны, побитого камнями!* — Мусульманская легенда гласит, что однажды Ибрахим (Авраам) осыпал градом камней сатану, пытавшегося его искусить. Взывая о помощи к Аллаху для ограждения себя от опасности, мусульмане произносят указанную формулу.

Стр. 575. *Оман* — наименование страны в восточной части Аравийского полуострова, примыкающей к Оманскому заливу, который был знаменит жемчугом, добывавшимся ловцами со дна залива.

Стр. 577. *Сандарак* — смола, вытекающая из хвойных деревьев Африки.

Рассказ о Маруфе-башмачнике

Стр. 581. *Кунафа* — сладкое блюдо из муки, миндаля, орехов и меда в виде вермишели.

Стр. 584. *Высший двор* (точнее: «Высшие врата») — здесь — суд.

Абу Табак — букв.: «отец закрывания» — тюремщик.

Стр. 592. ...*не пришла ни поклажа, ни жгучая чума*. — То есть нет ни каравана с грузом, ни смерти.

Стр. 593. *Ашаб* — мединский актер VIII в., которому приписываются различные шутки и анекдоты и который прославился скупостью до такой степени, что имя его вошло в пословицу, как символ крайней жадности.

СОДЕРЖАНИЕ

И. М. Фильштинский. Замечательные памятники народной словесности.....	3
Рассказ об Ала ад-Дине Абу-ш-Шамате.....	23
Повесть об Ардешире и Хайят ан-Нуфус.....	87
Сказка о Бадр Басиме и Джаухаре.....	144
Сказка о Нур ад-Дине и Мариам-кушачнице.....	191
Сказка о Джиллиаде и Шимасе.....	284
Рассказ об Ибрахиме и Джамиле.....	380
Сказка о Камар аз-Замане и жене ювелира.....	402
Рассказ об Абдаллахе ибн Фадиле.....	455
Сказка об Абу Кире и Абу Сире.....	498
Сказка об Абдаллахе земном и Абдаллахе морском.....	528
Сказка о персидском враче.....	549
Рассказ о Маруфе-башмачнике.....	580
Рассказ о царе Шахрияре и Шахразаде (заключение).....	630
Примечания.....	632

М 29 Маруф-башмачник: Избранные сказки, рассказы и повести из «Тысячи и одной ночи»: Пер. с араб. М. А. Салье / Сост., вступ. ст. и прим. И. М. Фильштинского; Ил. Н. А. Ушина. — М.: Правда, 1986.— 640 с., ил.

«Среди великолепных памятников устного народного творчества,— писал А. М. Горький,— «Сказки Шахразады» являются памятником самым монументальным. Эти сказки с изумительным совершенством выражают стремление трудового народа отдаться «чарованию сладких вымыслов», свободной игре словом, выражают буйную силу цветистой фантазии народов Востока — арабов, персов, индусов...»

Книга предназначена для взрослого читателя.

М 4703000000—1169 1169—86
080(02)—86

84(0)9

МАРУФ-БАШМАЧНИК
ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ, РАССКАЗЫ,
ПОВЕСТИ

Составитель
Исаак Моисеевич Фильштинский

Редактор
Л. М. Кроткова

Оформление художника
Р. Р. Вейлерта

Художественный редактор
Н. Н. Каминская

Технический редактор
Т. С. Трошина

ИБ 1169

Сдано в набор 20.09.85.
Подписано к печати 14.04.86.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Эксельсиор». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,60. Усл. кр.-отт. 34,02. Уч.-изд. л. 34,03.
Тираж 500 000 экз. (5-й завод: 400 001—500 000 экз.).
Заказ №5083. Цена 3 р. 20 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в Ордена Трудового Красного
Знамени типографии издательства
Куйбышевского обкома КПСС, 443086,
г. Куйбышев, проспект Карла Маркса, 201.

Уважаемые товарищи!

С 1974 года организован сбор макулатуры с одновременной продажей популярных книг отечественных и зарубежных авторов.

Применение макулатуры для производства бумаги дает возможность экономить остродефицитное древесное сырье, значительно уменьшить расходы по производству бумаги.

Использование одной тонны макулатуры позволяет получить 0,7 тонны бумаги или картона, заменить 0,85 тонны целлюлозы или 4,4 кубического метра древесины. Кроме того, при этом берегаются леса нашей Родины, чистота ее рек, озер, воздушного пространства.

Сбор и сдача макулатуры — важное государственное дело.

*Сдавайте макулатуру
заготовительным организациям!*

ВТОРМА **СОЮЗ
ГЛАВ
ВТОР
РЕСУРСЫ**